МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

195866

Часть сорокъ вторая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1831.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 7 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

SLOVANSKÁ KNIHOVNA V PRAZE
1831, № 21-24
195866
Digitized by Google

№ 21 *Ноябрь.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУСКАГО ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ 1829 ГОДУ.

I. *Парижъ.* Я въѣхалъ въ него ночью, и первое впечатлѣніе, столь драгоцѣнное путешественнику, для меня пропало; я старался вознаградить его, ловя съ жадностью потомъ всѣ черты разнообразной физіогноміи Парижа. Онъ соединяетъ въ себѣ характеры почти всѣхъ Европейскихъ городовъ, которые удалось мнѣ видѣть: Москва не превосходитъ его обширностью; Вѣна кривизною улицъ; правильностью и чистотою равняется онъ съ Петербургомъ; въ грязи не уступитъ Одессѣ; въ иныхъ частяхъ зелень и сады, какъ въ вольныхъ городахъ Германіи; въ другихъ накопленные памятники глубокой древности; тамъ монументъ побѣды, превосходящій монументы Римскіе — и столь-же богатый славою; здѣсь роскошь Азіи, вкусъ Гре-

Digitized by Google

ции, своенравное воображеніе Арабовъ, безвкусіе Феодализма, прелесть Италіи. Эти понятія о Парижѣ, которыя собралъ я бродя по его длиннымъ улицамъ, понесъ я съ собою на вершину колонны Вандомской: съ нея, вся столица Франціи, съ цвѣтущими окрестностями, представляется панорамически, или, по Русскому выраженію, *какъ на ладони*. Подо мною пространство, равное пространству, занимаемому Москвою; зданія чернѣютъ, какъ скалы, ибо домы втрое выше а дворы вчетверо тѣснѣе Московскихъ; кривизною и тѣснотою улицъ обѣ столицы поспорятъ, но въ темнотѣ и нечистотѣ — Парижскимъ должно отдать преимущество. Я вообще люблю сравненія, почитая ихъ лучшимъ способомъ дать понятіе объ описываемомъ предметѣ, и ни въ какомъ случаѣ не пропущу сравненія *патріотическаго*. Со всѣмъ тѣмъ, ни какъ не могу поставить въ одинъ разрядъ величаваго Ивана Великаго и почтенную подругу его, Сухареву башню — съ великолѣпнымъ бронзовымъ пьедесталомъ Наполеоновой статуи, на которомъ теперь стоимъ мы, т. е. *я* и *зыбкое знамя лилій*! Читатель! прими все это за предисловіе: вотъ тебѣ Парижъ.

Римляне называли его *Лютеціею*; извѣстно, что въ немъ едва не умеръ отъ угара Юліанъ Отступникъ, который послѣ былъ украшеніемъ Римскаго престола, и погибъ, какъ герой, въ

Digitized by Google

Азіи. Въ Среднихъ вѣкахъ, Парижъ утратилъ свое Римское названіе, и принялъ нынѣшнее, котораго этимологія потеряна. Предѣлы Парижа долго не переходили границъ острова, и теперь еще называемаго: *La Cité*. Но я не хочу писать Исторіи Парижа, ибо она, со всѣми подробностями, находится въ огромныхъ томахъ Дюлора, и удовольствуюсь только очеркомъ физіогноміи. Начнемъ съ *Cité*, по старшинству, *первой* части города. Тамъ еще старые домы, высокіе, тѣсные и безобразные; улицы узкія, грязныя, темныя и сырыя; закоулки, называемыя *площадями*; наконецъ, старинная, великолѣпная, готическая соборная церковь Богородицы Парижской (*Notre-Dame*), основанная на развалинахъ храма Бахусова, съ двумя рѣзными и недокончанными башнями. Теперь, видъ острова, сохраняя еще упрямо черты запачканной старины, ежедневно измѣняется, и скоро догонитъ прочія части города. Уже деревянные, застроенные домами, мосты замѣнились каменными, и хотя еще сторожъ Палаты Правосудія показываетъ погреба, называемые *кухнями Св. Людовика*, но это зданіе, своею наружностію и раззолоченною рѣшеткою, напоминаетъ скорѣе безвкусіе богатаго XIX-го столѣтія, нежели варварство Среднихъ вѣковъ. Нагой Дезэ, убитый подъ Маренго, и поставленный въ

Digitized by Google

сей части города Консуломъ Бонапарте — настоящій республиканецъ!

Южный берегъ Сены, заселенный прежде сѣвернаго, любимое жилище Французской аристократіи, гнѣздящейся въ предмѣстіи Св. Германа (faubourg de St. Germain), сохранилъ готическую наружность. Тамъ встрѣчаешь самые древніе памятники Парижа: развалины дворца Юліанова, въ погребу бондаря; они окружены лабиринтомъ грязныхъ улицъ. Тамъ сѣдая Сорбонна, лишенная гроба Ришельё, какъ будто ругается еще просвѣщенію: ей перевѣсомъ служатъ университеты и училища, гдѣ кипитъ страстное къ образованію юношество. Тамъ древняя безобразная церковь St. Germain des prés (*Св. Германа въ лугахъ*); кабинетъ древностей Французскихъ, въ стѣнахъ прежняго Августинскаго монастыря (это кладбище памятниковъ), и церковь Іезуитовъ. На этой-же сторонѣ большая часть больницъ и, вѣроятно, ни въ одной столицѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ Парижѣ. Вся эта половина города грязна и вонюча; улицъ ея не льзя назвать *общимъ добромъ*, но скорѣе ни кому не принадлежащимъ, ибо ни кто объ нихъ не хлопочетъ. Но посреди сей копоти вѣковъ, съ удовольствіемъ останавливается взоръ на Дворцѣ Люксанбургскомъ, лучшемъ произведеніи Зодчества, при возрож-

Digitized by Google

деніи Искуствъ во Франціи. Въ жилищѣ Маріи Медицисъ и Директоріи теперь бываетъ знаменитое собраніе Перовъ Франціи.

Садъ Люксанбургскій обширенъ и прекрасенъ. Въ перспективѣ возвышается, болѣе красивое, нежели полезное, зданіе Обсерваторіи. Возлѣ *Одеонъ* отличается своимъ благороднымъ фасадомъ. Посрединѣ небольшой площадки, расчищенной съ большими усиліями, возносятся величественные портики Св. Сульпиція, съ разнородными башнями. На берегу Сены, противъ Сенскаго моста, находится извѣстный ботаническій садъ, снова названный Королевскимъ; на противоположной сторонѣ, также по Сенѣ, въ густой зелени, Дворецъ Инвалидовъ, съ богатымъ куполомъ. На единственномъ холмѣ Парижа, въ концѣ кривой улицы Св. Іакова, противъ безъименнаго переулка, какъ мысль ясная въ Романтической поэмѣ, возвышается благородный Пантеонъ, съ просторнымъ портикомъ, и съ куполомъ, окруженнымъ колоннадою. Весь старый Парижъ обнесенъ бульварами, за коими прямыя и правильныя улицы новыхъ частей; тамъ красивыя заставы замыкаютъ городъ; за ними длинныя предмѣстія, которыя, вѣроятно, скоро включатся въ Парижъ. У *Адской* заставы находится входъ въ катакомбы. Берегъ Сены унизанъ великолѣпными обществен-

Digitized by Google

ными зданіями: Институтъ, построенный Мансаромъ, соотвѣтствуетъ Лувру, и почтенъ своею стариною: Наполеонъ называлъ его Институтомъ четырехъ народовъ. Домъ Почетнаго Легіона отличается вкусомъ, какъ почти все, построенное Наполеономъ; Палата Депутатовъ (Дворецъ Бурбоновъ), замаскированная Греческимъ фасадомъ, сохраняетъ свою монументальную физіогномію: ея портикъ, убранный барельефомъ и статуями, достойно возвѣщаетъ храмъ правъ народныхъ, — но богиня Свободы только въ барельефѣ. Ожидалъ-ли faubourg de St. Germain этого сосѣдства! Такова смѣсь, царствующая въ южной части Парижа. Вообще въ ней много палатъ (hôtels), мало магазиновъ, мало фонтановъ, рѣдки базары; внутри домы великолѣпны, а снаружи неопрятны; общественныя зданія отличаются, или пышностью, или безобразіемъ.

Сѣверная часть Парижа заселилась гораздо позднѣе; ее полюбили Короли, и вскорѣ украсили великолѣпнымъ Лувромъ и роскошнымъ Тюльери, котораго садъ почти соединяется съ Елисейскими полями: такъ названа роща, находящаяся посреди Парижа. Улицы: Риволи, Мира, Кастильоне, площади: Вандомская и Карусельная, обязаны своимъ полезнымъ великолѣпіемъ высокому вкусу и гигантскимъ способамъ

Digitized by Google

Наполеона. На бульварахъ всѣ театры, вся дѣятельность и роскошь Парижа. Старинные кварталы, гдѣ невозможно выпрямить улицъ, пересѣкаются блестящими *пассажами*. Почти на всѣхъ улицахъ живое *общественное*: на каждомъ шагу блестящія лавки, роскошные магазины, мраморные фонтаны, бронзовые монументы. Архитектура старыхъ зданій, особенно церквей, Итальянская; новыя напоминаютъ блестящія времена Греціи и Рима. Здѣсь славная колоннада Луврская; цѣлую площадь покрывающій куполъ Хлѣбнаго рынка; лѣсъ колоннъ, окружающихъ Биржу; величественные портики церкви Св. Магдалины, нѣкогда названной *храмомъ славы*; очистительный памятникъ Людовику XVI-му, и многія другія зданія, которыми справедливо гордится Парижъ. Замѣтьте, что всѣ эти строенія изъ дикаго камня, и почти всѣ произведеніе Французскихъ Архитекторовъ. Архитектура частныхъ домовъ красивая и простая; не встрѣтишь тысячи колоннъ, ничего не поддерживающихъ, ни карманныхъ портиковъ. Жаль одного, что *мансарды* не только безобразятъ старинныя зданія, но являются иногда еще и на новыхъ. Улицы освѣщаются здѣсь не фонарями, но магазинами, которые находятся въ каждомъ домѣ, во всѣхъ *пассажахъ*, а посрединѣ города стоитъ несравненный Пале-Рояль — базаръ Европы! Дворы домовъ маленькіе, но чистые;

Digitized by Google

улицы еще грязны; въ новыхъ однакожъ и чистота и тротуары.

Сена, небольшая, довольно быстрая рѣчка, блестящею полосою пробирается сквозь зелень садовъ и темныя груды зданій; посрединѣ города есть на ней нѣсколько острововъ. Множество каменныхъ, желѣзныхъ и деревянныхъ мостовъ, легкихъ и красивыхъ, соединяютъ оба берега и острова между собою.

Сѣверная сторона Парижа обнесена цѣпью холмовъ, которые зеленью, садами, башнями, мѣльницами и селами, составляютъ ей великолѣпную раму. Замѣчательнѣйшіе: Сенъ-Шомонъ и Монмартръ, гдѣ Русскія пушки отмстили пожаръ Москвы, и уничтожили могущество Наполеона.

Еще много въ Парижѣ памятниковъ старины, и нѣкоторые сохраняются съ большимъ тщаніемъ. Таковы: безобразная и безполезная башня дю-Шателе и церковь St. Germain l'Auxerrois, колоколъ, который возвѣстилъ Франціи ночь Св. Варѳоломея. Низенькое, закопчѣлое зданіе этой церкви находится противъ самой колоннады Лувра, и портитъ всю площадь; мудрено, какъ она уцѣлѣла въ Революцію, разрушившую столько церквей въ Парижѣ! Но Тампль, ненавистный Бурбонамъ, и Бастилію, столь-же ненавистную народу, срыли до основанія; на

Digitized by Google

мѣстѣ послѣдней спящаго фонтана Слона. Вообще, судя по вкусу, нынѣ царствующему, и по пристрастію къ Грекамъ, которое еще не остыло съ Революціи, наружность Парижа скоро будетъ походить на Аѳинскую.

Вотъ неподвижныя черты физіогноміи Парижа, которыя легко схватить. Но какъ описать безпрестанный шумъ и движеніе дѣятельнѣйшаго народа въ мірѣ, оживляющіе эту физіогномію? Поутру еще довольно тихо, но къ вечеру все всколыхивается: волны свѣтлаго газа, отражаемыя огромными стеклами магазиновъ, разливаютъ по улицамъ блескъ ослѣпительный; *неумолкная*, пестрая толпа шумитъ на бульварахъ, на площадяхъ, въ пассажахъ, въ садахъ, подъ аркадами Риволи, или Пале-Рояля; тысячи быстрыхъ кабріолетовъ стремятся по многочисленнымъ улицамъ. Тамъ тяжелые *фіакры*, или огромные *омнибусы*, тянутся по бульварамъ; тамъ крикуны, продавцы, фигляры, далѣе солдаты, прелестницы, масперовые — все шумитъ, волнуется, спѣшитъ; однимъ словомъ: всякій городъ послѣ Парижа покажется пустынею.

II. *Журналы.* Говорятъ, что кто хочетъ наслаждаться совершеннымъ блаженствомъ въ Парижѣ, тому надобно имѣть не болѣе 25 лѣтъ, и не менѣе 25 т. рублей дохода. Мнѣ болѣе

Digitized by Google

25 лѣтъ, и у меня гораздо менѣе 25 т. дохода, слѣдовательно: мнѣ надобно искать не тѣхъ удовольствій, которыя составляютъ счастье 25-ти лѣтняго 25 тысячника. Въ наше время, въ 30 лѣтъ живутъ не сердцемъ, а головою; любопытство, одна изъ побудительныхъ причинъ моего путешествія, всегда было моею слабостью, и часто доставляло мнѣ много невинныхъ удовольствій, а иногда и безпокойства. Любопытство влекло меня съ степей Задонскихъ въ гранитный Петербургъ, и на берега Чернаго моря, а изъ мазанокъ Бессарабіи повело въ громадный Парижъ. Но теперь онъ одинъ долженъ занимать насъ. Бросивъ взглядъ на его наружность, мнѣ хотѣлось узнать его внутренность; послѣднее было, или казалось, очень труднымъ, мнѣ, человѣку, не имѣющему ни знакомыхъ, ни связей, ни даже рекомендательныхъ писемъ — сей пошлой подорожной всѣхъ путешественниковъ, и которыхъ я никогда терпѣть не могъ. Сойдя съ Вандомской колонны, я не зналъ: что мнѣ дѣлать, куда идти, что смотрѣть, какъ узнать, что дѣлается въ неизмѣримомъ Парижѣ? Москва не болѣе его, а Замоскворѣцкія новости доходятъ только на третій день въ Англійскій Клубъ. Кофейный домъ, блестящій золотомъ и зеркалами, привлекъ мое вниманіе; я вошелъ въ него; множество людей, съ шляпами на головахъ,

Digitized by Google

сидѣли за мраморными столиками, съ чашками, и читали Журналы. Въ одномъ углу залы, на бархатныхъ креслахъ, похожихъ на тронъ, сидѣла за конторкою, разряженная, какъ на балъ, хозяйка кофейнаго дома. Я спросилъ чашку и Журналы; послѣднихъ подали мнѣ кипу. Журналъ Путешественниковъ подробно разсказалъ мнѣ, что любопытнѣйшаго, въ какой день и часъ, посредствомъ чего и кого, должны смотрѣть, и могутъ видѣть путешественники. Журналъ Театровъ удовлетворилъ меня на счетъ пьесъ, которыя нынѣшній день играютъ: изъ 12 театровъ и, по крайней мѣрѣ, 40 пьесъ, комическихъ, трагическихъ, оперъ, балетовъ, конскихъ ристалищъ, я могъ выбирать любое: затрудненіе только въ выборѣ! Журналы литтературные могли мнѣ дать понятіе о всѣхъ ново-вышедшихъ произведеніяхъ Французской Словесности, и даже по два понятія на каждый предметъ; но я ихъ не рѣшился читать. Журналы политическіе, изъ которыхъ шесть главныхъ, представляли мнѣ занимательную борьбу мнѣній. Съ перваго взгляда я замѣтилъ въ нихъ двѣ странности: первое то, что рѣчь одного и того-же Депутата, въ разныхъ Журналахъ, казалась разною, и что съ Журналами обыкновенно подавалась брошюрка, довольно толстая книжка, наполненная отрывками: мнѣ сказали, что въ книжкѣ напечатаны всѣ мѣста, вычерк-

Digitized by Google

нутыя Цензурою, подъ гнетомъ которой находились при мнѣ, въ силу Хартіи, Журналы. Эта простая выдумка Журналистовъ избѣгать Цензуры, покоряясь закону, объяснялась имъ, что на книги нѣтъ Цензуры, и дѣло стоило только лишнихъ издержекъ горячимъ Журналистамъ. Множество мелкихъ Журналовъ извѣщаетъ публику о необыкновенныхъ происшествіяхъ, случающихся въ Парижѣ и во всей Франціи. И за удовольствіе все знать, Парижскіе Журналы не заставляютъ читателя рыться въ ихъ взаимной перебранкѣ. Жадность, съ которою Французская публика читаетъ Журналы; ревность сихъ послѣднихъ, и ненависть къ нимъ Министровъ, заставили меня обратить особенное на нихъ вниманіе, и внушили желаніе познакомиться съ Журналистами. Случай скоро представился. Въ 12 часовъ утра, я пришелъ къ Редактору *Энциклопедическаго Обозрѣнія* (Revue Encyclopédique). Въ обширномъ кабинетѣ, передъ каминомъ, сидѣлъ въ Вольтеровскихъ креслахъ довольно свѣжій и живой старичекъ; на головѣ у него была фуражка, которую онъ приподнималъ, для всякаго вновь входящаго, извинялся нездоровьемъ, и опять накрывался. Потомъ сыпались отъ него привѣтствія, приглашеніе сѣсть, и просьба о дозволеніи заняться своимъ дѣломъ. Въ этотъ день оно заключалось въ пріемѣ просителей, и всѣхъ имѣ-

Digitized by Google

ющихъ нужду до Журналиста. Сочинители, актёры, путешественники, прожектёры, безпрестанно входили и выходили; Секретарь, изъ близъ лежащей канцеляріи, приносилъ бумаги, которыя Журналистъ подписывалъ, нечитавши. Всякаго просителя увѣрялъ онъ въ готовности служить ему тѣломъ и душею. Я также былъ съ просьбою о билетѣ, на какое-то публичное зрѣлище, и, въ ожиданіи отпуска, разсматривалъ комнату. Въ высокихъ шкафахъ краснаго дерева помѣщалась тутъ библіотека; длинные столы укладены были новыми брошюрами и сочиненіями; на бюро лежала вновь вышедшая книжка Журнала. Новыя, литографическія и литохромическія таблицы, карты, портреты великихъ людей, мертвыхъ и живыхъ, также и минутныхъ любимцевъ публики, изображенія уродовъ, или привезенныхъ чудовищъ, въ рамкахъ и свиткахъ, заваливали углы, или висѣли по стѣнамъ. Журналистъ, въ продолженіе моего обзора, распрашивалъ, или разсказывалъ новости, ругалъ свою собратью, и пилъ воду съ сахаромъ, превознося физическіе и нравственные труды свои для блага Франціи, для пользъ человѣческаго рода; онъ молчалъ о своемъ карманѣ. Въ 4 часа кабинетъ Журналиста запирается; раскланиваясь, я получилъ приглашеніе на обѣдъ журнальный, который дается разъ въ мѣсяцъ, при выходѣ въ свѣтъ книжки.

Digitized by Google

На другой день собрались мы, въ пять часовъ по полудни, въ назначенный для сего обѣда трактиръ. При входѣ заплатили деньги, и вписали свои имена въ книгу. Въ залѣ, между многочисленными гостями, отличались Казимиръ Делавинь и Карлъ Дюпенъ. Первый, лѣтъ сорока, съ некрасивымъ лицомъ, и тусклыми, косыми глазами, ни сколько не возвѣщаетъ своею наружностью *перваго* поэта Франціи, котораго въ Россіи почти не читаютъ, и ставятъ потчасъ послѣ Ламартина. Дюпенъ малъ ростомъ, сухощавъ; лицо у него блѣдное, выраженіе сухое и холодное; глаза впалые, но свѣтлые; онъ депутатъ, инженеръ и статистикъ, членъ Оппозиціи, любимецъ народа, учитель дѣтей Герцога Орлеанскаго, членъ почти всѣхъ Европейскихъ Академій, участникъ сотни Обществъ и профессоръ Геометріи для ремесленниковъ. Ожидали Лафаэта, но онъ не пріѣхалъ. Послѣ обѣда, Редакторъ Журнала, и потому хозяинъ, или президентъ, читалъ намъ стихи, и говорилъ привѣтственную рѣчь посѣтителямъ; въ послѣдней замѣтилъ онъ, что наше общество состояло изъ двѣнадцати различныхъ народовъ, и безъ Французскаго языка могло-бы служить представителемъ Вавилонскаго столпотворенія. Наконецъ, десятилѣтній Сивори, съ лицемъ Ангельскимъ, съ выраженіемъ генія въ черныхъ гла-

Digitized by Google

захъ, пылающихъ огнемъ Ишаліи, восхищалъ собраніе своею скрыпкою.

Энциклопедическое Обозрѣніе занимается только обзоромъ литтературныхъ сочиненій, цѣлаго свѣта, и особенно Французскихъ, о которыхъ даетъ всегда умные, блестящіе, *часто* дѣльные, *иногда* безпристрастные разборы. Надъ нимъ трудятся весьма извѣстные литтераторы и ученые, которыхъ имена всегда выставлены на синей его обверткѣ. Планъ его, что показываетъ и названіе, обширный; продолжительное существованіе, и Европейская извѣстность, которою онъ пользуется, доказываютъ его успѣхи. Долго R. E. былъ одинъ въ своемъ родѣ; но теперь, и славу, и вліяніе, и прибыль, отбиваетъ у него Bulletin Universel, издаваемый Ферюсакомъ. Планъ сего послѣдняго Журнала еще обширнѣе; онъ назначается, или обѣщаетъ быть полною Энциклопедіею всѣхъ наукъ, и даже мнѣній. R. E., по существу своему, долженъ заниматься одною Литтературою; но безъ политическаго цвѣта его никто-бы читать не сталъ, и для пользъ самой Литтературы поставили ее на вторую степень, въ ея собственномъ Журналѣ. R. E. теперь, такъ-же какъ почти всѣ второстепенные Журналы, рѣшительный противникъ Министерства, и открытый поборникъ *лѣвой* стороны, которая притѣснена, но, по

Digitized by Google

видимому, скоро восторжествуетъ. Въ какомъ-бы другомъ мѣстѣ, кромѣ Парижа, названіе Журналовъ *Энциклопедическаго* и *Всеобщаго* не показалось смѣшнымъ?

(Продолженіе — можетъ быть).

О ВЕЛИКИХЪ.

Въ Москвѣ знаютъ безошибочно, что такое *большая* пушка, *большой* колоколъ и Иванъ *Великій*; но въ однѣхъ-ли знаютъ столицахъ, что такой *большой*, и кто *великій* человѣкъ?

Большаго человѣка можно увидѣть не въ большомъ городѣ, а въ какомъ нибудь городкѣ, или мѣстечкѣ. Его узнаешь по особой выступкѣ, по раздачѣ холодныхъ поклоновъ, или по палкѣ, какъ онъ ею подпирается, или по окладистой бородѣ, если есть она. Въ большихъ городахъ, напротивъ, не бываетъ большихъ людей; многочисленная значительность приводитъ всѣхъ въ какія-то уравненія.

Не такъ-то скоро встрѣтишься съ *великимъ* человѣкомъ. О немъ услышишь не во всякомъ народѣ, и не въ каждомъ вѣкѣ.

Digitized by Google

Есть языки недостаточные, гдѣ слово *великій*, расточается на бездѣлицы, или на должности обыкновенныя. Счастье наше, что богатство языка спасаетъ насъ отъ подобной нищеты и униженія словъ.

Когда мореплаватель, обогнувъ мысъ Горнъ, въ первые, сверхъ чаянія, увидѣлъ не Ость-Индію, и не Китай, а необозримое море, онъ, какъ-бы отъ изумленія, назвалъ его *Великимъ Океаномъ*, хотя Атлантическій, въ соединеніи съ Тихимъ моремъ, обширнѣе и потому уже, что меньше усѣянъ островами. Не бывало-ли того-же съ народами, когда доводилось нехотя называть *Великимъ* того, кто врасплохъ ихъ перепугаетъ?

Что-жь такое историческая великость? Долговременный-ли подвигъ въ добродѣтеляхъ мирныхъ? Усиліе-ли въ открытіи всемірныхъ истинъ нравственности человѣчества? Или усиліе въ открытіи всемірныхъ законовъ безпредѣльной природы? Признаемся, къ чести человѣка, что есть и были теплыя души, которыя умѣли и умѣютъ чувствовать величіе мужей съ подобными заслугами; но общій смыслъ не ратификуетъ восторговъ уединеннаго приговора. Потому-то Сократъ и Исаакъ Ньютонъ живутъ среди вселенной, съ своими именами.

Здѣсь, можетъ быть, кстати припомнить,

Digitized by Google

что Богдыханъ Кан-хи, когда хотѣлъ изъявить почтеніе Ньютону, велѣлъ, говорятъ, надписать на кувершѣ посланія два только слова: *Ньютону въ Европѣ*. Если это правда, можно-ли лучше Маньчжура почувствовать, и лучше высказать, великость человѣка, постигнувшаго общій законъ всего мірозданія?

Не хотите-ли привести себѣ на память, какъ сама Исторія сбивается въ наименованіи Великихъ?

Она называетъ безъ классификаціи Великими Карла, увѣковѣчившаго свое имя въ одномъ племени Франковъ, и Альфреда, изъ заболотныхъ засѣкъ явившагося, и Оттона Саксонскаго Дома, и Петра нашего, и Фридриха II-го, современника безсмертной Екатерины. Какой-же размѣръ для той и другой великости, вовсе не равной, вовсе не сходной, ни въ намѣреніяхъ, ни въ средствахъ, ни въ послѣдствіяхъ?

Карлъ Великій выдержалъ 40 слишкомъ битвъ прошивъ варваровъ (почему знать: больше-ли или меньше въ сравненіи съ Тимуръ-Ханомъ); подчинилъ, на коротkое время, своему владычеству нарочитое пространство земель; съ помощію Римскаго Епископа основалъ какое-то училище въ палатахъ для своей семьи и приближенныхъ; искалъ и не нашелъ способовъ

Digitized by Google

упрочить свою державу, потому, что вскорѣ за выносомъ его гроба вездѣ въ народахъ оказалось разномысліе, вездѣ цѣлое распадывалось большими звѣньями. Шаркнулъ вѣкъ — и имя Карловинговъ и память единодержавія Карлова пришли въ забвенье. Не большой-ли это корабль проплылъ по Океану? Все равно, большой или малый; но когда не умѣлъ водрузить осуществленія своего плаванія, когда мѣста, такъ сказать, *релашей*, сдѣлались впослѣдствіи безвѣстными, и когда грядущимъ поколѣніямъ не осталось ничего, кромѣ лоскутковъ и приказовъ, кое-гдѣ отысканныхъ — я не знаю, что тутъ великаго (*)?

(*) Знаменитый Гизо, съ натяжкою поддерживая призракъ великости Карловой, отвѣчаетъ сомнѣвающимся, что не все пропало, и изъ развалинъ-де произошли многія Королевства. Читатель могъ-ли и думать, что послѣ Карла всему надлежало какъ-бы провалиться? Читатель ищетъ цѣлаго, ищетъ наслѣдія послѣ Великаго, и не находитъ.

У Г. Гизо не разъ замѣчены мною натяжки. Онъ представляетъ то происхожденіе *Общинъ* (communes) очень давнимъ, и будто-бы думаннымъ, то смятеніе Англіи противъ самодержавія Карла I-го силою народной смѣлости. Изъ его же Исторіи легче доказать противное. Не народъ, а пропаганда партіи, въ подобныя эпохи заправляетъ дѣломъ. *С.*

Digitized by Google

Альфредъ (Эльф-редъ), злополучіемъ наставленный въ любви къ народу, (когда и самый народъ тѣмъ-же суровымъ наставникомъ принужденъ былъ внять призыву Альфреда), мужественный Альфредъ, съ гиѳарою въ рукѣ, и съ припѣвами, не чужими для уха воинственныхъ бродягъ, плѣняетъ станъ Дацчанъ, плѣняетъ и обозрѣваетъ его, дабы вѣрнымъ ударомъ очистить отъ налетныхъ коршуновъ небольшой уголокъ южной Англіи. Благородное усиліе, среди отчаяннаго возстанія увѣнчавшееся, конечно стоящъ исторической памяти; но широкали была отрада, при общемъ стонѣ Англіи и Шотландіи? Она была, чтобъ не солгать, мѣстна, ограниченна, какъ и звучность Альфредовой цѣвницы. Одно, что есть плѣнительнаго путъ для души задумывающейся, одно то припоминаемъ, что народы Цельтическаго и, вѣроятно, Славянскаго происхожденія, въ старые вѣка, жили въ тихой семейной гармоніи, въ веселомъ духѣ и въ растобарахъ, пока не столкнулись съ бурными Нордманнами, подобно какъ народы древне-Азійскаго міра провожали болѣе время въ патріархальномъ радушіи и гостепріимствѣ, пока не возмутили ихъ Карлы, Александры и Римляне. Но удержимся отъ безвременныхъ сѣтованій, дабы успѣть что нибудь молвить и о великости прочихъ.

Digitized by Google

Оттонъ отнялъ у Византіи безсильной двѣ области въ Италіи, не надолго залучилъ санъ Императорства въ свой домъ, и еще кое-что сдѣлалъ. Такъ пространно было разстройство или паденіе міра, что и это почтено дивомъ, великостію.

Въ самомъ дѣлѣ смѣшавшійся міръ такъ разладился, такъ исковеркался, что если на заплѣсневѣлыхъ развалинахъ и являются индѣ событія поразительныя, являются уже подъ хоругвями новыми, небывалыми. Смотришь на хлопоты, на дрязги народовъ, смотришь даже на успѣхи ихъ и не домыслишься, что сказать о судьбахъ человѣчества, пока не запестрѣютъ на океанахъ флаги Васки де-Гамы и Коломба, пока не взойдутъ надъ головами три большія свѣтила: Коперникъ, Галилей и Кеплеръ.

Вотъ несравненные мужи, которые, если не перебили у могущества единоторжія славою, по всей справедливости раздѣлили почтеніе и соревнованіе человѣческое. Съ сей эпохи и великаны политическіе пріобрѣтаютъ уже высокое имя не просто ударами огромной массы, не обширностію побощъ, а ученымъ напряженіемъ силъ за дѣло отечества, или союзовъ. Да, пробудившійся разумъ завидѣлъ, хотя и не скоро, отдаленную свою мишень.

Оставимъ искусству надувать пузыри въ пу-

Digitized by Google

спошахъ историческихъ, и сами придвинемся къ героямъ. Ужели меньше Фридриха II-го сдѣлали Густавъ Адольфъ и Карлъ XII? Но какъ они отстали отъ Фридриха въ славѣ и имени! Впрочемъ, едва-ли не правда, что защитникъ Силезіи, при всей тактической разсчетливости, спасся отъ бѣды благопріятною для него кончиною Елисаветы; едва-ли не правда и то, что нѣсколько блеска придали его имени писатели и философы, которыхъ умный герой ласкалъ, не меньше какъ и своихъ комнатныхъ животныхъ; но конецъ счета тотъ, что онъ, съ обдуманною твердостію, обезопасилъ отечество отъ коалиціи, какъ ни холодна и нескладна была коалиція. Почему борьба за отечество, и прославленіе отечества превосходствомъ ума, при умѣренности благородной, не кичливой, есть и будетъ классическимъ выраженіемъ величія.

Этой истины, кажется, не чувствовали въ древнемъ мірѣ. Кто можетъ тягаться съ Аннибаломъ въ превосходствѣ военнаго ума, или въ побѣдномъ торжествѣ съ Александромъ? Чѣмъ-же кончилась шумная ихъ жизнь? Былью безплодною. Не о томъ говорю, что у классическихъ народовъ не было спѣси дарить своихъ героевъ идеальнымъ именемъ Великаго, такъ, какъ стиль тогдашняго честолюбія сосноялъ

Digitized by Google

въ присвоеніи стапистическаго прозванія, гдѣ, или надъ кѣмъ одержана побѣда; но говорю о мудрой умѣренности, каковой недоставало у древнихъ побѣдителей. Что-жъ касается до прозванія идеальнаго, не знаю какъ-то посчастливилось одному Помпею быть названу Великимъ, подобно какъ Принцу Конде, черезъ XVIII вѣковъ, хотя при всей высокости обоихъ характеровъ, титло величія подернулось у ихъ современниковъ чернымъ трауромъ. Оно, какъ дѣло щекотливое, иногда кладется, на судѣ славы, подъ сукно.

Ужели только и были-бы два Великихъ не въ порфирахъ? Не въ гнѣвъ однакожъ Исторіи, изъ подчиненныхъ рядовъ, мало великихъ характеромъ и умомъ попалось подъ ея рѣзецъ, потому что для ознаменованія ихъ нужно счастливое положеніе. Олимпійскій Юпитеръ Фидіаса не такъ-бы поражалъ Грецію, безъ подножія.

Бросимъ слова два, или три, о притязаніяхъ. Были писатели, которые, убѣждаясь многими полезными учрежденіями Людовика XIV-го и благимъ намѣреніемъ Іосифа II-го, хотѣли, въ свое время, вписать ихъ въ каталогъ Карла и Оттона. Странно! какъ будто нѣтъ другихъ наименованій, больше приличныхъ, и не меньше драгоцѣнныхъ для памяти человѣческой! Это

Digitized by Google

припоминаетъ офицерскую остроту одного иностранца, который видѣвъ Монархиню, прозорливую, благодѣтельную, рѣшительную, вздумалъ называть ее le grand. Ужели не прелестнѣе слышать, какъ Титъ остался навсегда слыть утѣхою народною, или какъ именемъ Антонина гордились многіе владыки Рима? Всякое имя будетъ прекрасно, если съ выговоромъ его навѣваются прекрасныя воспоминанія. Для чего имя Екатерины, имя Александра Благословеннаго пріятно отдается въ ухѣ Русскомъ? Для того что Она и Онъ завѣщали въ наслѣдіе уму и сердцу Рускихъ любовь къ славѣ народной, къ просвѣщенію, къ промышленности.

Между тѣмъ, не льзя не пожалѣть, какъ скоро измѣняются понятія, въ разсужденіи людей необыкновенныхъ — скорѣе иногда, чѣмъ изъ поколѣній въ поколѣніе, притомъ не изъ пристрастія, а изъ благороднаго превозможенія надъ господствовавшими чувствованіями. Такъ, напримѣръ, того, въ комъ Европа, за нѣсколько лѣтъ, съ отчаяніемъ зрѣла непримиримаго врага благоденствія народовъ просвѣщенныхъ, того вздумалось нѣкоторымъ судьямъ производить въ Великаго, какъ будто съ прославившимъ ужасомъ чудесно кристаллизуется имя распространявшаго по землѣ гибель и опустошеніе! Нѣтъ, не этого отклика во дни

Digitized by Google

просвѣщенія и общей гражданственности стоитъ Наполеонъ въ потомствѣ Человѣчества, и въ потомствѣ своихъ даже соотечественниковъ! Память Бонапарте конечно драгоцѣнна для Франціи, драгоцѣнна (скажемъ со словъ Французскаго Историка) только въ томъ смыслѣ, что онъ придавилъ внутри бѣшенство междоусобія, и примирилъ Философическую Революцію съ общимъ порядкомъ; но когда, не уважая торжественныхъ трактатовъ, которые у него заключались, и вмѣстѣ *покрывались черными крепомъ* (*), пошелъ онъ въ романтическомъ самовластіи, безъ существенной пользы для Франціи, разрушать человѣколюбивыя Правительства, громить законные престолы, и грабленіемъ истощевать народы, не слѣдуетъ-ли писателямъ потомства спросить: за какую вину столько страдали народы многочисленные? Для какой цѣли текли потоки крови, всемѣстно, отъ устьевъ Каттаро до Данцига, отъ Тага до Москвы? «За ту вину,» отвѣчаетъ исполинъ въ желѣзной коронѣ, съ о. Елены, «за ту вину, что ему хотѣлось изгнать Англію изъ Европы, и одному господствовать на сушѣ, такъ, какъ одна Англія, купечествуя, господ-

(*) Собственное слово Наполеона, вымолвленное однакожь не на свой счетъ.

Digitized by Google

ствуетъ на моряхъ. За ту-же вину надлежало ему загнать и Россію въ Азію, изъ опасенія, не уклонится-ли Россія отъ мудрой континентальной системы. Въ подобной-же мудрости было умышляемо, чтобъ и всѣ народы міра политическаго, отъ Урала до Кадикса, отреклись отъ торга съ Англіею.» Въ другомъ вѣкѣ подумали-бы, что Наполеонъ не исповѣдывалъ въ своей душѣ ни права народнаго, ни началъ политики, ни истинъ нравственности, и — какъ прекрасно ошиблись-бы въ выводѣ! Ибо, когда Австрія, въ 1809-мъ году, дѣлала воззванія къ соплеменникамъ Германіи, приглашая ихъ къ общему возстанію противъ притѣснителя, Наполеонъ, проникнутый правомыслiемъ, предлагаетъ изъ заточенія знатокамъ Народнаго Права рѣшить: можно-ли было дѣлать такія возмутительныя воззванія, и основывать на возстаніи политическую систему (*)? Какъ невинна, какъ поучительна застѣнчивость ума въ исполинѣ, который 12-ть лѣтъ не признавалъ ничего законнаго, ничего святаго, кромѣ штыка и пушки!

(*) См. 142 стр., томъ III., de la Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même. Сіе повѣствованіе въ 1827-мъ году выдано, кажется, для того, чтобы помирить страшную исполинскую тѣнь съ потомствомъ! С.

Digitized by Google

Скажутъ: онъ былъ великій полководецъ; но Россія съ Европою вѣдь не Главный Шшабъ, чтобы желать прельщаться образцами искусства шактическаго; да и нравственно-политическая цѣль государствъ не Стратегія. Если не льзя подчинять цѣли средствамъ, то великій полководецъ, подобно какъ великой геометръ, или механикъ, ни по чему не есть еще великій. Согласимся и въ томъ, что Наполеонъ былъ мыслитель, политикъ, только съ сердцемъ Силлы и съ финансовою честностію Вильгельма Нордманнскаго (bâtard); но полководецъ-политикъ, который не краснѣя хвалился въ 1812-мъ году, что сдѣлалъ бездну зла Россіи, и что (будто-бы) отполкнулъ гражданственность ея назадъ цѣлымъ вѣкомъ, который въ великолѣпіи своего владычества тѣшился перемѣннымъ бичеваніемъ Европы, какъ добрый Аттила бичеваніемъ обѣихъ Имперій, этотъ полководецъ-политикъ, который умѣлъ все разрушить, и не умѣлъ ничего утвердить (*), такъ какъ въ го-

(*) Какъ Наполеонъ ни мутилъ царствами, и какъ ни пренебрегалъ проэктомъ Питтовымъ, отъ $\frac{7}{19}$ Января 1805 года, сообщеннымъ Послу Россійскому, но судьба Европы и Франціи, черезъ 10 лѣтъ, утвердилась главнѣйше на тѣхъ основаніяхъ, какія предназначались Англійскимъ Министромъ. И то неоспоримо, что Франція умная ничего не потеряла отъ округленія. *С.*

Digitized by Google

ловѣ его вѣяла вѣчная вьюга чертежей и перечерчиваній, всегда противонародныхъ, всегда Маккіавельныхъ, въ пользу то семьи, то дружины воинской — скажите, какое право могъ-бы предъявить на имя Великаго? Сила, власть, и смѣлый умъ бываютъ лучами истиннаго величія только тогда, когда въ проявленіи ихъ просвѣчиваетъ пишина духа, благость характера, почтеніе къ правамъ и любовь къ добру. Скажите, что за слава, что за польза, что при бившѣ у пирамидъ Египетскихъ, *смотрѣли съ вышины сихъ памятниковъ сорокъ вѣковъ на войска* Бонапарте, когда собственный его памятникъ, памятникъ колоссальный, предстаѣляется въ чистомъ взорѣ Франціи весь обвѣшанный перевязьми череповъ полутора-милльона храбраго Французскаго воинства?

Такъ! Все убѣждаетъ — и Исторія, и размышленіе, и спѣющая образованность, и совѣсть потомства, что нѣтъ величія безъ нравственно-политической цѣли, и что чѣмъ неприступнѣе эта цѣль, тѣмъ торжественнѣе величіе. Примѣряйте-жъ теперь, на этотъ масштабъ, Петра нашего! Явясь въ странѣ грубой, невѣжественной, и ни къ чему не готовой, онъ ощутилъ въ своей душѣ сильную необходимость возвесть отечество изъ мрака на чреду народовъ, политически живущихъ; не видя-жъ око-

Digitized by Google

ло себя, ни средствъ вещественныхъ, ни рѣшенныхъ желаній лучшаго порядка, ни поборниковъ, способныхъ обнимать идеалъ цѣли, онъ прошелъ въ подвигахъ всѣ первые уроки государственнаго служенія, дабы увлечь за собою избранныхъ своего вѣка, или своего поколѣнія, и вмѣстѣ подходишь къ необъятному дѣлу. Планъ великій! Только дѣятельному духу возможно было постепенно заготовить достойныхъ исполнителей, на всѣхъ путяхъ управленія. Такимъ образомъ, порядокъ, честь непоколебимости, безусловная довѣренность къ людямъ, и тактика вождей, сдѣлались привычками, нравами войска Русскаго. Такимъ образомъ, съ первоучкою-арміею, Петръ блистательно низложилъ героя Швеціи. Но кто исчислитъ: сколько побѣдъ падлежало ему прежде сдѣлать надъ силами сопротивленія, надъ предразсудками, надъ безпечностію Азійскою, надъ самою землею, дикою и необразованною, какъ властитель ея! Отъ Полтавы побѣдитель, первый тактическій нашъ побѣдитель, пошелъ за границу, не съ поддѣльными деньгами, не грабить Польшу, или ругаться надъ ея алтарями, а снова предложишь сѣвернымъ Державамъ пальму мира, возстановить законный Престолъ, безъ укоризны Вѣнценосцу за отпаденіе. Побѣдить умѣренностію Сѣверъ, значило завоевать мнѣніе Европы. Тутъ снова отправляется Великій

Digitized by Google

въ Европу — не перешептываться съ кабинетами, не величаться въ чертогахъ, а изучаться среди просвѣщенныхъ народовъ дѣлу правительственному, знакомиться съ успѣхами гражданственности, и на досугѣ бесѣдовать съ Лейбницами, Фонтенелями (*). Какихъ усилій не сдѣ-

---

(*) Петръ, какъ извѣстно, учредилъ Семинаріи, также нѣсколько городскихъ школъ, кромѣ военныхъ и морскихъ, и заботился о заведеніи Академіи Наукъ. Непоняпно, какъ Великій Государь не занялъ у знаменитыхъ собесѣдниковъ простой мысли: открыть въ Россіи первоначальныя народныя училища? При народныхъ школахъ, образованіе наше пошло-бы ранѣе, 60 годами прежде 1786 года; а 60 лѣтъ, въ ходу цѣлаго народа, заронили-бы охоту къ наукамъ. Наука не мудрена, да мудрена охота къ наукѣ.

Какъ-бы то ни было, Россія, при концѣ 1828 года, прожила уже двѣ историческія эпохи способовъ народнаго образованія, т. е. Екатерининскую, съ 1786 года, и Александровскую съ 1804 года. Теперь можно уже разсматривать: чѣмъ различались обѣ эпохи? Замѣтимъ вкратцѣ, что вліяніе 1-й эпохи было-бы плодоноснѣе и дѣйствительнѣе для развитія практическихъ познаній народа, если-бы догадались къ учебному сроку прибавить два года. Напротивъ, во 2-й эпохѣ способности учащихся затруднялись множественностію и утонченностію Нѣмецкой умственности, посторонней и для цѣлей народныхъ; а когда хотѣли

Digitized by Google

лалъ онъ, дабы создашь Россію въ колоссальномъ чертежѣ, въ могуществѣ и твердости, хотя краски чертежа не всѣ еще выступили! Въ тѣни сего-то колоссальнаго чертежа, уже высоко поднявшагося къ верху, потемнѣли свѣтлыя стороны Западнаго колосса, который въ 1812 году передвигался отъ Бородина и Тарутина къ Малоярославцу, отъ Днѣпра и Двины къ Березинѣ.

Кто размышлялъ о Петрѣ-Зиждителѣ, Европеецъ-ли, или Американецъ, тотъ навѣрное скажетъ, что такъ Великихъ, какъ Петръ, было немного. Точно немного — твердымъ голосомъ подтверждаетъ и всемірная Исторія!

Если такъ не плодовито племя человѣческое для Великихъ, и если Провидѣнію не благоугодно часто посылать на позорище свѣта мужей дивныхъ, то утѣшимся мыслію, что для благоденствія народовъ, уже поставленныхъ на чредѣ, довольно Царей благоразумно-благодѣтельныхъ, благоразумно-бдительныхъ, Царей, огра-

---

исключить лишнее, почти не осталось, кромѣ Вѣроученія и Естественной Исторіи, ничего собственнаго для образованія общаго. Не мѣсто говорить о прочемъ. С.

Digitized by Google

ждающихъ силу законовъ и спокойствіе подданныхъ. Великіе не всегда приходили на радость.

Грядущій вѣкъ, вѣкъ не Александровъ Македонскихъ и не Наполеоновъ, вѣкъ не мечтательной славы, а законнаго благоустройства и просвѣщеннаго трудолюбія, представляетъ уже образъ величія въ другихъ, достойнѣйшихъ цвѣтахъ. Не будемъ-же такъ просты, чтобы гордиться одною цифрою вѣка. Не цифрою времени, а цифрами идей переставляются люди впередъ или назадъ. Шекспиръ и Державинъ, Монтескьё и Адамъ Смитъ — останутся современниками и въ XX-мъ вѣкѣ.

Словцовъ.

Въ Тобольскѣ.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СКАЗАНІЯ:

Мстиславъ, Князь Тмутараканскій.

(Берегъ Днѣпра близъ Кіева).

Мстиславъ.

«Обвиню-ли я Марію?.. Нѣтъ!.... Всѣ женщины, какъ счастье, обласкаютъ, обольстятъ и вдругъ оставятъ!

«Ты проснулся.... все исчезло!... Сердце снова одиноко... взоръ слѣдитъ какой-то призракъ, а душа летитъ за тѣнью!.....

«Что любить, когда взаимность ненадежна, такъ какъ жизнь!

«Наглядишься.... и довольно! — Жертву идолу принесъ..... и ступай обратно съ Богомъ!

«Съ лѣтъ младенческихъ былъ вмѣстѣ!.... Жить такъ долго близъ Маріи!..... Память мнѣ дана не даромъ!.....

«Слышалъ я твой вздохъ, Марія!... Вздохъ непростъ, когда ланиты загорятся какъ востокъ.....

Digitized by Google

«Изъ очей вдругъ канутъ слезы и повиснутъ на рѣсницахъ.....

«А главу на грудь мужчины дѣва склонитъ!.....

«А нежданный поцѣлуй къ чему коснется!.....

«Онъ прожегъ чело Мстиславa и разсудокъ возмутилъ!.....

«Неужели ты коварна? Нѣтъ!... Марія, нѣтъ, коварству не въ твоей душѣ гнѣздиться!.....

«Нѣтъ, не камень твое сердце, не подъ нимъ таятся змѣи!....

«Ты забылась, ты мечтала, можетъ быть, что я младенецъ?.. И чтю ласками осыпанный засну?... И я забылся!.. И обманутъ самъ собою!.....

«Сердцемъ вызванный, я бросилъ и державу и народъ.....

«Князь земли Тмутараканской, какъ посланникъ торопился, чтобъ упасть къ стопамъ Маріи!.....

«И достигъ, достигъ онъ цѣли!.... И душа его упала, униженно какъ рабыня!.... И возстать уже не въ силахъ!....

«Не Днѣпровскія-ли волны прокатились черезъ сердце?—...

«Бьется, стынетъ!... Отъ чего?... Кто понимаетъ!....

Digitized by Google

«А! Вотъ трупъ плывешъ!... Бездушенъ!... Но его колышетъ Днѣпръ...

«Онъ избился весь о камень!.... Бейся трупъ оледенѣлый, бейся сердце. — Не воскреснешь!...

«Чу!... Пируетъ Ярославъ!... Весела душа Маріи!.... Громки пѣсни!... О, какъ счастливъ, кто не слышитъ, въ мигъ убійственной тоски, веселыхъ пѣсенъ!....

«Днѣпръ!... Ты понялъ?.... Твои хладныя объятія..... твои ласки.... ждутъ меня? — Я слышу, слышу!....

«Укроти-жъ твой шумъ на время! Дай вздохнуть еще о ней!....

Иларій. *(вышедшій изъ пещеры, и внявшій словамъ Мстислава)*

«Сынъ Владиміра! Сверши сперва молитву!... и проси благословенья у Небесъ на замыслъ страшный!....

«Возмутишь еще успѣешь Днѣпръ священный вольной смертью!... Погрузись сперва душой въ Источникъ блага!....

«Поклонись и мнѣ поклономъ, принять грѣхи твои предъ смертью!...

«Можетъ быть смиренный инокъ, другъ отца, умолитъ Бога за утопленника Князя!.....

Digitized by Google

Мстиславъ.

«Такъ... отецъ святой! Погибну я!.... Но... нѣтъ... самоубійствомъ... очерню-ль свою я память!....

«О, ты спасъ меня!.... Но къ небу и къ тебѣ я обращить очей не смѣю!... Ни просить благословенья... ни молиться о пощадѣ!.....

(скоро уходитъ).

Иларій *(обращаетъ взоръ къ небу).*

«Сохрани его!... Источникъ бытія, основа твердей!....

«Сохрани раба рабовъ, неволю — горе — человѣка!....

«Сохрани отъ преступленья и безумства!.... И пошли въ бѣдахъ терпѣніе и слезы!....

«Ты... часть свѣта своего намъ далъ по жизнь въ удѣлъ!....

«Да не сгубитъ человѣкъ сей свѣтъ небесный; но при помощи Твоей, да сохранитъ и приумножитъ онъ трудомъ святымъ наслѣдіе святое!...

(удаляется въ пещеру).

А. Вельтманъ.

Digitized by Google

ЗАМОКЪ КОППЕТЪ.

(Продолженіе)

«Вамъ извѣстно Эйлауское сраженіе. Напрасно хотѣлъ я остановить бѣгущихъ; я былъ увлеченъ ими, лошадь моя завязла въ болотѣ, и я не могъ ни освободить ея, ни спастись самъ. Раненый легко, но потерявшій много крови, и измученный горестью и усталостью, я не лишился однакожъ чувствъ, и — положеніе мое было ужасно! Голова моя горѣла; я живо ощущалъ всю горесть моего отечества. Оставленному всѣми, близкому къ погибели, при наступавшемъ вечерѣ, холодномъ, мрачномъ и бурномъ, въ тинѣ уединеннаго болота — мнѣ надобно было ожидать смерти неизбѣжной. Тутъ не могли пособить ни храбрость, ни отчаяніе; оставалось одно: рѣшимость ожидать хладнокровно гибель безславную. Раздирающія сердце мысли терзали меня. Я вспоминалъ дѣла моего великаго предка, недавнюю славу нашихъ войскъ, блестящія надежды мои; я чувствовалъ всю тяжесть бѣдствій, послѣдовавшихъ за нашею сла-

Digitized by Google

вою, несчастіе своего семейства, еще свѣжую въ памяти смерть моего брата. Уже не впереди храбрыхъ, прекрасныхъ полковъ, которымъ тѣнь великаго полководца-Государя указывала путь къ побѣдѣ, находился я; мечта исчезла, я въ безднѣ стыда и горести, и, казалось мнѣ, вижу кровавую тѣнь моего брата, приглашающую меня во мракъ могилы. Наступила ночь; къ болоту подошли Французскіе солдаты, бродившіе по полю сраженія. Они услышали мой голосъ, и вытащили меня, узнавъ мое имя. Прямо въ палатку Наполеона былъ я приведенъ ими. Платье мое было въ крови, въ грязи, изорвано. Наполеонъ, казалось, изумился. Пока разсказывали ему о томъ, какъ попался я въ плѣнъ, онъ пристально глядѣлъ на меня; я также смотрѣлъ на него внимательно.

— Вашъ братъ погибъ отъ собственнаго своего безразсудства — сказалъ онъ.

«Онъ погибъ, какъ герой, завидною смертью,» отвѣчалъ я.

Наполеонъ помолчалъ съ минуту.

— Можетъ быть — сказалъ онъ потомъ. — Но, вы будете безопасны и спокойны; ваше слово должно мнѣ однакожь ручаться за васъ. — Мы разстались.

Digitized by Google

«Меня отвезли въ Мецъ, и черезъ мѣсяцъ я получилъ позволеніе переѣхать въ Суассонъ. Въ обоихъ городахъ ожидала меня вся вѣжливость, вся услужливость Французская; но, сердечно благодаря за нее, я не могъ ею пользоваться, и отказался отъ всѣхъ приглашеній и знакомствъ. Въ несчастіяхъ, моему подобныхъ, если чувство собственнаго достоинства удерживаетъ жалобы и роптанія, то оно-же предписываетъ намъ удаленіе и отказъ отъ всѣхъ забавъ и удовольствій. Чтеніе составляло мою единственную утѣху; кромѣ оффиціяльныхъ знакомствъ, у меня былъ только одинъ знакомый: Дорсанъ, старикъ эмигрантъ, возвратившійся во Францію. Онъ соединялъ свѣтскую образованность съ умомъ и знаніями. Для своего существованія, началъ онъ торговлю книгами, и, довольный небольшимъ доходомъ отъ своей торговли, жилъ, какъ настоящій философъ, проводя цѣлые дни въ своей лавкѣ, среди книгъ, замѣнявшихъ ему всѣ общества. Усердно старался онъ доставить мнѣ все, чего я требовалъ, и часто самъ указывалъ на книги, достойныя моего вниманія. Я полюбилъ Дорсана, и согласился на сдѣланное имъ предложеніе: позволить ему быть товарищемъ въ моихъ уединенныхъ прогулкахъ, и показать мнѣ все достойное замѣчанія въ Суассонѣ и его окрестностяхъ. Въ назначенный день, мы начали свои

Digitized by Google

прогулки, вышли въ поле; разговоръ нашъ оживился. Въ Дорсанѣ всегда было что-то спокойное и угрюмое, и это мнѣ особенно нравилось. Въ первый разъ началъ я говорить съ нимъ о своемъ положеніи.

— Согласитесь — сказалъ я — что довольно странно человѣку, рожденному такъ близко знаменитаго трона, быть судьбою заброшеннымъ въ маленькій городокъ Французскій.

«Безъ сомнѣнія,» отвѣчалъ мнѣ Дорсанъ, «въ Сибири, въ Крыму, даже въ Америкѣ и въ Индіи, Французы, разбросанные по всему свѣту всеобщею бурею, говорятъ теперь тоже самое.»

Это сближеніе моего жребія съ жребіемъ простонароднымъ, показалось мнѣ непріятнымъ. Мы не любимъ, когда почитаютъ обыкновенными событія, коихъ мы сдѣлались жертвою. При великихъ несчастіяхъ можно не дорожить жалостью, но за то требовать удивленія — весьма естественно.

— Судьба частныхъ людей — отвѣчалъ я, всегда бываетъ подвержена безпрерывнымъ революціямъ. Не такова судьба Властителей. Высокость ихъ званія, политическая важность ихъ бытія, упрочиваютъ имъ состояніе ихъ. Вы согласитесь, по крайней мѣрѣ, что мой плѣнъ

Digitized by Google

представляетъ городку Суассону зрѣлище, никогда еще имъ невиданное?

«При сихъ словахъ Дорсанъ улыбнулся и замолчалъ. Я перемѣнилъ разговоръ. Въ городъ пришли мы по улицѣ, до того времени бывшей для меня вовсе неизвѣстною. Тутъ остановился Дорсанъ противъ стариннаго готическаго зданія, бывшаго нѣкогда знаменитымъ Аббатствомъ, и предложилъ мнѣ войдши туда. Я согласился. Какой-то человѣкъ, въ родѣ сторожа, провелъ насъ по многимъ комнатамъ, и когда мы пришли въ огромную залу, поддерживаемую огромными каменными столбами, Дорсанъ далъ знакъ проводнику нашему удалишься; онъ оставилъ насъ однихъ. Я разсматривалъ между тѣмъ эту залу, и наконецъ спросилъ Дорсана: «Къ чему могла быть она прежде назначаема?» — Это была *темница* несчастнаго Французскаго Короля, Людовика Добродушнаго!» отвѣчалъ мнѣ Дорсанъ.

— Какъ! вскричалъ я.

«Вамъ должно быть извѣстно, что этотъ несчастный Монархъ былъ жертвою неблагодарности, самой презрительной, самой жестокой, и что преступныя дѣти лишили его наконецъ трона и свободы.

— Знаю.

Digitized by Google

» И вотъ здѣсь была тюрьма его! Здѣсь Королевская его стража, учрежденная имъ для защиты его священной особы, сдѣлалась сообщницею самаго чернаго преступленія, выполняя жестокую и низкую должность стражей тюрьмы Королевской.

— Вижу — сказалъ я тогда, что Суассонъ видалъ въ стѣнахъ своихъ бѣдствія болѣе моихъ, видалъ плѣнниковъ знаменитѣе меня.

« Эта неожиданная сцена сдѣлала на меня глубокое впечатлѣніе, и во все время бытности моей въ Суассонѣ, каждый разъ, когда во глубинѣ души моей готовъ я былъ роптать на свою судьбу, я уходилъ размышлять и мечтать въ темницу Людовика Добродушнаго (*).

« Остальное вы знаете» — сказалъ потомъ Принцъ. « Мнѣ хотѣлось видѣть Италію, но я не зналъ, что Швейцарія будетъ для меня гораздо занимательнѣе, и что Римъ, возбуждающій столько великихъ воспоминаній, будетъ въ памяти моей уничтоженъ воспоминаніями Коппета, сильнѣе врѣзавшимися въ мою душу. »

Тутъ Принцъ пересталъ говорить. Каждый изъ присутствовавшихъ спѣшилъ изъявить ему признательность, за его искренній и любопыт-

---

(*) Истинное происшествіе. *Пр. Г-жи Жанлисъ.*

Digitized by Google

ный разсказъ, особливо о томъ, что произошло съ нимъ въ день Эйлауской битвы. Только Аѳенаида молчала; но сердце ея говорило, и Принцъ чувствовалъ, что говорило оно. Въ глазахъ Аѳенаиды видѣлъ онъ слезы, навернувшіяся при его разсказѣ, и услаждался ея молчаніемъ, казалось, сказывавшимъ ему, что не хотѣли ни выражаться подобно другимъ, ни измѣнять нимало своего сердечнаго чувства. Желая продолжить этотъ усладительный вечеръ, Принцъ, въ свою очередь, просилъ Г-жу Сталь разсказать ему нѣкоторыя подробности изъ ея жизни. Онъ упомянулъ даже, что особенно желалъ-бы онъ знать. «Прежде всего» — сказала Г-жа Сталь, «я разскажу вамъ о моемъ разговорѣ съ Наполеономъ. Этотъ разговоръ рѣшилъ мое изгнаніе изъ Франціи, и потому онъ для меня особенно достопамятенъ. Въ послѣднюю бытность мою въ Парижѣ, я принимала у себя многихъ особъ, нелюбившихъ Наполеона, и вообще мое общество казалось ему весьма подозрительнымъ. Мы не составляли заговора, но свободно говорили объ его правленіи и его могуществѣ. Наши эпиграммы повторялись въ большомъ свѣтѣ, и доходили до него. Остроуміе такого рода рѣдко бываетъ скромно. Есть какая-то непобѣдимая прелесть въ успѣхахъ этого остроумія, и нѣтъ времени, званія и возраста, въ которыхъ-бы

Digitized by Google

не нашлись люди, за острое словцо, за то, чтобы люди повторяли это словцо, готовые пожертвовать своимъ спокойствіемъ и самымъ счастіемъ. Я узнала, что Наполеонъ былъ взбѣшенъ на меня; говорили о моемъ изгнаніи, о преслѣдованіяхъ. Это рѣшило меня просить у него аудіэнціи; онъ согласился. Я никогда не говаривала съ нимъ до тѣхъ поръ, и видала его только мелькомъ. Не безъ внутренняго движенія (признаюсь вамъ) очутилась я наединѣ съ человѣкомъ, который гордою своею волею измѣнилъ порядокъ дѣлъ полу-свѣта, и разрушилъ, или создалъ столько опредѣленій судьбы человѣческой. Очарованіе великихъ успѣховъ всегда придаетъ, не знаю какое-то величіе, тому, кто двоякою силою возставилъ упадшій тронъ, или овладѣлъ имъ. У Наполеона странный обычай, когда онъ принимаетъ женщинъ въ отдѣльныхъ аудіэнціяхъ. Онъ не предлагаетъ имъ садиться, но говоритъ съ ними, во все время аудіэнціи, ходя по своему кабинету. Внимательно смотря на Наполеона, я была поражена красотою черть лица его. Есть что-то Греческое, геройское въ его головѣ, и что-то повелительное и дикое въ его физіогноміи. Взоръ его быстръ, проницателенъ, зубы у него прекрасные, и улыбка его, когда онъ благосклоненъ, исполнена, какъ говорятъ, выраженія и тонкости. Я видѣла на лицѣ его только горькую,

Digitized by Google

принужденную улыбку, и она была оскорбительна и ужасна. И эта голова, это лицо находятся на шѣлѣ, менѣе нежели средняго роста, съ простонародными формами, неприличными ни герою, ни воину. Вообще, я сравнила-бы фигуру Наполеона съ статуею Навуходоносора, у которой голова была золотая, а все остальное изъ глины. Разговоръ нашъ начался шѣмъ, что я стала благодарить его за благосклонность, съ какою онъ согласился меня выслушать. Онъ вдругъ прервалъ меня, самымъ сухимъ и гордымъ тономъ спрашивая: о чемъ хотѣла я говорить съ нимъ?

«Прежде всего, Государь!» сказала я, «прошу васъ выслушать меня спокойно и благосклонно.

— Спокойно и благосклонно! сказалъ онъ съ ѣдкою усмѣшкою. — Мнѣ извѣстно, какое спокойствіе и какую благосклонность ссужаете вы мнѣ каждый разъ, когда говорите обо мнѣ.

«Великій Боже!» отвѣчала я — «Вы заставляете меня быть тщеславною, Государь!»

— Какъ?

«Можно-ли, чтобы среди заботъ, какихъ требуетъ завоеваніе Европы и управленіе царствами, Ваше Величество находили время освѣдомляться о домашнихъ разговорахъ женщины!

Digitized by Google

— Я не освѣдомляюсь объ нихъ — мнѣ другіе доносятъ. Желая все знать, я долженъ все слушать.

«Все, Государь, кромѣ доносчиковъ.

Наполеонъ взглянулъ на меня страшнымъ образомъ, но этотъ взглядъ не заставилъ меня содрогнуться; напротивъ: онъ ободрилъ меня. Я была, если не испугана, то, по крайней мѣрѣ, ослѣплена на минуту очарованіемъ величія, потому, что мнѣ извѣстны только два рода сильныхъ душевныхъ ощущеній, тѣ, которыя раждаются отъ удивленія и чувствительности. Но такое несоблюденіе приличій съ женщиною, этотъ неучтивый тонъ, возвратили меня самой себѣ. Чувство превосходства моего при семъ свиданіи не оставляло для меня ничего болѣе, кромѣ желанія соблюсти такое важное преимущество неизмѣннымъ хладнокровіемъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія — «Осмѣлюсь-ли,» сказала я — « спросить у Вашего Величества, въ чемъ меня обвиняютъ? »

— Обвиняютъ въ томъ, что сколько есть у васъ силъ, вы кричите о Правительствѣ, подъ властію котораго живете вы по собственной вашей волѣ. . . Вы не Француженка; если вамъ здѣсь не нравится, никто не мѣшаетъ вамъ возвратиться въ Швейцарію, и жить тамъ.

Digitized by Google

«Всегда Франція, по своей образованности, по своему умѣнью жить, была истиннымъ отечествомъ дарованій. Всегда во Францію спѣшили они совершенствоваться, и искать славы, единственной награды своей. Я не вѣрю, Государь, чтобы при вашемъ правленіи Франція лишилась такихъ преимуществъ, и славы своей въ этомъ отношеніи.

Отвѣтъ мой понравился ему; взоръ его пересталъ горѣть.

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! Я не тиранъ, не варваръ, и это доказываю я тѣмъ, что охотно ободряю науки, искуства, словесность; но только я не терплю того, что каждый Государь долженъ исправлять. Съ чего вамъ вздумалось гнѣваться на мое правленіе? На что вы жалуетесь?

«Государь! вамъ донесли невѣрно. Мои желанія почтены жалобами. Правда, я говорила, что послѣ столькихъ блестящихъ успѣховъ, вы истощили, Государь, всѣ чудеса войны, все баснословіе Древности, и что время быть вамъ героемъ простой Исторіи; что вамъ надобенъ отдыхъ, потому, что онъ будетъ величайшимъ благодѣяніемъ для цѣлаго міра, и наконецъ, что сила, все побѣдившая, можетъ оправдаться только умѣренностью и великодушіемъ.»

— Мнѣ не въ чемъ оправдываться — сказалъ

Digitized by Google

Наполеонъ, возвысивъ голосъ — вы должны заниматься собственнымъ вашимъ оправданіемъ.

« Вы его слышали, Государь!

— И такъ, вамъ угодно было видѣть меня только для того, чтобы ссудить меня вашими совѣтами? Требованіе, довольно странное для женщины!

« У меня одно требованіе, Государь: сказать вамъ истину. Что можете вы предпочесть подобному приношенію?

— Покорность и молчаніе.

« Я повинуюсь только законамъ и уму.

— А могущество, развѣ вы почитаете за ничто?

« Оно божество, когда оно благодѣтельно.

— Да, когда оно все позволяетъ. Робость и безсиліе часто прячутся за имя благодѣтельности, и всѣ безпокойные люди называютъ деспотизмомъ полезный надзоръ и необходимую твердость Правительства... Извольте, сударыня, приготовиться въ самомъ скоромъ времени оставить Францію.

« Удалюсь, Государь, съ грустью о моихъ оставленныхъ друзьяхъ; но я всегда любила славу, и утѣшусь въ моемъ изгнаніи тою политическою важностью, которую Вашему Величеству угодно мнѣ придавать. Государь! въ вашей Исторіи и обо мнѣ будетъ строчка!

Digitized by Google

При сихъ словахъ я удалилась, сдѣлавъ низкій поклонъ. — Таковъ былъ нашъ разговоръ. Слѣдствія онаго вамъ извѣстны; но не въ сіи минуты могутъ они меня опечаливать.»

Долго длился потомъ разговоръ о Политикѣ, завязавшійся послѣ разсказа Г-жи Сталь. Собесѣдники разстались въ два часа по полуночи.

Принцъ нашелъ въ спальнѣ своей любимаго своего Адъютанта, который долго оставался послѣ него въ гостиной. Вильгельмъ сказалъ, что ему было нами совсѣмъ не скучно, потому, что все время отсутствія Принца проговорилъ онъ съ Вернеромъ и Шлегелемъ, разсказавшими ему много подробностей объ Аѳенаидѣ.

«Тринадцати лѣтъ вышедшая за мужъ,» — сказалъ Принцъ, послѣ того, какъ Вильгельмъ пересказалъ ему все слышанное имъ — «она могла-бы, и законы позволяютъ ей развестись.... Но что мнѣ до того?» вдругъ воскликнулъ онъ. «Пагубное неравенство, опредѣленное намъ судьбою, никогда не допуститъ ее быть моею. Изъявленіе чувства моего только оскорбитъ ее!.. Такъ — я долженъ ѣхать!

— Очень жаль, В. В. — Мнѣ здѣсь очень весело; толпа такихъ чудаковъ...

«Ахъ, Вильгельмъ! какъ она хороша!

Digitized by Google

— Кто, В. В.? Аѳенаида? Всѣ въ восторгѣ отъ ея характера, ума, души — и она такъ прекрасна собою...

«Что за глаза! Какое выраженіе кротости, чувствительности, остроумія! Хотѣли, чтобы я разсказалъ о томъ, какъ попался въ плѣнъ. Во время разсказа о моихъ страданіяхъ послѣ Эйлауской битвы, Аѳенаида слушала меня столь внимательно, съ такимъ участіемъ, что сама не замѣчала слезъ, тихо катившихся по ея щекамъ. Она была въ это время прелестна, до того прелестна... Ахъ! гдѣ взять мнѣ силъ вырваться изъ волшебнаго убѣжища, гдѣ она скрывается!»

Такъ юный Принцъ, при жестокой борьбѣ любви и разсудка, оставался въ нерѣшительности, тѣмъ болѣе для него тяжелой, что ее совсѣмъ не было въ характерѣ Принца, естественно твердомъ и рѣшительномъ.

Въ теченіе трехъ, слѣдовавшихъ за тѣмъ, дней не произошло ничего замѣчательнаго. Принцъ и Аѳенаида почти не говорили другъ съ другомъ, но совершенно понимали другъ друга. Влюбленный до безумія, Принцъ забылъ о своемъ отъѣздѣ, и сказалъ наконецъ Вильгельму, что пробудетъ въ Коппетѣ еще не менѣе двухъ недѣль. Это было, по обыкновенію, ночью, въ спальнѣ Принца, послѣ того, какъ провелъ онъ

Digitized by Google

остановокъ вечера въ избранномъ обществѣ Г-жи Сталь. Выслушавъ слова Принца, Вильгельмъ отвѣчалъ, что желалъ-бы сообщить Его Высочеству весьма важное, новое извѣстіе. Принцъ изумился тону, съ какимъ говорилъ его любимецъ, и просилъ его поскорѣе объясниться.

« Я почитаю долгомъ моимъ это объясненіе »— сказалъ Вильгельмъ, « потому, что вижу, какъ ежедневно усиливается любовь ваша къ Аѳенаидѣ. Но я открылъ нынѣ лекарство, которое васъ совершенно вылечитъ. »

— Что ты хочешь сказать?

« То, В. В., что по всѣмъ признакамъ, Аѳенаида давно уже любитъ другаго.

— Другаго? Кто жь этотъ другой?

« Сеймуръ.

— Англичанинъ?

« Точно такъ.

— Вздоръ! Онъ смертельно влюбленъ въ нее, но она не обращаетъ на него никакого вниманія.

« Да, при другихъ! Но въ саду, на террасѣ, въ уединенныхъ прогулкахъ, по берегу озера...

— По берегу озера!.. Въ какое время?

« Рано утромъ, когда никто ихъ не видитъ.

Digitized by Google

— Какая ложь! Знаешь-ли, что этотъ Англичанинъ пріѣхалъ въ Коппетъ за нѣсколько дней передъ нами? Прежде видѣла она его только одинъ разъ, въ Лозаннѣ, и едва-ли замѣтила. Можно-ли послѣ того предполагать взаимную страсть въ такой степени?

«Въ этомъ скрывается большая тайна. Полагаютъ, что Сеймуръ зналъ Аѳенаиду въ Парижѣ, гдѣ долго жилъ онъ, и что въ Швейцарію нарочно пріѣхалъ онъ, только для нея.

— И Г-жа Сталь ничего этого не знаетъ?

«Ничего совершенно.

— Скажи мнѣ, Вильгельмъ: отъ кого слышалъ ты всѣ эти глупыя сказки? Твоя привязанность ко мнѣ ослѣпляетъ тебя самымъ страннымъ образомъ, если ты думаешь угодить мнѣ, пересказывая клеветы, на такую особу, которую уважаю я, столько-же, сколько люблю, которой я удивляюсь...

«Я самъ удивляюсь тому, что В. В. почитаете мою привязанность къ вамъ способною выслушивать и пересказывать клеветы, на чей-бы то ни было счетъ.

— Боже мой! не сомнѣваюсь въ твоемъ добромъ сердцѣ, и добромъ намѣреніи; но утверждаю, что все это сущая клевета.

«Какъ вамъ угодно. Я буду молчать, не смотря на самыя сильныя, самыя явныя доказатель-

Digitized by Google

ства — буду молчать упорно. В. В. хотите обманываться: не хочу участвовать въ вашемъ ослѣпленіи, но и разрушать его не стану, потому, что... вамъ не угодно знать истину. Ни слова болѣе объ этомъ.

— Нѣтъ! Аѳенаида не способна къ такому глубокому притворству! Нѣтъ! Эта женщина, столь откровенная, добрая, не знаетъ искусства притворяться! Ея глаза, въ которыхъ видна вся чистая душа ея, выражаютъ совершенное равнодушіе, когда она глядитъ на Сеймура, и сколько разъ, даже въ его присутствіи, взоры ея останавливались на мнѣ, высказывая мнѣ всю нѣжность ея чувства! Аѳенаида притворщица, Аѳенаида обманщица!.. Нѣтъ! такъ думать постыдно, надобно быть сумасшедшимъ!

Говоря сіи слова, Принцъ ходилъ по комнатѣ, въ величайшемъ волненіи. Вильгельмъ оскорбился. Не отвѣчая ничего Принцу, онъ подошелъ къ часамъ. «Два часа по полуночи — сказалъ онъ — «Боже мой! какъ уже поздно! Не изволите еще приказать чего нибудь, В. В.?

Угрюмо взглянулъ на него Принцъ. «Ручаюсь» — сказалъ онъ Вильгельму — «что все это слышали вы отъ Шлегеля?» — Вильгельмъ молчалъ. — «Отвѣчайте-же!» вскричалъ Принцъ съ досадою.

Digitized by Google

— Одно могу я сказать — отвѣчалъ Вильгельмъ — это будетъ увѣреніе, что если Шлегель можетъ ошибаться, какъ всякій другой человѣкъ, то, при всемъ томъ, онъ не способенъ ни составлять, ни распространять клеветы.

« Я не требую отъ васъ похвалъ Шлегелю!» возразилъ Принцъ съ жаромъ.

— Если В. В. угодно знать, то я скажу, что все пересказанное вамъ мною, слышалъ я отъ Шлегеля и Вернера; но, кромѣ того, при мнѣ были говорены слова, въ смыслѣ которыхъ не льзя ошибиться.

« Вильгельмъ! ты убиваешь меня!»

Въ отчаяніи бросился Принцъ въ кресла, и закрылъ лицо руками. Вильгельмъ забылъ всю свою досаду. Онъ хотѣлъ утѣшать Принца.

— Оставь меня! — говорилъ ему Принцъ. Не ты-ли, въ этой самой комнатѣ, нѣсколько дней тому, сказывалъ мнѣ, что она совершенно равнодушна къ этому Англичанину?

« Я такъ думалъ, и другіе думали тоже; когда я узналъ противное — мнѣ должно было извѣстить В. В.

— Но какія доказательства можешь ты мнѣ представить?

« Прикажете-ли мнѣ разсказывать В. В. всѣ подробности?

Digitized by Google

— Требую этого.

«Повинуюсь. Вотъ, что я знаю. Когда сегодняшнимъ вечеромъ, В. В. изволили быть въ кабинетѣ Г-жи Сталь, Шлегель предложилъ мнѣ воспользоваться прекраснымъ вечеромъ и прогуляться по саду. Гуляя, онъ сказалъ мнѣ, что открылъ между прочимъ въ замкѣ самую неожиданную любовную интригу, и, къ удивленію своему, узналъ достовѣрно, что Сеймуръ былъ счастливымъ любовникомъ Аѳенаиды. Я не хотѣлъ вѣрить. Тогда Шлегель разсказалъ мнѣ, что третьяго дня, когда Аѳенаида шла черезъ галлерею, въ свои комнаты, Сеймуръ остановилъ ее, и тихо проговорилъ ей: «Не забыли-ль вы? Завтра въ шесть часовъ по утру!»— Аѳенаида взглянула на него выразительно, и отвѣчала: «Могу-ли забыть!» — «Вы божественны!» сказалъ Сеймуръ. — Разговоръ этимъ кончился. Шлегель, сидѣвшій подлѣ дверей, на террасѣ, не проронилъ ни одного слова. Любопытство заставило его встать на другой день раньше, и онъ самъ видѣлъ, какъ Аѳенаида, въ шесть часовъ утра, вышла изъ замка, съ своею служанкою. Немедленно явился къ ней и Сеймуръ...

— Это нелѣпость... сказалъ Принцъ. Онъ остановился, и продолжалъ съ принужденнымъ спокойствіемъ: «Если все дѣло основано на словахъ Шлегеля — я ему не вѣрю!

Digitized by Google

« Позвольте, В. В. » — возразилъ Вильгельмъ—я еще не кончилъ. Шлегель замѣтилъ мое сомнѣніе въ его разсказѣ, и когда мы увидѣли, что вы идете изъ комнатъ Г-жи Сталь, онъ увлекъ меня на террасу, надѣясь увидѣть вѣрное доказательство словъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ явилась Аѳенаида; съ нею шелъ Сеймуръ. —« Въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра — не опоздайте! » сказалъ онъ. — « И вы можете сомнѣваться? Вы думаете, что я, хоть на минуту, засну во всю ночь, которая будетъ передъ этимъ утромъ? » отвѣчала Аѳенаида. Онъ и она прошли, и мы ничего болѣе не слыхали.

— Великій Боже! вскричалъ Принцъ. — Но точно-ли вы увѣренъ, что это была она? Ты вѣрно ошибся!

« Можно-ли почесть за нее кого нибудь другаго! Впрочемъ, въ галлереѣ было очень свѣтло, и я разглядѣлъ ее весьма хорошо.

— Слѣдственно, Сеймуръ ждалъ ее нарочно?

« Безъ сомнѣнія. Каждый вечеръ, онъ выходитъ изъ гостиной, и иногда дожидается Аѳенаиды въ галлереѣ по цѣлому часу.

— Такъ вотъ для чего упорно не хотѣла она, чтобы я проводилъ ее до лѣстницы! Вотъ для чего просила она меня идти черезъ другую комнату, а не съ нею вмѣстѣ! Всѣ эти пред-

Digitized by Google

осторожности я приписывалъ ея излишней скромности, и повиновался, удивляясь ей! А это было только для того, чтобы видѣть другаго, своего любовника... Какое безстыдство, какое вѣроломство! И обманывать такимъ образомъ добрую Г-жу Сталь! Притворство въ такой степени... И она могла полюбить его! Женщины! какъ всѣ вы хитры, лживы, непонятны!.. Я презираю васъ! Она кажется такою благочестивою — и это благочестіе — коварное лицемѣрство! Съ какимъ восторгомъ я ей удивлялся! Это чувство было мнѣ такъ драгоцѣнно, оно ушѣшало меня въ терзаніяхъ безнадежной страсти... эта привязанность, столь чистая, дѣлается теперь безумнымъ заблужденіемъ, смѣшною слабостью.... Она принуждаетъ меня презирать ее! Ахъ! съ неба упалъ я — и въ какую бездну!.. Въ понедѣльникъ, говоришь ты, Вильгельмъ, то есть, послѣ завтра?

«Въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра.»

— Куда-же пойдутъ они?

«Не знаю хорошо; но, судя по тому, куда шли онъ и она, когда видѣлъ ихъ Шлегель, должно полагать, что свиданіе бываетъ въ хижинѣ, на берегу озера, съ четверть мили отъ замка.

— Это невѣроятно!.. И ты думаешь, что

Digitized by Google

намъ мѣсто ихъ свиданія? Сколько предосторожностей, сколько хитростей — для этого Англичанина! Чѣмъ онъ могъ обольстить ее?

«Онъ молодъ, хорошъ собою. Любовь ихъ продолжается издавна, повѣрьте мнѣ, В. В.

— Что мнѣ до нея! Презрѣніе вылечитъ меня. Она кокетствовала со мною. Не льзя ей было не замѣтить моихъ чувствъ, моей глупой любви. Для чего-же было не разрушить ея сначала? Для чего принимать во мнѣ такое участіе?

«Вы всегда говорили о скоромъ вашемъ отъѣздѣ.

— Она никогда не хотѣла этому вѣрить — она видѣла, что я безпрестанно его откладывалъ... Какое коварство!.. Въ понедѣльникъ, слѣдовательно, послѣ завтра? — Вильгельмъ! завтра я ѣду... Но, нѣтъ, нѣтъ! хочу самъ видѣть этотъ обманъ, это притворство....

«Мнѣ кажется, В. В., что благоразумнѣе было-бы ѣхать.

— Ахъ! нѣтъ, Вильгельмъ! это такъ любопытно, такъ забавно — я останусь! Впрочемъ, и не льзя-же: я сказалъ Г-жѣ Сталь, что пробуду еще въ Коппетѣ десять дней. Неужели вы боитесь какой нибудь сцены? Стыдись, Вильгельмъ! во мнѣ достанетъ гордости, не покажешь даже малѣйшаго неудовольствія.

Digitized by Google

Вильгельмъ имѣлъ причины въ этомъ сомнѣваться, и онъ былъ совершенно правъ.

Принцъ затрепеталъ, когда на другой день увидѣлъ Аѳенаиду. Вмѣсто того, чтобы по обыкновенію приблизиться къ ней, онъ остался на своемъ мѣстѣ неподвижно, и старался не смотрѣть на нее. Вернеръ и Шлегель подошли къ Принцу, и начали говорить; онъ не отвѣчалъ ни слова, и удалился отъ нихъ. Аѳенаида была изумлена его холоднымъ, угрюмымъ видомъ. — За обѣдомъ всѣ сѣли на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ. Принцъ принужденъ былъ сѣсть подлѣ Аѳенаиды. Желая начать чѣмъ нибудь разговоръ, она заговорила объ ущесахъ Мейльери. На другой день собирались ѣхать ночевать въ Лозанну, и посѣтить сіи мѣста, прославленныя въ *Новой Элоизѣ*.

— Мнѣ будетъ пріятно сопровождать Г-жу Сталь въ этой прогулкѣ — сказалъ Принцъ — но, признаюсь вамъ: ущесы Мейльери для меня — просто каменья; я совсѣмъ не романистъ.

Такія слова и колкость выраженія ихъ, чрезвычайно изумили Аѳенаиду.

« Я думаю » — сказала она холодно — « можно и не быть романистомъ, но шѣмъ не менѣе чувствовать красоты природы, и любоваться живописнымъ видомъ.

— О, нѣтъ! возразилъ Принцъ — необходимо

Digitized by Google

для этого позволишь себѣ обольщеніе любви, а я — презираю это чувство!

Онъ оборотился къ Г-жѣ Сталь, стараясь принять участіе въ общемъ разговорѣ. Но онъ былъ угрюмъ, холоденъ, даже грубъ, и безпрестанно старался столько противорѣчить Шлегелю, Вернеру, и особенно Сеймуру. Тогда ясно увидѣла Аѳенаида, что ему непремѣнно хотѣлось быть неучтивымъ съ нею, и что онъ не могъ скрыть ревности своей къ Сеймуру. Тогда только узнала она, что чувство ея къ Принцу было гораздо сильнѣе, нежели она воображала. Аѳенаида готова была поступить неосторожно, хотѣла просить Принца объясниться, хотѣла разрушить его неосновательную ревность. Но небольшаго размышленія достаточно ей было для того, чтобы дать себѣ почувствовать всю опасность подобнаго объясненія.

«Нѣтъ, нѣтъ!» думала она — «я не хочу, я не должна отвѣчать на его чувство, слишкомъ уже явное. Пусть эта непонятная для меня досада истребитъ его любовь. Пусть удалится онъ недовольный мною, но не несчастный. Отсутствіе скоро изгладитъ это минутное впечатлѣніе, и тогда, разлученная съ нимъ на вѣки, я могу оправдаться безъ всякой опасности для него, и для себя. Г-жа Сталь,

Digitized by Google

конечно, будетъ имѣть съ нимъ переписку; ей препоручу я объясненіе, котораго не позволяю себѣ теперь. Не открывая ему тайны моего сердца, я скажу ему тогда, что никто другой не умѣлъ его тронуть.»

Твердая въ своемъ рѣшеніи, Аѳенаида перестала говорить съ Принцемъ, и во весь день равно удалялась отъ него и отъ Сеймура. Она старалась скрыть свою горесть, и даже казаться веселою, хотя веселость была далеко отъ нея. Но это совершенно оскорбило и привело въ отчаяніе Принца. Съ трудомъ могъ онъ скрывать свое сильное душевное волненіе.

Вечеромъ, послѣ ужина, Аѳенаида не пошла въ комнаты Г-жи Сталь, и удалилась, сказавъ, что ей надобно заняться письмами. Принцъ гошовъ былъ выйдти изъ себя. Ему надобно было собрать всю силу души, чтобы удержаться. Онъ началъ жаловаться на жестокую головную боль, вскорѣ удалился, и, оставшись наединѣ съ другомъ своимъ, предался порывамъ столь сильнаго гнѣва, что Вильгельмъ испугался. Но Принцъ вскорѣ казался успокоившимся, и объявилъ Вильгельму, что непремѣнно хочетъ идти издали, по слѣдамъ Аѳенаиды. Онъ далъ ему слово соблюсти все благоразуміе, и ни-нюдь не предаваться гнѣву — что-бы ни увидѣлъ. Всю ночь Принцъ ходилъ по комнатѣ, вовсе

Digitized by Google

не ложился спать, и съ первыми лучами солнца сидѣлъ уже у окна, изъ котораго, закрытый опущенными жалузи, могъ тотчасъ увидѣть Аѳенаиду, когда она выйдетъ изъ замка.

Ровно въ шесть часовъ, увидѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ Аѳенаиду, вышедшую изъ замка. Она была въ простомъ, бѣломъ платьѣ, закрыта вуалемъ, и только одна служанка провожала ее. Принцъ и Вильгельмъ поспѣшно сошли внизъ, но, не смотря на свое нетерпѣніе, Принцъ медлилъ еще съ четверть часа, чтобы не быть замѣченнымъ Аѳенаидою, и слѣдовать за нею издали. Аѳенаида шла по берегу озера, и наконецъ скрылась въ густой аллеѣ. Поспѣшно шли они нѣсколько времени стороною, зная, что Аѳенаида не могла выйдти изъ аллеи, не бывъ ими замѣченною. Наконецъ, вдали мелькнула извѣстная хижина, стоявшая на берегу озера; лѣсъ окружалъ ее съ другихъ сторонъ. Мужчина вышелъ изъ хижины, и Принцъ тотчасъ узналъ его: это былъ Сеймуръ, шедшій на встрѣчу Аѳенаиды! Онъ казался обезпокоеннымъ, и поспѣшно скрылся въ аллею, по которой шла Аѳенаида, не замѣчая Принца и Вильгельма, закутанныхъ въ большіе плащи, и скрывавшихся между деревьями. Вильгельмъ, почти насильно, увлекъ Принца въ густоту лѣса, заклиная его возвратишься въ замокъ. Блѣд-

Digitized by Google

ный, почти безчувственный, Принцъ позволилъ весни себя вѣрному своему другу. Когда были они въ чащѣ лѣса, Принцъ сѣлъ на пень дерева, соблюдая мертвое молчаніе. Напрасно говорилъ ему Вильгельмъ; Принцъ ничего не слыхалъ. «Въ самомъ дѣлѣ» — сказалъ онъ наконецъ, какъ будто разговаривая съ самимъ собою — «она мнѣ не давала слова; я скрывалъ даже отъ нея мои чувства! — Но развѣ она не понимала меня!» воскликнулъ онъ вдругъ съ бѣшенствомъ. «Сколько разъ глаза ея высказывали мнѣ ея душу! Она хотѣла наслаждаться мучительнымъ зрѣлищемъ страсти, которой не могла раздѣлять! И въ эту минуту она съ Сеймуромъ — скрытно отъ Г-жи Сталь, отъ этого друга, который вѣритъ искренности, откровенности, вѣритъ сердцу ея... Измѣна, самая низкая измѣна!.. О, будь спокоенъ, Вильгельмъ: я вылечился, совершенно вылечился! Надобно не имѣть ни сколько уваженія къ себѣ, ни сколько возвышеннаго духа, чтобы сохранить хотя немного любви къ такой женщинѣ... Вотъ Француженки, вотъ ихъ проклятое кокетство! Теперь хочу я только одного: имѣть случай показать ей все мое презрѣніе! Пусть она знаетъ, что я оставляю Коппетъ спокойный и совершенно разочарованный. Вильгельмъ! возвратись въ замокъ.»

— Какъ, В. В., безъ васъ?

Digitized by Google

«Еще разъ говорю тебѣ: не опасайся ничего. Я раздраженъ, но не сержусь нисколько. Хочу прогуляться здѣсь, по опушкѣ лѣса, увижу ее, когда она выйдетъ изъ хижины, поздравлю ее съ веселою прогулкою, и потомъ спокойно возвращусь въ замокъ. Ты будешь мною доволенъ, Вильгельмъ; будь увѣренъ, что ты не замѣшишь во мнѣ ни досады, ни грусти.

— Умоляю В. В., позволишь мнѣ остаться съ вами!

«Нѣтъ, иди въ замокъ; вѣрь, что я не унижу себя ничѣмъ меня недостойнымъ и безъ твоего надзора. Иди-же, Вильгельмъ!» — Надобно было повиноваться. Съ безпокойствомъ, со слезами на глазахъ удалился Вильгельмъ.

Принцъ немедленно вышелъ изъ лѣсу, и приблизился къ хижинѣ. Онъ увидѣлъ старуху, подошедшую къ низенькому, открытому окну хижины, и позвалъ ее. Поспѣшно подбѣжалъ онъ потомъ къ дверямъ, которыя отворила старуха. Влекомый непреодолимымъ чувствомъ, Принцъ быстро бросился въ хижину; старуха, испуганная его видомъ и страшнымъ взоромъ, удалилась. Принцъ подходитъ къ другой двери; голосъ Аѳенаиды велъ его, или, лучше сказать, увлекалъ съ непобѣдимою силою. Тре-

Digitized by Google

Неща, останавливается онъ, и ясно слышитъ, какъ Аѳенаида произноситъ сіи слова: «*Да, я обѣщаю тебѣ*». . . — «Вѣроломная!» Это слово замерло на устахъ Принца. Онъ вдругъ отворяетъ дверь, входитъ въ таинственную хижину; и — остается неподвиженъ при неожиданномъ зрѣлищѣ, какое представилось его взорамъ. . . . Сеймура вовсе не было. Умирающій старикъ лежитъ на кровати, прижимая къ груди своей крестъ, который подаетъ ему почтенный Священникъ; Аѳенаида, на колѣняхъ, въ сторонѣ, подлѣ молодой дѣвушки, плачущей; она держитъ руки ея въ своихъ рукахъ, старается утѣшить ее. . Все изъяснилось! Принцъ угадалъ тайну Аѳенаиды; чувство горести и гнѣва, въ одно мгновеніе, замѣнилось наслажденіемъ самымъ чистымъ, удивленіемъ самымъ нѣжнымъ. Этотъ переходъ былъ столь усладителенъ, что даже ни одна мысль раскаянія въ несправедливости не потемняла его. Принцъ былъ слишкомъ счастливъ оправданіемъ, торжествомъ Аѳенаиды, и не могъ ни о чемъ болѣе думать въ сіи мгновенія. Чувству прискорбному не было мѣста въ его сердцѣ. Тихо приблизился онъ къ Аѳенаидѣ. Увидѣвъ Принца, она показала только небольшое удивленіе: такъ сильно занимало, поражало ее благочестивое, плачевное зрѣлище, бывшее передъ ея глазами. Разстроганный, молча сталъ подлѣ нея на колѣ-

Digitized by Google

ни Принцъ: молишься вмѣстѣ съ Аѳенаидою казалось ему наслажденіемъ невыразимымъ. Всѣ идеи добра и невинности, быстро наполнили его душу и разгорячили его воображеніе. Ему казалось, что раздѣляя такимъ образомъ небесныя движенія и высокія чувства Аѳенаиды, онъ соединялся съ нею союзомъ неразрывнымъ.

Умирающій старикъ обратился тогда къ Аѳенаидѣ. «Ангелъ, съ небесъ сошедшій!» сказалъ онъ — «вы, доставившая мнѣ всѣ утѣшенія вѣры, вы, усладившая мученія, раздиравшія мою душу, терзанія, которыя, безъ васъ, унесъбы я въ мою могилу — если ваше чувствительное сердце будетъ когда нибудь страдать — молитесь Богу милости и любви, молитесь Ему съ довѣренностью! Вспомните тогда все, что вы для меня сдѣлали, и вы призовете Всевышняго съ надеждою! Простите! Да будетъ на васъ благословеніе Бога, да будетъ за васъ послѣдняя молитва бѣднаго, умирающаго старика!»... При сихъ словахъ, онъ поднялъ руки и глаза къ небу, голова его упала на подушку... онъ уснулъ на вѣки!... Аѳенаида наклонилась къ молодой дѣвушкѣ, внучкѣ старика, прижимала ее къ груди своей, и плакала. Принцъ чувствовалъ, что въ сіи минуты ему не льзя было говорить съ Аѳенаидою. Онъ только просилъ ее назначить ему время, когда онъ можетъ

Digitized by Google

ее видѣть одну. Аѳенаида сказала, что будетъ прогуливаться въ Коппетскомъ паркѣ, въ три часа по полудни. Принцъ спѣшилъ въ замокъ; ему нетерпѣливо хотѣлось встрѣтить поскорѣе Вильгельма, и оправдать Аѳенаиду, разсказавъ все, что онъ видѣлъ. Вильгельма не было. Повинуясь приказанію Принца, онъ возвратился въ замокъ, но, превожимый тѣмъ, что могло случиться съ Принцемъ, немедленно опять ушелъ изъ замка.

Было уже девять часовъ утра. Принцъ видѣлъ изъ окна своей комнаты, какъ въ десять Аѳенаида возвратилась въ замокъ, но Вильгельмъ явился не прежде полудня. Онъ зналъ уже все то, что могъ сказать ему Принцъ, и предупредилъ его слѣдующими словами: «Я все уже знаю, и еще подробнѣе, нежели В. В.» — Тутъ Принцъ засыпалъ его вопросами, и Вильгельмъ, любившій повѣствованія продолжительныя, просилъ позволенія разсказать ему все порядкомъ. «Повинуясь волѣ вашей» — сказалъ онъ — «я возвратился въ замокъ, но съ тоскою непреодолимою. Я трепеталъ, вспоминая силу первыхъ движеній вашего гнѣва, боялся особенно ужаснаго впечатлѣнія, которое могло произойдти, если-бы вы увидѣли Аѳенаиду, выходящую изъ хижины вмѣстѣ съ Сеймуромъ. Старавшись нѣсколько времени разсѣять грусть мою прогул-

Digitized by Google

кою по саду, я ушелъ наконецъ, когда В. В. возвратились. Къ хижинѣ обратился я поспѣшно, и не доходя до нея встрѣтилъ Аѳенаиду, въ сопровожденіи Сеймура и служанки. Аѳенаида была печальна, и остановилась, встрѣтясь со мною. «Вы конечно удивляетесь, видя, что я такъ рано вышла изъ замка?» спросила она меня. Я въ самомъ дѣлѣ не могъ скрыть своего удивленія. Тогда Сеймуръ началъ говорить со мною. «Мы посѣщали — сказалъ онъ — «бѣднаго старика, Ирландца; онъ жилъ въ этой хижинѣ, и умеръ въ ней, сегодня. Бѣднякъ, такъже, какъ я, былъ задержанъ въ плѣну послѣ объявленія войны. Онъ чувствовалъ, что болѣзнь его смертельна, и что никогда уже не видать ему своей отчизны. Ему хотѣлось усладить послѣднія минуты утѣшеніями Религіи. Онъ былъ Католикъ. Предчувствіе страдальца сбылось. Я зналъ лично этого почтеннаго старика, и рѣшился сказать о желаніи его Аѳенаидѣ. Немедленно сыскала она Священника; но этого казалось ей мало. Она хотѣла сама посѣщать умирающаго, и утѣшать его своимъ состраданіемъ. Все, что самое трогательное участіе можетъ изобрѣсть, что великаго и утѣшительнаго представляетъ намъ вѣра, что надежды безсмертныя могутъ передать нашей душѣ — все это усладило послѣднія минуты борьбы жизни съ смертію!

Digitized by Google

«Сеймуръ оканчивалъ свой разсказъ, когда мы пришли въ замокъ. Аѳенаида удалилась въ свои комнаты, а я вошелъ въ гостиную, гдѣ встрѣтилъ Вернера, и разсказалъ ему все, что говорилъ мнѣ Сеймуръ. «Это приведетъ его теперь въ большую милость у Аѳенаиды; смотрите, какая между ними дружба!» — прибавилъ я.

— Правда — сказалъ Вернеръ — дружба хоть нѣсколько утѣшитъ его. Бѣдный Сеймуръ отказался наконецъ отъ всѣхъ другихъ надеждъ.

«Что вы говорите?

— Онъ рѣшился откровенно объясниться съ Аѳенаидою, и она отвѣчала ему съ убійственнымъ равнодушіемъ, приведшимъ его въ совершенное отчаяніе. Тронутая силою чувствъ Сеймура, Аѳенаида трогательно предложила ему свою дружбу, и просила отъ него взаимной дружбы, такъ кротко, такъ очаровательно, что Сеймуръ, растроганный до глубины души, въ восторгѣ обѣщалъ ей забыть всѣ другія чувства. Очарованіе его было столь велико, что не испытывая обыкновенной горести отвергнутаго любовника, онъ навсегда отказался отъ своихъ надеждъ, и сохранилъ только сладостное чувство восторга и удивленія къ Аѳенаидѣ. Дружба съ Аѳенаидою кажется ему побѣдою

Digitized by Google

добродѣтели, и это утѣшило его въ самомъ тягостномъ пожертвованіи.»

Разсказъ Вильгельма разсѣялъ совершенно всѣ малѣйшія сомнѣнія Принца, и еще съ большимъ нетерпѣніемъ заставилъ его желать поскорѣе свиданія съ Аѳенаидою. Онъ спѣшилъ въ садъ. Въ теченіе двухъ часовъ, время казалось ему неподвижнымъ. Онъ ждалъ Аѳенаиду нетерпѣливо, но между тѣмъ не скучалъ, не грустилъ: можно-ли испытывать эту лѣность, эту робость ума, когда ждешь ту, которую любишь! Сердце и воображеніе бываютъ такъ полны, такъ заняты... Наконецъ, Аѳенаида показалась вдалекѣ. Принцъ затрепеталъ; радость его была смѣшана съ чувствомъ изумленія, какъ будто видъ особы, столь милой ему, былъ для него неожиданностью. Истинная любовь лишена предвидѣнія: ея радости, и ея горести всегда превосходятъ то, чего она ожидала, или страшилась.

Поспѣшно бросился Принцъ къ Аѳенаидѣ, подходившей медленно. Милая застѣнчивость украшала робкую походку ея всѣмъ очарованіемъ скромности, хотя пылающія щеки высказывали сильное сердечное волненіе. Сіи чистыя движенія души Аѳенаиды, казалось, перешли въ душу Принца. Пылкое стремленіе смѣнилось чув-

Digitized by Google

сшвомъ самой прогательной нѣжности. Онъ умѣрилъ быстроту шаговъ, чувствуя, что всякое изступленіе страсти должно было испугать Аѳенаиду, или, по крайней мѣрѣ, не понравиться ей. Когда онъ подошелъ къ ней, чувства душевныя были у нихъ такъ сходны, что невольно принудили ихъ къ молчанію: все уже было сказано! Онъ и она сѣли на дерновую скамью, и черезъ минуту, пролетѣвшую безмолвно, Принцъ началъ просить прощенія въ нескромности, заставившей его прервать благодѣтельное занятіе Аѳенаиды.

«Я долженъ былъ уважить это священное убѣжище» — сказалъ онъ — «эту бѣдную хижину, сдѣланную вами святилищемъ всего, что только есть на землѣ святаго и прогательнаго: Религіи, несчастія и благодѣянія... Но, нѣтъ! Я не хочу раскаяваться въ неосторожности, если черезъ нее узналъ я въ васъ совершенство добродѣтели и благости!»

— При сихъ словахъ, Принцъ остановился. Онъ ждалъ отвѣта; но Аѳенаида молчала и потупила глаза.

«Скажите, Аѳенаида, скажите, что вы меня прощаете. Позвольте мнѣ разстаться съ вами, хотя съ этою утѣшительною мыслью.

Digitized by Google

— Какъ, В. В. — посцѣнно сказала Аѳенаида — вы ѣдете?

«Ахъ!» вскричалъ Принцъ — «я слишкомъ долго здѣсь медлилъ... Въ эпомъ, послѣднемъ разговорѣ моемъ съ вами, я ошкрою вамъ всю мою душу! Знаю, что легко разорвашь узы, привязывающія васъ къ жребію другаго. Если-бы у меня былъ шронъ, который могъ-бы я предложишь вамъ — я слишкомъ почелъ-бы себя счасшливымъ, когда-бы вы согласились принящь его! Но я — бѣглецъ, плѣнникъ; мое ошечесшво гибнешъ; весь блескъ, окружавшій меня, исчезъ; мнѣ осшалась шолько моя сила души: непобѣдимую швердосшь могу я прошивопосшавишь гоненіямъ судьбы. Говоришь вамъ о пламенной любви моей, позволяю себѣ — шолько въ минуны вѣчной разлуки!»— Сіи слова, сшоль благородныя, сшоль шрогашельныя, сдѣлали шакое сильное впечашлѣніе на высокую, чувсшвишельную душу Аѳенаиды, что она не могла удержашь слезъ своихъ. Эшого былъ не въ силахъ вынесши Принцъ. Онъ упалъ къ ея ногамъ.

— Нѣшъ! — вскричалъ онъ въ воспоргѣ — нѣшъ! не жалуюсь на судьбу мою. Ошнынѣ Аѳенаида будешъ располагашь ею... Говорише, что я долженъ дѣлашь? На что мнѣ рѣшишься? Приказывайше... моя воля, мои мнѣнія — ваши.... Говорише, Аѳенаида! —

Digitized by Google

«Чувства сердца, подобнаго вашему» — отвѣчала Аѳенаида — могутъ быть основаны только на глубокомъ уваженіи. Смѣю увѣрить, что вы не ошиблись, отдавая мнѣ справедливость. Не скрываю отъ васъ чувствъ моихъ, потому, что они васъ достойны. В. В. должны ѣхать, побѣдить несчастную привязанность, и сохранить ко мнѣ только дружбу вашу — чувствую, что она необходима, что она будетъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ...

— Что я слышу, Аѳенаида! Вы отказываетесь отъ своего счастія?

«Для него — должно намъ разстаться!

— О, слова очаровательныя! Вы будете въ душѣ моей до послѣдняго вздоха жизни! Прощаю все судьбѣ... Что я говорю? Я благословляю ее — хотя-бы она никогда не перемѣнилась... Нѣтъ! я не поѣду, я не оставлю васъ, Аѳенаида!

«Надобно разстаться — ваша слава, моя честь требуютъ этого жестокаго пожертвованія. Чувство любви, для васъ и для меня, должно быть чувствомъ добродѣтели. Мы не можемъ принадлежать одинъ другому — все этому противится, и только съ прощаньемъ навсегда — вы слышите признаніе въ моихъ чувствахъ. Оправдай-

Digitized by Google

те это признаніе отказомъ отъ всякой надежды, и скорою разлукою. Идутъ.... Ради Бога, Принцъ, вспаньше... Скроемъ наше смущеніе, наши слезы.». . — При сихъ словахъ, Принцъ всталъ поспѣшно, и отеръ глаза свои, омоченные слезами.

«Аѳенаида!» сказалъ онъ, прерывающимся голосомъ — «позволыпе мнѣ... отсрочьте еще нашу разлуку — двѣ недѣли.». . — Трепещущая Аѳенаида отвѣчала только наклоненіемъ головы. Она видѣла вдали Г-жу Сталь и Г-на Монморанси, приближавшихся къ нимъ, вспала съ скамьи, и, опираясь на дрожащую руку Принца, спѣшила на встрѣчу Г-жи Сталь. Легко замѣтила Г-жа Сталь смущеніе Принца и тревогу Аѳенаиды, но боясь умножить ихъ замѣшательство, показала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Начали говорить о незначительныхъ предметахъ, прогуливались еще съ часъ, и пошли въ замокъ къ обѣду. За столомъ рѣчь зашла о любви, что нерѣдко бывало въ Коппетскомъ замкѣ. Г-жа Сталь утверждала, что сильныя страсти раждаются вдругъ, и при первомъ взглядѣ. «По Греческой Миѳологіи» — говорила она — Минерва родилась вдругъ, совсѣмъ вооруженная. Мнѣ всегда казалась эта аллегорія невѣрною. Только любовь можетъ такъ родиться,

Digitized by Google

только она является мгновенно, и вполнѣ. Мудрость требуетъ времени, опыта, и совершенствуется только ими.» Принцъ былъ въ восторгѣ отъ словъ Г-жи Сталь, ни мало несомнѣвавшейся напередъ, что онъ будетъ съ нею совершенно согласенъ. Приготовлены уже были экипажи, чтобы тотчасъ послѣ обѣда ѣхать въ Лозанну, и на другой день, утромъ, посѣтить Мейльери. Принцъ не скрывалъ радости своей, говоря о такой прекрасной прогулкѣ, и это заставило Аѳенаиду смѣяться.

— Чему-же вы радуетесь? — спросила она его тихо. Скалы Мейльери *простыя каменья*, а вы совсѣмъ *не романистъ*!

«Ахъ!» отвѣчалъ ей Принцъ — «неужели вы не видите, что я иногда съ ума сходилъ, стараясь думать иначе, нежели вы думаете.». Тутъ всѣ начали вставать изъ-за стола, и спѣшили ѣхать.

На другой день, рано по утру, отправились изъ Лозанны. Погода была мрачная, бурная. Это не препятствовало однакожь веселой прогулкѣ Коппетскаго общества. Аѳенаида сидѣла въ лодкѣ между Г-жею Сталь и Г-жею Монтольё. Принцъ помѣстился противъ нея. Другая лодка была наполнена музыкантами, игравшими

Digitized by Google

Швейцарскія пѣсни, на духовыхъ инструментахъ; эхо вторило имъ въ горахъ. Музыка, волнующееся озеро, мрачное небо, цѣль поѣздки, и особенно тайныя чувства Принца и Аѳенаиды, все умножало волненіе сердецъ ихъ, и разгорячало ихъ души. Выраженіе глубокой задумчивости, во всѣхъ словахъ и движеніяхъ Аѳенаиды, прибавляло очарованія къ обыкновенной ея прелести. Молча, смотрѣлъ на нее Принцъ, и ясно читалъ все въ душѣ ея, соображая собственныя свои чувства.

Во время плаванія, разговоръ, весьма естественно, былъ о *Новой Элоизѣ*. Принцъ и Аѳенаида не говорили ни слова: романъ, болѣе чистый, занималъ ихъ.

Цѣлый день провело общество въ Мейльери. Вечеромъ снова началось плаванье по озеру, для переѣзда въ Лозанну. Погода становилась мрачнѣе. Вскорѣ, ужасная буря застала путешественниковъ. Тучи закрыли небо; вѣтеръ былъ жестокій; громъ, казалось, умножалъ силу свою, отъ перекатa въ горахъ, по обѣимъ сторонамъ озера. Всѣ женщины перепугались, кромѣ Аѳенаиды, безмолвной и задумчивой. Между тѣмъ, буря усилилась до такой степени, что начали уже стараться пристать гдѣ нибудь къ берегу. Темнота была столь велика, что предметы мо-

Digitized by Google

жно было различать только при блескѣ молніи, поминутно сверкавшей. Самые лодочники испугались. Въ этомъ всеобщемъ смятеніи, Принцъ думалъ единственно объ Аѳенаидѣ. — «Опасность» — говорилъ онъ ей — «имѣетъ свои прелести; она соединяетъ наши жребіи, а въ мирной жизни все раздѣляетъ ихъ.» — Ахъ! — сказала Аѳенаида — что мнѣ до своего жребія! Но вы, но ваша опасность... У меня нѣтъ силъ переносить эту двойную погибель! — Едва только сказала она слова сіи, какъ, съ страшнымъ трескомъ, молнія упала въ волны, недалеко отъ лодки. Вода закипѣла, и яркая полоса огня, пошухшаго въ водѣ, освѣтила берегъ и лодку. Устремивъ глаза на Аѳенаиду, Принцъ увидѣлъ, что она была блѣдна, и едва не лишалась чувствъ. Глубокій мракъ слѣдовалъ за ударомъ. Не видя болѣе Аѳенаиды, Принцъ зоветъ ее; Аѳенаида тяжело вздыхаетъ, голова ея падаетъ на плечо Принца — она безъ чувствъ! Внѣ себя, Принцъ схватываетъ ее въ свои объятія. Въ эту минуту пристали къ берегу, и Принцъ вынесъ Аѳенаиду на рукахъ своихъ. Всѣ спѣшили между тѣмъ выходить; небо начало проясняться. Аѳенаида опомнилась, и испугалась видя себя въ объятіяхъ Принца, съ отчаяніемъ осыпавшаго руки ея поцѣлуями. Слезы потекли изъ ея глазъ, и одинъ взоръ утѣшилъ

Digitized by Google

Принца за всѣ его страданія. Аѳенаида хотѣла скорѣе присоединиться къ другимъ, и просила Принца дать ей руку. Смятеніе во все время переѣзда, опасность, всѣхъ занимавшая, темнота и буря, не позволили никому замѣтить, что происходило въ лодкѣ; но когда общее спокойствіе возстановилось, всѣ изумились состоянію Принца: глаза его были омочены слезами, черты лица показывали смятеніе души; трогательное чувство выражалось на лицѣ Аѳенаиды. Тутъ вспомнили, что во время самой величайшей опасности, забывая себя, Принцъ думалъ только объ Аѳенаидѣ... Тайна любви, уже подозрѣваемая многими, была открыта...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

О ДРЕВНЕЙ ПОЭЗІИ

Аравовъ, до Мугаммеда.

(Окончаніе)

Творецъ послѣдней, *седьмой* Моаллаки, о которой остается намъ говорить, Лебидъ, видѣлъ окончаніе эпохи Язычества Арабскаго, и начало эпохи Исламизма, или Мугаммеданской религіи. Предки его славились великодушіемъ и храбростію. Говорятъ, что Лебидъ сопутствовалъ Мугаммеду, въ бѣгствѣ его изъ Мекки въ Медину, и изъ ревностнаго язычника сдѣлался потомъ самымъ пламеннымъ послѣдователемъ Мугаммеда. Онъ принялъ вѣру Лжепророка, будучи уже девяноста лѣтъ отъ рожденія, и скончался *ста сорока пяти* лѣтъ. Вступая на сто двадцать первый годъ, онъ говорилъ: «Утомленъ я жизнію; слишкомъ она для меня продолжительна! Надоѣло мнѣ даже и то, что каждый день люди спрашиваютъ у меня: здоровъ-ли ты, Лебидъ?»

Великій поэтическій геній сей, сдѣлавшись Мусульманиномъ, съ сожалѣніемъ взиралъ на стихотворенія, составленныя имъ во дни юности, подъ вліяніемъ языческой вѣры. Только однажды горделиво вспомнилъ онъ о своихъ твореніяхъ, всюду его

Digitized by Google

прославившихъ. Онъ лежалъ, закутанный въ свой плащъ, когда вокругъ него сидѣли другіе Арабы, и бесѣдовали. Одинъ молодой Арабъ, съ негодованіемъ началъ говорить о поэтѣ Тофаилѣ, идолопоклонникѣ, какимъ прежде былъ Лебидъ. Юноша упрекалъ Тофаила особенно за укоризны и брань, заключавшіяся въ нѣкоторыхъ стихахъ, и весьма оскорбительныя роду Джафаровъ. Лебидъ бодро откинулъ плащъ свой, и сказалъ юношѣ: «Сынъ брата моего! ты родился въ такой вѣкъ, когда общественная сила возстала для покровительства одного человѣка противъ другаго. Нынѣ воздвигнуты убѣжища для спасенія бѣдствующихъ, и учреждены общественныя казнохранилища, гдѣ каждый получаетъ плату, на которую имѣетъ право. Но если-бы жилъ ты во время Тофаила, въ то время, когда порицалъ онъ родъ Джафара, ты не обвинилъ-бы его въ несправедливости!» Проговоря сіи слова, Лебидъ снова завернулся въ свой плащъ, легъ, и воскликнулъ: «Боже! прости мои согрѣшенія!»

Благодѣтельная роскошь Лебида также славилась между Арабами. Еще бывши язычникомъ, онъ далъ клятву: кормить бѣдныхъ, всякій разъ, когда вѣтеръ подуетъ съ сѣвера. Каждое утро, каждый вечеръ приходилъ онъ сверхъ того въ капище своего поколѣнія, приносилъ по два блюда кушанья, и раздавалъ пищу бѣднымъ, туда собиравшимся.

Стихотворенія Лебида совершенно владычествовали надъ душами Арабовъ. Халифъ Моатаземъ плакалъ каждый разъ, когда пѣли ему нѣкоторыя изъ Лебидовыхъ пѣсенъ. Однажды, нѣсколько стиховъ

Digitized by Google

Лебида о непрочности мірскихъ дѣлъ, живо привели на память Халифу воспоминаніе о брать, имъ потерянномъ. Сердце его расшерзалось горестію. Но стихотвореніе, потрясшее столь сильно чувства Монарха, пропѣтое въ другой разъ, исцѣлило его отъ скорби. Та-же, услышанная имъ снова мелодія, успокоила его. Такъ сильно бываетъ непобѣдимое вліяніе простыхъ и могущихъ изображеній Природы, на души свѣжія, открытыя неподдѣльнымъ впечатлѣніямъ. Онѣ не знаютъ еще бури софизмовъ; дѣвственныя, чистыя, въ первобытной крѣпости своей, онѣ подобны дикимъ цвѣтамъ, которые не блекнутъ открывая нѣдра свои, для пріятія горящихъ лучей солнца.

Не можемъ не привести здѣсь содержанія тѣхъ стиховъ Лебида, въ коихъ Монархъ Аравійскій нашелъ сладостное утѣшеніе своей горести. «Зачѣмъ предаешься ты скорби, о человѣкъ! Время разлучаетъ людей; но кто-же, смертный, не поражается рукою времени? Люди походятъ на тѣ временные шаборы, въ коихъ живутъ по нѣскольку дней, и которые потомъ, съ отъѣздомъ хозяевъ, дѣлаются обширными, безмолвными уединеніями. Обитатели бѣгутъ, и мѣсто, гдѣ жили они — пустыня! Ладонь не бываетъ столь пуста, когда пальцы выпустятъ то, что держали. Человѣкъ! ты легкое пламя: блеснешь, возвысишься, и — падешь пепломъ. Преходящъ ты, человѣкъ! какъ благія думы, внушаемыя намъ благочестіемъ. Богатства твои — заемъ, который надобно тебѣ отдашь, когда ты умираешь. Старъ я; смерть медлитъ пересѣчь

Digitized by Google

нить моей жизни. Уже принужденъ я подпирать мою дряхлость жезломъ, держа его скорченными перстами. Разсказываю о великихъ, видѣнныхъ мною дѣлахъ минувшихъ поколѣній, а самъ едва влачусь. Дѣлаю-ли усиліе выпрямиться — голова моя гнется къ колѣнамъ. И вотъ я — мечъ, лезвеемъ истершій ножны. Кузнецъ, сковавшій его, давно пересталъ существовать, хотя булатъ его еще рубитъ. Не думай убѣжать: смерть догонитъ тебя. Скоро загорится и моя роковая звѣзда, и — уже можетъ быть, горитъ она!»

У Лебида не было сыновей. Онъ говорилъ своему племяннику, умирая: «Мой сынъ! отецъ твой не *умеръ*: онъ *пересталъ жить*. Когда отдастъ онъ послѣдній вздохъ свой, оборони его къ сторонѣ Киблы, закрой его одеждою, и не произноси ни одного вопля скорби. Возьми тѣ два блюда, на которыхъ всегда носилъ я въ мечеть кушанье, наполни, какъ я ихъ наполнялъ, и когда Имамъ кончитъ молитвы, опидай ихъ тѣмъ, кто тамъ будетъ. Когда насытятся они, пригласи ихъ на похороны брата ихъ.» Лебидъ прочиталъ потомъ умирающимъ голосомъ нѣсколько стиховъ изъ одной своей поэмы. «Когда отецъ твой будетъ похороненъ, закрой трупъ его толстыми досками и землею. Да изгладитъ неподвижное, тяжкое древо морщины тѣла его, и да сохранитъ лицо отъ праха, могущаго обезобразить его. Но, увы! тщетныя старанія! Не удалитъ морщинъ, не сохранитъ отъ праха!»

Сіи стихи были пѣснію лебедя. Пламенная душа сосредоточивала во глубинѣ своей, если можно такъ

Digitized by Google

выразиться, поэтическій огнь, скрышый со времени обращенія Лебида въ Мугаммеданство. Онъ вспыхнулъ, сей огнь, когда поэтъ почувствовалъ сближающійся конецъ жизни. «О вы, двѣ дщери мои!» проговорилъ онъ тогда, въ прелестныхъ, гармоническихъ стихахъ — «или вы хотите, чтобы вѣчно жилъ отецъ вашъ! Или я не изъ человѣческаго рода, не отъ дѣтей Ребіа и Модхара? Если отецъ вашъ умираетъ, не искажайте лицъ вашихъ, не брѣйте главъ вашихъ! Скажите: «Онъ былъ человѣкъ, никогда не оставлявшій союзника, никогда не измѣнявшій довѣренности своего друга!»

Дочери Лебида исполнили отцовское повелѣніе. Но въ теченіе цѣлаго года, едва поутру надѣвали онѣ свое платье, какъ и уходили поспѣшно въ мѣсто, обишаемое дѣтьми Келаба, плакали объ отцѣ своемъ, и тихо удалялись потомъ отъ его могилы.

С. де-Саси, столь справедливо извѣстный своею ученостью, далъ намъ средства изложить все, что мы говорили теперь о Лебидѣ. Онъ помѣстилъ матеріялы сіи въ книгѣ, изданной имъ, подъ названіемъ: *Calila et Dimna*, ou fables de Bidpai en Arabe (Парижъ, 1816 г. in-4), Что касается до *Моаллаки* Лебида, это, какъ говоритъ В. Джонесъ, съ совершенною справедливостью и опредѣленностью, поэма, гдѣ дышитъ любовь. Она нѣжна, прелестна, легка, какъ Сильфида. Читая ее, припоминаете вторую Эклогу Виргилія. Подобно пастуху Мантуанскому, поэтъ жалуется на гордость своей возлюбленной. Отъ сего переходитъ онъ къ исчи-

Digitized by Google

сленію своихъ добродѣтелей, дабы до небесъ вознести потомъ славу своего поколѣнія.

Ничего лучше не льзя сказать объ этой увлекающей поэзіи, съ ея добродушною, кочевою красотою, подобною запаху горнаго шипина, съ ея удивительною характеристическою самобытностью, напоминающею цвѣты и листья чудеснаго алоэ, въ гордомъ возвышеніи стремящіеся къ небесамъ, подобно цвѣтамъ пальмы, и развертывающіеся по мѣрѣ своего возвышенія.

Моаллака Лебида, блестящая яркимъ цвѣтомъ Аравіи, истинное дитя Востока, должна-бъ быть, для полнаго понятія, переведена въ настоящемъ ея духѣ, *воспроизведена*, такъ сказать, въ ея искрящейся краткости. Такъ сверкаютъ, пригвожденныя къ мрачному покрывалу ночи, безчисленныя свѣтлыя звѣзды. Не льзя передать ея впечатлѣнія, не понимая души, ея оживляющей. Скажете, читая ее, что это, на горящемъ небѣ Аравіи, безконечная лазурь, служащая основою тысячамъ звѣздъ. С. де-Саси, по глубокой учености своей извѣстный всей Европѣ, далъ намъ вѣрный переводъ Моаллаки Лебида; но сей переводъ, излишне-вѣрный *словамъ*, осмѣлимся прибавить, не всегда живо выражаетъ характеръ патріархальности Арабскаго поэта. Посему-то, немногими и небольшими переправками въ выпискахъ нашихъ, мы намѣрены дополнить трудъ знаменитаго оріенталиста.

Поэтъ представляетъ сначала ужасающее изображеніе пустыннаго одиночества. Древнія поко-

Digitized by Google

лѣнія исчезли; мѣста ихъ пребыванія запустѣли. Тщетно, долгое время ищетъ онъ на пескѣ какихъ-нибудь слѣдовъ прежняго обиталища. Наконецъ, ураганъ, обметая ушесы, являетъ ветхіе остатки жилищъ очамъ Лебида.

« Исчезли они, на сихъ мѣстахъ, гдѣ раскинуты были шатры, исчезли даже остатки жилищъ, мгновенные слѣды бытія человѣческаго. Мина, гдѣ долго обитали люди, нынѣ область ужасающаго сиротства, подобно Гулу, Риджамѣ и высотамъ горъ Рейанскихъ. Обнаженные потоками, увлекающими пески пустынные, слѣды стариннаго обиталища являются мнѣ, подобно буквамъ, въ ушесъ врѣзаннымъ. Сіи мѣста потеряли своихъ обитателей. Много лѣтъ пролетѣло надъ ними послѣ того; много разъ время войны смѣнялось временами мира, весеннія созвѣздія разсыпали плодотворную росу свою на сіи пустынныя мѣста, и бурныя облака лѣта освѣжали ихъ своими упоительными волнами. Много разъ гнѣздились надъ ними и ночныя тучи: и тѣ, коими при началѣ зари затемняется солнце, и тѣ, которыя, при окончаніи дня бѣгутъ, вдали повторяя грохотъ усиленнаго грома. Дикая трава вьется по длиннымъ, крѣпкимъ столбамъ, и на брегахъ потоковъ газели выкармливаютъ дѣтей, струусъ кладетъ свои яйца. Великоокія антилопы мирно пасутся съ дѣтьми своими, и скоро многочисленныя стада ихъ совершенно покроютъ сіи обширныя долины. »

Лебидъ вопрошаетъ развалины: что сдѣлалось съ ихъ обитателями? Онъ вспоминаетъ первую лю-

Digitized by Google

бовь свою, здѣсь нѣкогда горѣвшую въ его сердцѣ, и стихи его принимаютъ оттѣнокъ элегіи, задумчивости, исполненной прелестью.

« Для чего вопрошать мнѣ сіи камни, глухіе и неподвижные? Ихъ отголоски передадутъ мнѣ только смѣшенные звуки. Многочисленный народъ обиталъ на семъ пустынномъ мѣстѣ. Однажды, на восходѣ солнца, оставилъ онъ сіи мѣста, покинувъ послѣ себя только канавы, по коимъ стекала вода, и клочки соломы, коими затыкались трещины стѣнъ. О Лебидъ! сердце твое горѣло отъ взгляда прекрасныхъ пушешествениицъ сего рода! Онѣ удалялись въ своихъ носилкахъ, закрытыхъ бумажными шканями; до тебя долеталъ рѣзкій гулъ шатровъ, уносимыхъ быстроногими верблюдами. Онѣ удалялись, прелестныя дѣвы, скрытыя отъ всѣхъ взоровъ покрывалами, окружавшими столбики ихъ носилокъ, и защищавшими головы ихъ отъ солнечнаго зноя. Онѣ подобились въ бѣгствѣ своемъ стаду молодыхъ ланей Тадхискихъ, или газелей Веджраскихъ, весело лелѣющихъ друзей своихъ. Ускорялся бѣгъ верблюдовъ ихъ. Сквозь пары, подымавшіеся надъ песками долины, можно было почесть носилки ихъ исполинскими тамариндами, или безмѣрными ушесами долины Беишаской.

Вся каршина отъѣзда начершана рукою мастера. Это живое дѣйствіе, во всемъ разнообразіи, во всей простотѣ его частей. Воображеніе отбрасываешся за четырнадцать столѣтій, въ уединенную пустыню, и мы раздѣляемъ всѣ чувства поэта. Желая исторгнушь изъ сердца своего воспоминаніе не-

Digitized by Google

забвенной, тщетно напоминаетъ себѣ Лебидъ ея непостоянство.

«Для чего помышлять о Наварѣ? Она убѣжала, она разорвала узы, связывавшіе тебя съ нею. Невѣрный потомокъ Морра, она основала жилище свое въ Фаидѣ. На границы Хеджаза ушла она потомъ, непостоянная, воздвигнуть шатеръ свой, забывъ Фаидъ. Гдѣ-же ты найдешь ее? То является она въ поляхъ, на востокъ отъ двухъ горъ, то Фарда представляетъ ей убѣжище, и она обитаетъ въ Рохамѣ. Бѣги отъ дѣвы, вѣчно бродящей! Обожай постоянство. Если человѣкъ, избранный тобою, колеблется въ своей дружбѣ, разорви скорѣе узелъ дружбы, отправляйся, бѣги, садись поспѣшно на этого легкаго верблюда — скелетъ, потерявшій тукъ свой въ продолжительныхъ переходахъ, лишенный тѣла, истощенный усталостью, но радостно бѣгущій, едва почувствуетъ бразды на своей шеѣ, и забывающій, что еще не привязана на немъ крѣпкими ремнями обычная его ноша. Онъ бѣжитъ, какъ облако, разрѣшенное отъ воды, тягчившей его, оторвавшееся отъ раскаленнаго неба, и сильно движимое южнымъ вѣтромъ. Такъ бѣжитъ самка онагра. Уже млеко наполняетъ сосцы ея, уже въ нѣдрахъ ея скрытъ залогъ любви бѣлоногаго друга ея, покрытаго рубцами, признакомъ долгихъ битвъ съ соперниками его. Онъ оспорилъ свою добычу; соперники побѣждены; окровавленный, гонитъ онъ свою подругу на вершину холма, и ея неповиновеніе возбуждаетъ его ревнивую любовь. Подруга отвергаетъ его ласки, его

Digitized by Google

буйство, и побѣдитель спрашится: не любви-ли другаго покорилась она? Въ ярости принуждаетъ онъ ее бѣжать далеко, на песчаныя вершины Талбута. Съ сего мѣста, надъ которымъ нѣтъ уже предѣла, его превышающаго, онъ глядитъ на долины. Все его устрашаетъ. Не скрывается-ли охотникъ, выжидающій ихъ за сими мѣшами путевыми, поставленными среди пустыни для проѣзда странниковъ? Полгода остается онагръ, съ своею подругою, преданный всей свирѣпости зимней. Долго не находитъ онъ ничего для утоленія жажды, кромѣ сока растеній, имъ пожираемыхъ. Но смѣлая рѣшительность спасаетъ его. Онъ и она снова начинаютъ бѣгъ свой, бѣгутъ и черезъ колючіе кустарники, иглами своими раздирающіе ихъ ноги, бѣгутъ, не взирая на горящее дыханіе лѣтняго вѣтра и его роковой жаръ. Въ быстромъ бѣгѣ своемъ, онъ и она спорятъ, кажется, наперерывъ догоняя широкое облако пыли, мрачною тѣнью летающею надъ ихъ головами: такъ летитъ дымъ отъ огня, раздуваемаго сѣвернымъ вѣтромъ, и сжигающаго зеленые кустарники, или отъ огня, подъемлемаго вѣтромъ съ огромнаго костра. Онагръ хочетъ, чтобы подруга его бѣжала передъ нимъ, онъ гонитъ ее передъ собою. Наконецъ достигаетъ онъ до берега ручья, бросается съ береговъ, и разсѣкаетъ въ плаваніи своемъ воды пустыни, поросшія толстымъ, перепутаннымъ тростникомъ.»

«Не подобишься-ли ты, верблюдъ мой! лани, со вздернутымъ носомъ, у кошорой левъ пожралъ дитя, на время сю оставленное, и переданное за-

Digitized by Google

щитѣ самца, шедшаго впереди стада? Не нашедъ дитяти своего, долго не переставала она бѣгать по песчанымъ холмамъ, и своими воплями призывать дитя, когда оно лежало уже на пескѣ, растерзанное сѣрыми, жадными крови, ненасытными волками. Они подстерегли мгновеніе, когда мать не охраняла его, и — погибъ драгоцѣнный предметъ нѣжныхъ заботъ матери! Она еще бѣжитъ вдаль искать его. Обхваченная потоками воды, брызжущей изъ густыхъ облаковъ, бѣдная находитъ себѣ убѣжище только за пнемъ пустыннаго дерева, кривымъ, стоящимъ на предѣлахъ холмовъ движущагося песка, несомаго, влекомаго на нее свирѣпствомъ бури. Среди глубокой ночи, закрывшей мрачными покрывалами блескъ свѣтилъ небесныхъ, она дрожитъ, и спина ея вмокла подъ бурнымъ дождемъ. Тщетно смотритъ она на всѣ стороны во мракѣ. Только бѣлизна кожи ея слегка освѣчиваетися, какъ жемчужина, дщерь морей, дрожащая, перекатывающаяся на гладкой шелковинѣ, нѣкогда служившей связью прекраснаго ожерелья. Утромъ, едва свѣтъ заступитъ мѣсто мрака, лань снова спѣшитъ начать свой безполезный бѣгъ. Скользятъ ноги ея по землѣ, изрытой бурями ночи. Семь разъ смѣнялись день и ночь; упоенная скорбію, не переставала она блуждать окрестъ болотъ Соаидскихъ. Она потеряла всю надежду; изсохли сосцы ея — увы! еще заключавшіе въ себѣ млеко для милаго чада! И вотъ — она слышитъ голосъ человѣка! Внезапный ужасъ объемлетъ ее; она думаетъ, что враги ошвсюду ее объѣхали, бѣжитъ, бѣжитъ такъ быстро, что охотники,

Digitized by Google

отчаявшись достигнуть ее своими стрѣлами, выпускаютъ на нее семь псовъ, съ длинными, висящими ушами, сухобокихъ, ребристыхъ. Жестокіе! отвсюду окружили они бѣдную, сиротствующую мать! Она обращаетъ на нихъ свои вѣтвистые, грозные рога, длинные и острые, какъ копье, сдѣланное искуснымъ кователемъ; она истощается въ усиліяхъ отбиться отъ псовъ, и уже Казабъ палъ, обагренный кровью, уже Сохамъ распростертъ на прахѣ!»

Сидя на этомъ верблюдѣ, котораго бѣгъ такъ быстръ, какъ бѣгъ самки онагра, и лани, ищущей дитя свое, Лебидъ странствуетъ по полямъ. Двѣ слѣдующія за тѣмъ картины, по изяществу поэзіи, могутъ стать съ самыми величественными картинами Восточной Поэзіи. Это простые, высокіе образы природы, изумляющей въ своей дикой наготѣ.

Лебидъ хочетъ удалить отъ себя несносное воспоминаніе непостоянства Навары. Онъ хочетъ истребить грусть свою объ ней, избравъ другую подругу. «Развѣ не вѣдаетъ она, что по своей волѣ затягиваю и разрываю я узлы дружества? Или не знаетъ она, что я не колеблюсь бѣжать изъ мѣстъ, гдѣ мнѣ не нравится, если только жертва не будетъ принесена для моего умилостивленія? Ахъ! не знаешь ты, Навара! сколько часовъ холодной ночи протекало для меня въ сладкихъ разговорахъ и нѣжныхъ наслажденіяхъ! Сколько такихъ ночныхъ часовъ провелъ я подъ навѣсомъ торговца, продававшаго вино свое на вѣсъ золота, и привле-

Digitized by Google

кавшаго меня своею вывѣскою. Напитокъ, хранимый въ старинныхъ, темныхъ сосудахъ, или почерпнутый изъ сосудовъ, залитыхъ черною смолою, съ которыхъ срывали печать, лился для меня въ чаши, и сокровищами своими платилъ я за него. Часто, при согласныхъ звукахъ лютни, послушной перстамъ юной дѣвы, хорошо знающей свое искусство, съ утра услаждался я златоцвѣтнымъ напиткомъ. Предаваясь такому наслажденію, я предупреждалъ имъ птичку, пѣніемъ возвѣщающую наступленіе утра, и уже много разъ была осушаема мною чаша, когда пробуждались люди, отдающіе сну первые часы дня.»

Такъ Лебидъ старается показать презрѣніе, равнодушіе, веселость, хочетъ, и обмануть самого себя, и возбудить ревность и любовь невѣрной. Потомъ, силою великодушнаго, героическаго рѣшенія, онъ хочетъ изгнать изъ сердца своего любовь, достигаетъ до увѣренія самого себя, что онъ не любитъ уже болѣе. «Часто,» говоритъ Лебидъ,» часто, при восходѣ солнечномъ спасалъ я странника отъ суровости сѣвернаго вѣтра и отъ холода утренняго, когда Сѣверъ держалъ въ рукахъ своихъ бразды вѣтра. Вѣрный защитникъ правъ моего рода, на легкаго коня возлагалъ я свое оружіе. Обвитая по тѣлу моему узда его служила мнѣ поясомъ, когда раннимъ утромъ бросался я на хребетъ его, и стоялъ стражемъ при межѣ столпа пыли, закрывавшаго знамена непріятельскія. Ночь сходила на долину; мой благородный конь былъ неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, поднявъ свою голову.

Digitized by Google

Сказали-бы, видя его, что это пальма, лишенная листьевъ, и вышиною своею устрашающая человѣка, который долженъ взобраться на самый верхъ ея, и нарвать шамъ финиковъ. Я пріучилъ его бѣгать быстрѣе строуса. Когда онъ разгоряченъ, и когда тѣло его легко, какъ перо, сѣдло прыгаетъ по его спинѣ, пошокъ течетъ по его груди, волны пѣнящагося пота омываютъ его подпруги. И тогда возвышаетъ онъ свою голову, упирается въ повода, удерживающіе его горячность, бьетъ удвоенными ударами. Такъ голубка, увлеченная быстрымъ полетомъ своего сшада, бросается къ источнику утолить жажду свою.

«При томъ Дворѣ, гдѣ собираются толпы неизвѣстныхъ одинъ другому чужеземцевъ, при томъ Дворѣ, котораго милостей они ищутъ, а осужденія бояшся, гдѣ голодные львы, подобны злотворнымъ геніямъ дикой страны Бедхійской, при Дворѣ, ни передъ кѣмъ не уклоняющемся, и не переставающемъ угрожать по своей волѣ, при томъ Дворѣ свободно отдѣлялъ я щетныя требованія отъ истинныхъ и справедливыхъ, обличалъ одни, признавалъ другія. И самые гордые изъ судимыхъ мною, не смѣли превознестись противъ меня благородствомъ своего происхожденія.»

Поэтъ становится восторженнѣе, даетъ великолѣпное понятіе о своей щедрости, своемъ величіи, своемъ умѣ. Бѣглянка Навара сохранитъ воспоминаніе о немъ, какъ острую стрѣлу, которую никогда не исторгнутъ ей изъ своего сердца.

Digitized by Google

« Часто » — говоритъ онъ — « часто приглашаю я своихъ товарищей, и говорю имъ : » Раздѣлите себѣ верблюда, котораго жертвую я для удовольствія вашего. Киньте жеребій равными стрѣлами. Пусть судьба назначитъ вамъ любаго изъ моихъ верблюдовъ, безплодное-ли это будетъ животное, или тучная верблюдица, все, что назначитъ жеребій, я не пожалѣю отдать въ жертву: она вполнѣ принадлежитъ собравшимся ко мнѣ друзьямъ моимъ. » Лебидъ хочетъ сказать, что онъ требуетъ жеребья, не для одного только раздѣленія частей верблюда, но, чтобы и самого верблюда могли выбрать по волѣ судьбы изъ цѣлаго стада, какой-бы ни попался, для угощенія друзей его.

« У меня — продолжаетъ Лебидъ — землякъ и чужеземецъ, требующіе гостепріимства, подумаютъ, что они находятся въ долинѣ Тебалаской, среди богатствъ земли плодородной. Бѣдная женщина ищетъ пріюта подлѣ вервей, укрѣпляющихъ мой шатеръ. Подъ лоскутьями, покрывающими ее, она похожа на верблюда, смерти обреченнаго, привязаннаго къ гробницѣ, долженствующаго кончить близъ оной жизнь, отъ голода и утомленія. Когда свирѣпые вѣтры завоютъ въ долинѣ, сироты, дѣти этой отчаянной матери, окружаютъ мою трапезу, и питаются отъ моей благодѣтельности. »

Гордость Лебида, и эта величавость, съ какою упивается онъ горестью, причиненною ему отвергнутою любовью, или удаленіемъ непостоянной подруги, достигаетъ наконецъ до самаго жестокаго вдохновенія, въ окончаніи его Моаллаки, этой

Digitized by Google

эклоги, исполненной нѣжности, возвышенности, страстей, дышащей всѣмъ восторгомъ генія Аравіи.

«Въ одномъ мѣстѣ соединились собранныя наши поколѣнія. Возсталъ изъ среды ихъ мужъ великій, способный на самыя опасныя предпріятія, на рѣшеніе ссоръ, на равное раздѣленіе добычи, утверждающій крѣпкою рукою права своего рода, и великодушно жертвующій другимъ своими собственными правами. Явились вожди, щедростью своею дающіе товарищамъ средства отличаться подвигами благотворительности. Вы видите ихъ, расточающихъ благодѣянія, завистливыхъ только къ единой славѣ, подругѣ высокихъ добродѣтелей, славѣ, которую предки, своими примѣрами, научили ихъ почитать неотъемлемымъ наслѣдствомъ. Каждый народъ слѣдуетъ великому примѣру, и сообразается съ избраннымъ образцомъ. Никогда не затмится слава сихъ воителей. Они не знаютъ, что такое значитъ: предаваться на волю страстей своихъ!»

«О ты, завидующій намъ, будь доволенъ раздѣломъ, опредѣленнымъ отъ Царя Царей! Онъ хощетъ того, Онъ, глубокою своею мудростію распредѣляющій между нами достоинства и склонности! Въ удѣлъ намъ достались отъ Него вѣрность и совѣсть. Для насъ воздвигнуто Имъ великое зданіе славы. Наши старцы и наши юноши стремятся только къ тому, чтобы достигнуть высоты онаго. Въ дни бѣдствій, бросаются они на коней своихъ, защищаютъ отчизну, повелѣваютъ другими, судятъ раздоры ближнихъ. Они благодѣтельны къ

Digitized by Google

несчастливцу, молящему у нихъ убѣжища, къ вдовицѣ, которой годы слишкомъ медленно для нея пролетаютъ; они благодѣтельны, какъ ясная весна. Одно семейство составляютъ они, семейство связанное самыми тѣсными узами, когда надобно уничтожить злыя намѣренія зависти, стремящейся препятствовать имъ взаимно помогать другъ другу, когда надобно наказать сообщича-злодѣя, гонимаго соединиться съ врагами.»

Таковы сіи Моаллаки, сіи *семь звѣздъ* Аравійской Поэзіи. Наше описаніе и выписки, конечно, могутъ дать только самое отдаленное, слабое понятіе о сихъ неподражаемыхъ твореніяхъ; но мы полагаемъ, что и сего тусклаго изображенія достаточно для проницательности читателей нашихъ. И все это суть только бѣдные остатки обширнаго поэтическаго міра, остатки, спасенные памятью въ крушеніи вѣковъ. Каково-же было вполнѣ яркое свѣтило духа человѣческаго, горѣвшее въ душахъ Аравитянъ!

Мы присовокупимъ къ Моаллакамъ еще нѣсколько Аравійскихъ пѣснопѣній, позднѣйшихъ, взявъ оныя изъ собранія, называемаго Аравитянами: *Гамаза*. Та пьеса, которую представимъ мы прежде другихъ, достойна, какъ говоритъ Гёте, стать на ряду съ Моаллаками. Но она была сочинена уже во время Мугаммеда. Гёте превосходно изобразилъ духъ сего изящнаго произведенія, во вступленіи и примѣчаніяхъ къ оному, переводя его въ изданномъ имъ собраніи стихотвореній, подъ названіемъ: *Диванъ*. Представляемъ читателямъ нашимъ мысли сего велика-

Digitized by Google

го поэта, хотя и не собственными его словами.

— Цвѣтъ сей поэмы мрачный; это—если осмѣлимся такъ выразиться — нощная пѣснь. Въ ней все горитъ; видите пламенную жажду мстительности, пресыщеніе мстительностью. Дабы понять геній поэта, не нужно много словъ. Внутренній смыслъ сей Поэзіи, мозгъ ея, такъ сказать, состоитъ изъ чрезмѣрнаго величія характера, ужасающей важности, законной жестокости. Въ двухъ первыхъ строфахъ ясно сдѣлано изложеніе. Въ третьей и четвертой, убитый говоритъ послѣ своей смерти. Трупъ возвѣщаетъ своимъ ближнимъ законъ мщенія. Смыслъ шестой и седьмой строфъ, перенесенный лирическимъ искусствомъ, соединяется съ двумя первыми. Съ седьмой до пятнадцатой строфы находимъ восторженную похвалу убитому. Четырнадцатою строфою начинается дѣйствіе мщенія, оканчивающееся семнадцатою; восмнадцатая строфа обращаетъ насъ къ прежнему. Можно-бы поставить девятнадцатую и двадцатую непосредственно послѣ двухъ первыхъ, такъ-же какъ двадцать первую и двадцать вторую послѣ семнадцатой. За симъ слѣдуетъ наслажденіе торжествомъ, утѣхи кроваваго пира. Наконецъ, для увѣнчанія поэмы, поэтъ выражаетъ ужасающую радость, при видѣ зарѣзанныхъ враговъ, лежащихъ передъ нимъ добычею гіэнъ и коршуновъ.

Всего болѣе замѣчательна въ семъ пѣснопѣніи перестановка событій, достаточная для преобра-

Digitized by Google

щенія въ истинную Поэзію Прозаической наготы дѣйствія. Это преображеніе, соединенное съ удивительною простотою поэмы, раскаляетъ сущность ея, дѣлаетъ важное болѣе ужаснымъ, болѣе высокимъ. Читая ее, проникая въ ея глубину, видите всѣ предметы, отъ начала до конца, возвышающимися постепенно передъ вами, яснѣющими болѣе и болѣе, какъ будто самое дѣйствіе происходитъ передъ вашими глазами.

«1. Подъ ушесомъ, на большой дорогѣ, лежитъ онъ, зарѣзанный. Ни одна капля росы не омыла жилъ его.

2. Тяжелое бремя налегло на меня. Онъ наложилъ его, и улетѣлъ. Клянусь, что снесу это бремя!

3. «Да наслѣдуетъ онъ мое мщеніе, сынъ сестры моей, храбрый, неумолимый!»

4. Онъ замолчалъ, и ядъ смертельный проступилъ сквозь его тѣло. Такъ молчитъ выдра; такъ змѣя передваиваетъ въ самой себѣ отраву, и всякое волшебство противъ нея безсильно.

5. Ужасное посланіе изумило насъ. Вѣсть неслыханныхъ бѣдствій! Сильнѣйшій изъ людей будетъ раздавленъ ею!

6. Жребій увлекъ меня. Онъ поражаетъ человѣка полезнаго для друзей своихъ, и никогда, никому не отказывавшаго въ гостепріимствѣ.

7. Онъ былъ жаръ солнечный среди хлада, тѣнь и свѣжесть, когда пожираетъ людей зловѣщая звѣзда.

Digitized by Google

8. Крѣпки были ноги его, плотны руки его. Ничего не было въ немъ бѣднаго и ничтожнаго. Смѣлъ и буенъ былъ онъ.

9. Съ твердою волею доходилъ онъ всегда къ своей цѣли. Тогда отдыхалъ онъ, и твердая воля его съ нимъ отдыхала.

10. Онъ былъ буря, изъ тучь излетѣвшая. Дары падали изъ рукъ его. Нападалъ-ли онъ — это былъ левъ бѣшеный!

11. Величествень шелъ онъ во главѣ народа, познаваемый по своимъ чернымъ кудрямъ, по своему длинному одѣянію. Какъ голодный волкъ кидался онъ на враговъ.

12. Медъ и желчь, двѣ снѣди были въ рукахъ его. Онъ питалъ тою и другою тѣхъ, кто приближался къ нему.

13. Страшный, одинъ на конѣ своемъ, появлялся онъ, и никого не было съ нимъ, кромѣ меча Іеменскаго, украшеннаго только слѣдами бишвъ.

14. Въ полдень двинулись наши юноши. Какъ сквозь облака, отдыха не знающія, приходящія и уходящія, прошли мы сквозь мраки ночи.

15. У каждаго былъ мечъ его — молнія сверкающая, когда онъ извлекалъ его изъ ноженъ. И каждый самъ былъ мечъ!

16. Они дышали духомъ сна, и когда дрожали ихъ усыпленныя главы, мы ударили... ихъ не было!

17. Мщеніе было нашею радостью, полное мщеніе. Отъ двухъ поколѣній осталось немного людей, сколько можно менѣе осталось ихъ!

Digitized by Google

18. Гудсейлитъ изломалъ свое копье для его гибели. Его копье погубило Гудсейлитовъ.

19. Жестко было мѣсто покоя, которое они ему выбрали. На скалистомъ утесѣ положили они его, гдѣ раскололось-бы даже копыто верблюда.

20. Когда утро освѣтило сіе шемное мѣсто, и привѣтствовало его на пяжкомъ ложѣ, они его ограбили, и добычу его расхитили.

21. Но теперь, съ широкими ранами, пали Гудсейлиты подъ моимъ мщеніемъ. Не притупляетъ меня бѣдствіе: оно объ меня притупляется.

22. Жаждало копье мое; оно утолило жажду съ первой чаши; но не препятствовали мы ему пить еще много разъ.

23. Вино, намъ запрещенное, снова разрѣшено для насъ. Безконечныхъ трудовъ стоило мнѣ это разрѣшеніе.

24. Я передалъ это разрѣшеніе коню моему, мечу моему, копью моему. Теперь это общее добро.

25. Подай-же мнѣ чашу, о Савадъ, сынъ Амру! Тѣло мое безобразная рана, и это за дядю моего.

26. Гудсейлитамъ поднесли мы чашу смерти, чашу, изливающую отчаяніе, ослѣпленіе, униженіе.

27. Смерти ихъ смѣются гіэнны, и волки о ней весслятся.

28. Съ высоты небесъ слетѣли благороднѣйшіе коршуны. Тихо переходили они отъ трупа къ тру-

Digitized by Google

пу, и, ошягченныхъ столь богатою трапезою, крылья не могли поднять ихъ на воздухъ.»

Все это произведеніе дышитъ самымъ дикимъ величіемъ. Это роскошь убійства, неистребимая жажда крови человѣческой. Правосудіе является здѣсь въ видѣ Фурій. Эти поколѣнія, погруженныя въ сонъ, дышащія духомъ покоя, эти люди, у которыхъ дрожатъ усыпленныя головы, и которыхъ рѣжутъ въ глубокомъ молчаніи. Копье, жаждущее крови, и чаша смерти, представляемая врагамъ, изъ коихъ немного, сколько можно менѣе убѣгаютъ. Смѣхъ гіэнъ, веселье волковъ, коршуны, прилетѣвшіе на трапезу, и перелетающіе отъ трупа къ трупу, пока пресыщеніе не даетъ имъ летѣть по обыкновенію. Все это вмѣстѣ высоко ужасомъ и Омировскою простотою. Кажется, мы сошли въ мрачную, наполненную человѣческими остатками пещеру, среди страшнаго молчанія, когда къ хладному, ночному вѣтру присоединяютъ свое леденящее дыханіе гробовыя испаренія, окружая насъ ужасомъ неизъяснимымъ (*)...

(*) Симъ заключается статья Барона Экштейна, къ сожалѣнію не конченная. Но и то, что есть въ ней, можетъ дать понятіе о предметѣ, почти неизвѣстномъ Русскимъ читателямъ. Одинъ почтенный литтераторъ сообщилъ мнѣ замѣчаніе, что многія Арабскія имена въ переводѣ моемъ неправильны, и что надобно-бы писать: *Амралькеисъ*, *Цохаиръ*, *Гаретъ*, и т. д. — Кромѣ того, что вѣроятно и симъ не выразимъ мы вполнѣ Арабскихъ звуковъ,

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— Index librorum bibliothecæ universitatis Cæsareæ Mosquensis. *Каталогъ книгъ библіотеки* Императорскаго *Московскаго Университета*, составленный Библіотекаремъ Ф. Ф. Рейсомъ, изданный трудами И. Б. Петрозиліуса, Помощника Библіотекаря. *Томъ первый*, содержащій: Порядокъ I Пантологическихъ и Полилогическихъ книгъ. Порядокъ II

оправдываюсь тѣмъ еще, что я держался правописанія Барона Экштейна. Замѣтимъ здѣсь, что слово: *Моаллака*, значитъ собственно: *привѣшенная*. Онѣ были вышиты золотомъ, и *привѣшены* къ стѣнамъ Меккской Каабы, на удивленіе потомству. Отъ сего называютъ еще ихъ: *Модхабебы*, т. е. *золотыя*. Моаллака Лебида есть въ Русскомъ переводѣ Г-на Боткинова (изд. въ СПб. 1827 года); но къ сожалѣнію, я не могъ достать ея. По ошибкѣ переписчика вкралась въ рукопись моей статьи непростительная ошибка ВъN° 20-мъ Телеграфа, стр. 517, стр. 29—31, и стр. 518, стр. 1, вмѣсто словъ, напечатанныхъ въ сихъ строкахъ, должно читать слѣдующее: «Потъ его покрывающій походитъ на толстое покрывало, *или на замазку изъ твердой смолы, отъ жара жестокаго огня кипящую на бокахъ котла. Пр. Пер.*

Digitized by Google

Богословскихъ книгъ. Порядокъ III Основныхъ, Философическихъ и Мистическихъ книгъ. М. Въ Унив. т. 1831. XLIX и 327 стр. in-4.

Библіотека Московскаго Университета не богата числомъ книгъ (ихъ считается до 30,000 томовъ), не богата и числомъ рукописей. Въ ней такъ-же нѣтъ какихъ либо драгоцѣнныхъ произведеній типографскаго искусства. Однакожь, при недостаткѣ всякихъ книжныхъ пособій въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ, кромѣ Университетской, ни одной публичной библіотеки, и она могла-бы служить нѣкоторымъ средствомъ въ ученыхъ занятіяхъ. Правда, что сія Библіотека очень не обширна въ сравненіи съ пособіями Петербурга: тамъ въ Императорской Библіотекѣ считается до 250,000 томовъ и 12,000 рукописей; да сверхъ того существуютъ еще библіотеки: Академіи Наукъ, Румянцовская, Адмиралтейская, и много другихъ, не столь обширныхъ, но въ коихъ можно пользоваться нужными книгами. Не говоримъ уже о богатствахъ другихъ Европейскихъ столицъ; кстати вспомнимъ однакожь, что въ Королевской Парижской Библіотекѣ хранится болѣе 350,000 печатныхъ книгъ и 70,000 рукописей, въ Придворной Центральной Библіотекѣ въ Минхенѣ болѣе 400,000 книгъ и 9,000 рукописей; въ Импер. Вѣнской 300,000 книгъ и 12,000 рукописей, въ Геттингенской 300,000 книгъ, въ Оксфордской 500,000 томовъ и 30,000 рукописей; въ библіотекѣ Лондонскаго Музея 150,000 книгъ и около 60,000 рукописей. Намъ могло-бъ быть полезнѣе сихъ огромныхъ исчисленій то небольшое

Digitized by Google

собраніе, которое хранится въ Библіотекѣ Московскаго Университета. Но какъ пользоваться онымъ безъ исправныхъ, ясныхъ каталоговъ? Библіотека безъ каталога, тоже что незнакомый лѣсъ, который надобно пройдти во всѣхъ направленіяхъ, чтобы не блуждать въ немъ. Сему неудобству давно старались пособить почтенные Члены Московскаго Университета. Въ 1826 году Профессоръ Рейсъ (Библіотекарь) издалъ *Порядокъ Библіотеки*; нынѣ, помощникъ его, Г. Петрозиліусъ, издаетъ и самый *Каталогъ*, составленный Г-мъ Рейсомъ. Жаль что сія книга издается безъ всякихъ ученыхъ принадлежностей: безъ введенія, гдѣ объяснялись-бы Исторія Библіотеки и планъ Каталога, безъ указаній на важнѣйшіе предметы и рѣдкости сего собранія, однимъ словомъ, безъ всякихъ удобствъ для желающихъ съ пользою употреблять книгу, которой 1-й томъ передъ глазами нашими. Не знаемъ, что было тому причиною, но искренно жалѣемъ, что и при этомъ новомъ Каталогѣ мы все таки будемъ въ Библіотекѣ Московскаго Университета какъ въ лѣсу. Кромѣ объясненнаго нами недостатка въ ученыхъ принадлежностяхъ, книга сія имѣетъ и еще важнѣйшій недостатокъ: сбивчивость и неудобство плана, по коему расположенъ Каталогъ. Напримѣръ, на чемъ основано раздѣленіе наукъ, означенное на полулистахъ, подъ цифрами VI и VII-ю? Признаемся, что со всею доброю волею мы даже не могли добиться, что это такое? Между тѣмъ, на этомъ раздѣленіи основанъ весь Каталогъ. Мы не можемъ, да и не почитаемъ нужнымъ входить въ подробности, но

Digitized by Google

замѣтимъ, что и расчисленіе книгъ по разрядамъ во многихъ мѣстахъ ошибочно. Вообще намъ кажется, что надлежало-бы избрать методу попростѣе, и, не растягивая Каталога на многіе томы, поскорѣй дать какую нибудь нить для руководства желающимъ пользоваться Университетскою Библіотекой.

— *Вспомогательные расчеты при исчисленіи процентовъ по Банковымъ билетамъ.* Съ прибавленіемъ *а*) Статьи о процентахъ на вклады, вносимые для приращенія оныхъ въ Государственные Банки и другія установленія; *в*) Примѣровъ исчисленія процентовъ. СПб. 1831. Въ т. Экспед. заготовленія Государств. бумагъ. VII и 128 стр. in-8.

Трудъ, полезный для всѣхъ, имѣющихъ большіе и частые разсчеты съ Государственными Банками и ссудными кассами вообще. Сочинители сей книги ручаются, что въ издаваемыхъ ими разсчетахъ нѣтъ ни въ исчисленіи, ни въ печатаніи никакой ошибки.

— *Руководство по слѣдственной части.* СПб. Въ т. Смирдина. 1831. 58 стр. in-8.

О выборахъ дворянскихъ и купеческихъ въ должности, по существующимъ законамъ и обрядамъ назначенныя, съ изложеніемъ правъ и обязанностей избирателей и избираемыхъ, классовъ, должностямъ ихъ присвоенныхъ, и наградъ, за службу положенныхъ. Составлена Петромъ Гуляевымъ. Спб. Въ тип. Деп. народн. просвѣщ. 1831. XV и 74 стр. in-8.

Digitized by Google

Обѣ сіи книги соотвѣтствуютъ тому роду сочиненій, которыя въ просвѣщенныхъ государствахъ Европы извѣстны подъ названіемъ *Ручныхъ книгъ*, и которыя бываютъ сокращеніемъ свѣдѣній о предлагаемомъ предметѣ. Въ послѣднее время, сей родъ сочиненій чрезвычайно размножился, что впрочемъ весьма естественно, ибо не всякій можетъ заниматься всѣми предметами, но всякому, въ общественной жизни, случается сближаться съ предметами многими и разнородными. Напримѣръ, въ объявляемыхъ нами книгахъ собраны всѣ существенныя свѣдѣнія о *производствѣ слѣдствій*, и *выборахъ*, дворянскихъ и купеческихъ. Кажется, предметы не очень общіе; однакожь всякому гражданину надобно имѣть понятіе объ оныхъ, ибо всякаго могутъ выбрать въ гражданскую должность и отправить на слѣдствіе. Не почитаемъ нужнымъ распространяться о книгѣ, составленной Г-мъ Гуляевымъ, ибо аккуратность и отчетливость сего Юриста извѣстны публикѣ по всѣмъ, изданнымъ имъ книгамъ. Въ изданной нынѣ собрано все, что относится къ выборамъ. Книга сія въ настоящее время имѣетъ еще интересъ и современный, ибо нынѣ срокъ *выборовъ* по многимъ губерніямъ.—*Руководство по слѣдственной части* также составлено хорошо, и, какъ видно, знающимъ по сей части человѣкомъ.

— *Таблица Россійскаго Словосочиненія* для начинающихъ. Составлена Александромъ Медвѣдевымъ. СПб. Въ т. Медиц. Деп. Мин. внутр. дѣлъ. 1831. 65. стр. in-8.

Digitized by Google

Сочиненія сего не должно почитать трудомъ оконченнымъ. Изъ Предисловія Автора видимъ, что узнавъ на опытѣ нѣсколькихъ лѣтъ удобность и достоинство своей методы, онъ надѣялся принести пользу обнародованіемъ оной, и для того напечаталъ сію книжку. Иначе и понимать не льзя мысли Автора. Обращаясь къ наставникамъ, онъ старается вразумить ихъ, что на изученіе Словосочиненія надобно смотрѣть какъ на средство къ развитію мышленія, а не какъ на дѣтское только заученіе условныхъ правилъ языка. Справедливо и благонамѣренно. Желать надобно отъ всѣхъ наставниковъ такихъ понятій. Но, отдавая должную справедливость намѣренію и труду Автора, мы должны сказать, во-первыхъ, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ Словосочиненіе, приписывая оному излишній объемъ; во-вторыхъ, что исполненіе не соотвѣтствуетъ благому его намѣренію. Напримѣръ, онъ говоритъ: «Объясняя правила «Словосочиненія, учитель не долженъ ограничи- «ваться только правильностію связи словъ, заим- «ствованною изъ наслышки, а болѣе обращать вни- «маніе на то, чтобы навыкъ правильно выражать- «ся былъ слѣдствіемъ навыка правильно мыслить, «и связь словъ основывалась на связи мыслей.» *Навыкъ правильно мыслить*! И этого требуютъ отъ ребенка! Таково несовершенство нашихъ методъ ученія! Но, какъ-бы то ни было, здѣсь явно, что Авторъ не различаетъ *сужденій*, принадлежащихъ къ области Логики, отъ *связи словъ*, чисто подвластной Грамматикѣ. Далѣе: «Практическое «заняшіе Словосочиненіемъ должно начинаться съ

Digitized by Google

«навыка хорошо понимать значеніе словъ, встрѣ-«чающихся въ рѣчи.» Не понимаемъ, отъ чего-же изученіе смысла словъ принадлежитъ къ Словосочиненію? Не болѣе-ли, если не вовсе, относится оно къ Словопроизведенію?

Касательно исполненія мысли Авторовой, или содержанія его книги, можно замѣтить нѣсколько неисправностей. Напримѣръ, Отдѣленіе II-е, *О сочиненіи Риторическихъ предложеній*, нейдетъ къ дѣлу. Только въ варварскіе для Краснорѣчія вѣка могли такъ анатомически разбирать ораторскія Рѣчи, изъ коихъ самыя увлекательныя бываютъ минутнымъ вдохновеніемъ. Спрашиваемъ: неужели Фуа и Шериданы *составляли Риторическія предложенія посредствомъ распространенія?* Нимало! Надобно родиться ораторомъ, и тогда составленіе сихъ предложеній будетъ такъ-же легко и безотчетно для васъ, какъ для силача атлетическія движенія, которыхъ не льзя пріобрѣсти никакимъ анатомическимъ изученіемъ. Риторика основана вся на шаткомъ фундаментѣ; тѣмъ менѣе надобно заимствовать гнилые матеріялы изъ нея для такого вѣчноюнаго знанія, какъ Грамматика, имѣющая свой опредѣленный, законный кругъ дѣйствій. —Не исчисляя мелкихъ обмолвокъ и ошибокъ Автора, укажемъ еще на одно мѣсто его книги: «Словорасположеніе «*Россійское* можетъ *раздѣлено быть* на три главные «періода. Древнее, оставшееся въ Лѣтописцахъ, «Уложеніяхъ и другихъ творсніяхъ до Императора «Петра I-го; среднее, образованное по Латинско-«му и частію Нѣмецкому Синтаксису; новое, ко-

Digitized by Google

«шораго введеніе приписываютъ (!) Н. М. Карам-«зину.» Сколько тутъ ошибокъ и невѣрностей?

— *Благоговѣйныя чувствованія и нравоучительныя размышленія добрыхъ дѣтей.* Твореніе Вашса. Перевелъ съ Англійскаго А. Огинскій. СПб. Въ т. Штаба отдѣльн. Корпуса внутренней стражи. 1831. III и 64 стр. in-12.

— *Гимны въ пользу дѣтей.* Твореніе Г-жи Гильбершъ. Перевелъ съ Англійскаго А. Огинскій. *Изданіе второе.* СПб. Въ т. Штаба отд. Корп. внут. стражи. 1831. VI и 49 стр. in-12.

Въ Предисловіи къ первой изъ сихъ книгъ сказано: «Исполненный благоговѣйною любовію къ Создателю Вселенной, и къ Искупителю міра, Сочинитель изобразилъ въ своемъ твореніи мысли, долженствующія занимать юныхъ читателей во всякое время, но особливо во дни, посвящаемые на служеніе Богу; а занимавшійся переложеніемъ на Русскій языкъ поучительнаго творенія достигнетъ предположенной имъ цѣли, когда дѣти, читая оное, воспламенятся любовію къ Богу и добродѣтели, возненавидятъ порокъ, и поступками своими постоянно будутъ радовать виновниковъ ихъ бытія, равно какъ и пекущихся объ ихъ воспитаніи и благополучіи.»

Гимны въ пользу дѣтей изданы во второй разъ. Это оправдываетъ наше мнѣніе о первомъ изданіи сей книги.

— *Повѣсти для моихъ пріятельницъ,* или три мѣсяца въ Туренѣ. Сочиненіе Бульи. Перевелъ съ Фран-

Digitized by Google

цузскаго П. А—въ. М. Въ т. Селивановскаго. 1831. V и 215 стр. in-12.

Хорошенькія повѣсти извѣстнаго Писателя для дѣтей, переведенныя и изданныя весьма порядочно.

— *Былн.* Сочиненіе Павла Атрѣшкова. СПб. Въ т. Деп. народн. просв. 1831. 156 стр. in-16.

Мы съ удовольствіемъ прочли эту небольшую книгу: въ ней есть мысли, есть взглядъ, довольно оригинальный, и слогъ, довольно хорошій. Видно, правда, что Авторъ не искусился еще въ Грамматическомъ крючкотворствѣ, и что онъ совѣтовался только со своимъ вкусомъ, а не съ вкусомъ друга, которому Буало велитъ вѣрить болѣе, нежели самому себѣ. Искренній другъ посовѣтовалъ-бы Автору кое-что сдѣлать иначе. Но, если это первый опытъ, то мы даже не въ правѣ требовать отдѣлки художнической отъ вступающаго на неизмѣримое поприще Словесности. Въ семъ отношеніи, *Былн* Г-на Атрѣшкова удовлетворительны. Но если взглянуть на нихъ съ иной точки зрѣнія, то онѣ покажутъ намъ и слабыя свои стороны. Во-первыхъ, въ нихъ нѣтъ созданія. Изъ всѣхъ шести разсказовъ Автора, нѣтъ ни одного оконченнаго. Это эскизы, небрежно накиданные на бумагу. Но, кто не согласится, что эскизы однихъ великихъ художниковъ драгоцѣнны; напротивъ учсники прячутъ свои отъ взоровъ публики. Далѣе, Авторъ, кажется, не подумалъ, что онъ избралъ самый трудный родъ сочиненія. Не много въ мірѣ Ирвинговъ-Вашингтоновъ и Марлинскихъ, умѣющихъ сдѣ-

Digitized by Google

лать занимательнымъ все, что ни начнутъ они разсказывать. И чѣмъ легче, по видимому, говорить и раздобаривать о пустякахъ пріятно, умно и занимательно, тѣмъ труднѣе это на самомъ дѣлѣ. Недавно мы видѣли примѣръ въ *Повѣстяхъ покойнаго Бѣлкина*, скончавшихся вмѣстѣ съ родителемъ своимъ. Кажется, что этотъ отставной шалунъ хотѣлъ также въ Ирвинги:

Но — видно, не прыгнешь изъ Мичмановъ въ Цари!

Однимъ словомъ: если Г-нъ Ашрѣшковъ чувствуетъ въ себѣ призваніе къ избранному имъ роду сочиненій, то мы готовы просить его развернуть свои силы и дарованія; но если первый опытъ его есть только попытка, то совѣтуемъ ему не вдругъ предаваться этому роду сочиненій. Пусть вспомнитъ онъ объ участи Бѣлкина. Разумѣется, что и Бѣлкинъ, и Г-нъ Ашрѣшковъ, какъ люди съ умомъ, съ образованнымъ вкусомъ, не могли написать совершеннаго вздора. Но — развѣ одинъ путь на поприщѣ умственной дѣятельности?...

— *Человѣкъ въ незнакомомъ мірѣ*, или семейство Графа***. Романъ, сочиненіе Клаурена. Переводъ съ Нѣмецкаго. СПб. Въ т. Глазунова. 1831. 415 стр. in-12.

— *Парижскій Цирюльникъ*. Сочиненіе Поль-де-Кока. 4 ч. СПб. Въ т. Глазунова. 1831. 205, 210, 254 и 240 стр. in-12.

Два романа писателей, чрезвычайно много пишущихъ, и очень мало извѣстныхъ въ нашей Лит-

Digitized by Google

тературѣ. Кажется, что объявляемыя нами сочиненія, первыя книги сихъ писателей на Русскомъ языкѣ. Клауренъ былъ знакомъ нашей публикѣ по нѣсколькимъ повѣстямъ его, переведеннымъ и напечатаннымъ въ нѣкоторыхъ Журналахъ. Поль де Кокъ едва-ли не въ первый разъ говоритъ Русскимъ языкомъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о сихъ писателяхъ, по многимъ отношеніямъ стоящихъ на одной ступенькѣ. Клауренъ записной романистъ и сказочникъ Нѣмецкій. Трудно сосчитать, сколько до сихъ поръ написано имъ повѣстей и романовъ. Повѣсти его, сначала разбросанныя по Альманахамъ и Журналамъ, послѣ были собраны въ особенныя книги, съ прибавленіями новыхъ повѣстей; къ этимъ собраніямъ издавались прибавленія, къ прибавленіямъ еще прибавленія; потомъ особенный Альманахъ его повѣстей, и проч. Громада необозримая! Но соотвѣтствуетъли числу достоинство его сказокъ? Къ сожалѣнію, этого не льзя сказать. Клауренъ, написавшій нѣсколько очень пріятныхъ, хорошо разсказанныхъ повѣстей, вообще есть писатель бездарный, если принимать слово: дарованіе, въ высокомъ смыслѣ. Нѣтъ въ немъ той оригинальности, той глубины взгляда, которыя изумительны въ Гоффманѣ, и еще болѣе въ Жанъ-Полѣ; нѣтъ и веселости, игривости перваго. Это умный Нѣмецъ, и обыкновенный, пошлый разскащикъ самыхъ невинныхъ по вымыслу приключеній. Не знаю, какой изъ Нѣмецкихъ писакъ, не только писателей, не сравнится съ нимъ въ большей части его повѣстей. Правда, иногда удавалось и ему заманчиво разсказывать свои вы-

Digitized by Google

мыслы. Таково, напримѣръ, разсказана повѣсть его: *Зеленый плащъ*, нѣкогда помѣщенная въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Сыну Отечества*. Но много-ли такихъ повѣстей у Клаурена? По крайней мѣрѣ я не припомню теперь ни одной подобной. *Человѣкъ въ незнакомомъ мірѣ* не выходитъ изъ ряду посредственности, то есть обыкновенной стихіи, въ которой живетъ Клауренъ.

Поль де Кока можно назвать Французскимъ Клауреномъ. Онъ обыкновенно разраждается романами въ нѣсколько томовъ. До сихъ поръ издано ихъ уже очень много, и въ томъ числѣ — ни одного замѣчательнаго! Прочитайте *Парижскаго Цирюльника*: хорошо-ли это, или худо? Всякій пожметъ плечами при такомъ вопросѣ. Авторъ *Цирюльника* принадлежитъ къ школѣ Пикаровъ, Пиго-Лебрёней, Дюканжей, и прочихъ второстепенныхъ Французскихъ романистовъ, которые точно какъ будто задаютъ себѣ тему и стараются только выполнить ее, написавъ извѣстное число томовъ. Есть различіе и въ поименованныхъ нами писателяхъ: Пикаръ выше всѣхъ ихъ, своимъ умѣньемъ разсказывать занимательно, своимъ знаніемъ людей (а не сердца человѣческаго), и комизмомъ, какъ будто по наслѣдству перешедшимъ у Автора, отъ занимавшихъ его прежде Комедій, къ романамъ, которые писалъ онъ подъ конецъ своей жизни. Пиго-Лебрёнъ бываетъ часто отвратителенъ безпутными картинами, которыя любитъ онъ изображать. Въ этомъ отношеніи, иногда, грѣшитъ и Поль де Кокъ. Въ его *Цирюльникѣ* можно было-бы перечеркнуть многія

Digitized by Google

страницы. Впрочемъ, этотъ романъ можетъ дать понятіе обо всѣхъ другихъ романахъ сего Автора. По старинной пословицѣ, отъ него *ни тепло, ни холодно.* Читаешь его точно какъ заданный урокъ, и глаза невольно спрашиваютъ, скоро-ли конецъ книги. Нѣтъ! Видно что прошелъ вѣкъ этихъ *полусозданій*, которыя прежде составляли славу блаженныхъ Прево, Скюдери, и прочихъ подобныхъ имъ писателей.

Русскіе переводы обоихъ сихъ романовъ порадовали насъ, не выборомъ Гг. Переводчиковъ, а слогомъ ихъ, который довольно исправенъ. Слава Богу! И у насъ начинаютъ писать человѣческимъ языкомъ, хотя Русскій языкъ является еще въ путахъ непривычки говорить обо всемъ легко и пріятно, и нерѣдко возстаетъ противъ правилъ Грамматики.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ

по Южному, Австральному Океану, и вокругъ свѣта, Капитана Коцебу и Капитана Бичея.

Въ Лондонѣ, въ нынѣшнемъ году, вышли двѣ любопытныя книги: переводъ Путешествія нашего, Русскаго, Капитана Коцебу (A new voyage round the world, etc. Лондонъ, 1831 г. 2 т. in-8), и Путешествіе Англійскаго Капитана Бичея (Beechey), изданное Лордами Коммиссарами Адмиралтейства (Narrative of a voyage, etc. Лондонъ, 1831 г. 2 т. in-4). Коцебу, какъ извѣстно, продолжалъ свое путешествіе съ 1823-го по 1826-й годъ; Бичей путешествовалъ съ 1825-го по 1828-й годъ. Въ Revue encyclopédique (Іюнь, 1831 г.) напечатана о сихъ обоихъ путешественникахъ статья, которую представляемъ мы нашимъ читателямъ, какъ дополненіе къ помѣщенному уже въ Телеграфѣ Историческому извѣстію объ Австраліи, или пятой части свѣта (№ XVI и XVII-й).

Рецензентъ, довольно неосновательно, говоритъ въ началѣ своей статьи, что изъ изданнаго нынѣ описанія путешествія, не льзя узнать настоящей цѣли, для которой предпринято было плаваніе Капитана Коцебу. По крайней мѣрѣ, онъ не находитъ ничего опредѣленнаго: странствуя кругомъ свѣта, дѣлая возможныя на пути открытія, Коцебу до-

Digitized by Google

снигалъ, по видимому, только чести ученыхъ экспедицій, извлекъ нѣкоторыя выгоды для Русской торговли и Русскаго мореплаванія, исправилъ нѣсколько невѣрныхъ, или сомнительныхъ, опредѣленій широты и долготы мѣстъ, и кончилъ путешествіе свое близъ Камчатки, гдѣ препоручены ему были покровительство и защита Русскаго боброваго промысла.

Слѣдующія за тѣмъ мысли Рецензента, о новѣйшихъ путешествіяхъ Европейцевъ вообще, передаемъ вполнѣ:

«Какъ различны нынѣшнія путешествія Европейцевъ отъ первоначальныхъ *странствованій* мореходцевъ Европы, посыланныхъ Монархами Европейскими «покорять души безвѣстныхъ язычниковъ Богу, а царства ихъ державѣ Государя, отправлявшаго грозныхъ посланниковъ!» Неизвѣстныя царства сдѣлались нынѣ рѣдки; мирные проповѣдники идутъ къ дикимъ народамъ, только съ Крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ, безъ войска, и безъ оружія. И здѣсь человѣкъ шагнулъ впередъ. Путешествія не суть уже нынѣ губительныя нашествія Европейцевъ, а только довольно дорогія прогулки ихъ. Даже въ самой Англіи, гдѣ по широкой мѣркѣ учреждаютъ путешествія, гдѣ руководствуютъ ими ученыя общества, а щедрая и богатая аристократія не щадитъ денегъ, вся цѣль ихъ нынѣ — усовершенствованіе наукъ и знаній, открытіе новыхъ путей торговлѣ, распространеніе Европейской образованности. Отъ того, что мѣсто горделивыхъ прихотей властвованія и фанатическихъ порывовъ изувѣрія

Digitized by Google

заступаютъ нынѣ, или своекорыстіе народовъ, или желаніе добра — слѣдствія путешествій выходятъ совсѣмъ особенныя. Блеска менѣе, но человѣкъ выигрываетъ болѣе, легче обмѣнивается идеями, шире доспрашивается истины, забывая пагубный *прозелитизмъ*, который, не смотря ни на что, хотѣлъ всюду вдавить одинакія формы, и являлъ собою новый примѣръ Прокруста, обрубая и вытягивая народы по мѣркѣ мнѣній и понятій Европы.»

Капитанъ Коцебу есть сынъ извѣстнаго Нѣмецкаго писателя, погибшаго отъ кинжала изступленнаго Занда. Путешествіе, совершенное имъ въ 1823 — 1826-мъ годахъ, уже *третіе*. Въ первомъ путешествіи, онъ назвалъ своимъ именемъ зундъ, находящійся на юго-востокъ отъ пролива Берингова. Коцебу начальствовалъ тогда небольшимъ кораблемъ *Рюрикомъ*, и путешествовалъ на счетъ, бывшаго Канцлера Россійской Имперіи, Графа Румянцова. Нынѣшній разъ плавалъ онъ на казенномъ Русскомъ фрегатѣ: *Предпріятіе*.

Англійскія *Обозрѣнія*, съ насмѣшливою важностью, выписываютъ всѣ подробности, помѣщенныя въ путешествіи Коцебу, объ опасностяхъ, какимъ подвергался онъ, какъ говоритъ, на высотахъ Портсмута. Куперовскимъ манеромъ описываетъ Г-нъ Коцебу при этомъ случаѣ — даже Англійскаго лоцмана, маленькаго, толстаго, флегматическаго моряка, казалось, не заботившагося ни о чемъ, но въ минуты опасности показавшаго необыкновенное присутствіе духа.

Digitized by Google

Путь, которымъ шелъ отъ Портсмута Г-нъ Коцебу, былъ почти тотъ-же, по которому послѣ него слѣдовалъ Капитанъ Бичей. Путешествіе Бичея предпринято было съ вѣрною, опредѣленною цѣлью. Въ 1824-мъ году приготовлена была въ Англіи экспедиція, для опознанія и рѣшительнаго описанія морскаго пути изъ Атлантическаго Океана въ Тихое море, западомъ, черезъ проливъ Принца Регента. Все было предусмотрѣно къ тому, чтобы сія экспедиція, *девятая*, изъ предпринятыхъ Англійскимъ Правительствомъ, со времени плаванія Капитана Росса по Баффинову заливу, имѣла полный успѣхъ. Парри отправился въ полярныя моря, черезъ Атлантическій Океанъ. Франклинъ и Робертсонъ, переправясь въ Канаду, сухимъ путемъ, съ неслыханными трудностями, шли къ сѣверу, и изслѣдовали берега рѣкъ: Маккензія и Мѣдной. Бичей, отплывшій послѣ ихъ, долженъ былъ идти черезъ Беринговъ проливъ, встрѣтить ихъ передъ Ледянымъ мысомъ, на берегу арктическаго Океана, въ зундѣ Коцебу. Въ опредѣленныя времена, Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, 1825-го, 1826-го и 1827-го годовъ, три раза являлся туда Бичей. Въ 1826-мъ году былъ онъ на высотахъ Ледянаго мыса, и, найдя море свободнымъ отъ льдовъ, посылалъ большую шлюпку еще далѣе къ востоку. Только самое небольшое разстояніе оставалось между посланными Бичея и мѣстомъ, до котораго доходилъ тогда Франклинъ. Отъ м. Баррова (71° 23′ 39″ с. ш. и 156° 21′ д. з.), гдѣ принужденъ былъ воротиться назадъ Г-нъ Элсонъ, командовавшій шлюпкою Бичея, 22-го Августа 1826-го года,

Digitized by Google

до крайней оконечности берега между рѣкою Маккензія и мысомъ Ледянымъ, куда достигъ 18-го Августа, того-же года, Франклинъ, оставалось только 146 миль, или 49 льё. Ранніе льды и густые туманы воспрепятствовали полному успѣху трой-ной экспедиціи Парри, Франклина и Бичея, разсчитанной съ величайшимъ предусмотрѣніемъ... Человѣкъ уступилъ непобѣдимой волѣ природы!

Путешествіе Бичея прибавило 70 миль береговаго протяженія къ географическому познанію Сѣверныхъ береговъ Америки, и — *почти* рѣшило искомую задачу. Кажется, теперь едва-ли уже остается сомнѣніе въ томъ, что оконечность Америки, къ сѣверу, постоянно склоняется на востокъ до Берингова пролива, и что на семъ пространствѣ нѣтъ мѣста сѣвернѣе мыса Баррова. Вѣроятно, какому нибудь пароходу предоставлено рѣшить задачу совершенно положительно. Можетъ быть, Капитанъ Россъ наградитъ симъ неудачу, ознаменовавшую прежнее его путешествіе. Уже давно готовитъ онъ пароходъ, и рѣшается плыть на немъ около береговъ Америки, начиная съ пролива Принца Регента до Берингова пролива; потомъ намѣренъ спуститься къ Камчаткѣ, и сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, проѣхать въ Петербургъ, приближась такимъ образомъ къ Арктическому полюсу подъ 70° с. ш. — Быстрыя перемѣны под-полюсныхъ морей, въ коихъ въ одинъ годъ дѣлается вдругъ свободный проѣздъ, и въ нѣсколько дней потомъ бурныя волны превращаются въ ледяныя горы, не обѣщаютъ намъ открытія торговаго пути: такъ *кажется* теперь. Но съ

Digitized by Google

каждымъ шагомъ знаній впередъ, мы изумляемся неожиданности слѣдствій. Весьма часто оборотъ многихъ предметовъ другою стороною— являетъ пользы безчисленныя. И здѣсь, почему не открыться для насъ новому горизонту, новому поприщу для ума человѣческаго?

Обогнувъ южную оконечность Америки, посѣтивъ послѣ Г-на Коцебу портъ Зачатія, Валпарайзо, и другія мѣста, Бичей обозрѣвалъ разные архипелаги Полинезскіе. Извѣстія обоихъ мореплавателей сходствуютъ во многихъ пунктахъ. Геологическихъ подробностей у Бичея больше. Онъ внимательно обозрѣлъ *Коралловые* острова. Почти каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ кругловатое озеро, какъ будто зоофиты, произведшіе сіи острова, работали по одной формѣ, и каждый островъ начинали вокругъ жерла подводнаго волкана, вытянутаго потомъ на поверхность моря судорогами природы. Берега сихъ осторововъ, находящіеся противъ пассатныхъ вѣтровъ (vents alisés), постоянно дующихъ между тропиками, всегда возвышены, и представляютъ такимъ образомъ убѣжища кораблямъ. Одинъ изъ Коралловыхъ осторововъ, Elisabeth Island, пять миль въ длину и одну милю въ ширину, образуетъ собою высокую плоскость, на восемдесятъ футовъ выше поверхности моря, и, кромѣ сѣверной, со всѣхъ сторонъ окружается онъ цѣпью отвѣсныхъ утесовъ, въ 60 ф. вышины, чисто изъ коралловъ, болѣе или менѣе пористыхъ (poreux). Подмываемые снизу волнами моря, сіи утесы безпрерывно падаютъ въ бездны Океана.

Digitized by Google

Цѣлый мѣсяцъ пробылъ Бичей на островѣ Питкаирнѣ, заселенномъ, въ 1790-мъ году, возмутившимся экипажемъ Англійскаго корабля Bounty. На Питкаирнъ ушли бунтовщики. Байронъ обезсмертилъ поэмою память начальника ихъ, Христіана, « ни за жизнь, ни за смерть не отдавшаго своей воли и своего безстрашія. » Но и простая Исторія сего событія, подробно описанная товарищемъ Христіана, Адамсомъ, зачинщикомъ заговора, изъ бунтовщика превратившимся въ послѣдствіи въ самаго строгаго Методиста, занимательна, какъ поэма. Когда писалъ свою поэму Байронъ, въ Европѣ извѣстенъ былъ только разсказъ капитана корабля Bounty, Блея (Bligh). Высаженный, съ третью матрозовъ, оставшихся ему вѣрными, въ ушлую шлюпку, онъ успѣлъ спастись, и прибылъ въ Англію. Вотъ извѣстія Адамса, объ участи самыхъ бунтовщиковъ: разсставшись съ капитаномъ Блеемъ, они отправились на Отаити, за хлѣбнымъ деревомъ, котораго хотѣли насадить на одномъ изъ избранныхъ ими острововъ. Ожидая благопріятнаго вѣтра, полгода прожили они на островахъ Дружества. Прекрасный климатъ тамошній, плодотворная природа, женщины, прелестныя какъ звѣзды на ночномъ небѣ, тихія, какъ приближеніе сна, ласковыя, какъ волны Океана, въ которыхъ онѣ купаются: все это обольстило Европейцевъ. Едва прошло двадцать три дня, съ того времени, какъ Bounty оставилъ Отаити, новое возмущеніе заставило сей корабль возвратиться на полныхъ парусахъ. Христіанъ все еще предводительствовалъ своими товарищами. Боясь быть отысканнымъ на Отаити, онъ отправился отшуда, взявъ съ собою тѣхъ, которые были

Digitized by Google

дальновиднѣе, и раздѣляли его опасенiя. На необитаемомъ островѣ Питкаирнѣ рѣшились они основаться. Съ нѣсколькими женщинами, похищенными изъ новой Цитеры, и нѣсколькими Отаитянами, которыхъ, по пріѣздѣ на Питкаирнъ, Европейцы объявили своими невольниками, Христiанъ основалъ маленькую колонiю. Корабль сожгли; всѣ предосторожности были приняты, чтобы никто не могъ узнать мѣстопребыванiя бунтовщиковъ. Но не долго длилось ихъ спокойствiе. Тщетно Христiанъ соблюдалъ еще преимущество надъ нами, доказывающее и силу его характера, и возвышенность его образованiя. Раздоры кипѣли между колонистами, до такой степени, что въ три года почти всѣ основатели колонiи погибли насильственною смертiю. Одинъ только Адамсъ пережилъ всѣхъ, мучился раскаяньемъ, и изъ этого гнѣзда бунтовщиковъ устроилъ родъ монастыря, или Гернгутскаго общества. Подробности излагаемыя обо всемъ этомъ Бичеемъ, можно назвать дополнительною главою философической Исторiи Человѣка.

Не менѣе разсказовъ Бичея о Питкаирнѣ, любопытны разсказы Г-на Коцебу о трудахъ и предпрiятiяхъ миссiонеровъ и Библейскихъ Обществъ, на островахъ Полинезiи. При первомъ появленiи въ сихъ мѣстахъ, они точно стремили всѣ свои усилiя ко благу туземцевъ. Но вскорѣ начался раздоръ сектъ. Проповѣдники предались міру, и теперь все прежде столь патрiархальное между ними — исчезло. Угождая своему эгоизму, миссiонеры рабствовали страстямъ властителей, и пересе-

Digitized by Google

ляли къ мирнымъ островитянамъ зло нашего образованія, истребляя блага первобытной простоты туземцевъ. Отаити, сей островъ цвѣтовъ и благоуханій, гдѣ Европейцы находили нѣкогда столь рѣзвую, дѣтскую веселость, умственную дѣятельность и начало искусствъ, столь естественныя, что они заставляли поэта говорить, что »ихъ искусство есть природа,» островъ, гдѣ заблужденіе не было порокомъ, ибо незнаніе зла очищало его — сей островъ сдѣлался нынѣ убѣжищемъ лѣности, бездѣйствія, скуки и лицемѣрной набожности. Все прежнее худое не истребилось, но только скрывается. Отаитяне не понимаютъ сдѣланнаго для нихъ перевода Священнаго Писанія, и съ Библіею остаются идолопоклонниками. Вмѣсто благъ просвѣщенія естественнаго и постепеннаго, слѣпая ревность Европейцевъ насильно втѣсняетъ къ нимъ болѣе и болѣе образованіе чуждое, удаляющее отъ нихъ прежнія выгоды, и раждающее только новыя потребности. Изъ людей, невинныхъ, какъ пшички, веселыхъ, какъ ихъ климатъ, сдѣлали теперь *ископаемыхъ* Европейскаго материка. На Отаити есть Палата Депутатовъ, Парламентъ, Конституція — жалкое обезьянство тѣхъ правъ и учрежденій, которыя вѣками борьбы узнала и сдѣлала для себя необходимыми Англія! Въ Англіи — это союзный трактатъ, послѣ тяжкой войны между различными властями, это слои, естественно составившіе политическую почву Англіи; на Отаити — все это суть гнилыя вѣтьви, пересаженныя отъ величественнаго дерева въ новую, свѣжую землю. Обработы-

Digitized by Google

вайше юныя растенія, производимыя этою землею— вотъ дѣло, которое предписываетъ намъ умъ.

Введеніе Протестантства въ Отаити сопровождалось жестокимъ кровопролитіемъ. Коцебу подробно повѣствуетъ, какъ Король Таджо (Tajo) *велѣлъ* вѣрить тому, что скажутъ миссіонеры, какъ возмутился отъ этого народъ, цѣлыя поколѣнія были истреблены, а остальныя не смѣли ослушаться. Тогда Король обратился на сосѣдніе острова; далеко распространилъ онъ опустошеніе войны, и былъ наконецъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Королемъ острова Табуа. Юный побѣдитель принесъ его въ жертву своимъ идоламъ. Миссіонеры считаютъ Таджо мученикомъ. Наслѣдникъ его, Помарэ (Pomareh), крестился со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ юности умеръ онъ, отъ пагубнаго дара Европейцевъ — водки, которую пилъ безъ мѣры. Послѣ смерши своей, Помарэ предоставилъ правленіе миссіонерамъ. «Онъ до такой степени былъ пристрастенъ къ крѣпкимъ напиткамъ (говоритъ Коцебу), что самъ чувствовалъ свою гибель, но не могъ отстать отъ пьянства. Часто, пьяный, съ горестію восклицалъ онъ: «Какой я Король! Моя жирная свинья лучше меня управила-бы моими подданными!»

Несчастная слабость Помарэ была выкупаема, какъ говорятъ, многими добрыми свойствами, и подданные искренно объ немъ сожалѣли. Миссіонеры объявили послѣ него Королемъ четырехъ-лѣтняго сына его, Помарэ II-го, и устроили полное государственное образованіе Отаити, на Англійскій

Digitized by Google

образецъ. По составленной тогда конституціи, Отаити, и подвластный ему островъ Эимео, раздѣлены на 27 округовъ; въ каждомъ опредѣляется Правитель и Судья; перваго назначаетъ Парламентъ, другаго избираетъ народъ. Власть законодательная и исполнительная раздѣлены между Королемъ и народными Депутатами. Но всѣмъ управляютъ миссіонеры. Туземцы понимаютъ вѣру и политическія идеи пришельцевъ такъ-же, какъ носятъ они Европейское платье. Любопытно описаніе Европейскихъ костюмовъ Отаитянъ, составленное Г-мъ Коцебу. Онъ присутствовалъ на церковной ихъ службѣ. Небольшая, снаружи выбѣленная церковь, осѣненная густою Австральною зеленью деревъ, была наполнена народомъ. Мужчины находились на одной, женщины на другой сторонѣ. Не смотря на важность и благоговѣніе присутствовавшихъ, не льзя было безъ смѣха смотрѣть на нихъ, и это происходило отъ ихъ одеждъ. «Отаитяне любятъ Европейское одѣяніе болѣе, нежели Европейскія дамы любятъ брилльянты и шали, а Европейскіе дворяне звѣзды и ордена; но они носятъ платье наше по своему. Во-первыхъ, имъ мало нужды, если платье не модное, изношенное, и не въ пору; они не заботятся ни о прорѣхахъ, ни объ лоскутьяхъ. Привозимое сюда старое платье сбывается съ большими барышами, и притомъ надобно еще знать, что Отаитяне не щеголяютъ полнотою костюма. Купивъ фракъ, мундиръ, сюртукъ, Отаитянинъ доволенъ, носитъ свою покупку, и считаетъ себя одѣтымъ, когда въ тоже время другой также думаетъ,

Digitized by Google

когда у него есть панталоны, или жилетъ, и — ничего болѣе. Иной ходитъ въ одной рубашкѣ, другой, какъ въ Русской банѣ, прѣетъ подъ тяжелымъ плащемъ. Сапоги, башмаки и чулки считаются большою рѣдкостью. Самый обыкновенный и смѣшной нарядъ — фракъ на голомъ тѣлѣ, большею частію не по мѣркѣ, такъ, что щеголь во фракѣ едва можетъ пошевелить руками, а локти у него лопаются и остаются не зашитые. Вообразите толпу народа, такимъ образомъ одѣтаго, и въ этомъ смѣшномъ нарядѣ соблюдающаго неизмѣнную важность. Женщины ходятъ, большею частію, въ мужскихъ рубашкахъ, едва достающихъ до колѣнъ, или завертываются въ какія нибудь обноски мужчинъ. Волосы у нихъ, по обычаю, введенному миссіонерами, обрѣзаны весьма коротко; на головахъ бываютъ мужскія шляпы, съ множествомъ лентъ и цвѣтовъ. Самымъ великолѣпнымъ нарядомъ женскимъ почитается цвѣтное, женское платье: пусть будутъ это обноски, но они доказываютъ богатство щеголихи, и бываютъ причиною неограниченной гордости.»

Церковная служба, видѣнная Г-мъ Коцебу, происходила особеннымъ образомъ. Каждый разъ, когда Вильсонъ, старшій миссіонеръ, прежде бывшій матрозъ, наклонялся къ книгѣ, которую держалъ въ рукахъ, присутствовавшіе дѣлали тоже, наклоняясь къ своимъ книжкамъ. Пѣніе псальмовъ производили самымъ звучнымъ образомъ, и никто не думалъ о согласіи. Послѣ проповѣди, всѣ стали расходиться, держа подъ мышкою свои книги. Забавные ко-

Digitized by Google

стюмы Отаитянъ представили тогда самый разительный примѣръ несообразности, при видѣ окружавшей ихъ природы, цвѣтущихъ, прекрасныхъ, кокосовыхъ и хлѣбныхъ, деревъ, и разнообразія зелени и цвѣтовъ, не измѣнившихся при измѣненіи счастливыхъ, простыхъ и беззаботныхъ нѣкогда людей.

Видъ Отаитянскаго Парламента, вѣроятно, долженъ быть не менѣе смѣшонъ, и мы можемъ судить объ этомъ по описанію Окружнаго Суда, который видѣлъ въ полномъ засѣданіи Капитанъ Бичей.

Окружный Судья, и его совѣтники, были въ длинныхъ рогожкахъ, похожихъ на плащи, съ бахрамою по краямъ. На головахъ у нихъ были надѣты огромные напудренные парики, какъ у судей въ Англіи, съ длинными распущенными по плечамъ фризюрами. На парики свои надѣли они еще огромные калпаки, съ красными перьями, и разноцвѣтными, крашеными волосами. При взглядѣ на Судью, въ такомъ странномъ головномъ уборѣ, въ рогожкѣ, безъ сапоговъ, безъ нижняго платья, не льзя было удержаться отъ смѣха.

Приготовлялись къ возведенію на Отаитянскій престолъ Помарэ II-го, когда Г-нъ Коцебу оставилъ Отаити. Вдовствующая Королева прислала просить у него пару дѣтскихъ сапоговъ, ибо не льзя было молодому Королю явиться въ торжественной церемоніи босому. При свиданіи съ Бичеемъ, Королева, черезъ переводчика, просила у него немного рому, потому, говорила она, что недавно наѣлась рыбы, и послѣ этого не худо выпить водки. Церемоніймейстеръ Королевы, при свиданіи съ Г-мъ Ко-

Digitized by Google

цебу, былъ въ матрозской курткѣ, рукава которой простирались не далѣе локтей. Кромѣ куртки, на немъ ничего болѣе не было, и тѣло, отъ самаго живота, было испещрено точками, изображавшими разныя фигуры. Между прочимъ, на той задней части тѣла, которую Европейскіе церемоніймейстеры стараются скрывать, выколото было у него точками изображеніе компаса, что считается въ Отаити отличіемъ, равнымъ Европейскому золотому ключу.

Оба путешественника согласно говорятъ, что прежняя дѣятельность и промышленность исчезли на всѣхъ островахъ, гдѣ властвуютъ миссіонеры. Островитяне выучились уже просить милостыню, узнавши новыя нужды. Королева безпрестанно играетъ на органѣ, а придворныя дамы стараются щеголять Европейскими лоскутьями, и достаютъ ихъ отъ пріѣзжихъ Европейцевъ тѣмъ пожертвованіемъ, какого всего чаще отъ нихъ требуютъ Европейцы.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Не льзя безъ умиленія читать извѣстій изъ Харькова, помѣщенныхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 88 (отъ 4 Ноября 1831 года, стр. 3711). Пишутъ о выборахъ Харьковскаго Дворянства, на слѣдующее съ 1832 года трехъ-лѣтіе. *Семь трехъ-лѣтій сряду* былъ въ Слободско-Украинской губерніи Дворянскимъ Предводителемъ *Андрей Ѳедоровичъ Квитка*. По Высочайшей волѣ, былъ онъ потомъ переведенъ въ Псковъ Гражданскимъ Губернаторомъ. Въ 1830 году, уволенный отъ сей должности, по причинѣ болѣзни, и возвратившійся снова въ Харьковъ, Г-нъ Квитка былъ вновь избранъ нынѣ въ Предводители, и единодушно прошенъ отъ всего собравшагося на выборы Дворянства принять сію почтенную должность. Долго отговаривавшись, Г-нъ Квитка исполнилъ наконецъ общее желаніе. Дворянство хотѣло потомъ дать великолѣпный балъ; но въ это время случился пожаръ, истребившій два дома, составлявшіе все имущество двухъ семействъ небогатыхъ чиновниковъ. Г-нъ Квитка упросилъ Дворянство, вмѣсто бала, отдать собранную по сему случаю сумму бѣднымъ погорѣвшимъ. Честь и хвала

Digitized by Google

почтенному Квашкѣ, истинно-Русскому Дворянину!

Въ *Коммерческой Газетѣ* помѣщены извѣстія о бывшей сего 1831 года, Нижегородской ярмаркѣ. Надобно было ожидать ярмарки блестящей и дѣятельной, но Холера разстроила ее, и если ярмарка не была разрушена совершенно, то сіе должно приписать только благоразумнымъ мѣрамъ и неутомимымъ попеченіямъ почтеннаго вельможи, П. В. Голенищева-Кутузова, нарочно отправленнаго Государемъ Императоромъ въ Нижній Новгородъ, для предупрежденія зла и гибели, отъ могущаго быть вторженія Холеры. Достойный посланникъ Царя мудраго исполнилъ ожиданія Монарха и надежды соотечественниковъ: онъ спасъ жизнь тысячамъ, и предупредилъ разореніе многихъ тысячъ. Но устранить зло совершенно было не во власти человѣческой. Поспѣшный отъѣздъ однихъ, смерть другихъ, ужасъ, ощущаемый всѣми, разстроили торговлю и замѣшали дѣла въ ярмаркѣ.

Полагаютъ, что въ привозѣ товаровъ было почти на 129 милльоновъ рублей (Россійскихъ на 93,812,400 р., иностранныхъ на 34,950,400 р.), и кромѣ того, лошадей и рогатаго скота на 744,500 рублей. Продано вообще на сумму болѣе 98 милліоновъ (товаровъ на 97,616,025 р., лошадей и скота на 713,500 р.).

Всѣхъ занятыхъ помѣщеній въ Гостиномъ Дворѣ, и внѣ онаго, считалось до 4,096 нумеровъ. Изъ се-

Digitized by Google

го числа торговцами, занято было 3,524. — Доходъ съ ярмарки въ казну составилъ 401,060 рублей.

Между Мугаммеданами, живущими въ Россіи, существовало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ложное мнѣніе, что Музульманинъ можетъ лживо присягать прощивъ Христіанина, и никакого грѣха въ такой ложной присягѣ полагать не долженъ. Правительство дошло по сему случаю въ сношенія съ Главнымъ Таврическимъ Муфтіемъ. Сей Мугаммеданскій законоучитель не только опровергъ беззаконное мнѣніе своихъ единовѣрцевъ, но составилъ еще особенное посланіе, которымъ изъясняетъ имъ важность присяги, прощивъ кого-бы оная ни была принимаема. Нынѣ отъ Правительства обнародовано наставленіе Муфтія, и повелѣно читать его каждый разъ тому Мугаммеданину, который, въ случаѣ суднаго дѣла, долженъ будетъ принимать присягу по своему закону. Это наставленіе отзывается Восточкомъ; оно такъ оригинально, и поясняетъ столь важный пунктъ Музульманской религіи, что мы почитаемъ приличнымъ помѣстить оное въ *Отечественныхъ извѣстіяхъ*. Вотъ оффиціяльный переводъ Муфтіева посланія къ Кадіямъ:

«Высокостепенные, уѣздные Кадіи!

«Раздавъ съ сего моего наставленія всѣмъ приходскимъ Мулламъ и Хашибамъ копіи, обяжите подписками, дабы они каждую пятницу и праздникъ внушали или подтверждали своимъ прихожанамъ,

Digitized by Google

и народу растолковывали-бы дѣйствовать сообразно оному. Подписки-же доставьте ко мнѣ.

«На Бога уповаю отъ Сатаны проклятаго. И во имя Всемилостиваго, Всемилосердаго Бога!

«Хвала Всевышнему, положившему насъ изъ среды пѣхъ, кои вѣдаютъ, а не изъ среды пѣхъ, кои искажаютъ словеса Его! Миръ и благословеніе главѣ Пророковъ Магомеду, распространителю и заступнику народа своего. Хвала Всевышнему, положившему насъ, украшающимися пользами своими, совозбранившему языкъ отъ глаголовъ невѣжествующихъ! О братія! вознесемъ мольбы и хваленія къ сему Господу Святости, сему Творцу душъ нашихъ, Судіе главы, Который въ предвѣчной волѣ, по нескончаемой благости Своей, сотворилъ насъ Музульманами и чтителями Алкорана! Который, наиболѣе божественною премудростію, утвердилъ пребываніе, вину всеобщаго нашего благоденствія подъ сѣнію покрова милосердія столь Великаго, толикимъ величіемъ исполненнаго Императора! Онъ насъ, рабовъ своей Державы, избавилъ и освободилъ отъ различныхъ повинностей, оскорбляющихъ вѣру. Онъ, для разбора духовныхъ дѣлъ нашихъ, постановилъ Муфтія, военнаго и прочихъ Кадіевъ, и даже, что истинно, по особенной благости щедротъ Своихъ, наградилъ жалованьемъ отъ доходовъ Имперіи. Онъ каждый чинъ, каждое состояніе наше сравнялъ уваженіемъ съ Своими, до того, что здѣсь въ Крыму, въ тяжбахъ-ли Магомеданина съ Христіаниномъ, или обоихъ Христіанъ, общими узаконеніями допускается присяга вѣры на-

Digitized by Google

шей. За всѣ таковыя Августѣйшія милости, будучи истинными, вѣрными подданными, не обязаны-ли мы всякій часъ возносить хвалы: *во-первыхъ*, къ источнику всего Святаго, Всемогущему Богу; *во-вторыхъ*, благодаренія къ сему источнику нашего обожанія Великому Государю Императору, и въ *третьихъ*, какъ зеницѣ ока драгоцѣннѣйшему, вселюбезному Наслѣднику Престола Александру Николаевичу!

« По долгу присяги сана моего, по долгу истиннаго вѣрноподданства, имѣя попеченіе о паствѣ Музульманъ, мнѣ врученной, узналъ я, что нѣкоторые отступники вѣры, погрязшіе въ пьянствѣ по развращеннымъ правиламъ, не имѣя уваженія къ созерцаніямъ духовнымъ, въ сатаническомъ навожденіи своемъ смущали народъ, что яко-бы въ тяжбахъ съ Христіанами ложно свидѣтельствовать и присягать лицемѣрно не только безвредно, но еще позволено Св. Алкораномъ. Такъ искажали словеса Божіи, и изрыгали клеветы свои! Но прочь хулы сіи! Нѣтъ ни одного стиха въ Алкоранѣ, свидѣтельствующаго о таковыхъ превратныхъ тяжбахъ, и ни одно исповѣданіе, ни въ какомъ случаѣ, не допускаетъ умышленной присяги, ибо присяга, въ какой-бы то вѣрѣ ни было и объ чемъ-бы ни было, есть обѣтъ Всевышнему объ удостовѣреніи въ истинѣ сомнительнаго, какъ самъ Богъ рекъ: (*). *Исполняйте по обѣту, данному Богу, какъ усло-*

(*) Всѣ тексты на Арабскомъ.

Digitized by Google

«*вились.*» А потому, умышленно присягающіе, кромѣ мзды тягчайшихъ наказаній въ семъ мірѣ, въ будущемъ будутъ мучимы мученіями жесточайшими, и по словамъ Божіимъ: » *Воздастся по сою-* «*зу вашему съ вѣрою*» — и по словамъ Пророка: «*Ложно присягнувшаго, ввергнетъ въ огнь геенскій,*» или: «*нѣсть вѣры у неимущаго довѣрія, и нѣсть за-* «*кона у неимущаго обѣта.*» Сверхъ сего, поелику дѣйствовать вопреки клятвѣ, значитъ нарушать союзъ съ Богомъ, то принимающіе ложную присягу, несправедливо свидѣтельствующіе, почтясь наравнѣ съ лицемѣрами, въ день всеобщаго воздаянія, получатъ мзду съ ними равную, по рѣченію Корана: «*Умышленно клянущимся и сознающимъ то, Богъ* «*уготовалъ наказанія жесточайшія; зане все, тво-* «*римое ими, было зло; они лишали ихъ вѣры, рая,* «*устраняли отъ пути истины, и имъ мученіе же-* «*стокое. Ни богатства, ни дѣти имъ не помогутъ.* «*Они суть подгнетъ огня геенскаго, и пребудутъ въ* «*ономъ вѣчно.*» Смыслъ сего возмутителенъ: тѣ, кои являли себя почитателями Корана, кои ложно присягали, и, сохраненіемъ сего въ тайнѣ, совращали рабовъ Божіихъ съ пути истины, тѣ, за таковыя гнусныя дѣянія, Всемогущимъ тяжко покараются. Какое-же невѣжество, изъ личныхъ выгодъ, или потворства страстей, ввергая другаго въ порокъ, ввергать вмѣстѣ и душу свою въ огнь вѣчный. Господи спаси насъ! Какая глупость, послѣ изрѣченія самаго Пророка: «*Кто обманетъ меня* «*умышленно, жилище его адъ,*» изрѣченія, повтореннаго толикими вѣками, осмѣлиться изрыгать

Digitized by Google

ложь и клевету на существо Всевысочайшее! Какое величайшее дерзновеніе посягать на клятвопреступленіе, когда сказано у Абу Имама: «*Гнусень* «*содѣлается правовѣрный отъ нечистоты обмана и* «*коварства*,» и у Абу Гурейра, что «*самое ужа-* «*снѣйшее зло есть свидѣтельство ложное.*». Какъ же послѣ всего сего, истинный сынъ вѣры въ состояніи покуситься на содѣяніе того и другаго? Богъ рекъ: «*Потерявшему Господа, нѣсть путе-* «*водителя.*» И во истину: таковыхъ, для пресѣченія разливающихся золъ, въ примѣръ мірской казни, какъ извергонъ, развращающій-ли онъ, или развратившійся, должно изгонять изъ отечества. 1831 года, Іюля 21 дня.

Подписалъ: *Муфтій Абдулжемидъ.*

СПИСОКЪ

съ подлиннаго дѣла о бѣлой воронѣ, отправленной въ Москву изъ Переяславля Рязанскаго, по указу Петра Великаго, въ 1719-мъ году.

1. *Указъ о присылкѣ вороны.*

«Впереславль Рязанской Ланштрашу нашему Артемью Ѳадѣевичю Кривцовскому. Ошвеликаго Государя Царя іеликого Князя Пешра Алексѣевича всеа великия і малыя и бѣлыя Россіи Самодержца Впереславль Рязанской Ланштрашу нашему Артемью Ѳадѣевичю Кривцовскому вѣдомо намъ Великому Государю учинилось чшо нынѣ есшь у шебя вполмке пшица бѣлая ворона і понашему Великаго Государя указу велѣно шое пшицу взяшь кмосквѣ и для взяшья шое пшицы посланъ кшебѣ ссею нашею Великаго Государя грамошою нарочно Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку салдашъ Василей Островской и какъ кшебѣ ся наша Великаго Государя грамоша придешъ ішыбъ шое пшицу оиидалъ шому салдашу устроя ей мѣсшо вчембы еѣ мочно довесши кмосквѣ вцѣлости і велѣлъ дашь ему на шое пшицу вдорогу довольной кормъ и подводы и провожашыхъ чшобъ ей вдорогѣ какой гибѣли неучинилось а котораго числа и скемъ провожалымъ шошъ салдашъ сшою пшицею испереславля Рязанскаго кмо-

Digitized by Google

сквѣ отпущенъ ивкакомъ мѣстѣ та птица устроена и что ей вдорогу корму дано будетъ о томъ къ намъ Великому Государю писалъ а отписку велѣлъ подать ѣтое птицу объявить впреображенскомъ приказе ближнему стольнику нашему Князю Ивану Ѳедоровичю Рамодановскому споварыщи. Писанъ впреображенскомъ приказѣ лѣта 1719 году Марта въ 6 день. Дьякъ Яковъ Былинской.

Справилъ Василей Ардабьевъ.

Помѣта: 1719 году Марта въ 13 день подалъ Преображенскаго полку салдатъ Василей Островской.

2. *Отъ Ландрата Кривцовскаго, при посылкѣ птицы въ Московскій Преображенскій Приказъ, донесеніе.*

Великому Государю Царю і великому Князю Петру Алексѣевичу всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу холопъ твой Аршемей Кривцовской челомъ бьетъ. Вынешнемъ Государь 719 году сего Марта въ 13 день втвоей Великаго Государя Царя і Великаго Князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца грамоте испреображенскаго приказу за приписью дьяка Якова Былинскаго впереславль Рязанской комнѣ холопу твоему Леибъ Гвардіи Преображенскаго полку ссалдатомъ Васильемъ Островскимъ писано велено поиманою птицу которая есть вполмке умеия холопа твоего бѣлою ворону испереславля Рязанскаго прислать кмоскве впреображенской приказъ свышепи-

Digitized by Google

саннымъ салдатомъ Васильемъ Островскимъ устроя ей мѣсто вчембы мочно довести кмоскве вцѣлости и давъ шому салдату натое пшицу вдорогу довольной кормъ и подводы и провожатыхъ чшобъ ей вдороге какой гибели неучинилось ипотой своей Великаго Государя грамоте вышепомянутою пшицу бѣлою ворону устроя ей мѣсто клѣшку наемской подводѣ испереславля Рязанского послалъ я холопъ швой кшебе Великому Государю кмоскве впреображенской приказъ присей описки свышеписаннымъ присланнымъ Леибъ Гвардіи Преображенскаго полку салдатомъ Васильемъ Островскимъ да спровожашымъ Згремячевскимъ салдатомъ Марша въ день сего 719 году данатое пшицу оному салдату Островскому дано вдорогу корму баранья мяса . . . . . а описку Государь велѣлъ я холопъ швой подашь и оную пшицу объявишь впреображенскомъ приказе ближнему стольнику Князю Ивану Ѳедоровичю Рамодановскому споварыщи.

3. *Подорожная для провоза птицы.*

Лѣта 1719 Марша въ 14 день поуказу Великаго Государя Царя івеликаго Князя Петра Алексѣевича всеа великія імалыя ібѣлыя Росіи Самодержца отпереславля Рязанского подороге доколомны ідомосквы вгородѣхъ, Господамъ Ланпрашомъ ідругимъ управишелемъ авселехъ ивдеревняхъ всякаго чина жишелемъ пропускалибъ ідля постою надворы пускали орада Гремячева салдата Ѳому Казмина, вездѣ беззадержанія ибезденежно апоямомъ емшикомъ давалибъ оному салдату існимъ подпшицу которая поймана вперсславле Рязанскомъ бѣлою ворону іпо-

Digitized by Google

указу Великаго Государя інограмоте испреображенскаго приказу повелено тое птицу прислать кмоскве впреображенской приказъ вустроенномъ мѣсте здовольнымъ кормомъ наподводахъ спровожатыми ямскою одну подводу ссанми и спроводникомъ а за ту подводу ималибъ унего прогонные деньги поуказу апосланъ оной салдатъ іптица іспереславля Рязанского отподполковника Лантрата Артемья Ѳадѣевича Кривцовскаго кмоскве впреображенской приказъ наскора сприсланнымъ изпреображенскаго приказу салдатомъ Васильемъ Островскимъ. Подполковникъ Кривцовской.

Справилъ Ѳома Леонтьевъ.

Помѣта: 1719 году Марта въ 19 день. Посей подорожной отписка и присланная птица впреображенскомъ приказѣ приняты ипровожатай Ѳома Кузминъ отпущонъ, Дьякъ Яковъ Былинской.«

Все дѣло, примѣчательное по содержанію и по заботливости, съ которою хотѣли сберечь найденную рѣдкость, состоитъ изъ двухъ, обыкновенной величины, листовъ, сшитыхъ, какъ сшиваютъ нынѣ; подорожная написана особо, на полулистѣ, въ длину онаго, по той формѣ, какая и нынѣ употребляется; годъ и дни мѣсяца обозначены буквами; по сгибамъ бумаги, значащейся здѣсь подъ N. 1-мъ, и составляющей первый листъ въ дѣлѣ, видно, что она была запечатана особымъ образомъ: бумага сложена почти такъ, какъ нынѣ, но печать черная, приложена была къ двумъ концамъ шнура,

Digitized by Google

или, просто, узенькой бумажки, продѣтой въ двѣ скважины, которыя прорѣзаны на листѣ, и концами сходившейся на другой сторонѣ, гдѣ прикладывалась печать; эта хитрость замѣняла нашъ кувершъ; послѣ надписи: «Переславль Рязанской Ланпрашу нашему» etc. въ низу, на внѣшней сторонѣ, написано: *безпошлинъ.*

Ф. Ляликовъ.

27-го Ноября 1831 года, Рязань.

СМѢСЬ.

Сообщаемъ читателямъ отрывокъ любопытнаго письма, полученнаго нами изъ Кяхты, отъ 19 Сентября, сего 1831 года.

«Въ то самое время, какъ два Министерства: Иностранныхъ дѣлъ и Финансовъ, соревнуютъ другъ другу въ открытіи на Кяхтѣ училища для Китайскаго языка, здѣшнее Купечество предупредило ихъ своею готовностію содѣйствовать благодѣтельному объ немъ попеченію Правительства. Сего Сентября 13 числа, мы были свидѣтелями испытанія въ Китайскомъ языкѣ, происходившаго въ присутствіи Е. П. Барона Шиллинга фонъ-Канштатъ, всѣхъ членовъ, возвратившейся изъ Пекина, Духовной Мис-

Digitized by Google

сіи, многихъ другихъ чиновниковъ, и купечества здѣшняго. Въ началѣ прошли первую часть Грамматики, въ которой общая этимологія Китайскаго языка изложена столь просто и столь ясно, что мы съ перваго раза убѣдились въ несправедливости общаго мнѣнія о великихъ трудностяхъ въ изученіи сего языка. Ученики, занимавшіеся онымъ не болѣе полугода, отвѣчали очень удовлетворительно. Потомъ прочитали на Китайскомъ языкѣ нѣсколько разговоровъ, содержаніемъ коихъ были предметы, обыкновенные между торгующими въ Кяхтѣ. Наконецъ предложили намъ посмотрѣть опыты письма ихъ. Судя по симъ успѣхамъ, должно отдать справедливость, и рвенію учащихся, и заботливости обучающаго. Ученики суть дѣти, или воспитанники, Кяхтинскихъ купцовъ, а учитель ихъ О. Іакинѳъ, который, находясь здѣсь по дѣламъ службы, принялъ на себя временную обязанность обучать ихъ, по предварительному предложенію со стороны Купечества.

«Для многихъ страннымъ покажется, что наши купцы, имѣя пребываніе въ Кяхтѣ, съ самаго открытія пограничнаго торга, въ 1728 году, доселѣ не обращали вниманія на Китайскій языкъ. Но сіе удивленіе скоро разсѣется, когда представимъ себѣ, что сей языкъ, въ правилахъ своихъ будучи совершенно противоположенъ нашему, недоступенъ къ изученію безъ хорошаго учителя, а Правительство не могло ихъ снабдить онымъ, потому, что само имѣло недостатокъ въ переводчикахъ, образовавшихся въ Пекинѣ. За то изворотливые Китайцы

Digitized by Google

не долго думали о трудностяхъ нашего языка. Они сдѣлали у себя постановленіе, чтобы каждый мальчикъ, предназначаемый для торговыхъ дѣлъ въ Кяхтѣ, по прибытіи сюда, непремѣнно обучался Русскому языку. На сей конецъ въ каждой лавкѣ находится небольшой Китайскій словарь, съ Русскимъ переводомъ, написаннымъ Китайскими буквами. Но какъ Китайскій языкъ не имѣетъ измѣненія въ словахъ по окончаніямъ, и, сверхъ того, нѣтъ въ немъ созвучныхъ словъ, для тоническаго переложенія нашихъ слоговъ, имѣющихъ по двѣ и по три согласныхъ буквъ, то изъ перевода пріятелей образовалось особливое Русское нарѣчіе, въ которомъ наши слова, обезображенныя произношеніемъ, употребляются въ томъ видѣ, какъ были внесены въ словарь, безъ малѣйшаго измѣненія по окончаніямъ.

«Хотите-ли видѣть образчикъ торговыхъ сношеній на семъ ново-Русскомъ языкѣ? Вотъ онъ:

1. Э-динъ лю-ди бо-ли-ше́-лэ.
2. Ти-би, бу-ли-я́-ши-лъ я не ше-на́-лэ (ше).
3. Ти-би ду-ва-лъ гао-ху-да хо-ди.
4. Ву-чи-ла бо-ли-ше-лэ.
5. Ти гэ-кай ду-ва-лъ ё-сы.
6. Я ся́-кэ ду-ва-лъ ё-сы.
7. Ти гэ-кай ду-ва-лъ на́-ду.
8. Э-ди-ка ду-ва-лъ я ня-на́-ду.
9. Ху-ла́о-ши ду-ва-лъ э-дай.
10. Цай-на гао-ву-ли.
11. Ли́-ши-ка ня-бу-ло-си.
12. Э-динъ ду-ва сы-ла́о-ву.

Digitized by Google

13. Да-ляо-ка гао-ву-ли.
14. Бу-ляо-ма цай-на гао-ву-ли.
15. Ти ма-ла ма-ла бу-ли-бэй-вэй.

Поняли-ли вы что-нибудь? Вотъ вамъ буквальный переводъ:

1. Одинъ человѣкъ пришелъ.
2. Тебя, пріятель, я не знаю.
3. У тебя товары когда придутъ?
4. Вчера пришли.
5. Ты (у тебя) какой товаръ есть?
6. Я (у меня) всякой товаръ есть.
7. Ты (тебѣ) какой товаръ надобно?
8. Этого товара я (мнѣ) не надобно.
9. Хорошаго товара подай.
10. Цѣну говори.
11. Лишка не проси.
12. Одно, два слова.
13. Далеко говоришь.
14. Прямую цѣну говори.
15. Ты мало мало прибавь.

Хотя всѣ почти Кяхтинскіе жители говорятъ съ Китайцами на семъ странномъ нарѣчіи, но вообще объясняются съ затрудненіемъ, даже о предметахъ обыкновенныхъ, отъ чего нерѣдко происходятъ недоумѣнія и споры при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ. Въ семъ отношеніи открытіе казеннаго училища для Китайскаго языка необходимо нужно въ нашемъ мѣстѣ.

Digitized by Google

На Пасхальной Лейпцигской ярмаркѣ 1830 года было новыхъ книгъ, каршъ и музыкальныхъ сборниковъ не менѣе 4,900 нумеровъ. По каталогу Пасхальной ярмарки сего 1831-го года является ужасный недочетъ: всего оказалось только 3,801. Около 1,100 статей менѣе прошлогодняго! Этого и надобно было ожидать, при изобильномъ пустоцвѣтѣ нынѣшней Нѣмецкой Литтературы. Умные Нѣмцы весьма радуются этому. Въ числѣ 3,801 книгъ, Нѣмецкихъ—собственно было, новыхъ, 2,920. Въ числѣ ихъ: романовъ 128, театральныхъ пьесъ 32, книгъ на иностранныхъ новѣйшихъ языкахъ, но писанныхъ Нѣмцами, 109.

Э. Кармоли, Докторъ Правъ, поднесъ Королю Французскому Оду, на Еврейскомъ языкѣ. Она напечатана въ Парижѣ, съ Французскимъ переводомъ. — Итальянскій Филологъ, И. Монтанари, издалъ, въ 1830 году, въ Форли, книгу: Frammenti di Rabirio poeta (*Отрывки изъ сочиненій поэта Рабирія*). Что это за *Рабирій*? Богъ знаетъ! Въ числѣ истлѣвшихъ свитковъ, найденныхъ въ Геркуланѣ, нашли между прочимъ огромный свитокъ. Съ величайшимъ трудомъ разобрали, что это стихи какого-то Латинскаго, неизвѣстнаго поэта Рабирія. Но изъ цѣлаго свитка можно было прочитать вполнѣ — только *три строчки*, и еще въ семи мѣстахъ прочитали по нѣскольку словъ. Дополняя, чего разобрать было не льзя, составили такимъ образомъ восемь отрывковъ, изъ коихъ самый большой состоитъ изъ

Digitized by Google

девяти неполныхъ стиховъ. Г-нъ Монтанари истощилъ надъ ними непоняшное терпѣніе, и, съ примѣчаніями, объясненіями, введеніемъ, составилась у него книга, которую ученый издатель подарилъ Итальянской публикѣ. «Это клочки, случайно уцѣлѣвшіе, пятьдесятъ стиховъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ, какъ должно полагать, судя по огромности свитка; они ничему не научаютъ, не обогащаютъ Литтературы, не представляютъ памяти никакого достоинства, по которому надлежало-бы ей обременить себя ими. Надобно сознаться, что филологическіе труды иногда бываютъ страстью, достойною уваженія, но не благодарности.» Вотъ, что пишутъ Итальянскіе Журналисты объ отрывкахъ Рабирія и трудѣ Г-на Монтанари. Неблагодарные! Послѣ этого они почли-бы за бездѣлицу любопытныя Историческія изслѣдованія, подобныя изслѣдованіямъ одного почтеннаго нашего Археолога о *банномъ* строеніи; имъ, можетъ быть, показался-бы нелѣпымъ споръ другаго нашего Археолога съ Шамполліономъ, о гіероглифахъ, когда этотъ другой нашъ Археологъ худо знаетъ даже Французскій языкъ, и не понимаетъ сочиненій Шамполліона; они готовы будутъ хохотать надъ важнымъ открытіемъ третьяго нашего соотечественника, который философически доказываетъ, что *Революція* и *Холера* суть слѣдствіе *высшихъ взглядовъ*, и, наконецъ — кто поручится за Итальянскихъ Журналистовъ? — они, пожалуй, готовы почесть варварскимъ переводъ Орфеевыхъ гимновъ стихами Тредьяковскаго! Вотъ на всѣ такіе случаи ушѣшительное изрѣченіе, котораго мы не примѣняемъ къ

Digitized by Google

упомянутымъ нами почтеннымъ нашимъ соотечественникамъ, приводя его только ксшати, послѣ сужденія Итальянскихъ Журналистовъ, о тяжеломъ, но пустомъ трудѣ Г-на Монтанари:

. . . Глупость, предстоя при каждаго рожденьи,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословеньи!

Санктпетербургскіе книгопродавцы, Г-да Белизаръ и Компанія, рѣшаются на предпріятіе весьма полезное. Съ новаго года будутъ они издавать, въ СПб., на Французскомъ языкѣ, Журналъ, подъ названіемъ: *Иностранное обозрѣніе Литтературы, Наукъ и Искуствъ; выборъ статей изъ лучшихъ книгъ и повременныхъ сочиненій, издаваемыхъ въ Европѣ* (Revue étrangère de la Littérature, des Sciences ét des Arts; Choix d'Articles extraits des meilleurs ouvrages et recueils périodiques publiés en Europe). Опытнымъ литтераторамъ предоставлена Издателями редакція *Иностраннаго Обозрѣнія*. Въ него будутъ перепечатывать и переводить статьи изъ вновь выходящихъ, лучшихъ книгъ и новыхъ Журналовъ и Газетъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ, Итальянскихъ, и проч., немедленно по полученіи того и другаго въ СПб.-Обширная торговля Издателей, конечно, дастъ имъ средства сдѣлать *Иностранное Обозрѣніе* весьма любопытнымъ и занимательнымъ. Его будутъ составлять слѣдующія отдѣленія: Нравоученіе, Естествознаніе, Словесность, Театръ, Изъ Художества, разныя Иску-

Digitized by Google

ства, Исторія, Пушешествія, Нравы, Отрывки изъ книгъ, Смѣсь, Анекдоты, Моды. Два раза въ мѣсяцъ (отъ 10-го до 15-го, и отъ 25-го до 30-го числъ) будутъ издаваемы шетрадки, отъ 4-хъ до 5-ши листовъ (веленевой бумаги), in 8°. — Цѣна за годъ, въ СПб. 60 рублей асс., съ пересылкою 65 рублей асс.; за полгода 35 р., съ пересылкою 38 рублей. Подписка принимается: въ С. Петербургѣ, у Г-дъ Белизара и Компаніи, придворныхъ книгопродавцевъ; Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Давно обѣщанный романъ В. Скотта: *Робертъ, Графъ Парижскій*, наконецъ вышелъ въ свѣтъ. Назвавъ его: *Послѣднее отдѣленіе сказокъ моего хозяина*, В. Скоттъ издалъ вмѣстѣ съ нимъ еще небольшой романъ: *Гибельный замокъ*. Пишутъ, что новый романъ не прибавитъ славы В. Скотта. Видѣнъ отчасти прежній талантъ, есть мѣста прекрасныя; но общность слаба, не смотря на то, что Авторъ взялъ предметъ новый, обширный, представлявшій ему много средствъ по самой своей сущности. Онъ переноситъ насъ ко Двору Византійскому, во время перваго Крестоваго похода. Императоръ Алексій Комнинъ, дочь его Анна, царедворцы Византійскіе, Гошфридъ, Богемундъ, Танкредъ, Робертъ Парижскій, Брентильда, супруга, сопровождающая его въ походѣ — вотъ главныя лица романа, къ которымъ присоединяются еще: Урселій, соперникъ Комнина, страдающій въ темницѣ, и оран-

Digitized by Google

гушангъ — обезьяна, составляющая важное лицо, подражаніе Жоко, на которое, кажется, много надѣялся В. Скоттъ. Впрочемъ, говоря о новомъ романѣ В. Скотта, мы повторяемъ только слова Французскихъ Журналистовъ, и сами напередъ увѣрены, что если Робертъ Парижскій и не станетъ въ рядъ съ лучшими романами Шотландскаго Баронета, то все онъ долженъ быть твореніемъ весьма замѣчательнымъ.

До сихъ поръ забывали мы сказать нашимъ читателямъ о книгѣ, изданной Парижскимъ книгопродавцемъ Ладвока, и любопытной по содержанію и по образу ея составленія. Эту книгу хотѣли было сперва назвать: *Хромоногій бѣсъ*. Она должна была состоять изъ статей о Парижѣ. Хромоногій Бѣсъ, неумирающая шутка Лесажа, долженъ былъ разсказывать читателямъ всѣ Парижскія тайны, всѣ подробности о Парижѣ: Исторію, Статистику, Нравы, Археологію, и проч. и проч. — Предположено было раздѣлить все это на множество статей, и просить литтераторовъ Французскихъ взять на себя трудъ: написать по одной, по двѣ, по три статьи. Уважая ловкаго Ладвока, множество охотниковъ вызвалось участвовать въ новомъ его предпріятіи. На первый случай, число участниковъ возросло уже до 101. Разумѣется, что не могло быть единства въ работѣ ста слишкомъ человѣкъ, изъ коихъ каждому предоставлялась полная воля писать взятую имъ на себя статью, какъ

Digitized by Google

угодно, только-бы пришлась она въ опредѣленную мѣру. Это должно было походить на Вавилонское столпотвореніе, но это-то и составляло занимательность, интересъ книги. *Первый* томъ ея выданъ теперь въ Парижѣ. Вмѣсто *Хромоногаго бѣса*, ее назвали: *Парижъ, или книга ста одного*. Изъ программы видно, что все лучшее въ нынѣшней Французской Литтературѣ будетъ тутъ участвовать: В. Гюго, Баранть, К. Делавинь, Беранже, Ламартинъ, Дюлоръ, Тьеръ, Тьерри, и проч. и проч.— Всего выйдетъ 10 томовъ, in 8°. Статью: *Асмодей*, родъ вступленія, написалъ Жаненъ. За тѣмъ въ 1-мъ томѣ находятся статьи: Пале-Рояль; Парижскій мѣщанинъ; Ботаническій Садъ; Домъ въ улицѣ Медицинскаго училища; Букинистъ; Пѣсня Шатобріану (Беранже); Отвѣтъ Шотобріана; Политическая неблагодарность; Вечера артистовъ; Тюрьма La Conciergerie; Домъ въ предмѣстіи Marais; Публичныя Библіотеки; Праздникъ въ окрестностяхъ Парижа; Первое представленіе, и проч. Имена сочинителей сихъ статей, кромѣ Шатобріана и Беранже, суть: Рошъ, Базенъ, Баршелеми и Мери, Друано, К. Нодье, Жуи, Жаль, Ф. Шаль, Г. Монье, Лакруа, Госланъ. П. Кокъ, Мервилль, Герцогиня Абрантская и Сальванди. — Любопытно будетъ получить эту книгу, которую можно назвать собраніемъ образчиковъ литтературнаго генія современной Франціи.

Digitized by Google

Мы не успѣли еще донынѣ ничего сказать читателямъ нашимъ о перемѣнахъ, измѣненіяхъ, смерти и новыхъ явленіяхъ въ современной Русской Журналистикѣ. Постараемся сдѣлать это въ слѣдующихъ книжкахъ. Впрочемъ — ушѣшительнаго мало. Безпощадная смерть погубила толпу эфемеровъ, вылетѣвшихъ въ началѣ 1831 года, и уцѣлѣвшихъ отъ 1830 года. *Колокольчикъ*, *Бабочка*, *С. Петербургскій Вѣстникъ*, *Журналъ иностранной Словесности*, *Эхо*, *Листокъ*, умерли. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, совершилось диво: *Телескопъ* и *Молва*, *Сѣверный Меркурій*, *Гирлянда*, и *Литтературныя прибавленія къ Инвалиду*, какъ ни хилы, какъ ни гнилы — удержались! Это стоитъ подробнаго изслѣдованія. Изъ новыхъ явленій на 1832-й годъ, мы слышали о *Европейцѣ*, Журналѣ И. В. Кирѣевскаго, *Сѣверной Минервѣ*, Журналѣ Г-на Вѣшринскаго, и *Воспоминаніяхъ*, Журналѣ Г-на Руссова. Le Furet переименовалъ себя *Зеркаломъ* (Le Miroir). О Журналѣ Г-на Белизара (*Иностранное Обозрѣніе*) мы упомянули выше. За тѣмъ (да и при всемъ этомъ), едва-ли не будетъ все *старое по старому*, *а вновь ничего*.

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 21. *Ноябрь* 1831.

БЕСѢДА

У МОЛОДАГО ЛИТТЕРАТОРА.

... Старымъ бредишь новизна!
А. Пушкинъ.

Филоѳей и Леонидъ *(входятъ въ комнату, въ домѣ Сплетнина. Въ другой комнатѣ слышно множество голосовъ).* Филоѳей *(прислушивается)* Голосъ и хохотъ Таланпина, пищанье Аріостова, надутые возгласы Оріенпалина... Леонидъ! поѣдемъ отсюда поскорѣе!

Леонидъ. Что за вздоръ? Куда?

Фил. Куда нибудь, только подалѣе отъ этого сборища литтераторовъ.

Леон. Не самъ-ли ты звалъ меня къ Сплетнину?

Фил. Да, потому, что люблю иногда слушать его болтовню о литтературныхъ сплет-

Digitized by Google

нихъ, какъ любятъ иногда поговорить съ разнощицею, торговкою, Московскою свахою. Но я не зналъ, что здѣсь собрались сегодня юные литтераторы — Прощай, я бѣгу!

Леон. Что за прусость! ха, ха, ха!

Фил. Я ихъ, какъ огня, боюсь. И что за радость и тебѣ убивать съ ними время?

Леон. Какой вздоръ! ты слышишь по голосамъ, что здѣсь собрался *сокъ лучшей молодежи*. Вѣдь здѣсь общество не хуже Родосова...

Фил. Хуже: тамъ только скучно, а здѣсь несносно; тамъ только смѣешся, здѣсь невольно разсердишься...

Сплетнинъ. *(выходя)* Кто тамъ? Вы-ли это Куплетинъ? Что новаго?

Фил. Попались!

Сплетн. Ба, ба, ба! Небывалые гости: Г-нъ Леонидъ, Г-нъ Филовѣй! Ну, къ намъ, къ намъ скорѣе, въ нашу бесѣду! Что новаго? Что слышно? Слышали-ль вы: *(скоро)* Пушкинъ печатаетъ окончаніе *Онѣгина*; онъ-же издаетъ теперь *Сѣверные цвѣты*; *Альціона*, говорятъ вышла...

Леон. Здоровы-ли вы?

Сплетн. *(скоро)* Булгаринъ возвратился въ Пешербургъ, и пишетъ еще романъ; въ Москвѣ будутъ изданы альманахи...

Digitized by Google

Фил. Кто у васъ шамъ?

Сплетн. *(скоро)* *Сѣверная брусника*, *Падучая звѣзда*, *Бѣлена*, *Литтературный колодецъ*... Знаете-ли, кто Косичкинъ, кто издалъ *Повѣсти* Бѣлкина, кто написалъ *Вечера на хуторѣ*, кто издалъ... *(кашляетъ)*

Фил. Отдохните, отдохните!

Сплетн. *(старался прокашляться)* Булгаринъ... Пушкинъ... говорятъ... шьфу, проклятый кашель!

Райверинъ. *(входя)* Гдѣ-же ты, Сплетнинъ? Поди, братецъ! ни табаку, ни вина нѣтъ!

Сплетн. Что вы? Да сей часъ принесли бутылку и цѣлый картузъ подали —

Райвер. Кончено!

(Слышны громкіе клики: Браво! Charmant! Славно! *Двери изъ внутренней комнаты настежъ расхлопнулись. Густой табачный дымъ валитъ оттуда облаками, и съ хохотомъ, съ шумомъ бѣгутъ*: Талантинъ, Аріостовъ, Орієнталинъ, Шампанинъ, Эпитетинъ)

Райвер. Что у васъ шамъ?

Всѣ. Чудо! браво, славно!

Сплетн. Да что такое? Что такое?

Шамп. Талантинъ экспромптомъ сочинилъ эпиграмму на Иголкина — чудо, что за ос-

Digitized by Google

проша! Ахъ, чортъ его возьми! что за талантъ!

Эпит. Признаюсь: попасться подъ его перо — ужасно.

Райвер. Прочти скорѣе!

Талант. Что вы пристали! Слушать-же.

Корчи харю философа,
Сухопарый критикъ мой!
Я молчу: въ отвѣтъ ни слова;
Но раздѣлаюсь съ тобой!
Съ длинноухими ослами
Насъ дубина разочтетъ,
И съ тобою, не стихами —
Палкой кончу я разсчетъ!

(громкій хохотъ).

Сплетн. Батюшка! дай списать!

Фил. Это, кажется, можно и не эпиграммою назвать...

Райвер. *Да что за дѣло до названья.* Славно! напечатать —

Леон. Да не напечатаютъ.

Тал. Когда знать будутъ, что *я* написалъ? Что вы это! Я пошлю къ В. В. или къ N. N.

Леон. Какъ вамъ не стыдно у нихъ печатать!

Digitized by Google

Тал. А мнѣ что? Вѣдь имени не будетъ.

Леон. Но...

Райб. Что за *но*! Полно намъ нынь.

Аріост. Послушайте, однакожъ: тутъ есть *дисгармонія*. Я такъ привыкъ къ гармоническимъ стихамъ Петрарки, что худая рифма заставляетъ мою голову трещать.

Патріот. Что такое васъ тутъ оскорбляетъ?

Аріост. Рифма, рифма: *Философа, слова* — нехорошо!

Шамп. Какая нелѣпость! Развѣ самъ Пушкинъ не употребилъ: *шалѣ, балѣ, Мадонѣ, небосклонѣ?*

Многіе голоса. Это привязки! Это *Классицизмъ*! Les perruques, les perruques! — Стыдитесь!

Аріост. Я Классикъ? Что вы это! Да, Боже меня сохрани!

Фил. Я осмѣлился-бы замѣтить, что эпиграмма немножко рѣзка.

Многіе голоса. Какъ рѣзка? Что за скромность! Классицизмъ, Классицизмъ опять.

Эпит. Такія-ли эпиграммы бывали у насъ рѣзкія. Помните-ли:

То-то сѣчь-бы, то-то драть-бы,
Съ приговоркой: »Ахъ! уродъ!

Digitized by Google

Шамп. (*Талантину*) А вѣдь пвся, говорятъ, была эта, какъ бишь....

Аріост. Воля ваша, а *Философа* и *слова* нехорошо, въ наше время, когда пишушъ такъ прелестно —

Орієнт. Скажите, когда въ каждомъ словѣ хорошаго поэта заключается мысль...

Фил. Въ каждомъ словѣ? Это много! Мнѣ случалось довольно читать цѣлыя поэмы, въ которыхъ не было ни единой мысли.

Шамп. Да когда-же не начетали вздору? Но великіе поэты наши, наши геніи — о, это чудо!

Мног. голоса. Чудо, чудо!

Талант. На нихъ и должно намъ смотрѣть. Геній идетъ впереди толпы, свѣтелъ, какъ солнце... mais, потомъ, la masse vient, la masse, avec ses préjugés, ses idées reçues, et non acquises, la masse, qui n'opère jamais sur les faits avec sa propre opinion, et cette masse..

Эпит. Возьмите, какіе угодно, стихи нашихъ великихъ поэтовъ, и тутъ вы убѣдитесь тотчасъ, что никогда Поэзія Русская не восходила на такую высокую степень... Напримѣръ:

Вотъ, сердца горестныхъ замѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній

Digitized by Google

Небрежный плодъ. Моихъ забавъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ —
Прими собранье пестрыхъ главъ —
Ну! такъ и быть — рукой пристрастной!
Высокихъ думъ и простоты,
Поэзіи живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнѣе души прекрасной,
Залогъ достойнѣе тебя,
Хотѣлъ-бы я тебѣ представить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свѣтъ забавить....

Многіе голоса. Это Пушкинъ, Пушкинъ! Соловей, чудо! Что Байронъ передъ нимъ!

Тал. Да ты прочиталъ стихи его задомъ напередъ!

Эпит. Какъ? Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!...

Тал. Ха, ха, ха! Видно у тебя въ головѣ запуманилось.

Орієнт. А все хорошо, превосходно. Вопъ, господа, доказательство тождества мыслей и словъ...

Аріост. Ай! *Тождество* — что за слово! Ради Бога, далѣе Нѣмецкую Философію!

Райв. Чортъ ее возьми! Какой поэтъ былъ философомъ...

Фил. Но Эстетика...

Digitized by Google

Тал. Эсѳетика, Эсѳетика! Да что такое поэтъ? c'est une espèce d'homme pour qui le monde réel est comme s'il n'existait pas; dupe de son imagination, il se laisse aller à mille brillantes chimères sans que, ni le désappointement, ni les leçons plus douces de l'expérience, l'en puissent désabuser. Crédule et capricieux enfant, il ne s'attache à aucune idée; c'est n'est pas une tête, c'est une âme ouverte à toutes les émotions. La paix, la guerre, le mal, le bien lui sont indifférens; à toute chose il cherche le côté des images, et jamais la raison ni la cause...

Шампан. *(обнимаетъ Талантина)* Ты геній, братецъ, ты геній!

Фил. *(тихо)* Изъ какой это книжки читаетъ онъ наизусть свою Французскую галиматью? Не тотъ-ли это самый Родосовъ, надъ которымъ они смѣются, только въ другомъ видѣ?

Орієнт. За что я привязался къ моему Востоку? За то именно, господа, что это земля Поэзіи. Мыслей — шма, правилъ нѣтъ, эпитетовъ тысячи...

Твой взоръ, какъ пальма Ливанона,
Горитъ и блещетъ, какъ сандалъ...

Рлйв. Но что твой Востокъ противъ Запада? Рыцари, Испанскіе романсы, Нибелунги —

Digitized by Google

Аріост. А гармоническіе звуки Петрарки, Марини, Гольдони, Монти... Ахъ! сколько звуковъ!

Шамп. Для меня Шиллеръ лучше всего! Какъ бишь оно: Kennst du das Land... Забылъ!

Фил. Это романсъ Гёте.

Шамп. Нѣтъ! Шиллеровъ — я знаю Германскую Литтературу, довольно порядочно.

Райв. Да что-жъ ты извлекъ изъ этого знанія?

Талант. Увѣренность, что геній творитъ правила, а толпа должна слѣдовать за геніемъ. Шампанинъ геній, а мы толпа... ха, ха, ха!

Эпит. Слушай, Таланшинъ! Смиреніе хуже гордости...

Тал. Какое смиреніе?

Эпит. Будто ты не сознаешь своего огромнаго дарованія — это грѣхъ тебѣ!

Тал. Что-жъ я буду сознавать?

Шамп. Укажи намъ: кого поставишь ты выше себя изъ прежней Русской Поэзіи?

Тал. Никого, но это доказываетъ, что мы выше стариковъ шипомъ, или кадромъ своего образованія...

Фил. Но и прежній вѣкъ являлъ намъ людей — едва-ли не геніевъ...

Digitized by Google

Эпит. Знаю наперед$_ъ$ за что вы уцѣпитесь, и хотите-ли, подскажу вам$_ъ$: Державин$_ъ$?

Многіе голоса. Фи! Онъ писалъ Оды! Оды — какая дрянь!

Фил. Но и Пиндаръ Оды писалъ...

Тал. Пиндаръ?

...Monsieur sait du grec! ach! permettez, de grâce,
Que, pour l'amour du grec, monsieur, on vous embrasse!

(общій хохотъ).

Райв. Друзья! не начать-ли намъ снова писать Оды?

Аріост. Идиллiи, Эклоги...

Шамп. Рондо, Сонеты! Вѣдь была-же глупость: вѣрили Буало, а дуралей говорилъ —

Un sonne tsans défauts vaut seul un long poème...

Эпит. Нѣтъ, ужъ если принимаешься за старое, такъ начнемъ-те Басни писать.

Орiент. Акростихи, Дистихи, Тріолеты...

Райбер. Полно говорить нелѣпости. Послушай, Таланпинъ: я принялся за огромный прудъ.

Тал. Началъ балладу о чортѣ въ красныхъ башмакахъ? Прочти, прочти!

Райб. О, вздоръ какой! Совсѣмъ не то — я передѣлываю Гётева Фауста.

Digitized by Google

Многіе голоса. Браво!

Райѣ. Знаешь-ли, какая свѣжая идея у меня явилась? Я представляю, что Мефистофель, показавъ Фаусту Маргариту, самъ въ нее влюбляется...

Тал. Ахъ! какая славная идея! Ну!...

Патріот. господа: полно вамъ германить: пора приниматься за отечественное.

Тал. Отечественное? Да что ты изъ него сдѣлаешь?

Фил. Изъ Русскаго ничего и не должно дѣлать, потому, что оно уже сдѣлано.

Тал. Что вы подъ этимъ разумѣете?

Фил. То, что Русь создала уже свою Поэзію, Поэзію высокую...

Эпит. Не *Россіяду*-ли Хераскова, вы разумѣете, подъ именемъ созданной уже Русской Поэзіи?

Аріост. Нѣтъ! вѣрно *Разсвѣтъ полночи*, Боброва.

Фил. Не изъ Петрарки-ли эта эпиграмма?

(Общій хохотъ)

Патріот. Я, какъ романистъ, свое дѣло дѣлаю. *Русскій* Историческій романъ скоро будетъ у меня готовъ... Я назвалъ его: *Битва Березинская*. Происшествія вѣрны, какъ Исторія. По-

Digitized by Google

жаръ Москвы взялъ я изъ аффишекъ Растопчина, а всѣ сраженія описываю по погдашнимъ реляціямъ. Мои собственныя прибавки дышатъ пламеннымъ патріотизмомъ.

Тал. Я люблю твои романы, потому, что если у тебя что и не такъ, за то выкупаешь ты какимъ-то Рускимъ гуморомъ...

Эпит. *Онъ вретъ и не краснѣетъ!* Вотъ похвала ему.

Патр. Да въ чемъ-же и искуство Романиста? Надобно умѣть разовраться. Но я всегда мѣчу въ Русское сердце, и попадаю удачно. Вотъ и въ новомъ моемъ романѣ, сцена, гдѣ Наполеона Русская баба бьетъ башмакомъ, и другая, гдѣ у Маршала Нея голодная кошка выхватываетъ жареную ворону... величіе Наполеона, пирамиды, Іена, Маренго, и — Русская баба... я самъ любовался!

Тал. А будутъ-ли у тебя дураки, юродивые? это необходимо, и ты-же ихъ такъ мило описываешь.

Патр. Какъ-же безъ нихъ! Я вывожу на сцену слѣпаго, юродиваго, который ворожитъ Наполеону, и говоритъ ему: «Бойся Алёны, да шого, кто на крылатой лошадкѣ ѣздилъ!»...

Тал. Браво! Беллерофонтъ и островъ Св. Елены...

Digitized by Google

Райв. Нѣтъ! я тебя выше спану съ моимъ юродивымъ.

Тал. А! ты видно мою идею взялъ?

Райв. Да, я тебѣ за нее благодаренъ.

Тал. Есть за что? L'idée est un drapeau qui ne peut rien s'il n'a pas une armée sous lui. Ты мое войско—тебѣ и слава!

Многіе голоса. Что-же такое! Что такое?

Райв. Я дѣлаю юродиваго первымъ лицомъ моей Трагедіи: *Салосъ, или паденіе Пскова.* Сидя на палочкѣ верхомъ, ѣдетъ онъ къ Іоанну Грозному, и читаетъ Гамлетовъ монологъ, примѣненный къ Пскову:

Такъ: быть или не быть свободѣ Пскова?
Вотъ мой вопросъ!...

Мног. голоса. Браво! Quelle idée!

Фил. Кажется, вы говорили, что Литтература наша шагнула впередъ?

Тал. Какое-жь сомнѣніе!

Фил. Я не только теперь не сомнѣваюсь, но увѣряюсь совершенно, слыша высокіе изобрѣтенія юныхъ поэтовъ...

Сплетн. (*тихо*) Ты попроси-ка еще прочитать его свое что нибудь. Вѣдь онъ скупъ на чтеніе, а у него пропасть.

Digitized by Google

Аріост. Я изъ Данте перевелъ размѣромъ подлинника пять строфъ. . .

Шамп. Семь пѣсенъ Беранже у меня совсѣмъ готовы.

Орієнт. Я скоро стану уже печатать свою Арабскую поэму — подражаніе второй сказкѣ изъ Лалла-Рукъ. . .

Патр. Моя *Битва Березинская*. . .

Тал. (*Эпитетину*) Ты что молчишь, мой Фальстафъ Макбетовичъ? . . .

Эпит. Погоди. . . планъ новой поэмы. . . такъ. . . нѣтъ. . . основаніе взять изъ Гяура; дѣйствіе перенести на Кавказъ; началомъ будетъ разговоръ Ромео и Юліи. . . потомъ ввести Миньону, похищенную Черкесами. . . .

Куплетинъ (*вбѣгаетъ*) Друзья! побѣда! ура! Сплетнинъ! давай Шампанскаго?

Орієнт. Что: удача?

Куплет. Чудо, говорю вамъ! Рукоплесканіямъ конца не было. . . Ну, ужь студенты! Молодцы — такъ работали, что только стѣны дрожали.

Тал. И ты былъ вызванъ?

Фил. Что такое съ вами сдѣлалось?

Купл. Мой новый водевиль принятъ съ востор-

Digitized by Google

гомъ — Я сей часъ изъ шеатра — что за шумъ! Друзья мой! пріятна слава. —

Аріост. А сколько билетовъ было раздано студентамъ?

Купл. Въ раекъ сто, да въ креслы пятьдесятъ.

Тал. Разскажи-жь поскорѣе. . .

Силет. Пойдемъ-те, господа, въ шу комнашу— шамъ уже все готово. . .

Тал. Ну, ну, пойдемъ. . .

Веди меня, пустыни жишель,
Святой анахорешъ!

Фил. Гдѣ Леонидъ мой дѣвался?

(Всѣ, кромѣ Леонида и Филовея, уходятъ).

Леон. *(лежа на диванѣ)* И *вонъ валитъ кабакъ*... Филовей! шы ищешь меня?

Фил. Ты здѣсь? Что съ шобой?

Леон. У меня зубы заболѣли съ самаго пріѣзда, и я пролежалъ на эшомъ диванѣ — все слушалъ, и слышалъ!

Фил. Поѣдемъ поскорѣе!

Силетн. *(выглядывая изъ дверей)* Господа! что-же вы? Тма новосшей. . . идише скорѣе *(уходитъ)* . . .

Digitized by Google

Леон. Сей часъ, сей часъ! *(Филовею)* Уѣдемъ, ради Бога, избавь скорѣе... избавь ошъ поэшовъ и зубной боли. . . .

(поспѣшно уходятъ).

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les rubans de satin ne sont pas les seuls employés dans les cheveux. Nous avons vu quelques coeffures ornées de noeuds de rubans lamés, et si, comme on le fait espérer, des rubans à dessins nouveaux, en or et argent vont incessamment paraître, il n'y a pas de doute que les coeffeurs habiles ne s'empressent de les utiliser, et que ces rubans ne deviennent bientôt à la mode.

Nous avons fait connaître les noeuds de rubans, dits noeuds de cravate, que l'on porte depuis peu sur les petits chapeaux: la même disposition se repète maintenant sur les cheveux. Plusieurs dames avaient dernièrement, sur le côté gauche d'une coeffure à coques peu élevées, un de ces noeuds, qui, par la nouveauté de sa forme et l'effet original qu'il produit, mérite d'obtenir quelque faveur.

Le satin à raies d'une seule nuance, devient une des étoffes les plus employées pour capotes à passes courtes et carrées, assez généralement connues sous la dénomination de capotes à l'anglaise.

Nous avons déjà cité la quantité d'étoffe que l'on fait entrer dans une jupe de robe. Pour en diminuer l'epaisseur sur les hanches, des couturières y arrêtent ces plis.

A un fort joli bal donné par Mad. H..., toutes les coeffures étaient sinon *à la grecque*, du moins plates sur le sommet de la tête. Une seule personne avait encore des co

(*) До 20 Декабря (н. ст.)

Digitized by Google

ques élevées : ce qui contrastait avec les autres coeffures tout-à-fait modernes. A ce bal, on a particulièrement remarqué Mad. C., fort belle personne, dont la figure très-régulière, tirait un nouveau charme d'une coeffure grecque dans toute la pureté du genre. Cette dame avait une robe de crêpe rose sur un dessous de satin de même couleur; corsage *à la grecque*, c'est-à-dire faisant *godet* ou *cornet*, ce que les couturières appellent *poche* au milieu de la gorge; les manches très-courtes et très bouffantes, mais *au naturel*, c'est-à-dire ni en *béret* ni en *éventail*, de la robe de satin, n'etaient point entièrement recouvertes en crêpe; seulement de très-petits jockeis fendus *à la persane* tombaient à demi-corsage sur la manche. Ceinture flottante, à deux coques, agrafée de côté.

Для уборки волосовъ употребляются не однѣ атласныя ленты. Уже замѣчены прически съ бантами, изъ лентъ съ золотомъ и серебромъ. Если справедлива надежда, что вскорѣ появятся ленты съ новыми золотыми и серебряными узорами, то искусные парикмахеры вѣрно постараются ввести ихъ въ моду.

Мы писали о ленточныхъ бантахъ, называемыхъ галстучными, которые недавно начали носить на небольшихъ шляпахъ: ихъ-же носятъ нынѣ и въ волосахъ. Недавно, у многихъ дамъ, на лѣвой сторонѣ невысокой прически à coques, было по одному такому банту. По новости своей формы и оригинальному эффекту, эти банты достойны успѣха.

Digitized by Google

Атласъ, съ полосами одного оттѣнка, становится самою употребительною матеріею для капотовъ-шляпокъ, съ коротkими и четвероугольными полями: эти капоты извѣстны подъ довольно общимъ названіемъ Англійскихъ.

Мы упоминали, какое множество шкани шло на юпки; нынѣ выдумали уменьшить объемъ ихъ, пришивая складки на бокахъ.

На одномъ прелестномъ балѣ, всѣ прически были *Греческія*, или, по крайней мѣрѣ, плоскія на верху головы. Только у одной дамы были еще высокіе пуки волосовъ, что очень отличалось отъ другихъ прическъ, совершенно новыхъ. На этомъ балѣ особенно замѣтили Г-жу С., прекрасную лицомъ, котораго удивительная правильность получала еще новую прелесть отъ чистой Греческой прически. На той-же дамѣ было платье изъ розоваго крепа, на атласномъ чехлѣ шакого-же цвѣта; лифъ платья *Греческій*, то есть у него посрединѣ груди *трубка*, или *карманъ*, какъ называютъ швеи; рукава атласнаго платья самые коротkіе и вздутые, видъ ихъ *обыкновенный*, то есть не *беретомъ* и *опахаломъ*; они были не совсѣмъ закрыты кремъ: только маленькіе жокеи, вырѣзанные à la reine, упадали до половины ихъ. Поясъ съ распущенными концами, съ двумя баншами, и застегнутъ сзаду.

Digitized by Google

На приложенной картинкѣ:

Дама. Реденготъ изъ кашемирской шкани, убранный ашласною плешушкой.—*Дитя*, въ плашьѣ и фаршукѣ гроденаплевыхъ. — Тутъ-же: *табуретъ экранъ.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 22 Моск. Телегр. 1831 г.

Пис. Манжо

Гр. Афанасьев.

Digitized by Google

№ 22. Ноябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ О ГЕОЛОГІИ (*).

Польза Геологіи для Исторіи.

Представляя перевороты земнаго шара, довременные роду человѣческому, Геологія должна служить какъ-бы непосредственнымъ введеніемъ въ Исторію. Кромѣ того, она полезна для разобранія древнихъ матеріяловъ сей высокой науки, и даже для прямаго ея объясненія.

Такъ знаніе Геологіи объясняетъ нѣкоторыя мѣста *Геродота* гораздо лучше, нежели самыя остроумныя догадки Филологіи, или вообще Классической учености. Положительныя Естественныя науки много возстановили довѣренности къ *Геродоту*, котораго Литтераторы,

(*) Спѣшимъ познакомить публику съ новымъ сочиненіемъ Автора, который уже неоднократно украшалъ Телеграфъ своими превосходными статьями. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

впрочемъ весьма просвѣщенные, но лишенные пособій, заключающихся въ свѣдѣніяхъ о природѣ, начали было почитать отцемъ лжей, а не Исторіи, за множество утверждаемыхъ имъ фактовъ, казавшихся совершенно невѣроятными. Но чѣмъ болѣе знакомились съ натурою, тѣмъ болѣе убѣждались, что самые невѣроятные факты *Геродотовы* имѣютъ основаніе справедливое. Какія измѣненія, или изуродованія, выраженій сего древняго Историка, какіе ученые комментаріи, испещренные Латинскими и Греческими ссылками, оправдать могутъ для разсудка слова его, когда онъ говоритъ о славныхъ золотистыхъ рудникахъ, въ сѣверныхъ горахъ Индіи, разрабатываемыхъ будто муравьями величиною съ лисицу? Слова эти перестаютъ казаться нелѣпостью, говоритъ *Броньяръ*, когда, обогащенная извѣстіями путешественниковъ Геологія узнала о существованіи въ Маломъ Тибетѣ золотистыхъ россыпей, которыя выказываются изъ норъ, вырываемыхъ нѣкоторыми небольшими четвероногими животными; сихъ животныхъ могли назвать въ древности муравьями, или по сравненію, или по нѣкоторому сходству, или по какой нибудь испорченности названія. Приведемъ съ *Броньяромъ* (*) другой примѣръ

(*) Dictionnaire des sciences naturelles, etc. de *Levrault* t. 31. (1824), pag. 314.

Digitized by Google

въ доказательство того, какъ Геологія объяснять можетъ Историковъ, и служить для Исторіи. Конечно однимъ изъ невѣроятнѣйшихъ Историческихъ свидѣтельствъ можетъ показаться свидѣтельство о томъ источникѣ, въ которомъ мылись Ефіопы, для пріобрѣтенія долговременной жизни, который давалъ шёлу ихъ масляный лоскъ и фіалковый запахъ, и въ которомъ вода была такъ тонка, что самое легкое дерево не могло на ней держаться. Не объясняется-ли это, до нѣкоторой степени, тѣмъ, что сія вода содержала, можетъ быть, нефть, сію легкую и пахучую смолу, которая часто находится въ сосѣдствѣ съ почвою, свойственною каменной соли, сообщающей фіалковый запахъ даже многимъ солончакамъ, гдѣ выпаривается солистая вода?

Но не истолкованіями только Историческихъ матеріяловъ, а прямымъ приложеніемъ Геологія можетъ быть полезна для Исторіи. Переселенія народовъ, измѣненія языковъ, требуютъ, для своего объясненія, между прочимъ, знанія горъ и долинъ, ихъ центральныхъ пунктовъ, направленія ихъ вѣтвей, ихъ границъ, знанія также рѣкъ, вообще распредѣленія водъ. Не естественно-ли предполагать, что народы, въ переселеніяхъ своихъ, шли по скатамъ горъ и направленію почвы, останавливались тамъ, гдѣ

Digitized by Google

встрѣчали препятствія для дальнѣйшаго пути, или гдѣ напротивъ находили физическія удобности. Но мы оставляемъ самимъ читателямъ дѣлать дальнѣйшіе выводы; для насъ достаточно намекнуть только о возможности и пользѣ ихъ. Справедливое понятіе о физическомъ состояніи земнаго шара въ отдаленныя отъ насъ, впрочемъ Историческія уже, времена, можетъ показать не мало истины намъ, гдѣ не льзя найдти ея ни у древнихъ писателей, живших въ вѣка невѣдѣнія по сему отношенію, ни у новыхъ распространителей ихъ заблужденій. Объяснимъ примѣромъ; возьмемъ изъ примѣровъ такой, который можетъ относиться къ намъ Рускимъ въ особенности. Есть много доказательствъ, что еще во времена *Страбона* центръ Россіи былъ покрытъ водою, и едва-ли могъ быть обитаемъ. Какой-же повѣркѣ должны быть подвергнуты всѣ сказанія древнихъ о Скиѳскомъ племени? Еще и теперь приморскія области Сѣверной Европы, отъ Кале до Финляндскаго пролива, можно почесть огромнымъ болотомъ, простирающимся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Слѣды древняго моря еще, такъ сказать, очень свѣжи. Можно-ли осуждать *Бори де Сен'-Вен'-сана* за то, что онъ сильно опорочиваетъ мнѣніе, почитавшееся, и отъ многихъ, можетъ быть, еще почитающееся, аксіомою, будто officina gentium была въ шѣхъ низмен-

Digitized by Google

нихъ мѣстахъ, гдѣ, менѣе нежели за 3000 лѣтъ передъ симъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, расли морскія растенія и паслись безбоязненно тюлени (*)?

Но разнообразныя могутъ родиться въ умѣ Историка мысли и соображенія отъ свѣдѣній Геологическихъ. Богатство, успѣхи цивилизаціи, разныя привычки и вкусы народа не должны-ли зависѣть много отъ свойства минеральныхъ веществъ, которыми онъ располагаетъ можетъ? Не близъ-ли Лигуріи, покрытой мра-

---

(*) Въ весьма занимательномъ *Письмѣ морскаго офицера къ Издателю Телеграфа*, помѣщенномъ въ 13-мъ № сего Журнала 1831 года, читаемъ: «Изъ «лѣтописей Скандинавскихъ видно, что мореходцы «ея въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. имѣли сообщеніе «съ прибрежными народами Каспійскаго и Чернаго «морей, будто-бы по водамъ, значительно покрывав- «шимъ нынѣшнюю Европейскую Россію. Опкинувъ «послѣднее, какъ неимовѣрное,» и проч.... Смѣло утверждаемъ, что *послѣднее* ничуть не *неимовѣрно*. Утверждаемъ также, что и Г. *Полевой* могъ сказать въ собственномъ смыслѣ слѣдующія слова, которыя онъ сказалъ въ переносномъ: «Тогда все пространство «земель, именовавшееся нѣкогда *Иперборейскимъ*, «*Скивскимъ*, *Сарматскимъ*, можно было уподобить «странѣ, въ которой слились воды морей, землѣ уже «видимой, но неустроенной.» *Ист. Русскаго народа*, томъ 2. стр. 15.

Digitized by Google

морными черпогами, находится Ломбардія, гдѣ домы строятся только изъ кирпича? Римъ безъ травертинныхъ каменоломней. Парижъ безъ грубаго известняка и гипса, Петербургъ безъ гранитныхъ *эрратическихъ кусковъ*, не лишились-ли бы чрезвычайно много красоты своей и удобностей? *Микель Анджело* въ одинакомъ-ли стилѣ могъ воздвигать зданія и въ Парижѣ и въ Римѣ, имѣвъ матеріялами весьма различный камень? Нѣтъ сомнѣнія, что народъ, говорящій однимъ языкомъ, живущій подъ одними законами, но надѣленный отъ природы различными минеральными богатствами, получитъ со временемъ различныя обыкновенія и даже способности.

Распавшіяся части коры земной (*).

§ *Отломки вообще.*

Шаръ земной осыпанъ своими отломками. Количество ихъ неимовѣрно, величина — отъ исчезающей изъ виду пылинки до массъ огромнѣйшихъ. Сіи отломки занимаютъ не только

(*) Здѣсь говорится о *распавшихся частяхъ* только въ смыслѣ геогностическомъ; въ геологическомъ смыслѣ мы говоримъ объ нихъ въ другомъ мѣстѣ.

Digitized by Google

безчисленныя мѣста на земной поверхности, но и въ ея внутренности, подъ третичными и вторичными *образованіями*. Чрезвычайно важно обстоятельство: что одни изъ нихъ произошли, и происходятъ, отъ распаденія близкихъ къ нимъ массъ; другіе — отъ разрушенія такихъ массъ, которымъ подобныхъ нѣтъ въ томъ краѣ, гдѣ лежатъ сіи отломки.

Распавшіяся части, по различной величинѣ называются: *пескомъ*, *хрящемъ*, *кругляками*, и, по величинѣ и происхожденію, *эрратическими кусками*.

§ *Песокъ*.

Кому не извѣстно, какое множество песка находится въ природѣ? Какое ужасное пространство занимаетъ онъ въ степяхъ Коби и Сагары! Но не однѣ степи сіи составляютъ его царство; оно простирается по дну всѣхъ водоемовъ, отъ малѣйшаго ручья до Океана, и разсѣяно по безчисленнымъ пунктамъ, какъ на поверхности земли, такъ и въ глубинахъ ея, входя въ составъ весьма многихъ образованій (§§), и составляя цѣлыя образованія (§). Не должно однако думать, чтобы всякій песокъ, или вообще всѣ порошистыя вещества, произошли вслѣдствіе распаденія частей, нѣкогда цѣльныхъ; многія изъ нихъ, рав-

Digitized by Google

но и песокъ, получили порошистую свою форму отъ первоначальнаго своего химическаго происхожденія (*). И такъ не удивительно, что песокъ встрѣчается иногда въ видѣ совершенныхъ кристалловъ: таковъ найденный при разрытіи почвы подъ основанія Нёильскаго моста (**). Впрочемъ песокъ, разсматриваемый въ увеличительное стекло, не показываетъ обыкновенно никакой правильной кристаллизаціи, а представляется осколками, съ опломанными и округленными углами.

Въ *древнихъ* пескахъ находятся драгоцѣнные или полезные металлы и минералы; напр.: золото, платина, олово, рубины, сафиры и др. (§); и самые сіи драгоцѣнные минералы имѣютъ иногда песочную форму: такъ *Патренъ* говоритъ о нѣкоторомъ пескѣ, привезенномъ изъ Египта, и содержащемъ множество микроскопическихъ кристалловъ, именно сафировъ всякихъ цвѣтовъ, кристалловъ прозрачныхъ и прекраснаго изумруднаго цвѣта (***).

(*) Сей послѣдній родъ песка назовемъ *самороднымъ*, первый — *развалиннымъ*.

(**) *Romé-Delisle*, Cristallogr. t. II. p. 65.

(***) Nouveau dictionnaire d'hist. nat. de *Deterville*. t. 30. p. 9.

Digitized by Google

Но хотя пески бываютъ разныхъ родовъ, однако масса ихъ преимущественно кварцевая, и количество всѣхъ другихъ родовъ ихъ незначительно передъ кварцевымъ. Это явленіе зависитъ отъ того, что не всѣ минеральныя вещества могутъ превращаться въ песокъ отъ распаденія своего. Распадаться пескомъ способны особенно песчаники и крупнозернистые граниты; известняковыя и глинистыя каменности расширяются уже въ пыль, которая отличается отъ песка тѣмъ, что въ смѣси съ водою даетъ тѣсто (*); каменности сланцевыя и сплошныя, вообще однородныя, ломаются плоскими и угловатыми осколками, какъ дерево. Твердость кварца, причиною, что песокъ не расширяется въ тонкую пыль, а сохраняетъ величину ощутительныхъ зернышковъ.

(*) Сдѣлаемъ неумѣстное здѣсь, но не безполезное замѣчаніе о веществахъ, употребляемыхъ къ построенію дорогъ, и не дающихъ тѣста въ смѣси съ водою.

Вещества, которыми окаменяются дороги, какія бы они ни были, превращаются со временемъ въ пыль. И такъ, прежде употребленія ихъ на дороги, надобно удостовѣриться, не вяжется-ли пыль ихъ съ водою въ тѣсто; ибо опытъ показалъ, что вещества, которыхъ пыль не составляетъ съ водою тѣста, отличаются прочностью и дешевизною передъ другими матеріялами, употребляемыми для окаменѣнія дорогъ.

Digitized by Google

§ *Хрящъ.*

Очень грубый песокъ, съ горошину и до орѣха или миндалины величиною, называется *хрящемъ*. Хрящъ рѣдко встрѣчается на вершинѣ горъ, но большею частію на днѣ большихъ равнинъ, или на отлогихъ косогорахъ: впрочемъ, такъ-же какъ и мѣлкій песокъ, отъ котораго отличается только величиною, бываетъ, огромными осадками, какъ на поверхности, такъ и внутри земли, а чаще въ руслѣ рѣкъ, или у береговъ морскихъ. Есть, по *Броньяру*, *хрящъ раковистый*, составляющій особенныя образованія (§).

§ *Кругляки.*

Куски различныхъ каменностей, болѣе или менѣе треніемъ округленные, отъ орѣха до яйца и больше величиною, называются *кругляками* или *валунами*. Количество ихъ такъ велико, что они составляютъ многія образованія (§§), нагромождаясь горами, заваливая мелководія и превращая ихъ въ обширныя долины.

Округленность или обтертость кругляковъ различна, не только отъ неодинакой силы трения, на нихъ дѣйствовавшей, но и отъ разна-

Digitized by Google

го минеральнаго ихъ свойства. Такъ кварцы (*) принимаютъ часто яйцевидную форму, заостренную съ одного конца; кремни лишаются угловъ своихъ, но удерживаютъ выдавшіяся свои части; порфиры, граниты обтираются въ правильные сфероиды; сланцы и слюдистыя каменности получаютъ всегда плоскій видъ, потому что раздѣляются на пластинки или листки, и легко теряютъ углы краевъ своихъ; сплошные известняковые камни округляются тѣмъ правильнѣе, чѣмъ однороднѣе ткань ихъ, и чѣмъ они плотнѣе и тверже; каменности мягкія или хрящеватыя не образуютъ валуновъ, но превращаются скоро въ илъ, или въ хрящь и песокъ.

Соссюръ и многіе другіе Геогносты доказали, что кругляки узкихъ долинъ, лежащихъ между высокими горами, принадлежатъ всегда къ каменноспямъ сихъ самыхъ горъ; а кругляки равнинъ, или большихъ долинъ, входящихъ въ равнины, часто занесены въ сіи мѣста изъ весьма отдаленныхъ краевъ.

Но самыя поразительныя, какъ величиною такъ и происхожденіемъ своимъ, распавшіяся части суть:

(*) Кварцовые валуны называются обыкновенно *голышами*.

Digitized by Google

§ *Эрратическіе куски* (*)

Симъ именемъ называются огромные камни, отъ нѣсколькихъ вершковъ до нѣсколькихъ саженей въ поперечникѣ (**), разсѣянные, въ бо́льшемъ или мѣньшемъ количествѣ, на долинахъ, на скатахъ и даже на гребняхъ горъ, имѣющихъ почву, совершенно отличную отъ существа сихъ камней.

Отъ валуновъ они отличаются несравненно большимъ своимъ объемомъ, показывающимъ, что причина ихъ переноса была гораздо сильнѣе, и, вѣроятно, совсѣмъ особеннаго рода; отличаются взаимнымъ разстояніемъ кусковъ, которые разсыпаны, и не рѣдко набросаны кучами, нагромождены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иногда они лежатъ на твердой почвѣ, гдѣ нѣтъ ничего другаго перейснаго, кромѣ сихъ камней (Альпы, Юра); иногда-же какъ-бы зарыты въ тонкомъ пескѣ, неимѣющемъ ничего общаго съ ихъ свойствомъ и происхожденіемъ (Вестфальскія равнины). Часто углы ихъ при-

---

(*) Матеріялы для сей статьи объ эрратическихъ кускахъ взяты изъ сочиненія: Tableau des terrains qui composent l'écorce du globe etc. par *Al. Brongniart.* Paris, 1829. in-8. pag. 73—84.

(**) Огромные куски могутъ называться *валунами.*

Digitized by Google

туплены и какъ-бы округлены, но не рѣдко также углы и края ихъ остры; что̀ никакъ не сообразно съ понятіемъ о сглаживаніи качательнымъ дѣйствіемъ воды.

Каменности, изъ которыхъ они состоятъ, однородныя и разнородныя, принадлежатъ почти всѣ къ первичнымъ или переходнымъ кряжамъ; это: граниты, протогины, сіениты, эвфотиды, амфиболиты, діориты, стеашисты, траппиты, кварциты, песчаники, дольомиты, сахаровидные и сплошные известняки, мраморы, люкуллиты, афаниты и пр.

Довольно постоянно и примѣчательно то, что сіи древнія каменности расположены на гораздо новѣйшихъ кряжахъ; слѣдовательно причина ихъ перемѣщенія случилась уже послѣ сихъ новыхъ кряжей, на которыхъ они лежатъ. Не менѣе также примѣчательна ихъ великая отдаленность отъ цѣпей горъ, отъ пригорковъ, или вообще отъ кряжа, откуда-бы они могли быть оторваны, и откуда иногда отдѣляются, или безмѣрными равнинами, или великими долинами, или наконецъ широкими и глубокими морскими рукавами.

Находятся они во многихъ мѣстахъ, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ.

Первыя и самыя любопытныя наблюденія ка-

Digitized by Google

сательно объема, обилія и положенія эрратическихъ камней, сдѣланы надъ цѣми изъ нихъ, которые находятся на западной подошвѣ Альповъ, особенно на восточныхъ скатахъ Юры, обращенныхъ къ сей великой цѣпи, и отдѣленныхъ отъ нее широкимъ и длиннымъ доломъ Ааръ. Здѣсь, на известняковыхъ гребняхъ Юры, возвышающихся надъ долиною болѣе чѣмъ на 500 метровъ, въ лощинахъ, которыми отдѣляются взаимно сіи гребни, и которыя какъ бы ущемлены въ высокихъ стѣнахъ скалъ (что особенно видно въ долахъ Травера и Сенпъ-Имьера), находятся большія груды огромныхъ гранитныхъ и другихъ, выше названныхъ, камней, имѣющихъ иногда 12 метровъ въ длину и 7 въ ширину. Они всегда лежатъ на поверхности почвы, и много если покрыты растительною землею или переносимъ пескомъ, но никогда въ каменности, даже никогда въ томъ сборѣ обтертыхъ кругляковъ, который называется Гомфолитомъ (Nagelfluhe). Камни каждаго кантона довольно между собою сходны, но различны въ различныхъ кантонахъ; они смѣшаны только въ большомъ долу Ааръ. — Изслѣдывая преимущественное свойство каменностей въ каждой группѣ Альповъ, восходя къ верховью, такъ сказать, сихъ долинъ, отыскивая помощію кусковъ-слѣдинъ, оставленныхъ на дорогѣ сими камнями, первоначальное

Digitized by Google

мѣсто ихъ отдѣленія, *Ешеръ* и *Бухъ* открыли, что они (камни), или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, вышли изъ высокихъ горъ, откуда начинаются долины, идущія въ тѣ тазы, которыхъ дно и скаты покрыты сими камнями. Упомянутые Геологисты (*) нашли, что свойство сихъ камней сходно съ свойствомъ основныхъ каменностей сихъ горъ: такимъ образомъ, камни Рейнскаго таза сродны съ каменностями Граубиндена; камни долины Цюрихскаго озера

(*) Многіе пишутъ: *Грамматики, Ботаники, Статистики* и т. д., вмѣсто: *Грамматисты, Ботанисты, Статистисты* и т. д. Этому примѣру не должно слѣдовать, по нашему мнѣнію: иначе названіе Ученаго можетъ смѣшаться съ названіемъ его Науки; напр. ученые *Ботаники* смѣшаются съ Наукою *Ботаники*. Оставляемъ безпристрастію *Н. А Полеваго* рѣшить, ясно-ли онъ выразился, когда сказалъ: что̀ слѣдуетъ рѣшить *Статистику* Россіи? *Моск. Тел.* Ч. 17. стр. 263. Окончаніе *икъ* можно, какъ кажется, придавать Ученому тогда только, когда его Наука не имѣетъ ни въ какомъ падежѣ сего окончанія; напримѣръ: *Историкъ*; и то изъ уваженія къ употребленію, ибо окончаніе *истъ* во всякомъ случаѣ сообразнѣе съ началами Граммапики, нежели *икъ*, или *овъ* и т. д.; напр. *Алхимистъ*, *Геологистъ*, а не *Алхимикъ*, *Геологъ*.

Digitized by Google

и Лимматы суть отломки Гльарисскихъ горъ; камни Рейнскаго шаза отдѣлились отъ каменноспей, находящихся при источникахъ сей рѣки; наконецъ, куски Аарскаго шаза, и Юраскіе куски вышли изъ горъ Бернскаго кантона, и пр. — Наибольшее изобиліе сихъ камней находится на пригоркахъ и скатахъ, противоположныхъ большой главной долинѣ. Наизначительнѣйшая высота ихъ на Юрѣ, противъ оси и устья сихъ долинъ, гдѣ сія высота простираешся до 1200 метровъ надъ морскою поверхностью. — Сія колонія камней, вышедшая изъ первоначальнаго отечества своего, находящагося на возвышенныхъ мѣстахъ, должна была не только перейдши великое разстояніе, но и переступить черезъ долину Ааръ, по крайней мѣрѣ черезъ ея пространство, и подняться на восточные гребни Юры, чтобъ остаться здѣсь, или, чтобъ продолживъ еще путь, спуститься внизъ, въ малыя лощины, которыми отдѣляются Юраскіе гребни между собою. По замѣчанію *Ешера*, сіи камни находятся въ сихъ малыхъ лощинахъ шамъ только, гдѣ цѣпь Юры представляетъ перерывъ, и гдѣ сей перерывъ противоположенъ устью долинъ Альпійскихъ.

Другая, и гораздо важнѣйшая, область эрратическихъ камней есть та, которая занимаетъ песчанистыя равнины Вестфаліи, Ганновера,

Digitized by Google

Гольштейна, Зееландіи, Мекленбурга, Бранденбурга, приморья и равнины Помераніи, Пруссіи и части Польши, равнины, простирающіяся далеко внутрь земель между Варшавою и Гродно, и слѣдовательно всѣ низменныя, вообще ровныя и песчанистыя земли, лежащія при Балтійскомъ и даже Нѣмецкомъ моряхъ, отъ Эмса и Везера до Двины и Невы (Strangwais). Вездѣ здѣсь, въ разномъ количествѣ, набросаны каменные куски (ихъ больше на высотахъ, чѣмъ въ долинахъ, по *Шульцу*); они мѣстами накучены грудами, которыя имѣютъ вообще видъ неправильнаго эллипсиса, обращеннаго большою своею осью почти отъ сѣвера на югъ, или къ Балтійскому морю. Сіи камни, иногда огромные, лежатъ болѣе или менѣе въ пескѣ; иногда совершенно подъ пескомъ. Вообще это гранитъ, сіенитъ и другія кристаллизованныя каменности, упомянутыя выше; также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, песчаники, порфиры, находящіеся на приморскихъ бугровикахъ въ видѣ обтершихся валуновъ; также, особенно со стороны Кёнигсберга и Ревеля, сплошные известняки съ ороокератитами, прильобитами и другими органическими остатками, характеризирующими не только переходные кряжи вообще, но и переходные кряжи Швеціи и Норвегіи въ особенности. Полагали прежде, что сіи гранитовидныя каменности отдѣлились отъ горъ Гарца,

Digitized by Google

какъ самыхъ ближайшихъ къ симъ долинамъ; но потомъ увидѣли, что онѣ (каменности) имѣютъ великое сходство съ Шведскими, содержатъ тѣ же минеральныя породы, именно Вернеритъ, и нашли правдоподобнымъ (*Гаусманнъ*), что онѣ перенесены изъ Скандинавскаго полуострова, въ направленіи отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Балтійское море, сія широкая и глубокая долина, отдѣляющая теперешнее ихъ мѣстопребываніе отъ первоначальнаго, есть тоже для нихъ, что долъ Ааръ для камней Юры. Съ другой стороны, переправясь чрезъ Зундъ, и вступивъ въ Швецію чрезъ Сканію, находимъ безпрерывный слѣдъ эррашическихъ камней. Сіи остатки горъ, какъ ихъ называютъ почти всѣ путешественники, покрываютъ почву Сканіи, Зееландіи, и простираясь гораздо далѣе за Сканію, разсыпаются по многимъ частямъ Шведскихъ провинцій (*). Они находятся въ такомъ количествѣ, особенно въ Смольандіи, что накучиваются здѣсь на подобіе горъ особеннаго рода, которому Шведскіе

(*) *Линне* пишетъ, что въ Слитѣ и Килеи въ Готьландіи есть огромныя глыбы, представляющія, въ странныхъ навалахъ своихъ, видъ храмовъ, уродливыхъ исполиновъ или колоссовъ. — Нѣкоторые эррашическіе камни были боготворимы Лапландцами, какъ семьи боговъ.

Digitized by Google

Географы дали названіе ôse, или Sandosar — если въ нихъ преимуществуетъ песокъ; простираются постоянно съ NNE на SSO, на чрезвычайно великомъ пространствѣ, и съ весьма примѣчательною параллельностію. И такъ эррашическіе камни Вестфаліи, Помераніи, Гольштейна, Зееландіи и проч., встрѣчаются тѣмъ чаще, тѣмъ многочисленнѣе, но не огромнѣе, чѣмъ ближе то мѣсто, гдѣ, по всей вѣроятности, было ихъ начало: но въ самомъ первобытномъ, какъ полагать можно, мѣстѣ ихъ, особенно на гранитныхъ и гнейссовыхъ пригоркахъ Южной Швеціи, почти вовсе ихъ непримѣтно; видны только слѣды силы, ихъ унесшей. Гранитные пригорки, съ боковъ ихъ и на вершинѣ, представляютъ почти горизонтальныя борозды, съ округленнымъ и выполированнымъ дномъ, какъ будто произведены были твердыми и шаровидными массами, пролетѣвшими по симъ пригоркамъ, и ихъ зацѣпившими. Сіе явленіе представляется во многихъ мѣстахъ Швеціи, но особенно ясно въ окрестностяхъ Гогдала (*), на границахъ Швеціи

(*) Сіе слово: *Гогдаль*, не показываетъ-ли надобности, о которой мы говорили въ *Тел.* ч. 39, стр. 158, отличать какимъ нибудь знакомъ букву *g*, когда она изображаетъ иностранное *g*, и произносится, какъ

Digitized by Google

и Норвегіи. *Sedgwich* находитъ подобныя полированныя борозды въ Англіи, въ Вестморельандѣ и Кумберльандѣ.

Есть много другихъ примѣровъ эррапическихъ камней. Такъ въ Финляндіи ихъ безмѣрное количество (*). Большая часть пригорковъ, *средне-и даже верхне-осадковаго* происхожденія, возвышающихся при подошвѣ Альповъ, какъ со стороны Франціи такъ и Италіи, держатъ, при своихъ вершинахъ, большія каменныя глыбы, часто заваленныя гранитнымъ пескомъ и валунами. Упоминаютъ о гранитныхъ глыбахъ, отъ 4 до 12 метровъ, лежащихъ на самыхъ

Латинское *g*, а не *h*? Иначе какъ узнать, что въ словѣ *Гоедаль* первоначальное *Г* должно выговаривать какъ *h*, а срединное *е*, какъ *g*?

(*) Одна изъ сихъ-то финляндскихъ эррапическихъ глыбъ послужила для славнаго памятника, который воздвигла въ Петербургѣ Петру Первому Екатерина Вторая. Крестьяне въ Финляндіи принуждены очищать поля свои отъ эррапическихъ камней, и, къ огорченію своему, находятъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ поля ихъ покрыты опять такими-же камнями. Бѣдные Финны думаютъ, что эти камни растутъ въ землѣ, какъ картофель, между тѣмъ какъ они обнажаются только изъ-подъ песка, промываясь водою.

Digitized by Google

возвышенныхъ мѣстахъ Исльандіи, острова совершенно вулканическаго, и чрезвычайно отдаленнаго отъ всѣхъ гранитныхъ мѣстъ (*Povelsen*). Въ сѣверной Америкѣ куски расположены въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ (*Hayden*). Есть, пишутъ, гранитныя глыбы на горахъ Потози, выше Лимы; между тѣмъ неизвѣстно другой помѣстимости (gisement) гранита какъ въ Тукуманѣ, отстоящемъ болѣе 400 миль отъ сихъ Потозскихъ глыбъ. Огромныя глыбы гранита нагромозжены также въ Индіи, въ Гидерабадской области (17° сѣв. шир.). *Делюкъ* (племянникъ).

И такъ эрратическіе куски принадлежатъ къ самымъ общимъ, самымъ поразительнымъ и самымъ непостижимымъ Геологическимъ явленіямъ.

Докторъ Ястребцевъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ.

Кто упоенъ, въ юдоли сей,
Земнаго блага полной чашей?
Кому, въ туманной жизни нашей,
Не наступало черныхъ дней?
Стезей томительной страданья
Насъ всѣхъ влечетъ потокъ ея!
Она — година испытанья!
Путь скорбный къ цѣли бытія!
Но счастливъ тотъ, кто жилъ не даромъ,
Не даромъ путь сей пробѣжалъ:
Судьбы коварство испыталъ,
Но съ гибельнымъ ея ударомъ,
Кто на нее не возроптalъ;
Въ горнилѣ бѣдствія богатомъ
Кто душу крѣпко закалилъ,
И рокъ жестокій отразилъ
Холоднымъ мужества булатомъ;
Кто совѣсти не бременилъ
Ненасытимой жаждой злата,
И всей горячностію брата
Врага, какъ ближняго, любилъ;
Кто достигая высшей цѣли,

Digitized by Google

Омывъ грѣхи въ пучинѣ бѣдъ,
Отсель, какъ въ родину, идетъ,
Такъ чистъ, какъ вышелъ изъ купѣли;
Кто съ тяжкимъ бременемъ креста
Прошелъ свой путь стопой незыбкой!
— Эдема стражъ ему съ улыбкой
Отворитъ вѣчности врата!

СПбургъ.

Г. Фонъ Бейеръ.

БЕШМЕТЪ.

Пышно льется свѣтлый Терекъ
Въ мирномъ лонѣ тишины;
Дѣвы юныя на берегъ
Вышли встрѣтить пиръ весны...

Вижу игры, слышу ропотъ
Сладкозвучныхъ голосовъ,
Слышу рѣзвый, легкій топотъ
Разноцвѣтныхъ башмаковъ...

Но мой взоръ не очарованъ
И блеститъ не для побѣдъ;
Онъ тобой однимъ окованъ,
Алый шелковый бешметъ!

Digitized by Google

Образъ дѣвы недоступной,
Образъ строгой красоты,
Думой грустной и преступной
Отравилъ мои мечты...

Для чего у страсти пылкой
Чародѣйной силы нѣтъ,
Превратиться невидимкой
Въ алый шелковый бешметъ!

Для чего покровъ холодный,
А не чувство, не любовь—
Обнимаетъ, жметъ свободно
Гибкій станъ, живую кровь!..

А. П-ъ.

ЗАМОКЪ КОППЕТЪ.

(Окончаніе)

Все общество Коппетское ночевало въ Лозаннѣ, и на другой день возвратилось въ Коппетъ. Утомленная прогулкою, Аѳенаида рано удалилась въ свои комнаты. Принцъ остался наединѣ съ Г-жею Сталь. Онъ просилъ разсказать ему всѣ подробности удаленія изъ Франціи Аѳенаиды, и Г-жа Сталь разсказала слѣдующее.

— Вы знаете, что была Аѳенаида для большаго свѣта, но вамъ еще неизвѣстно, что сдѣлала она для меня. И во всякое другое время, она была-бы очарованіемъ, услажденіемъ моей жизни; но здѣсь, нынѣ — она мнѣ сама жизнь, она передала мнѣ всю свою душу, самое чистое созданіе Божіе, весь свой умъ, столь возвышенный, простой, столь основательный, прелестный, столь тонкій и естественный. Всегда занятая успѣхами своихъ друзей, Аѳенаида ничего не требуетъ себѣ отъ нихъ, хотя могла-бы требовать всего. Никто кромѣ ея не соединялъ въ себѣ въ одно время столько

Digitized by Google

безкорыстія личнаго, скромности и блесшящей извѣстности.

Наполеонъ вступилъ на тронъ свой, и мы увидѣли въ немъ всю гордость побѣдишеля, всю недовѣрчивость деспота. Онъ желалъ нравишься, потому, что хошѣлъ властвовать во всѣхъ отношеніяхъ. Высокое мѣсто Аѳенаиды въ большомъ свѣтѣ, привлекло на нее вниманіе Наполеона. Увидѣвъ ее въ первый разъ на большомъ праздникѣ, гдѣ взоры всѣхъ на ней останавливались, онъ подошелъ самъ къ Аѳенаидѣ, и началъ разговоръ, съ этимъ особеннымъ родомъ Восточной вѣжливости, отъ котораго приходили въ восторгъ другія женщины. Но привѣтливость Наполеона только привела въ замѣшательство Аѳенаиду. На другой день удалилась она въ замокъ Клиши, за четверть льё отъ Парижа. Черезъ немного времени, отецъ Аѳенаиды оказался замѣшаннымъ въ заговорѣ противъ Наполеона; его схватили, и отвели въ Тампль. Онъ былъ чиновникъ; заговоръ былъ доказанъ. Аѳенаида понимала, что если дѣло дойдетъ до публичнаго суда — отецъ ея долженъ погибнуть. Немедленно написала она къ Императору просьбу, умоляя его, удостоишь ее особенною аудіенціею. Въ тотъ-же день Наполеонъ назначилъ ей часъ, когда она можетъ явишься. Трепеща, въ сле-

Digitized by Google

захъ, явилась Аѳенаида, прежде назначеннаго часа, но ее немедленно ввели въ кабинетъ Императора. Онъ былъ одинъ, ласковъ, вѣжливъ, просилъ Аѳенаиду сѣсть, и разсказать ему всѣ подробности дѣла. Ему хотѣлось только заставить Аѳенаиду говорить, ибо дѣло извѣстно было ему лучше всякаго другаго. Аѳенаида не думала оправдывать отца своего, но умѣла сказать все, что могло утишить гнѣвъ Императора. Онъ немедленно далъ ей собственноручный приказъ объ освобожденіи отца ея.

Съ этою драгоцѣнною бумагою, Аѳенаида спѣшила въ Тампль. Всѣ двери растворились передъ нею; отецъ ея былъ немедленно освобожденъ. Аѳенаида увезла его къ себѣ въ Клиши. Черезъ нѣсколько часовъ привезли къ ней письмо Министра Полиціи, которымъ онъ позволитъ ему пріѣхать въ Клиши вечеромъ, и имѣть съ нею особый разговоръ. Аѳенаида знала Фуше въ свѣтѣ; онъ нерѣдко бывалъ въ ея блестящихъ собраніяхъ. Знакомство съ такимъ человѣкомъ, ей казалось, необходимо надобно было поддержать, если не для себя, то для друзей своихъ. Фуше явился въ восемь часовъ вечера. Аѳенаидѣ любопытно было знать, что онъ могъ сказать ей. Послѣ первыхъ учтивостей, она спросила объ этомъ у Фуше. По видимому, онъ не ожидалъ такого быстраго

Digitized by Google

перехода. Едва-ли можно было чѣмъ нибудь смѣшать Фуше, но онъ смутился на минуту, улыбнулся, и, вмѣсто отвѣта, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, прежде всего, поздравить васъ съ освобожденіемъ вашего родителя.

« Ахъ! » отвѣчала Аѳенаида — « какъ я счастлива и благодарна Императору! »

— Позвольте мнѣ также — продолжалъ Фуше — сдѣлать вамъ объявленіе, которое можете выслушать вы безъ замѣшательства: вы всегда внушали мнѣ живое въ васъ участіе, и я готовъ представить въ этомъ несомнительныя доказательства.

« Тѣмъ больше трогаетъ меня изъявленіе вашихъ чувствъ, что я ничѣмъ донынѣ не могла заслужить ихъ.

— Ваша юность, сударыня, ваша красота, естественно привлекаютъ на васъ взоры всякаго, кто къ вамъ приближается. Впрочемъ, вамъ конечно извѣстно, что Министръ Полиціи обязанъ тщательно наблюдать за поведеніемъ и поступками всѣхъ, кто можетъ имѣть какое либо вліяніе въ обществѣ. Чье-же вліяніе можетъ быть сильнѣе того, которое имѣетъ первая красавица въ Парижѣ, у которой собирается все, что есть лучшаго въ Европѣ, хозяйка блистательнаго, свѣтскаго дома. Ваши

Digitized by Google

мнѣнія, и всѣ подробности вашей жизни — мнѣ совершенно извѣстны.

« Слѣдовательно, дружба ваша, » сказала Аѳенаида, улыбаясь, « до сихъ поръ заставляла васъ только присматривать за моими поступками ? »

— Такъ, но я всегда обѣщалъ самъ себѣ : ни въ какомъ случаѣ не обвинять васъ передъ Императоромъ, если-бы я и узналъ что нибудь. Я далъ себѣ слово, во всякомъ случаѣ, ограничиваться полезными вамъ совѣтами. Впрочемъ, все, что я узнавалъ объ васъ, могло только увеличивать мое къ вамъ уваженіе, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что Люціанъ Бонапарте былъ страстно влюбленъ въ васъ, что онъ писалъ къ вамъ нѣсколько писемъ, и что тихо, спокойно — вы отняли у него рѣшительно всю надежду.

« Кто могъ разсказать вамъ все это ? »

— Мой надзоръ, отъ котораго, вѣрьте мнѣ, ничто не можетъ избѣжать. Я поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы отвергли искательства человѣка, у котораго характеръ, въ одно время, скрытный и неосторожный. Люціанъ — республиканецъ изъ честолюбія, остряк безъ литтературы, поэтъ безъ дарованій и души, любовникъ холодно-романическій, не заслуживалъ вниманія сердца, вашему подобнаго.

Digitized by Google

« Вашъ портретъ написанъ слишкомъ черными красками. Люціанъ добродѣтеленъ, уменъ, имѣетъ образованный вкусъ въ Изящномъ, и ни однимъ худымъ дѣломъ не запятналъ своей жизни.

— Вамъ надобно будетъ выдержать много споровъ, сударыня, если вы предпримете такимъ образомъ защищать всѣхъ, кто былъ въ васъ влюбленъ. Но обратимся теперь къ настоящей цѣли моего посѣщенія. Я буду имѣть честь представить доказательства совершенной къ вамъ довѣренности. Могу-ли надѣяться того-же съ вашей стороны?

« Мнѣ кажется, это вамъ не нужно: и безъ всякой довѣренности, вы все знаете. Можно просить васъ хранить тайну; но и самая дружба не можетъ открыть вамъ ничего тайнаго.

— Никакая власть человѣческая не даетъ намъ средства проникать въ сердца, а въ вашемъ именно сердцѣ желалъ-бы я читать теперь.

« Мнѣ скрывать нечего, и я всегда готова отвѣчать искренно. Что вамъ угодно знать?

— У меня былъ продолжительный разговоръ съ одною великою особою, и въ этомъ разговорѣ была рѣчь объ васъ.

« Обо мнѣ?

Digitized by Google

— Точно такъ. Цѣлые два часа, Императору угодно было говорить — только объ васъ.

« Это странно.

— И, прибавьте: это составитъ вашу славу. Императоръ, говоря вообще, презираетъ женщинъ, но объ васъ говорилъ онъ съ удивительною похвалою, во всѣхъ отношеніяхъ: онъ уважаетъ васъ, онъ вамъ удивляется. Ваша извѣстность, умъ, скромность, все — даже звукъ вашего голоса — говорятъ ему въ вашу пользу. Впрочемъ, и я не оставался безмолвнымъ при этомъ разговорѣ; онъ слушалъ меня, смѣю васъ увѣрить — съ такою жадностью. . .

Тутъ Фуше остановился. Онъ ожидалъ какого нибудь вопроса, какого нибудь невольнаго знака радости, или душевнаго движенія. Но инстинктъ невинности и чистоты душевной часто превышаетъ проницательность опытной хитрости. Аѳенаида темно понимала намѣренія и умыслы лукаваго Министра, и не отвѣчала ничего. Фуше видѣлъ въ чертахъ лица ея одну холодную неподвижность: ея прекрасная физіогномія можетъ выражать презрѣніе и негодованіе одною только холодностью. Послѣ нѣкотораго молчанія, смѣшанный въ разсчетахъ, Фуше льстился, что по крайней мѣрѣ, остальное не можетъ не понравиться этой

Digitized by Google

женщинѣ, у которой чувства столь трудно было расшевелить. Онъ началъ снова.

— Императоръ препоручилъ мнѣ — сказалъ Фуше — узнать отъ васъ: угодно-ли вамъ будетъ занять мѣсто при Дворѣ его? Я осмѣлюсь обѣщать, въ случаѣ вашего согласія, что вы можете получить такое мѣсто, какое только вамъ угодно будетъ назначить.

«Я не честолюбива,» отвѣчала Аѳенаида, «и, признаюсь вамъ — не люблю придворной жизни. Довольная настоящимъ моимъ положеніемъ, я не желаю перемѣнять его.» — Такой отвѣтъ показался Фуше столь необыкновеннымъ, что онъ не почелъ его искреннимъ. Улыбаясь, возразилъ онъ, что не худо-бы подумать обо всемъ томъ, что онъ говорилъ. Прибавя, что на другой день явится для узнанія рѣшительнаго отвѣта, Фуше раскланялся съ Аѳенаидою.

Онъ точно явился на другой день. Прежній, одинаковый отвѣтъ Аѳенаиды заставилъ его думать, что она, поняла дѣло, и желала полнаго объясненія. Фуше тотчасъ принялъ таинственный и торжественный видъ человѣка, обрадованнаго, что находитъ подобнаго себѣ хитреца. «Вы совершенно правы» — сказалъ онъ — «не надобно показывать излишней торопливости... не должно уступать первой, минутной прихоти желанія... вполнѣ одобряю ваше

Digitized by Google

благоразумное поведеніе, и — я готовъ-бы былъ присовѣтовать его вамъ, еслибы умъ вашъ не предупредилъ моего дружескаго усердія. До сихъ поръ... однѣ мгновенныя шалости — которымъ всѣ уступали. Надобно дать почувствовать, до какой высокой степени — вы различны отъ всѣхъ другихъ женщинъ; надобно сопротивленіемъ дать почувствовать разницу между требованіемъ вашимъ и другихъ женщинъ! Чувство укрѣпится: за это можно ручаться...

Аѳенаида угрюмо взглянула на Фуше: «Что значитъ вашъ разговоръ?» сказала она — «о комъ вы изволите говорить мнѣ?»

— Неужели мнѣ яснѣе надобно говорить, сударыня? Императору угодно — за какую-бы то ни было цѣну, чтобы вы были при Дворѣ его.

Столь грубое изъясненіе заставило Аѳенаиду почувствовать живѣйшее негодованіе. Но она имѣла столько благоразумія, что скрыла свое чувство, думая о безполезности шумной сцены, противной ея характеру, и могущей сдѣлать непримиримымъ ея врагомъ человѣка сильнаго, опаснаго, и до такой степени безнравственнаго, что въ предложеніи своемъ онъ не замѣчалъ ничего оскорбительнаго. Аѳенаида полагала, что достаточно будетъ отвергнуть его съ твердостію, не показываясь обиженною. «По-

Digitized by Google

нимаю васъ» — сказала она, улыбаясь, «и буду отвѣчать вамъ просто, надѣясь, что простота отвѣта лучше убѣдитъ человѣка, столь обширнаго ума, какъ вы, нежели великолѣпный наборъ пустыхъ словъ. Повторяю вамъ, что я вовсе не честолюбива; нынѣшняя жизнь моя мнѣ прилична, и впрочемъ, по предразсудку, или по разсудку, я такъ дорожу моимъ честнымъ именемъ, что ни за что въ мірѣ не захочу имъ пожертвовать. Такимъ образомъ, моя совѣсть, мой вкусъ, мой характеръ, заставляютъ меня, искренно, и единожды навсегда, отказаться отъ вашихъ предложеній. Если-бы я и ослѣпилась ими, то и потому уже не рѣшусь согласиться, что не въ состояніи извлечь изъ нихъ для себя ни малѣйшей выгоды. Не вижу въ себѣ ничего такого, что бы не сдѣлало меня при Дворѣ, или игрушкою, или жертвою интриги и зависти.

— О, безъ сомнѣнія, ваша неопытность — сказалъ Фуше — имѣетъ необходимую надобность въ руководителѣ — но я буду всегда подлѣ васъ, готовый наблюдать за вашею безопасностью, уничтожать злоумышленія, предостерегать васъ, наставлять полезными совѣтами, и укрѣплять вашу силу, ваше владычество.

«Всякое владычество требуетъ заботъ, скуки, утомленія. Не понимаю страсти величія:

мнѣ извѣстна только необходимость отказываться отъ него.

— Вы конечно не вполнѣ размыслили о вашихъ словахъ. Какъ? Съ душею высокою и благотворительною, вы останетесь нечувствительны къ славѣ — оковашь гордаго повелителя столькихъ народовъ? Вы не хотите насладиться счастіемъ — смягчишь нравъ его, и заставишь нѣжною любовью къ Человѣчеству, кротостью, и мирными добродѣтелями прославишь безмѣрное величіе, основанное геніемъ, силою и храбростію?

«Могу-ли имѣть подобныя требованія? Тогда только могли-бы они разгорячить мое воображеніе, когда были-бы законны. Вы изобразили мнѣ обязанность Императрицы. Правда, что и любовница, подобная Агнесѣ Сорель, могла-бы передать душѣ сильные, высокіе порывы — но, подобное, на всю жизнь распространенное владычество, можетъ быть пріобрѣтено только чистымъ, добродѣтельнымъ чувствомъ.

— Слѣдствія оправдываютъ средства.

«Не могу согласиться съ этимъ, и всегда сохраню мой образъ мыслей. Не льзя перемѣнять мнѣній, внушенныхъ совѣстью, и согласныхъ съ основными чувствами сердца.

Такой простой, опредѣленный и обдуманный языкъ заставилъ наконецъ Фуше увѣриться,

Digitized by Google

что Аѳенаида говоритъ непритворно. Но, принимая кротость ея за слабость, онъ сохранялъ еще надежду, если не обольстить, то увлечь ее. Тѣмъ болѣе дорожилъ онъ успѣхомъ, что обѣщалъ Наполеону не пощадить никакого искусства и хитростей, и что Наполеонъ принималъ самое живое участіе въ этихъ переговорахъ. Фуше продолжалъ настаивать. Но всѣ его министерскія дарованія, все искусное краснорѣчіе не послужили ни къ чему болѣе, какъ только къ болѣе рѣшительному отказу Аѳенаиды. Тогда рѣшился онъ испугать Аѳенаиду. «Подумайте о томъ, сударыня, говорилъ Фуше, что Императору обязаны вы благодарностью, что онъ не требуетъ отъ васъ никакихъ обязательствъ, противныхъ вашимъ предразсудкамъ. Онъ хочетъ только, чтобы вы потребовали отъ него себѣ мѣста при Дворѣ, и онъ позволилъ мнѣ сказать вамъ предварительно, что вы получите — какое угодно будетъ вамъ получить... Подумайте объ опасности отказываться отъ предложенія, которое никогда и никому не было еще дѣлано отъ имени Императора. Верховный судія и повелитель столькихъ жребіевъ — не умѣетъ переносить презрѣнія, и даже отказа. Вамъ извѣстенъ пылкій его характеръ — власть его неограниченна — я не посовѣтую вамъ оскорблять его.

Digitized by Google

« Можете представить отказъ мой, съ изъявленіемъ, какого угодно вамъ, почтенія и признательности — я на это согласна; но прошу васъ рѣшительно сказать, что отвращеніе мое отъ Двора — непобѣдимо. Это не должно оскорблять Императора: желать спокойствія и тишины не значитъ нарушать должное почтеніе къ его высокой особѣ —

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ — такъ; но вамъ извѣстны уже особенныя къ вамъ отношенія Императора, которыя онъ удостоилъ меня довѣренности передать вамъ.

« Явясь ко Двору его, не покажу-ли я, что одобряю означенныя вами отношенія?

— Ничего не обѣщавъ, вы можете свободно удалить ихъ отъ себя.

« И подвергнуть себя всему гнѣву, всѣмъ преслѣдованіямъ повелителя, котораго сами вы изображаете столь полновластнымъ, столь непривыкшимъ къ непослушанію?

— Въ отсутствіи вашемъ, сіи преслѣдованія будутъ сопровождаться въ тысячу разъ большимъ гнѣвомъ и ожесточеніемъ. Напротивъ, одинъ вашъ взглядъ — достаточенъ будетъ обезоружить вашего преслѣдователя.

« Онъ будетъ тогда имѣть право укорить меня, для чего согласилась я быть при его Дворѣ, и въ моемъ сопротивленіи увидитъ

Digitized by Google

только смѣшныя причуды и изысканное жеманство, справедливо укоряя меня въ честолюбіи и ухищреніи. Словомъ: оставимъ нашъ разговоръ — мое рѣшеніе твердо, и я не перемѣню его.

— Отказъ будетъ принятъ, и я — не буду въ состояніи воспрепятствовать этому.

« Я не осмѣливаюсь и просить васъ объ этомъ. На всякую несправедливость, если надобно — у меня достанетъ терпѣнія.

Тутъ Принцъ не могъ удержаться и не изъявить удивленія своего: « Созданіе, достойное обожанія! » вскричалъ онъ. « Кто, и когда соединялъ столько величія души, съ такою скромностью и простотою! — Ради Бога, сударыня, продолжите драгоцѣнный разсказъ вашъ! »

Г-жа Сталь усмѣхнулась, и продолжала.

— Наконецъ, Фуше долженъ былъ отказаться отъ своихъ химерическихъ надеждъ. Самые гибкіе, самые закоснѣлые въ наукѣ интригъ придворные обманываются иногда въ своихъ слишкомъ утонченныхъ вычетахъ. Они разсчитываютъ только на честолюбіе, и ни во что не полагаютъ прямоты и откровенности. Фуше не скрылъ отъ Аѳенаиды, что Наполеонъ былъ жестоко оскорбленъ ею, и что всего могла она ожидать отъ его непріязни. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Аѳенаида

Digitized by Google

узнала, что Императоръ публично изъявилъ свое неудовольствіе пропивъ тѣхъ, кто посѣщалъ ее. Предлогомъ такого страннаго гнѣва, онъ объявилъ дружбу Аѳенаиды ко мнѣ. Я была уже тогда внѣ Франціи. Одно слѣдовало за другимъ. Ненависть Наполеона къ Аѳенаидѣ оказывалась въ столь многихъ случаяхъ, и такъ явно, что всѣ принимавшіе въ ней участіе совѣтовали ей на нѣкоторое время удалиться изъ Франціи. Она рѣшилась просить паспорта, для путешествія по Италіи, и проѣзда черезъ Швейцарію, съ тѣмъ, чтобы остановиться у меня въ Коппетѣ. Министръ Полиціи объявилъ ей, что имѣетъ Высочайшее повелѣніе, по которому, за посѣщеніе Коппета, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ — ей навсегда будетъ запрещенъ въѣздъ во Францію. Аѳенаида не послушалась этого повелѣнія, и пріѣхавъ въ Коппетъ получила отношеніе Министра Полиціи, которымъ пріѣздъ въ отечество былъ ей навсегда запрещенъ. Судите В. В., какъ была я тронута, благодарна, удивлена, видя у себя это ангельское созданіе, и узнавъ отъ нея всѣ подробности происходившаго въ Парижѣ?

«Какъ!» вскричалъ Принцъ — «она навлекла на себя личное негодованіе Наполеона?

— Точно такъ, В. В., она разлучена съ сво-

Digitized by Google

имъ семействомъ, своими друзьями, своимъ обществомъ, она изгнана изъ Франціи на неопредѣленное время, можетъ быть, на все время царствованія Наполеонова. Послѣднія извѣстія всего болѣе меня встревожили. Увѣдомляютъ, что Аѳенаидѣ скоро приказано будетъ выѣхать изъ Коппета. Повелитель Европы боится, говорятъ, союза двухъ женщинъ, укрывшихся въ уголокъ на берегахъ Женевскаго озера.—

Разсказъ Г-жи Сталь произвелъ сильное впечатлѣніе на умъ Принца. Аѳенаида, безъ подпоры, безъ защиты, казалась великодушной его любви чѣмъ-то священнымъ, для чего надобно было пожертвовать своею жизнью. Вдохновительное очарованіе представило ему любовь его какою-то обязанностію. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ того мгновенія, когда могъ говорить съ Аѳенаидою наединѣ, и на другой день, увидя ее на террасѣ, одну, спѣшилъ къ ней. « Аѳенаида! » сказалъ онъ съ жаромъ, едва только къ ней приблизился — « что узналъ я? Мнѣ извѣстно ваше положеніе — Ахъ! располагайте мною — я вашъ — требуйте своей свободы, и я съ восторгомъ пожертвую вамъ моею свободою. . .

Съ такимъ пылкимъ чувствомъ произнесены были сіи слова, что Аѳенаида содрогнулась невольно.

Digitized by Google

— Узнаю васъ по этимъ великодушнымъ чувствамъ — сказала она. Можете-ли сомнѣваться въ томъ, что съ наслажденіемъ сердца, я выбрала-бы васъ спутникомъ, спасителемъ моимъ? При защитѣ, столь высокой, столь милой, не только не роптала-бы я на судьбу, но благословила-бы странности и несчастія, какія угодно было собрать ей въ моей жизни. Препятствія непобѣдимыя — разлучаютъ насъ навсегда. . .

« Ихъ нѣтъ, если вы меня любите!

— Это самое и умножаетъ ихъ. Только жертвою моею я могу оправдать любовь мою.

« Что вы говорите! Великій Боже!

— Выслушайте меня. Знаю, что гражданскіе законы позволяютъ мнѣ требовать моей свободы; но честь и религія запрещаютъ мнѣ требовать ее. Тотъ, чье имя теперь мое, находится во Франціи, и непріязнь, преслѣдующая меня, тяготѣетъ и надъ нимъ, угрожаетъ ему. Въ этомъ-ли положеніи могу я потребовать отъ него публично, торжественно развода? Онъ жертвовалъ мнѣ своимъ богатствомъ, поступалъ со мною такъ великодушно, нѣжно, и я откажусь отъ него, когда мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что непобѣдимое могущество готовитъ ему неизбѣжное гоненіе, гибель?

Digitized by Google

«Если васъ преслѣдуютъ въ лицѣ его, вы предупредите его несчастіе, опредѣливъ отъ него судьбу свою.

— Нѣтъ, ударъ уже нанесенъ: ему изъявлены уже неоспоримые знаки неблаговоленія Правительства, и онъ готовъ на все, что отъ того можетъ послѣдовать. Постоянство дружбы моей должно быть единственнымъ его ушѣшеніемъ. Онъ крѣпко увѣренъ въ этомъ, и я не могу обмануть такой великодушной довѣренности, не обезславивъ себя въ глазахъ всѣхъ... Нѣтъ! каковы-бы ни были мои собственныя чувства — если ему угрожаетъ несчастіе — я должна принадлежать ему!

«Аѳенаида!» вскричалъ Принцъ — «вы раздираете мое сердце... Что будетъ со мною, если навсегда, безъ надежды васъ видѣть — я разстанусь съ вами? Что останется мнѣ!

— Увѣренность, что я была не недостойна чувства, мною вамъ внушеннаго, мысль, что высокая ваша душа утвердила меня въ моихъ пожертвованіяхъ, когда я открыла ей всѣ тайны моего существованія, когда просила ее управлять моею судьбою!—

При сихъ словахъ, Принцъ устремилъ на Аѳенаиду омоченные слезами глаза свои, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, не въ силахъ будучи произнесть ни одного слова. Онъ

Digitized by Google

сталъ передъ нею на колѣни, схватилъ трепещущую ея руку, и крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу... «Аѳенаида —» вскричалъ онъ внѣ себя — «Аѳенаида! прости!» Поспѣшно удалился онъ отъ Аѳенаиды. Слезы полились изъ глазъ ея; она спѣшила въ свою комнату. «О Боже!» вскричала Аѳенаида, падая въ кресла — «Боже! все кончено: я не увижу его болѣе — онъ уѣдетъ, и, можетъ быть, сегодня! И онъ былъ здѣсь только для того, чтобы уѣхать еще несчастливѣе! Я только увеличила его грусть... Оба лишенные отечества, оба одинокіе, оба страдающіе... одна и та-же гибельная воля терзаетъ насъ... одинаково грустный жребій, казалось, сблизилъ насъ для ушѣшенія, но эти быстрыя мгновенія радости послужатъ только для усиленія бѣдствій, горести нашей!.. Если-бы, по крайней мѣрѣ, я могла высказать ему все, что должна таить, скрывать отъ него.... Онъ знаетъ благородство моего сердца, но какъ худо знаетъ онъ силу моей любви къ нему»... Горестныя сіи размышленія сопровождались ручьями слезъ. — Черезъ часъ, она услышала стукъ кареты на дворѣ... «Онъ!» вскричала Аѳенаида, неужели онъ уѣхалъ — и навсегда?» Она хотѣла встать, но ноги ея подломились — снова упала она въ креслы. Карета выѣхала.... Дрожа прислушивалась Аѳенаида, какъ постепенно утихалъ, и

Digitized by Google

наконецъ смолкъ вдали стукъ колесъ. По мѣрѣ того, какъ исчезалъ онъ, Аѳенаида чувствовала, что силы ея исчезали: ей казалось, что эта карета увлекаетъ съ собою все ея бытіе... Напрасно прислушивается Аѳенаида: безмолвіе совершенное — она поняла весь ужасъ одиночества бытія — неизъяснимое чувство уничтожало все ея существованіе...

Но когда колоколъ замка возвѣстилъ полдень, Аѳенаида пересилила самое себя... Она нашла силы двинуться съ мѣста. Въ это время, Г-жа Сталь обыкновенно выходила послѣ завтрака изъ своей комнаты, такъ-же, какъ Аѳенаида, и другія особы, не являвшіяся къ общему завтраку въ залѣ. Аѳенаидѣ хотѣлось быть одной, мечтать, и — плакать. Не желая встрѣтиться ни съ кѣмъ, даже и съ Г-жею Сталь, она рѣшилась уйдти изъ замка.

Въ рощѣ, недалеко отъ замка, была небольшая Католическая часовня, построенная, сорокъ лѣтъ прежде, съ позволенія Женевскаго Правительства, Французомъ, поселившимся въ Женевѣ, и умершимъ за два года до революціи. Пришелецъ этотъ всегда ходилъ въ траурѣ, и жилъ въ совершенномъ уединеніи. Женевцы уважали горесть его, юность, красоту, всегдашную печаль, благочестіе и щедрую благотворительность. Онъ не держалъ даже слуги, дѣлалъ все

Digitized by Google

самъ; на зиму нанималъ онъ въ Женевѣ маленькую комнату, гдѣ все убранство и всю мебель составляли постеля, кресла, драгоцѣнная картина, изображавшая святую Терезу, столъ, чернилица и нѣсколько книгъ. На лѣто, пришелецъ уходилъ въ рощу, находившуюся подлѣ построенной имъ часовни, гдѣ соорудилъ онъ себѣ небольшую пустыню. Здѣсь запирался онъ, выходилъ единственно по Воскресеньямъ въ большую Католическую церковь къ обѣднѣ, ибо Правительство Женевское позволило ему только однажды въ годъ служить малую миссу въ его часовнѣ. Онъ просилъ, чтобы эта годовая служба была въ день св. Терезы, 15-го Октября. Въ сей торжественный для него день, пустынникъ каждый годъ выдавалъ приданое шести бѣднымъ дѣвушкамъ. Для себя самого не дѣлалъ онъ никакихъ расходовъ, но изъ словъ его банкира, а также и изъ безчисленныхъ благодѣяній знали, что это былъ весьма богатый человѣкъ. Такъ прожилъ онъ двадцать лѣтъ. Вообще думали Женевцы, что потеря любимой особы, въ то время, когда все готово было къ браку, заставила неизвѣстнаго пришельца вести этотъ странный родъ уединенной, благочестивой жизни, и что предметъ вѣчной его скорби, безъ сомнѣнія, назывался Терезою. По смерти пришельца, Женевцы сохранили его часовню и пустыньку, въ которой стѣны были покрыты

Digitized by Google

прогашельными надписями, начертанными его рукою. Двери часовни были всегда отперты, потому, что святыхъ сосудовъ въ ней не было. Тутъ находились только гробъ пустынника, Распятіе, и алтарь, безъ всякихъ украшеній. Католики часто приходили сюда молиться. Въ лѣтнее время, гробъ страдальца всегда бывалъ покрытъ вѣнками, вазами и связками полевыхъ цвѣтовъ: это было приношеніе тѣхъ, которымъ сострадалъ онъ нѣкогда счастіе, выдавъ имъ приданое. Благодѣяніе скоро забывается въ городахъ и великолѣпныхъ чертогахъ, но долго помнятъ его въ деревняхъ и бѣдныхъ хижинахъ.

Поспѣшивъ выйдти изъ замка, Аѳенаида, тихо, медленно, пошла къ пустынѣ. Въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ скорби, въ этомъ небольшомъ зданіи, воздвигнутомъ несчастною любовью, хотѣла она укрыться съ своею грустію. Болѣе часа шла она до пустыни, едва въ силахъ будучи передвигать ноги, утомленная, почти непонимающая, что дѣлаетъ, куда идетъ. Вдругъ Аѳенаида слышитъ за собою шумъ чьихъ-то шаговъ, оглядывается — каково было ея изумленіе? Это Принцъ! Переходъ отъ скорби къ другому чувству былъ такъ силенъ и быстръ, что Аѳенаида зашаталась, и должна была прислониться къ дереву. Принцъ ви-

Digitized by Google

дѣлъ ея блѣдность, спѣшилъ къ ней, и поддержалъ ее своими руками. Неподвижная, въ его объятіяхъ, Аѳенаида отдыхала, услаждаясь мыслію, что еще разъ, такъ неожиданно, видитъ его, когда полагала, что Принцъ разстался уже съ нею на вѣки. Собравъ всѣ свои силы, Аѳенаида могла только промолвить: «Вы не знаете этой пустыни: для Прошедшаго она не представляетъ ничего прогасительнаго.»

— Она драгоцѣнна для меня, когда я въ ней съ вами. Пойдемъ-те туда. — Поддерживаемая Принцемъ, Аѳенаида вошла въ пустыню. Въ комнатѣ пустынника, она указала ему надпись, вырѣзанную на дверяхъ: *On a souffert ici avec résignation. Cœurs sensibles et fidèles, puissiez-vous y trouver les mêmes pensées et le même courage.* «Прочтите еще эту надпись,» сказала Аѳенаида, указывая Принцу на правую сѣну: *Le véritable, le seul isolement sur la terre est d'être séparé pour jamais de ce qu'on aime.* — «Ахъ!» сказалъ Принцъ — «здѣсь могли страдать и плакать, но гдѣ и когда любили, такъ, какъ я васъ люблю!»

— Я еще васъ вижу, еще слышу вашъ голосъ, мы еще вмѣстѣ. Въ эти минуты не хочу думать о моемъ несчастіи, не вѣрю ему... Но вы ѣдете?

«Завтра прощусь я съ Г-жею Сталь. И такъ

цѣлый день мы еще будемъ вмѣстѣ. Если вы позволите пробыть съ вами наединѣ, хотъ нѣсколько минутъ, назначьте мнѣ время, когда могу я видѣть васъ здѣсь, гдѣ не надоѣдаютъ намъ несносные посѣтители замка.» Говоря сіи слова, Принцъ искалъ глазами креселъ, или скамейки, но тутъ ничего не было. Только широкая, каменная скамья вдвинута была во впадину, сдѣланную въ стѣнѣ. Аѳенаида пригласила Принца сѣсть съ нею на этой скамьѣ. «Этотъ камень,» сказала она — «былъ постелею пустынника. Сладкій сонъ никогда не смыкалъ на немъ глазъ его, и сколько пролила на немъ слезъ несчастная его любовь!»

— Такъ пройдутъ и для меня дни и ночи въ будущемъ! Такъ, вижу: Провидѣніе вело меня въ это грустное мѣсто, чтобы здѣсь навсегда проститься съ вами! Печальныя воспоминанія прошедшаго говорятъ мнѣ здѣсь о будущей моей участи. Аѳенаида! какъ прогнательны и вѣрны эти слова, написанныя противъ одра скорби. Читаю ихъ и трепещу: «*Истинное одиночество на землѣ: быть навсегда разлученнымъ съ тѣмъ, кого любишь.* Вездѣ будутъ мнѣ потомъ представляться сіи слова, изрекающія мой жребій. Я увижу ихъ и въ моей неволѣ, и въ моихъ путешествіяхъ, и во Дворцѣ моихъ предковъ, если когда нибудь тамъ буду. Въ послѣд-

Digitized by Google

ній часъ жизни моей на нихъ устремится мой взоръ, и — я умру безъ грусти!

« Нѣтъ! вамъ сужденъ болѣе великій, болѣе славный жребій! Долгъ предписываетъ вамъ другое, и время возвратитъ вамъ спокойствіе и тишину сердца.

— Аѳенаида! не отнимайте у меня послѣдняго утѣшенія, которое мнѣ еще остается, того что время оправдаетъ только мои къ вамъ чувства! Вы говорите о спокойствіи? Его нѣтъ уже для меня! Да, я найду еще силы исполнять долгъ мой; но эта добродѣтель будетъ стоить мнѣ такъ дорого, что уже ни на что болѣе не достанетъ у меня силъ... И не это-ли только останется союзомъ, соединяющимъ меня съ вами? Захотите-ли, чтобы я истребилъ и этотъ послѣдній остатокъ небеснаго чувства? Вы, вы одни, ваше воспоминаніе, мысль объ васъ — вотъ одно, что замѣнитъ мнѣ всѣ радости, все счастіе, что будетъ поддерживать мое бытіе... Не отнимайте у меня васъ, Аѳенаида! Можетъ-ли думать о чемъ нибудь другомъ тотъ, кто любилъ васъ, и пожертвовалъ своею любовью къ вамъ? Несчастливъ буду я — но достоинъ васъ. Знаю, что вы уступили-бы наконецъ всѣ предразсудки ваши, всю нѣжность другихъ отношеній вашихъ любви моей — не возражайте, Аѳенаида: вы уступили-бы ихъ;

Digitized by Google

но наслажденіе удивляться вамъ, я ставлю дороже всякаго другаго наслажденія, купленнаго цѣною раскаянія. Противясь вашимъ высокимъ чувствамъ, я разрушилъ-бы наше счастіе, нашъ союзъ души — теперь онъ неразрывенъ.

« Ахъ! — сказала Аѳенаида — этотъ союзъ, столь святой, столь чистый, ручается намъ за счастіе въ будущемъ, и этого счастія не разрушитъ для насъ ни время, ни отсутствіе. Я предчувствую: нѣжная, вѣрная дружба наградитъ намъ наслажденія любви. Это называю я тѣмъ спокойствіемъ, котораго молю для васъ у Бога!

— Нѣтъ, никогда, если для него надобно пожертвовать чувствомъ любви: это чувство до гроба!

Такъ продолжался еще разговоръ Аѳенаиды и Принца. Наконецъ, они вспомнили, что надобно возвратиться въ замокъ. Черезъ часовню надобно было выйдти имъ изъ пустыни. Аѳенаида пожелала остаться одна въ часовнѣ. Принцъ сказалъ, что будетъ дожидаться ее въ десяти шагахъ, подъ деревомъ. Видя, что Аѳенаида не затворила дверей часовни, Принцъ тихо приблизился, и, не замѣчаемый Аѳенаидою, смотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ, что Аѳенаида подошла къ гробницѣ пустынника, стала на колѣни, и горячо молилась. Никогда не казалась она ему столь прелестною, какъ въ эту минуту.

Digitized by Google

— Нѣтъ! — сказалъ онъ самъ себѣ — такъ чисты чувства ея, что не станетъ она просить Бога отнять ихъ у нея!.. Она молится за мое счастіе, и молитвы ангельской души ея будутъ услышаны. Чувствую, что какое-то небесное, тихое услажденіе успокоиваетъ терзаніе души моей!»

Съ наслажденіемъ остановился Принцъ на сей мысли, когда Аѳенаида встала, и отколовъ отъ груди своей розу, положила ее на гробницу. Она взяла съ гробницы, въ обмѣнъ, одно изъ многихъ приношеній, на ней лежавшихъ: это былъ вѣнокъ изъ васильковъ и фіялокъ. Аѳенаида изумилась и была тронута, увидя Принца въ дверяхъ часовни. Она думала, что Принцъ не видалъ, что она дѣлала.

— Я не смѣлъ остаться съ вами въ Католической часовнѣ — сказалъ онъ — но одного Бога мы обожаемъ, и когда молились вы, Аѳенаида, мое сердце летѣло къ Богу!

Растроганная Аѳенаида могла отвѣчать только вздохомъ. Она подала руку Принцу, и въ безмолвной грусти пошла съ нимъ вмѣстѣ въ замокъ. Принцъ молчалъ. Онъ и Аѳенаида чувствовали, что это было послѣднее свиданіе, когда можно имъ было говорить свободно о своемъ чувствѣ. Желая, чтобы въ замкѣ не замѣтили ихъ свиданія, Аѳенаида просила Принца

Digitized by Google

разсшашься съ нею подлѣ большой сосны, вокругъ которой подѣланы были дерновыя скамейки. Это огромное дерево расло на берегу озера, въ двухъ сшахъ шагахъ ошъ замка. Онъ и она содрогнулись, когда вдали завидѣли длинныя, зеленыя, сосновыя вѣшви, мрачною шѣнью раздвинувшіяся по блесшящей лазури неба. Невольно сдѣлались медленнѣе шаги ихъ... Имъ хошѣлось еще нѣсколькими мгновеніями продолжишь время до роковой минушы вѣчной разлуки... И Аѳенаида, и Принцъ, сшрашась прибавишь шяжесши скорби, взаимно сшарались между шѣмъ не показывашь никакого признака ея. Но, когда подошли они къ назначенному мѣсшу, Аѳенаида не могла болѣе держашься на ногахъ — она сѣла, или, лучше сказашь, упала на дерновую скамью подъ деревомъ; вѣнокъ, взяшый ею на гробѣ пусшынника, выпалъ изъ рукъ ея, и покашился къ ногамъ Принца. Бысшро схвашилъ его Принцъ, и прижалъ къ своему сердцу.

«Аѳенаида!» вскричалъ онъ, прерывающимся голосомъ — «милая Аѳенаида! ошдайше мнѣ эшошъ вѣнокъ; чувсшво грусши сплело его, набожносшь взяла; онъ былъ назначенъ на гробъ вѣрнаго, несчасшнаго любовника: эшо назначеніе исполнишся. Я сохраню его во всю жизнь мою, какъ безцѣнный залогъ нѣжносши, самой

Digitized by Google

чистой, и послѣ смерти моей— онъ будетъ положенъ въ гробъ мой... Аѳенаида! приходите иногда подъ тѣнь этого дерева: свидѣтель моей печали, моей грусти — оно будетъ вамъ дорого! На корѣ его, которой прикасалась голова ваша, въ минуту разлуки со мною, вырѣжьте два слова: «*Regrets et fidélité*!»...

Проговоривъ сіи слова, Принцъ спряталъ на груди своей вѣнокъ, и удалился, вздохнувъ тяжело... У него недоставало болѣе словъ. Поспѣшно шелъ онъ, и вскорѣ достигъ замка. Тутъ сказали ему, что Г-жа Сталь не выходила еще въ гостиную. Принцъ пошелъ въ ея комнаты, засталъ ее одну, заперся съ нею, и въ одно время началъ свое прощанье, и жаркій разсказъ о любви къ Аѳенаидѣ. Ему надобно было сердце друга, сердце друга-женщины...

— Вы не удивляете меня вашимъ изъясненіемъ — сказала Г-жа Сталь. — Я давно видѣла чувства ваши и Аѳенаидины. Зная ея положеніе, при которомъ всего легче, еслибы только она захотѣла, развестись ей съ своимъ мужемъ, я предполагала, что прелестный романъ любви вашей будетъ имѣть самое счастливое окончаніе. Теперь теряю всю надежду, если Аѳенаида думаетъ, что потребовавши развода, она нарушитъ приличія и законы великодушія.

Digitized by Google

Сказанное ею въ такомъ случаѣ, невозвратимо. Вы столько любите ее, что можете оцѣнить всѣ высокія чувства ея души. Жертвуя собою, она пріобрѣтаетъ новыя права на сердце, подобное вашему. Но для чего-же хотите вы спѣшить вашимъ отъѣздомъ? Я не въ силахъ вамъ этого присовѣтовать. Не будемъ отказываться отъ немногихъ минутъ счастія, радости быть вмѣстѣ, когда можемъ отнять у судьбы эту радость! Время повиноваться ея жестокимъ повелѣніямъ — всегда успѣетъ настать для насъ слишкомъ рано. Когда необходимость заставитъ васъ ѣхать, долгъ будетъ призывать — поѣзжайте тогда. Вамъ будетъ легче жертва ваша и тяжелая побѣда надъ собою. Но, теперь, когда вы можете еще по своей волѣ пробыть съ нами хоть немного времени — постараемся забыть, что скоро должно будетъ разстаться! —

Пока продолжался этотъ разговоръ, Аѳенаида, едва понимая себя, оставалась подъ деревомъ, гдѣ разсталася съ нею Принцъ. Изъ глубокой задумчивости могъ ее вывесть только шорохъ шаговъ, послышавшійся вблизи. Это были Вернеръ и Шлегель. Они приблизились къ Аѳенаидѣ. Немедленно встала Аѳенаида со скамьи, говоря, что она отдыхаетъ послѣ продолжительной прогулки, утомившей ее. Шле-

Digitized by Google

гель сказалъ, что это очень замѣтно по лицу ея, блѣдному и измѣнившемуся. Между безчисленными странностями своими, онъ имѣлъ и ту, что почиталъ себя обладающимъ глубокими свѣдѣніями въ Медицинѣ, о которой, какъ говорилъ онъ, таится въ головѣ его, такъ, какъ и обо всемъ другомъ, мысли совсѣмъ новыя и необыкновенныя. Желая доказать Аѳенаидѣ, что отъ излишней ходьбы всегда устаютъ, Шлегель началъ огромную и скучную диссертацію о выгодахъ и невыгодахъ тѣлесныхъ упражненій. Онъ дошелъ еще только до Гимнастики Грековъ, когда надобно было войдти въ гостиную замка. Боясь, что собесѣдникамъ, которые собрались уже тутъ, оскучатся неизвѣстны прекрасныя мысли, высказанныя имъ дорогою до замка, Шлегель началъ для нихъ диссертацію свою снова, и обратился къ Египтянамъ и Халдеямъ. Во время этого ученаго многоглаголанія, Аѳенаида, которую Шлегель со всею заботливостію усадилъ въ большія кресла, предписавъ ей оставаться въ молчаніи и спокойствіи, была неподвижна, и до того углублена въ свои мысли, что не понимала ничего, что дѣлали и говорили вокругъ нея. Глаза ея были устремлены на дверь, въ которую должна была войдти Г-жа Сталь. Аѳенаида не сомнѣвалась, что Принцъ долженъ быть у ней, и что съ нею вмѣстѣ явится онъ въ гости-

Digitized by Google

ной. Шлегель находился еще у Египтянъ, когда внимательный слухъ Аѳенаиды различилъ походку Принца, и легкій шумъ платья Г-жи Сталь. Дверь отворилась; Принцъ и Г-жа Сталь вошли въ гостиную. Г-жа Сталь приблизилась къ Аѳенаидѣ, и тихонько сказала ей, что Принцъ рѣшился дождаться курьера, и до того времени отлагаетъ отъѣздъ свой. Аѳенаида вздохнула свободнѣе: отсрочка отъѣзда отнимала хотя у настоящаго дня самую грустную мысль, что это былъ день *наканунѣ* отъѣзда. Черезъ минуту потомъ, Г-жа Сталь громко спросила у Аѳенаиды: не хочетъ-ли она выйдти на террасу? Шлегель сильно воспротивился этому, увѣряя, что вслѣдствіе своихъ медицинскихъ знаній, предписалъ онъ Аѳенаидѣ самое совершенное спокойствіе, и почитаетъ это необходимымъ. Г-жа Сталь, смѣясь, отвѣчала ему, что онѣ будутъ ходить по террасѣ, какъ можно тише и медленнѣе, и, не смотря на жалобы Шлегеля, увела Аѳенаиду. Когда Аѳенаида осталась на террасѣ одна съ Г-жею Сталь, она поспѣшила спросить у нея о намѣреніи Принца.

— Принцъ остается, самъ не зная что дѣлать — отвѣчала Г-жа Сталь. — Но, развѣ забыли вы, милая Аѳенаида, что завтрашній день я назначила балъ, что приглашенія уже разо-

Digitized by Google

сланы, и всѣ знаютъ, что Принцъ обѣщалъ быть на этомъ балѣ?

«Это было за двѣ недѣли прежде; онъ думалъ тогда остаться здѣсь гораздо долѣе.

— А теперь онъ самъ не знаетъ на что рѣшиться, и, увѣряю васъ, что онъ старается даже и не думать о рѣшеніи. Послушайтесь меня: не думайте и вы объ этомъ. Думайте лучше о томъ, что на балъ съѣдутся только за тѣмъ, чтобы видѣть Принца, и посмотрѣть, какъ танцуетъ Аѳенаида.

«Мнѣ танцовать!

— Вы должны. Если въ этомъ многочисленномъ собраніи, вы будете не въ состояніи преодолѣть вашу горесть, то подадите поводъ къ тысячѣ самыхъ глупыхъ догадокъ и сказокъ. Изгнанники всего болѣе должны стараться избѣгать толковъ и разговоровъ объ нихъ. Въ то время, когда свирѣпствуетъ духъ партій, каждая догадка бываетъ поводомъ къ клеветѣ.

«Мнѣ танцовать? Завтра? Когда сердце мое растерзано?

— А между тѣмъ, я ручаюсь — вы въ восторгѣ отъ мысли, что *онъ* не уѣдетъ завтра! Не должно-ли праздновать вамъ это *завтра*, этотъ день, который, вмѣсто того, чтобы ему быть днемъ печальной, вѣчной разлуки, будетъ проведенъ съ нимъ, въ глазахъ его? Нѣтъ!

Digitized by Google

вы будете танцовать — съ волненіемъ сердца, съ грустью души — но, не безъ удовольствія....

«Я могу отозваться утомленіемъ, усталостью. Шлегель будетъ ручаться за меня...

— Что за праздникъ будетъ, если вы откажетесь отъ танцевъ? Нѣтъ! вы не захотите лишить меня удовольствія — угостить Принца самымъ прекраснымъ вечеромъ! Признаться-ли вамъ, моя милая Аѳенаида. Я кокетствую вами, потому, что вы не умѣете кокетничать! Принцъ слышалъ, какъ вы играете на арфѣ, поете, но не видалъ еще, какъ вы танцуете. Хочу, чтобы разставаясь съ вами, онъ зналъ всѣ ваши очаровательныя достоинства.

«Надѣюсь, или, лучше сказать, увѣрена, что такое ничтожное достоинство ничего не прибавитъ къ его чувствамъ.

— Такъ, но это обольстительное искусство оставитъ въ его воображеніи еще одинъ плѣнительный образъ... Какъ вы одѣнетесь?

Этотъ вопросъ заставилъ Аѳенаиду улыбнуться.

«Вотъ истинно-женскій вопросъ.

— Истинно-дружескій вопросъ — возразила Г-жа Сталь.

«Что-жъ,» сказала Аѳенаида, «я могу отвѣчать вамъ искренно: когда вы заговори-

Digitized by Google

ли о балѣ, мысль о нарядѣ тотчасъ пришла мнѣ въ голову — я думала о платьѣ и уборкѣ головы. Цвѣтами, которые посвятилъ онъ мнѣ, хочу я убрашься: вѣнокъ изъ васильковъ и фіялокъ на голову; гирлянду изъ этихъ-же цвѣтовъ на платье.

— Ахъ! — сказала Г-жа Сталь, обнимая Аѳенаиду — какъ люблю я вашу доброту и искренность! Прекрасно! Сей часъ-же отправляю нарочнаго въ Женеву, закупить и привести къ намъ всѣ васильки и всѣ фіялки, какія можно шамъ найдти у цвѣточныхъ мастеровъ. Ваша идея прелестна, а я берусь ее исполнить. — Г-жа Сталь тотчасъ пошла отправлять нарочнаго, а Аѳенаида явилась въ гостинной.

Удаливъ отъ воображенія грустную мысль неизбѣжной, скорой разлуки, Аѳенаида и Принцъ совершенно предались наслажденію — быть вмѣстѣ, пока еще это возможно. Обѣдъ былъ оживленъ разговоромъ, заставившимъ просидѣть за столомъ долѣе обыкновеннаго. Говорили о часовнѣ пустынника. Вернеръ разсказалъ исторію этого несчастнаго любовника, и хвалилъ его постоянство. Но Шлегель утверждалъ, что при высшей степени чувствительности, необходимо надобно быть непостояннымъ, потому, что необходимая потребность любить увлекаетъ страстное сердце къ новому пред-

Digitized by Google

мету, когда нѣтъ болѣе надежды, или когда мы разлучены отсутствіемъ, или смертью, отъ той особы, которую обожаемъ. Что такое постоянство? говорилъ Шлегель — собственно говоря: безчувствіе. Слѣдовательно, пустынникъ былъ человѣкъ холодный, флегматикъ. Сеймуръ сильно защищалъ мнѣніе Шлегеля. На нихъ напали почти всѣ, и особенно Принцъ. Споръ продолжился до тѣхъ самыхъ поръ, когда надобно было вставать изъ-за стола; экипажи были уже готовы для прогулки по берегу озера. Остатокъ дня пролетѣлъ для Аѳенаиды и Принца, какъ минутный, веселый сонъ. Но прощанье въ вечеру было тягостно: оно напомнило ту горестную разлуку, которая скоро должна была послѣдовать для любовниковъ. Глаза Аѳенаиды наполнились слезами. Въ комнатѣ своей нашла она огромный картонъ, съ васильками и фіялками, привезенный изъ Женевы. Горничныя Аѳенаиды провели часть ночи въ уборкѣ сими цвѣтами бѣлаго ея платья. Это платье хотѣла надѣть Аѳенаида на балъ.

Посреди парка Коппетскаго, устроена была изъ зелени обширная зала. Общество собралось многочисленное и блестящее. Когда явилась Аѳенаида, изящная простота ея наряда и ослѣпительная красота произвели на всѣхъ впечатлѣніе, самое живое и замѣтное. Начатые шан-

Digitized by Google

цы осшановились, по крайней мѣрѣ, замедлились, замѣшались: изумленіе и удивленіе не давали средсшва думашь о фигурахъ и слушашь музыканшовъ. Танцовщики усшремили взоры на Аѳенаиду, забывали своихъ дамъ, ходили медленно, разсѣянно, и всѣ зрители, бывшіе въ залѣ, говорили въ полголоса: «Какъ хороша! какъ прелесшна!» Скромное замѣшашельсшво Аѳенаиды увеличило красошу ея, и если-бы Принцъ не былъ свидѣшелемъ эшого невольнаго и общаго обожанія, она охошно пожелала-бы убѣжашь изъ залы. Могла-ли она не понравишься ему? Она видѣла, чшо Принцъ былъ въ совершенномъ восшоргѣ, чшо съ неизъяснимою нѣжносшью смошрѣлъ онъ на вѣнокъ изъ васильковъ и фіялокъ, бывшій у нея на головѣ, и совершенно сходный съ шѣмъ, кошорый былъ ему сшоль драгоцѣненъ. Принцъ приблизился къ Аѳенаидѣ, и шысячу нѣжныхъ, сшрасшныхъ словъ сказалъ ей о выборѣ цвѣшовъ, сосшавлявшихъ уборъ ея — словъ, шолько ей одной поняшныхъ. Не льзя было Аѳенаидѣ ошказашься оши шанцовъ, и эшо произвело совершенный восшоргъ. Наслажденіе: совершенно плѣнишь любимаго человѣка, заставило Аѳенаиду забышь все, прошедшее и будущее. Она была очароващельна — эшо былъ счасшливѣйшій день ея жизни!

Есшь въ сердцѣ человѣка чувсшво, заспавляющее его не вѣришь, когда сомнѣніе прино-

Digitized by Google

сипъ ему какую нибудь пользу, какое нибудь услажденіе. Удалять отъ себя мысль о томъ, чего мы страшимся, значитъ разувѣрять себя въ печальной существенности. Думаемъ, что со временемъ явятся еще новыя обстоятельства, и снова удалятъ отъ насъ предметъ нашего страха. Такъ отъѣздъ Принца былъ неизбѣженъ, но мысль, которой не могла удалить отъ себя Аѳенаида, позволяла ей надѣяться, что еще нѣсколько *завтра* будетъ похожихъ на пролетѣвшій такъ весело день.

Надежда не сбылась. На другой-же день послѣ сего счастливаго вечера, къ Принцу прискакалъ курьеръ. Онъ получилъ извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Франціею и его отечествомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повелѣніе Государя, брата своего — немедленно поспѣшить къ нему. Такой приказъ, такая новость, конечно, были ожиданы, и между тѣмъ показались ужасающею неожиданностью. Надобно было — вырваться Принцу изъ этого убѣжища, замѣнявшаго ему отчизну и великолѣпный Дворъ. Перетолковать повелѣнія было невозможно. Долгъ требовалъ повиновенія. Въ слѣдующую ночь назначенъ былъ отъѣздъ; время до ночи была вся отсрочка, которую можно было себѣ позволить.

День казался продолжительнымъ прощаньемъ.

Digitized by Google

Вечеръ наступилъ слишкомъ скоро; минута разлуки приближалась съ непонятною быстротою.

Г-жа Сталь занималась въ это время сочиненіемъ своего прекраснаго романа: *Коринна, или Италія.*

Желая-ли избѣжать томительнаго ожиданія минуты, страшившей тяжкою горестью, думая-ли избавить себя опъ грустнаго положенія, въ какомъ всѣ подозрѣвали ее, но никто не могъ понимать, или, можетъ быть, полагая замедлить этимъ хотъ на нѣсколько минутъ еще назначенное время, Аѳенаида убѣдительно просила Г-жу Сталь прочитать отрывокъ изъ Коринны.

Г-жа Сталь тотчасъ поняла, что это было средство для милой ея подруги свободно предаться своей мысли, такъ, чтобы никто, до кого она не касалась, не могъ ея проникнуть. Она охотно согласилась сыскать и прочесть отрывокъ, который, по ея мнѣнію, всего лучше могъ способствовать намѣренію Аѳенаиды. Не долго затруднялась она въ выборѣ, и взяла вторую импровизацію Коринны, то мѣсто своего романа, которое навсегда осталось въ числѣ поэтическихъ воспоминаній для путешественника на мысѣ Мизенскомъ, въ заливѣ Байскомъ

Digitized by Google

— торжественное, сердечное прощаніе со всѣми радостями, со всякою славою!

Г-жа Сталь хотѣла, чтобы отъ времени до времени, Аѳенаида прерывала чтеніе импровизаціи аккордами арфы.

Такое соединеніе очаровательныхъ звуковъ Музыки и Поэзіи, могло показаться праздникомъ, еслибы унылость не видна была на всѣхъ лицахъ, и слезы не навертывались на глазахъ многихъ.

Это мелодическое покрывало, наброшенное на разлуку, часа которой не льзя было предвидѣть, поэтическія слова вдохновенной Музы, сладостные, дрожащіе звуки, вылетавшіе изъ арфы подъ перстами Аѳенаиды — вся эта поэзія души была-бы восхитительна, еслибы она не скрывала минуты неизбѣжной горести.

Продолжительное молчаніе послѣдовало за чтеніемъ. Всякій разговоръ показался-бы тогда неумѣстенъ. Часы въ замкѣ ударили полночь: это былъ часъ отъѣзда...

Г-жа Сталь поднялась съ своего мѣста; Принцъ также всталъ въ свою очередь, какъ будто повинуясь движенію Г-жи Сталь, но не соединяя съ этимъ никакой мысли.

Всѣ присутствовавшіе удалились. Остались

Digitized by Google

только Г-жа Сталь, Аѳенаида и Принцъ. Надобно было прощаться...

Аѳенаида и Принцъ не плакали. Онъ и она казались лишенными чувствъ.

Г-жа Сталь обратилась къ Принцу. «Прощайте, В. В.!» сказала она. «Вы узнали здѣсь все, что только любовь можетъ имѣть чистаго, нѣжнаго, прогательнаго, все, что можетъ она внушить высокаго, героическаго. Никакая слабость не оскорбила вашихъ восхитительныхъ наслажденій. Сладость, прелесть воспоминанія, будутъ для Аѳенаиды вѣрными поруками вашей грусти и вѣрности. Сколь юный, сколь обольстительный, вы можете увлечься мгновеннымъ заблужденіемъ, но сердце ваше никогда не будетъ принадлежать никому другому, кромѣ Аѳенаиды, раскрывшей въ благородной душѣ вашей начала великодушныхъ, великихъ страстей.»

Замокъ Коппетъ, оживленный въ теченіе столь многихъ лѣтъ, даже и въ дни изгнанія — нынѣ осиротѣлъ. Все прошло: славу, скорбь, надежды безсмертія, высокія чувства, великодушные поступки — замѣнило безмолвіе. Убѣжище генія превратилось въ пустыню. Путе-

Digitized by Google

шественники посѣщаютъ его, какъ мѣсто воспоминаній минувшаго, какъ знаменитыя развалины...

Знаете-ли вы картину Жерара: *импровизація Коринны на мысу Мизенскомъ*? Вотъ одно, что осталось отъ любви, чистой, высокой и прекрасной, которую мы здѣсь изобразили.

О романахъ Виктора Гюго: *Han d'Islande* (3-е изданіе, Парижъ, 1829 г., 4 тома, in-12), *Bug-Jargal* (3-е изданіе, Парижъ, 1829 г., 3 тома, in-12), *Le dernier jour d'un Condamné* (Парижъ, 1829 г. 2-е изданіе), *Notre-Dame de Paris* (Парижъ, 1831 г. 2-е изданіе, 2 тома, in-8).

Прежде признавали мы въ Изящныхъ Искуствахъ извѣстное число опредѣленныхъ идей, изъ коихъ состоявлялось уложеніе вкуса. Являлось-ли какое нибудь новое произведеніе? Критика обращалась къ своему законодательству, указывала въ чемъ оно благопріятствовало, или въ чемъ противорѣчило новому творенію, и, сообразно силѣ законовъ вкуса, публика принимала или отвергала то, что было ей на судъ предстявлено.

Безначаліе, въ какомъ находится теперь республика Словесности, дѣлаетъ положеніе нынѣшнихъ критиковъ чрезвычайно затруднительнымъ. Хо-

Digitized by Google

чешъ-ли критикъ обратиться къ уложенію вкуса? Его считаютъ діалектикомъ, поддерживающимъ правила стариннаго педантизма. Вкусъ, вкусъ! Кто рѣшилъ этотъ вкусъ? Что такое вкусъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ есть вкусъ исключительный и прочный, превосходный передъ другими, такъ сказать — *нормальный*? Если онъ есть, то какъ его узнавать? Вотъ трудности, которыя прежде всего рѣшить должно.

Просимъ читателей не пугаться. Мы такъ боимся продолжительныхъ сужденій, въ которыя могло-бы увлечь насъ рѣшеніе сихъ трудностей, что оставимъ ихъ на сей разъ нерѣшенными. Но, такъ какъ надобно-же на чемъ нибудь основаться критикѣ, то для основы сужденій нашихъ о романахъ В. Гюго, возьмемъ мы порядокъ идей, противъ котораго не столько споримъ, сколько противъ порядка идей о вкусѣ, хотя тѣ и другія сходны, даже однородны: я разумѣю здѣсь *идеи нравственныя*. Предвижу возраженіе, которымъ захотятъ остановить меня. Вотъ новый вопросъ: есть-ли необходимое отношеніе между Нравственностью и Искусствомъ? Необходимо-ли въ произведеніяхъ Искусства имѣть цѣлью Нравственность? Справедливо смѣялись надъ геометромъ, который, по окончаніи представленія Ифигеніи Расиновой, спрашивалъ у своего сосѣда: Mais, qu'est-ce que cela prouve (*да что-же этимъ доказано*)? — Геометръ былъ конечно забавенъ, съ своимъ геометрическимъ вопросомъ, но во всѣхъ-ли отношеніяхъ былъ онъ забавенъ? Что доказываетъ Ифигенія! Спросите поэта Лукреція.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, Нравственность не должна быть видимою, прямою цѣлью во всякомъ твореніи Искуства; Эпопея, Драма, Романъ не должны быть длинными, холодными апологами. Думать иначе, значило-бы лишать жизни дѣйствующія лица изящныхъ твореній и леденить читателей; но, поелику счастливая наклонность влечетъ сердце человѣческое любить добродѣтель и ненавидѣть порокъ, то художникъ представляетъ то и другое долженъ не иначе, какъ для развитія въ насъ нравственнаго чувства. Сей порядокъ идей столь естественъ, что при началѣ литтературъ не бываетъ ни одного писателя, который-бы отъ него удалялся. Омиръ, напримѣръ, былъ величайшій моралистъ. Чѣмъ болѣе тогда поэты бываютъ вѣрны Нравственности, тѣмъ болѣе они прославляются, тѣмъ болѣе бываютъ любимы. Причина понятна: они споспѣшествуютъ общественному образованію, и оно съ лихвою платитъ ихъ именамъ, если не имъ самимъ, за услуги ему оказанныя. По мѣрѣ того, какъ идетъ общество, распространяется литтература и увеличивается кругъ людей, ей внимающихъ. Наступаетъ наконецъ эпоха, когда обхватывая все общество, религію, нравы, мнѣнія, уставы, знанія его, литтература дѣлается верховною законодательницею. Эту эпоху у насъ, во Франціи, можно отнести ко временамъ Вольтера: тогда оказывала литтература самое сильное вліяніе. Но, къ несчастію, литтература испытываетъ и такое время, когда потребность и трудность производить новое, сворачиваютъ литтературу съ сего правильнаго пути къ со-

Digitized by Google

вершенству, вопреки обществу, желающему продолжать сей путь. Тогда — возбужденіе новыхъ и сильныхъ чувствъ, каковы-бы они впрочемъ ни были, дѣлается цѣлью, которую предполагаетъ себѣ Искусство. Тогда надобно весьма остерегаться. Созданія художниковъ могутъ быть въ сіе время предметомъ любопытства и моды, но не истиннаго восторга, и не прочной славы. Нѣтъ дѣйствительной славы въ Искусствахъ безъ продолжительнаго вліянія, и не бываетъ продолжительнаго вліянія безъ направленія Нравственнаго. Изъ сего необходимо, если литература перестаетъ быть органомъ образованности и усовершенствованія, слѣдуетъ потеря ея владычества, и ниспаденіе съ той степени, на которую благодарность людская ее поставила. Дѣло фокусника бываетъ иногда труднѣе дѣла художника. Отъ чего-же мнѣніе общественное не уравниваетъ ихъ? Отъ того, что одинъ говоритъ сердцу, другой только чувствамъ; у одного цѣль нравственная, у другаго нѣтъ никакой.

Какъ? Въ самыхъ ничтожныхъ произведеніяхъ литературныхъ, *dans un roman frivole*, гдѣ, по словамъ Буало, aisément tout s'excuse, вы требуете нравственности? Да, и непремѣнно, если авторъ хочетъ успѣха прочнаго. Взгляните на романы, славу которыхъ утвердило время, и скажите: не нравственной-ли пользѣ они одолжены своею славою? Одинъ романистъ, слѣдовавшій непосредственно послѣ Среднихъ вѣковъ, осыпаетъ всѣми стрѣлами насмѣшки блестящее, но безполезное Рыцарство,

Digitized by Google

которымъ Феодализмъ сначала замѣнялъ небытіе законовъ, и которое потомъ поставилъ выше ихъ.— Другой, направляя такія-же ѣдкія стрѣлы сатиры противъ всѣхъ пороковъ и превратностей испорченнаго общества, разставляетъ намъ картины его въ превосходной галереѣ. Третій, искусною противоположностью двухъ характеровъ, изъясняетъ намъ, какъ должны мы остерегаться видимостей, и не принимать личины добродѣтелей за самыя добродѣтели. Таковы основанія, на коихъ утверждены творенія Серванпеса, Лесажа и Фильдинга. Самый Руссо, сознаваясь въ опасности, какой можетъ подвергнуть добрую женщину слишкомъ украшенное изображеніе предосудительной страсти, старается, въ подробностяхъ своей Элоизы, споспѣшествовать Нравственности многими и краснорѣчивыми уроками.

Но отъ нынѣшнихъ модныхъ романовъ, какого урока, какой истины, какого нравственнаго впечатлѣнія можете вы потребовать? Читатель, спрошенный по чистой совѣсти, конечно затруднится въ отвѣтѣ. Человѣкъ геніяльный, котораго главою признаетъ нынѣшняя литтература, взялъ для себя въ романахъ цѣлью *живопись историческихъ нравовъ*. До сихъ поръ, не можемъ мы еще убѣдиться, чтобы его повѣствованія, гдѣ вымыслъ и истина безпрерывно смѣшиваются, были весьма полезны для изученія Исторіи. Но съ удовольствіемъ замѣчаемъ мы, что среди лицъ, которыя онъ, какъ говорятъ, успѣшно изображаетъ, въ отношеніи внутреннемъ и наружномъ, такими, какими являлись

Digitized by Google

они въ свое время, що есть мало похожими на насъ, не пренебрегъ онъ поставишь нѣсколько изображеній, по изяществу своему принадлежащихъ всѣмъ вѣкамъ. Этимъ удовлетворилъ онъ первому изъ всѣхъ правилъ — *занимательности*, средству превосходному, хотя и старому, поучать людей Нравственности. Интересъ, внушаемый добродѣтелью, естественно влечетъ насъ любить ее, слѣдовать ей. Въ семъ отношеніи, В. Скоттъ принадлежитъ къ старой школѣ. Нововведенія подражателей его, въ Литературѣ и Искусствахъ, впрочемъ совсѣмъ не такъ и значительны, какъ многіе думаютъ. Они состоятъ не столько въ томъ, чтобы *производить новыя созданія*, сколько въ стараніи *представлять прежнія созданія съ новой точки зрѣнія*, отъ чего являются впечатлѣнія вовсе необыкновенныя. Романъ В. Гюго: *Ганъ Исландскій*, представляетъ намъ примѣръ подобной работы. Появленіе этого насмѣшливаго человѣкоядца заставило публику дивиться и пугаться. Самъ Сочинитель, столь извѣстный по своей литературной отвагѣ, не сказалъ своего имени при первомъ изданіи своей книги. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ, такъ сказать, мало по малу, рѣшился онъ законнымъ образомъ усыновить свое дитя. Но между тѣмъ, этотъ ужасный Ганъ Исландскій, въ самомъ-ли дѣлѣ созданіе новое? Мы, по крайней мѣрѣ, находимъ въ немъ стараго знакомаго, существо, нѣсколькими вѣками постарѣе Огра, страшившаго и забавлявшаго насъ въ лѣта дѣтства. Словомъ: это Циклопъ Полифемъ. Васъ ужасаетъ отвратительное пиршество Гана? Но трудно прибавить что нибудь

Digitized by Google

страшное къ ужасающей живописи, какую Виргилій передалъ намъ, изображая обжорство Циклопа:

Vidi egomet duo de numero quum corpora nostro,
Prensa manu magna, medio resupinus in antro,
Frangeret ad saxum, sanieque aspersa notarent
Limina; vidi atro quum membra fluentia tabo
Manderet, ac tepidi tremerent sub dentibus artus.

Каждое слово поэта, въ семъ описаніи, доказываетъ, что онъ самъ содрогался отъ ужаса, какой передавалъ своимъ слушателямъ.

Надобно-ли вамъ также видѣть насмѣшливый, злой нравъ лица, о которомъ мы говорили? Эврипидъ, въ сатирической драмѣ своей: *Циклопъ*, показываетъ намъ опять того-же Полифема, столько же смѣшнымъ, сколько и жестокимъ. Гдѣ-же нововведеніе? Вотъ гдѣ: Огръ, Циклопъ, суть великаны; превосходя человѣка своею вещественною силою, они, при своемъ варварствѣ, не имѣютъ достоинства храбрости и побѣжденной трудности. Участіе не переходитъ на ихъ сторону. Напрошивъ, Ганъ малъ; дабы удовлетворить своему отвратительному стремленію, и пожирать другихъ людей, онъ долженъ къ силѣ присоединить смѣлость и ловкость сверхъестественныя. Такимъ образомъ, онъ привлекателенъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Но надобно сказать, что этотъ, въ самомъ дѣлѣ новый, интересъ, помогающій Автору увлекать вниманіе наше къ участи чудовища — есть зародышъ смерти, и его не побѣдитъ никакому дарованію.

Digitized by Google

Что *Ганъ Исландскій* имѣетъ рѣдкое достоинство слога; что нѣкоторыя лица сего романа возбуждаютъ живѣйшее наше участіе; что нѣкоторыя подробности его дышатъ очарованіемъ любви, соединенной съ добродѣтелью; что живописныя описанія, рѣзкіе разговоры, и сильныя, драматическія положенія, безпрестанно возбуждаютъ вниманіе читателя — обо всемъ этомъ критика не станетъ споришь. Но не смотря на исчисленныя нами выгоды, *Ганъ Исландскій* такая книга, которую всякій прочитаетъ одинъ разъ, но немногіе покусятся читать снова.

Въ *Бюгъ-Жаргалѣ*, В. Гюго приблизился къ обыкновенной дорогѣ, стараясь возбудить участіе лицами добродѣтельными. Къ несчастію, представилъ онъ Негра, до безумія влюбленнаго въ бѣлую женщину, и соединяющаго самое нѣжное почтеніе съ самою пламенною любовью. Это вовсе неестественно. Рыцарское великодушіе Бюгъ-Жаргала является чѣмъ-то несообразнымъ, въ такой книгѣ, гдѣ весь родъ Негровъ представленъ достойнымъ презрѣнія; ничтожность лица Маріи еще болѣе уничтожаетъ всякое сильное дѣйствіе. Все достоинство книги заключается въ прекрасныхъ подробностяхъ. Ими изобилуетъ она, особливо въ первыхъ главахъ. Есть множество описаній живыхъ, положеній увлекательныхъ, а въ развязкѣ, сцена между Дювернеемъ и карлою Гадибрагомъ, на краю бездны, исполнена драматическаго движенія и истиннаго ужаса. Недостатокъ *Бюгъ-Жаргала* особенно замѣтенъ въ Историческомъ отношеніи. Видимъ, по какому-то

Digitized by Google

слабому, неопредѣленному ошшѣнку, распространенному на всѣ каршины, что Авшоръ совсѣмъ не знаешъ страны, имъ описываемой, и никакой другой страны, на нее похожей. О революціи Сенъ-Домингской даешъ онъ идею самую неполную и невѣрную. Странное дѣло! Въ живописи подробностей, онъ вѣренъ; общность у него ложная. Г-нъ Гюго совсѣмъ не углубился въ свой предмешъ, не объялъ его. Онъ наслушался разсказовъ какого нибудь колониста, и держался этого подозрительнаго свидѣтельства, на удачу изображая смѣшными и ненавистными разныя званія жишелей, и совсѣмъ не вводя насъ, какъ слѣдовало, въ основныя причины возмущенія всеобщаго, погубившаго для Франціи ея прекрасную колонію. Колонистъ, Негрофилъ, Цвѣтной туземецъ, Негръ — у В. Гюго равно жестоки, особливо трое послѣдніе. Но какое сшеченіе обстоятельствъ могло испортить шакимъ образомъ природу человѣка? Вошъ чего нигдѣ не изъяснилъ Авшоръ, а между шѣмъ, это изъясненіе было необходимо, для возбужденія участія, и для познанія самаго предмета. Причина, сдѣлавшая въ Сенъ-Доминго человѣка столь злымъ, было рабство, шакое, какое долженствовало произойдши отъ шогдашней колоніяльной сисшемы. Присовокупимъ къ этому, что въ этой-же колоніи общество бѣлыхъ не воспрошивилось власши демократіи, объявшей Францію, и, напрошивъ, само рѣшилось, еще съ большимъ жаромъ, слѣдовать правиламъ революціи. Вообразимъ себѣ это общество, приводящее въ исполненіе революціонныя правила, безъ всякой мысли о шомъ, что полу-свободные

Digitized by Google

цвѣтные и рабы-Негры живутъ съ нимъ вмѣстѣ, и что демагоги Франціи не подумаютъ помогать, когда эти люди, животными почитаемые, заразятся свободою мнѣній. Такъ все и было. Мало по малу, духъ безначалія и темная идея о свободѣ проникали къ Неграмъ и Цвѣтнымъ. Бѣлые попеременно искали пособія, то у того, то у другаго рода, были жертвою ихъ, и безначаліе кончилось тогда только, когда власть, переходя отъ одного званія къ другому, соединилась съ вещественною силою, и досталась въ руки геніяльнаго Африканца — Туссеня-Лувертюра. Что касается до жестокости, оказанной Неграми, то ее легко изъяснить воспитаніемъ, какое они получали. Обходившись прежде съ ними, какъ съ животными, нечего дивиться звѣриной люотости, показанной ими при возстаніи ихъ. Дивитесь лучше уму, которымъ успѣли они укрѣпить себѣ прочную побѣду. Таковы должны быть, мнѣ кажется, идеи, которыми можно-бъ было создать историческій романъ изъ Сенъ-Домингской революціи. Развитіе сихъ идей могло быть важно для Нравственности. Для чего Авторъ *Бюг-Жаргала* не начерталъ подобной картины? Для чего также нѣтъ у него ни слова объ Испанцахъ, поджигавшихъ возмущеніе нашихъ Негровъ, и подававшихъ имъ помощь? Испанскіе шишулы, приняные начальниками Негровъ, конечно, смѣшны; но, шѣмъ не менѣе, сношенія ихъ съ Испанцами есть дѣло доказанное, и его не льзя исключать изъ Исторіи. Каковы-бы ни были частныя достоинства *Бюг-Жаргала*, столь неполная картина

революціи Сенъ-Домингской не можетъ удовлетворить ни незнающихъ оной, ни знающихъ ее.

Гораздо выше романъ Г-на Гюго: *Послѣдній день осужденнаго.* Собственно, это не романъ, но нѣчто выше. Тѣмъ болѣе чести дарованію, если оно умѣетъ поддерживать и увеличивать участіе, при совершенномъ однообразіи положеній. Не льзя не похвалить Г-на Гюго и за то, что онъ не говоритъ читателямъ: за какую вину осужденъ преступникъ. Живопись Автора дѣлается черезъ то болѣе общею, болѣе философическою. Томленія человѣка, который ждетъ смерти въ назначенный часъ, изображены съ удивительною силою и глубиною. Трудно проникнуть еще далѣе во всѣ сокровенные изгибы сердца человѣческаго. Изысканность и принужденность нѣкоторыхъ подробностей извиняются и оправдываются положеніемъ того человѣка, котораго почитаемъ мы писавшимъ записки. Слогъ его долженствовалъ отразить на себѣ нравственную пытку, имъ претерпѣнную. Цѣль Автора очевидна: изображая томленія осужденнаго на смертную казнь, онъ хотѣлъ споспѣшествовать уничтоженію сего ужаснаго наказанія. Слѣдующій отрывокъ изъ романа Г-на Гюго покажетъ намъ, для чего писалъ Авторъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ краснорѣчиво отстаивалъ онъ дѣло, которое взялся защищать. «Эта записка моихъ страданій, изъ часа въ часъ, изъ минуты въ минуту, изъ наказанія въ наказаніе, если у меня будутъ силы вести ее, до тѣхъ поръ, когда *физически* не льзя мнѣ будетъ продолжать — эта исторія, по необходи-

Digitized by Google

мости неконченная, но столь полная, сколь полною дозволяли мнѣ сдѣлать ее мои чувства, не будетъ-ли она великимъ и глубокимъ урокомъ? Не найдутся-ли въ этомъ дѣлопроизводствѣ умирающей мысли, въ этомъ постепенно увеличивающемся дѣйствіи скорби, въ этомъ умственномъ *вскрытіи* души осужденнаго, уроки для осуждающихъ его? Можетъ быть, чтеніе моихъ записокъ сдѣлаетъ легче руку ихъ, когда надобно будетъ имъ бросать мыслящую голову, голову человѣка, въ то, что называютъ они вѣсами правосудія! Можетъ быть, несчастные! они никогда не размышляли объ этомъ медленномъ послѣдованіи пытокъ, которое заключается въ скоро составленномъ опредѣленіи смерти. Останавливались-ли они на сей убійственной мысли, что въ человѣкѣ, заживо исключаемомъ ими изъ числа людей, есть разумѣніе, разумѣніе, хотѣвшее жить, есть душа, отвергающая смерть? Нѣтъ! во всемъ этомъ видятъ они только отвѣсное паденіе трехъ-угольной сѣкиры, и, конечно, думаютъ, что для осужденнаго нѣтъ ничего, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Мои записки разувѣряютъ ихъ. Можетъ быть, изданныя когда нибудь, онѣ остановятъ нѣсколько мгновеній умы судей на страданіяхъ умственныхъ, нисколько ими не подозрѣваемыхъ. Судья радъ тому, что можетъ совершить казнь, почти безъ физическихъ страданій преступника: только объ этомъ и думаютъ наши исполнители правосудія. Но что такое физическая скорбь, въ сравненіи съ моральною скорбью? Ужасъ и жалость возбуждаютъ уголовные законы, такимъ образомъ составленные! Настанетъ день измѣненія

Digitized by Google

ихъ, и, можетъ быть, сіи записки, послѣднія тайны несчастнаго бытія человѣческаго, будутъ споспѣшествовать ускоренію дня сего.»...

Далѣе, осужденный говоритъ, припоминая что онъ оставляетъ мать, жену, дочь: «Три сироты разнаго рода! Три страдалицы, и — законъ производитъ ихъ страданія! Я справедливо наказываюсь; но сіи невинныя, что онѣ сдѣлали? Ихъ безславятъ, раззоряютъ — и это правосудіе!» — Можетъ быть, шутъ есть отчасти и дѣло; но что̀ оно доказываетъ противъ смертной казни, ибо равно прилагается оно ко всѣмъ уголовнымъ наказаніямъ? — Надобно было прямѣе, положительнѣе изъяснить свой образъ мыслей о родѣ наказаній, приличныхъ за уголовныя, тяжкія преступленія. Можетъ быть, онъ кончилъ-бы тѣмъ, что *всякое наказаніе не хорошо*? Но тогда, что извлечемъ мы изъ этого резульпата?

Отдадимъ справедливость Г-ну Гюго за прелестный эпизодъ, которымъ умѣлъ онъ отвлечь насъ на нѣсколько мгновеній отъ мрачныхъ думъ осужденнаго. Оборотомъ мыслей, весьма естественнымъ, несчастный, въ послѣдній день своей жизни, услаждаетъ душевныя мученія, воспоминая игры своего дѣтства, и первыя обольщенія любви, нѣкогда его лелѣявшія. Ничто не сравнится съ свѣжестью и предестью сего отрывка, оканчивающаго собою мѣсто, раздирающее сердце.... Полный воспоминаній о своей юной подругѣ, и своихъ невинныхъ удовольствіяхъ — «этотъ вечеръ» — говоритъ онъ — «буду я помнить всю жизнь свою... всю жизнь!»

Digitized by Google

Сила предмета вся вполнѣ заключена въ сихъ послѣднихъ словахъ: это истинно высокое! Гораздо менѣе естественности въ эпизодѣ дитяти его, Маріи. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы отъ этого дитяти скрывали, что его ведутъ въ тюрьму, проститься съ отцомъ своимъ. Столь-же невѣроятно, чтобы нянька его купила на улицѣ смертный приговоръ отца. Здѣсь слишкомъ явны разсчеты Сочинителя, желавшаго разительной сцены. Искуство могло-бы, и вѣрнѣе пріискать въ семъ мѣстѣ причины, и болѣе придать трогательности эпизоду, возбуждающему наше живое участіе. Но исправить подобныя несовершенства, такъ-же, какъ изгладить нѣсколько подробностей — истинныхъ, но необлагороженныхъ и каррикатурныхъ — суть такія пожертвованія, на которыя никакъ не согласится Г-нъ Гюго! А при сихъ условіяхъ, сочиненіе его было-бы сочиненіемъ превосходнымъ.

Обратимся теперь къ послѣднему роману Г-на Гюго — безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ другихъ извѣстному, не только Французской, но и чужеземной публикѣ. Повѣсть Сервантеса, называемая: *Цыганка*, могла подать первую идею, на которой основалъ онъ свой послѣдній романъ: *Церковь Парижской Богоматери* (Notre-Dame de Paris). Дѣвочка, похищенная Цыганами, воспитанная ими, и при развязкѣ находимая родителями ея — таково главное лицо, и въ повѣсти Сервантеса, и въ романѣ Гюго. И у того и у другаго, молодая дѣвушка алта, не смотря на ремесло уличной плясуньи, и на дурное общество, въ какомъ она находится,

Digitized by Google

умѣетъ сопротивляться обольщенію мужчинъ и собственной своей красоты. Но — здѣсь кончился всякое сравненіе: ничего нѣтъ столь различнаго, сколь различны повѣствованія Сервантеса и Гюго, и похожденія Цыганокъ, изображенныхъ имъ и другимъ. У Сервантеса, это дочь благороднаго Коррежидора Мурціи; у Гюго — дочь неизвѣстнаго отца, а мать ея — развратная дѣвка, которая, перешедъ всѣ степени разврата, дошла до послѣдней крайности униженія, и не находитъ ни въ чемъ болѣе утѣшенія для своего стыда и своей скорби, кромѣ дитяти — престарнаго плода ея послѣднихъ грѣховъ. Радость, испытанная ею, когда она сдѣлалась матерью, восторженная заботливость, какую оказываетъ она своему дитяти, отчаяніе, когда это дитя у нее похищено — все это, изображенное въ добродушномъ разсказѣ одной изъ ея сосѣдокъ, составляетъ картину, дышащую истиною, прелестью, участіемъ (*). Несчастная мать замуровывается въ покаянницу, находящуюся на Гревской площади, въ Парижѣ. Тамъ томится она въ теченіе шестнадцати безконечныхъ лѣтъ, принимая бѣдное подаяніе отъ мимоходящихъ, и проклиная всѣхъ Цыганъ, которые являются передъ ея глазами, особенно молодую, прелестную плясунью, возрастъ которой напоминаетъ ей похищенную дочь. Но, не только ненависть — Эсмеральда (имя молодой Цыганки) возбуждала и другія чувства. Самую слабую любовь вдохнула она въ душу бѣдняка, поэта, по имени

(*) Этотъ отрывокъ помѣщенъ былъ въ Сынѣ Отечества, 1831 года. *Пр. Пер.*

Digitized by Google

Петра Гренгуара. Эсмеральда выходитъ за этого человѣка за мужъ, чтобы избавить его отъ веревки; но онъ дѣлается мужемъ ея ad honores. Гренгуаръ, ночью, запутался въ улицахъ Парижскихъ, и попалъ во власть воровъ и нищихъ, обитавшихъ, въ такъ называемомъ: la Cour des Miracles. Спастись могъ онъ только сдѣлавшись гражданиномъ этого страннаго сообщества, а для этого надобно было ему жениться на одной изъ Цыганокъ. Эсмеральда рѣшилась, пожертвованіемъ себя, спасти Гренгуара. Но между тѣмъ, странная эта красавица совершенно свела съ ума ученаго Фролло, Архидіакона церкви Парижской Богоматери. Для нея забылъ онъ и свои герметическія упражненія и изысканіе философскаго камня. Фролло заставляетъ звонаря Казимодо—родъ чудовища, столько-же сильнаго, сколько и безобразнаго—похитить молодую Цыганку. Казимодо успѣваетъ захватить Эсмеральду, и ночью, поспѣшно несетъ ее по улицамъ Парижскимъ, когда Капитанъ, начальникъ дозора, прекрасный мужчина, Фебусъ Шатоперъ, избавляетъ отъ него Эсмеральду. Сей случай подаетъ поводъ ко взаимной страсти. Но страсть Цыганки глубокая, неразрушимая; страсть Капитана—чувственная прихоть, ибо онъ думаетъ о любви слишкомъ по солдатски. Между тѣмъ, бѣдный Казимодо осужденъ за похищеніе дѣвушки быть высѣченнымъ у позорнаго столба. Когда, мучимый болью и свирѣпостью гнѣва, онъ молитъ ужаснымъ крикомъ дать ему хоть каплю воды, изъ толпы народа выходитъ Цыганка, и поитъ страдальца водою. Любовь ея смѣла, не менѣе сострадательности. Ослѣпленная сво-

Digitized by Google

имъ Фебусомъ, она соглашается придти на свиданіе съ нимъ, въ такое мѣсто, котораго названіе утонченность языка нашего изгнала уже изъ словарей. Тамъ, когда она едва можетъ противиться увлеченію безумной страсти, ревнивый Фролло, введенный въ убѣжище позорной любви самимъ Капитаномъ, кидается на него, колетъ его кинжаломъ, и удаляется. Прибѣгаютъ люди, полиція, берутъ Эсмеральду, и начинается судъ. Ее винятъ въ убійствѣ и колдовствѣ. Тщетно говоритъ она о своей невинности: легкое начало пытки исторгаетъ у нея признаніе, отъ котораго потомъ нельзя ей отказаться. Судъ приговариваетъ несчастную повѣсить на Гревской площади, принеся предварительно публичное покаяніе передъ церковью Парижской Богоматери. Брошенная въ ужаснѣйшую темницу, она томится медленною смертью, мучится всѣми страданіями души и тѣла, и вдругъ видитъ монаха, сошедшаго въ ея темницу. Это Фролло. Онъ пришелъ предложить ей жизнь, съ условіемъ: убѣжать съ нимъ вмѣстѣ, и соединить свою судьбу. Съ отвращеніемъ отвергаетъ его Эсмеральда. Часъ гибели ея насталъ; уже публичное покаяніе принесено ею; хотятъ везти ее на Гревскую площадь, когда звонарь Казимодо, влюбленный не менѣе Архидіакона, исторгаетъ Эсмеральду изъ рукъ палачей, и переноситъ ее въ церковь Парижской Богородицы. Убѣжище въ церкви почиталось тогда священнымъ. Квазимодо скрываетъ добычу свою въ маленькой кельѣ, подъ колоколами. Эсмеральда не можетъ смотрѣть на своего избавителя безъ страха и ужаса; но страсть, сдѣлавшая

Digitized by Google

Фролло чудовищемъ; производитъ на чудовище Казимодо совсѣмъ другое дѣйствіе. Недовольный спасеніемъ той, которую любитъ, онъ покровительствуетъ ей, услуживаетъ самымъ нѣжнымъ образомъ, хотя не получаетъ отъ нея ни одного привѣтливаго взгляда. Все несчастіе его состоитъ въ томъ, что онъ неестественно безобразенъ! Между тѣмъ, нищіе, воры, бездѣльники, и другіе обитатели *Подворья чудесъ* (la Cour des miracles), осаждаютъ церковь Богоматери, и хотятъ избавить свою Эсмеральду. Мощный Казимодо выдерживаетъ неистовую ихъ осаду; стрѣлки Королевскіе, съ другой стороны, нападаютъ на осаждающихъ. Ночь дѣлаетъ смятеніе самымъ ужаснымъ. Въ это время Фролло и Гренгуаръ еще разъ успѣваютъ похитить Эсмеральду, и унести ее на правый берегъ Сены. Тамъ снова отвергаетъ она предложенія Фролло, хочетъ лучше умереть; и—въ бѣшенствѣ, Фролло зоветъ Королевскую стражу; оставляя Эсмеральду въ рукахъ Кающейся, замурованной въ стѣнѣ. Ненависть сей несчастной придаетъ ей силы; она удерживаетъ Цыганку, но вскорѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, узнаетъ въ ней погибшую дочь свою! Обезумѣвшая отъ радости, она чувствуетъ и весь ужасъ гибели, угрожающей Эсмеральдѣ; старается скрыть ее въ своей кельѣ.—Тщетныя старанія! Народъ, солдаты бѣгутъ, самъ Начальникъ палачей, Трисганъ, является съ служителями правосудія. Убѣжище несчастной открыто; ее исторгаютъ изъ рукъ матери, и романъ оканчивается на Гревской площади, и въ убогомъ домѣ Монфоконскомъ.

Digitized by Google

Люди, жадные сильныхъ впечатлѣній, будутъ довольны чтеніемъ сей книги. Изъ нашего краткаго изложенія можно видѣть, что Авторъ не думалъ щадить ихъ. Кромѣ того, что дѣйствующія лица, почти безпрестанно, находятся въ положеніи насильственномъ, слогъ, безпрерывно судорожный, сбивчивый, еще болѣе умножаетъ страшное дѣйствіе разсказа. Авторъ, съ какимъ-то наслажденіемъ, заставляетъ читателя переходить черезъ всѣ степени томленій, нравственныхъ и физическихъ. Такъ, напримѣръ, когда на колесѣ позорнаго столба сѣкутъ бѣднаго Казимодо, онъ описываетъ намъ его мучителя (le tourmenteur), возбуждающаго самого себя къ жестокости, и *упивающагося казнью* (s'enivrant de l'exécution). « Второй ударъ слѣдовалъ за первымъ, потомъ третій, еще, еще, и безпрестанно; колесо не переставало вертѣться, и удары сыпаться. Скоро брызнула кровь; видѣли, какъ тысячью ниточекъ заструилась она по чернымъ плечамъ горбуна, и тоненькіе ремни плети, сильно разсѣкая въ обращеніи своемъ воздухъ, разбрасывали капли ея въ толпѣ народа »...

Въ другомъ мѣстѣ, вотъ какъ описываетъ намъ Авторъ ревнивое бѣшенство Архидіакона: « Онъ ломалъ себѣ руки, думая, что эта дѣвушка, образъ который, видѣнный имъ однимъ, во мракѣ, сосставлялъ-бы высочайшее его блаженство, была предана взорамъ всѣхъ, середи бѣла дня, въ самый полдень, одѣтая, какъ будто на сладострастную роскошь ночи... Онъ плакалъ отъ ярости, воображая, сколько нечистыхъ взоровъ воспользуются этою легко-наброшенною рубашкою, и эта пре-

Digitized by Google

лестная дѣвушка, этотъ образецъ стыдливости и нѣги, къ которому съ трепетомъ только осмѣливался онъ приближать свои уста, была превращена въ народное зрѣлище, гдѣ самое низкое народонаселеніе Парижа—воры, нищіе, слуги пришли вмѣстѣ наслаждаться удовольствіемъ безстыднымъ, нечистымъ, развратнымъ... и это *она*, *она*!... Сія неизгладимая идея безпрерывно приходила ему въ голову, пытала его, терзала мозгъ его, рвала его внутренность... Онъ не жалѣлъ, онъ не раскаявался: все, что онъ сдѣлалъ, готовъ онъ былъ сдѣлать вновь. Онъ лучше хотѣлъ видѣть ее въ рукахъ палача, нежели въ рукахъ Капитана. Но..... онъ страдалъ, страдалъ до того, что по временамъ вырывалъ изъ головы своей волосы, и смотрѣлъ: не посѣдѣли-ль они:»—Вообще въ страсти Архидіакона есть столь много натянутаго, что она не возбуждаетъ уже нашего участія. Другія лица естественнѣе, но они рѣдко возвышаются до той изящной природы, въ которой несчастія ихъ могли-бы возбудить сильное состраданіе наше. Казимодо оригиналенъ, увлекателенъ, и могъ-бы привязать насъ къ себѣ всѣхъ болѣе, еслибы Цыганка не платила за его страсть несправедливымъ равнодушіемъ.

Замѣчательно, что Авторъ, пламенный энтузіастъ Среднихъ временъ, показываетъ намъ общество сего любимаго имъ времени въ видѣ нестерпимо-печальномъ и безобразномъ. Не могу повѣрить, чтобы подобная картина была вѣрна. Наши предки были невѣжды и варвары: не сомнѣваюсь въ этомъ; но въ тоже время они были веселы и

Digitized by Google

добродушны. Доказательства находимъ въ ихъ писаніяхъ, такъ-же какъ и въ самой природѣ вещей. Не могу узнать изображенія юнаго общества, въ разсказѣ, дѣйствіе котораго походитъ на дѣйствіе продолжительнаго, тяжкаго сновидѣнія. Странное противорѣчіе нынѣшней Литтературы! Осуждаютъ нашихъ законодателей за то, что они не удаляютъ отъ глазъ народа зрѣлища наказаній, и—безпрестанно представляютъ читателямъ висѣлицы, позорные столбы, пытки. Называютъ себя религіозными, духовными, и—услаждаются безпрерывными изображеніями физическихъ страданій, унижающихъ человѣка, и дѣлающихъ его матеріяльнымъ! Неужели исключительная наклонность дарованія Г-на Гюго увлекаетъ его къ изображеніямъ ужаснаго? Нимало! Самыя замѣчательныя мѣста послѣдняго романа его, такъ, какъ и всѣхъ другихъ сочиненій, суть тѣ, гдѣ онъ обольщаетъ насъ прелестью. Мы уже говорили о трогательномъ дѣтствѣ героини романа: укажемъ еще на ту главу, гдѣ Фролло отвлекается отъ своихъ ученыхъ занятій нѣжностью къ своему брату, заступая ему мѣсто отца и матери по смерти своихъ родителей. Всего-же лучше указать читателямъ на ту прелестную главу, которою начинается второй томъ (изданія in 8), и гдѣ Авторъ описываетъ намъ Цыганку, введенную въ собраніе молодыхъ *барышенъ* (damoiselles) и гдѣ видимъ мы прекрасную Флёръ-де-Ли Гонделорье, съ женихомъ ея Фебусомъ. Во всѣхъ подробностяхъ этой сцены дышатъ прелесть, свѣжесть красокъ, тонкость замѣчаній, дѣлающихъ ее совершенствомъ изящнаго.

Digitized by Google

Для чего живописецъ, если кисть его, когда онъ захочетъ, можетъ явиться столь благородною и чистою, для чего являетъ онъ намъ очерки странные или отвратительные? Не скажемъ-ли, что по природѣ своей Г-нъ Гюго назначенъ для прекраснаго, и что онъ принуждаетъ свое дарованіе, изображая фигуры смѣшныя, безобразныя? Чѣмъ больше упорствуетъ онъ въ своей системѣ, тѣмъ больше слогъ его являетъ намъ принужденности и усилій. Въ *Ганѣ Исландскомъ*, кромѣ немногихъ мѣстъ, онъ быстръ и изященъ, силенъ и легокъ; въ *Бюгъ Жаргалѣ* многословіе, изысканность даютъ уже себя чувствовать; усиленныя въ *Послѣднемъ днѣ осужденнаго*, въ новомъ романѣ Г-на Гюго, сіи погрѣшности почти безпрерывны. Даже въ маленькихъ отрывкахъ, выше сего нами приведенныхъ, найдемъ доказательства словъ нашихъ. Но если хотѣть совершенно въ этомъ убѣдишься, то должно прочесть въ Notre-Dame de Paris описанія древнихъ Парижскихъ зданій. Здѣсь Авторъ совершенно утомляетъ насъ. Правда, что ему есть тутъ случай ко многимъ блесткамъ ученостью, но за всѣмъ тѣмъ, мы съ радостью ищемъ конца описаній. Совѣтуемъ для повѣрки сего особенно прочесть главу, названную: *Paris à vol d'oiseau.* Конечно, каждому читателю при этомъ придетъ въ голову двустишіе Буало:

Je saute vingt feuillets pour en trouver la fin,
Et je me sauve à peine au travers du jardin.

Счастливъ сочинитель, одаренный, подобно Г-ну Гюго, обильнымъ воображеніемъ, являющимъ одну и ту-же идею, подъ тысячью образовъ, всегда живописныхъ, всегда самобытныхъ! Но еще счастъ-

Digitized by Google

ливѣе писатель, у котораго осторожное перо умѣетъ остановиться на томъ только, что всего сильнѣе поражаетъ умъ читателя (*)!

(*) Эта статья писана Французскимъ литераторомъ, Г-мъ Шове (Chauvel), и помѣщена была въ Апрѣльской книжкѣ Revue encyclopédique, 1831 года: Мы назвали ее: *Сужденіе Классика о романахъ В. Гюго* — и ничего приличнѣе нельзя придумать! Это не голосъ злобнаго пристрастія, не безумный крикъ литературной черни: это сужденіе умѣренное, писанное *честно*, скромно. Но кто-же узнаетъ по этой статьѣ, что сочиненіе, о которомъ говоритъ Г-нъ Шове, что новое произведеніе В. Гюго: Notre-Dame de Paris, есть одно изъ великихъ созданій, какими можетъ гордиться современная Европейская Литература? Отъ чего происходитъ невѣрный взглядъ Г-на Шове? Отъ того, что онъ смотритъ глазами партіи — *онъ Классикъ*, и — *все сказано двумя словами*! Г-нъ Шове повторяетъ пошлые вздоры, за которые цѣпляется теперь Классицизмъ, т. е. ложныя понятія о нравственности въ Изящномъ, о цѣли изящныхъ произведеній, и проч. и проч. Зная, что *Notre-Dame* и у насъ производитъ много толковъ, и безтолковицы, мы нарочно помѣстили статью Г-на Шове въ Телеграфѣ, и потомъ помѣстимъ другую, гдѣ объяснятся его ошибки, и гдѣ постараемся мы также показать и великость новаго сочиненія В. Гюго, который послѣ него становится въ первомъ ряду современныхъ *Европейскихъ* литераторовъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

— *Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ.* Сташскаго Совѣтника, Профессора, Казанскаго Общества любителей Отечественной Словесности Предсѣдателя и Кавалера *Григорія Городчанинова.* Казань, 1831 г. въ ш. Универс., in-8, 552 стр.

Можно не соглашаться съ мнѣніемъ какого нибудь писателя, можно осуждать то или другое въ его мысляхъ и образѣ выраженія, но всегда должно уважать благонамѣренную цѣль, даже и при явныхъ ошибкахъ. Такая мысль приходила намъ въ голову, когда читали мы прозу и стихи почтеннаго Казанскаго Профессора, Г. Н. Городчанинова.

Въ изданной имъ книгѣ собраны прозаическія и стихотворныя пьесы, коими донынѣ ознаменовано было долговременное его поприще, какъ Литтератора, и какъ Профессора. Сташьи назидательнаго (почти Богословскаго) содержанія, переводы изъ Фенелона, Трюблета, оды и стихи на разные случаи, и свободныя изліянія поэтическихъ чувствъ — таково содержаніе *сочиненій и переводовъ* Г-на Городчанинова. Намъ не случалось видѣть изданныхъ

Digitized by Google

имъ прежде *Сочиненій въ стихахъ и прозѣ* (Казань, 1816 г.), и мы не знаемъ: находится-ли напечатанное въ 1816-мъ году въ нынѣшнемъ изданіи, или нынѣ напечаталъ Г-нъ Городчаниновъ только не изданныя въ 1816-мъ году свои сочиненія? Извѣстно, что кромѣ упражненія въ мѣлкихъ стихахъ и прозѣ, Г-нъ Городчаниновъ занимался и большими литтературными предпріятіями: онъ перевелъ *пять* частей Райналевой Исторіи о заведеніяхъ и торговлѣ Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ (СПб. 1799 г.), написалъ комедію: *Митрофанушка въ отставкѣ* (М. 1800 г.), и приложилъ ученыя примѣчанія къ переводу Буаловой *Науки стихотворства*, сдѣланному Графомъ Д. И. Хвостовымъ (къ 3-му изданію, СПб. 1818 г.) — шруды, коимъ всякій отдастъ должную справедливость.

Можетъ быть потому, что мы принадлежимъ къ новому поколѣнію, и мыслимъ сообразно нынѣшнему духу времени, но только читая мѣлкія сочиненія Г-на Городчанинова, мы не соглашались съ нимъ въ многомъ. Намъ кажется, скажемъ для примѣра, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ Буало, котораго — признаемся — мы безъ скуки читать не можемъ, и въ которомъ не видимъ ни единой капли Поэзіи. Намъ кажется также невѣрнымъ односторонній взглядъ Автора на *Эмиля* Руссо, и проч. и проч.

Можно поспорить съ Авторомъ и касательно слога. Представляемъ для примѣра, напечатанное имъ, на 543-й страницѣ: *Надгробіе родителю.*

Digitized by Google

Миръ праху твоему, дражайшій мой родитель,
Къ наукамъ первый ты мнѣ былъ руководитель.
Хотя званіемъ купецъ ты *Балахонскій* былъ,
Но данный мнѣ талантъ въ товарахъ не зарылъ;
И, презирая всѣхъ непросвѣщенныхъ мнѣнье,
Природы наблюдалъ одной во мнѣ влеченье;
Ты понялъ зовъ ея — и я *Профессоръ сталъ*....

Осмѣливаемся думать, что вмѣсто: *Балахонскій*, надобно-бы сказать: *Балахнинскій*; слова: *Профессоръ сталъ*, темны и некрасивы; надобно-бы сказать: *сдѣлался*, *произведенъ*, *пожалованъ*, или еще какъ нибудь иначе. Впрочемъ, такъ *намъ* кажется; мы не смѣемъ выдавать своего мнѣнія за аксіому, когда дѣло идетъ о литературныхъ трудахъ писателя столь опытнаго, какъ Г-нъ Городчаниновъ, и мы охотно соглашаемся, что во всемъ имъ писанномъ видна добрая, благонамѣренная цѣль.

— *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны.* Сочиненіе Александра Вейдемейера. *Двѣ* части. СПб. 1831 г., въ т. И. Глазунова, in-8, 11, 140, IV, 111, 165, и 11 стр., съ табличкою.

Кто-бы ни былъ преемникомъ Великаго Петра, всякій показался-бы малъ, въ сравненіи съ этимъ исполиномъ воли и ума. Но кромѣ того, природа какъ будто отдыхаетъ, произведя человѣка геніяльнаго, сильной души: не только не бываетъ нико-

Digitized by Google

гда *наслѣдника* генію, но, весьма часто, посредственное надолго остается удѣломъ той страны, гдѣ пролетѣлъ въ безсмертномъ полетѣ своемъ геній. Это самое видимъ въ Исторіи Отечества нашего, когда скончался Петръ Великій. Послѣ сорокалѣтняго царствованія, въ теченіе коего вся физическая и умственная дѣятельность Россіи, волею генія, была въ сильнѣйшемъ напряженіи — сорокъ лѣтъ, до Императрицы Екатерины II-й, Россія жила только дарованною ей Петромъ жизнію. Это составило отдѣльный, полный *періодъ* нашей Исторіи; онъ кончился 1762-мъ годомъ.

Человѣчество шло своимъ чередомъ съ 1725-го по 1762-й годъ. Жизнь Россіи была въ сіе время *отрицательная*, но она слѣдовала неизмѣнному ходу Человѣчества: Россія жила и двигалась впередъ. Историкъ найдетъ краски для картины сего періода въ соперничествѣ двухъ державныхъ поколѣній: Іоанна и Петра; въ усиліяхъ аристократовъ, отдохнувшихъ послѣ грозной силы Великаго, и думавшихъ о временахъ Годунова и Семибоярщины; въ кровавой враждѣ придворныхъ партій; въ уклоненіи отъ образованія, какое хотѣлъ дать Россіи Петръ; въ политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ; въ изображеніи нравственныхъ измѣненій духа народнаго, касательно образа жизни, нравовъ, обычаевъ, самой религіи. Лица, достойныя широкой кисти, видны на сценѣ Исторіи: Меньщиковы, Долгорукіе, Минихи, Бироны, Остерманы, Голицыны, Бестужевы, Ѳеофаны, Разумовскіе, Ломоносовы.

Digitized by Google

Ничего этого не могъ представить Г-нъ Вейдемейеръ, въ своемъ *Обзорѣ*. Кромѣ того, что онъ не продолжилъ его до Екатерины II-й, а заключилъ 1741-мъ годомъ, слѣдовательно, оставилъ далеко неконченнымъ, кажется, онъ и не имѣлъ въ виду ничего полнаго, не смотрѣлъ, и не хотѣлъ смотрѣть ни на что философически. Г-нъ Вейдемейеръ составилъ погодную записку о главнѣйшихъ происшествіяхъ, съ 1725-го по 1741-й годъ. Новаго штъ мы почти ничего не нашли. Это сухая выписка изъ Миниха, Манштейна, газетъ, реляцій, Чулкова, Болтина, и т. п. — Говорятъ, что подобныя книги *полезны для справокъ*. Положимъ и такъ, но за то онѣ недостаточны, и лишены жизни, какую видимъ въ матеріялахъ, изъ коихъ оныя составляются, лишены и тѣхъ удобствъ, какія находитъ наблюдатель въ общности матеріяловъ. Возьмите, напримѣръ, *Записки Манштейна*: сколько поводовъ къ узнанію истины найдется въ характеристикѣ людей, имъ изображенныхъ, анекдотахъ, рѣчахъ, описаніяхъ нравовъ, обычаевъ. Читайте также оффиціяльные акты о Волынскомъ, Графѣ Бестужевѣ, Мировичѣ, и — истина Исторіи ярко освѣтитъ взоръ вашъ, изъ сихъ актовъ. — Можемъ-ли все это извлечь изъ лѣтописи, или погодной записки Г-на Вейдемейера? Нѣтъ! потому, что его *Анналы* писаны не Историческимъ перомъ, и не въ Историческомъ онѣ духѣ!

— *Сказанія современниковъ* о Димитріи Самозванцѣ. Часть I. *Берова лѣтопись Московская* (переводъ Николая Устрялова). СПб. 1831 г., въ 8.

Digitized by Google

Росс. Академіи, in-8, XVIII и 297 стр., съ портретомъ Димитрія Самозванца, и снимкомъ его почерка.

Мы ссылаемся на статью нашу о *Маржеретѣ*, изданномъ Г-мъ Устряловымъ въ 1830-мъ году (Тел. XXXV, стр. 258), какъ на доказательство, съ какимъ благодарнымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на трудъ сего почтеннаго соотечественника нашего. Мы съ своей стороны изъявили тогда робкое желаніе: видѣть изданныхъ имъ, съ такимъ-же тщаніемъ, Бера и Паерле (ibidem, 266). Слава Богу! лестный пріемъ публики оправдалъ наше мнѣніе о трудѣ Г-на Устрялова, и далъ ему средства осуществить желаніе, изъявленное нами, конечно, вмѣстѣ со всѣми просвѣщенными нашими соотечественниками.

Г-нъ Устряловъ рѣшился напечатать вновь Маржереша (ибо 1-е изданіе все уже раскуплено), и съ нимъ вмѣстѣ перевесть и напечатать и Бера и Паерле. Это составитъ три тома *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*.

Опять, какъ истинно-просвѣщенный литераторъ, превосходно исполняетъ свое предпріятіе Г-нъ Устряловъ. Читатели, уже знакомые нѣсколько съ новымъ трудомъ Г-на Устрялова изъ отрывковъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества и Моск. Телеграфѣ (№ 20-й, 1831 г.), вѣроятно, поспѣшатъ вполнѣ съ нимъ познакомиться, и мы смѣемъ увѣрить, что вполнѣ удовлетворится ихъ ожиданіе. Послѣ *вступленія*, гдѣ слышимъ скромный голосъ безпристрастія и ума, Переводчикъ излагаетъ

Digitized by Google

жизнь Бера. Сей замѣчательный человѣкъ былъ Лютеранскимъ Пасторомъ въ Москвѣ, съ 1600 года; бывъ другомъ Басманова, онъ находился въ милости и у Самозванца; говорилъ даже проповѣди въ Кремлѣ, въ присутствіи Марины Мнишекъ и свиты ея, и потому, почелъ онъ благоразумнѣйшимъ скрыться изъ Москвы при Шуйскомъ. Чуть было не погубилъ его второй Самозванецъ, *Тушинскій Царикъ*. Марина упросила злодѣя пощадить бѣднаго Пастора. Беръ возвратился въ Москву уже послѣ избранія Владислава, и въ 1612-мъ году, когда Мининъ и Пожарскій осадили Москву, Беръ рѣшился бѣжать изъ Россіи въ Лифляндію. Тамъ описалъ онъ все видѣнное имъ самимъ, и слышанное отъ другихъ, о событіяхъ послѣ смерти Іоанна IV-го до 1612 года (Chronicon Muscoviticum). Олеарій встрѣтилъ Бера въ Нарвѣ, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. *Гдѣ* и *когда* умеръ лѣтописатель Московскій, не знаемъ. Но лѣтопись его донынѣ не была издана, и оставалась въ рукописи. Петрей, Шведскій Посланникъ, жившій въ Москвѣ, при Годуновѣ, Самозванцѣ и Шуйскомъ, четыре года, выбралъ изъ Герберштейна, Гваньини, и другихъ, свою извѣстную: Muszkowitische Chroniса, напечатанную въ 1619 г. на Шведскомъ, а въ 1620 году на Нѣмецкомъ языкѣ. Берову лѣтопись вписалъ Петрей въ свою книгу почти вполнѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями. — Г-ну Устрялову предстоялъ тяжелый трудъ: переводить Бера съ старинnаго, Нѣмецкаго языка, неправильнаго, и, по тогдашней модѣ, перемѣшаннаго съ грубою Латынью. Удачно преодолѣвъ сію трудность, Г-нъ Устряловъ оказалъ еще

Digitized by Google

и шу важную услугу читателямъ, что сличилъ все измѣненное, прибавленное, или не такъ разсказанное Петреемъ, и помѣстилъ сіи варіянты въ примѣчаніяхъ къ Беру. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь на Русскомъ языкѣ, не только малоизвѣстную рукопись Бера, но и книгу Петрея. Г-нъ Устряловъ передавалъ подлинникъ *ни выпуская ни одного слова.* Точность, тщательность его въ семъ случаѣ удивительны. Читатель слышитъ разсказъ самовидца вполнѣ, видитъ всѣ волновавшія его страсти, ошибки, мнѣнія, смотритъ на предметы его глазами. Надобно-ли говорить о пользѣ и любопытности подобныхъ книгъ? Должно-ли доказывать, что онѣ именно *такимъ образомъ* должны быть издаваемы?

Историческій интересъ въ сторону. Мы обратимся къ тому, что выше сего говорили мы, извѣщая о сочиненіи Г-на Вейдемейера. Хотите-ли понять всю разницу разцвѣченнаго Риторикою разсказа Карамзина, или тусклаго свѣта, въ которомъ ошибочный патріотизмъ и путаница романическихъ идей представляли намъ событія Междуцарствія, въ разсказахъ нашихъ Историческихъ Романистовъ? Читайте Маржерета и Бера, и сличите потомъ описанія Карамзина и повѣствованія Г-дъ Булгарина и Загоскина. Не говоримъ, кто правѣе: пристрастные-ли самовидцы, или также пристрастные, только въ другомъ отношеніи, наши историки и романисты — указываемъ только на *разницу разсказовъ.* У Бера кипитъ жизнь, сверкаетъ истина, читатель живетъ, кажется, съ дѣйствующими лицами; у Карамзина, Булгарина, Загоскина—

Digitized by Google

видны люди на ходуляхъ, разряженные, изображающіе собою рядъ отвлеченныхъ, невѣрныхъ идей и поршрешовъ. Мы посовѣтуемъ нашимъ романистамъ прочитать, что говоритъ Г-нъ Устряловъ на V-й страницѣ Предисловія, а поклонникамъ Карамзина слова его на VII-й страницѣ.

Книга Г-на Устрялова удовлетворитъ и любителей хорошихъ изданій: она напечатана не только опрятно, но даже роскошно, не смотря на дешевую цѣну, по которой продается (*). Портретъ Самозванца превосходно выгравированъ Г-мъ Ушкинымъ. Съ удовольствіемъ ожидаемъ появленія 2-й части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, ибо надѣемся, что и она такъ-же хорошо и тщательно будетъ издана, какъ 1-я часть.

— *Исторія Княжества Псковскаго.* Съ присовокупленіемъ плана города Пскова. Ч. I и II-я. Кіевъ. 1831 г. въ т. Кіево-Печерской Лавры, in-8, 321 и 143 стр.

Говоря объ Исторіяхъ *отдѣльныхъ*, или *частныхъ*, входящихъ въ общія Исторіи государствъ и народовъ, мы излагали уже мнѣніе наше о томъ, какія частныя Исторіи, и какимъ образомъ могутъ быть писаны (см. статью объ *Исторіи Малороссіи*, Д. Н. Баншышъ-Каменскаго, Тел. 1830 г. т. XXXV, стр. 74—76).

Не знаемъ, раздѣляетъ-ли почтенный Авторъ

(*) Въ Спб. 20 рублей на Любской, 25 р. на веленевой бумагѣ.

Digitized by Google

Исторіи Княжества Псковскаго наше мнѣніе; но, по крайней мѣрѣ, онъ убѣждался, кажется, что Псковъ не можетъ быть *самобытно разсматриваемъ въ Исторіи*. По крайней мѣрѣ, Авторъ, подъ именемъ *Исторіи Пскова*, представляетъ намъ только *Историческо-Статистическіе матеріялы*, для изложенія событій въ Псковѣ и его окрестностяхъ. Въ *первой* изъ двухъ вышедшихъ частей книги, помѣщено 20 статей, относящихся къ Исторіи и Статистикѣ древняго и новаго Пскова (съ десятью приложеніями, касательно событій въ Псковѣ, въ 1812 году). Во *второй* части находятся росписи Псковскихъ Князей, Намѣстниковъ, Посадниковъ, Губернаторовъ, и проч. съ прибавленіемъ 75 древнихъ грамотъ и актовъ. — Въ *третьей* части будетъ Исторія Псковской Іерархіи; въ *четвертой* погодная лѣтопись Пскова. Вѣроятно, Авторъ включитъ сюда все, что не могло войдти въ 1-ю часть его книги, и воспользуется любопытною Псковскою лѣтописью, донынѣ не изданною, и извѣстною намъ только по выпискамъ Карамзина (*).

Имѣя цѣлью единственно приведеніе въ система-

(*) Мы слышали, что Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, начинающее новую жизнь подъ предсѣдательствомъ почтеннаго Археографа нашего, А. Ѳ. Малиновскаго, предполагаетъ приступить къ изданію Псковской лѣтописи. Желаемъ, чтобы предпріятіе, столь полезное, было приведено въ исполненіе.

Digitized by Google

тическій порядокъ собранныхъ имъ матеріяловъ, почтенный Авторъ не входилъвъ критическія изслѣдованія. Онъ означаетъ *откуда* что почерпнуто имъ: *иже чтетъ, да разумѣетъ*. Не можемъ не изъявить почтенному Автору признательности, за множество новыхъ подробностей, имъ представляемыхъ.

— *Начертаніе житія Московскаго Митрополита Платона*. Другое изданіе, вновь напечатанное И. С. — Часть II. М. 1831 г. въ т. С. Селивановскаго, in-8, 122 и IV стр.

Съ такимъ-же любопытствомъ, какъ *первую*, прочитали мы и сію, *вторую* часть труда И. М. Снегирева. Особенно занимательнымъ въ ней показалось намъ: изображеніе мнѣній Митрополита Платона о политическихъ событіяхъ въ Европѣ и Россіи, съ 1806-го года, по самую его кончину. Здѣсь замѣтимъ мы только, что почтенный Авторъ напрасно отъ себя говоритъ, будто Наполеонъ былъ «первымъ орудіемъ въ Ареопагѣ нечестивыхъ (?); въ Египтѣ, передъ Мамелюками, являлся посланникомъ Божіимъ, а въ Сиріи, передъ Жидами, обѣщаннымъ Мессіею» (стр. 31). — «Въ Россіи, между народомъ онъ слылъ Антихристомъ» — прибавляетъ Авторъ. Послѣднее правда, а все первое кажется — неправда. Желаемъ знать: чѣмъ докажетъ Авторъ слова свои, если у него потребуютъ доказательствъ въ его обвиненіяхъ на Наполеона? Писавши *Исторію*, не льзя ссылаться на аффишки и извѣстія, которыя издавались нѣкогда не съ *Историческою* цѣлью, и были хороши по особенной

Digitized by Google

цѣли и по времени изданія. Почитаемъ весьма любопытнымъ въ книгѣ Г-на Снегирева описаніе послѣднихъ лѣтъ и кончины Платона, особенно-же характеристику его (стр. 62, и слѣд.). — Напрошивъ, не льзя назвать удовлетворительнымъ взглядъ Сочинителя на Платона, какъ на *писателя*: это собственно только *исчисленіе сочиненій Платона*, но и въ семъ отношеніи недостаетъ ему библіографическихъ подробностей. Судя по остроумнымъ сближеніямъ на стр. 96 и 97-й, видимъ, что Г-нъ Снегиревъ *могъ*-бы хорошо и безпристрастно отдѣлать сію часть своего сочиненія, но—не *хотѣлъ*.

— *Исторія Пруссіи* до Фридриха Великаго. Соч. Камилла Паганеля. Переводъ съ Французскаго. Спб. 1831 г. въ т. Х. Гинце, in-8, 176 стр.

Французскій подлинникъ сей книги (Histoire de Frédéric-le-Grand) изданъ въ Парижѣ, въ 1830 году (2 т. in-8). То, что является теперь на Русскомъ языкѣ, составляетъ *введеніе* (introduction) подлинника.

Паганель принадлежитъ къ числу современныхъ *второклассныхъ* литтераторовъ Французскихъ. Нынѣ, когда по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній дѣятельно подвизаются Французы, за Историками высшей степени — Бараншомъ, А. Тьерри, Минье, Гизо, явилось множество низшихъ, хотя и замѣчательныхъ дарованій. Одни, какъ то: Гиньо, Сюккау, передаютъ великія творенія иностранныя своимъ соотечественникамъ; другіе испытываютъ силы въ собственныхъ созданіяхъ, не первостепенныхъ, но имѣющихъ большія достоинства

Digitized by Google

(таковы сочиненія Сегюра, Биньона, Тьерса), или показываютъ разные предметы съ новыхъ сторонъ (таковы сочиненія Деппинга, Пишо, Капфига, Сальванди). Къ сему разряду писателей принадлежитъ и *Паганель*.

Не ищите въ немъ строгой системы, глубокихъ мыслей, обширнаго познанія источниковъ. Смотрите на его книгу, какъ на сочиненіе второстепенное, но хорошо изложенное, занимательное въ чтеніи.

Къ сожалѣнію, Русскій Переводчикъ взялъ самую слабую часть Паганелева сочиненія. Его introduction есть довольно не складная компиляція, гдѣ Автору, очень не кстати, захотѣлось блеснуть *эрудиціею*. Онъ начинаетъ Тацитомъ и древними Германцами, оканчиваетъ пустыми анекдотами о Дворѣ Фридриха I-го, помѣщаетъ множество мѣлочей не нужныхъ, и почти ничего не говоритъ о дѣлѣ. Источники, коими онъ пользовался, даже жалки. Для Исторіи Ганзейскаго союза, напримѣръ, онъ бралъ матеріялы изъ Кранція, Берція, Малтебрёна, Понтана, а Сарторія не зналъ вовсе.

— *Исторія Англіи*, разсказанная дѣтямъ. Пер. съ Французскаго. Спб. 1831 г. въ т. И. Глазунова, in-12, V и 169 стр.

Это собственно не Исторія, а избранныя мѣста изъ Англійской Исторіи, отъ Вильгельма Завоевателя до Іакова II-го. Слогъ ихъ легокъ, простъ, и приноровленъ къ понятіямъ дѣтей, такъ, что

Digitized by Google

дѣти могутъ читать ихъ, вмѣсто занимательныхъ сказочекъ.

— *Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина*, изданныя А. П. Спб. 1831 г. въ т. Плюшара, in-12, XVII и 187 стр.

Вотъ также пять маленькихъ *сказочекъ*, которыя напечаталъ Г-нъ А. П., почитая ихъ *занимательными*, вѣроятно, не для дѣтей, а для взрослыхъ.

Помнится, въ Сѣверной Пчелѣ, было сказано нѣсколько словъ о забавномъ подражаніи нашихъ литтераторовъ нынѣшней модѣ Французской и Англійской. Во Франціи и Англіи выдаютъ нынѣ книги, на половину, безъ подписи именъ, или съ подложными именами сочинителей. И у насъ стали дѣлать тоже: являются безпрестанно *анонимы* и *псевдонимы*. Но что у Англичанъ и Французовъ происходитъ отъ избытка силы, то у насъ пустое обезьянство. Многіе сочинители наши могутъ подписывать и не подписывать имена свои, и все таки останутся — anonymes dans les deux cas (по выраженію А. де-Виньи). Этотъ *И. П. Бѣлкинъ*, этотъ Издатель сочиненій его, который подписывается буквами: А. П., и о которомъ въ объявленіи книгопродавцевъ говорятъ, какъ о *славномъ нашемъ поэтѣ*, не походятъ-ли они на дитя, закрывшее лицо руками, и думающее, что его не увидятъ?

Впрочемъ, буквы: А. П., были необходимы въ другомъ отношеніи: безъ этого никто и не замѣтилъ-бы *Повѣстей Бѣлкина*. Теперь, по крайней мѣрѣ, ихъ прочитали.

Digitized by Google

Кажется, Сочинителю хотѣлось испытать: можно-ли увлечь вниманіе читателя разсказами, въ которыхъ не было-бы никакихъ фигурныхъ украшеній ни въ подробностяхъ разсказа, ни въ слогѣ, и никакого романизма въ содержаніи (принимаемъ здѣсь слово *романизмъ*, какъ *умозвитіе*, въ чемъ, по увѣренію нашихъ риторовъ, заключается сущность романа).

Дарованія В. Ирвинга, въ наше время, кажется, рѣшили уже этотъ вопросъ. Но зналъ-ли Г-нъ Бѣлкинъ, что это верхъ силы дарованія огромнаго? Эта мнимая простота показываетъ Геркулеса, безъ всякаго усилія, шутя, ломающаго огромныя деревья.

Возьмите какую нибудь В. Ирвингову повѣсть. Педантъ, школьный учитель, влюбился въ дѣвушку; любовникъ красавицы пугаетъ педанта мертвецами, и заставляетъ бѣжать. Англичанинъ, съѣхавшись въ дорогѣ съ молодою Венеціянкою, спасаетъ ее отъ разбойниковъ. Вотъ содержаніе двухъ повѣстей. Что можетъ быть этого проще? Въ разсказѣ той и другой повѣсти, нѣтъ ни риторическихъ фигуръ, ни нечаянностей, ни блесткъ. Но въ этомъ-то отсутствіи шумихи содержанія и слога, заключается высокое искуство. Всего болѣе показалъ сію степень, если можно такъ сказать — *безыскуственнаго искуства*, В. Ирвингъ въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ вовсе нѣтъ у него никакой завязки. Читайте его: *Растерзанное сердце*, свиданіе съ В. Скоттомъ, воронъ и воронъ — неподражаемо! И. П. Бѣлкину явно хотѣлось попасть

Digitized by Google

въ колею В. Ирвинга. Но какъ *Евгеній Онѣгинъ* далекъ отъ *Донъ Жуана*, такъ *Повѣсти Бѣлкина* далеки отъ созданій В. Ирвинга.

Лучшею изъ всѣхъ *Повѣстей Бѣлкина* намъ показалась — *Станціонный Смотритель*. Въ ней есть нѣсколько мѣстъ, показывающихъ знаніе человѣческаго сердца. Забавна и шутка, названная: *Гробовщикъ*. За то въ повѣстяхъ: *Выстрѣлъ*, *Метель* и *Барышня-крестьянка*, нѣтъ даже никакой вѣроятности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, запятнушые въ корсетѣ простоты, безъ всякаго милосердія.

— *Исторія государства Россійскаго*. Соч. Н. М. Карамзина. Изданіе третіе, иждивеніемъ книгопродавца Смирдина. *Двѣнадцать томовъ*. Спб. 1830—1831 гг., въ т. А. Смирдина и Плюшара, in-12, XXXVI, 297 и 156, 367 и 120, 329 и 79, 346 и 83, 473 и 73, 433 и 74, съ таблицами и каршою.

— *Сочиненія Державина* (изданіе книгопродавца А. Смирдина). *Четыре части*. Спб. 1831 г. въ т. А. Смирдина, in-8, VIII, 342, 362, 230 и 308 стр. съ 4-мя заглавными грав. листками, портретомъ и снимкомъ почерка Державина.

Говорить о *Карамзинѣ* и *Державинѣ* надобно подробно и много, или ничего не говорить. Всегда будутъ они занимать высокое мѣсто въ Русской Литтературѣ — и кто этого не знаетъ? Но, *опредѣлить* это мѣсто — вотъ дѣло довольно трудное! Наше мнѣніе о важнѣйшемъ трудѣ Карамзина — *Исторіи государства Россійскаго*, уже извѣстно публикѣ. Предоставляемъ времени рѣшить вопросъ о томъ, кто правъ: безотчетные-ли поклонники Ка-

Digitized by Google

рамзина, или безпристрастные цѣнители его дарованій (къ числу коихъ мы причисляемъ себя)? — Сказать мнѣніе наше о *Державинѣ*, мы оставляемъ себѣ наслажденіе въ будущее время, и порадуемся, если кто нибудь предупредитъ насъ, предложивъ объ этомъ *неоцѣненномъ* у насъ геніи разборъ безпристрастный (*).

Мы соединили извѣстіе о новыхъ изданіяхъ *Исторіи* Карамзина и *Сочиненій* Державина, не для того, чтобы уравнять ихъ: это была-бы сущая несправедливость! Нѣтъ — мы хотимъ только поблагодарить отъ лица читателей почтеннаго книгопродавца А. Ф. Смирдина, равно за обѣ книги.

Дѣйствуя, какъ ловкій, умный производитель, А. Ф. Смирдинъ заслуживаетъ благодарность публики за всѣ свои предпріятія. Онъ первый принялъ систему: издавать хорошо, заслуживающія особенное вниманіе книги, и продавать ихъ дешево. *Басни Крылова*, *Донъ Кихотъ*, *Баллады Жуковскаго*, *Сочиненія Державина*, *Исторія государства Россійскаго*, имъ изданныя, именно шаковы.

За 30 рублей, читатели могутъ теперь имѣть *Исторію* Карамзина, за 4 рубля *Басни Крылова*, за 25 рублей *Сочиненія Державина*, все это напеча-

---

(*) До тѣхъ поръ Русскіе читатели могутъ довольствоваться сужденіемъ Князя П. А. Вяземскаго, который, въ Предисловіи къ новому изданію *Сочиненій Державина*, названъ: «однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, и *тонкимъ цѣнителемъ* твореній Державина.»

Digitized by Google

шанное на хорошей бумагѣ, красиво, четко. Прежнія изданія Исторіи Г. Р. продавались по 100 слишкомъ рублей; Сочиненій Державина въ послѣднее время не льзя было купить дешевле 100 рублей. Г-нъ Смирдинъ не жалѣлъ издержекъ, и публика умѣетъ, кажется, цѣнить его предпріятія.

Изданія обѣихъ книгъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, не имѣютъ *ученаго* достоинства: это изданія для *простаго чтенія*. Въ *Исторіи Госуд. Россійскаго* выкинуто множество приложеній и примѣчаній, хотя текстъ оставленъ вполнѣ. При *Сочиненіяхъ Державина* нѣтъ ни варіянтовъ, ни жизнеописанія, ни замѣчаній удовлетворительныхъ. Для всего этого настанетъ свое время. Мы осмѣливаемся думать, что нынѣ это было-бы не *по плечу* большинству голосовъ читающей нашей публики. А его собственно имѣлъ въ виду Л. Ф. Смирдинъ.

Все, что заключали въ себѣ *пять* томовъ Сочиненій Державина, изданные въ 1808-мъ и 1816-мъ году, соединено въ *четырехъ* новаго изданія. И много пьесъ, сверхъ того, присоединено, послѣ кончины поэта являвшихся въ Альманахахъ. Жаль, что не помѣщена трагедія Державина: *Иродъ* и *Маріамма* (изд. въ Спб. 1809 г.), и выброшено его посвященіе Екатеринѣ II-й. Послѣдняго особенно жаль: это одно изъ превосходныхъ стихотвореній великаго нашего поэта. Трагедію-же надобно было помѣстить для того, чтобы составить совершенно *полныя* творенія генія безсмертнаго.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ

по Южному, Австральному Океану, и вокругъ свѣта, Капитана Коцебу и Капитана Бичея.

(Окончаніе)

Послѣ Ошаити, и Коцебу и Бичей посѣтили Сандвичевы острова. И здѣсь обитатели покорены религіи, которой они не понимаютъ, и политическимъ установленіямъ, которыхъ не могутъ разумѣть, по степени своего образованія. Но земля, менѣе изобильная, природа, болѣе скупая, нежели въ Ошаити, заставляютъ ихъ быть мужественнѣе, дѣятельнѣе, умнѣе. Они не могутъ, подобно Ошаитянамъ, довольствоваться только подбираньемъ плодовъ, сыплющихся съ деревъ: земля ихъ обнажена и дика; надобно работать, чтобы извлечь изъ нея способы существованія.

Коцебу находился въ пристани острова Воагоа, прекраснѣйшаго изъ Сандвичевыхъ, когда привезли туда изъ Англіи, на кораблѣ Блондѣ, останки Тамагамага, бывшаго Короля тамошняго. Скорбь подданныхъ его была непритворная и всеобщая. Благодѣтельное правленіе покойнаго Короля, необыкновенные, благоразумно направляемые успѣхи образованія народнаго, показывали причины народной печали. Онѣ еще болѣе умножались отъ пере-

Digitized by Google

мѣны, какую увидѣли островитяне въ правительствѣ, съ самаго отъѣзда Королевскаго. Слѣпая ревность миссіонеровъ послѣ него и здѣсь начала управлять такъ-же безразсудно, какъ въ Отаити. Двѣ вдовы Короля сдѣлались нынѣ слѣпымъ орудіемъ миссіонеровъ. Одна изъ нихъ, Кагуманна, болѣе всего вмѣшивается въ дѣла государственныя и духовныя. Фанатикъ Беумъ (Beugham) управляетъ ею, какъ нѣкогда управляли Европейскими государями ихъ суевѣрные духовники. Такъ, напримѣръ, въ Воскресенье запрещалъ онъ даже зажигать огонь и варить пищу, не только чѣмъ нибудь заниматься. Увеселенія вообще изгнаны. Изъ отдаленныхъ мѣстъ сгоняютъ народъ въ столицу, и стараются научить его читать духовныя книги, которыхъ Сандвичане не понимаютъ. Все это дѣлаетъ большой вредъ истинамъ Христіанской вѣры. Народъ негодуетъ, приписываетъ всякое зло миссіонерамъ, и легко можетъ быть, что при малѣйшемъ поводѣ, или случаѣ, Сандвичане обратятся къ прежнему идолопоклонству, ибо никто не старается изъяснять имъ великихъ истинъ и благодѣяній Христіанства, но все ограничивается строгимъ, суевѣрнымъ исполненіемъ обрядовъ церковныхъ.

Номаганна, другая вдова Тамагамага, женщина толщины уродливой; она страстная покровительница наукъ и знаній. Литература, то есть: *умѣнье читать и писать*, объявлено отъ нея необходимымъ условіемъ для всякаго, желающаго имѣть должность при ея Дворѣ. Самыхъ дряхлыхъ стариковъ гоняетъ она въ училище. « Я Христіанинъ, и

Digitized by Google

умѣю читашь и писашь,» сказалъ Г-ну Коцебу старшій Министръ Королевы, при первомъ свиданіи съ нимъ. Кромѣ читанья и писанья, упражненіе Королевы и придворныхъ составляютъ молитвы. Сама Номаганна ежедневно два раза посѣщаетъ церковь; она ѣздитъ шуда въ шлежкѣ о четырехъ колесахъ, и всю шлежку занимаетъ своимъ огромнымъ величествомъ. Выписываемъ изъ пушешествія Г-на Коцебу описаніе посѣщенія его Королевѣ (томъ II, стр. 205–209). Тушъ есшь много любопышнаго, а еще болѣе смѣшнаго.

«Дворецъ Номаганны находишся недалеко ошъ крѣпосши, на берегу моря. Это красивый, деревянный домикъ, въ два эшажа, посшроенный въ Европейскомъ вкусѣ, съ большими окошками, и съ балкономъ, опряшно раскрашеннымъ. Насъ всшрѣшилъ на лѣсшницѣ Чинау, губернашоръ Воаѓоаскій. Онъ едва могъ ходишь: шакъ узки были его башмаки; краснаго камзола, совсѣмъ не по немъ сшишаго, онъ не могъ засшегнушь ни на одну пуговицу. Губернашоръ ласково привѣшсшвовалъ меня, нѣсколько разъ повшоривъ: *arohas*, и повелъ во вшорой эшажъ, весьма красиво убранный. Ошъ самаго низа лѣсшницы до покоевъ Королевы, сидѣли дѣши, взрослые, даже сшарики и сшарухи; подъ особеннымъ надзоромъ Королевы, весь эшошъ народъ чишалъ свои азбуки, и писалъ на аспидныхъ дощечкахъ. Самъ Губернашоръ всшрѣшилъ насъ съ книгою въ лѣвой рукѣ; въ правой рукѣ была у него косшяная указка, посредсшвомъ кошорой разбиралъ онъ буквы и склады. Сшарухи и сшарики находи-

Digitized by Google

лись шутъ, кажется, болѣе для примѣра, нежели для настоящаго ученія. Большая часть изъ нихъ, показывая видъ чрезвычайнаго прилежанія и усердія, держали азбуки свои вверхъ ногами. — Зрѣлище всѣхъ этихъ учениковъ и учениць, разнаго возраста, въ ихъ странномъ полу-нарядѣ Европейскомъ, почти заставило меня отказаться отъ важнаго вида, какой принялъ было я, и хотѣлъ поддержать во время представленія Королевѣ. Едва могъ я удерживаться отъ смѣха, когда растворились двери въ комнату Королевы, и я введенъ былъ, какъ начальникъ Русскаго корабля. Комната Королевина убрана на Европейскій манеръ: въ ней находятся стулья, столы и зеркала. Одна стѣна ея занята кроватью, безмѣрной ширины, съ шелковыми занавѣсами. По срединѣ комнаты, на полу, покрытомъ тоненькими, красивыми рогожками, находилась сама Номаганна: она лежала на брюхѣ, оборотя голову къ дверямъ, и опершись локтями на шелковую подушку. Двѣ молодыя, легко одѣтыя дѣвушки, сидѣли по сторонамъ, согнувъ ноги подъ себя, и сгоняли съ Королевы мухъ, вѣничками, сдѣланными изъ перьевъ. Номаганна, женщина, по видимому, не старѣе 40 лѣтъ, ростомъ 6 футовъ, 2 дюймовъ, и — болѣе 7 футовъ, 6 дюймовъ въ окружности. На ней было платье шелковое, голубаго цвѣта, сшитое по старой модѣ; черные, какъ смоль, волосы ея, были весьма опрятно заплетены на верхушкѣ головы, круглой, какъ шаръ; сплющенный носъ, толстыя, впередъ выдавшіяся губы, не дѣлали ее красивою женщиною, но вообще физіогномія Королевы неотвратительна, и даже пріятна. Увидѣвъ меня, она от-

Digitized by Google

ложила Псалтирь, которую разбирала по складамъ, и, съ помощію окружавшихъ ее, сѣла на своей рогожкѣ. Съ дружескимъ видомъ протянула она послѣ сего руку, многократно говоря мнѣ: *arohas*, *arohas*. Тутъ подали стулъ, и я сѣлъ подлѣ Королевы. Память ея оказалась лучше моей: Королева припомнила, что я находился въ числѣ Русскихъ офицеровъ, посѣщавшихъ нѣкогда покойнаго мужа ея, на островѣ Оваги. Тогда представляли насъ и Королевамъ. Но съ тѣхъ поръ, Номаганна растолстѣла, до такой степени, что я никакъ не могъ-бы узнать ея. Она знала, что я весьма уважалъ почтеннаго Тамагамага; присутствіе мое столь живо напомнило ей покойнаго Короля, что она не могла удержаться отъ слезъ. «Народъ потерялъ въ немъ благодѣтеля и отца!» — сказала Номаганна. — «Какая судьба ожидаетъ отнынѣ сіи острова? Только Богъ Христіанскій единый знаетъ это!»

«Королева сказала мнѣ потомъ, что она Христіанка, и приняла Христіанскую вѣру потому, что миссіонеръ Беумъ, отлично хорошо умѣющій читать и писать, увѣрилъ ее, будто Христіанская вѣра есть лучшая. Впрочемъ, она и сама замѣтила, что Американцы и Европейцы, во всемъ превосходящіе Сандвичанъ, суть всѣ Христіане. Изъ этого заключала она, что вѣра Христіанская должна быть лучше всѣхъ. «Впрочемъ,» сказала Королева, «еслибы Христіанская вѣра не годилась для нашего народа, мы перемѣнили-бы ее.»

При второмъ посѣщеніи, Г-нъ Коцебу засталъ Королеву за обѣдомъ. Она лежала, съ огромнымъ

Digitized by Google

брюхомъ своимъ, на полу, на шонепькихъ рогожкахъ; фарфоровыя блюда, съ кушаньями, разставлены были вокругъ нея. Присутствовавшіе подносили ей блюды, одно за другимъ, и она глошала кушанья съ удивительною прожорливостью, между тѣмъ, какъ нѣсколько мальчиковъ сгоняли съ нея мухъ, перяными вѣничками. Количество кушанья, употребленное Королевою, превосходило всякое вѣроятіе: шестеро Рускихъ, по словамъ Г-на Коцебу, могли-бъ бышь тѣмъ сыты, что Королева съѣла въ его присутствіи. Когда она почувствовала, что наѣлась уже порядочно, то вздохнула раза два, или три, съ примѣрнымъ трудомъ, и сказала; « *Ну! я славно покушала!* » Тушъ, по данному знаку, перевернули ее на спину, и начался довольно странный обрядъ, вовсе неизвѣстный въ Европѣ. Особенный придворный бросился на Королеву, и руками и колѣнами началъ мять ей живошъ, точно шакъ, какъ мнушъ тѣсто: это помогало пищеваренію Королевы, и она терпѣливо выносила тяжелое лекарство. Отдохнувъ послѣ того немного, Королева снова перевернуша была на брюхо, и начала опяшь ѣсшь, какъ будто до тѣхъ поръ ничего не ѣла.

Одинъ изъ спушниковъ Г-на Коцебу списалъ портретъ Королевы. Народъ, тѣснившійся въ это время около рисовальщика, принималъ живое участіе въ его рабошѣ. « Теперь Номаганна можешъ видѣшь! » восклицали зрѣшели, когда нарисованы были глаза. «Теперь Номаганна можешъ обоняшь!»— когда написанъ былъ носъ, и шакъ далѣе.

Послѣ Сандвичевыхъ остроповъ, повѣствованіе Г-на Коцебу не предсшавляешъ ничего, особенно

Digitized by Google

замѣчательнаго. Что касается до Бичея, то его можно укорить только въ томъ: почему мало углублялся онъ въ изслѣдованія явленій природы, имъ замѣченныхъ? Впрочемъ, статьи Профессора Букланда, объ ископаемыхъ остаткахъ животныхъ, принадлежащихъ жаркимъ климатамъ, и находимыхъ въ глубокомъ Сѣверѣ, весьма любопытны и важны для наукъ. Онѣ присовокуплены отдѣльно къ путешествію Бичея. Такими-же, для Исторіи Художествъ, почитаемъ мы описанія гравировки и рѣзьбы Эскимосцевъ. Эти туземцы зунда Коцебу, видѣнные Бичеемъ, едва походятъ на людей. Запачканные, неопрятные, съ прорѣзанными губами, они носятъ въ губныхъ прорѣзахъ кольца, охотно продаютъ ихъ Европейцахъ, и смѣются сквозь отвратительныя скважины губъ. И сіи самые Эскимосцы, сіи получеловѣки, съ удивительнымъ искусствомъ рѣжутъ и гравируютъ на орудіяхъ, сдѣланныхъ изъ рыбьей кости, и служащихъ къ сбиранью и сосанью крови животныхъ, до которой они большіе охотники. Бичей сказываетъ о барельефной ихъ работѣ, что на одномъ такомъ орудіи видѣлъ онъ весьма вѣрныя изображенія охотниковъ, подкрадывающихся къ стаду моржей; на другомъ представленъ былъ охотникъ, убивающій моржа; на третьемъ, охотникъ изображенъ за чучелою моржа, съ острогою въ рукахъ. Словомъ: рѣзьба и гравированье Эскимосцевъ представляютъ искусное и полное изображеніе ихъ дикой жизни, занятій и быта.

Бичей останавливался близъ острововъ *Liey-Kiey* (или *Лу-шу*), составляющихъ небольшой архипе-

Digitized by Google

лагъ между Кореею, Японіею и Формозою. Но не всякій поблагодаритъ Бичея за свѣдѣнія, собранныя имъ на сихъ островахъ. Кто изъ насъ не восхищался описаніемъ Ліеу-Кіеускаго архипелага, какое находится въ путешествіи Капитана В. Галла? Кто не помнитъ его прекраснаго романа объ этомъ земномъ раѣ, гдѣ добродушные жители не знаютъ, по словамъ Галла, ни оружія, ни денегъ, и не слыхали о наказаніяхъ? Жестокосердый Бичей доказываетъ, что все это сущая неправда: онъ вывезъ въ Англію уголовное уложеніе Ліеу-Кіеусцевъ, строгое не менѣе Китайскаго, привезъ и монеты тамошнія, и увѣряетъ, что огнестрѣльное оружіе совсѣмъ не рѣдкость на сихъ островахъ. Добрый туземецъ Маддера, по разсказамъ Галла, говорившій одному Англійскому офицеру: «Завтра ты будешь далеко, а я представлю твой подарокъ моему отцу, и скажу ему: «Это отъ Гоппнера; онъ все равно, что братъ мой!» этотъ Маддера, со слезами прижимавшій къ груди своей руку другаго офицера, и говорившій ему: *Идуши, Идуши* (другъ мой, другъ мой) — никогда не существовалъ, по увѣренію Бичея, такъ-же, какъ и всѣ тихіе, добрые, любящіе его земляки. Бичей, напротивъ, изображаетъ Ліеу-Кіеусцевъ людьми, не менѣе Китайцевъ себялюбивыми, гордыми, жадными корысти, и безчеловѣчными.

Кому изъ двухъ путешественниковъ должны мы вѣрить болѣе? Разнорѣчіе Галла и Бичея заставляетъ насъ обратить вниманіе читателей на любопытную книгу миссіонеровъ Тейермана и Бенне-

Digitized by Google

ша (Tyerman and Bennet's Missionary travels, Лондонъ, 1830 года, 2 т. in-8). Въ ней находятся опроверженія извѣстій, какія передаютъ намъ объ Австральныхъ миссіонерахъ Коцебу, Бичей, и другіе путешественники. Впрочемъ, фанатическое невѣжество, суевѣріе, невѣрность свѣдѣній въ книгѣ Тейермана и Беннета, едва-ли не болѣе всего показываютъ истину, и служатъ къ обвиненію *черныхъ людей*, какъ называютъ миссіонеровъ дикари Сѣверо-Американскіе. Въ Сѣверной Америкѣ, не менѣе Австраліи, жалуются на Англійскихъ миссіонеровъ. Недавно въ Вашингтонскомъ *Глобусѣ* напечатано было письмо, скрѣпленное печатями *сахемовъ*, или старшинъ, поколѣнія Сенека. Они пишутъ, что до нихъ дошелъ слухъ о подаркахъ, посланныхъ къ нимъ бѣлыми ихъ собратіями, черезъ черныхъ людей, но что они ничего этого не видали. Далѣе говорятъ они, что черные люди причиняютъ имъ много зла, думаютъ только о барышахъ, обманываютъ ихъ, и проч. и проч.

Изъ выписокъ, сдѣланныхъ нами, читатели могутъ видѣть, что путешествія Коцебу и Бичея заслуживаютъ вниманіе. Мы заключимъ наши выписки извѣстіемъ Бичея о Новой Зеландіи. Это извѣстіе подтвердитъ справедливость заключенія нашего о томъ, съ какою осторожностію должно прививать образованіе старыхъ народовъ народамъ свѣжимъ и новымъ. Зеландцы умѣютъ отличнымъ образомъ приготовлять головы людскія, такъ, что на нихъ сохраняются, какъ будто на живыхъ, всѣ черты лица, кожа, волосы, даже рѣсницы. Боль-

Digitized by Google

шое требованіе сихъ ужасныхъ препаратовъ, для Музеевъ и черепослововъ Европейскихъ, заставило Шуги, Короля Ново-Зеландскаго, открыть головами человѣческими обширный торгъ. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи, и, пользуясь преимуществами своего воспитанія, производитъ теперь величайшее опустошеніе между Зеландцами, воюетъ и бьетъ ихъ, чтобы послѣ того отрѣзывать у нихъ головы, сушитъ, солитъ, и — продавать Европейцамъ!

ОТРЫВОКЪ

ПИСЬМА ИЗЪ ИРКУТСКА.

Декабря 5, 1831 *года.*

На сихъ дняхъ я видѣлъ одно изъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній Китая: это суть ширмы, вырѣзанныя изъ краснаго, сандальнаго дерева. Онѣ состоятъ изъ пяти полотенцовъ, утвержденныхъ на отдѣльномъ пьедесталѣ. Каждое полотенцо представляетъ видъ кабинетнаго поставa съ вещами, служащими для украшенія комнатъ. Такимъ образомъ здѣсь въ маломъ объемѣ подведены подъ одинъ взглядъ всѣ вещи, какія только можно видѣть по столикамъ, въ разныхъ комнатахъ богатаго Китайскаго вельможи.

Digitized by Google

Полотенцы ширмъ состоятъ изъ дорожчатыхъ рамокъ съ разнымъ бордюромъ изъ чернаго дерева. Среднее полотенцо содержитъ въ вышину 5 футовъ 2 дюйма; въ ширину 2 ф. и 2 д. Боковыя полотенцы имѣютъ по 4 ф. и 10 д. вышины, и по 20½ дюймовъ ширины; два крайнія полотенца по 4 ф. и 8 д. вышины и по 17 дюймовъ ширины. Пьедесталъ содержитъ въ себѣ 9 дюймовъ вышины. На каждомъ полотенцѣ четыре отдѣленія. Земля темноголубаго цвѣта.

Въ верхнемъ отдѣленіи средняго полотенца: стихи, содержащія въ себѣ съ заглавіемъ 61 букву, вырѣзанную изъ бѣлаго нефрита, камня очень уважаемаго въ Китаѣ. Подлѣ нихъ курильница изъ нефрита, верблюжьяго цвѣта, въ 4 дюйма вышины, а по другую сторону кувшинчикъ зеленоватаго нефрита, 6 д. въ вышину; въ немъ двѣ вѣшки: одна съ развертывающимися бутонами деревца Ла-мэй изъ янтаря, другая бамбуковая съ кистью горошчатыхъ плодовъ изъ краснаго коралла; подлѣ кувшина птица изъ бѣлаго нефрита, сидящая на гнѣздѣ. Во второмъ отдѣленіи: яхта бѣлѣйшаго нефрита, въ рамѣ за стекломъ, длиною въ 6 д.; подлѣ нея нефритовое корытцо, длиною въ 4 д.; въ немъ деревцо позолоченной бронзы съ девятью бутонами изъ разныхъ дорогихъ камней, въ числѣ коихъ есть рѣдкій искромешъ. Подлѣ корытца банка бѣлаго нефрита, вышиною въ 4 дюйма; въ банкѣ вѣточка съ двумя цвѣтками желтой кризантіи изъ янтаря и одинъ асшрикъ синеватый изъ лалла. Въ третьемъ отдѣленіи гора бѣлаго нефрита въ 9 дюймовъ длиною. При подошвѣ ея пастухъ, при двухъ лошадяхъ, подъ

Digitized by Google

шенью сосны. По правую сторону сей горы деревянная кадочка съ кистями писчими, вѣеромъ и пр., а на лѣвой сторонѣ баночка съ цвѣшками чжу-лань, изъ бѣлаго нефриша.

На правомъ полотенцѣ, подлѣ средняго, въ верхнемъ отдѣленіи: 33 буквы бѣлаго нефриша, а пониже ихъ финифтяная баночка съ вѣткою деревца юй-лань; на ней бутоны бѣлѣйшаго нефриша, и одинъ распустившійся цвѣтокъ, содержащій въ себѣ нѣсколько десятковъ лепестковъ бѣло-розоваго шпата. Подлѣ банки вѣточка съ двумя персиками бѣлаго нефриша, каждый въ два дюйма. Во второмъ отдѣленіи бронзовый, вызолоченный, чеканной работы кувшинчикъ съ цвѣткомъ, висящій съ шеста на цѣпочкѣ бѣлаго нефриша. Подлѣ него, на нефритовомъ блюдцѣ (4 д.) два уродливые лимона изъ янтаря; пониже печать бѣлаго нефриша, и такой-же би (кругъ) въ $3\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ. Въ третьемъ отдѣленіи жу-и въ $9\frac{1}{2}$ д. длиною, и сосудъ въ 4 дюйма вышиною, все изъ бѣлаго нефриша; подлѣ корытцо изъ горнаго хрусталя (въ 4 д.); на немъ нарисованы двѣ золотыя рыбки, представляющіяся въ водѣ.

На лѣвомъ полотенцѣ, подлѣ средняго, въ верхнемъ отдѣленіи 33 буквы бѣлаго нефриша; пониже ихъ баснословный однорогій звѣрь, нефриша верблюжьяго цвѣта, и бронзовый позолоченный, чеканной работы, кувшинъ (въ 6 д.) съ вѣткою цвѣточнаго персика; бутоны и цвѣшки блѣдноватаго нефриша. Во второмъ отдѣленіи чайникъ (въ 6 д.) нефриша верблюжьяго цвѣта; подлѣ него ушка на водѣ, а по-

Digitized by Google

ниже Китайская шабакерка горнаго хрусталя, и уродливый лимонъ бѣлаго нефрита. Въ третьемъ отдѣленіи цимбалъ бѣлаго нефрита, въ 9 дюймовъ длиною; а подлѣ него, на черномъ лакированномъ подносѣ, двѣ чайныя чашки съ крышками, желтоватаго нефрита.

Въ верхнемъ отдѣленіи, праваго крайняго полотенца, 33 буквы бѣлаго нефрита; пониже банка синеватаго нефрита (въ 5 д.), ненюфорный бутонъ, и цвѣтокъ изъ сердолика. Во второмъ отдѣленіи повѣшенный цинъ; подлѣ него сосудецъ съ водою, банка съ вѣткой краснаго коралла, и львица со львенкомъ — все бѣлаго нефрита. Въ третьемъ отдѣленіи столовые часы, въ деревянномъ футлярѣ; подлѣ, за стеклянными дверцами, баночка бѣлаго нефрита, съ нарциссами зеленоватаго нефрита.

Въ верхнемъ отдѣленіи лѣваго, крайняго полотенца, 33 буквы бѣлаго нефрита; пониже банка бѣловатаго нефрита (4 д.), съ тремя астрами изъ нефрита, аметиста и сердолика. Въ среднемъ отдѣленіи мальчикъ бѣлаго нефрита; подлѣ него виноградная вѣтка (стеклянная) на блюдцѣ фиолетовомъ; а пониже дощечка желтоватаго нефрита съ темнокрасною полосою. Въ третьемъ отдѣленіи щитокъ бѣлаго нефрита въ рамкѣ; за стеклянными дверцами три книги изъ кости, и на нихъ двѣ печати бѣлаго нефрита.

Четвертое отдѣленіе, на всѣхъ полотенцахъ одной мѣры, въ вышину около 6 дюймовъ, и содержитъ въ себѣ писанные на стеклѣ виды разныхъ монастырей, занимающихъ плѣнительное мѣстоположеніе

Digitized by Google

при подошвѣ горъ. Всѣ каменныя вещи и ихъ подставки суть превосходной рѣзьбы. Сіи ширмы принадлежатъ Г-ну Игумнову, Кяхтинскому первой гильдіи купцу.

Въ Ноябрѣ минувшаго года привезли въ Иркутскъ семерыхъ Китайцевъ, возвращающихся въ отечество. Въ 1826 году, при взятіи мятежниками Кашгара, они были захвачены въ плѣнъ, и отведены въ Коканъ въ неволю; изъ Кокана нѣкоторые сами бѣжали, а другіе были перепроданы въ Бохару. Отселѣ въ разныя времена ушли въ Ургенчь, гдѣ, по увѣренію Бохарцевъ, надѣялись найдти Рускихъ. Здѣсь они пропитывались склеиваніемъ разбитой фарфоровой посуды, которая въ большомъ уваженіи въ Средней Азіи, а посему и плату имъ за сей трудъ производили значительную. Наконецъ, въ началѣ прошлаго года, они пристали къ купеческому каравану, отправлявшемуся изъ Ургенча на линію, и въ Августѣ прибыли съ онымъ въ Оренбургъ.

По ихъ показанію: Хивинцы называются *Усбекъ*, Коканцы *Сартъ*, Киргизъ-Кайсаки *Казакъ*; кочующіе между Коканомъ и Кашгаромъ *Кэргызъ* и *Кара-Кэргызъ*; отъ Китайцевъ *Бурутъ*. Жители Кашгара, Яркана и другихъ городовъ, лежащихъ далѣе на Востокъ, называются по именамъ своихъ главныхъ городовъ; всѣ-же народы, обитающіе отъ Аральскаго озера на востокъ до Хама, носятъ общее названіе *Турки*, и говорятъ Турецкимъ (Татарскимъ) языкомъ. Бухарцы называются

Digitized by Google

Таджикъ, и говорятъ Фарсискимъ (Персидскимъ) языкомъ. Хановъ Коканскаго и Бохарскаго называютъ *Падша* (Падишахъ); Турцію *Румъ*, а Султана *Халифъ*; Россію *Урусъ*, Государя *Ахъ-падша* т. е. Бѣлый Царь. Въ Коканѣ около 50 пушекъ большею частію бронзовыхъ, но малаго калибра. Возятъ каждую на верблюдѣ, а стрѣляютъ повершывая на винтѣ въ разныя стороны. Въ Хивѣ также около 50 пушекъ, по большой части чугунныхъ. Въ обоихъ мѣстахъ сіи орудія разставлены предъ дворцами; въ Бохарѣ, напротивъ, хранятся секретно. Коканцы принудили плѣнниковъ обриться и одѣться по-Турецки; сверхъ сего приневоливали къ перемѣнѣ религіи, что не мало изумило послѣднихъ, потому что Китаецъ исключительно ни какой религіи не держится. Въ Средней Азіи невольниковъ, убѣжавшихъ отъ своихъ господъ, посторонніе не берутъ въ неволю, да и видовъ у нихъ не спрашиваютъ; напротивъ даютъ временное убѣжище и пропитаніе. Наши Китайцы въ дорогѣ обыкновенно назывались *Ходжа*, общимъ названіемъ идущихъ въ Мекку; а сіи у Магометанъ вездѣ находятъ пріютъ и хлѣбъ-соль.

I. Б.

Digitized by Google

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Судьба безсмертнаго Пѣвца Іерусалима навсегда останется однимъ изъ самыхъ трогательныхъ примѣровъ борьбы генія съ судьбою, урокомъ того, какъ дорого платимъ мы за каждый порывъ къ высокомуи прекрасному на землѣ, въ сей юдоли бѣдствій! Философъ извлечетъ изъ жизни Тасса нравственное доказательство, что человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ стихіи счастія и несчастія. Онъ можетъ хладнокровно доказать намъ, что Тассъ бѣшеный, безумный, безразсудный, былъ всегда самъ причиною своихъ несчастій. Зачѣмъ поступалъ онъ такъ, а *не иначе*? Вольно было ему влюбляться въ Принцессу! Вольно было приходить въ такой восторгъ, что не въ силахъ будучи удержаться, онъ поцѣловалъ ее при цѣломъ Дворѣ: поступокъ, за который справедливо *великодушный* Альфонсъ посадилъ его въ домъ сумасшедшихъ!... Не споримъ....

Болѣе семи лѣтъ, Тассъ былъ въ мрачной тюрьмѣ. Его освободили наконецъ. И когда Италія, Европа восхищались его Іерусалимомъ, Пѣвецъ Годфреда скитался по Италіи, почти помѣшанный, нищій, больной, дряхлый. Наконецъ, казалось, услышаны были стоны скорьби Тассовой. Кардиналъ Чинтіо, племянникъ Папы Климента VIII-го, отъ имени всей Италіи, просилъ Папу наградить пѣснопѣнія и страданія безсмертнаго генія. «Иди-

Digitized by Google

ше въ Римъ,» писалъ Папа къ Тассу, идиже «принять вѣнокъ; донынѣ, сей цѣнокъ украшалъ получавшихъ его: вы украсите *его* собою.» Положено было торжественно везти въ Капитолій Тасса, и тамъ, послѣ обѣдни, которую отслужитъ самъ Папа, благословитъ лавровый вѣнокъ, и возложитъ его на главу поэта. Римъ подвигся въ срѣтеніе Пѣвца Іерусалима; за милю отъ Рима народъ привѣтствовалъ Тасса, приготовляли праздники, пиры... а неумолимая судьба готовила Тассу послѣдній ударъ! Онъ смертельно занемогъ, и—*наканунѣ дня*, назначеннаго для его торжества, умеръ (15 Апрѣля, 1595 года), въ монастырѣ Св. Онуфрія, куда велѣлъ онъ себя перенесть, думая, что чистый воздухъ поможетъ ему въ болѣзни. Великолѣпныя похороны были устроены вмѣсто тріумфа. Дворъ, народъ, отвсюду съѣхавшійся, провожали гробъ Тасса. Лавровый вѣнокъ положенъ былъ на бездыханное его тѣло. Гробъ примирилъ несчастнаго, и съ людьми, и съ судьбою...

Поэзія, Ваяніе, Живопись многократно избирали жизнь Тасса предметомъ своихъ вдохновеній, ибо у немногихъ поэтовъ были до такой степени

Жизнь и Поэзія одно!

Кому изъ Русскихъ неизвѣстно превосходное созданіе Батюшкова: *Умирающій Тассъ*? Не имѣя Итальянскаго колорита, это твореніе, одно изъ первыхъ украшеній, какія только есть въ Русской Словесности, дышитъ поэтическимъ унынiемъ Сѣвера. Трогательны слова Батюшкова, который, въ примѣчаніяхъ къ своей элегіи, говоритъ: «Да не оскорбится тѣнь великаго Поэта, что сыну грюмаго

Digitized by Google

Сѣвера, обязанный Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!» Нѣтъ! тѣнь великаго Поэта привѣтствовала нашего Пѣвца братскою улыбкою, когда онъ писалъ вдохновенныя слова:

Свершилось! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные, надъ дряхлой головой,
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
Опъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ ужь я изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испытадъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?

Тогда не предчувствовалъ нашъ безпечный Поэтъ, что и его самого ждала неумолимая рука судьбы, подъ *раскаленнымъ небомъ Неаполя*, на родинѣ Тасса; что онъ возвратится въ дикіе лѣса своей родины, и—никто, кромѣ немногихъ друзей, не привѣтитъ его, за-живо умершаго міру!... Много изъ того, чему столь безразсудно разсыпаются нынѣ похвалы, будетъ забыто; но никогда, никогда не забудутъ *Умирающаго Тасса*, гдѣ столь высоко выражена скорбь поэта, хотѣвшаго:

У Парки взять тріумфа день единый!

Никогда не перестанутъ повторять изъ сердца

Digitized by Google

вышедшихъ словъ, которыми выразилъ Батюшковъ кончину Тасса:

И съ именемъ любви—Божественный погасъ!

Участь Тасса, и участь поэта Русскаго, воспѣвшаго кончину Тассову, терзаютъ душу чувствительную.... Но—

Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады!...

На выставкѣ произведеній Французской Живописи, въ 1822 году, были двѣ картины, изображавшія одинъ и тотъ-же предметъ: *Увѣнчаніе Тасса, послѣ его смерти.* Живописцы: Дюси (Ducis) и Манжо (Manjaut), написали сіи картины; онѣ были одинакой величины, и поставлены на выставкѣ одна подлѣ другой. Публика и знатоки отдали преимущество картинѣ Манжо. Она куплена потомъ, за дорогую цѣну, *Обществомъ друзей Искусствъ*, и досталась Барону Де-Ла Буйльери.

Дюси изобразилъ тѣло Тасса, лежащее на одрѣ; трофеи, обвитые лаврами, окружаютъ его; Кардиналъ Чинтіо всходитъ по ступенямъ къ одру, и кладетъ лавровый вѣнокъ на главу Тасса; кругомъ видно нѣсколько человѣкъ: одни въ слезахъ, другіе унылы; вдали, сквозь открытую арку, зрителю открывается часть Рима, и великолѣпная процессія монаховъ.

Очеркъ съ картины Манжо приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа. И здѣсь Кардиналъ Чинтіо возлагаетъ вѣнокъ на главу Тасса; пажи, и смиренные иноки окружаютъ одръ Поэта, и всѣ, благоговѣйно,

Digitized by Google

безмолвно смотрящъ на почесть, воздаваемую генію. Одръ умершаго простъ; фигура Кардинала величественна; фигура монаха, читающаго молитвы по усопшемъ, прекрасна.

Такъ и надобно было изобразить увѣнчаніе Тасса. Въ картинѣ Дюси болѣе движенія, яркихъ цвѣтовъ, блеска; картина Манжо, тихо, но глубже, сильнѣе говоритъ сердцу. Жаль, что Живописецъ не открылъ дали, и *вѣчнаго* Рима, оплакивающаго кончину великаго, отверженнаго имъ при жизни Поэта.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ 27 д. Ноября 1831 года, Высочайше утверждены Штаты канцелярскимъ служителямъ, по разнымъ Министерствамъ, а именно:

	число канц. служ.		имъ жалованья.
Мин. Финансовъ.			
Канцелярія Министра. . . .	45	—	24,690 р.
Деп. Госуд. имуществъ. . . .	90	—	48,350—
—Горныхъ и сол. дѣлъ. . . .	90	—	51,480—
Горный Кадетскій корп. . . .	16	—	3,500—
С. П. бургскій Мон. дворъ. . .	60	—	17,770—
Московск. Горное Правленіе. .	13	—	3,700—
Деп. податей и сборовъ. . . .	114	—	68,930—
—Внѣшней торговли.	104	—	58,760—
По тамож. вѣдомству. . . .	97	—	41,950—
Деп. ман. и вн. торговли. . .	20	—	11,180—

Digitized by Google

Ком. снабж. войскъ сукн. . .	10	—	4,300 р.
По СПб. верфи.	1	—	350—
Деп. Госуд. казначейства. . . .	146	—	79,900—
Главное Казначейство. . . .	44	—	17,750—
Особ. канц. по кред. части. .	27	—	15,640—
Гос. комм. погащ. долговъ. . .	82	—	51,060—
Гос. Комм. банкъ.	58	—	30,880—
Гос. Заемный банкъ.	66	—	37,220—
Гос. Ассигн. банкъ.	32	—	19,260—
Эксп. загот. гос. бумагъ. . .	16	—	7,400—
	1134	—	594,070—
Мин. Внутренн. дѣлъ.			
Канцелярія Мин.	12	—	8,310—
Деп. полиціи исполн.	48	—	26,780—
—Хозяйственн.	25	—	13,350—
—Гос. хоз. и публ. зданій. . .	21	—	12,010—
По мѣстамъ подвѣдомственнымъ Министерству.	78	—	21,980—
		и сер.	350—
	184	—	82,430—
		и сер.	350—
По Главному Управленію путей сообщенія.	70	—	37,940—
По Департаменту Главнаго Управленія Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. .	28	—	13,790—

Декабря въ 6-й день, 1831 года, Высочайше повелѣно: въ губерніяхъ *Полтавской* и *Черниговской*, отнынѣ впредь присвоить присутственнымъ мѣс-

Digitized by Google

шамъ, и лицамъ, въ оныхъ служащимъ, наименованія, Учрежденіемъ о губерніяхъ, для мѣстъ равныхъ, опредѣленныя (извѣстно, что донынѣ сохранялись шамъ названія *Генеральныхъ, Повѣтовыхъ и Нижнихъ Судовъ, Повѣтовыхъ Маршаловъ, Хорунжихъ, Подкоморіевъ, Подсудковъ, Коммисаровъ, Писарей*, и проч.). . . .

По С. Петербургской Таможнѣ, въ 1831 году, очищено было пошлиною: привозныхъ товаровъ на 150,303,541 р. 5 коп., отвозныхъ на 115,958,678 р. 32 к. (противъ 1830 года *болѣе*: въ привозѣ на 18,360,364 р. 22½ к., въ отвозѣ на 4,703,506 р. 88 к.).— Къ 1 Января 1832 года, осталось привозныхъ, *неочищенныхъ пошлиною* товаровъ на 27,071,930 р.— Кораблей въ приходѣ въ 1831 г. было 1,598, въ отходѣ 1,592 (противъ 1830 года *болѣе*: въ приходѣ 175, въ отходѣ 132).— Таможенный доходъ 1831 г. составилъ 43,118,367 р. 81 к. (противъ 1830-го года, 5,520,800 р. *болѣе*, а противъ 1823 года, излишекъ простирался почти до 21 милльона рублей).—Главнѣйшій предметъ привоза составляли: хлопчатая бумага (около 43½ милльоновъ рублей) и сахаръ сырецъ (болѣе 27½ милльоновъ рублей); отвоза — сало (около 35 милльоновъ рублей), хлѣбъ разный (болѣе 16 милльоновъ рублей), пенька (до 13 милльоновъ), полотна (до 7½ милльоновъ).

Въ Московской Складочной Таможнѣ, въ 1831 году, выпущено изъ пакгаузовъ, привозныхъ товаровъ на 4,949,042 р. 75 к., отвозныхъ на 883,942 р. 60 к.—

Digitized by Google

Таможенныхъ доходовъ поступило 925,508 рублей, 89¼ коп.—Въ 1823 году, всѣхъ привозныхъ товаровъ очищено было по Московской Таможнѣ пошлиною только на 400,652 р; въ 1826 году, сумма ихъ не превышала 1,297,394 р. 65 к.—Съ тѣхъ поръ, постоянно возвышаясь, возрасла она почти до 5-ти милльоновъ.

Выставкѣ, бывшей въ присутствіи Государя Императора, въ Кремлевскомъ Дворцѣ, публика обязана свѣдѣніемъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и превосходныхъ учебныхъ заведеній, въ Москвѣ находящемся. Мы разумѣемъ Архитектурное Училище, учрежденное уже съ нѣсколькихъ лѣтъ при бывшей Кремлевской Экспедиціи. Едва вѣроятно, какими малыми средствами успѣлъ нынѣшній почтенный начальникъ сего училища довести оное до высокой степени совершенства. Теперь, подъ названіемъ *Московскаго Дворцоваго, Архитектурнаго училища*, полезное заведеніе сіе получило отъ щедротъ Монаршихъ уставъ и штатъ (утвержденные Ноября 20, 1831 г. въ Москвѣ). Опредѣлено, ежегодно отпускать для содержанія училища 40,000 рублей. Учащимъ и учащимся даны важныя преимущества и поощренія.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Въ Парижскомъ *Journal des Artistes* помѣщено было недавно описаніе перевозки камня, составляющаго подножіе статуи Петра Великаго, въ Спбургѣ. По поводу сей статьи, выдано въ Парижѣ описаніе перевозки колокольни, безъ всякаго оной поврежденія. Это удивительное дѣйствіе Механики произведено въ 1776 году, Марта 26-го, въ Кресченгинѣ, въ бывшемъ Департаментѣ Сезіа. Колокольня была кирпичная. Передвигалъ ее простой каменьщикъ, по имени Серра. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, что сынъ его звонилъ въ колокола, когда колокольня двигалась. Достовѣрность сего случая подтверждается оффиціяльными документами. Нѣсколько лѣтъ тому писала что передвиганіе домовъ сдѣлалось будто-бы самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Сѣверной Америкѣ. О строителѣ нашего Успенскаго Собора, Аристотелѣ Болонскомъ, также осталось преданіе, что онъ передвинулъ въ Пизѣ огромную башню съ одного мѣста на другое, безъ всякаго поврежденія оной.

Баронъ Гумбольдтъ приводитъ къ окончанію сочиненіе свое: *Физика міра* (Physique du monde). Въ засѣданіи Парижской Академіи наукъ, бывшемъ 23 Мая, 1831 г. онъ читалъ отрывокъ, о физическихъ причинахъ извращенія изотермическихъ линій. Нѣсколько диссертацій издано уже Гумбольдтомъ о

Digitized by Google

разныхъ результатахъ, извлеченныхъ имъ въ путешествіи его по Сибири. Въ засѣданіи Парижской Академіи наукъ, Іюля 18-го, онъ читалъ диссертацію, подъ названіемъ: Considérations sur les climat de l' Asie et sur la température du sol dans ses rapports avec la conservation des parties molles des animaux antédiluviens — предметъ, чрезвычайно любопытный. Въ Annales des voyages мы читали уже разсужденіе Гумбольдта, о волканахъ и горныхъ хребтахъ Азіи. Свѣтлыя и глубокія мысли отличаютъ это сочиненіе знаменитаго ученаго.

Августа 9-го, Французская Академія раздала награды и медали, которыя, по завѣщанію Монтіона, должна раздавать она за примѣры добродѣтелей, и за признанныя полезнѣйшими для нравовъ сочиненія, напечатанныя въ теченіе года. По первому отдѣленію, Академія раздала за 1831-й годъ *четыре* награды и *одиннадцать* медалей. По второму отдѣленію, Г-нъ Тюро получилъ 6,000 франковъ за книгу свою: Introduction à l'étude de la philosophie; Г-нъ Монтейль 4000, за книгу: Moeurs des Français aux XIV-e et XV-e siècles; и—*прескучный* Бульи 2,000 франковъ за свои Contes populaires. — На задачу: De la charité considérée dans son principe, dans ses applications et dans son influence sur les moeurs et sur l'économie sociale, Академія получила столь много рѣшеній, что не успѣла обсудить ихъ къ своему засѣданію. Снова на 1832-й годъ предложена Академіею задача: De l'influence des lois sur les moeurs et des moeurs sur les lois. — *Десять тысячъ* франковъ опредѣлено Академіею, за признанную лучшею тра-

Digitized by Google

гедію, изъ числа тѣхъ, которыя появятся во Франціи, съ 9 Августа 1831 года до 9-го Августа 1834 года. Трагедія должна быть сочинена Французомъ, представлена и напечатана во Франціи, и притомъ такая, qui réunira au mérite littéraire le mérite non moins grand d'être utile aux moeurs et aux progrès de la raison.

Въ Графствѣ Кентскомъ (въ Англіи), подлѣ Винчипа, на такъ называемомъ, *Зеленомъ полѣ* (Green-Field), открыли въ землѣ старый кувшинъ. Въ немъ найдено нѣсколько монетъ XVI-го вѣка, старинный кинжалъ, и лоскутокъ пергамента, съ слѣдующими словами, (на старомъ Англійскомъ языкѣ):

» Предсказаніе, учиненное сего 1550 года, Января 12 д.—Въ 1831 году будутъ сильные мятежи, » и земля ваша станетъ на край гибели. Но явится » поколѣніе людей, обильныхъ добродѣтелями и » дарованіями, и возобновятъ они землю вашу въ » ея силѣ, и приведутъ народъ вашъ къ житію » благоденственному, и власть, обращенная про- » тивъ истинныхъ и законныхъ ея владыкъ, будетъ » имъ возвращена. »

Упѣряютъ, что все доказываетъ неподдѣльность сей находки. Но когда вспомнимъ, что явилась она теперь въ Англіи очень кстати, когда идутъ сильные споры о Парламентскихъ выборахъ, то — признаемся—не льзя не усомниться въ достовѣрности находки!

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 22. *Ноябрь* 1831.

КОМЕДІЯ

О ЖЕНСКОМЪ УБОРѢ, НАЗЫВАЕМОМЪ: *сетчикъ*, ИЛИ ВЕЛИКІЯ ДѢЛА ОТЪ МАЛЫХЪ ПРИЧИНЪ.

Прологъ.

Здѣсь увидишь ты, читатель, человѣкъ почтенный,
И вы, моя читательница, старая иль молодая,
Все равно почтенная, ибо я, авторъ смиренный,
Къ дамамъ должное уваженіе соблюдая,
Всѣхъ ихъ считаю, не по лѣтамъ, по уму и сердцу
Милыми, прекрасными — увидите вы обѣ,
До чего людей доводитъ женская ссора и злоба.
«Женское сердце, кисле уксуса и горче перцу» —
Говорилъ, мнѣ помнится, философъ Сенека,
И такъ ужь видно завелось отъ вѣка до вѣка,
Что когда курица пѣтухомъ запоетъ, такъ бѣдѣ случиться.
Прошу на нашей комедіи повеселиться.
А если кому не понравятся сіи шутки документы,
Мы въ оправданіе представимъ наши аргументы:
«*Правда глаза колетъ*!» Просимъ не сердиться. —

Digitized by Google

Добровъ. (*входя въ комнату*) Я рѣшился помирить ихъ, и надѣюсь на полный успѣхъ.

Разумовъ. А я вовсе не надѣюсь, и думаю что ты принялъ на себя напрасный прудъ.

Добровъ. Но отъ чего-же ты такъ думаешь?

Разумовъ. Отъ того, что ты встрѣтишь непобѣдимыя препятствія, какихъ, конечно, вовсе не предполагалъ.

Добровъ. О! нѣтъ, мой милый другъ! Я все обдумалъ, все устроилъ.

Разумовъ. Не вѣрю!

Добровъ. Хорошо. Слушай-же. Дѣло въ томъ, что родня моя ссорится за наслѣдство дяди?

Разумовъ. Да.

Добровъ. Они разссорились рѣшительно, и уже начали кормить судей и подьячихъ самою запутанною тяжбою, которую приказные могутъ протянуть до скончанія міра, или, вѣрнѣе сказать, до скончанія кармана обоихъ соперниковъ?

Раз. Да.

Добр. Оба соперника, если не совсѣмъ дураки, то и ума недальняго.

Раз. Не потому-ли ты такъ думаешь, что затѣвать раззорительную тяжбу, изъ бездѣлицы, когда и безъ тяжбы достается большое состояніе — глупо?

Digitized by Google

Добр. О нѣтъ! Глупость дѣла не доказываетъ еще, что дѣлающій его дуракъ. Самые величайшіе умники дѣлаютъ и самыя величайшія глупости. И потому-то, надѣюсь я, что моя родня сдѣлаютъ умное дѣло.

Раз. Потому, что они дураки?

Добр. Именно, между нами сказать.

«Свѣтъ — Комедія смѣшная,»
Мудрецы твердятъ давно.
Глупымъ роля въ немъ большая,
А играютъ всѣ умно,
И актеры, и актрисы,
Въ роляхъ трудныхъ и большихъ....

Отъ чего?

Умъ поставленъ за кулисы
И подучиваетъ ихъ!

Раз. А, такъ ты принимаешь на себя роль закулиснаго суфлера, и будешь умомъ для твоей роденьки? Честолюбецъ! да какъ ты осмѣливаешься думать, что умъ *хоть однажды* покоритъ и побѣдитъ глупость? Да какъ ты рѣшаешься такъ смѣло и дерзко разрушать жизней-скій порядокъ? Посмотри, что ты останешься у всѣхъ виноватъ, и, можетъ быть, навяжешь себѣ еще большихъ хлопотъ!

Добр. Доброе мое намѣреніе заставитъ меня терпѣливо переносить неудачу. Я увѣренъ, что съ глупостью я слажу.

Digitized by Google

Раз. Хорошо, но ты забылъ, что у обоихъ соперниковъ есть по женѣ. А съ *двумя женщинами* поладишь тяжеле, нежели съ двумя десятками стихотворцевъ. И обѣ онѣ терпѣть не могутъ другъ друга. Говоришь-ли еще, что у обѣихъ есть тма прихотей, капризовъ: вѣдь онѣ *женщины*! Да, ты вовсе голову потерялъ!

Довровъ. Неправда: я хочу другимъ головы приставить Дѣло простое: тяжба раззоритъ соперниковъ; лучше помиришься. Надобно только вразумить ихъ, и все кончено.

Разумовъ. Какъ ты легко дѣла рѣшаешь! Если-бы можно было *вразумлять* людей, то на землѣ было-бы не жизнь, а рай.

Вразуми, чтобы къ вельможѣ
Былъ уму свободный входъ,
И чтобъ въ княжеской прихожей
Не сидѣлъ пустой народъ.
Вразуми, что чинъ, добытой
Лбомъ и гибкою спиной,
Не покровъ, и не защита
Злу и подлости смѣшной;
Вразумить возмись писаку,
Что въ размолвкѣ онъ съ умомъ,
Что писательства отвагу
Мы умомъ не признаемъ,

и прочая, и прочая, и тысяча разъ прочая.— Вразуми всю эту тысячу, и золотой вѣкъ на-

Digitized by Google

ступишъ при тебѣ, какъ во времена Сатурновы Что: не берешься?

Довровъ. Взялся-бы, да вѣка моего не достанетъ. Но я увѣренъ, что люди съ намѣреніемъ зла и глупостей не дѣлаютъ. Только надобно имъ растолковать поумнѣе.

Разумовъ. Ну, какимъ образомъ начнешь ты, напримѣръ, съ твоими дядюшками и тетушками?

Довровъ. О, планъ у меня прекрасный! Я употреблю всѣ хитрости, всѣ способы. Ты знаешь, что дядѣ Чудакову грамота не далась. Я хочу его напугать тяжбою, то есть растолковать ему сущность дѣла. Пусть взглянетъ онъ ябедѣ въ глаза попристальнѣе, и тогда навѣрное испугается. У меня собрано въ кабинетѣ полдюжины опытныхъ честныхъ юристовъ, и они ему все изъяснятъ.

Разумовъ. Шестеро честныхъ подьячихъ! Да откуда Богъ далъ тебѣ такую рѣдкость? Показывай твою коллекцію за деньги — ты разбогатѣешь! Народъ толпами сбѣжится.

Довровъ. Ты все шутишь. Слушай далѣе. Жена его добрая мать семейства, хоть и есть въ ней причуды. Я поговорю съ ея сердцемъ, представлю ей будущую участь дѣтей, раззореніе — и такъ далѣе.

Digitized by Google

Разумовъ. Ну, а съ другой точкой?

Добровъ. Другой дядя — подъ этого трудно было подыскаться, но я нашелъ дорогу. Онъ суевѣренъ, въ самой смѣшной степени: я его напугаю, такъ, что онъ забудетъ о тяжбѣ. Жена его такая спорщица, что съ ней надобно только заспорить, то она вѣрно согласится. Ну, что? Каково все обдумано?

Разумовъ. Довольно остроумно, и я боюсь, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ неуспѣлъ, но — берегись однакожъ. Часто вздоръ какой нибудь разрушаетъ все.

Добровъ. Неужели ты вѣришь случаю? Какъ тебѣ не стыдно!

Разумовъ. Чего стыдишься, когда люди всего больше кланяются случаю, и только того и добиваются, чтобы выйдти въ случай. Еще сомнѣніе: если помирясь, они опять поссорятся?

Добровъ. Вотъ еще! Неужели ты хочешь, чтобы я и за потомковъ ихъ ручался!

(Слышенъ голосъ Чудакова: «Дома?)

Добровъ. Спрячься, уйди, чтобы онъ тебя не видалъ.

(Разумовъ скрывается)

Чудаковъ. Ну, вотъ и я къ тебѣ! Здорово, племянникъ!

Добровъ. Здравствуйте, любезный дядюшка.

Digitized by Google

Чудаковъ. Что, братъ, здравствовать плохо!

Добровъ. Какъ плохо, дядюшка? Вы, слава Богу, на худобу пожаловаться не можете.

Чудаковъ. Что и въ толщинѣ. Дѣла съ ногъ сбили — такое время пришло — худое, братъ, худое!

Охти! какіе годы:
Вездѣ неурожай;
Умножились расходы,
Все дай, да подавай!
Въ Ломбардъ платить придется,
Не говори: гдѣ взять?
Сберется-ли, займется —
Изволь-ка отдавать.
И шали, блонды, моды,
И сѣно, и дрова,
И люди — все расходы...
Вершится голова!

Добровъ. Тѣмъ болѣе, дядюшка, должны вы внимать доброму совѣту людей, искренно пользы вамъ желающихъ.

Чуд. Ну! вы опять запоешь мнѣ о прекращеніи нашей тяжбы? И не говори!

Добр. Вы позволили мнѣ...

Чуд. Рѣшительно, ничего не позволяю.

Добр. Вы позволили мнѣ представить вамъ нѣсколько знающихъ людей.

Чуд. А, вотъ это другое дѣло, и объ этомъ я тебя, любезный племянничекъ, истинный другъ

Digitized by Google

мой и благодѣтель, покорно прошу! Когда-бы эшо сдѣлать?

Добр. Уже сдѣлано. Я за пѣмъ васъ сегодня къ себѣ и просилъ, что у меня собрались уже дѣловые, опытные люди.

Чуд. Собрались! Ахъ, ты, отецъ родной! Гдѣ-же, гдѣ эти спасители, отцы, милостивцы?

Дай воздухомъ приказнымъ мнѣ дышать,
На пальцы ихъ, чернильные, взглядѣться,
Указами душѣ моей согрѣться,
И съ просьбами о горѣ забывать!
О прошоколъ! сердечная отрада,
О справка! рай души моей —
Люблю тебя, приказная громада!
Люблю, люблю приказныхъ и судей!

Охъ! не привелъ меня Богъ быть человѣкомъ приказнымъ! Что дѣлать! Судьей-то быть и я могъ-бы—велика-ли важность дѣла подписывать? Но грамота мен я съѣла... О батюшка, батюшка, о матушка, матушка! на васъ грѣхъ: не учили вы меня, худо вы меня сѣкли... Теперь, вмѣсто того, чтобы наживать — проживаю только! Что съ нашими деревнишками? Градъ, дождь, морозъ, саранча — не взошло, выбило, сгорѣло... и играй себѣ въ дудку, да поплясывай! А приказный человѣкъ—не боится ни дождя, ни грому, ни саранчи. Его поле лучше воловъ вспашутъ про-

Digitized by Google

сишели, лучше сѣменъ засѣютъ пяжбы, лучше серповъ сожнутъ перья, и лучше магазиновъ сберегутъ указы! — Гдѣ-же они? — Извини, что я перебилъ твою рѣчь...

Добр. Они ждутъ насъ въ кабинетѣ моемъ.

Чуд. Ждутъ! Вотъ диковина какая: судьи и приказные ждутъ! Пойдемъ, пойдемъ къ нимъ.

Добр. Я въ слѣдъ за вами *(Чудаковъ уходитъ)* — Поплелся? Хорошо. Теперь приготовимъ другому ловушку. Разумовъ, другъ мой! *(Разумовъ входитъ)* Объяснилъ-ли тебѣ мой колдунъ все дѣло?

Разумовъ. *(смѣется)* Все слышалъ.

Добр. Оставайся-же здѣсь, и пожалуста сведи съ послѣдняго полку моего другаго дядюшку.

(уходитъ)

Раз. Сводить съ ума! Да развѣ я дѣвушка? или знатный баринъ? Впрочемъ, почему не пособить доброму человѣку; только не напрасная-ли будетъ забота...

Нашъ свѣтъ, предряхлый старичишка,
Проживъ семь тысячь слишкомъ лѣтъ,
Послѣдній прожилъ свой умишка,
И сталъ — почти безъ-умный свѣтъ.
И самый умъ такъ испалился,
Что гдѣ хотятъ пожить съ умомъ —
Народъ, посмотришь, и взбѣсился,
И все поставитъ къ верху дномъ.

Digitized by Google

Гдѣ умъ, шамъ — говорятъ — быть худу!
Ужь не одинъ замѣтилъ я,
Что люди добрые, повсюду,
Ума боятся, какъ огня.

Идешъ, кажется? Приготовимся!

Чухломскій. *(занесши лѣвую ногу, остачавливается)* Ахъ! что за разсѣянность! *(ступаетъ въ комнату правою ногою)* Но гдѣ-же хозяинъ? *(Разумову)* Позвольте узнать: мнѣ сказали, что племянникъ мой дома?

Раз. Точно такъ. Онъ вышелъ на минуту, и сей часъ явится. О Боже мой, Боже мой!

Чухл. Подождемъ. *(садится)*

Раз. Что теперь мнѣ дѣлать? Не знаю, не понимаю!

Чухл. Если осмѣлюсь спросить Васъ — извините мою нескромность — не случилось-ли чего нибудь въ здѣшнемъ домѣ? Всѣ-ли здоровы? Всели благополучно?

Раз. Здоровы, сударь, всѣ. Какъ пособить бѣдѣ? На что рѣшишься? Чѣмъ предупредишь зло?

Чухл. Извините мою докуку; но ваше безпокойство — ваше смущеніе — позвольте мнѣ узнать...

Раз. Вы мнѣ не пособите, а, можетъ быть, еще станете смѣяться — я не имѣю чести васъ знать...

Digitized by Google

Чухл. Я, сударь, Досиѳей Дороѳеевъ Чухломскій, дядя Г-на Доброва, хозяина здѣшняго дома.

Раз. Какъ? Это вы, вы, почтеннѣйшій Досиѳей Дороѳеевичъ? Позвольте мнѣ препоручить себя вашему знакомству, и извините, ради Бога, что я васъ обезпокоилъ своимъ горемъ.

Чухл. Радъ буду услужить вамъ — вѣдь вамъ не денегъ надобно — надѣюсь?

Раз. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! У меня денегъ куры не клюютъ. Вотъ бѣда моя — но вы станете смѣяться!

Чухл. Сдѣлайте милость, скажите.

Раз. Скажите прежде вы сами: вѣрите-ли вы примѣтамъ?

Чухл. Примѣтамъ? Да какъ-же не вѣрить!

Раз. Вѣрите-ли вы снамъ?

Чухл. Снамъ? Но неужели имъ не должно вѣрить?

Раз. Вѣрите-ли вы предчувствіямъ?

Чухл. Да помилуйте! Ужь всегда, если я лѣвой ногой съ кровати ступлю, голова у меня заболитъ; всегда, если вижу во снѣ, что зубъ у меня выпалъ, кто нибудь да умретъ; всегда, если тоска беретъ меня, такъ, что вотъ подрался-бы съ кѣмъ нибудь — того и смотри, что съ женой поссоришься...

Digitized by Google

Раз. Вотъ нахожу я въ васъ человѣка, который разсуждаетъ благоразумно. Но есть шма людей, которымъ, что ни говори — только смѣются!

Чухл. Это какіе-нибудь фанфароны, безбожники... Пожалуй, недавно одинъ сказалъ мнѣ, что онъ чорту *не вѣритъ (плюетъ)* — наше мѣсто свято!

Раз. Вотъ, сударь, разсудите: вчера, спалъ я одѣвашься, и надѣлъ жилетъ навыворотъ —

Чухл. Ну, это значитъ, что вамъ быть пьяну, либо биту.

Раз. Ѣду въ гости...

Чухл. Ну, и васъ прибили?

Раз. Нѣтъ, меня оставили только обѣдать —

Чухл. Вамъ-бы ужь поскорѣе напиться, шакъ и бѣси-бы въ воду!

Раз. И разсыпалъ я соль за столомъ!

Чухл. Охъ! это кулаками шакъ и пахнетъ!

Раз. Испугался я — глядь: насъ за столомъ — шринадцать!

Чухл. Несчастный!

Раз. Тогда вспомнилъ я, что и день-то — понедѣльникъ!

Чухл. Я... я трепещу за васъ: вамъ не сдобровать!

Digitized by Google

Раз. Но разсудите, что все это не могло-же даромъ случиться въ одинъ день: это шутки какого нибудь злаго человѣка.

Чухл. О, весьма, всего вѣроятнѣе!

Раз. Вотъ я и прибѣжалъ теперь къ Доброву, чтобы онъ мнѣ помогъ.

Чухл. Какъ? Да будто онъ знаетъ что нибудь? Онъ, кажется, ничему такому и не вѣритъ...

Раз. О, такъ онъ передъ вами секретничаетъ! Помилуйте, онъ вѣритъ всему: мертвецамъ —

Чухл. А, а!

Раз. Домовымъ и вѣдьмамъ —

Чухл. О, о!

Разс. Снамъ, примѣтамъ, предчувствіямъ, заговорамъ, приворотамъ, отворотамъ —

Чухл. Та, та, та!

Раз. *(тихо)* Онъ обѣщалъ мнѣ позвать — только, ради Бога, никому ни слова — позвать одного — но вы разболтаете, и мнѣ бѣда —

Чухл. Провались я въ таръ-тарары, если скажу словечко, хоть самому себѣ...

Раз. *(тихо)* Онъ обѣщалъ позвать сегодня знахаря, Пантелея колдуна.

Digitized by Google

Чухл. Панпелея! Гдѣ-же, гдѣ онъ? Вѣдь это тотъ самый, что живетъ намъ въ Рогожской?.. Охъ! давно хотѣлось съ нимъ погадать, поворожиться —

Раз. Да знаете-ли, какой это колдунъ?

Чухл. Да за кого вы меня принимаете, Мил. Государь, чтобы я о Панпелеѣ не слыхивалъ? Я вамъ разскажу, кто въ Москвѣ лучше всѣхъ лечитъ заговоромъ лихорадку, кто заговариваетъ зубы, кто по рукамъ узнаетъ, кто сны толкуетъ, кто ворожитъ на водѣ, на кофе, на сухаряхъ, на картахъ, на горохѣ, псалтирью... даромъ, что я провинціялъ, и недавно въ Москву пріѣхалъ.

Вотъ этакъ всѣ вы, Москвичи,
За простяковъ считать охочи.
Нѣтъ! нашу брашью не учи!
Тягаться съ вами нѣтъ намъ мочи,
Но знаетъ, право, съ васъ, нашъ братъ,
Хоть и породы деревенской;
Иной, Рязанскій, иль Смоленскій,
Умомъ не меньше васъ богатъ!

Раз. Я и не думалъ такимъ образомъ судить о васъ, но только не зналъ...

Чухл. Говорите-ка поскорѣе: что-же Панпелей?

Раз. Да ничего. Какая-то барыня увезла его изъ Москвы верстъ за сорокъ, заговаривать зубы.

Digitized by Google

Чухл. Эшакая досада!

Раз. Но вамъ-шо что?

Чухл. А то, что кстати и я-бы поворожилъ.— Охъ! у меня есть одна заноза въ сердцѣ... ужь куда какъ больно можжитъ!... Но, послушайте: неужели племянникъ, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ скрывалъ отъ меня, что онъ вѣритъ...

Раз. Чему-же вы дивитесь?

Что́ теперь на бѣломъ свѣтѣ
Не припрятавшись живетъ?
Дамы спрятаны въ корсетѣ,
Деньги спрятались въ расходъ,
Совѣсть мѣлочью въ народѣ,
Капиталъ ея весь скрытъ,
И, въ похвальной, громкой одѣ,
Смѣлый спрятался піитъ.

Чухл. А, такъ стало быть у васъ въ Москвѣ теперь такая мода, что всѣ въ жмурки играютъ... Но что это — слышите?

(Грубый голосъ въ другой комнатѣ)

Раз. Ахъ, меня морозомъ подрало по кожѣ! Вѣдь это — Пантелей! Видно, онъ пріѣхалъ...

Чухл. Что-же бояться? Давайте его сюда — поколдуемъ, поворожимъ!

Раз. Что вы это расхрабрились? Да какъ онъ разсердится, и перекинетъ васъ оборотнемъ — собакой, либо волкомъ?

Digitized by Google

Чухл. Ахъ! въ самомъ дѣлѣ. Вотъ тебѣ на— пропадешь ни за копѣйку!

Раз. Я такъ разстроенъ, что пойду немного собрашься съ духомъ. *(поспѣшно уходитъ)*

Чухл. Да куда-же вы? Я останусь одинъ, съ этимъ бѣсовымъ сыномъ... Ахъ! нѣтъ бишь— добрымъ человѣкомъ! *(громко)* Я всегда его и за очи уважалъ: за что-же ему на меня гнѣваться...

(До слѣд. N°)

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

L'une des plus jolies comme aussi des plus nouvelles couronnes ou guirlandes *à la Cérès* que l'on puisse voir sur la tête d'une belle danseuse, aux cheveux noirs, ou aux cheveux blonds, ou aux cheveux bruns (la couleur n'y fait rien), se compose de la réunion de quatre espèces d'épis de froment, artistement mélangés : les uns vert-vert, les autres vert-jaune; ceux-ci en or, ceux-là en argent, l'effet de ce mélange est délicieux.

A un bal, une coeffure à l'athénienne était ornée d'une guirlande en feuilles de chêne, en satin vert, parmi lesquelles brillaient des glands en or, parfaitement imités; après avoir traversé le front, comme une ferronnière, cette guirlande formait spirale autour de la natte de cheveux formant le chou derrière la tête.

Nous avons vu, dans les magasins, des crêpes de Chine blancs, à raies satinées et impressions, d'un charmant effet en robes de soirées, et, pour robes du matin, des stoffs petits damiers, vert et noir, rouge et noir, bleu et solitaire, qui font une nouveauté tout-à fait de saison.

(*) Въ Парижѣ, до 31 Декабря (н. сти.)

Digitized by Google

Les robes de bal n'ont jusqu'à présent aucune garniture ; nous entendons par le mot garniture un ornement qui s'applique, à une hauteur quelconque, autour de la jupe.

Une charmante nouveauté qui, par l'excès de vérité avec lequel elle est imitée, fait honneur au talent de M. Cartier fils, fleuriste, est une grosse rose, qu'il nomme la rose à gouttes d'eau. Cette fleur semble avoir sur l'un de ses pétales et sur quelques-unes de ses feuilles des gouttes d'eau, on ne peut mieux imitées, et qui, à la lumière, jettent l'éclat des diamans. Déjà plusieurs dames ont adopté cette rose, qui doit faire fureur cet hiver.

Одна изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ новыхъ гирляндъ à la Cérès, на головѣ танцующей дамы, бѣлокурой, или съ волосами черными, или темными — потому что цвѣтъ волосовъ не значитъ ничего — дѣлается изъ четырехъ разныхъ родовъ колосьевъ пшеницы, искусно перемѣшанныхъ: зеленыхъ, зеленожелтыхъ, золотыхъ, и серебряныхъ. Это смѣшеніе очаровательно для глазъ.

На одномъ балѣ, прическа *Аѳинская* была украшена гирляндою изъ дубовыхъ листьевъ, сдѣланныхъ изъ зеленаго атласа: между ими блистали зо-

Digitized by Google

лотые жолуди, превосходно сдѣланные. Такая гирлянда, прошедши, на подобіе ферроньеры, по лбу, виншообразно окружаетъ плешушку волосовъ, которая образовываетъ кочанъ назади головы.

Въ магазинахъ Парижскихъ продается Китайскій бѣлый крепъ, шисненый и съ ашласистыми полосами, прелестный для вечернихъ платьевъ; для утреннихъ-же въ модѣ шлофъ, съ узоромъ шахматной доски, зеленымъ и чернымъ, краснымъ и чернымъ, голубымъ и солишеръ. Это настоящая зимняя мода.

Бальныя платья донынѣ дѣлаюшся безъ всякой уборки кругомъ юпки.

Явилось новое изобрѣтеніе, дѣлающее честь цвѣшочному мастеру Г-ну Каршье: это, большая роза, названная имъ *вспрыснутою водой*. На этомъ цвѣшкѣ видны капли воды; онѣ висятъ на лепешкѣ и на листьяхъ, шакъ естественно, шакъ очаровашельно! При освѣщеніи, блескъ ихъ подобенъ блескубриліяншовъ. Уже многія дамы носятъ эту розу, и вѣроятно, что нынѣшнею зимою она войдетъ въ страшную моду.

Digitized by Google

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Прическа, увитая золотомъ, и украшенная гирляндою виноообразно. Платье, убранное лентами и цвѣтами.

Мужчина. Верхній сюртукъ à jupe, и съ широкими лацканами. Фракъ съ золотыми пуговицами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 22 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Іосъ Цвѣтаевъ.

Digitized by Google

Въ Парижѣ 31 Декабря (ня) 1831.

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ Парижѣ 20 Декабря (1го) 1831.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 23 Моск. Телегр. 1831 г.

Пис. Норткотъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ 23. Декабрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

Музыки въ Италіи.

Соч. Фетиса.

«*Музыка погибла*,» писалъ въ 1704 году хорошій музыкантъ Бенедетто Марчелло, хотя его собственныя сочиненія опровергали это мнѣніе. Современникъ Александра Скарлатти, предшественникъ Перголеза, Лео, Іомелли, онъ присутствовалъ при рожденіи Музыки Драматической, не зная того, и полагалъ, что ему надобно говорить ей надгробное слово.

«*Музыка гибнетъ*,» со вздохомъ говорилъ Рамо, не подозрѣвая, что въ 1760 году, не смотря на всѣ его усилія, Музыка еще не существовала во Франціи.

«*Музыка погибнетъ!*» восклицаютъ въ наше время старые любители, чувствительные болѣе къ воспоминаніямъ своей юности, нежели къ нововведеніямъ современнымъ, и согласные въ семъ

Digitized by Google

случаѣ съ нѣкоторыми музыкантами, чувствующими, какъ сбывается надъ ихъ сочиненіями тотъ печальный жребій, который предсказываютъ они Искуству. Прежде нежели разсмотримъ, до какой степени справедливы сіи восклицанія, замѣтимъ, что постепенное уменьшеніе оныхъ утѣшительно: оно доказываетъ, что *Музыка не погибнетъ.*

Тихо образовывалось сіе Искуство. Совершенно механическое въ началѣ, оно слѣдовало въ успѣхахъ своихъ за усовершенствованіями методы пѣвцовъ, инструментистовъ и школъ. Послѣ каждаго переворота думали, что цѣль достигнута, и что далѣе идти нѣкуда. Но какъ велико было разстояніе отъ драмъ Скарлатти, составленныхъ изъ арій и речитативовъ, съ аккомпаньеманомъ двухъ скрыпокъ и баса, до огромныхъ созданій нашего времени, усѣянныхъ хорами и общимъ пѣніемъ, еще больше усиливаемыми роскошью нашихъ шумныхъ оркестровъ. Немного было сходства между тихими, простыми каппиленами Перголеза, Лео, и трудностями, какія преодолѣваютъ нынѣшніе пѣвцы. Однѣ отличались нѣжностью пѣнія, простотой въ выраженіи и чистотою гармоніи, другія замѣчательны сближеніемъ эффектовъ, о коихъ не льзя было составить себѣ понятія въ половинѣ осмнадцатаго столѣтія. Отъ простаго перешли къ сло-

Digitized by Google

жному: ходъ естественный. Покуда приблизились къ границамъ нашихъ чувственныхъ и умственныхъ способностей, каждый шагъ въ Искусствѣ былъ новымъ завоеваніемъ, потому что прибавлялъ нѣчто къ прежнему. Такимъ-то образомъ были пройдены всѣ степени, въ Италіи отъ Кариссими до Пезарскаго капельмейстера, въ Германіи отъ Кейзера до Моцарта, во Франціи отъ Камбера до Буаэльдьё.

Музыка живетъ ощущеніями, которыя бываютъ тѣмъ живѣе, чѣмъ разнообразнѣе. Они скоро старѣются, потому что при безпрерывномъ употребленіи Музыки, необходимость въ новомъ бываетъ скорѣе чувствительна въ семъ Искусствѣ, нежели во всякомъ другомъ. Здѣсь причина и вниманія къ переворотамъ, и энтузіасма, какой возбуждаютъ они. Отъ сего также сожалѣнія тѣхъ, кто смотритъ на привычныя формы, какъ на единыя возможныя; отъ сего и всегдашнія восклицанія: *Музыка гибнетъ, погибла*; это значитъ, что Музыка только перемѣнила форму.

Правда, иногда можно пожалѣть и о томъ, что оставляютъ изъ любви къ модѣ. Настоящій способъ обогащать Искусство состоитъ въ томъ, чтобы хранить всѣ стили, всѣ формы, всѣ средства, и кстати употреблять ихъ; но чувствованія не смотрятъ на разсудокъ; люди

Digitized by Google

свободно ищутъ наслажденія, и не ихъ вина, если они не чувствуютъ его при томъ, что восхищало ихъ отцовъ: надобно дать поцарствовать и модѣ. Справедливо, что господствующій вкусъ часто заставляетъ примѣнять модный стиль къ такимъ предметамъ, къ которымъ онъ нейдетъ. Такъ, напримѣръ, излишество въ *фіоритурахъ*, коими нынѣ обременяютъ положенія самыя драматическія, вредитъ истинѣ, даже условной, принятой на театрѣ. Эти вальсовыя движенія, эти crescendo, и всѣ блестящія гремушки нынѣшняго времени, приноровленныя къ игрѣ на органахъ и церковной музыкѣ — что дѣлаютъ нынѣ въ Италіи — производятъ чудовищныя нелѣпости и превращаютъ церковь въ генгету. Но пресыщеніе избавитъ насъ отъ этихъ дурачествъ, заставляющихъ вздыхать — *знатоковъ*, сказалъ-бы я охотно, если-бы энтузіасты не называли ихъ *педантами*. Всѣ уклоненія, въ какія можетъ увлечь фантазія, суть только уродливости, не показывающія упадка Искуства, столь часто и столь несправедливо предрекаемаго Музыкѣ. Развѣ у насъ не было школы Давида послѣ школы Буше?

Можетъ быть однакожъ, что иныя страны болѣе другихъ испытываютъ вліяніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и что Искуство бываетъ тамъ въ упадкѣ временномъ. Напримѣръ, съ

Digitized by Google

нѣкотораго времени, изъ устъ путешественниковъ слышатся страшныя слова: «Въ Италіи уже нѣтъ Музыки!» Въ Италіи нѣтъ Музыки! Стало быть тамъ болѣе нѣтъ и Итальянцевъ? Слухъ, столь странный, возбуждающій удивленіе и любопытство всѣхъ друзей сего прекраснаго Искусства, обратилъ на себя мое вниманіе, и заставилъ меня собрать всѣ свѣдѣнія, всѣ поясненія, какія только могъ я достать. Представляю слѣдствіе своего труда, полагая, что подробности могутъ быть любопытны для моихъ читателей. Я переберу композиторовъ, пѣвцовъ, инструменшистовъ и школы. При изысканіяхъ моихъ будутъ и краткія извѣстія о главнѣйшихъ артистахъ.

Оканчивалась одна изъ блистательнѣйшихъ эпохъ Драматической Музыки въ Италіи. Трое геніяльныхъ современниковъ, Гульиэльми, Паизіелло и Чимароза наводнили сцену произведеніями прелестными, образцами пѣнія, пріятности, ума и оригинальности. Перваго уже не было; второй отказался отъ успѣховъ театральныхъ, а третій только что усладилъ слухъ лебединою пѣснью, въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ: Il Matrimonio segreto, Astuzzie femminili, и l'Artemisia. Похвальное соревнованіе заставило устремиться, на театральное поприще, толпу желавшихъ наслѣдовать славу сихъ

Digitized by Google

великихъ художниковъ. Изъ сего числа самые искусные были: Маиръ, Фаринелли, Фіорованши, Никколини, Паэръ, и Нацполини. Но какая разница быть искуснымъ, и быть геніемъ! Сіи музыканты, довольные бо́льшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ въ подражаніи образцамъ своимъ, не думали ничего изобрѣтать ни въ пѣніи, ни въ эффектѣ. Правда и то, что изобрѣтаютъ не думая о томъ. Сочиненія ихъ отличались только легкою разницею въ стилѣ, что было слѣдствіемъ обстоятельствъ, въ коихъ находились сіи авторы. Такъ Маиръ и Паэръ, жившіе въ Германіи, приближались къ школѣ Моцарта; Фіорованши взялъ въ образецъ манеръ Гульиэльми, а Фаринелли сдѣлался подражателемъ Чимарозы. Изъ всѣхъ сихъ именъ, болѣе другихъ блистали имена Маира и Паэра.

Іоаннъ Симонъ Маиръ, или Майеръ, родился въ Мендорфѣ, небольшомъ селеніи Верхней Баваріи, 14 Іюня 1763 года. Онъ представляетъ собою весьма рѣдкій примѣръ артиста, который заслужилъ почетную извѣстность, хотя поздно началъ изучать основанія своего Искусства, и хотя первое сочиненіе его явилось тогда, какъ онъ былъ уже не молодъ. На двадцать шестомъ году своей жизни пришелъ онъ въ Италію, и началъ учиться композиторству подъ надзоромъ Карла Ленци, капельмейстера въ

Digitized by Google

Бергамо, а послѣ подъ надзоромъ Фердинанда Бертини, въ Венеціи. Ему совершился придцать одинъ годъ, когда представлена была, въ Венеціи, въ 1794 году, первая опера его: Saffo, ossia i riti d'Apollo Leucadio. За этимъ сочиненіемъ слѣдовало шестьдесятъ три оперы, семь ораторій и болѣе двадцати обѣденъ, вечеренъ, Miserere, Benedictus и Stabat. Все это было сочинено имъ въ теченіе двадцати годовъ. Почти всѣ свои произведенія писалъ Маиръ для Венеціи и Милана; только одно изъ нихъ было представлено въ Римѣ и два въ Неаполѣ. Музыка его пользовалась въ Италіи большимъ уваженіемъ; нынѣ открываютъ, что въ ней мало эффекта. Дѣйствительно, въ пѣніи его часто нѣтъ души; за то у него инструментовка гораздо блистательнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ въ Италіи. Нынѣ Маиръ живетъ уединенно въ Бергамо. Онъ пересталъ трудишься для театра, но еще пишетъ церковную музыку, и съ успѣхомъ.

Валентинъ Фіораванти родился въ Римѣ, въ 1771 году. Онъ началъ свое драматическое поприще въ 1791 году, оперою-буффа: Con i matti il savio la perde, которая была представлена во Флоренціи. Двадцать два другія сочиненія его пріобрѣли мирный успѣхъ на главнѣйшихъ театрахъ Италіи. Лучшія суть: le Cantatrice villane, la Capriciosa pentita, la Sposa

Digitized by Google

di due Mariti, и i Virtuosi ambulanti. Послѣднее было написано въ Парижѣ, въ 1808 году. Музыка Фіораванти имѣетъ эффектъ въ родѣ буффы, но идеи въ ней самыя обыкновенныя. Онъ одолженъ своими успѣхами умѣнью располагать фразы въ многоголосныхъ отрывкахъ. Переворотъ въ театральной музыкѣ, совершившійся въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, заставилъ Фіораванти умолкнуть. Послѣ многихъ блистательныхъ неудачъ, онъ отказался отъ сцены, и теперь управляетъ оркестромъ въ Сикстинѣ.

Іосифъ Фаринелли, родившійся въ Эстѣ Падуанскомъ, около 1770 года, учился Музыкѣ въ Консерваторіи della Pieta de Turchini, въ Неаполѣ. Вышедши изъ сей школы въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, онъ предался сочиненію музыки драматической, и единственно подражая стилю Чимарозы, пріобрѣлъ успѣхи почти во всѣхъ городахъ Италіянскихъ. Въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ, онъ написалъ сорокъ девять оперъ, изъ коихъ почитаютъ лучшими: la Locandiera, la Pamela maritata, Teresa e Claudio, il Duello per complimento, и il Matrimonio per concorso. Надобно согласиться, что ограничиваясь почти всегда подражаніемъ, Фаринелли бывалъ въ немъ очень счастливъ. Всѣ знаютъ прелестный дуэтъ: No, non credo a quel che dite, который былъ вмѣщенъ въ il Matrimonio segreto и почитался сочи-

Digitized by Google

неніемъ Чимарозы. Съ 1812 года Фаринелли отказался писать для театра. Онъ вступилъ, вмѣсто Бонифація Азіоли, въ должность Директора Миланской Консерваторіи; впрочемъ, сей искусный Профессоръ остается незамѣненнымъ.

Въ небольшой деревнѣ Венеціянской области, въ 1768 году родился Себастіанъ Наццолини. Онъ учился Музыкѣ въ Консерваторіи dei Mendicanti, въ Венеціи. Двадцати двухъ лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Англію, сочинить свою оперу: *Меропа*. Возвратившись въ Италію въ 1791 году, онъ написалъ тамъ четырнадцать драматическихъ сочиненій, изъ коихъ замѣчательны: La Morte di Cleopatra, и le Feste d'Iside, обѣщавшія, казалось, нѣчто хорошее. Но Наццолини умеръ тридцати одного года, въ 1799 году, въ Венеціи. Не имѣя силы, сей композиторъ умѣлъ выражать пріятное и писалъ съ успѣхомъ однѣ аріи.

Болѣе мужественный, но неровный, Іосифъ Никколини родился въ Піаченцѣ, въ 1774 году. Его музыка въ стилѣ важномъ тоже, что Фіорованціева въ буффѣ. Изучивши первыя основанія Музыки подъ надзоромъ своего отца, Омобоно Никколини, Капельмейстера въ Піаченцѣ, онъ вступилъ въ Консерваторію S.-Onofrio, и пользовался уроками Дж. Инсангуине и Чимарозы.

Digitized by Google

Окончивъ ученіе, онъ написалъ свою первую оперу: La Familia stravagante, которая и была представлена въ Пармѣ, въ 1793 году. За симъ первымъ опытомъ слѣдовали его шестьдесятъ семь драматическихъ сочиненій. Кромѣ того, Никколини написалъ много ораторій, двадцать четыре обѣдни, восемьдесятъ псалмовъ, три Miserere, два De profundis, нѣсколько молебновъ, сонатъ для фортепіано, квартетовъ для скрыпки, и каншатъ. Будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ не могъ, во время послѣдняго музыкальнаго переворота, перемѣнить своего способа сочиненія; сверхъ того, онъ не имѣетъ оригинальности, необходимой для выгодной борьбы стараго стиля съ новымъ; однакожь не перестаетъ писать и донынѣ. Много разъ онъ обезславилъ свое имя.

Еще нѣсколько именъ, болѣе неизвѣстныхъ, встрѣчаются въ числѣ музыкантовъ, писавшихъ отъ 1790 до 1812 года. Таковы: Федеричи, Моска и Ньекко. Винценшій Федеричи родился въ Пезаро, въ 1766 году. Едва принявшись за изученіе Музыки, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ шестнадцати лѣтъ. Тамъ опредѣлился онъ пианистомъ въ Итальянскій Театръ, и занялся изученіемъ партитуръ Дюранте и нѣкоторыхъ другихъ искусныхъ художниковъ. Написавши для Лондонскаго Театра: Olimpiade, Demofoonte,

Digitized by Google

la Zenobia, и нѣсколько другихъ сочиненій, онъ возвратился въ Италію въ 1803 году, и сочинялъ для всѣхъ театровъ до самаго 1811 года. Его стиль имѣетъ сходство съ Фаринелліевымъ, но нѣсколько слабѣе. Францискъ Моска, Миланецъ, не былъ одаренъ геніемъ и не зналъ музыки. Однакожъ онъ написалъ до двадцати сочиненій, жившихъ немного долѣе времени своего рожденія. Единственное достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ первый употребилъ постепенное движеніе оркестра, при однообразномъ ходѣ баса, извѣстное подъ названіемъ crescendo, которое впослѣдствіи занялъ у него Россини и сдѣлалъ славнымъ подъ своимъ именемъ. Говорятъ, что это похищеніе воспламенило гнѣвъ бѣднаго Моска, сильно объявлявшаго свои права; но противникъ его заставилъ смѣяться надъ этимъ, и публика согласилась съ нимъ.

Францискъ Ньекко, родившійся въ Генуѣ въ 1769 году, и умершій въ Миланѣ въ 1810-мъ году, написалъ только двѣнадцать сочиненій: изъ нихъ одно (La Prova d'un opera seria) было представлено въ Парижѣ, въ 1807 году. У этого музыканта пѣніе пошлое, и не смотря на то, что онъ учился контрапункціи подъ руководствомъ Маріани, ученаго Капельмейстера Савоннской соборной церкви, стиль его робокъ и неправиленъ.

Digitized by Google

Естественнымъ выводомъ изъ событій, нами изложенныхъ, будетъ то, что школы Итальянскія произвели до конца прошедшаго столѣтія композиторовъ, достойныхъ уваженія, но не отличившихъ сочиненій своихъ, впрочемъ довольно пріятныхъ, ни однимъ великимъ качествомъ. Музыка Итальянская была ознаменована какимъ-то истощеніемъ: ее любили еще, но любили какъ будто по привычкѣ. Замѣчательно, что, по видимому, даже не предполагали, чтобы могло быть иначе. Думали, что Музыка достигла совершенства, и что отселѣ она можетъ только упадать. Надобно было геніяльному человѣку доказать противное: и этотъ человѣкъ родился. Я сей часъ скажу, что сдѣлалъ онъ, и какими послѣдствіями ознаменовались его нововведенія.

Не странны-ли судьбы человѣческія! Одни и тѣ-же способности поставляютъ обладающаго оными на верхъ славы, или предаютъ его безвѣстности, смотря по обстоятельствамъ. Родись Наполеонъ въ 1720-мъ году: онъ прожилъ-бы свой вѣкъ въ неизвѣстности; но явившись сорокъ лѣтъ позднѣе, онъ наполнилъ вселенную своимъ именемъ. Моцартъ, которому не было и можетъ быть никогда не будетъ равнаго, Моцартъ вдругъ перешагнулъ всѣ постепенности, казалось необходимыя, между простою

Digitized by Google

музыкою его предшественниковъ, и его музыкою. Вѣкъ не былъ готовъ слушать его, потому что онъ опередилъ свое время; онъ и видѣлъ, что дарованій его не умѣютъ цѣнить. Только тѣнь Моцарта слышитъ жертву благоуханія, сожигаемаго нами на алтаряхъ его.

Россини! человѣкъ, обремененный дарами природы и ведомый рукой самаго счастія! Чувствуешь-ли ты всю цѣну своего времени? Если-бы ты родился современникомъ Чимарозы, Паизіелло, ты-бы долженъ былъ удовольствоваться славою раздѣленною; но ты увидѣлъ свѣтъ, когда онъ переставалъ существовать для сихъ великихъ людей, и твоя слава затмѣваетъ всѣ другія.

Что справедливо относительно тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ природа назначаетъ къ измѣненіямъ вида многихъ дѣлъ, то еще болѣе справедливо касательно тѣхъ, кому не благопріятствуетъ она. Сколько людей съ истиннымъ дарованіемъ не насладились достойною извѣстностью, потому что время было не для нихъ. Такъ братья Орджитано, Дженерали, Морлакки, и многіе другіе, принуждены были ограничиться не многими, мѣстными успѣхами въ Италіи, между тѣмъ какъ остальной музыкальный міръ и не вѣдалъ объ участіи ихъ въ драматическомъ переворотѣ, докончанномъ Рос-

Digitized by Google

сини! И все это потому, что изобрѣтенія ихъ были едва извѣстны, когда явился сей грозный соперникъ и приковалъ къ славѣ своего имени тѣ самыя открытія, которыя могли обезсмертить ихъ, между тѣмъ какъ для него были они случаями побочными.

Изъ двухъ братьевъ Орджитано, Неаполитанцевъ, Рафаэль имѣлъ дарованіе болѣе сильное: оно было оригинально. Формы его кантиленъ, расположеніе пьесъ, инструментовка, и всѣ части музыки, переходили за границы обыкновенныхъ пріемовъ капельмейстеровъ осмнадцатаго столѣтія, и предвѣщали переворотъ. Но Орджитано умеръ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и не успѣлъ осуществить надеждъ, возбужденныхъ имъ. Музыканты замѣтили арію сего композитёра, вмѣщенную въ оперу Pirro, игранную въ Одеонѣ, въ 1811 году. Стиль ея новъ и блестящъ. Его опера-буффа: Amore intraprendente, замѣчательна пѣніемъ самымъ счастливымъ; инструментовка у него точно Россиніевской школы.

Петръ Меркандетти, извѣстный подъ именемъ Дженерали, почитался даже у Итальянцевъ урожденцемъ Римскимъ; но онъ родился въ Массерано, близъ Верчелли, въ Піемонтѣ, въ 1787 году (см. Gregori, della Litteratura Vercellese). Въ самой ранней юности онъ пріѣхалъ съ

Digitized by Google

отцомъ своимъ въ Римъ, тамъ учился Музыкѣ, и сдѣлался отличнымъ композиторомъ. Природа надѣлила Дженерали самымъ счастливымъ геніемъ, и онъ могъ-бы занять мѣсто въ первомъ ряду музыкальныхъ художниковъ; но, увлеченный бурными страстями въ безпорядочную жизнь, онъ погрязнулъ въ самыхъ ничтожныхъ излишествахъ и погубилъ свои способности. Его плодовитость была равна дарованію, что можно видѣть изъ слѣдующаго исчисленія его оперъ, можетъ быть еще не полнаго. 1, Don Chisciotte; 2, La Pamela nubile; 3, le Lagrime d'una Vedova; 4, la Calzolara; 5, l'Adelina; 6, la Vedova delirante; 7, la Luisana; 8, il Ritratto del Duca; 9, la Moglie giudice del Marito; 10, Chi non risica non rosica; 11, Orgoglio ed Umiliazione; 12, le Gelosie di Giorgio; 13, il Marcotondo; 14, la Contessa di Colle Erbose; 15, il Bajazet; 16, la Cecchina; 17, l'Orbo che ci Vede; 18, il Servo padrone; 19, Rodrigo di Valenza; 20, Baccanali di Roma; 21, l'Idolo Cinese; 22, il Gabba mondo; 23, Elena ed Alredo; 24, Adelaide di Borgogna; 25, Chiara di Rosemberg; 26, la Testa miravigliosa, и проч. и проч. Въ Парижѣ извѣстна только небольшая опера Дженерали: *Аделина*, и та была ужасно обезображена несчастною Кантарелли. Впрочемъ, и послѣ хорошаго исполненія, судить о немъ по этой не-

Digitized by Google

большой пьесѣ было-бы столько-же несправедливо, сколько безразсудно принять мѣрою Россиніева дарованія La Scala di Seta.

Менѣе оригинальный, но достойный уваженія, Франциск Морлакки родился въ Перузѣ, въ 1784 году. Онъ также съ самаго начала явилъ себя очень выгодно. Послѣ первыхъ уроковъ въ Музыкѣ, которые давалъ ему Людовикъ Карузо, Неаполитанецъ, онъ былъ посланъ въ Болонію и въ Лоретту, учишься тамъ контрапункціи подъ руководствомъ отца Маттеи и Цингарелли. Издержки за него принималъ на себя Графъ Бальіони, образованный покровитель Искусствъ. Первымъ сочиненіемъ Морлакки для театра была интермедія: il Poeta in Campagna, представленная во Флоренціи въ 1807 году. За нею слѣдовали, въ томъ-же году опера-буффа il Ritratto (представлена въ Веронѣ); Corradino и Oreste, (представленныя въ Пармѣ, въ 1808 году); Enone et Paride, опера важнаго стиля, въ Ливорно; Rinaldo d'Asti, въ томъ-же году, въ Пармѣ; La Principessa per Ripiego, въ Римѣ; il Simoncino, тамъ-же; le Avventure di una Giornata, въ Миланѣ, въ 1809 году. Въ 1810-мъ онъ написалъ Le Danaïde. Въ слѣдующемъ году онъ былъ вызванъ въ Дрезденъ и сочинилъ тамъ: Raoul di Crequi; ораторію la Passione, въ 1812 году;

Digitized by Google

la Capriciosa Pentita, въ 1813-мъ году; il Barbiere di Seviglia, въ 1814-мъ. Черезъ два года была представлена, въ Пильницѣ, его la Villanella Rapita di Pirna. Isacco, оратория, была послѣднимъ сочиненіемъ его для Дрездена (въ 1817-мъ). Въ ней сдѣлалъ онъ опытъ декламаціи съ ритмомъ, написанной вмѣсто речитатива. Возвращеніе его въ Италію было ознаменовано важною оперою Laodicea, которая была представлена въ Неаполѣ, на театрѣ Санъ-Карло, и оперою Gianni di Parigi, представленною въ Миланѣ. Послѣдняя почитается однимъ изъ лучшихъ его сочиненій. Наконецъ, изъ сочиненій Морлакки извѣстны еще: la Morte d'Abele, оратория; DonnaAurora, опера-буффа; la Gioventu di Enrico quinto, Teobaldo ed Isolina, и многія другія оперы.

Три музыканта, о которыхъ я говорилъ сей часъ, казалось, были предназначены царствовать на лирической сценѣ Италіи, когда, вдругъ, одинъ молодой, двадцатилѣтній человѣкъ, послѣ двухъ неважныхъ сочиненій, названныхъ la Cambiale di Matrimonio, и l'Equivoco Stravagante, представилъ въ Венеціи, въ 1812 году, l'Inganno Felice, гдѣ увидѣли изобрѣтеніе вмѣстѣ съ кражею, дерзость на ряду съ робостью, счастливые напѣвы, оркестръ прелестный, и особенно одно тріо, образецъ пріятности и

Digitized by Google

комической живости. Этотъ молодой человѣкъ былъ Россини.

Іоахимъ Россини родился 27 Февраля 1792 года, въ Пезаро, небольшомъ городѣ Римской Области, на берегу Венеціянскаго залива. Родители его, Іосифъ Россини и Анна Гидарини, были бѣдные артисты: отецъ игралъ на валторнѣ въ оркестрахъ небольшихъ городовъ, а мать тамъ-же занимала голосъ seconda donna. Въ то время, когда на театрахъ не бываетъ представленій, они возвращались въ свой Пезарскій домикъ. Знаменитый артистъ, составляющій ихъ славу своими успѣхами, находитъ услажденіе въ томъ, что доставляетъ имъ тихое, независимое существованіе.

Россини былъ привезенъ своими родителями въ Болонью, въ 1799 году, но учиться Музыкѣ тамъ онъ началъ уже въ 1804 году, бывши двѣнадцати лѣтъ. Первымъ учителемъ его былъ Анджело Тезеи, священникъ. Онъ училъ Россини пѣнію, аккомпаньеману и нѣкоторымъ частямъ контрапункціи. Менѣе нежели въ три года, онъ сдѣлалъ столько успѣховъ, что былъ въ состояніи сидѣть за фортепіано, въ оркестрахъ нѣкоторыхъ небольшихъ городовъ, каковы Луго, Форли, Синигалья, гдѣ аккомпанировалъ своей манери въ 1806 году. Въ слѣдующемъ году вступилъ онъ въ Болоньскій Ли-

Digitized by Google

цей, гдѣ пользовался музыкальными уроками Маттеи. Но не тотъ человѣкъ былъ Россини, чтобы углубляться ему въ ученіе, котораго непосредственной цѣли онъ не видѣлъ. Ему была надобна ученость практическая, потому что она, не будучи основательною, ближе къ дѣлу. И вотъ почему онъ предпочиталъ, медленному изученію контрапункціи, методу переложенія въ партитуры сочиненій, ласкавшихъ его ухо, каковы квартеты и симфоніи Моцарта или Гайдена. Его развязный умъ и удивительная смѣлливость въ дѣлахъ и сочиненіяхъ, тотчасъ показали ему, что могло быть полезно для него въ публикѣ; а объ остальномъ онъ и не заботился. Вотъ гдѣ тайна небрежностей, находимыхъ въ сочиненіяхъ его, и прежде всѣхъ осмѣиваемыхъ имъ самимъ.

Въ 1808 году Россини представилъ публикѣ первыя сочиненія свои; это были, симфонія и кантата, названныя: il Pianto d'Armonia. Мы видѣли, каково было начало его театральнаго поприща. Послѣ Inganno Felice слѣдовала ораторія: Ciro in Babilonia, писанная имъ въ Феррарѣ; потомъ, въ Венеціи были даны: la Scala di Seta, l'Occazione fa il Ladro, и il Figlio per Azzardo. Наконецъ, во время карнавала 1813 года, явился *Танкредъ*. Тутъ открылось почти совершенное преобразованіе важной

Digitized by Google

оперы; тутъ живо блистали воображеніе юное, свѣжее, напѣвы плѣнительные, оркестръ очаровательный; тутъ, наконецъ, было то *новое*, котораго всѣ требуютъ у артистовъ, но которое рѣдко могутъ они давать. Что было не ново въ твореніи Россини, то было представлено имъ съ такою ловкостью, что казалось новымъ. Исключаю, однакожъ, хоръ перваго акта, котораго мотивъ и расположеніе просто взяты изъ Моцартовой *Женитьбы Фигаро*. Я не намѣренъ разбирать этого прелестнаго произведенія: двѣсти представленій въ Парижѣ, и всѣ нумера, во множествѣ разсѣянныя по Франціи, избавляютъ меня отъ всякаго разбора.

За *Танкредомъ* слѣдовала *Итальянка въ Алжирѣ*, никогда не имѣвшая отличнаго успѣха въ Парижѣ, хотя въ ней есть плѣнительная кавашина (Languir per una bella), и дуэтъ, одно изъ лучшихъ произведеній Россини. Впослѣдствіи, онъ подражалъ стилю сего послѣдняго въ мотивѣ квартета перваго акта *Ченерентолы*, Zitto, Zitto, piano, piano. Финалъ *Итальянки въ Алжирѣ* исполненъ комической живости; вотъ настоящій сценическій отрывокъ, много теряющій въ гостиной! Эту оперу играли въ Парижѣ прежде всѣхъ другихъ Россиніевыхъ; публика не была приготовлена къ новому роду, не поняла его, и предубѣжденіе осталось.

Digitized by Google

Не скажу ничего объ оперѣ: Pietra di Paragone, хотя я слышалъ изъ нея кой-что, при опытѣ въ Театрѣ Лувуа. Но думаю, что ни публика, ни я, не знаемъ этого сочиненія, которое было обрѣзано, общипано въ Парижѣ; да тогда-же и не было еще у насъ такихъ актеровъ, каковы Галли и Цуккелли, для ролей Дона Накувіо и Дона Марфоріо.

Aureliano in Palmira былъ написанъ въ Миланѣ, въ 1814 году, и не имѣлъ успѣха въ Италіи. Интродукція этой оперы есть одно изъ лучшихъ произведеній Россини. Мотивъ перваго хора: Sposa del grande Osiride, былъ послѣ употребленъ авторомъ въ кавашинѣ Севильскаго Цирюльника: Ecco ridente il Cielo. Мысль, употребить напѣвъ духовнаго хора въ серенадѣ, которую даетъ любовникъ своей любовницѣ, есть буффонство, прекрасно характеризующее знаменитаго сего артиста.

Турокъ въ Италіи и *Сигизмондо*, были написаны въ одинъ годъ съ *Аврелianомъ*, первый въ Миланѣ, другой въ Венеціи. Первый имѣлъ успѣхъ въ Парижѣ. Трio: un Marito Scimunito, дуэтъ: Per piacere alla signora, и квинтетъ втораго акта: O guardate che accidente! превосходны. Изъ *Сигизмондо* мы знаемъ только одну арію, которую пѣла Г-жа Паста въ Romeo e Giulietta.

Digitized by Google

Елисавета (1815) была дебютомъ Россини въ Неаполѣ. Дебютъ счастливый. Это сочиненіе не заслужило успѣха въ Парижѣ, хотя въ немъ играли сначала Г-жа Менвьелль-Фодоръ, а потомъ Г-жа Пасша. Увертюра изъ *Аврелiана* сдѣлалась увертюрою *Елисаветы*, и послужила также мотивомъ финала сей оперы; наконецъ, она-же служитъ увертюрою *Севильскаго Цирюльника*. Сей послѣдній былъ представленъ полтораста разъ прежде перваго представленія *Елисаветы*. Безпрерывное повтореніе изношенной фразы наскучило публикѣ и помѣшало успѣху. *Торвальдо и Дорлиска*, сочиненіе посредственное, также было играно въ Парижѣ, и пало съ размаха.

Наконецъ, въ 1816 году, въ Римѣ, Россини написалъ своего Barbiere di Seviglia, предметъ особеннаго обожанія Французовъ, достойный сего умомъ, прелестью, и обиліемъ своихъ мотивовъ. Говорятъ, что Римляне, предубѣжденные къ *Цирюльнику* Паизіелло, не хотѣли и слышать Россиніева въ день перваго представленія; но на другой день, они устыдились своего дурачества, и съ жаромъ рукоплескали тому, что освистали наканунѣ. Это мастерское произведеніе объѣхало всю Европу. Gazeta, сочиненіе пустое, предшествовала *Отеллу*, который былъ данъ въ Неаполѣ,

Digitized by Google

въ одинъ годъ съ первымъ представленіемъ *Цирюльника* въ Римѣ. Въ этомъ-то прелестномъ сочиненіи, Россини началъ измѣнять свой способъ длинными развитіями, которыя ввелъ въ свои важныя оперы, и блистаніемъ оркестра, который сдѣлался у него шумнѣе. Эту систему онъ вывелъ изъ границъ въ Mosè in Egitto, въ Maometto secondo, въ *Зельмирѣ* и *Семирамидѣ*.

Кто не знаетъ *Сороки воровки* (la Gazza Ladra) и *Ченеренполы*, написанныхъ въ Миланѣ и въ Римѣ, въ 1817 году? Первое изъ сихъ сочиненій — полу-важная опера, исполненная красотъ первоклассныхъ; второе, извѣстное Парижскимъ дилетантамъ съ тѣхъ поръ, какъ главныя роли играютъ Г-жа Монтбелли, Гг. Галли и Цуккелли. Этому сочиненію много повредили, перенесши изъ него лучшіе отрывки въ оперу: *Турокъ въ Италіи*. Такія перемѣщенія всегда портятъ музыку.

Изъ *Армиды* (въ Неаполѣ, 1817) извѣстенъ у насъ одинъ прославленный дуэтъ; но мнѣ всегда казался онъ неумѣстнымъ.

Adelaïde di Borgogna (въ Римѣ, 1818), Ermione (въ Неаполѣ, 1819), и Eduardo e Cristina (въ Венеціи, 1819), худо извѣстны и мало отличились успѣхомъ. Ricciardo e Zoraide (въ Неаполѣ, 1818) замѣчательна отлично хорошимъ тріо, а Bianca e Faliero (въ Миланѣ,

Digitized by Google

1820) квартетомъ, столь славнымъ. Есть въ Matilde di Sabran (предст. въ Римѣ, 1821) одинъ секстетъ, неизвѣстный Французамъ, но превосходный. *Дѣва озера* (Donna del Lago) претерпѣла въ Неаполѣ, 4 Октября 1819, совершенное паденіе, и была вознесена до небесъ на другой день. Это сочиненіе Россини было поняшо Французами съ особеннымъ трудомъ.

Въ Maometto secondo, Zelmira и Semiramide, много прелестнаго; но пріемы художника становятся замѣтно тяжеле. Что было тому причиной: дѣйствіе-ли системы, или усталость воображенія? Это могло рѣшить одно время — и дѣйствительно, *Вильгельмъ Телль* рѣшилъ сію задачу. Мнѣ остается разсмотрѣть красоты и недостатки сей музыки, пятнадцать лѣтъ занимающей весь міръ, и показать, какое вліяніе она имѣла и будетъ имѣть на Искуство и на художниковъ.

(Окончаніе въ слѣд. N°).

Digitized by Google

ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ КОТА МУРРА

и

ОТРЫВКИ БІОГРАФІИ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ІОГАННА КРЕЙСЛЕРА.

Соч. Э. Т. А. Гоффмана (*).

I.

Чувство бытія. Мѣсяцы юности.

Жить!.. Какъ это хорошо, торжественно, возвышенно! «О ты, сладостная привычка къ бытію!» восклицаетъ Нидерландскій герой въ Трагедіи. Такъ и я; только не по его, не въ горестное мгновеніе, когда надобно разставаться съ жизнію — нѣтъ! я восклицаю, лишь толь-

(*) Въ Предисловіи къ сему сочиненію, знаменитый Авторъ, принявши на себя роль издателя, увѣряетъ, что рукопись Кота Мурра, по недосмотру, была перемѣшана съ листами другаго сочиненія, Біографіею Крейслера, и такъ напечатана. Отъ того, сначала

Digitized by Google

ко проникнутъ полною радости мыслью, что я совершенно освоился съ этою сладостною привычкою, и ни сколько не хочу оставлять ея.

. . . . . .

О Природа, святая, величественная Природа! Вся радость, весь восторгъ твой проникаютъ въ мою волнующуюся грудь, и твое, таинственно вѣющее дыханіе окружаетъ меня! Ночь холодна, и я хотѣлъ было... однакожь, станетъ ли кто читать меня или нѣтъ, а вѣрно не поймутъ моего высокаго одушевленія, потому что не знаютъ той высокой точки, на которую возлетѣлъ я... вскарабкался, было-бы сказано

идетъ у него отрывокъ изъ сочиненія Мурра, потомъ отрывокъ изъ Біографіи Крейслера, и такъ далѣе, до конца всего романа, состоящаго въ двухъ томахъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что геніяльный бредъ Мурра имѣетъ необходимую связь съ жизнью Крейслера; но должно упомянуть, что это изящное созданіе Гоффмана замѣчательно еще и тѣмъ, что оно было послѣднимъ его сочиненіемъ. Авторъ дописывалъ его уже на смертномъ одрѣ. Желательно, чтобы этотъ романъ, вполнѣ переведенный на Русскій языкъ, былъ вполнѣ и напечатанъ. Публика наша получила-бы отъ того наслажденіе неизъяснимое. *Изд.*

Digitized by Google

точнѣе; но ни одинъ поэтъ не говоритъ о своихъ ногахъ, хотя-бы ихъ было у него четыре, какъ у меня: говорятъ только о своихъ крыльяхъ, хотя-бы они были не природныя, а работы какого нибудь искуснаго механика. Надо мной сводъ отдаленнаго звѣзднаго неба; полная луна кидаетъ на землю свои лучи, и вокругъ меня покоятся въ серебристо-огненномъ блескѣ кровли и башни. Подо мною постепенно умолкаетъ бурливая суматоха въ улицахъ; тише и тише становится ночь; облака бѣгутъ; одинокая голубка, воркуя свои жалобныя любовныя пѣсни, вьется кругомъ колокольни. О, для чего эта милая малютка не приблизится ко мнѣ! Меня волнуетъ какое-то внутреннее, дивное ощущеніе; какой-то странный аппетитъ влечетъ меня къ ней съ непобѣдимою силою. О, если-бы милая краса пришла сюда, я прижалъ-бы ее къ своему влюбленному сердцу и никогда не выпустилъ-бы.... Но, вотъ, она влетаетъ въ свою голубятню, измѣнница! а я остаюсь безъ надежды, на кровлѣ!.. Какъ рѣдка истинная симпатія душъ въ этотъ ничтожный, сухой, лишенный любви вѣкъ!

Да неужли ходить на двухъ ногахъ, прямо, есть уже такое великое дѣло, что родъ, называющій себя человѣками, рѣшается присвоить

себѣ господство надъ всѣми нами, которые съ надежнымъ равновѣсіемъ прогуливаемся на четырехъ ногахъ? Знаю, знаю: они почитаютъ страхъ какъ великимъ нѣчто, запертое у нихъ въ головѣ, и называемое ими *умъ*. Не могу составить себѣ вѣрнаго понятія, что разумѣютъ они подъ этимъ; но, кажется что, если судить по нѣкоторымъ словамъ моего господина и покровителя, умъ есть только способность знать что̀ дѣлаешь, и не дѣлать глупостей...— А какъ проходитъ жизнь и какъ начинается она, этого не знаетъ никто. По крайней мѣрѣ такъ случилось со мной, и я догадываюсь, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не знаетъ, собственнымъ опытомъ, какъ и гдѣ онъ родился: знаютъ по преданію, и то, всего чаще, невѣрному. Города спорятъ о мѣстѣ рожденія одного знаменитаго человѣка, и также останется навсегда невѣдомымъ, потому что самъ я не знаю о томъ ничего рѣшительнаго, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, или не увидѣлъ я, а гдѣ въ мірѣ увидѣла меня дорогая маменька: въ погребѣ, на вышкѣ, или въ полѣницѣ? На глазахъ моихъ, по свойству нашего рода, лежала темная завѣса. Какъ сквозь сонъ помню о нѣкоторыхъ рѣзкихъ и крикливыхъ звукахъ, раздававшихся вокругъ меня: и нынѣ я невольно произношу ихъ, когда гнѣвъ владѣетъ мною. Яснѣе, и по-

Digitized by Google

чти съ полнымъ самосознаніемъ помню себя въ тѣсномъ какомъ-то убѣжищѣ, съ мягкими стѣнами, гдѣ я съ трудомъ переводилъ дыханіе, и, чувствуя тоску и горе, кричалъ жалобнымъ голосомъ. Вдругъ, что-то проникло въ мое убѣжище, и самымъ грубымъ образомъ обхватило мое тѣло: тутъ я имѣлъ случай въ первый разъ ощутить и употребить въ дѣло дивную силу, которою одарила меня природа. Изъ покрытыхъ шерстью, переднихъ лапъ своихъ, выпустилъ я острые, ловкіе когти, и вонзилъ ихъ въ то вещество, которое обхватило меня, и которое, какъ я послѣ узналъ, было не иное что какъ человѣческая рука. Эта рука вытащила однакожъ меня изъ убѣжища, и бросила о землю. Почти въ тоже время почувствовалъ я два жестокіе удара по обѣимъ сторонамъ моей головы, гдѣ нынѣ, могу сказать, красуется осанистая борода. Я догадываюсь, что рука, уязвленная игрою мускуловъ моихъ лапъ, наградила меня парою оплеухъ, и тогда-то я въ первый разъ испыталъ... причину и дѣйствіе оной. Опять инстинктъ заставилъ меня такъже скоро спрятать свои когти, какъ я выпустилъ ихъ. Впослѣдствіи, это вбираніе когтей было справедливо признано самымъ величайшимъ изъявленіемъ добродушія, любезности, и названо *бархатною лапкою.*

Digitized by Google

Я уже сказалъ, что рука бросила меня о землю. Тотчасъ послѣ этого она схватила меня за голову, наклонила ее, такъ что я ушкнулся своимъ рыльцемъ въ какую-то жидкость, и — самъ не знаю какъ это случилось: вѣрно физическій инстинктъ — я началъ лизать эту жидкость, и почувствовалъ удивительное наслажденіе во всемъ составѣ своемъ. Теперь знаю, что я наслаждался тогда молокомъ; я былъ голоденъ, и насытилъ себя. Такъ, послѣ нравственнаго образованія, настало для меня и физическое.

Снова взяли меня, только поучтивѣе прежняго, двѣ руки, и положили на теплое, мягкое ложе. Мнѣ сдѣлалось все лучше и лучше, и я началъ выражать свое внутреннее довольство, то есть началъ издавать тѣ странные, одному нашему роду свойственные звуки, которые у людей извѣстны подъ названіемъ мяуканья. Такъ пошелъ я впередъ, исполинскими шагами, на поприщѣ свѣтскаго образованія. Какое преимущество, какой драгоцѣнный даръ неба, эта способность выражать внутреннее, физическое довольство звуками и тѣлодвиженіями! — Сначала я только мурлыкалъ; потомъ открылась во мнѣ неподражаемая способность вертѣть хвостомъ, змѣевидно и волнообразно, самымъ при-

Digitized by Google

ятнымъ образомъ; наконецъ явился чудный даръ, однимъ словцомъ: *плач*! выражать радость, горе, наслажденіе, восторгъ, тоску и отчаяніе, словомъ: всѣ ощущенія и страсти, во всѣхъ ихъ многочисленныхъ постепенностяхъ. Что значитъ языкъ человѣческій передъ этимъ, самымъ простымъ изъ всѣхъ простыхъ средствъ быть понятнымъ! Но, пойдемъ далѣе въ поучительномъ и достопамятномъ повѣствованіи о моей, богатой событіями, юности!

Я пробудился отъ глубокаго сна: ослѣпительный блескъ окружилъ и испугалъ меня. Съ глазъ моихъ спала завѣса: я получилъ зрѣніе.

Прежде нежели могъ я привыкнуть къ свѣту, или еще болѣе къ пестрой, разнообразной всячинѣ, представившейся моимъ глазамъ, много разъ принужденъ я былъ чихать ужасно; вскорѣ однакожъ это пришло въ порядокъ, и я сталъ употреблять зрѣніе какъ давнюю способность.

Видѣть!.. Это удивительная, высокая привычка! Безъ нея, вообще было-бы трудно поддерживаться въ свѣтѣ. Счастливы тѣ даровитыя существа, которымъ такъ-же легко какъ мнѣ усвоится способность видѣть.

Признаюсь, что я однакожъ испугался немного, и не могъ удержаться отъ такого-же горестнаго крика, какимъ прежде огласилъ свое

Digitized by Google

шёсное убѣжище. Тотчасъ явился небольшой, худощавый, старый человѣкъ, незабвенный для меня, потому что, какъ ни велико было впослѣдствіи мое знакомство, я уже никогда болѣе не видалъ ничего не только подобнаго, но и похожаго. Въ нашемъ племени часто встрѣчаются бѣлошерстные, съ черными пятнами; но рѣдко можно видѣть человѣка, у котораго волосы бѣлы какъ снѣгъ, а брови черны какъ вороново крыло. Таковъ однакожь былъ мой воспитатель. Дома онъ носилъ короткій шлафрокъ, ярко-желтаго цвѣта, котораго я испугался, и, сколько позволяли мои слабыя силы, поползъ въ сторону со своей мягкой подушки. Незнакомецъ наклонился, съ такимъ движеніемъ, которое показалось мнѣ привѣтливымъ и внушило довѣренность. Онъ взялъ меня, и я остерегся: не выпустилъ когтей, потому что царапать и быть битымъ стало нераздѣльнымъ для меня понятіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, незнакомецъ желалъ мнѣ добра: онъ ссадилъ меня на полъ, подлѣ блюда съ молокомъ, которое и сталъ я убирать съ жадностью, что, кажется, было ему очень пріятно. Онъ говорилъ что-то много, но я не понималъ этого, потому что мнѣ, какъ юному, неопытному котенку, не былъ еще знакомъ языкъ человѣческій. Вообще, я не могу сказать мно-

Digitized by Google

гаго о своемъ покровителѣ. Но то достовѣрно, что онъ былъ искусенъ во многомъ, и чрезвычайно опытенъ въ Наукахъ и Искусствахъ, потому что всѣ приходившіе къ нему — а между ими я замѣтилъ людей, которые на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у меня отъ природы желтое пятно, то есть на груди, носили звѣзду или крестъ — всѣ обходились съ нимъ очень вѣжливо, и даже иногда оказывали ему какое-то боязливое почтеніе, какъ я впослѣдствіи уделю Скарамушу. Они называли его не иначе какъ: мой почтеннѣйшій, дорогой, безцѣнный Мейстеръ Абрагамъ! Только два человѣка называли его просто: мой любезный. То были: худой, высокій человѣкъ, въ зеленыхъ, попугайнаго цвѣта штанахъ, и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, да малорослая, чрезвычайно толстая дама, черноволосая, со множествомъ перстней на рукахъ. Господинъ былъ, кажется, Князь, а дама, Жидовка.

Но, не смотря на то, что къ Мейстеру Абрагаму хаживали такіе значительные люди, онъ жилъ высоко отъ земли, въ небольшой комнатѣ, такъ что мнѣ было очень удобно дѣлать свои первыя прогулки, въ окно, по кровлѣ и вышкѣ.

Да! вѣрно, вѣрно я родился на вышкѣ! Что значитъ погребъ и полѣница! Я утверждаю,

Digitized by Google

что это было на вышкѣ. Климатъ, отечество, нравы, обычаи! Какъ неизгладимо ваше впечатлѣніе! Только вы дѣйствуете на душу и тѣло гражданина міра!... И отъ чего-же во мнѣ это непобѣдимое стремленіе къ возвышенности, это *чувство высоты*? Отъ чего эта рѣдкая, чудная способность карабкаться, и это завидное искусство въ самыхъ отважныхъ, геніяльныхъ прыжкахъ? Ахъ, какое сладостное и горестное чувство наполняетъ мою грудь! Стремленіе къ родной вышкѣ сильно волнуетъ меня. Тебѣ, о милое отечество, посвящаю эту слезу, и это жалобно звучащее *мяу*! Тебя славятъ эти скочки и прыжки, которые знаменуютъ и добросердечіе и патріотическую смѣлость. О вышка! Въ какомъ изобиліи даешь ты намъ мышекъ! И какъ ловко похищать въ твоей области колбасы, окороки, нападать на воробьевъ, и даже, иногда, подсидѣть голубенка. «Любовь къ отечеству непобѣдима!»

Однакожъ я долженъ.....

— — — — — — — — — — —

Макулатурные листы изъ Біографіи Крейслера.

4-й отрывокъ.

.... И неужели не помните вы, Всемилостивѣйшій Государь, о той страшной бурѣ, которая сорвала шляпу съ Адвоката, когда онъ

Digitized by Google

въ ночное время шелъ по Pont-Neuf, и бросила ее въ Сейну? — Есть нѣчто похожее въ Рабеле. Только шляпу съ Адвоката похитила не буря, если говоришь правду, потому что хошь онъ и далъ волю разыгравшемуся воздуху вертѣть его плащемъ, но крѣпко прижималъ свою шляпу къ головѣ. Мимо шедшій гренадеръ закричалъ: Страшный вѣтеръ, сударь! и вырвалъ прекрасную шляпу изъ-подъ руки Адвоката, державшаго ее на парикѣ. И совсѣмъ не эта шляпа была брошена въ Сейнскія волны, а гадкая шляпенка самого солдата нашла тамъ мокрую смерть. Вы знаете, Всемилостивѣйшій Государь, что въ то мгновеніе, когда Адвокатъ, оглушенный такою встрѣчею, остановился, другой солдатъ, съ тѣмъ-же восклицаніемъ: Страшный вѣтеръ, сударь! пробѣжалъ мимо и, ухватившись за воротникъ плаща, стащилъ его съ плечъ Адвоката; а послѣ этого и третій солдатъ, пробѣжалъ мимо съ такимъ-же восклицаніемъ: Страшный вѣтеръ, сударь! и выхватилъ у него изъ рукъ камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Адвокатъ закричалъ изъ всѣхъ силъ, бросилъ въ догонку послѣднему грабителю свой парикъ, и послѣ этого пошелъ, съ голой головой, безъ плаща и трости, узнать самое удивительное изъ всѣхъ завѣщаній, и услышать самое чудное изъ всѣхъ

Digitized by Google

приключеній. Вы все это знаете, Всемилостивѣйшій Государь!

Князь выслушалъ меня и возразилъ: — Я совсѣмъ не знаю этого, да и не понимаю, какъ можешь ты, Мейстеръ Абрагамъ, болтать мнѣ такіе пустяки? Конечно, Pont-Neuf мнѣ извѣстенъ: онъ находится въ Парижѣ, и хотя я никогда не хаживалъ черезъ него пѣшкомъ, но много разъ проѣзжалъ, сообразно своему сану. Адвоката Рабеле я никогда не видалъ, и объ солдатскихъ проказахъ никогда не забочился. Когда въ молодые годы я еще командовалъ своей арміею, то, обыкновенно разъ въ недѣлю, бивалъ фухтелемъ всѣхъ Юнкеровъ, за шалости, которыя они уже сдѣлали, или могли сдѣлать впередъ. Простыхъ-же солдатъ обыкновенно колотили Поручики, которые, подражая моему примѣру, исполняли это тоже каждую недѣлю, именно въ Субботу, такъ, что къ Воскресенью, во всей арміи не было ни одного Юнкера, ни одного рядоваго, который-бы не получилъ своего пайка ударовъ. Черезъ это, войска не только получали уроки нравственные, но и привыкали вообще къ бою, никогда не бывши передъ непріятелемъ, съ которымъ они конечно также пустились-бы въ бой. Понимаешь-ли, Мейстеръ Абрагамъ? Скажи-жъ мнѣ, ради Господа Бога, къ чему тутъ буря твоя, и Адвокатъ Рабеле, ограбленный на Pont-Neuf?

Digitized by Google

Чѣмъ оправдаешься въ томъ, что празднество окончилось самою дикою сумашохою, что мнѣ въ шупей прилетѣла Римская свѣчка, что мой драгоцѣнный сынъ попалъ въ бассейнъ и былъ жестоко вспрыснутъ проклятыми дельфинами, что Принцесса была принуждена бѣжать, какъ Ашаланта, черезъ паркъ, безъ покрывала, приподнявъ платье... что... что... да кто пересчитаетъ всѣ несчастные случаи этой бѣдственной ночи?.. Ну, Мейстеръ Абрагамъ! Что скажешь?

«Всемилостивѣйшій Государь!» отвѣчалъ я, униженно кланяясь. «Что-же было виною всего несчастія, какъ не буря, не эта ужасная непогода, которая разразилась тогда, какъ все шло прекрасно? Развѣ я могу повелѣвать стихіями? Развѣ не претерпѣлъ и я самъ при этомъ случаѣ большой непріятности, и такъ-же какъ упомянутый Адвокатъ — котораго, прошу васъ всеподданнѣйше, не смѣшивайте съ славнымъ Французскимъ писателемъ Рабеле — развѣ не потерялъ я шляпы, кафтана и плаща? Развѣ не...»

— Послушай — прервалъ здѣсь Мейстера Абрагама Іоганнъ Крейслеръ — послушай, дружище! Правда, что день рожденія Княгини былъ уже давно, но о праздникѣ, устроенномъ тобой въ этотъ день, говорятъ еще и теперь, и говорятъ какъ о страшной тайнѣ. Вѣрно ты, по своему обычаю, затѣялъ много странностей?

Digitized by Google

Если всегда почитался ты въ народѣ какимъ-то колдуномъ, то послѣ этого праздника общее повѣрье утвердилось, кажется, еще больше. Скажи мнѣ, по правдѣ, какъ все было? Ты знаешь, что я тогда былъ не здѣсь...

«Да, да, да!» перебилъ рѣчь своего друга Мейстеръ Абрагамъ. «Именно то, что ты не былъ здѣсь, что мучимый какими-то адскими Фуріями, ты убѣжалъ какъ сумасшедшій, именно то сдѣлало меня бѣшенымъ и дикимъ. Я заклиналъ стихіи разрушить праздникъ, потому что сердце мое разрывалось: тебя, настоящаго героя этого праздника, не было! Сначала онъ былъ только ничтоженъ и утомителенъ, но потомъ сдѣлался для любезныхъ сердцу людей виною мученья, скорби, отчаянія. Узнай, Іоганнъ, что я глубоко заглянулъ въ твою душу, и увидѣлъ въ ней грозную пайну, кипящій волканъ, который можетъ ежеминутно вспыхнуть, и своимъ губительнымъ пламенемъ нанести смерть всему окружающему. Въ душѣ у насъ бываютъ такія тайны, о которыхъ не смѣютъ говорить самые искренніе друзья. Вотъ почему я всячески скрывалъ отъ тебя, что открылъ въ тебѣ, и хотѣлъ овладѣть всѣмъ существомъ твоимъ посредствомъ этого праздника, котораго тайный смыслъ былъ совсѣмъ не для Княгини, а для другой, любимой особы, и для тебя. Самыя скры-

Digitized by Google

тныя мученія должны были оживиться въ душѣ твоей, и, какъ возставшія отъ сна Фуріи, съ новою силою растерзать твою грудь. Лекарство, приговоренному къ смерти больному, можетъ быть взято изъ самыхъ волнъ Орка, и ни одинъ благоразумный врачъ не испугается дать его въ смертномъ пароксизмѣ: такъ и тебѣ это должно было дать жизнь или смерть. Узнай Іоганнъ, что день именинъ Княгини бываетъ въ одно время съ именинами Юліи, которая также называется Маріею.

— А!.. — вскричалъ Крейслеръ, вскакивая и кидая вокругъ огненный взглядъ. — А!.. Мейстеръ! неужели тебѣ дана власть такъ безстыдно, насмѣшливо играть мною? Развѣ ты сама Судьба, что можешь овладѣть моею душою?

«Дикій безумецъ!» спокойно отвѣчалъ ему Мейстеръ Абрагамъ. «Когда-же превратится этотъ пожирающій тебя огонь, въ тихое, спокойное пламя? Когда будешь ты жить только для Искуства и для всего изящнаго, высокаго, наполняющаго твою душу? Ты хотѣлъ, чтобы я описалъ тебѣ нашъ несчастный праздникъ? Слушай-же спокойно, или, если ужъ ты не можешь сдѣлать этого, я сей часъ оставлю тебя.

— Говори! — сказалъ Крейслеръ, задушая свой

Digitized by Google

голосъ. Онъ снова сѣлъ на свое мѣсто, и закрылъ лицо руками.

Мейстеръ Абрагамъ вдругъ принялъ веселый тонъ и сказалъ: «Не хочу, любезный Крейслеръ, упомлять тебя описаніемъ всѣхъ глубокомысленныхъ распоряженій, которыя принадлежали большею частію изобрѣтательному генію самого Князя. Праздникъ начался поздно вечеромъ, и шакъ, разумѣется само собою, весь прелестный паркъ, кругомъ замка, былъ освѣщенъ. Я старался придать освѣщенію всю возможную оригинальность, но это удалось мнѣ худо, потому что Князь именно приказалъ во всѣхъ аллеяхъ сдѣлать, на большихъ черныхъ доскахъ, изъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ, огненный шифръ имени Княгини, увѣнчанный Княжескою короною. Эти доски, прибитыя къ высокимъ столбамъ, довольно исправно походили на предостерегательныя указки, что тамъ-по *не позволяется курить табаку*, или въѣзжать не въ заставу. Главнымъ мѣстомъ праздника былъ извѣстный тебѣ Театръ, устроенный изъ кустарника и искусственныхъ развалинъ, посреди парка. На немъ, призванные изъ города актеры были должны сыграть нѣчто аллегорическое, столько глупое, что оно должно было очень понравиться, хотя-бы его сочинялъ и не самъ Князь, и хотя-бы — говоря остроумнымъ выраженіемъ одного директора актеровъ, ко-

Digitized by Google

шорый игрывалъ Княжескія пьесы — это вышло и не изъ-подъ свѣтлѣйшаго пера. Идти отъ замка до Театра надобно было довольно далеко. Вслѣдствіе поэтической мысли Князя, путь шествующей фамиліи долженъ былъ освѣщаться только двумя факелами изъ рукъ генія, летящаго въ воздухѣ; когда-же фамилія и вся свита заняли-бы свои мѣста, тогда вдругъ должно было освѣтить весь Театръ. Такимъ образомъ, на всемъ пути была темнота. Напрасно увѣрялъ я, что, соображая длину разстоянія, очень трудно устроить такой механизмъ; Князь начиталъ нѣчто подобное въ Fêtes de Versailles; сверхъ того поэтическая мысль принадлежала ему самому — и онъ непремѣнно хотѣлъ выполнить ее. Чтобы отклонить отъ себя незаслуженное порицаніе, я предоставилъ городскому машинисту сдѣлать генія и съ его факелами. И такъ, когда вышла изъ дверей гостиной Свѣтлѣйшая чета, и за нею свита, тогда спущенъ былъ съ кровли замка автоматъ, съ пухлыми щеками, въ платьѣ фамильнаго цвѣта Княжескаго, и съ двумя горящими факелами въ рукахъ. Но этотъ покровительный геній Княжескаго Дома былъ слишкомъ тяжелъ, такъ, что, подвинувшись впередъ шаговъ на двадцать, онъ остановился, и повисъ; когда-же рабошники съ новымъ усиліемъ дернули машину, онъ перекувырнулся вверхъ ногами. Пылающіе

Digitized by Google

факелы, обернувшись внизъ, начали дождить расплопленнымъ воскомъ. Первая капля упала на Князя, который вытерпѣлъ боль съ геройскимъ равнодушіемъ, хотя измѣнилъ немного своей важности тѣмъ, что пошелъ скорѣе. Между тѣмъ геній, обернувши голову къ низу, а ноги къ верху, плавалъ надъ группою, которую составляли Камеръ-Юнкеры съ Гофмаршаломъ и другіе придворные. Кипящія капли съ факеловъ попадали иному на голову, иному на носъ, однакожъ никто не хотѣлъ обнаружить страданія и тѣмъ смутить веселый праздникъ. Такова сила почтенія! И въ самомъ дѣлѣ, прелестно было смотрѣть на эту когорту несчастныхъ Сцеволъ! Лица ихъ были ужасно искажены, но они могущественно задушали свои мученья, и даже принуждали себя улыбаться. Правда, улыбка ихъ была адская! Но они шли безмолвно и едва позволяли вырываться изъ груди своей тяжелымъ вздохамъ. При всемъ этомъ гремѣли цимбалы, пищали трубы, и сотня голосовъ восклицала: Да здравствуетъ Всемилостивѣйшая наша Княгиня! Да здравствуетъ Всемилостивѣйшій Князь! Однимъ словомъ: отъ этой противоположности Лаокооновскихъ лицъ, съ радостными воплями произошла такая странная, величественно-смѣшная сцена, что едва можно себѣ вообразить!

Digitized by Google

Наконецъ, старый, толстый Гофмаршалъ не вытерпѣлъ, когда одна кипящая капля попала ему прямо на щеку: въ тоскѣ, ярости и отчаяніи отскочилъ онъ въ сторону, запутался въ веревкахъ, принадлежавшихъ къ машинѣ и протянутыхъ по землѣ, подлѣ самой дороги, упалъ на землю и закричалъ: « Ну! чортъ возьми! » Въ это-же время кончилъ свою роль и воздушный летунъ. Увѣсистый Гофмаршалъ привлекъ его своею тяжестью, и онъ упалъ прямо въ толпу свиты, которая съ громкимъ крикомъ разсыпалась по сторонамъ. Факелы погасли, и всѣ очутились въ непроницаемой темнотѣ. Все это случилось вплоть подлѣ Театра. Я, однакожь, остерегся поджечь фитиль, отъ котораго должны были вдругъ вспыхнуть всѣ плошки и лампы, а выждалъ минуты двѣ, чтобы дать время обществу порядочно заплутаться между деревьями и кустами. « Огня! огня! » закричалъ Князь, какъ въ Гамлетѣ Король. « Огня! огня! » кричало множество хриплыхъ голосовъ. Когда освѣтилась площадь, то разсѣянный Дворъ походилъ на разбитую армію, которая съ трудомъ соединяется послѣ пораженія. Оберъ-Каммергеръ показалъ большое присутствіе духа и необыкновенныя тактическія познанія, потому что черезъ нѣсколько минутъ онъ все привелъ въ порядокъ. Князь, съ своими приближенными, восшелъ на нѣкоторый родъ

Digitized by Google

цвѣточнаго трона, возвышавшійся посреди зрѣлища, и какъ только Свѣтлѣйшая чета сѣла на свои мѣста, тотчасъ, посредствомъ какого-то зашѣйливаго снаряда, выдумки того-же машиниста, на нихъ посыпались цвѣты. Но, видно мрачная судьба хотѣла того, чтобы пребольшая лилія, оранжеваго цвѣта, попала прямо на носъ Князю, и обсыпала ему своею цвѣточною пылью все лицо, отъ чего оно сдѣлалось необыкновенно величественно и сообразно торжеству праздника.

— Это ужь слишкомъ, слишкомъ зло! — вскричалъ Крейслеръ, и захохоталъ такъ громко, что стѣны задрожали.

« Не смѣйся этимъ судорожнымъ смѣхомъ, » сказалъ Мейстеръ Абрагамъ. « Я самъ въ ту ночь хохоталъ безъ памяти, былъ готовъ на всѣ возможныя дурачества и шалости, и, какъ Домовой Дролль, охотно распугалъ-бы, разгонялъ и перепугалъ всѣхъ еще болѣе; но за то послѣ, тѣмъ глубже вошли въ мою собственную грудь стрѣлы, которыя обращалъ я противъ другихъ. Ну — я скажу тебѣ! Минуту нелѣпаго обсыпанья цвѣтами избралъ я къ тому, чтобы крѣпко завязать невидимую нить: она была должна обхватить всѣхъ присутствовавшихъ, и, подобно электрическому проводнику, потрясти душу тѣхъ особъ, которыхъ я хотѣлъ приве-

Digitized by Google

сии какъ-бы въ соприкосновеніе съ собою. Не прерывай меня, Іоганнъ: слушай спокойно. Юлія сѣла съ Принцессою позади Княгини, въ сторонѣ; обѣ онѣ были передъ моими глазами. Когда цимбалы и трубы умолкли, на колѣни Юліи упала, вмѣстѣ съ душистыми ночными фіялками, полураспустившаяся роза; въ то-же время, подобно дыханію ночнаго вѣтерка, къ ней донеслись звуки твоей, проницающей въ сердце пѣсни: Mi lagnerò tacendo della mia sorte amara. Юлія испугалась; когда-же твоя пѣсня — чтобы ты не страшился за ея исполненіе, то я скажу тебѣ, что ее играли, по моему распоряженію, четверо лучшихъ нашихъ горнистовъ, въ отдаленіи — пѣсня началась; тогда съ ея губъ слетѣло тихое: ахъ! Она прижала букетъ къ своей груди, и я разслушалъ явственно, что она шепнула Принцессѣ: Вѣрно онъ возвратился! — Принцесса обняла съ жаромъ Юлію и вскричала: Нѣтъ, нѣтъ, никогда! — такъ громко, что Князь обернулся къ ней своимъ крашенымъ лицомъ и съ гнѣвомъ промолвилъ: Silence (молчать)! Можетъ быть Князь и не такъ-то сердился на милое дитя свое; но я замѣчу здѣсь, что чудесная краска оранжевой лилеи не могла-бы лучше разрисовать какого нибудь опернаго Tiranno ingrato: она-то придавала Князю постоянно сердитый, гнѣвный видъ, такъ что самыя про-

Digitized by Google

гательныя рѣчи, самыя нѣжныя положенія, изображавшія въ иносказаніяхъ семейственное счастіе на тронѣ, были совершенно потеряны. Актеры и зрители были въ замѣшательствѣ. Даже тѣ мѣста, которыя у Князя были отмѣчены красными чернилами въ книжкѣ, принесенной имъ для памяти, и въ которыхъ ему надобно было цѣловать руку Княгини, или утирать слезы, онъ исполнялъ какъ будто съ скрытою досадою. Каммергеры, прислуживавшіе ему, стояли въ сторонкѣ и шептали другъ другу: Господи Боже! Что сдѣлалось съ милостивѣйшимъ нашимъ Княземъ? — Скажу тебѣ, Іоганнъ, что въ то время, когда актеры представляли свою глупость на Театрѣ, я, посредствомъ волшебныхъ зеркалъ и другихъ пособій, представлялъ вдалекѣ, на воздухѣ, фантасмагорическую игру, во славу этого ангела небеснаго, драгоцѣнной Юліи, между тѣмъ какъ мелодіи, сочиненныя тобой въ минуты восторга, звучали, одна за другою, и въ тоже время, иногда ближе, иногда дальше, слышалось, какъ бы таинственный призывъ духовъ, имя Юліи. Но тебя не было! тебя, мой Іоганнъ, не было тутъ. Когда-же представленіе кончилось, то для чего сталъ-бы я, какъ Просперо у Шекспира, хвалить своего Аріеля и увѣрять, что онъ выполнилъ все превосходно, если я видѣлъ, что все, чему хотѣлъ я придать глубокій смыслъ,

Digitized by Google

все это было пусто и вяло! Юлія поняла все съ удивительною проницательностью. Впрочемъ, ей казалось это пріятнымъ сномъ, которому не сбыться въ дѣйствительной жизни. Принцесса, напротивъ, погрузилась въ мечтательность. Рука объ руку ходили онѣ съ Юліей по освѣщеннымъ аллеямъ парка, въ то время когда Дворъ былъ угощаемъ въ одномъ павильонѣ разными прохладительными. Эту минуту предназначалъ я для главнаго дѣйствія; но тебя, мой Іоганнъ, тебя не было! Раздосадованный, сердитый, я бѣгалъ вокругъ, чтобы видѣть, готово-ли все къ большому фейерверку, которымъ долженъ былъ окончиться праздникъ. Взглянувши на небо, я увидѣлъ, въ отдаленіи, надъ Гейерштейномъ, небольшія красноватыя облака, всегда предвѣщающія ту непогоду, которая начинаясь очень тихо, вдругъ превращается въ сильнѣйшую бурю. Ты знаешь, что я могу, по виду облаковъ, исчислить, минута въ минуту, когда начнется самая яростная буря. До нея оставалось менѣе часа, и я рѣшился поспѣшить фейерверкомъ. Но въ это мгновеніе узналъ я, что мой Аріель началъ фантасмагорію, которая должна была рѣшить все, все!.. Я слышалъ, что въ концѣ парка, въ небольшой Маріинской часовнѣ, поютъ хоромъ твою Ave maris stella. Спѣшу туда: Юлія и Принцесса на колѣняхъ передъ налоемъ, которой поспа-

Digitized by Google

вленъ внѣ часовни. Только лишь прибѣжалъ я туда, какъ . . . но тебя не было, тебя, мой Іоганнъ, не было! . . Дай мнѣ промолчать, что случилось послѣ этого! Все, что почиталъ я мастерскимъ дѣломъ своего искусства — осталось безъ дѣйствія, и я — слабый глупецъ! — увидѣлъ, чего и не подозрѣвалъ!

— Говори! — закричалъ Крейслеръ — говори, Мейстеръ! Разскажи все, что случилось.

« Нѣтъ, не должно! » возразилъ Мейстеръ Абрагамъ. « Для тебя, Іоганнъ, это будетъ безполезно, а мнѣ растерзаетъ душу разсказъ о томъ, какъ мои собственныя привидѣнія нагнали на меня отчаянье и ужасъ. Облака! мысль счастливая! Такъ пусть-же все кончится бѣшеною сумашохой! вскричалъ я дико, и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ фейерверкъ. Князь сказалъ мнѣ, чтобы я далъ знакъ, когда все будетъ готово. Между тѣмъ я не сводилъ глазъ съ облаковъ: они все подымались выше и выше, и когда, казалось мнѣ, были уже довольно высоко, я велѣлъ пускать бураки. Тотчасъ Дворъ и всѣ присутствовавшіе заняли свои мѣста. Сначала пускали ракеты, жгли колеса, Римскія свѣчки, и прочіе обыкновенные пустяки; наконецъ явилось вензловое имя Княгини, изъ блистательныхъ Китайскихъ огней; но выше его вспыхнуло и на-

Digitized by Google

чало плавать, въ самомъ чистомъ бѣломъ огнѣ, имя Юліи. Наконецъ — моя минута настала! Я зажегъ снопъ, и въ то мгновеніе, когда съ свистомъ и трескомъ полетѣли вверхъ ракеты, буря вспыхнула своими ярко-огненными молніями и заревѣла громомъ, отъ котораго вздрогнули горы и лѣсъ. Ураганъ ринулся въ паркъ и отозвался тысячью завываній въ кустарникахъ. Я выхватилъ у одного бѣжавшаго горниста трубу и заигралъ на ней веселый напѣвъ, между тѣмъ какъ ракеты лопались, бураки трещали, и раздавались пушечные залпы, будто соперничая съ перекатами грома.»

Во время этого разсказа, Крейслеръ вскочилъ съ своего мѣста, быстро бѣгалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, всхлопывалъ руками, и наконецъ вскричалъ съ жаромъ: — Вотъ это прекрасно, превосходно! Узнаю моего Мейстера Абрагама, съ которымъ у насъ одна душа и одно сердце! — «Да — сказалъ Мейстеръ Абрагамъ — я знаю, что все страшное, дикое тебѣ по сердцу; но я забылъ именно то, что придало-бы для тебя всю цѣну таинственнымъ силамъ царства духовъ. Я велѣлъ натянуть струны на Эоловой арфѣ, что, знаешь, виситъ надъ бассейномъ: на ней-то играла буря какъ самый искусный, смѣлый гармонистъ. При завываніи, при шумѣ урагана и трескѣ грома, страшно

Digitized by Google

звучали аккорды исполинскаго органа. Звуки ужасные слѣдовали одинъ за другимъ, все быстрѣе, быстрѣе, и тутъ-то можно было понять балетъ Фурій, исполненный иного характера, который едва-ли посилжимъ и возможенъ посреди холстинныхъ стѣнъ обыкновеннаго Театра. Ну — черезъ полчаса миновалось все. Луна выступила изъ-за облаковъ. Ночной вѣтерокъ ушѣшительно шептался съ устрашеннымъ лѣсомъ и осушалъ слезы омраченныхъ кустарниковъ. Изрѣдка отзывалась еще Эолова арфа, подобно глухому, отдаленному стону колокола. Мнѣ было чудно хорошо! Ты, мой Іоганнъ, наполнялъ всю мою душу, такъ, что мнѣ казалось, ты встанешь передо мною, на могильномъ холмѣ погибшихъ надеждъ, не исполнившихся сновъ, и упадешь на грудь мою. Но, въ тишинѣ ночной пришла мнѣ въ голову мысль о томъ, что я запѣялъ, какъ насильственно хотѣлъ разорвать узелъ, завязанный мрачною судьбою, и эта мысль, мое собственное порожденіе, показалась мнѣ дикою, чуждою: холодъ пробѣжалъ по мнѣ и я устрашился самого себя. Между тѣмъ вокругъ меня прыгали и танцовали блудящіе огоньки; впрочемъ это было не иное что, какъ слуги, которые съ фонарями искали растерянныхъ въ бѣгствѣ шляпъ, кошельковъ съ косъ, париковъ, шпагъ, башмаковъ, шалей и проч. Я ушелъ оттуда. На большомъ

Digitized by Google

мосту, передъ городомъ, я остановился и взглянулъ еще разъ на паркъ: онъ былъ освѣщенъ луннымъ сіяніемъ и подобился волшебному саду, гдѣ началась шаловливая игра ловкихъ Эльфовъ. Вдругъ слухъ мой былъ пораженъ какимъ-то пискомъ, кваканьемъ, похожимъ на крикъ новорожденнаго дитяти. Я подумалъ о тайномъ преступленіи, наклонился черезъ перила моста, и при свѣтломъ сіяніи луны увидѣлъ котенка, который съ трудомъ держался на перекладинахъ, ища спасенія отъ смерти. Вѣроятно, что изъ всѣхъ своихъ близнецовъ, обреченныхъ на утопленіе, этотъ звѣрокъ одинъ выкарабкался на верхъ. Что-жь? подумалъ я: хотъ это и не дитя, но за то бѣдное животное; оно кричитъ къ тебѣ о своемъ спасеніи и ты долженъ спасти его.»

— Охъ ты, чувствительный Юстъ (*) — вскричалъ Крейслеръ смѣясь. — Но гдѣ-же твой Телльгеймъ?

«Нѣтъ, мой милый Іоганнъ!» продолжалъ Мейстеръ Абрагамъ: — «ты не можешь сравнивать меня съ Юстомъ. Я перещеголялъ его. Онъ спасъ пуделя: это животное всѣ любятъ, и даже надѣются отъ него разныхъ услугъ, напримѣръ, чтобы онъ ходилъ подъ ружьемъ, носилъ пер-

(*) Дѣйствующее лицо въ Лессинговой комедіи.

Digitized by Google

чашки, кисетъ, трубку, и проч. Но я спасъ кота, животное, страшное для многихъ, оглашенное вѣроломнымъ, не мирнымъ, не угодливымъ, не способнымъ къ чистой дружбѣ, которое всегда злобится на человѣка, словомъ: я спасъ кота, какъ безкорыстный человѣколюбецъ. Не безъ опасности перелѣзъ я черезъ перила, взялъ котенка и спряталъ въ карманъ. Пришедши домой, я тотчасъ раздѣлся и бросился въ постель, потому что былъ очень утомленъ дневными хлопотами. Едва только заснулъ я, какъ меня пробудилъ жалобный писк и стонъ, выходившій, казалось, изъ моего шкафа съ платьемъ. Я забылъ о котенкѣ и оставилъ его въ кафтанномъ карманѣ. Я освободилъ заключенника изъ тюрьмы, и за то онъ такъ хорошо оцарапалъ меня, что всѣ пальцы мои облились кровью. Я хотѣлъ было тотчасъ-же выкинуть его за окошко, но одумался и устыдился своей ничтожной глупости, своей мстительности, которая всегда не у мѣста и въ отношеніи къ людямъ, а не только къ животнымъ несмысленнымъ. Однимъ словомъ, я воспиталъ этого котенка съ возможнымъ тщаніемъ и попеченіемъ. Теперь это преловкій, премудрый, даже преостроумный звѣрокъ, какого еще не видывали: ему недостаетъ только высшаго образованія; но ты, любезный Іоганнъ, легко можешь дать ему это образованіе, и

Digitized by Google

потому-что я рѣшился отнынѣ передать тебѣ Кота Мурра, какъ я назвалъ его. Хотя Мурръ теперь еще и не то, что юристы называютъ: homo sui juris, однакожь я спрашивалъ у него о согласіи, и онъ очень радъ вступить къ тебѣ въ службу.

— Что за нелѣпость, Мейстеръ Абрагамъ! — сказалъ Крейслеръ. — Ты знаешь, что я не терплю кошекъ, и отдаю больше преимущества собачьему роду.

« Прошу тебя, любезный Крейслеръ, » возразилъ Мейстеръ Абрагамъ, « прошу отъ сердца, возьми къ себѣ моего шаланливаго Мурра, хоть до того времени, пока я возвращусь изъ своего путешествія. Я даже взялъ его съ собою для этого: онъ ждетъ за дверьми милостиваго рѣшенія. По крайней мѣрѣ взгляни на него.

Тутъ Мейстеръ Абрагамъ отворилъ дверь: за нею лежалъ и спалъ, свернувшись въ клубокъ на соломенномъ коврѣ — котъ, въ самомъ дѣлѣ чудо красоты въ своемъ родѣ! Сѣрыя и черныя полосы, которыя испещряли спину его, соединялись на лбу, между ушей, въ самые красивые гіероглифы. Такъ-же испещренъ былъ и осанистый, пушистый хвостъ его. Притомъ его шерсть была такъ блестяща, что отсвѣчиваясь на солнцѣ, между черными и сѣрыми полосами показывала еще какъ-бы золотомъ

Digitized by Google

наведенныя полосы. — Мурръ, Мурръ! — закричалъ Мейстеръ Абрагамъ. — Крр, Крр! — явственно отвѣчалъ котъ, выгнулся, поднялъ спину самымъ очаровательнымъ образомъ, и раскрылъ два глаза, сѣрозеленые и блиставшіе огнемъ ума и смѣшливости: по крайней мѣрѣ въ этомъ увѣрялъ Мейстеръ Абрагамъ, да и Крейслеръ соглашался, что въ лицѣ кота было что-то особенное, необыкновенное, что голова его была довольно обширна, и могла обнимать науки, а борода уже и въ юности такъ длинна и бѣла, что при случаѣ можно было этому коту вѣрить столько-же, сколько Греческому мудрецу.

— Какъ это можно, что ты вездѣ спишь! — сказалъ Мейстеръ Абрагамъ коту. — Ты потеряешь отъ этого свою веселость и прежде времени сдѣлаешься брюзгливымъ. Умывайся!

Котъ не медля сѣлъ на задния ноги, провелъ бархатными лапками по лбу, по щекамъ, и потомъ ясно и весело произнесъ: Мяу!

— Вотъ — продолжалъ Мейстеръ Абрагамъ — вотъ, это господинъ Іоганнъ Крейслеръ, Капельмейстеръ: къ нему поступишь ты въ служеніе. — Котъ быстро взглянулъ на Капельмейстера своими большими, огненными глазами, началъ мурлыкать, вскочилъ сначала на столъ, который стоялъ подлѣ Крейслера, а оттуда и на плечо къ нему, какъ будто хотѣлъ онъ

Digitized by Google

сказать что нибудь на ухо своему новому господину. Онъ соскочилъ опять на землю, и, размахивая хвостомъ, съ мурлыканьемъ обошелъ вокругъ Крейслера, какъ-бы желая хорошенько съ нимъ познакомиться.

— Прости Господи!—вскричалъ Крейслеръ — я почти думаю, что у этого малюшки есть разсудокъ, и что онъ происходитъ отъ знаменитой фамиліи *Кота въ сапогахъ*!

По крайней мѣрѣ то вѣрно— сказалъ Мейстеръ Абрагамъ — что котъ Мурръ есть самый забавный звѣрокъ въ мірѣ, настоящій паяцъ, но нравомъ учтивый, скромный, не нахальный, какъ бываютъ иногда собаки, которыя несносны своими ласками.

— Глядя на этого умнаго кота — продолжалъ Крейслеръ — я невольно грущу, когда представляю себѣ, какъ тѣсенъ кругъ нашихъ познаній! Кто изъ насъ скажетъ, кто вообразитъ, до какой степени простираются способности животныхъ? Когда намъ въ Природѣ что нибудь, а можетъ быть и все, является неизъяснимымъ, то мы тотчасъ помогаемъ этому новымъ названіемъ, и еще гордимся своею школьною мудростью, которая видитъ не дальше нашего носа. Такъ отдѣлались мы и отъ всѣхъ способностей животныхъ, которыя часто проявляются самымъ удивительнымъ образомъ: мы назвали ихъ инстинктомъ. Я-бы желалъ однакожъ,

Digitized by Google

чтобы мнѣ отвѣчали на одинъ только вопросъ: можно-ли, съ понятіемъ объ инстинктѣ, о слѣпомъ, непроизвольномъ стремленіи, соединить понятіе о способности видѣть сны? Всякой, кто наблюдалъ спящую охотничью собаку, знаетъ, что этотъ родъ животныхъ съ величайшею силою видитъ сны, потому что собакѣ представляется во снѣ цѣлая охота. Она ищетъ, нюхаетъ, движетъ ногами, какъ будто на бѣгу, задыхается, устаетъ. Видятъ-ли сны кошки, я еще не знаю...

«Котъ Мурръ» — прервалъ его Мейстеръ Абрагамъ — «не только живо видитъ сны, но — и это бываетъ очень замѣтно — впадаетъ часто въ тихія мечтанія, въ піитическія размышленія, въ бредъ ясновидѣнія, словомъ, въ то странное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, которое для поэтическихъ душъ есть время геніальныхъ мыслей. Уже нѣсколько времени вздыхаетъ и стонетъ онъ въ этомъ состояніи, и такъ сильно, что, я думаю, онъ или влюбленъ, или сочиняетъ трагедію.

Крейслеръ расхохотался и вскричалъ: — Ну, умный, вѣжливый, забавный, поэтическій котъ Мурръ! Пойдемъ...

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

Дочь купца Жолобова (*).

Поднявшись къ вершинѣ *Хамарь-Дабана*, которая покрылась къ ушру довольно глубокимъ снѣгомъ (**), Алексѣй былъ пораженъ величественною картиною, предъ глазами его раскрывшеюся. На Восшокѣ, сливаясь съ небомъ, синѣлись отдаленныя воды Байкала; на Западѣ шянулась безконечная гряда горъ, которыя, бывъ шакже по вершинамъ покрыты снѣгомъ, и сіяя подобно яркоосвѣщеннымъ облакамъ, представлялись въ видѣ огромной, великолѣпной сшѣны, какъ-бы нарочно сложенной для огражденія благословенныхъ сшранъ Юга ошъ хладныхъ вѣтровъ Сѣвера. Далеко въ безднѣ синѣлись дре-

(*) Сей романъ уже печашается и будетъ вскорѣ выданъ. Съ удовольсшвіемъ помѣщаемъ ошрывокъ изъ онаго въ Телеграфѣ, желая познакомишь предваришельно публику съ произведеніемъ, досшойнымъ ея вниманія. *Изд. Тел.*

(**) Байкальскія горы большею часшію все лѣшо бываюшъ покрыты снѣгомъ, который едва расшаяваешъ въ Іюнѣ, а въ Августѣ по ушрамъ начинаешъ выпадашь снова.

Digitized by Google

мучіе лѣса, коихъ гордая высота также была не примѣтна взору, какъ и величіе всего земнаго незамѣтно предъ взоромъ, возносящимся къ небу. Надъ головою свѣтлѣлъ ясный, голубой сводъ неба, по которому, во всемъ блескѣ, катился золотой шаръ утренняго солнца. Воздухъ былъ самый чистый и благорасвореный. Все возносило мысли къ Творцу и благодѣтелю человѣка. Алексѣй невольно остановился. Онъ чувствовалъ въ душѣ своей возраждающуюся какую-то непонятную силу, которая поставляла его выше всѣхъ превратностей земли, какъ будто все земное уже окончилось, и начиналось небесное; какъ будто всѣ земныя бѣдствія уже не причастны ему, остались долу, и не могутъ коснуться къ нему на сей высотѣ, на которой онъ владычествовалъ надъ ними. Сіе возвышенное пареніе духа такъ приближало его къ вѣчнонеизмѣнному, вѣчнопокойному небу, столь было сладостно, утѣшительно для сердца, что Алексѣй желалъ-бы продолжить его навсегда; но сіи минуты небеснаго блаженства, блистающаго иногда душѣ, столь-же краткіи на землѣ, какъ блескъ молніи: онѣ только открываютъ на мгновеніе таинство будущаго, и снова погружаютъ душу въ прежній мракъ земной ночи.

Между тѣмъ какъ Алексѣй предавался мечтанію, весь караванъ поднялся на гору, и началъ спускаться въ низъ. «Какой прекрасный

Digitized by Google

видъ!» — сказалъ Алексѣй, обращясь къ извѣстному путешественнику, который былъ Селенгинскій купецъ Гаврила Васильевичъ Неудачинъ, содержавшій находящійся въ недальнемъ разстояніи отъ Селенгинска соляной заводъ.

— Да, батюшко Алексѣй Ѳедоровичъ, видикъ больно хорошъ! — отвѣчалъ Гаврила Васильевичъ съ большимъ равнодушіемъ, бывъ изъ людей не самыхъ чувствительныхъ. — И какіе лѣса чудесные! Кабы они да росли подлѣ моего завода, то-то бы раздолье! А тутъ либо сгніютъ безъ всякой пользы, либо сгорятъ отъ *палу* (*). Вонъ за Кулпукомъ сколько лѣсовъ погибло! Право, взглянешь, такъ сердце поворотится!

Правда! — отвѣчалъ Алексѣй, дивясь безчувствительности своего товарища, — потому-то и самое мѣсто названо *Гарями*.

— Ахъ, батюшко, кстати о *Гаряхъ-то*: вѣдь какой-же странный случай намъ встрѣтился! Ѣду я, такъ помнится, часу около девятаго... такъ девятаго; солнышко уже сѣло за горы; въ лѣсахъ была такая тишь; и я только что вздремнулъ, какъ вдругъ слышу голосъ: «Помогите!» Я выскочилъ изъ повозки; глядь: а

(*) Лѣснаго пожара.

Digitized by Google

два человѣка привязаны къ дереву. Я отвязалъ ихъ. И кто-бы, вы думали, одинъ изъ нихъ?

— Почему мнѣ знать! — отвѣчалъ поблѣднѣвшій Алексѣй, опасаясь за Жолобова и Нашалью.

— Однакожь какъ-бы вы думали? Кто? — продолжалъ несносный Неудачинъ.

— Боже мой! почему мнѣ знать это?

— Мой старый пріятель, капитальный купецъ Иркутскій....

— О Боже! неужели это онъ? — сказалъ самъ себѣ Алексѣй, дрожа отъ ужаса.

— Андрей Ивановичъ Жолобовъ! Да что съ вами сдѣлалось? Вы валитесь съ лошади!

Въ самомъ дѣлѣ Алексѣй отъ ужаса упалъ въ обморокъ, и повалился съ лошади.

— Воды, воды! — закричалъ Неудачинъ, бросясь поднимать Алексѣя.

— Да гдѣ ее возмешь! — отвѣчалъ Казакъ. — Развѣ снѣгу?

— Давай хоть снѣгу, да проворнѣе!

Казакъ сбѣгалъ недалеко отъ дороги, нагребъ въ шапку себѣ снѣгу, и вмѣстѣ съ купцомъ начали отпирать Алексѣя. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ Алексѣй очнулся, какъ-бы пробудясь отъ глубокаго сна.

Digitized by Google

— Что съ вами сдѣлалось? — спросилъ Неудачинъ.

— Ахъ, ничего! — отвѣчалъ Алексѣй едва слышнымъ голосомъ. — Не спрашивайте меня. Дайте мнѣ нѣсколько успокоиться.

Онъ возвелъ глаза на небо, и думалъ самъ съ собою: «Этого только не доставало къ моему несчастію! О если Наталья убита! Если....» Тутъ какая-то непонятная ярость появилась на лицѣ Алексѣя, глаза его заблистали гнѣвомъ, и онъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, къ удивленію всѣхъ, вскочилъ быстро самъ на ноги, и съ поспѣшностію спросилъ купца: «Что сдѣлалось съ его дочерью?»

— Онъ и самъ не знаетъ — отвѣчалъ Неудачинъ — кромѣ того, что ее похитили разбойники изъ шайки Бузы.

— Злодѣи! Кровопійцы! вы не уйдете отъ меня! — кричалъ изступленный любовникъ. — Я найду васъ на краю земли! Я растерзаю васъ своими руками! Я.....

— Успокойтесь, батюшко Алексѣй Ѳедоровичъ! — говорилъ изумленный купецъ. — Всѣ мы во власти Божіей! Кого захочетъ защитить Онъ, такъ защититъ! Іона и три дня сидѣлъ во чревѣ китовомъ, да не погибъ!

Алексѣй не отвѣчалъ ни слова, но поворотилъ свою лошадь назадъ, и пустилъ ее во весь

Digitized by Google

скакъ на гору. Купецъ и Казакъ погнались вслѣдъ за нимъ.

— Что вы дѣлаете, Алексѣй Ѳедоровичъ — говорилъ первый, схвативъ за узду его лошадь.

Ошойди прочь! Прочь! говорю тебѣ — кричалъ Алексѣй. — Я освобожу ее или погибну! Безъ нея жизнь и смерть для меня равны! Пустите меня!

— Не могу, Алексѣй Ѳедоровичъ! Вы спасли меня; я долженъ погибнуть для васъ: дѣлайте, что хотите со мной, не пущу! Во-первыхъ, поскакавъ во всю прыть подъ гору, вы сломите себѣ голову, а во-вторыхъ, можно ли однимъ вамъ бороться съ цѣлою шайкою, хотя-бы вы и нашли разбойниковъ? А ихъ въ лѣсу и самъ чортъ не найдетъ! Доѣдемте до моего завода: тамъ собьемъ людей, такъ это будетъ дѣло-то аккуратнѣе. Я отъ васъ не отстану: радъ съ вами въ огонь и въ воду лѣзть; да все-же надо дѣлать съ разсудкомъ; а что безъ толку совать голову въ петлю? Пожалуй они, каторжные, насъ укокошитъ не полѣнятся; да вѣдь еще пожить хочется. А лучше сдѣлать такъ, чтобы ихъ чертей отправить въ тартарары: тамъ ихъ и родина окаянныхъ!... Ну поѣдемте-же! не упрямьтесь! Послушайтесь меня старика! Право, худа не будетъ! На все Богъ!

Digitized by Google

Въ продолженіе сего монолога Алексѣй нѣсколько успокоился, и признавъ справедливыми дѣльныя разсужденія купца, не препятствовалъ ему заворотить свою лошадь, и поѣхалъ съ нимъ рядомъ, сохраняя глубокое молчаніе, болѣе походившее на безчувственность. Въ умѣ его царствовалъ совершенный мракъ; онъ самъ не могъ ясно представить себѣ, что съ нимъ случилось. Сердце его замерло. Оно было не способно ни къ какимъ чувствованіямъ, какъ-бы пораженное сильною летаргіею. Такъ благодѣтельная природа, пекущаяся о сохраненіи своего творенія, посылаетъ къ нему спасительное безчувствіе, когда сильные, разительные удары судьбы готовы его разрушить.

По переѣздѣ черезъ Хамаръ-Дабанъ караванъ долженъ былъ снова подняться на длинный и не менѣе высокій хребетъ, называемый: *Гольцы*, коего каменная равнина, простирающаяся верстъ на двѣнадцать, обнажена отъ всякаго растенія (*). Здѣсь почти безпрестанно дуетъ самый холодный пронзительный вѣтеръ, наносящій стужу среди лѣта, и потому снѣгъ устанавливается на *Гольцахъ* гораздо ранѣе, нежели на

(*) О высотѣ сего хребта можно судить изъ того, что онъ видимъ съ Байкала, въ разстояніи 120 верстъ.

Digitized by Google

прочихъ горахъ. Переѣздъ черезъ сію обширную пустыню въ бурную ночь чрезвычайно опасенъ, ибо легко можно сбиться съ дороги. Но нашимъ путешественникамъ погода благопріятствовала: застигшая ихъ на дорогѣ ночь была самая ясная, тихая, можно сказать, самая романическая. Молодая луна, которой весь кругъ явственно рисовался, по причинѣ необыкновенной чистоты воздуха (*), свѣтлѣла на западѣ. Вблизи ея, подобно огромному брильянту, поверхъ свѣтлолиловаго полога вечерней зари, блистала прелестная Венера. Съ юга смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ своимъ огневидный Юпитеръ. На сѣверѣ выходила огромная Медвѣдица, спутница звѣролововъ. Съ востока возставали блестящіе *Киченги* (**). На высотѣ горизонта горѣла непостижимая группа міровъ, странно именуемая въ Сибири *Гнѣздомъ утичьимъ* (*). Наконецъ, все небо подобилось безпредѣльному темноголубому полю, гдѣ въ блистаніи вѣчно горящихъ огней являлась нескончаемая жизнь, всегда исполненная силы, но всегда одинаковая,

---

(*) Въ Сибири, во время новолунія, весь сегментъ луны, покрытый полусвѣтомъ, видѣнъ несравненно явственнѣе, нежели въ Петербургѣ.

(**) Оріоновъ поясъ.

(*) Плеяды.

Digitized by Google

всегда безмятежная. Смотря на небо, Алексѣй мало по малу успокоивался; слезы полились изъ глазъ его и облегчили тяжесть гнетущей его скорби. «Не тамъ-ли — думалъ онъ — «не въ сихъ-ли обителяхъ вѣчнаго свѣта, человѣкъ успокоивается отъ бурь здѣшней жизни? Не встрѣтимъ-ли тамъ опять любезныхъ нашему сердцу, съ которыми смерть такъ безжалостно насъ разлучаетъ?.... Ахъ, Наталья! О милый другъ мой! Увижу-ли я тебя еще хотя разъ въ семъ мірѣ? Или ты уже оставила...»

— Смотрите, Алексѣй Ѳедоровичъ! — вскричалъ ѣхавшій позади его Неудачинъ — не свалитесь въ падь! Подтяните повода-то у лошади! Вѣдь Боже сохрани, если обрушитесь!

Въ семъ мѣстѣ дорога, бывъ не болѣе полуторыхъ аршинъ, шла по боку горы, имѣя на одной сторонѣ ужасную пропасть, по дну которой протекала весьма быстрая, подобная водопаду, рѣчка. Спустившись съ горы, путешественники должны были ѣхать по самой рѣчкѣ, дабы объѣхать утесъ; потомъ, выѣхавъ на берегъ, очутились на довольно большой долинѣ, и съ удивленіемъ смотрѣли, какъ огромнѣйшіе гранитные куски, какъ-бы брошенные какою-то ужасною силою, лежали въ дальнемъ разстояніи отъ горъ; индѣ видѣли они обрушившіеся цѣлые утесы, и должны были перебираться черезъ

Digitized by Google

груды камней: все напоминало дѣйствіе бывшаго тутъ нѣкогда какого-то сильнаго переворота. Самая коническая форма горъ, особенноже остатки лавы, находимой въ разныхъ мѣстахъ Байкальскихъ горъ, вели къ сему заключенію. Но наши путешественники не вдавались и не могли вдаваться ни въ какія геологическія умствованія, и думали только о томъ, какъ-бы скорѣе достигнуть ночлега. Наконецъ они доѣхали до него, и остановились также въ Брацской юртѣ.

Собравшись съ силами, Алексѣй рѣшился подробнѣе разспросить Неудачина о судьбѣ Жолобова и Натальи, и не спалъ во всю ночь; только предъ разсвѣтомъ забылся почти на одну минуту. Но едва сонъ началъ смыкать его глаза, какъ вдругъ вбѣжалъ въ юрту Бурятъ, съ пылающимъ лицомъ отъ гнѣва. Онъ схватилъ висѣвшій въ юртѣ на лѣвой сторонѣ шулунъ, вытряхнулъ изъ него нѣсколько истуканчиковъ, величиною вершковъ пяти, вырѣзанныхъ частію изъ дерева, частію изъ войлока, и одного изъ нихъ, сдѣланнаго изъ бараньей шкурки съ ногами и хвостомъ, но съ лицомъ человѣческимъ, началъ сѣчь прутомъ, приговаривая что-то на Брацкомъ языкѣ, съ прибавленіемъ Русской брани: Шортъ, Дьяволъ, каторжный.

— Что это онъ дѣлаетъ? — спросилъ Алек-

Digitized by Google

сей Неудачина, также проснувшагося при приходѣ Буряша.

— Вишь сѣчешъ своего божка — отвѣчалъ Неудачинъ — знашь худо стерегъ стадо! Хорошенько его! — говорилъ онъ, смѣясь, Буряшу — впередъ будешъ смотрѣшь во всѣ глаза!

Въ другомъ расположеніи духа, вѣроятно, и самъ Алексѣй также-бы засмѣялся; но одержимый горестію, онъ видѣлъ вездѣ одну мрачную сторону, и съ глубокимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствіе Буряша, какъ на слѣдствіе печальной потери истинныхъ понятій о Богѣ, какъ на картину заблужденія и уничиженія рода человѣческаго.

Буряшъ, высѣкши одного божка, захотѣлъ оказать свое благоволеніе другому. Онъ выбралъ одного изъ деревянныхъ идоловъ, и взявъ сметаны, вымазалъ ему губы, а потомъ снова собравъ всѣхъ своихъ идоловъ, всыпалъ ихъ преравнодушно въ тулунъ, и повѣсилъ его на прежнее мѣсто.

— Вотъ такъ и надо! — говорилъ Неудачинъ, продолжая смѣяться — одного посѣкъ, а другаго покормилъ сметанкой! Видно эшошъ парень исправной!

— Кажется, не очень лестно — сказалъ Алексѣй съ улыбкою — быть богомъ у Брашскихъ:

Digitized by Google

того и жди, что высѣкутъ! Какъ жалки эти люди, имѣющіе столь нелѣпое понятіе о Богѣ, Творцѣ Вселенной!

— Боги, которыхъ они наказываютъ — отвѣчалъ Неудачинъ — не Творцы Вселенной, а подчиненные божки; деревянные-то называются *Онгонами*, а войлошные — *Ургекинами*. Между ними вишь Создатель, т. е. *Тингира Бурханъ*, раздѣлилъ управленіе міра, а самъ и руки опустилъ: ничего не дѣлаетъ, ни добра, ни худа, такъ что *Бурхана* не за что ни любишь, ни боишься. Чортъ ихъ знаетъ, откуда они такую ахинею переняли! Живши съ ними часто по своимъ коммерческимъ дѣлишкамъ, довольно наслушался я о поганой ихъ вѣрѣ, и насмотрѣлся на коверканье прокляпыхъ *Шаминовъ*. Кажись, самъ дьяволъ имъ помогаетъ! Случалось мнѣ, болѣе ради шутки, спрашивать у нихъ о будущемъ, такъ вѣдь какъ въ руку сонъ положатъ! Такіе окаянные!

— Посмотрите, посмотрите, Алексѣй Ѳедоровичъ! — сказалъ поспѣшно вошедшій въ юрту Казакъ — вонъ у юрты, что за лѣскомъ, ломается какая-то сумасшедшая: словно черти давятъ!

— Ужь не Шаманка-ли за грѣхи? — спросилъ Неудачинъ. — А мы только объ этомъ говорили.

Digitized by Google

— Приготовляй лошадей — сказалъ сухо Алексѣй Казаку, не обращая вниманія на его слова.

— Чтожь! Посмотримъ, Алексѣй Ѳедоровичъ! — говорилъ Неудачинъ. — По крайней мѣрѣ вы поразсѣетесь, а между тѣмъ приготовятся къ дорогѣ.

— Мнѣ кажется грѣшно — отвѣчалъ Алексѣй — терять время на подобный вздоръ!

— Эхъ, батюшко! Надобно мѣшать дѣло съ бездѣльемъ: такъ на сердцѣ будетъ полегче! А если все думать о нашихъ безвремяньяхъ, то не роди мать на свѣтъ! Въ жизни что шагъ, то горе! За то радость передъ горемъ, а горе передъ радостью. Всего лучше полагаться на Бога: хоть горюй, хоть не горюй, а то, что угодно Его волѣ, будетъ!.... Пойдемте! Поразсѣйтесь!

Приблизившись къ юртѣ, близъ которой около огня кружилась шаманка, Алексѣй былъ удивленъ страннымъ ея видомъ. Платье на ней было длинное кожаное, увѣшанное жестяными идолами, колокольчиками, орлиными когтями, змѣиными чучелами, ремешками изъ невыдѣланныхъ кожъ и разнаго рода металлическими побрякушками. На головѣ у ней была кожаная шапка, а на ногахъ *унты*, т. е. кожаные чулки, обыкновенная обувь всѣхъ Сибирскихъ народовъ. Въ

Digitized by Google

лѣвой рукѣ держала она бубенъ, а въ правой колотушку, обтянутую заячьею кожею для произведенія глухаго звука. Ударяя въ бубенъ, Шаманка съ величайшимъ напряженіемъ скакала около огня и черезъ огонь, дѣлала самыя странныя, самыя усильныя тѣлодвиженія: размахивала руками, кривила ротъ, закатывала зрачки глазъ, и ревѣла самымъ дикимъ голосомъ. Потъ лилъ съ нея градомъ. Наконецъ, какъ-бы сдѣлавшись безъ чувствъ, она упала на землю. Въ сіе время, по сказанію шамановъ, душа ихъ отдѣляется отъ тѣла, посѣщаетъ преисподнихъ духовъ, и съ ними бесѣдуетъ. Въ теченіе получаса шаманка находилась въ семъ родѣ забвенія, наконецъ очнулась, и начала провѣщать невѣдомое. Буряты, окружавшіе свою Пиѳониссу, съ величайшимъ благоговѣніемъ дѣлали ей разные вопросы, и отходили отъ нея, иные съ довольными, другіе съ печальными лицами.

— Не заганутъ-ли и намъ? — тихо спросилъ Неудачинъ Алексѣя. — Пускай и намъ что нибудь сболтаетъ! По крайней мѣрѣ не даромъ смотрѣли на ея дурачества!

Алексѣй принялъ сіе предложеніе съ явнымъ отвращеніемъ, бывъ совершенно увѣренъ, что отвѣты шаманки въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ обманъ и невѣжество; но въ тоже время чувствовалъ какое-то непреодолимое жела-

Digitized by Google

ніе спросить ее о своемъ жребіи. Таково сердце наше, вѣчно противоборствующее съ разсудкомъ! Наконецъ Алексѣй, убѣждаемый Неудачинымъ, спросилъ шаманку: Исполнится ли мною желаемое? Шаманка, устремивъ на него свои дикіе, блуждающіе взоры, затряслась всѣми членами, и по нѣкоторомъ молчаніи сказала: «Христіанинъ, сними крестъ; онъ отнимаетъ у меня языкъ.» Неудачинъ перевелъ сіе Алексѣю, который, не переставая считать дѣйствіе шаманки однимъ глупымъ обманомъ, рѣшился исполнить ея требованіе. Послѣ сего шаманка снова начала бить изо всей силы въ свой бубенъ и коверкаться самымъ ужаснымъ образомъ. Сія комико-трагическая сцена продолжалась нѣсколько минутъ. Наконецъ шаманка, вдругъ обратясь къ Алексѣю со сверкающими глазами и горѣвшимъ отъ изступленія лицомъ, произнесла на Буряткомъ языкѣ дикимъ, но довольно мѣрнымъ голосомъ, слѣдующій отвѣтъ:

Внимай, Христіанинъ, отвѣтъ Окодила (*)!

Звѣрь кровожадный сразится тобой,
И черная кровь застроится рѣкой,
И море злодѣю могила!

(*) Злой духъ.

Digitized by Google

Внимай Окодила отвѣтъ!

Тамъ юная дѣва спасителя ждетъ;
Тамъ море яримся, и волны тамъ стонутъ;
Тамъ въ безднѣ кипящей злодѣи потонутъ;
И къ дѣвѣ спаситель придетъ!

Вотъ Окодила отвѣтъ!

(Внимай, Христіанинъ, и вѣрь намъ Шаманамъ!)
Онъ гибель нарекъ вамъ въ удѣлъ Христіанамъ —

И хищнымъ прощенія нѣтъ!

Губите другъ друга, свой родъ истребляйте!
И кровью закляшой лѣса обагряйте!

Алексѣй слушалъ отвѣтъ сей съ ужасомъ и удивленіемъ: ибо не могъ изъяснить, какимъ образомъ шаманка, видя его въ первый разъ отъ роду, узнала о его обстоятельствахъ. Онъ бросилъ серебряный рубль къ ногамъ ея, и, возвращаясь медленными шагами назадъ, старался разгадать изъ ея таинственныхъ словъ жребій Натальи.

И. Калашниковъ.

Digitized by Google

Recherches sur les progrès comparés des revenus privés et des revenus publics de la France et de la Grande-Bretagne, depuis le seizième siècle jusqu'à nos jours (*Сравнительныя изысканія* о доходахъ государственныхъ и частныхъ, во Франціи и Великобританіи, съ XVI-го вѣка до нашего времени). Сочиненіе Барона Карла Дюпена.

Имя Дюпена столь извѣстно уже публикѣ нашей, послѣ изданія Русскихъ переводовъ его *Геометріи*, *Механики*, и книги *о производительныхъ силахъ Франціи*, что каждое новое сочиненіе сего писателя должно возбуждать вниманіе просвѣщенныхъ читателей нашихъ. Посему-то сообщаемъ мы здѣсь краткое извѣстіе о новомъ трудѣ Дюпена, надѣясь, что этимъ угодимъ многимъ.

» Съ XVI-го столѣтія до нашего времени, богат-
» ство двухъ государствъ, самыхъ капитальныхъ
» нынѣ въ Европѣ, возрастало случайно, или
» слѣдовало какимъ нибудь вѣрнымъ и опредѣлен-
» нымъ правиламъ и законамъ? Если откроется по-
» слѣднее, то не льзя-ли приводить сихъ законовъ и
» правилъ въ опредѣленный порядокъ, и исчислять
» степени приращенія богатствъ?»

Вотъ предметъ, которымъ рѣшился заняться Дюпенъ. Онъ излагаетъ сей предметъ отдѣльными диссертаціями, или записками. Первая записка была читана имъ въ засѣданіи Парижской Академіи

Digitized by Google

Наукъ, Декабря 11-го, 1829 года. За нею должны были слѣдовать другія; но, кажется, послѣдовавшія въ 1830-мъ году политическія обстоятельства отвлекли Дюпена отъ продолженія труда его.

Подобныя изслѣдованія, въ равной мѣрѣ важны для гражданъ и для Правительства. Гражданамъ показываютъ они степень повинностей, справедливо на нихъ лежащихъ; Правительству мѣру его пособій. Посредствомъ ихъ можемъ оцѣнять опредѣлительно часть постоянную и часть измѣняющуюся, какія видимъ въ успѣхахъ богатства каждаго народа. Въ настоящее и будущее время, они могутъ весьма приблизительно показывать увеличеніе народнаго богатства. Вслѣдствіе сего, могутъ быть пояснены основныя правила, и руководствовать насъ въ дѣлѣ экономіи частной и государственной, по опредѣленнымъ періодамъ. Такъ, напримѣръ, посредствомъ подобныхъ изысканій, можемъ мы располагать свои разсчеты десятилѣтіями, и въ будущемъ имѣть выводы вѣрные, доказанные, въ приращеніи, или упадкѣ богатства, государственнаго и частнаго, соображаясь съ ними въ приходахъ и расходахъ государственныхъ, въ произведеніи народномъ, и въ благосостояніи обитателей той или другой земли.

Если-бы съ XVI-го столѣтія донынѣ, изъ хорошо сдѣланныхъ наблюденій, были извлекаемы статистическія *данныя*: о народонаселеніи, о количествѣ домашнихъ животныхъ, важнѣйшихъ произведеніяхъ царства растительнаго и животнаго, цѣнности произведеній, сравнительно съ платою за

Digitized by Google

работу и цѣнностью денегъ, то ничего не было-бы легче и простѣе познанія правильнаго и неправильнаго хода, коимъ слѣдовали успѣхи производительныхъ силъ Франціи и Великобританіи.

Къ сожалѣнію, многаго недостаетъ намъ, для полноты вѣрныхъ замѣчаній, касательно основныхъ стихій народнаго благосостоянія.

Недостаточныя, даже и въ настоящее время, сіи замѣчанія являются тѣмъ болѣе рѣдки и тѣмъ болѣе недостаточны, чѣмъ далѣе восходимъ мы отъ настоящаго къ прежнимъ временамъ.

Слѣдовательно: степень приблизительнаго опредѣленія, какой можно достигнуть, исчисляя богатства Франціи, недостаточная нынѣ, тѣмъ болѣе является недостаточною, чѣмъ болѣе отдаляемся мы отъ нашей эпохи, современной.

За всѣмъ тѣмъ однакожь, можно убѣдиться, что принимая въ руководство законъ *непрерывности* (continuité), управляющій развитіемъ общественнаго порядка, какъ управляетъ онъ ходомъ физическаго порядка, мы достигнемъ выводовъ, болѣе удовлетворительныхъ, нежели тѣ, какіе, по видимому, должны произойдти отъ разысканій сего рода, при первомъ на оныя взглядѣ.

Когда наблюдаемъ мы общественный бытъ у народа образованнаго, то съ одной стороны находимъ всеобщія причины правильности, поддержанія, успѣховъ, а съ другой множество причинъ, все сіе нарушающихъ. Многія изъ сихъ послѣднихъ принад-

Digitized by Google

лежатъ физической природѣ, непостоянству временъ годовыхъ, эпидемическимъ болѣзнямъ между людьми, эпизоотическимъ болѣзнямъ между животными, недостатку и излишеству питательныхъ веществъ. Многія другія причины относятся къ страстямъ людей, насилію, несправедливости, произвольности распоряженій, хищенію, обману, невѣжеству, заблужденію, словомъ: проступкамъ, порокамъ, преступленіямъ, и покушеніямъ на общественный порядокъ, описаннымъ и не описаннымъ въ законахъ.

У народа упадающаго, разрушительныя причины превозвышаютъ причины поддержанія и произведенія, и общество бѣднѣетъ и разрушается. Народъ падаетъ ниже и ниже, до тѣхъ поръ, пока сдѣлается добычею другаго народа, болѣе могущаго, и счастливѣе организованнаго въ общественномъ бытѣ.

Среди всѣхъ государственныхъ и общественныхъ превратностей, и борьбы страстей, ужасающей собою воображеніе наше, Франція и Великобританія, въ теченіе трехъ вѣковъ, шли однакожь впередъ на поприщѣ общественнаго совершенствованія, съ такою правильностію, какой нѣтъ въ Исторіи другаго примѣра.

Не излагая еще здѣсь хода, какому слѣдовало сіе совершенствованіе, надобно обозрѣть основные источники народнаго богатства. Сему-то предварительному изслѣдованію предназначаетъ Дюпенъ *первую* свою диссертацію.

Если каждый обитатель какой-либо страны, Фран-

Digitized by Google

ціи, напримѣръ, будетъ усчитывать сложность годоваго своего дохода, происходящаго отъ личнаго труда, или отъ обладаемаго имъ капитала, *сумма всѣхъ сихъ доходовъ* составитъ то, что мы называемъ *ежегоднымъ доходомъ Франціи.*

Для опредѣленія постоянной мѣры, *устойчивости* (stabilité), если можно такъ сказать, *ежегоднаго богатства народа*, надобно изучить стихіи, или элементы, изъ коихъ сіе богатство составляется. Вотъ первое и основное условіе, для всѣхъ статистическихъ вопросовъ, которые хотимъ подвергать нашему учету.

Сообразимъ сначала богатство страны, наслаждающейся миромъ, и постоянными установленіями—первымъ благомъ общественной жизни. Въ такой странѣ, въ теченіе непродолжительнаго времени, установляется родъ нѣкотораго уравненія и равновѣсія между цѣнами разныхъ предметовъ, потребныхъ человѣку, для его удовольствія, или пользы.

Дабы достигнуть къ сему состоянію равновѣсія, продавецъ, то уменьшаетъ цѣну, для прибавки количества своихъ продажъ, то увеличиваетъ цѣну, не уменьшая количества оныхъ; такъ продолжаетъ онъ, пока окончательно увидитъ *приращеніе прибытка.* Постепенно, увеличенія сего рода становятся медленнѣе, и при малой измѣнчивости въ цѣнахъ, бываетъ уже тогда застой въ общности произведенія. Опредѣленная точка, раздѣляющая *увеличеніе богатствъ* отъ *уменьшенія богатствъ*—вотъ, на чемъ успѣваетъ продавецъ поддержать цѣну.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, всякій родъ предметовъ безпрерывно стремится къ извѣстной границѣ, вокругъ которой уравновѣшиваетъ онъ, въ обратномъ смыслѣ, количество продаваемыхъ предметовъ, такъ, что полное произведеніе продажъ, всякаго рода предметовъ, разнообразится несравненно менѣе, нежели два элемента, изъ коихъ сіе произведеніе составлено, именно: *количество проданнаго* и *цѣны единицѣ мѣры*, для всякаго рода предметовъ, обращаемыхъ въ продажу.

Предположимъ, напримѣръ, что продаваемые предметы существуютъ милльонами, что они суть вещи, весьма разнородныя, и что они разсыпаны на множествѣ мѣстъ, множествомъ независимыхъ одна отъ другой рукъ. Милльонъ торговъ, заключенныхъ въ теченіе года, представятъ общую цѣнность, которая немного удалится отъ средней цѣны, установленной взаимными выгодами продавателей и покупателей. Теорія счисленія вѣроятностей научаетъ насъ считать, на сколько общее произведеніе, или годовое богатство, можетъ удаляться отъ высшей точки (maximum), означающей естественную границу сего богатства.

Когда общественный бытъ доставляетъ странѣ возрастающее богатство, то можно опредѣлять степень возрастанія сего богатства, для каждаго промежутка года.

Если взять періодъ довольнаго числа лѣтъ, то дѣлается возможнымъ получить среднее возрастаніе, которое, вѣрнымъ вычетомъ, представитъ степень возрастающей приблизительности (d'approximation croissante) съ числомъ взятыхъ лѣтъ.

Digitized by Google

Наконецъ, для узнанія, до какой степени исправности должно надѣяться достигнуть въ сихъ изысканіяхъ, надобно изслѣдовать прежде всего самую большую сумму неравностей, какія могутъ представить сжегодныя богатства страны.

Во Франціи, напримѣръ, надобно поставить въ первый рядъ богатства земледѣльческія, а между ими произведенія самыя важныя, то есть, *произведенія жатвенныя* (céréales).

Человѣкъ легко можетъ ограничить до извѣстной степени потребленіе жатвенныхъ произведеній. Во время недостатка, онъ можетъ давать своей семьѣ часть хлѣба болѣе или менѣе ограниченную, какъ дѣлаетъ это Капитанъ корабля, находясь въ удаленіи отъ всѣхъ мѣстъ запаса, когда у него остается мало провизіи. Но такое ограниченіе имѣетъ однакожь предѣлы весьма тѣсные, и прежде нежели допуститъ до себя ограниченіе выше извѣстной степени, человѣкъ рѣшится на пожертвованія, чѣмъ сильнѣе крайность, тѣмъ болѣе значительныя.

Можно судить объ этомъ по слѣдующимъ замѣчаніямъ, которыя собралъ Грегори-Кингъ, и издалъ Давенантъ, искусный администраторъ, и человѣкъ опытный въ политической Ариѳметикѣ. Когда жатва уменьшается на *одну десятую*, то цѣна хлѣба увеличивается на *три десятыхъ*. Когда жатва не выполняетъ *двухъ десятыхъ*, цѣна хлѣба увеличивается на *восемь десятыхъ*. Когда въ жатвѣ недостаетъ *трехъ десятыхъ*, цѣна хлѣба увеличивается на *шестнадцать десятыхъ*. Когда жатва теряетъ *четыре десятыхъ*, цѣна хлѣба увеличи-

Digitized by Google

вается на *двадцать восемь десятыхъ*. Наконецъ, когда въ жатвѣ нѣтъ половины, или *пяти десятыхъ*, то цѣна хлѣба увеличивается до *сорока пяти десятыхъ*. Все сіе, для лучшаго уразумѣнія, мы представимъ цифрами.

Уменьшеніе хлѣба.		Увеличеніе цѣны.
10	—	10
— 1	—	+ 3
— 2	—	+ 8
— 3	—	+ 16
— 4	—	+ 28
— 5	—	+ 45

Въ XVI-мъ, XVII-мъ, и даже въ началѣ XVIII-го столѣтія, часто бывали ужасныя измѣненія въ цѣнахъ жатвенныхъ произведеній. Иногда въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ цѣны упятерялись, и потомъ падали ниже обыкновенной цѣны. Голодъ необыкновенный происходилъ отъ сихъ неравностей; ужасная смертность была ихъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ.

Благодаря успѣхамъ земледѣлія и торговли, умноженію дорогъ и каналовъ, усовершенствованію способовъ перевозки и снабженія, благодаря особенно миру, безопасности, свободѣ, какою наслаждается производитель, подобныя необычайныя несоразмѣрности цѣнъ на жатвенныя произведенія нынѣ не замѣтны. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, цѣны не измѣнялись болѣе *пяти десятыхъ*, выше или ниже средней цѣны: это показываетъ измѣненіе на *одну седьмую*

Digitized by Google

въ количествѣ хлѣба, ежегодно потребляемаго болѣе или менѣе, противъ *средняго количества*, необходимаго для потребностей народонаселенія Франціи.

Мы старались изыскать: *какія отношенія должны существовать между цѣною и потребленными количествами*, желая симъ удовлетворить замѣчаніямъ Грегори-Кинга. Мы нашли, что уравненіе (équation) *третьей степени* даетъ сіи отношенія.

Мы употребили сіе уравненіе, для установленія (по средней цѣнѣ жатвенныхъ произведеній во Франціи, съ 1801-го до 1829-го года) *общей цѣны продажъ*, и, слѣдственно, богатства, произведеннаго жатвенными доходами, назначаемыми для пищанія человѣка.

Средняя цѣна потребленія жатвенныхъ произведеній, для народонаселенія Франціи, опредѣляется, приблизительно, въ 1,600 милльоновъ франковъ. Вотъ какія были самыя величайшія различія *продажъ дѣйствительныхъ съ среднею цѣною*, въ годы величайшаго изобилія и величайшаго недостатка, съ начала XIX-го столѣтія до 1830-го года.

Годы наибольшаго изобилія.

Уменьшенія сложности цѣны.

1804 годъ — 219,240,000 фр. — $\frac{1}{8}$ противъ средн. ц.
1824 » — 152,256,000 » — $\frac{1}{11}$ » » »

Годы наибольшаго недостатка.

Увеличеніе сложности цѣны.

1812 годъ — 270,202,000 фр. — $\frac{1}{6}$ противъ средн. ц.
1817 » — 395,554,000 » — $\frac{1}{4}$ » » »

Digitized by Google

Сіи перавности, разсматриваемыя сами по себѣ, суть конечно важны; но разсматриваемыя въ ихъ отношеніи съ общимъ доходомъ государства являются весьма незначительными, что можно видѣть изъ двухъ слѣдующихъ посылокъ:

Годы величайшаго изобилія.

Уменьшеніе, производимое общею, продажною цѣною жатвенныхъ произведеній, на общность частнаго дохода во Франціи,

въ 1804 г. равнялось — $3\frac{1}{2}$ на сто.

» 1824 » — 2 » »

Годы величайшаго недостатка.

Увеличеніе, производимое общею, продажною цѣною жатвенныхъ произведеній, на общность частнаго дохода во Франціи.

Въ 1812 году, равнялось — 4 на сто,

» 1817 » » — $5\frac{1}{2}$ » »

Такимъ образомъ, между всѣми источниками земледѣльческихъ доходовъ, часть самая важная, и самая капитальная, произведеній необходимѣйшихъ, не представляетъ въ изобильнѣйшіе годы уменьшенія, превышающаго $3\frac{1}{2}$ на сто, въ сложности частнаго дохода, а въ годы величайшаго недостатка, увеличенія, превышающаго $5\frac{1}{2}$ на сто.

Во второй диссертаціи Авторъ предполагаетъ изложить: сколько другіе роды потребленія, какъ-то, съѣстное пропитаніе, также наемъ жилья, одежда, домашняя утварь, и проч., увеличиваются, когда издержка на жатвенныя произведенія уменьшается, и сколько сіи предметы уменьшаются,

Digitized by Google

когда издержка на жатвенныя произведенія прибываетъ.

Такимъ образомъ, малыя неравности, изъясненныя нами, въ отношеніи жатвенныхъ произведеній, въ послѣдованіи годовыхъ доходовъ народонаселенія Франціи уравниваются другими родами производимости и потребленія.

Сіе замѣчаніе показываетъ уже намъ, какими вознагражденіями, не смотря на большія неправильности въ цѣнахъ нѣкоторыхъ предметовъ производимости и потребленія, общій доходъ народа испытываетъ, отъ одного года до другаго, перемѣны гораздо меньшія, нежели какими кажутся онѣ при взглядѣ поверхностномъ.

Математическій законъ, коимъ устанавляются соотношенія цѣны хлѣба и количества потребленія, даетъ средства нумерически оцѣнять барыши, упроченныя производителямъ земледѣльства политическимъ закономъ, относительно цѣны, до которой хлѣбъ долженъ достигнуть, прежде нежели разрѣшится по торговлѣ привозъ, или вывозъ онаго.

Сіи-же наблюденія опредѣляютъ равномѣрно степень выгодъ, происходящихъ отъ содержанія запасовъ, которые, посредствомъ покупки, облегчаютъ производителя во времена преизобилія, а посредствомъ продажи облегчаютъ потребителя, когда недостатокъ начинаетъ быть чувствителенъ для народонаселенія.

Таковы содержаніе и общность предметовъ первой диссертаціи Дюпена, о частныхъ и общественныхъ

Digitized by Google

ныхъ доходахъ Франціи и Великобританіи. Можно видѣть, какіе важные и новые взгляды являетъ у него Статистика, приложенная къ теоріи государственныхъ и частныхъ богатствъ. Пожелаемъ, чтобы вмѣсто Политики, гдѣ Дюпенъ играетъ самую жалкую роль, занялся онъ лучше своими учеными трудами, и именно, на первый случай, кончилъ-бы новое, начатое имъ сочиненіе.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго 2 ч. Съ двумя гравированными виньетками и картинкою. СПб. 1831. Въ Военной Т. Главнаго Штаба. 277 и 261 стр. in-12.

» Съ той поры, какъ помню себя, Жуковскій былъ для меня символомъ изящнаго. Въ лѣта отрочества я твердилъ его стихи, и въ лѣта юности услаждался тихими звуками его гармонической лиры. » Таково внутреннее сознаніе всего нынѣшняго молодаго поколѣнія! Любовь нашу къ поэзіи Жуковскаго можно уподобить, если не сыновней любви къ матери, то по крайней мѣрѣ любви добраго воспитанника къ его наставнику, развившему въ юной душѣ много чувствъ, прекрасныхъ, и дотолѣ ей невѣдомыхъ. На чемъ заслалъ Русскую Поэзію Жуковскій? На стремленіи къ земнымъ идеаламъ Фран-

Digitized by Google

цузской Поэзіи, на сближеніи съ Дюсисами, Лагарпами, Демустье, и прочими, уже тусклыми отблесками изящной Музы Расина и Мольера. Онъ перенесъ насъ въ міръ новый, въ міръ, подернутый прозрачнымъ тумановъ поэзіи Шиллера и нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ поэтовъ. Какъ неиспытанный юноша устремился Рускій въ этотъ очаровательный міръ, привязывающій къ себѣ юныя души тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ неразгаданнѣе. Но въ нашъ-ли угрюмый вѣкъ, въ вѣкъ сухой истины, которая сама есть идеалъ наготы, въ этотъ-ли вѣкъ могли долго поддерживаться полуэѳирныя чувства и звуки Музы Германской? Нѣтъ: новыя, сильнѣйшія чувства и звуки разнообразнѣйшіе вытѣснили ихъ; новые исполины, изъ другихъ, дивныхъ міровъ, пришли занять у насъ мѣсто Шиллера, и слѣдственно—какъ ближайшій отблескъ его—Жуковскаго. Не будемъ слѣдовать за симъ новымъ направленіемъ: остановимся на Жуковскомъ, ибо онъ занимаетъ насъ теперь; разсмотримъ, почему поэзія его, оставаясь, въ нѣкоторомъ отношеніи, уже прошедшимъ для насъ, цвѣтетъ еще полною жизнію? Что составляетъ непогибающее, долговѣчное, и что собственно есть прошедшее въ этой поэзіи?

Долго еще не погибнетъ, не состарѣется, не перестанетъ увлекать насъ гармонія, господствующая въ звукахъ, словахъ и выраженіи творца Свѣтланы. По своему языку, Жуковскій есть одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ, какіе имѣемъ мы доселѣ. Говоритъ-ли онъ въ возвышенномъ *Посланіи къ Императору Александру*; шутитъ-ли въ нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ изъ мелкихъ своихъ сочиненій; передастъ-ли трудныя мысли пѣвцовъ чужеземныхъ: вездѣ унег о чистота, стройность, ясность. Вотъ первая и главная свѣтлая сторона сего необыкновеннаго Писателя. Но что значитъ языкъ, какъ не выраженіе внутреннихъ силъ человѣка? Можно, при усиленномъ стараніи, написать нѣсколько страницъ гладкихъ стиховъ; можно, изучивъ образцы изящные, даже навсегда остаться писателемъ правильнымъ въ слогѣ и выраженіяхъ; но безъ внутренней силы, слогъ вашъ никогда не будетъ согрѣтъ, не будетъ оживленъ, не будетъ проникнутъ тою душевною теплотою, которая бываетъ вѣрнымъ признакомъ дарованія поэтическаго, которая одна даетъ жизнь слову. Слова получаютъ особенный характеръ отъ расположенія ихъ, отъ состройства, гармоніи, короче — отъ выраженія. Жуковскій преимущественно есть Поэтъ выраженія. У него не найдете вы ни Юпитеровской силы Державина, ни порывовъ Ломоносова, ни блистательныхъ свойствъ Автора *Руслана и Людмилы*; онъ весь выраженіе. Отъ того происходитъ и всегдашняя наклонность его къ переводамъ. Признаемся, что главную славу Жуковскаго составляютъ переводы. Не говоря уже, что собственныхъ сочиненій его очень немного, скажемъ что, что начиная отъ перевода Греевой Элегіи и подражанія Биргеровой Ленорѣ, до Испанскихъ балладъ о Сидѣ, мы, Русскіе, всего болѣе восхищались въ Жуковскомъ мыслями чужими, не ему принадлежащими. Но ни одинъ благоразумный критикъ не подумаетъ, чтобы отъ того уменьшалось достоинство Жуковскаго. Нѣтъ, и именно потому,

Digitized by Google

нно, не смотря на всѣ наружныя заимствованія, душа сего Поэта самобытна и въ дарованіи его есть единство. Это явно, если сообразимъ переводы и подражанія его, то есть, говоря новомоднымъ словцомъ, это явно изъ *фактовъ*, не изъ умствованій. Алина и Альсимъ, Гаральдъ, Варвикъ, Пустынникъ, Мщеніе, Рыцарь Тогенбургъ, Адельштанъ, Ивиковы Журавли, Лѣсной Царь, Кассандра, Три пѣсни, Эльвина и Эдвинъ, Графъ Гапсбургскій, Замокъ Смальгольмъ, Людмила, Узникъ, Свѣтлана, Эолова Арфа, Ахиллъ, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Шильонскій узникъ, Красный Карбункулъ—сочиненія различныя, большею частію переводы изъ разноязычныхъ авторовъ—всѣ имѣютъ нѣчто одно, общее. Характеръ ихъ вообще мрачный, смягчаемый взоромъ свѣтлой души, во всемъ, даже въ самомъ ужасномъ провидящей благо, или казнь зла, или спрадающую добродѣтель, или награду праведника. Тутъ не встрѣтите ни высокаго равнодушія Шекспировскаго, ни даже злой насмѣшки Байрона, не смотря на то, что въ именованныхъ нами сочиненіяхъ есть одно Байроново (Шильонскій узникъ). Оно можетъ нѣкоторымъ образомъ служить доказательствомъ, до какой степени глубоко собственное чувство Жуковскаго, не избравшаго для перевода ни Чайльдъ-Гарольда, ни Манфреда, ни Урода Превращеннаго (The Deformed-Transformed).

Сообразивъ всѣ подражанія и переводы Жуковскаго, видимъ, что главное въ нихъ есть его тихій, праведническій взглядъ на жизнь, которую вообще видитъ онъ въ краскахъ мрачныхъ. Справедливо говорили, что изъ сочиненій его было-бы можно вы-

Digitized by Google

брать полный обрядъ похоронный; но въ тоже время можно въ нихъ найдти и оправданіе многихъ золъ міра, въ которомъ все благо. Христіанское чувство нашего Поэта сближалось всего болѣе съ чувствомъ Шиллера: и не удивительно. Высокая душа Германскаго Поэта указала путь нашему Поэту; Шиллеръ былъ наставникомъ его, образователемъ, и передалъ ему такъ много своихъ качествъ, что, исключая разницу дарованія, обстоятельствъ, страны, языка, и проч., Жуковскій есть нашъ Шиллеръ. Не принимайте сихъ словъ буквально, ибо въ мірѣ Изящнаго нѣтъ математическихъ равенствъ. Но кто не согласится, что языкъ Жуковскаго душевная теплота, придающая особенную прелесть его языку, и это единство въ подражаніяхъ и переводахъ, суть слѣдствія одного, неизмѣннаго направленія, котораго самое существованіе есть уже неоспоримое доказательство дарованія нашего Поэта.

Отдавъ полную долю, принадлежащую разсматриваемому нами Поэту въ сокровищницѣ Прекраснаго, мы подтвердили указаніями, что *выраженіе* его, этотъ голосъ души глубокой и свѣтлой, составляетъ главное его достоинство. Скажемъ и о томъ, что, по нашему мнѣнію, можно почитать слабою стороною сего Поэта.

Помните-ли вы прелестную сказку, переведенную Жуковскимъ, подъ заглавіемъ: *Необходимое и излишнее?* Въ ней остроумно изображено недоумѣніе человѣка, когда ему даютъ назначить *необходимое.* Такъ бываетъ и не въ одной области Плутуса; и въ дарованіяхъ трудно указать на ис-

Digitized by Google

тинное богатство. Что для одного *богатство*, то для другаго едва *необходимое*. Для насъ, Русскихъ, Жуковскій богачъ первой степени, Агвада, Лафиттъ, если не Ротшильдъ; для иностранцевъ, онъ едва-ли будетъ тѣмъ-же. Вообразите, что какой нибудь иноземецъ рѣшился перевести сочиненія Жуковскаго на свой языкъ—пусть то будетъ Нѣмецкій, Итальянскій, Англійскій, Французскій. Высоко-ли станетъ у этихъ *Нѣмцевъ* нашъ сладкозвучный Поэтъ? Звуковъ его передать невозможно: они исчезнутъ при переселеніи; чужихъ созданій переводить не для чего: а своего въ Жуковскомъ—мало! Да и многое-ли изъ *своего* похоже на *Русское? Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ* останется вѣрно безъ перевода, какъ пьеса, имѣвшая успѣхъ по обстоятельствамъ, но теперь уже поражающая насъ многими несообразностями. *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ* затруднятъ переводчика, потому что онъ не угадаетъ: Русское-ли это сочиненіе, или подражаніе чему-то Нѣмецкому, полу-рыцарскихъ временъ? Остаются *Посланія* Жуковскаго, и еще два-три стихотворенія, изъ коихъ перло—*Свѣтлана*. Начало этой баллады особенно созвучно съ Русскою душою, и если-бы къ концу ея Авторъ не сбился съ тону, не перелетѣлъ въ свою любимую Нѣмецкую область, она была-бы произведеніемъ высокой цѣны.

И такъ, взглянувъ съ сей точки, мы опять видимъ тоже: отсутствіе воображенія, которое не поразительно тогда только, когда мы забываемъ, переводъ-ли, или сочиненіе столь пріятно ласкаютъ наши чувства? И надобно прибавить, что

Digitized by Google

Жуковскій пріучилъ насъ забываться такимъ образомъ, умѣя быть оригинальнымъ въ переводахъ и подражаніяхъ. Но, что составляетъ достоинство его, то порождаетъ и недостатокъ. Можетъ быть, не столь увлекаясь чужеземными образцами, онъ былъ-бы могущественнѣе своимъ собственнымъ, былъ-бы оригинальнѣе, если не вовсе оригиналенъ. Развѣ не было цѣлыхъ Литтературъ, гибнувшихъ отъ подражанія чужому? Развѣ не передъ нами Латинцы и Французы? А!.. Чего не произвелъ-бы этотъ строгій Виргилій, этотъ гармоническій Расинъ, и такъ хорошо понимавшій изящное-чужое Корнель! Что-же помѣшало ихъ собственному развитію? Подражаніе. Отъ чего облетаютъ, или по крайней мѣрѣ не зеленѣютъ вѣчною жизнію ихъ поэтическіе вѣнки? Отъ подражанія. Думая объ одномъ только языкѣ своемъ, объ изяществѣ выраженія, они достигли высокой степени въ семъ отношеніи, но за то утратили болѣе драгоцѣнное, болѣе долговѣчное—самобытность!

И до какой степени увлекается Жуковскій этими чужими созданіями! Пусть-бы передавалъ онъ намъ краски и чувства Шиллера, Гёте—нѣтъ! надобно было низойдти до Биргера, до Уланда, до Матисона, очень хорошихъ стихотворцевъ, но самыхъ посредственныхъ поэтовъ. Этого мало: онъ перевелъ нѣсколько огромныхъ стихотвореній изъ Гебеля, очень добраго, милаго Аллеманскаго говоруна, ясно доказывающаго, что надобно бояться порока, но, право, не стоившаго перевода, и особенно перевода Жуковскаго.

Жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ по-

Digitized by Google

дробнѣе изъяснить своихъ замѣшокъ, которыми, вѣроятно, почтенные Журналисты Русскіе станутъ доказывать, что мы не уважаемъ поэтическаго дарованія, озаряющаго нашу Словесность. Но, мы отдаемся на судъ самого Поэта: онъ защититъ насъ отъ нарѣканія несправедливаго. Сужденіе наше есть слѣдствіе убѣжденія, а противъ убѣжденія мы говорить не станемъ, да и не можемъ.

Въ изданныхъ нынѣ двухъ книжкахъ *Баллядъ и Повѣстей*, кромѣ напечатанныхъ въ полномъ изданіи *Стихотвореній* В. А. Жуковскаго, помѣщены переведенныя имъ послѣ 1824 года *Баллады*: *Торжество побѣдителей*; *Алонзо*; *Поликратовъ перстень*; *Доника*; *Жалоба Цереры*; *Ленора*; *Судъ Божій надъ Епископомъ*; *Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ и кто сидѣлъ впереди* (*); *Кубокъ*; *Королева Урака и пять мучениковъ*; *Покаяніе*; *Отрывки изъ Испанскихъ балладъ о Сидѣ*; *Повѣсти*: *Неожиданное свиданіе*, *Перчатка*, и Дѣдушкинъ Разсказъ: *Двѣ были и еще одна*. Это исчисленіе показываетъ читателямъ, что мы пріобрѣли еще нѣсколько переводовъ изъ Шиллера, и прибавимъ, столько-же изящныхъ, какъ и прежніе, коими дарилъ насъ Жуковскій. О *балладахъ Сида* не смѣемъ сказать теперь своего мнѣнія. Можетъ быть въ нихъ надобно

(*) Этотъ изящный переводъ былъ извѣстенъ Русской публикѣ давно, въ рукописи, подъ названіемъ: *Старушка*. Нынѣшнее заглавіе принадлежитъ самому Автору сей баллады, Саути. Забавно, что Г. Ольдекопъ, въ своемъ Журналѣ, призналъ сію балладу не переводною, и еще расхвалилъ оригинальность ея!

Digitized by Google

болѣе вчитаться, и тогда онѣ будутъ для насъ болѣе похожими на свой безсмертный оригиналъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ изданіи. Печать и бумага прекрасныя; картинка и виньетки отдѣланы отлично хорошо; но изобрѣтеніе рисунковъ показываетъ большую бѣдность воображенія. Вообще надобно сказать, что гравированіе находится у насъ на высокой степени совершенства, но рисунки рѣдко бываютъ удовлетворительны, особенно въ сравненіи съ рисунками Французскихъ и Нѣмецкихъ, а еще болѣе Англійскихъ художниковъ. Какой нибудь Французъ Жоганно изумляетъ, поражаетъ васъ истиною и смѣлостью образовъ, положеній, и общностью созданій своихъ, въ самыхъ нелѣпыхъ, грубыхъ чертахъ. Посмотрите, напротивъ, на столь чисто отдѣланныя картинки при *Балладахъ* Жуковскаго! Вадимъ, совсѣмъ не похожій на Русскаго вишязя, преспокойно, какъ Полковникъ на смотру, стоитъ опершись на мечъ, а вдали, на *не-Русскомъ* замкѣ, торчатъ какія-то двѣ куклы: и насъ хотятъ увѣрить, что это двѣ спящія дѣвы!.. Еще смѣшнѣе, какъ

... *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренный!

Этотъ *Онъ* не только не похожъ на могущаго бѣса, но какъ будто списанъ съ-какой-то обезьяны, самой смѣшной породы.

Рисовальщикъ также никакъ не придумалъ, чѣмъ выразить ему, что

Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Digitized by Google

Онъ изобразилъ коня, распрыгавшагося на мосту, а подъ мостомъ высшавилъ изъ воды — *сапогъ*!

—Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring. Drittes Heft. (*Русская Библіотека для Нѣмцевъ*, издаваемая Карломъ фонъ Кнорринговъ. *Книжка третія.*) Ревель. 1831. Въ т. Наслѣдниковъ Линдфорса. XI и 173 стр. in-12.

Предпріятіе Г-на Кнорринга извѣстно читателямъ Телеграфа; извѣстно и то, какъ успѣшно совершаетъ оное сей достойный Литтераторъ. Нынѣ издалъ онъ третью книжку *Библіотеки для Нѣмцевъ*, въ которой помѣстилъ полный переводъ *Горя отъ ума*, комедіи Грибоѣдова, доселѣ ненапечатанной, однакожь знакомой цѣлой Россіи. Нужно-ли упоминать, какія трудности долженъ былъ преодолѣть переводчикъ этого безсмертнаго произведенія, одного изъ самыхъ оригинальныхъ въ нашей Словесности? Къ счастію, Г. Кнорингъ выдержалъ и сію борьбу со славою. Онъ передалъ Нѣмецкой публикѣ нашу комедію съ возможною вѣрностью: стихъ въ стихъ сказали-бы мы, если-бы можно было употребить это выраженіе не какъ иперболу. Замѣтно измѣненіе версификаціи оригинала, писаннаго вольными, или даже *самовольными* стихами, которые у Г-на Кнорринга вездѣ приведены въ десяти и одиннадцати-сложные. Впрочемъ, внутреннее достоинство стиховъ ничего не потеряло отъ того. Всѣ намеки, всѣ острыя слова поняты Переводчикомъ и выражены, сколько позволяетъ различный духъ языковъ Русскаго и Нѣмецкаго. Мы съ особеннымъ вниманіемъ перечитывали *знаменитыя мѣста*, твердимыя въ Русскихъ обществахъ, и поч-

Digitized by Google

ни везде нашли ихъ пересаженными въ Германскую почву. Г. Переводчикъ справедливо надѣется, что наше *Горе отъ ума* будетъ принято Нѣмецкою публикой съ особеннымъ вниманіемъ, какъ вѣрная картина общества, по многимъ отношеніямъ любопытнаго, и какъ произведеніе необыкновеннаго дарованія. Съ благодарностью прибавимъ, что сему долженъ способствовать и самый переводъ, столь удачно выполненный.

Искренно желаемъ, чтобы Г. Кнорринъ продолжалъ свои полезные труды, почетные для него самого и для нашей Словесности. Онъ умѣетъ выбирать предметы для перевода, и преодолѣвать трудности, не для многихъ побѣдимыя.

Можетъ быть читателямъ нашимъ любопытно знать, какъ перевелъ Г. Кнорринъ самое заглавіе комедіи: *Горе отъ ума*? Онъ выставилъ его по-Русски, и прибавилъ: oder Leiden durch Bildung.

—*Опыты въ стихахъ*. Алексѣя Пешрова. М. Въ Т. Степанова. 1831. 53 стр. in-12.

Невѣроятно нелѣпые опыты! Вмѣсто всякихъ доводовъ, попросимъ самого Автора объясниться. Слушайте, слушайте!

Хоть часъ одинъ мечтами насладиться,
И то, друзья! *ужъ много для меня*;
А тамъ опять *грусть въ сердце постучится*.

Мнѣ сердце говоритъ: опять ты *будешь*,
Ты будешь *въ той любимой сторонѣ*,
И мрачную тоску свою *забудешь*,
И въ мирной поселишься *тишинѣ*.

Digitized by Google

Но сбудется-ль мечта!.. *Вопросъ претрудный!*
На это случай можетъ дать отвѣтъ;
Или переворотъ фортуны чудный
Проложитъ мнѣ опять въ мѣста тѣ слѣдъ!...

—*Опытъ Литтературнаго Словаря.* Соч. Д. М.— М. Въ Унив. Т. 1831. 204 стр. in-12.

Чтобы дать понятіе, какъ составилась сія книга, выписываемъ слѣдующія строки, гдѣ Издатель говоритъ: «Вотъ плодъ моихъ занятій въ свобод-»ное время: желая самъ себѣ отдать въ нихъ от-»четъ, я изложилъ на бумагу то, что должно-бы »остаться въ памяти. Посему и прошу благосклон-»ныхъ читателей смотрѣть на сей опытъ, не »какъ на книгу дидактическую, но какъ на занятіе »юноши!» Далѣе онъ исчисляетъ руководителей своихъ: Мерзлякова, Г-на Дубенскаго, Encyclopédie méthodique, и проч. Послѣ сего можно уже догадаться, что новаго въ сей книгѣ не много. Подъ словомъ: *новое*, мы разумѣемъ понятія очищенныя отъ схоластицизма, современныя, которыхъ должно искать не въ исчисленныхъ Авторомъ источникахъ, а въ Шлегеляхъ, Г-жѣ Сталь, Жанъ-Полѣ, Шиллерѣ, въ новыхъ Французахъ (В. Гюго, Сентъ-Бёвъ, прежніе Издатели *Глобуса*, Экштейнъ), и *проч. и проч. и проч.*

Но если *Опытъ* Г-на Д. М. не имѣетъ достоинства хорошей учебной книги, то онъ любопытенъ какъ сводъ многихъ правилъ, подъ разными названіями жившихъ и живущихъ столѣтія. Авторъ изъясняетъ слова, относящіяся къ *Словесности*, взятой въ обширномъ смыслѣ, и отчасти къ *Логикѣ*

Digitized by Google

и *Эстетикѣ*. Во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть молодаго человѣка, ищущаго истины и просвѣщенія, хотя-бы и не по прямой дорогѣ къ ихъ храму.

—Colloquia Rossico—Latina, etc. *Россійско-Латинскіе Разговоры*, самые употребительные въ общежитіи, раздѣленные на уроки съ словами, менѣе обыкновенными для каждаго, къ которымъ въ концѣ прибавлено нѣсколько пословицъ и синонимовъ Л. языка, три спашьи: 1) о употребленіи временъ, 2) о порядкѣ словъ и 3) о строеніи періодовъ, въ пользу Россійскаго юношества, изданные С. И. *Печатна съ изданія* 1826 *года, съ исправленіями*. М. Въ Ун. Т. 1831. 226 стр. in-8.

Мы подробно разбирали сію книгу въ 1826 году: ссылаемся на прежній разборъ и при новомъ изданіи оной.

—*Краткое толкованіе на литургію*, изъ церковныхъ писателей извлеченное Протоіереемъ Іаковомъ Воскресенскимъ. *Изданіе четвертое, исправленное*. СПб. Въ Т. Смирдина. 1831. 83 стр. in-8.

Лучшимъ свидѣтельствомъ о достоинствѣ сей книги можетъ служить то, что она введена въ употребленіе въ Институтѣ ордена св. Екатерины, и другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

—*Руководство къ содержанію, размноженію и произведенію новыхъ сортовъ розъ*, основанное на 30-лѣтней опытности. Як. Рейдера. Съ описаніемъ лучшихъ, новѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ сортовъ какъ зимующихъ въ грунту, такъ и оранжерейныхъ. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ приноровленіемъ къ нашему климату. М. Въ Унив. Т. 1831. 54 стр. in-12.

Digitized by Google

Желаемъ, чтобы любительницы и любители розъ нашли въ этой книжкѣ полезное руководство.

—*Положеніе о наградахъ*, учрежденныхъ 17 Апрѣля 1831 года Камергеромъ П. Н. Демидовымъ. СПб. Въ Т. Академіи Наукъ. 1831. 7 стр. in-8.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что П. Н. Демидовъ жертвуетъ ежегодно по *двадцати тысячъ рублей*, въ награду авторамъ отличнѣйшихъ сочиненій по части Наукъ. Подъ выше означеннымъ заглавіемъ изданы отдѣльно отпечатанныя правила, на коихъ должно быть употребляемо благодѣтельное пожертвованіе Г-на Демидова.

—*Двадцатипятилѣтіе Европы въ царствованіе* Александра I. 2 части. СПб. Въ Т. Плюшара. 1831. IV, 355 и 451 стр. in-8.

Книга любопытная. Ни одинъ разсудительный читатель не въ правѣ требовать отъ Автора оной настоящей Исторіи, ибо для современниковъ рѣдко существуетъ Исторія ихъ времени. Но, можно требовать вѣрнаго исчисленія событій, вѣрнаго указанія въ числахъ, и даже нѣкоторой полноты изображаемаго предмета. Все это читатели найдутъ въ объявляемой здѣсь книгѣ. Не хотимъ замѣчать нѣкоторыхъ мѣлочныхъ невѣрностей, ни опровергать нѣкоторыхъ сужденій Автора; мы смотримъ на его книгу какъ на любопытный и даже поучительный сборникъ, а въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ вниманіе. Какія событія, какія лица на сценѣ! Только человѣкъ не мыслящій можетъ, не увлекаясь возобновить въ памяти своей эти великія двадцать пять лѣтъ!

Digitized by Google

Изданіе книги хорошо; портреты Императора Александра и Наполеона сдѣланы прекрасно.

—*Ура! слава Русскимъ.* Подарокъ героямъ, побѣдителямъ Персовъ и Турокъ. Соч. Иваномъ Гурьяновымъ. М. Въ Т. Степанова. 1831. VI и 244 стр. in-12.

Это также сборникъ, и, не смотря на странное заглавіе, очень порядочный. Собиратель извлекъ множество анекдотовъ, военныхъ приказовъ, реляцій, и проч., изъ газетъ и книгъ. Правда, что все это сдѣлано на скорую руку, но, все таки *Ура* Г-на Гурьянова лучше многихъ другихъ, изданныхъ имъ книгъ.

—*Отъ чего и отъ того.* Счастливъ тотъ, кто можетъ знать причину вещамъ. Переводъ съ Французскаго. М. Въ Т. Степанова. 1831. VII и 173 стр. in-16.

Подъ этимъ затѣйливымъ заглавіемъ, Авторъ собралъ множество вопросовъ, которые разрѣшаетъ какъ умѣетъ. Дѣло идетъ большею частію о явленіяхъ природы. Для многихъ эта книжка можетъ быть полезнѣе дюжины романовъ и стихотвореній, при которыхъ не льзя не сказать: *для чего, отъ чего, и для кого являются эти вздоры?*

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВОПРОСА:

точно-ли жители Патагоніи необыкновеннаго роста?

Общее повѣрье было донынѣ, что жители южной оконечности Южной Америки составляютъ поколѣніе народовъ, необыкновенно высокаго роста. Многіе однакожь противорѣчили сему, и дѣло такъ казалось сбивчиво и темно, при разнорѣчіи путешественниковъ, изрѣдка только посѣщающихъ тамошнія, дикія страны, что Малтебрёнъ, одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ географовъ, объявилъ вопросъ о ростѣ Патагоновъ нерѣшеннымъ. Это побудило одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ Французскихъ, Г-на Лессона, заняться особенно изслѣдованіемъ о ростѣ Патагоновъ. Вотъ любопытные выводы его изслѣдованій:

«*Патагоны*, жители близъ-полюсной оконечности Южной Америки, представляемы были отъ многихъ путешественниковъ какъ поколѣніе необыкновенно высокаго роста; такъ, что имъ приличествуетъ имя *поколѣнія великановъ*. Другіе, напротивъ, называютъ выдумками всѣ сіи разсказы; и увѣряютъ, что на берегахъ Магелланова пролива, то есть, въ Патагоніи, видѣли они людей не превосходящихъ вышиною роста другіе народы.

Digitized by Google

Трудно было-бы представить положительный результатъ, при семъ разнообразіи извѣстій, если-бы въ новѣйшія времена дѣло не было пояснено людьми, достойными всякаго вѣроятія, и неувлекавшимися прежнимъ предразсудкомъ.

«Здравый смыслъ отвергаетъ существованіе особаго поколѣнія великановъ, которое составляло-бы противоположность остальному человѣческому роду. Но, чернь, любящая чудесное, всегда оставляла себѣ мечту, создавая народъ исполиновъ, силы необычайной—мечту, столь хорошо присвоиваемую во всѣ времена Миѳологіею и Поэзіею. Такъ сохранилось для насъ преданіе о Лестригонахъ, Циклопахъ, Полифемѣ, чесавшемъ себѣ волосы граблями, Титанахъ, хотѣвшихъ завладѣть небомъ, и проч. Понятно, что когда смѣлые искатели приключеній, первые изъ устремившихся по водамъ Магелланова пролива и Южнаго Океана, обнародовали разсказы о своихъ странствованіяхъ, люди, внимавшіе имъ, должны были удивляться диковинкамъ, ими повѣствуемымъ, не безъ прибавки выдумокъ. Разсказъ о Патагонахъ, жителяхъ славнаго пролива, на крайней оконечности Америки, долженъ былъ казаться особенно необыкновеннымъ, и когда путешественники, послѣдовавшіе за Магелланомъ, стали оспоривать разсказы его спутниковъ, и умалять Патагоновъ, воображеніе народное не хотѣло разстаться легко съ обольстительною выдумкою. Явилось то, что всегда является — нерѣшительность, и всякій такъ началъ думать, какъ ему казалось лучше.

Digitized by Google

« Между тѣмъ, не льзя предположить и того, что народы необыкновеннаго роста иногда являлись на берегахъ Магелланова пролива, и что въ другое время приходили туда народы средняго и обыкновеннаго роста, подавая черезъ то поводъ къ двумъ различнымъ мнѣніямъ разныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ тамошнія мало-обитаемыя мѣста. Безъ сомнѣнія, иные изъ нихъ слишкомъ увеличивали Патагоновъ, возводя ростъ ихъ до восьми, и десяти Англійскихъ футовъ, и достовѣрнѣе можно положиться на описанія новѣйшихъ путешественниковъ, которые не отдаляютъ въ такой степени ростъ Патагоновъ отъ нашего, но говорятъ однакожь о Патагонахъ, какъ объ отдѣльномъ отъ другихъ родѣ, одаренномъ ростомъ высокимъ, силою и крѣпостью необыкновенною. При настоящемъ, нерѣшительномъ познаніи, всего лучше перебрать и сообразить, что донынѣ было говорено о Патагонахъ.

« *Магелланъ*, имя коего осталось именемъ знаменитаго пролива, имъ открытаго, первый сказалъ Европѣ о высокомъ ростѣ Патагоновъ. Средняя, приблизительная мѣра объявлена была имъ до 6 $\frac{1}{2}$ футовъ. Ла-Барбине открылъ послѣ того преданіе Перуанцевъ, находящееся въ Исторіи Перу, писанной Перуанцемъ Гарсилоссо, и повторенное Торквемадою, что « Перуанцы, сошедъ съ горъ, послѣ великаго потопа, нашли всѣ долины заняшыя родомъ исполиновъ, весьма жестоконравныхъ. » — *Турнеръ* (въ 1610 году) увѣрялъ, что видѣлъ на берегахъ Ла-Платы поколѣніе великановъ; онъ опи-

Digitized by Google

салъ еще кости, будто-бы сихъ великорослыхъ людей. *Кавендишъ*, въ 1592 г., сказывалъ, что онъ мѣрялъ двухъ Пашагоновъ, и будто-бы они были не менѣе 14 пальмъ каждый. Извѣстный враньемъ своимъ, *Сарміенто* (1579 г.), всюду видѣвшій замки и колоннады, безъ запинки говоритъ, что Пашагонъ, имъ пойманный, былъ великанъ изъ великановъ. Гавкинсъ неопредѣленно сказываетъ, что многіе путешественники говорятъ о Пашагонахъ, какъ о великанахъ. *Пигафетта* (1519 г.) опредѣляетъ Пашагонамъ гавани Св. Юліана ростъ отъ 7-ми до 8-ми пальмъ. *Найветъ* (Knivet) говоритъ, что Пашагоны Желанной гавани ростомъ въ 15-ть и 16-ть пальмъ. Увеличивая разсказы предшественниковъ, *Себальдъ де-Вертъ* (1598 г.) увѣряетъ, что близъ Зеленаго залива, онъ видѣлъ людей въ 10 и 11 футовъ ростомъ. *Оливіеръ де-Нортъ* (1598 г.) нашелъ близъ Желаннаго порта огромныхъ людей, съ ужасными глазами, называвшихся: *Тиременень*, и ростомъ въ 11 и 12 футовъ. *Лемеръ и Шутенъ* (1615 г.) говорятъ о скелетахъ Пашагоновъ, ими найденныхъ въ землѣ, и размѣръ сихъ скелетовъ показывалъ имъ, что это были кости людей, по 10 и 11 футовъ вышиною.

«*Байронъ* (въ 1764 г.) видѣлся съ Пашагонами. Толпа ихъ простиралась числомъ до пяти сотъ человѣкъ, и Байронъ описываетъ, что самый малорослый изъ сей толпы былъ не менѣе 8 футовъ Англійскихъ, а многіе были гораздо выше. Напротивъ, *Валлисъ* (въ 1767 г.) разсказываетъ, что туземцы, видѣнные имъ близъ залива Елисаветы,

Digitized by Google

были совсѣмъ не такъ велики: самый высокій изъ толпы ихъ не превышалъ 5 ф. 6. дюймовъ. Всѣ они были одѣты въ тюленьи кожи, и неопрятны до такой степени, что вонь издалека возвѣщала ихъ приближеніе.

«*Кукъ*, въ первомъ своемъ путешествіи (1769 г.) встрѣтился съ Патагонами въ заливѣ Добрыхъ Успѣховъ, и сказываетъ, что они очень толсты и безобразны; ростомъ не болѣе 5 футовъ и отъ 8-ми до 10-ти дюймовъ; женщины-же гораздо менѣе, и ни одной не видно было выше 5-ти футовъ.—*Бугенвиль* извѣщаетъ насъ, что видѣнные имъ Патагоны были не менѣе 5 ф. и 5-ти или 6-ти дюймовъ, и не болѣе 5 ф. 9-ти или 10-ти дюймовъ (Франц. мѣры). *Жироде*, начальникъ корабля Звѣзды (1766 г.), не встрѣчалъ Патагоновъ менѣе 5 ф. 7 дюймовъ, а *Дюкло-Гюйо*, начальникъ фрегата Орла, видѣлъ ихъ гораздо болѣе великорослыхъ. Форстеръ называетъ Патагоновъ великанами (Descr. of Patagonia, стр. 251), и прибавляетъ: «Странное явленіе: видѣть цѣлое поколѣніе народовъ, роста и силы необыкновенныхъ, когда на югъ отъ Магелланова пролива, въ Огненной Землѣ, живетъ поколѣніе уродливыхъ выродковъ, происходящее, какъ кажется, отъ рода Гуллиховъ, описаннаго Фалькнеромъ.»

»Путешествіе *Маласпины*, по Магелланову проливу, доставило намъ свѣдѣнія, болѣе всѣхъ положительныя, и, кажется, они рѣшаютъ даже всѣ сомнѣнія. Маласпина сказываетъ, что средній ростъ Патагоновъ 6½ футовъ, и самые великорослые изъ

Digitized by Google

нихъ 7 ф. съ дюймомъ. Сіи слова просвѣщеннаго путешественника XIX-го вѣка подтверждены другимъ путешественникомъ, не менѣе достойнымъ вѣроятія, Г-мъ *Готье*, начальникомъ китоловнаго Французскаго корабля, посѣщавшимъ Патагонію весьма недавно.

« Впрочемъ, и прежде, если у Пернетти, Фрезье, отца Фейлье, и другихъ защитниковъ исполинства Патагонскаго, видимъ единогласныя свидѣтельства, то являлись также и противники имъ. Таковы были *Вудъ* и *Нарборугъ* (1670 г.). Патагоны, близъ залива Св. Юліана, говоритъ послѣдній, средняго роста, и весьма красивы. *Де-Женнъ* (1696 г.) утверждалъ, что Патагоны близъ Голодной гавани, совсѣмъ не были 8-ми и 10 футовъ, и что онъ не видалъ ихъ выше 6-ти футовъ. Въ наше время (въ 1825 г.) Англійскій мореплаватель *Веддель* особенно смѣялся надъ исполинствомъ Патагоновъ. По свѣдѣніямъ, какъ онъ говоритъ, самымъ достовѣрнымъ, Патагоны не рослѣе жителей Терра-Дель-Фуэго, которые не болѣе 5-ти и 6-ти футовъ.

»Таковы суть извѣстія, какія имѣемъ мы, отъ временъ Магеллана до нашего времени, и которыя, составляя нерѣшимый вопросъ, занимали изыскательность весьма многихъ ученыхъ, возбуждая особенное любопытство большаго числа людей просвѣщенныхъ.

«Намъ кажется, все дѣло въ томъ, что въ обширныхъ *пампасахъ*, около Магелланова пролива, являлись дѣйствительно поколѣнія великорослыя, ибо не льзя сказать, чтобы всѣ извѣстія о Патаго-

Digitized by Google

нахъ, гдѣ ихъ представляютъ великанами, были рѣшительно ложны. Въ тоже время должно допустить, что тамъ обитаютъ и обыкновеннаго роста люди. Другіе путешественники видѣли сихъ послѣднихъ, и противорѣчили разсказамъ о великанахъ Патагоніи.

«Достовѣрно извѣстно, что Огненная Земля и Штатенландія населены поколѣніями ничтожными, носящими на себѣ слѣды жестокости климата. Всѣ путешественники говорятъ объ нихъ, какъ о созданіяхъ отвратительныхъ. Съ другой стороны, Испанцы сказываютъ намъ, что племена многочисленныя, разсѣянныя въ Австральной части Америки, разнообразны до безконечности, и что между великорослыми поколѣніями есть поколѣнія средняго и обыкновеннаго роста. Это подтверждали и Англійскіе путешественники изъ эскадры Ансона, претерпѣвшіе кораблекрушеніе, и прошедшіе всю сія полосу земли сухимъ путемъ. Тамошніе народы, кочевые, подобно Татарамъ, перемѣняютъ мѣста жительства, когда въ оныхъ истощились средства продовольствія, и переходятъ съ семействами иногда въ мѣста весьма отдаленныя. Нѣтъ сомнѣнія, что есть изъ сихъ кочевыхъ народовъ великорослые, и что они также бродятъ по обширнымъ Юго-Американскимъ степямъ, перемѣняя мѣста, по времени и обстоятельствамъ. Многіе утверждаютъ, что Гуилихесы, обитающіе отъ залива Хоноса до залива Пенноса, доходятъ иногда къ концу пролива. Тоже сказываютъ о Пуэльхесахъ, или горцахъ, изъ коихъ многіе ростомъ въ 7 футовъ, и Фалькнеръ думаетъ, что ихъ-то именно и видали путешествен-

Digitized by Google

ники близъ гаваней Св. Юліана и Голодной. Тегуэльсы, родъ Пуэльхесовъ, обитающій между степью Комарка и Андоми, обыкновенно бываютъ въ 6 футовъ ростомъ, и часто въ семь футовъ; они отличные наѣздники, и, вѣроятно, суть тоже, что Патагоны—наѣздники, виденные новѣйшими путешественниками. По извѣстіямъ Миссіонеровъ, туземцы высокаго роста не заключаются въ предѣлахъ такъ называемой Патагоніи, заключающей въ себѣ югъ Америки, отъ 46° широты.

«Не допуская безъ изслѣдованія высокій ростъ Патагоновъ, какой придавали имъ прежніе путешественники, не льзя, безъ непростительнаго скептицизма, отвергать и того, что въ южной оконечности Америки находятся народы, крѣпкіе, великорослые, и хотя не исполины, но превосходящіе ростомъ Европейцевъ. Сіи народы, живущіе въ климатѣ умѣренномъ, даже холодномъ, не терпятъ, подобно жителямъ земель, близкихъ къ Сѣверному полюсу, изнурительныхъ слѣдствій климата. Вообще замѣчено, что земли отъ 40 до 50° широты, суть благопріятнѣйшія для развитія вполнѣ величины человѣческаго тѣла, сжимаемой и уменьшаемой широтами, болѣе высшими. Таковъ былъ Сѣверъ Европы, называвшійся нѣкогда officina gentium, столь долго наводнявшій другія страны великорослыми, русыми людьми, извѣстными подъ именемъ Нордманновъ. Обитатели Тасманіи выше и крѣпче Австралійцевъ. Въ Портъ-Джаксонѣ есть общее повѣрье, что дѣти Европейскихъ знатныхъ колонистовъ ростутъ скорѣе, и превосходятъ ростомъ отцовъ и матерей своихъ.

Digitized by Google

«Впрочемъ, не должно заключать, что вообще ростъ человѣка уменьшается, чѣмъ ближе обитаетъ онъ къ экватору или полюсамъ. Многіе примѣры показываютъ намъ противное. Вообще, жители Океаніи великорослы и крѣпки, хотя и живутъ между тропиками и въ Новой Зеландіи. Таковы-же туземцы многихъ мѣстъ Новой Британіи, и нѣкоторыхъ частей Африки подъ-экваторной, на примѣръ, жители Конго. Такое-же явленіе находимъ, если обратимся къ обозрѣнію царства растеній. Такъ *краснослонникъ* (Eucalyptus) и исполинское *хлѣбное Хилійское дерево* (Araucaria) покрываютъ лѣса Австральнаго полушарія; подъ экваторомъ ростетъ баобабъ, а въ Сѣверѣ вѣковая сосна. Только подъ полюсами, въ Гренландіи, такъ-же какъ въ Новой Шетландіи, деревья превращаются въ траву, и умирающая природа знаменуетъ свое безсиліе на всемъ живущемъ, и даже на человѣкѣ.

«Патагоны могли сохранить высокорослость, ихъ отличающую, тѣмъ, что не смѣшивались съ другими, низкими поколѣніями. Такимъ образомъ, Европейскіе народы являютъ собою различія, донынѣ явныя. Саксонцы, Датчане, Норвежцы и Шведы ростомъ выше Французовъ; Французы превосходятъ Португальцевъ; обитатели долинъ горцевъ, и проч.— Сношенія народовъ одного съ другимъ, и смѣшеніе изъ того слѣдующее, уничтожаютъ, въ теченіе нѣкотораго времени, сіи различія. Но у народовъ уединенныхъ, не имѣющихъ сношеній съ сосѣдями, подобное слѣдствіе можетъ быть только черезъ продолжительное время. Народы, отличные ростомъ, кромѣ упомянутыхъ нами, суть нынѣ въ

Digitized by Google

Европѣ: горцы Шотландскіе, Штирійскіе и Тирольскіе, обитатели Фрисландіи, Ангерманіи, Гериеодаліи, сѣверной Англіи, и проч., а въ древнія времена были Галлы и Германцы; въ Азіи таковы горцы Коимбетора, Бутана, Катти, негры Фомозскіе, упоминаемые Валентиномъ; въ Африкѣ, прежніе Гуанхесы, нынѣшніе Кафры и Голландцы Мыса Доброй Надежды; въ Океаніи, туземцы Острова Бали, Острововъ Св. Христины, Мореплавателей, Маріаннскихъ, Палумаги Сумагрскіе, Кагайяны Лусонскіе, и проч.; въ Америкѣ: Мокобы, Абипоны, Гвайкурусы, Пейягвы, Карибы, Эмерильоны, Арханзасы, и вообще народы, живущіе на востокъ отъ Ушесистыхъ горъ.

«Такъ-же какъ есть не мало подобныхъ исключеній между народами, есть исключенія и между людьми частно, то есть являются между ими выродки, великаны. По миѳическимъ преданіямъ Востока, намъ извѣстны плоды соединенія Демона съ женами рода человѣческаго: Огъ Базанскій, исполины Энока, передъ коими люди казались муравьями.

«Наши старыя легенды повѣствуютъ намъ о великорослости нѣкоторыхъ странствовавшихъ Рыцарей. Скелеты ихъ, до насъ сохранившіеся, въ самомъ дѣлѣ огромны. Ископаемыя кости животныхъ, которыя невѣжество называло славными именами, какъ-то именемъ Ренольда, долго поддерживали въ народѣ самыя нелѣпыя повѣрья по сему отношенію.

«Не входя въ дальнѣйшія изслѣдованія, скажемъ, что природа, умаляющая нѣкоторыя свои твore-

Digitized by Google

нія, кажется, по закону вещественнаго вознагражденія, придаетъ огромность другимъ, и родъ человѣческій являетъ намъ столько-же великорослыхъ людей, сколько и малорослыхъ. Но мудрая и умѣренная, даже въ самыхъ своихъ отступленіяхъ, она никогда не переходитъ извѣстнаго предѣла, и высшая степень мѣры роста, въ тѣхъ людяхъ, коихъ мы называемъ великанами, кажется, останавливается между 6-ю и 7-ю футами.

« Такова, по крайней мѣрѣ, общая мѣра всѣхъ, кого представляютъ, подъ именемъ великановъ, общему любопытству, и мы, обращаясь къ самимъ себѣ, видимъ несоразмѣрность даже и сихъ выродковъ, въ сравненіи съ нами. Такъ была славна великорослостью гвардія Фридриха, Короля Прусскаго.

« Плиній упоминаетъ о великанѣ Габбарѣ, жившемъ во времена Императора Клавдія: онъ былъ 9 ф. 9 д.—Маршинъ Делріо видѣлъ, въ 1572 году, въ Руанѣ, одного Піэмонтца 9 футовъ. Юлій Скалигеръ повѣствуетъ о человѣкѣ, видѣнномъ имъ въ Миланѣ, роста несоразмѣрнаго. Французская Газета, 21 Сентября 1719 года, извѣщала, что близъ Салисбури найденъ былъ человѣческій скелетъ 9 ф. 4 д.—Гаспаръ Богенъ говоритъ объ одномъ Швейцарцѣ 8-ми, или 9 футовъ; Вандерлингъ о Фридландцѣ такого-же роста. Столлеръ сказываетъ, что у Вильгельма I-го былъ солдатъ 8½ футовъ. Изъ примѣровъ, приведенныхъ Виреемъ (которыхъ мы не выписываемъ здѣсь, чтобы не увеличить безполезно объема нашей статьи, видно, что слав-

Digitized by Google

ный анатомъ Димесбрекъ зналъ человѣка 8 ф. 7 д., а Уффенбакъ дѣвушку такого-же роста.

»Наконецъ припомнимъ, что всѣ мы видѣли, въ Февралѣ 1826 года, въ Парижѣ, Людовика Багелена, названнаго новѣйшимъ Голіаѳомъ, 22 лѣтъ отъ роду, 7 футовъ вышиною, и весьма складнаго собой. Этотъ человѣкъ можетъ дать намъ ясное понятіе о Патагонахъ, и заставляетъ думать, что въ семъ поколѣніи можетъ быть весьма обыкновеннымъ то, что во Франціи производитъ природа, какъ явленія рѣдкія и необыкновенныя (*).«

(*) Касательно высокаго роста цѣлыхъ поколѣній, можно привесть для примѣра нашихъ Чукчей; рядомъ съ ними живутъ малорослые Коряки. Жители Сѣверной Россіи, вообще, рослѣе жителей Средней и Южной; Малороссіяне не менѣе ихъ, только въ нихъ видно сложеніе Юга, такъ какъ въ жителяхъ Ярославля сложеніе Сѣвера. По гробницѣ Ильи Муромца, находящейся въ Кіевскихъ пещерахъ, видимъ необыкновенный ростъ его. Кожа гайдука Петра Великаго донынѣ сохраняется въ Кунстъ-Камерѣ С. Петербургской. Нѣсколько лѣтъ тому, въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, показывали человѣка, роста исполинскаго (помнится слишкомъ въ 3 аршина); впрочемъ онъ былъ слабъ, и ростъ его не былъ естественный, но означалъ особую болѣзнь. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

ГРАМАТА

Царя Алексія Михайловича, данная Бѣлевскому Преображенскому монастырю, въ 1658 году (*).

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Бѣлевъ, Якову Маковѣевичу Граблєново. Въ Приказѣ Большаго приходу, въ ружной книгѣ, нынѣшняго 166-го года написано: въ Монастырь Преображенія Христова..... Съ братьею нашею жалованье ружныхъ денегъ прошивъ 165-го года на нынѣшній на 166 й годъ, по окладу, сорокъ шесть рублевъ шесть алтынъ двѣ деньги. По нашему указу, што имъ наше жалованье даютъ вполы ихъ оклада, двадцать три рубля три алтына съ деньгою изъ нашихъ изъ Бѣлевскихъ изъ таможенныхъ доходовъ — и нынѣ били челомъ намъ Великому Государю Преображенскаго монастыря Игумень Тарасъ съ братьею, чтобъ намъ Великому Государю ихъ пожаловать: велѣть имъ дать наше жалованье

(*) Подлинникъ былъ къ намъ доставленъ Г-мъ Сахаровымъ. Мы не держались при перепискѣ его прежняго правописанія, но въ точности списывали слова. Мѣста, означеннаго точками, по ветхости грамоты, нельзя было разобрать. Подлинникъ писанъ на 2½ узкихъ столбцахъ.

Digitized by Google

ружныя деньги на нынѣшній на 166-й годъ противъ прошлаго 165-го года вполы, окладъ ихъ двадцать три рубли три алтына съ деньгою, и впредь тое ругу давать по вся годы въ Бѣлевѣ изъ нашихъ изъ таможенныхъ доходовъ, безъ Московскія волокиты. А какъ тебѣ ся наша грамата придетъ, и ты-бъ въ Бѣлевѣ таможенному головѣ и цѣловальникомъ въ монастырь Преображенія Спасова наше жалованье ружныя деньги вполы окладовъ ихъ на нынѣшній на 166-й годъ велѣлъ дать, и впредь давать по вся годы безъ Московскія волокиты, по двадцати по три рубля по три алтына съ деньгою на годъ. А давать имъ то наше жалованье ружныя деньги по третямъ, третьѣ ефимками печатными, по двадцати по одному алтыну по двѣ деньги ефимокъ; третьѣ четвертьми, по восьми алтынъ по двѣ деньги четвертина, а третью третьѣ мѣлкими серебряными и мѣдными деньгами; да въ тѣхъ деньгахъ велѣлъ-бы еси таможенному головѣ и цѣловольникамъ у тѣхъ ружниковъ имать отписи, за ихъ и отцовъ ихъ духовныхъ руками. И тое дачу таможенному головѣ и цѣловальникомъ въ расходныя книги велѣно записывать особою статьею, какими деньгами дадутъ; а прочетъ сю нашу грамоту, и списавъ съ нея списокъ, слово въ слово, оставилъ у себя въ Съѣзжей Избѣ, а сю нашу подлинную грамату отдалъ Преображенскаго монастыря Игумену Тарасію съ братьею, по чему имъ впредь наше жалованье, ружныя деньги, имать. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7166, Февраля въ 15 день.

На оборотѣ надпись: «*въ Бѣлевъ, Якову Маковѣевичу Грабленово.*» По склейкамъ столбцовъ

Digitized by Google

надпись: «*Дьякъ Томило Истоминъ.*» — Внизу: «*Справилъ Сенька Шапкинъ.*»

Преображенскій монастырь донынѣ находится въ Бѣлевѣ. Въ немъ Духовное училище, принадлежащее къ Тульской Семинаріи. До учрежденія штатовъ, за сею обителью было 2,329 душъ крестьянъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Императорское Вольное Экономическое Общество издало собственнымъ иждивеніемъ *Описаніе простѣйшей молотиловѣяльной машины, изобрѣтенной Казанскимъ помѣщикомъ Маіоромъ А. П. Вешняковымъ.* Сообщаемъ вступленіе изъ сего описанія, составленнаго Г-мъ Щегловымъ по свѣдѣніямъ и рисункамъ, присланнымъ отъ изобрѣтателя Обществу.

«Многіе Русскіе домоводцы давно уже знаютъ весьма простую молотильную и вѣяльную машину, изобрѣтенную Казанскимъ помѣщикомъ Маіоромъ А. П. Вешняковымъ; о пользѣ употребленія оной было много объявленій и мнѣній; но какъ доселѣ не было нигдѣ издано описанія оной, то многіе также хозяева, не имѣвшіе случая видѣть строенія и дѣйствія оной, должны были вѣрить другимъ на слово. Нѣкоторые изъ видѣвшихъ превозносили ее

Digitized by Google

до такой степени, что ставили выше всѣхъ извѣстныхъ доселѣ молотильныхъ машинъ; другіе напротивъ, увѣряли, что она совсѣмъ негодится для молотьбы. Вѣрившіе очевидцамъ на слово, безъ сомнѣнія, должны были по необходимости увлекаться мнѣніями сихъ послѣднихъ, или по крайней мѣрѣ оставаться въ сомнѣніи, а это много препятствовало распространенію употребленія сей Русской машины. Конечно, ежели-бы всякій хозяинъ, не имѣвшій случая видѣть сію машину въ употребленіи, зналъ, что по крайней мѣрѣ сто помѣщиковъ разныхъ губерній употребляютъ ее уже нѣсколько лѣтъ и довольны облегченіемъ помощію оной самой тяжкой сельской работы, и что, можетъ быть, найдется не болѣе десяти помѣщиковъ, кои не имѣли въ ней удачи; ежели-бы онъ зналъ къ тому, что какъ превыспреннія похвалы, такъ и усиленныя охужденія, не всегда пишутся людьми безпристрастными, то умѣлъ-бы вывести среднее безошибочное о предметѣ оныхъ заключеніе, и тогда похвальная сторона сего предмета все таки перевѣсила-бы охуждаемую. Но таковыя свѣдѣнія не до всякаго хозяина достигаютъ. Сіе-то обстоятельство побудило Императорское Вольное Экономическое Общество, пекущееся о распространеніи полезныхъ для Россійскаго хозяйства изобрѣтеній, обратиться къ Г. Вешнякову съ предложеніемъ, чтобы онъ доставилъ машину свою къ нему на испытаніе. Онъ принялъ сіе предложеніе со всѣмъ радушіемъ, столико отличающимъ характеръ Русскаго народа, и машина его представлена была Обществу въ началѣ 1831 года.

Digitized by Google

«Одного опыша молотьбы и вѣянія ржанаго и яроваго хлѣба, сдѣланнаго вскорѣ потомъ въ присутствіи многихъ Членовъ Общества и посторонних зрителей, достаточно было для убѣжденія всѣхъ бывшихъ на оном, что машина Г. Вешнякова, при небольшомъ умѣньѣ рабочихъ и тщательности со стороны оныхъ, можетъ принести существенную пользу какъ тѣмъ помѣщикамъ, кои не имѣютъ достаточнаго капитала завести у себя и содержать въ исправности Шотландскую молотильню, такъ и тѣмъ, кои по малости хлѣбныхъ запашекъ не имѣютъ надобности заводить столь дорогія машины. Повторенные послѣ того три раза опыты и сравненія съ нѣкоторыми другими машинами, даже съ ручною молотилкою, присланною изъ Франціи и сдѣланною на манеръ Шотландской, подтвердили тоже. Это побудило Общество обратить на машину Г. Вешнякова особенное вниманіе, и стараться сколько возможно о распространеніи употребленія оной въ Русскихъ усадьбахъ. На сей конецъ оно предприняло строить ее для продажи хозяевамъ въ мастерской своей, и въ томъ же году имѣло удовольствіе получить на нее столько заказовъ, что доселѣ не успѣло выполнить ихъ. Всѣ помѣщики въ окрестностяхъ С. Петербурга, употреблявшіе оную прошедшею осенью, безъ изъятія остались довольными, и заказы сей машины доселѣ продолжаются.

«Послѣ столь многихъ удовлетворительныхъ опытовъ полезнаго употребленія сей машины, Общество рѣшилось наконецъ издать описаніе оной съ рисунками, дабы показать Россійскимъ домовод-

Digitized by Google

цамъ, не имѣвшимъ случая видѣть ее, какъ строеніе, такъ и употребленіе оной въ истинномъ видѣ. Конечно, и послѣ сего найдутся люди, кои будутъ говорить въ пользу другихъ изобрѣтеній; кои будутъ выводить, что машина Вешнякова требуетъ отъ рабочихъ усердія и привычки къ работѣ, что она вымолачиваетъ на нѣсколько золотниковъ зеренъ менѣе, нежели другія машины, и проч. и проч.; но пусть ихъ говорятъ, что имъ угодно: мы повторимъ, что все-таки надобно имѣть хоть сколько нибудь вѣры и къ той сошнѣ помѣщиковъ, кои молотили ею свой хлѣбъ и, при меньшемъ противъ ручной молотьбы числѣ работниковъ, намолачивали онаго не менѣе прежняго, и проч.»

(Изъ Комм. Газеты).

Изъ Крыма пишутъ: «Одинъ путешественникъ, живши долго въ нашемъ краѣ, объѣхавъ Европу, а въ особенности Рейнскія и другія виноградныя заведенія, и находясь нынѣ въ Гамбургѣ, увѣдомляетъ одного изъ ревностнѣйшихъ любителей отечественной промышленности и Крыма, во 1-хъ) что ленъ и конопля, растущіе въ Венгріи и особенно въ Ирландіи, никуда почти не годятся; расшенія сіи даютъ намъ слишкомъ коротку нить, да и та сѣчется и ломается, а во 2-хъ) что торговля наша тамошними винами съ Гамбургомъ и Англіею можетъ и должна быть со временемъ значительна; сильныя вина, особенно южнаго края, могутъ замѣнить химическій портвейнъ и даже многія Испан-

Digitized by Google

скія вина. Кокуръ нашъ, какъ прочное столовое вино, нигдѣ доселѣ не бывалое, ибо происходитъ отъ природнаго Крымскаго произрастенія, также можетъ найдти значительный сбытъ. — Въ доказательство быстраго хода сей отрасли промышленности, можно присовокупить, что въ 1831 году Крымъ произвелъ болѣе 600,000 ведръ, и все сіе количество распродано; по предположеніямъ и исчисленіямъ знатоковъ, надобно ожидать въ настоящемъ году болѣе милльона ведръ. Исполинскіе успѣхи Крымскаго винодѣлія заставляютъ надѣяться на огромный сборъ; теперь даже Татары принялись за виноградники; цѣна земель увеличивается чрезвычайно, промышленность усиливается, новыя дороги открываются, населеніе видимо возрастаетъ, все въ Крыму благоустроивается, такъ, что Русское сердце не можетъ не исполниться радостью. Крымская Винная Компанія пошла успѣшно, благодаря Графу Воронцову и Н. С. Мордвинову, которые много ей содѣйствовали. — Чтобы дать понятіе о новомъ движеніи промышленности Крымской, стоитъ сказать, что въ Крыму, гдѣ купцы и промышленники могли проѣзжать только на волахъ и верхомъ, учреждается родъ дилижансовъ, и съ Іюня мѣсяца все пойдетъ въ ходъ. Предполагается также учрежденіе бричекъ въ родѣ шпульвагеновъ, на южномъ берегу.»

(Изъ Комм. Газеты).

Digitized by Google

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Къ числу почестей, возданныхъ Шекспиру его соотечественниками, должно причислить, такъ называемую, *Шекспирову галлерею* Бойделя (Boydell's Shakespeare Gallery). Это собраніе картинъ, предметы конхъ взяты изъ твореній Шекспира. Лучшіе художники Англійскіе участвовали въ семъ предпріятіи, и многія изъ ихъ произведеній превосходны. При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ очеркъ Норткотовой (Northcote) картины, принадлежащей къ Шекспировой галлереѣ: смерть Эдуарда V-го и его брата. Это одно изъ лучшихъ твореній Норткота. Художникъ вполнѣ выразилъ мысль великаго Поэта. Естественность положенія заставляетъ невольно содрогаться: безпечный сонъ двухъ невинныхъ малюшокъ, и свирѣпые убійцы подлѣ нихъ; этотъ молитвенникъ, въ которомъ милые дѣти искали утѣшенія передъ сномъ; знаки высокаго ихъ достоинства, ихъ красота... Невольно вспоминаешь слова Поэта (см. Трагедію Шекспира, *Ричардъ III-й*, дѣйствіе IV-е, явленіе 3-е):

O thus, quoth Dighton, lay the gentle babes,
Thus, thus, quoth Forrest, girdling one another
Within their alabaster innocent arms:
Their lips were four red roses on a stalk,

Digitized by Google

Which, in their summer beauty, kiss'd each other.
A book of prayers on their pillow lay;
Which once, quoth Forrest, almost chang'd my mind;
But, O, the devil — there the villain stopp'd;
When Dighton thus told on, — we smothered
The most replenished sweet work of nature,
That, from the prime creation, e'er she fram'd (*)...

(*) Смыслъ сихъ стиховъ слѣдующій: «Такъ лежа-«ли эти милыя дѣти, сказалъ Дайтонъ; такъ, ска-«залъ Форестъ, такъ, обнявши одинъ другаго свои-«ми алебастровыми, невинными рученками. Ихъ губы «казались четырьмя алыми розами на одномъ стеблѣ, «которыя, разцвѣтши во всей красѣ своей, цѣловали «одна другую. Молитвенникъ лежалъ у нихъ на из-«головьѣ: это почти поколебало мою душу на ми-«нуту, — сказалъ Форестъ — но, о дьяволъ!.. Тутъ «злодѣй остановился, а Дайтонъ продолжалъ: Мы «погубили самое прекрасное твореніе, какое только «произвела Природа опъ начала созданія!»

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Мексиканскія пирамиды.* — Англійскій офицеръ Гленни осматривалъ, въ недавнее время, памятники великолѣпія древнихъ Мексиканскихъ властителей, уже прежде замѣченные А. Гумбольдтомъ. Онъ представилъ Лондонскому Географическому Обществу выводы изъ своихъ наблюденій. Развалины Мексиканскія находятся подъ 19° 42′ сѣверной широты, и 98°51′ восточной долготы. Г. Гленни полагаетъ, что онѣ выше поверхности моря на 7,492 Англ. фута. «Это пирамиды, говоритъ онъ, издали похожія на шатры Арабскаго лагеря, вокругъ какого нибудь холма. Онѣ отстоятъ милп на полторы отъ Теотигуалкана. На постройку ихъ были употреблены волканическіе каменья; подъ ними, въ землѣ, известковый грунтъ, а наружѣ онѣ покрыты весьма крѣпкою, бѣловатою замазкою. Самая большая пирамида, которую одну только я мѣрялъ, находится въ срединѣ: она обращена своими боками къ четыремъ странамъ свѣта, что, кажется, было сдѣлано съ намѣреніемъ. Отъ другихъ пирамидъ, въ безпорядкѣ находящихся кругомъ ея, она отдѣлена стѣною въ тридцать футовъ вышины. Основаніемъ своимъ, котораго каждая сторона въ 182 фута, она занимаетъ 33,124 квадратныхъ фута; а самая большая вышина ея, 221 футъ. Буду-

Digitized by Google

чи гораздо ниже трехъ главныхъ пирамидъ Египетскихъ (*), она однакожь издали очень разительна, потому что выстроена на возвышеніи, и среди окружающихъ ее, гораздо меньшихъ пирамидъ, явнѣе выказываетъ свои размѣры. На сѣверной сторонѣ ея видны слѣды лѣстницы изъ волканическаго камня, въ одномъ направленіи съ дорогою, идущею прямо къ сѣверу. На большей части меньшихъ пирамидъ замѣтны гіероглифы и остатки глиняныхъ сосудовъ, съ выпечатанными на нихъ фигурками. Индійцы подбираютъ сіи обломки и продаютъ любопытнымъ.

— *Воздѣлываніе винограда въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.* Многолѣтніе опыты Г-на Спарка, развести виноградъ въ окрестностяхъ Темпе, на берегахъ Куковой рѣки, увѣнчались самыми счастливыми послѣдствіями. Нѣтъ сомнѣнія, что воздѣлываніе сего драгоцѣннаго деревца вскорѣ распространится во всемъ Новомъ Валлисѣ. На косогорахъ, окружающихъ гавань Сиднееву и большую дорогу, нынѣ уже красуются обширныя планпаціи, напоминающія берега Португаліи, столь обильные виноградомъ. Качество его на возвышеніяхъ Темпескихъ признано неуступающимъ ни въ чемъ качеству Европейскаго винограда. Правда, что кожица плода толще, и содержащійся въ ней сокъ нѣсколько киселъ, такъ что броженіе не можетъ быть производимо вполнѣ, но сей недостатокъ должно приписать не свойству почвы и шемпературѣ,

(*) Большая пирамида въ Гизе возвышается на 543 фута, Цефренская на 431, а въ Саккарѣ на 356 ф.

Digitized by Google

а чрезвычайной молодости растеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ, можно будетъ рѣшительно опредѣлить вѣроятный успѣхъ воздѣлыванія винограда въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Начало прекрасно надеждами. Лозы въ одинъ годъ выростаютъ на десять и двѣнадцать дюймовъ; вѣтки, украшающія ихъ, показываютъ необычайную растительную силу. Можно ожидать, что когда сіи послѣдствія будутъ болѣе извѣстны туземнымъ земледѣламъ, тогда обширные холмы на ихъ земляхъ превратятся въ богатые виноградники, ибо каменистая почва и счастливое положеніе оныхъ весьма благопріятствуютъ произрастанію винограда. Впрочемъ, и принятый Г-мъ Спаркомъ способъ воздѣлыванія, при коемъ одинъ человѣкъ можетъ обрабатывать отъ четырехъ до пяти акровъ, своею дешевизною заставитъ владѣльцевъ распространить виноградныя плантаціи, и черезъ то дастъ Новому Валлису, уже производящему превосходную шерсть, новое, важное преимущество надъ всѣми колоніями Великобританіи.

— *Селитряная атмосфера въ Тиррегутѣ.* — Тиррегутъ, въ Индіи, есть одинъ изъ важнѣйшихъ округовъ для выработки селитры. Тамошняя почва проникнута симъ веществомъ въ такомъ изобиліи, и оно въ такомъ количествѣ наполняетъ самый воздухъ, что во время дождя и холода привлекается къ извесгкѣ на стѣнахъ домовъ, и садится длинными, чрезвычайно нѣжными кристаллами. Въ мѣстахъ сырыхъ, можно въ два, три дни, щепками намести цѣлыя кади селитры. Отъ того, даже во время

жаровъ, почва въ Тиргуштѣ столь влажна, что трудно сыскать твердое мѣсто для дѣланія кирпичей, необходимыхъ потому болѣе, что во всей странѣ почти нѣтъ камня. Если-же и посчастливится найдти такое мѣсто, то весьма рѣдко сыщется столь крѣпкая почва, которая выдержала-бы тяжесть дома. Не смотря ни на какія предосторожности, она всегда осядетъ на много футовъ, а кирпичи, самые лучшіе, года черезъ два дѣлаются совершенно рыхлы отъ дѣйствія селитры. Домы, выстроенные изъ плохихъ матеріяловъ, часто подвергаются несчастнымъ случаямъ. Напримѣръ, если они складены изъ кирпича, только высушеннаго на солнцѣ, то иногда разваливаются черезъ годъ послѣ кладки. Правительство построило одинъ магазинъ съ кирпичнымъ сводомъ, который оказался такъ непроченъ, что принуждены были сломать его и перестроить на сваяхъ. Достаточные жители, для предохраненія себя отъ сырости, почти вездѣ находящейся въ домахъ, принуждены обивать стѣны, изнутри, насмоленными дощечками, и потомъ уже обоями.

Селитра, разлитая въ сей странѣ повсюду, непремѣнно должна дѣйствовать на здоровье жителей, не только быстротою, съ какой истребляетъ она или дѣлаетъ нездоровыми ихъ жилища, но и прямымъ вліяніемъ своимъ на организмъ человѣческій. Если селитряная кислота, и въ малыхъ дозахъ принятая внутрь, производитъ дѣйствіе ужасное, то она должна имѣть самое вредное вліяніе на того, кто большую часть года погруженъ въ атмосферу, можно сказать, напитанную оною,

Digitized by Google

и кто безпрерывно вбираетъ ее въ себя дыханіемъ и порами кожи. Сіе вліяніе бываетъ различно, сообразно общественному положенію обитателей; однакожь оно всегда явно. Въ нисшемъ классѣ, не многіе избѣгаютъ, въ лѣта возмужалости, отъ ревматизмовъ и золотушныхъ болѣзней. И даже богатые люди, выстраивающіе свои домы на поверхности почвы, и въ мѣстахъ, овѣваемыхъ воздухомъ, не всегда свободны отъ сихъ болѣзней.

— *Новый гидрометръ.* Б. Ленди, въ Сеншъ-Галленѣ, изобрѣлъ новый инструменшъ для предузнанія гигрометрическихъ измѣненій атмосферы. Въ вазу изъ бѣлаго стекла погружается, вровень съ водою, металлическій шарикъ, особаго состава, и величиною въ орѣхъ. Безъ всякихъ другихъ пособій, этотъ снарядъ показываетъ всѣ возможныя измѣненія атмосферы. Черезъ два дни, послѣ того какъ шарикъ опущенъ въ воду, его объемъ постепенно увеличиваешся, покуда не дойдетъ до крайняго своего увеличенія. Черезъ десять или двѣнадцать дней, онъ имѣетъ видъ прелестной пирамиды изъ полированной бронзы. Въ дождливое время, всѣ четыре стороны сей пирамиды покрыты разноцвѣтными крупинками. Въ бурю или въ морозъ, изъ нея съ трескомъ вылетаютъ искорки, похожія на электрическія. Когда вѣтрено или шуманно, пирамида тускнѣетъ и бока ея покрываются пятнами. Передъ снѣгомъ, цвѣтъ ея сшановится совершенно шемнымъ, и повсюду одинаковымъ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 23. Декабрь 1831.

БЫТЪ МАЛОРОССІИ

ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVIII СТОЛѢТІЯ (*).

Длинная брика, называемая Краковскою, влекомая четвернею пестрыхъ лошадей, показалась изъ лѣсу, и остановилась передъ обширнымъ домомъ, обнесеннымъ высокимъ частоколомъ; изъ нея вышелъ Г. Провинціаленко, Никодимъ Тимоѳеевичъ.

Провинціаленко. Петро — — Пе-тро — чого ты тамъ маракуешь на запяткахъ? А цежъ твое було дило вистрибъ спрыгнуты, и вывесты мене за руку; хиба мини самому треба велизаты изъ брычки, чи що? — дывысь! який винъ дурень!..

(*) Живописецъ искренно благодаритъ за сію статью, такъ живо представляющую прежній бытъ Малороссіи.

Digitized by Google

Петръ. Та сихъ-же вышребенькивъ напередъ не було, поки не издыли въ Москву.

Провинціал. А щожъ! хиба ты, видминокъ, не бачывъ якъ шамъ вси лакеи панивъ своихъ за рукы водяшь? Чи може забувъ, що я швій панъ? Чи може думаешь що шакъ буде, якъ напередъ було? о ни! не даромъ, бачь, я издывъ въ Москву, и не даромъ дывився на розумныхъ людей, щобъ мини не переняшы обычаю Моськовського!

Петръ *(про себя)*. Опъ ищѐ спавъ вередовашы! Може ще винъ захоче щобъ я іого и за нйсъ водивъ. О ни! — сіого не буде: — я не дурень.

Провинціал. Та чогожъ ты шамъ мурлыкаешь? Чого ище шамъ моргаешь губамы? — Иды, скажы спарій пани, що я прихавъ изъ Москвы: щобъ вона заразъ съ дочками выйшла на крильцѐ, и прынала мене якъ слидуе розумній жинци; а я шушычкы трохы пидижду, закимъ вона прыбырешця. Чи чуешъ?

Петръ. Та чую! чую! *(тихо)* ошъ якъ спавъ перебендіовать — и самъ нечистый не попрапышь.

Провинціал. А ты, Грыцьку! *(обращаясь къ кучеру)* якъ будешь пидъизжашы пидъ крыльце, шо закрычы шакъ куріёзно, якъ въ Москви; — шильки, сдилай мылость: не ляскай батогомъ, и не свыщы; си выхлестасы не пресшалы уже паньскымъ погоничамъ.

Digitized by Google

Грыцько. Слухаю! *(про себя)* О теперь уже не буде мини жыття, челядь осміе мене, якъ учуе, якъ я галясую.

Провинціал. Здаетьця мини що вже Пани зъ панночками на порози стоиить — *(садится въ бричку — ѣдутъ)*.

Провинціал. Боронижъ тебе Боже, Грыцьку, якъ ты мини що нибудь не дошмыгы зробышъ! *(подъѣзжаютъ)*.

Провинціал. Ну, галясуй! — *(скоро)* галясуй-же Грыцьку!

Грыцько. « Гей-вы — пой ды » —

Провинціал. Та не такъ, плюгавцю! Ахъ, якый соромъ! мовъ жаромъ тебе осыпало. Постырвай-же мини; яжъ тоби наперу спыну. *(Подъѣзжаютъ и останавливаются)*.

Провинціал. *(выглянувши изъ брички, закричалъ гнѣвно)* А що се? — Вы, мабуть, панночкы, и не пизнали уже свого батька? Та ходите-же сюда, дурочки, та поможите мини прохы выбрацця изъ брычкы.

Уліяна *(супруга Провинціаленка)* А! здоровъ-же бувъ, мій сызій голубчыкъ! Та чогожъ ты такъ запышнывся? чы забогашивъ — чи що?

Провинціал. Та спырвай лишъ — покы я выйду — яка ты кудесна! — мини здаетьця що розумна жинка напередъ-бы чоловика поцилогала,

Digitized by Google

а пошимъ уже здоровкалась-бы - - - ось якъ воно бувае у розумныхъ людей.

Дочери Провинціаленка: Наталка, Приська и Домаха ведутъ батюшку на крыльцо, цѣлуя по очереди его руку).

Провинціал. *(взойдя на крыльцо, останавливается и кланяется)* Ну! — желаю здравствовать вамъ, любезна супруга и любезни дочкы! Дуже радуюсь, що бачу васъ жывымы и здоровымы; думаю що и вы веселышеся забачывшы батька, и дуже тошновали покы я бувъ въ Москви?

Дочери *(всѣ вмѣстѣ).* А якъ-же!

Уліяна. И дуже — дуже рада! *(цѣлуетъ супруга, и всѣ уходятъ внутрь комнатъ).*

Провинціал. Напередъ всіого, любезна жинка, скажу тоби, що вже я ставъ не той дурень, якій поихавъ въ Москву; теперь у мене багацько прыбавылось розуму! — — Тамъ въ Москви вси люды, бачь, умни; тамъ не можно щобы дурень не набрався розуму. — Та сдаешьця мини, що я за симъ-же добромъ туда и издывъ? Теперь у насъ все пиде на новый ладъ: и мы не одного сосида зибьемъ зъ панпалыку!!

Уліяна. А ну! ну! — роскажы, що бачывъ? що выдавъ тамъ, въ пій Москви?

Провинціаленко. Теперь николы — шреба на-

Digitized by Google

передъ добре поисты, а потимъ опочыты, а завтра уже зачнемъ все гобзоваты на новый штыль! Такъ, бачь, робять и тамъ: здорогы заразъ ѣдятъ и лягаютъ спать — э! постій — ôтъ-трохы не забувъ! — заразъ, Уляно, пиставъ Панаса у виритъ, и скажы іому щобъ винъ никого не пускавъ, и всимъ говорывъ — « Панъ не « веливъ теперычка никого допускаты, бо тиль- « кось що прыихавъ изъ Москвы! » - - - Ище скажы іому, щобъ винъ нарядывся въ свытку гобзовану шнурками; нехай обуе жовти чоботы, и визьме за мисто булавы... щобы такѐ? - (*думаетъ*) та хоть ковиньку, або макогинъ! Нехай винъ держитъ ии на плечи, якъ рушныцю. А столяру скажы, щобъ заразъ мини покынувъ винъ всяку работу, та швыдко будовавъ іому визли виритъ будку, и гарно покрывъ-бы ии новòю соломою.

Уліяна. Хибажъ такъ и въ Москви водытця? Оце диво! — Сусиды подумають що розбійныкъ жыветь у насъ пры воритихъ, тильки подивлятця, то и будуть чимъ глядь удырать до дому...

Провинціал. Бо воны дурни — не знаютъ якъ потребуе жыть свитлымъ Панамъ; а завтрычкы буде мини багацько роботы, а теперичка добребъ було чого нибудь поѣсты.

Уліяна. Та оцежъ и снидàнье уже на столи: — ось млынци — ковбасы — пирижкы зо сметаною—

Digitized by Google

и холодець зъ поросячими нижками; годуйтесь, Никодимъ Тимофиіовичъ! ось заразъ буде и гарячій буханець.

Провинціал. А яка шеперъ годына? *(смотритъ на часы и вскрикиваетъ)* Ахъ! берыжъ — беры се сниданье скорище — — се вже бо не дошмыгы — ище шильки висьма годына! — Чыжъ я ошоломонивъ! — Та за се бы въ Москви бо зна-бы що сказалы!.. ша мини-же и не хочетьця ѣсты, явже бачь привыкъ жить по паньськи; въ сю саму пору шамъ шилькы пьють горяче; скорище грійте самоваръ; ша здилай мини мылость сама около іого не стряпай, а ныхай Наталка се дило зробыть — — — а пиднисъ давать — кто буде? *(думаетъ)* Та визьмы хошь чобошаря — ша некай винъ заразъ обуе чоботы — шильки мини щобъ на олія, ни сало не воняло видъ ныхъ; а то заразъ заболыть у мене голова.

Уліяна. А чымъ же? Смальцемъ мазать — чи що?

Провинціал. А бороны Боже! — — Чоботы треба мазать — *вапсою*! э ни! не шакъ *(вынимаетъ записную книжку и читаетъ)*. О... *ваксою*. Ось бачь яка вона блесняча *(показываетъ женѣ сапогъ)*.

Уліяна. Мабуть зкупорвасу зроблена? Що шака чорна якъ галка.

Провинціал. Аде шоби — шамъ спильки около еи забобонивъ, що и въ пивгода не выучишся —

Digitized by Google

але я купивъ ии на десять рублив, и миркую що може спане на два мисяци — — — Ище прошу тебе, щобъ Прокипъ и Андрій, (опъ що роблять у насъ на выныци) щобъ безпреминно все булы пупъ въ маленькій кимнати: ся кимната буде звашыся: *прохожа*; ныхай воны шамъ соби играють въ карты — або въ дзыгу;— а якъ хто прійде, щобъ заразъ пышалы: а хто вы? а вишкиль? ащо маеше за дило до пана? а якъ сказапь пану о вашей мосци? — — И тоди уже доносылы мини; а явже скажу: чы-допустышы, чы-прогнаты — або скажу що сіогодня багацько дуже письма, и не-ма никому до мене прыпуску. — Ось якъ воно!

Уліяна. Далебище же — будуть знасъ сміяться люды — и отцураються видъ насъ вси хрещени — схаменуйся, Ныкодыме!

Провинціал. Ныхай дурни цураються! Ужежъ, бачь, не прыстало теперь намъ жыти по-мужыцькы — ныхайже вси знають, що мы жывемъ по Моськовськи!

Наталка. Батюшка — баш.. Цыпь — цыпь — прервалъ ее Провинціаленко. Треба клыкати: папа.

Уліяна. Ищо-вже-бо-се-такѐ? Чы-виданожъ-бо-де въ свиши, щобъ дочкà клыкала батька свого попомъ?

Провинціал. Та не попомъ-же — а папою.

Digitized by Google

Уліяна. Щожъ то? — рымськымъ-бы-то, чи-що?

Провинціал. Що-бо-ты — глюзуешь? Я тоби говорю що мене ныхай воны клычутъ: *пана*, тебе: *мама*; а мы будемъ ихъ клыкати — старшу: Натуша, середущу: Присуша, а найменьшу: Домуша; а коли треба всихъ трёхъ, то: меду-зели; вось якъ воно водитьця въ розумній Москви!

Уліяна. Чи-бачите! у менѐ и розуму недостане, щобъ памятовàты. Оцю каверзію!

Провинціал. Ну — а ты, Домуша! гарна моя дочка! що скажешь?

Домаха. А якъ тамъ убираютьця пани и панночкы?

Провинціал. Ось якъ: « Въ чоботихъ ни-хто теперъ уже не ходеть, а все въ черевыкахъ — але не въ червоныхъ, а въ пистріовыхъ — плетеныхъ — мабуть изъ заполочи; панчохы довги до самыхъ колинъ, а на колинахъ пидперезани шырокою стіожкою; у сорочокъ пазухъ теперыча уже не-ма, и не знаю самъ для якій се прычины; карсеты — кохточкы — спидныци — и мантиліи ниде уже не носютьця; и наряжаютьця въ дуже довге и шыроке платье; такѐ що я думаю: якъ бы ты въ іого нарядылась, то не прійшла бы и въ двери! Рукава у іого якъ у рясы шыроки, а сзади ростипируетьця и дуже далеко оддуваеть-

Digitized by Google

ця. У пояса дуже тисно, такъ що ажъ ребра знать и пидперезуетьця стрижкою; шыя гола; на рукахъ до локтивъ довги рукавычкы, мабуть для того щобъ рукамы не пачкалы плаття; на шыи шырокій пистровій платокъ, бувае иноди червоній абь зеленій. Въ ухахъ превелеченни серги — мало що до плеч не досягаютъ; на голови волосья скручене, якъ перевесла у снопивъ, и затыкнуте велыкимъ гребинцемъ; иноди носять квитки, иноди брыли: зверху чорни, а въ середыни червони; а на брылыкахъ зверху тилипаетьця якась сытка! Панночки теперь уже не швендяють такъ якъ у насъ, а ходять: зъ выхилясами — зъ вывершасами — зъ векрутасами такъ що ажъ любо дывытьця; а въ танцяхъ уже не плыгаютъ на въ прысядки, а стрыбаютъ по маленьку по двое въ разъ; — а якъ зачнуть точыти балясы, то ихъ уже не опынешъ, такъ що якъ бы чоловикъ одъ нудьгы не скрибъ соби голову, то имъ бы николы не було кинця.— Ище я прымитывъ, що шамъ паны не чвыркаютъ уже до долу, а въ маленьки скрыньки: бо дилъ высланъ: коцями, кылымами и рябымы пивстымы.

Домаха. Ахъ! машиночка моя, що шамъ за дыво! Нащожъ та сытка у панивъ и панночокъ?

Провинціал. Того уже и самъ я не знаю, а маракую, що то зроблено для того, щобы ты-

Digitized by Google

плiще було въ лицiо — — — Ище слухайше, дочки — ныхай завтрычка прыйде цырулныкъ, я iому розполкую якъ васъ остригшы по Моськовски и заплесшы косы : ось якъ *(вынулъ и показалъ картинку модной прически)*. Ище пишлиште безпреминно за маниiой, и малюйше щокы — шакѣ бачь шеперь поведенья — безъ iого шеперь ане зызыркъ передъ людей !

Всѣ дочери вдругъ. О—ей Богу ! не хочемъ— и цуръ iому — пекъ iому — осынà iому !

Провинцiал. А ни — не льзя, шреба червонышь щокы, а шо будушь называть мужычкàми *(дочери показываютъ видъ изумленiя)*. Провинцiаленко продолжаетъ : Э — нельзя ! не можно ни якъ. Ище шреба бы натыраться и крохмалыкомъ, але вы дуже били и безъ iого. — — — Слухайше ище: масломъ головы шеперь уже не мажушь, а чымъ шо пахучымъ — — — якъ бось — воно — клычешься — забувъ ! — воно пахнешъ шакъ гарно, якъ ладанъ. — *(ищетъ)* Ось - воно - вамъ—чи бачиште ! *(даетъ духи и помаду)*.

Приська. А що шамъ шаке ѣдять ?

Провинцiал. А я прывизъ зъ собою мусе-кухаря: винъ знае стряпать всяки Нимецьки поправы. А вы уже донечкы на кухню - ане - шиширъ !

Дочки всѣ вмѣстѣ. О — якъ шо можно, ша насъ и за мужъ ни хшо не вузьме.

Провинцiал. Теперь вамъ за мужъ ишы — не-

Digitized by Google

шупычкы, авже въ розумній Москвѣ — я васъ шуды и одвезу, колы настанешь пора; а шеперь побалакаемъ о шимъ: якъ бы вамъ зробишьця шакыми чемными панночкàми, щобъ ажъ ангелы зазырàлы вамъ въ очи!..

Домаха. *(смотритъ въ окно)* Дивишеся — онъ иде до насъ и дядюшка, Поликарпъ Семеновычь!

Провинціал. *(въ суматохѣ)*. Пѐ-шро — Пѐтро — а ходы скорище сюда, вражій сыну: биже шведенько на крильце и подывыся — колы у Поликарпа Семеновича чоботы змазаны дигтемъ, шо скажи іому, що мене не-ма дома — ша не ковеляйже, а иды моторненько.

Поликарпъ Семеновичъ. А що Пѐтре? — Панъ дома?

Петръ. Дома — ша бачь казавъ, колы у васъ чоботы змазаны дигтемъ, шо сказашь вамъ, що іого не-ма дома, бо вьіого бачь все голова болышъ ошъ дигтю.

Поликарпъ Семен. А-се-що-шакѐ? О — дій іого кашу чесны! дывысь, якъ винъ чванешьця! — А шо що за чоловикъ ходе у васъ зъ макогономъ попередъ вирипьмы?

Петръ. Щобъ не допущаты гостивъ до пана.

Поликарпъ Семен. *(качаетъ головою)*. Скажижъ, Петре, моему брашику, що я первій разъ

Digitized by Google

одь іого чую, щобы можно ище дурнишымъ прыихашы изъ Москвы, якъ туда поидешъ. — *(уходитъ).*

Провинціал. *(Петру)* А щò ?

Петръ. Та - що — дигштемъ. Винъ ище сказавъ: що вы мабушь теперь дурнишій, якъ въ Москву поихалы.

Провинціал. Що-ты-кажешь ? Стрывайже мини, мужицька порода ! Яжъ тоби оци на табенькы зибью ; а дывы ! — Якужъ винь капишь мини робешь! Ай! гай ! . . — Виднесижъ заразъ іому оце письмо : не хай винъ знае, що я тамъ знався зъ *Высокородными* ; и нехай винъ передо мною не чванишьця, мовъ свинья въ болотѣ. А ты, Присуша, паробы заразъ билыхъ карточокъ, и скажы пысьцю на всякій напысашь : « Никодымъ « Тымофиіовичъ Провинціаленко, шилько що прыихавъ изъ Москвы. »

А якъ се все буде готове, то ныхай горбашій панько запряжешъ въ визъ сывого коня, и повезешъ ти карточкы до нашыхъ знакомыхъ — и до родни; а якъ будуть іого пытаты: « На що се ? » Не хай имъ дурнямъ росказуе всимъ : що теперь бачь вси розумни люды замисто себе посылаютъ съ чоловикомъ въ гости пысулькы; що значе мось буттто самы ѣздылы.

Петръ. *(подавая обратно письмо)* Поликарпъ Семеновичъ щось тамъ нарыговавъ.

Digitized by Google

Провинціал. Ке сюда! *(смотритъ)* Що-сѐ? *(читаетъ)* — « *Клапоуху хоть родзинками кор-* « *мы, а вона все таки клапоуха.* » Дывысь! що бы се значило? а! — — Догадався: що мабуть значе: що винъ хоть и чытавъ се письмо, а все таки дурень остався, якій и напередъ бувъ; бо не могъ добре прослюбузовать розумного письма! гей! гей! О така дурнивъ доля!

Приська. А дивищяжъ! Сорока пидъ самиченькимъ викномъ кажетъ госпей.

Провинціал. *(смотритъ)* А га! Пѐ-тро — Пѐтро — отъ скоро будутъ до насъ госпи; обидъ уже готовій, бо вже муся-кухарь спышь; а ты заразъ мини роспечатай бушелку съ тымъ дорогымъ выномъ — — — якъ-бось-воно — — клычетьця, шам-шап — — шампаньске — такъ! И поставъ іого на пичку — та запычкы мини не видтыкай— а то визьмешь стусака въ спыну. Кажутъ що якъ воно въ шепли постоить, то дуже добре на смакъ, и гарно шумуе; а я, докы прыйдутъ госпи, пиду трохи опочину.

(Всѣ расходятся).

Т. М.

Digitized by Google

СПОРЪ

О ВЕСЕЛОСТИ ПРЕЖНЯГО И НЫНѢШНАГО ВРЕМЕНИ.

Письмо къ Живописцу.

Старику, хотя не наблюдателю современныхъ нравовъ, однакожь человѣку съ здоровыми пятью чувствами, позволятъ сказать нѣсколько словъ о предметѣ довольно замѣчательномъ. Вы взялись, приняли на себя трудъ, или, какъ-бы еще вѣжливѣе выразиться, ну, хоть рѣшились разглядывать любопытныя черты своего времени, котораго я уже не смѣю назвать *моимъ*, потому что не могу, да и не хочу стоять на ряду съ нынѣшними образцами вкуса и вѣжливости. Какъ-же до сихъ поръ, исправляя свою должность уже года два, если не ошибаюсь, вы не замѣтили рѣзкой и любопытной черты своего времени? Неужели вамъ не явно, что въ *ваше* время — исчезла любезность, веселость, пропало то милое, плѣнительное остроуміе, которыя составляли душу нашихъ обществъ? Чѣмъ веселятся нынѣ? Чѣмъ разсѣиваютъ неизбѣжную скуку общества, довольно многочисленнаго? Картами! танцами! Но — право, карты не веселье; а танцы ваши. . . Я не понимаю, какъ нынѣшнія дамы рѣ-

Digitized by Google

шаются подавать руки своимъ кавалерамъ! Карлъ X-й справедливо замѣтилъ, что эти господа, точно какъ изъ милости *сопутствуютъ* танцующимъ дамамъ, то есть берутъ ихъ за руки и дѣлаютъ фигуры *ходя* и *нахмуривъ тело*! Но — passe pour les bals! — вспомните о вашихъ вечерахъ. Что за скука! Я не понимаю, какъ могутъ собесѣдники на этихъ вечерахъ удерживать свою зѣвоту. Если-бы еще не наша братья, старые любезные люди, и малое число нашихъ учениковъ, то дамы ваши разучились-бы говорить съ мужчинами. Но когда я вспомню о вечерахъ нашихъ, мое старое сердце какъ будто прыгаетъ отъ удовольствія, и сыплющаяся съ головы пудра показываетъ, что я дѣлаю знаки одобренія. Сколько бывало у насъ споровъ, разсказовъ, сужденій, и все общественныхъ, все такихъ, гдѣ дамы принимали живое участіе. Я помню Маркиза де Біевра!.. Дивный человѣкъ! Это былъ, сударь, Шекспиръ гостиныхъ. Его любезности, его остроты, останутся повѣстью временъ позднѣйшихъ. Однимъ словомъ, тогда были великіе люди въ гостиныхъ, и отъ того въ нихъ была жизнь, радость, счастье, погибшія нынѣ, и, кажется, безвозвратно. Замѣтьте это въ лѣтописяхъ своего холоднаго времени. Если хотите, я могу отыскать въ памяти своей,

Digitized by Google

и въ запискахъ о нашемъ времени, много такого, что усладитъ вашихъ читателей болѣе, нежели нынѣшніе Кохшины и Таланины, которыхъ вы изображаете намъ. Имѣю честь и проч.

Баронъ фонъ Фрейде (*).

Отвѣтъ постороннягo.

М. Г.!

Я самъ человѣкъ не молодой; помню старинные годы по впечатлѣніямъ собственнымъ, хотя и не знаю, то-ли разумѣю подъ именемъ старины, что вы называете *своимъ временемъ*. Впрочемъ, вашъ Шекспиръ гостиныхъ, Маркизъ де Біевръ, будетъ служить намъ фаросомъ: онъ жилъ и блисталъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Поговоримъ объ этомъ времени въ сравненіи съ нашимъ, которое, напередъ скажу вамъ, я хочу нѣсколько защищить.

(*) Живописецъ получилъ сіе письмо бесѣдуя съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Прослушавъ оное, пріятель непремѣнно рѣшился отвѣчать, и написалъ помѣщаемый за симъ отвѣтъ. Живописецъ постарается напечатать и свое мнѣніе о столь важномъ предметѣ. Между тѣмъ онъ благодаритъ Г-на Барона фонъ Фрейде за обѣщаніе его, и проситъ исполнить оное.

Digitized by Google

Веселость! любезность!... смыслъ этихъ словъ, М. Г., дѣло великое. Не думаю сказать вамъ за новость, что истинно любезныхъ людей не много въ цѣлой Европѣ, нашего и вашего времени, ибо человѣкъ любезный для всѣхъ, есть явленіе, столь-же рѣдкое, какъ хорошая погода подъ сѣвернымъ полюсомъ, или умное произведеніе въ Русской Литературѣ. Мало того, что онъ будетъ одаренъ отъ природы всѣми средствами любезности: надобно, чтобы обстоятельства развили, или способствовали развитію сихъ средствъ. Сверхъ того, каждый народъ, каждое сословіе и почти каждое общество имѣютъ свои понятія объ этомъ предметѣ. Графъ Нарбоннъ, придворный Наполеона, считался въ новое время образцемъ любезности; но поняли-ль-бы его любезность въ обществѣ Русскихъ купцовъ, при Дворѣ Турецкаго Султана, или въ маленькомъ городкѣ Германіи? Отвѣчать не трудно. Вы скажете, что разумѣете любезность высшихъ обществъ, любезность не зависящую отъ обстоятельствъ, *абсолютную*— если позволите выразиться словомъ, выкованнымъ для новаго понятія. Кажется, здѣсь-то и скрывается недоразумѣніе о любезности. Подъ именемъ высшаго общества разумѣютъ совсѣмъ не лучшее общество, не *абсолютно* избранное. Для меня, высшее общество есть общество умное. Таково было оно въ XVIII вѣкѣ у Фрид-

Digitized by Google

риха Великаго и Вольтера. Но вы тотчасъ ссылаетесь на Маркиза де Біевра, этого оракула придворныхъ своего времени, и дамъ, носившихъ прическу les pouffs au sentiment, которая обширностью своею занимала всю переднюю часть ложи въ театрѣ. Вамъ не нравится современное общество, потому что на балахъ нынѣшнихъ не танцуютъ менуэта, не *выдѣлываютъ* фигурныхъ па; но танцы не могутъ быть вѣковѣчны, ибо иначе мы должны были-бы сохранить еще Греческую пляску. Вамъ не нравится обращеніе нынѣшнихъ кавалеровъ съ дамами, но вы, кажется, не вспомнили, что нынѣшніе и служатъ танцы для сближенія ихъ, и что *фигуры*, па, въ наше время только необходимая дань, за удовольствіе просидѣть подлѣ избранной два, три часа, въ мазуркѣ или котильонѣ. И повѣрьте, что еслибъ можно было записывать все, что умнаго, тонкаго, занимательнаго говорится въ эти два, три часа бала, то — не смотря на пошлость большей части нашихъ умниковъ — вы забыли-бы своего Марк. де Біевръ. У всякаго человѣка бываютъ минуты вдохновенія; но гдѣжь искать его для свѣтскаго ума, какъ не посреди общаго веселья, глазъ на глазъ, въ минуты поэзіи дѣвушки или дамы?... Вы говорите, что вечера наши холодны? Я скажу болѣе: ихъ нѣтъ въ наше время. Это дань, оставшаяся намъ по наслѣдству отъ

Digitized by Google

, вашего времени, дань взыскательнымъ старушкамъ, поминки о вечерахъ времени былаго. И неужели вы думаете, что вечера придворныхъ Людовика XV были веселы? Напротивъ: тамъ-то и царствовала скука. Маркизъ де Біевръ, который ломалъ голову надъ каламбурами, и хладнокровно выдумывалъ въ каждый день по одному острому слову, Маркизъ де Біевръ образецъ любезности, веселости, великій человѣкъ гостиныхъ! Право, мнѣ это не понятно. Неужели вамъ нравится то, что онъ сдѣлалъ *школу дурачества*, какъ сказалъ одинъ соотечественникъ Маркиза? Каламбуры его собраны, изданы въ свѣтъ: ихъ такое множество, что всѣ соперники его не сравняются съ нимъ въ числѣ сказанныхъ имъ двусмысленностей. «Ну, Маркизъ! скажи мнѣ каламбуръ!»—такъ вспрѣнилъ его Людовикъ XV въ первый разъ, наслышавшись объ этомъ каламбурисцѣ. — Donnez-moi un sujet, Sire, отвѣчалъ тотъ.—« Faites-en un sur moi.»—Sire, le roi n'est pas un sujet—возразилъ де Біевръ. Это явно подготовлено! Вотъ другой примѣръ. Комедія Маркиза: Le Séducteur, имѣла успѣхъ на театрѣ; напротивъ Лагарпова трагедія: Les Brames — пала. Маркизъ тотчасъ сказалъ послѣ этого: « Quand *le Séducteur* réussit, *les Brames* (bras me) tombent.» Все это смѣшно, потому что новб. ло. Въ вашъ вѣкъ все было парадное: и со-

Digitized by Google

бранія, и остроты, и даже веселость, любезность. Всѣ скучали, но дѣлали видъ веселый. Въ нынѣшнее время (къ которому причисляю и себя), при скукѣ разъѣзжаются и бѣгаютъ отъ нея; при пошлой остротѣ не хлопаютъ въ ладоши; на балахъ ищутъ наслажденія не столько ногамъ, сколько чувствамъ. Не спорю, что и въ осмнадцатомъ столѣтіи веселились иногда отъ чистаго сердца; но только это было трудно угадать, потому что всегда увѣряли въ сердечной веселости. Нынѣ—вся разница въ томъ—люди стали откровеннѣе, чему служитъ доказательствомъ и мое письмо, послѣ котораго честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Новосвѣтскій.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

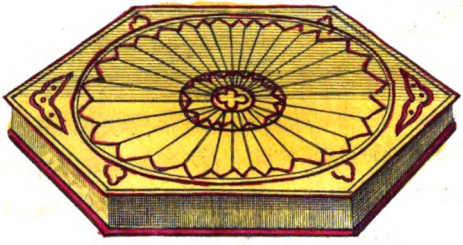
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Февраля 22 дня 1832 года.

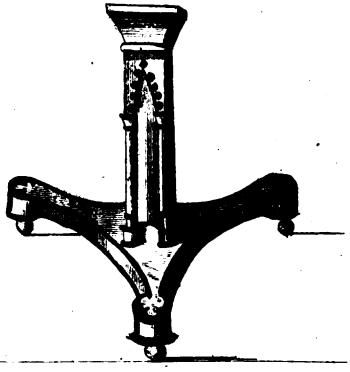
Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Digitized by Google

Digitized by Google





Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 24 Моск. Телегр. 1831 г.

Львовъ отправить въ Херсонъ 2 Дня упо-
требленія

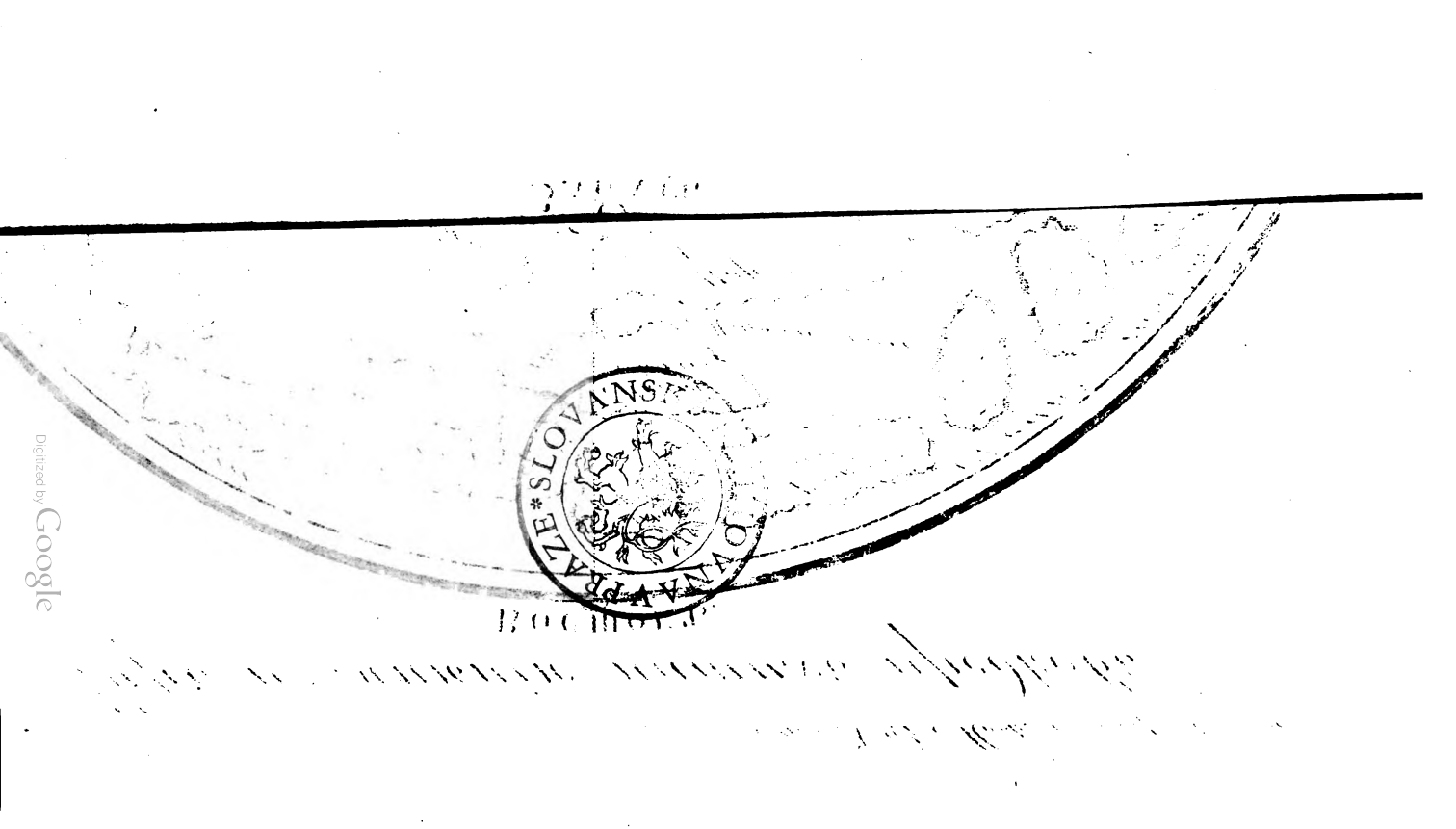
Ефимовъ Ахматовъ скорѣй отправить
я бы сего сдѣлалъ,

что былъ адъютантомъ у Черны-
-шева принятъ, и отправить,

артиллерію для флота,

Какія здѣсь есть сумма [illegible]
комнатъ. исполню, 2 дня [illegible] Зимнихъ,

Г. Отчева Мастера, Красильнаго
для суконной, и Калмычка отпра-
-вить въ Дубровну.



Digitized by Google

Изданіе Московскаго Университета 1831 года.

№ 24. Декабрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

Музыки въ Италіи.

(Окончаніе).

Я сказалъ, что обстоятельства были благопріятны для генія Россини; я могъ-бы прибавить, что складъ ума его также способствовалъ его успѣхамъ. Объяснимся. Моцартъ, художникъ страстный, сочинялъ музыку по своему чувству, для самого себя, со вниманіемъ къ своему предмету; но онъ и не думалъ нравиться никому, кромѣ истинныхъ знатоковъ, чувствующихъ и понимающихъ музыку. Замѣчая, что какое нибудь произведеніе его не имѣетъ ожиданнаго успѣха, онъ запирался у себя съ нѣсколькими друзьями, разыгрывалъ передъ ними отвергнутое публикой сочиненіе, и заслуживъ одобреніе ихъ, забывалъ о своей неудачѣ. Однимъ словомъ: это былъ человѣкъ, ни сколько не способный къ успѣху, котораго онъ и не имѣлъ, по крайней мѣрѣ при жизни своей.

Digitized by Google

Россини, можетъ быть, началъ такъ-же; но онъ вскорѣ замѣтилъ, что̀ нравится, что̀ не нравится публикѣ, и писавши для нея, рѣшился искать одного и убѣгать другаго. Геніяльные люди рѣдко дѣлаютъ подобные разсчеты; но все доказываетъ, что такъ разсчитывалъ Россини. Эти явственныя и всегда одинакія раздѣленія его арій, дуэтовъ, и многоголосныхъ отрывковъ; crescendo, столь часто повторяемое; симметрическіе риѳмы, употребляемые съ упорствомъ въ окончательномъ движеніи множества отрывковъ; аккомпаньеманъ отдѣльными аккордами духовыхъ инструментовъ; необъятное число безпрерывныхъ фугъ, въ октаву, (canons à l'octave); наконецъ, эти нескончаемыя модуляціи въ минорномъ тонѣ верхней терціи — явно сдѣлались системами, бывши сначала вдохновеніями. Впрочемъ, многія изъ сихъ матеріяльныхъ средствъ принадлежали отнюдь не Россини. Crescendo изобрѣтеніе старое: Моска далъ ему форму, нынѣ модную; аккомпаньеманъ аккордами валторнъ и фаготовъ, былъ въ первый разъ употребленъ Моцартомъ, въ анданте большой его симфоніи на ut; модуляція въ минорномъ тонѣ была созданіемъ Маіо; ее присвоили себѣ многіе музыканты, прежде нежели Россини явился на свѣтъ; но до него употребляли всѣ сіи пособія изрѣдка, скромно. Онъ первый замѣтилъ, что присвоитъ себѣ изобрѣ-

Digitized by Google

шенное можно только частымъ употребленіемъ онаго, и что на людей всего сильнѣе дѣйствуетъ риѳмъ съ сильнымъ кадансомъ; онъ увидѣлъ, что въ модуляціяхъ гораздо выгоднѣе употреблять ту, которая менѣе утомляетъ ухо, нежели слѣдовать обыкновенному употребленію, то есть модулировать на главную ноту въ мажорномъ или минорномъ, относительныхъ тонахъ. Во все это онъ сталъ вмѣшивать множество счастливыхъ напѣвовъ, драматическихъ вдохновеній, одушевлять свои нововведенія какою-то силою жизни, залогомъ успѣховъ, и такимъ образомъ присвоилъ себѣ все заимствованное, заставилъ забыть все подслушанное имъ у другихъ.

Музыканты громко роптали на его недостатки; но публика была не внимательна къ онымъ, и тому не мало способствовали подражатели Россини. По рѣчамъ многихъ критиковъ, въ музыкѣ Пезарскаго Капельмейстера только и есть, что матеріяльныя средства, употребляемыя имъ до чрезмѣрности, и дающія ему способъ писать свои сочиненія скоро. Но матеріяльныя средства принадлежатъ равно всѣмъ; Пачини, Раймонди, Доницетти, и многіе другіе употребляли тѣ-же пособія довольно роскошно; но что вышло изъ этого? Подражанія, музыка всегда отлитая въ одну фор-

Digitized by Google

му, и ни одного замѣчательнаго сочиненія. Слѣдственно, не все заключается въ томъ, чтобы знать, какое средство производитъ желаемое дѣйствіе; если было-бы такъ, то Искуство не стоило-бы своего названія: это было-бы ремесло. Матеріяльныя средства не замѣняютъ генія, и могутъ быть полезны только въ рукахъ человѣка необыкновеннаго; въ рукахъ посредственности они не произведутъ ничего.

Надобно согласиться, что если Россини ласкалъ вкусъ публики, то въ иныхъ случаяхъ единственно изъ презрѣнія ко вкусу нѣкоторыхъ городовъ. Самыя прекрасныя явленія его генія были принимаемы такъ не благосклонно, что онъ хошѣлъ послѣ этого смѣяться надъ своими судьями. Въ самомъ дѣлѣ, не всегда наиболѣе рукоплещутъ его лучшимъ произведеніямъ: доказательство тому прелестный дуэтъ втораго акта Отелло, Vorrei che il tuo pensiere, едва замѣчаемый въ театрѣ. Въ Венеціи навела совершенную скуку вся первая часть аріи Ассура, въ *Семирамидѣ*, хотя она отличается самымъ изящнымъ характеромъ. Россини предвидѣлъ это и окончилъ ее смѣшнымъ аллегро, гдѣ маленькая флейта какъ будто освистываетъ партеръ. Подражатели великаго художника дѣлаютъ тоже, но только отъ чистаго сердца, а это всего забавнѣе.

Digitized by Google

Драматическая Музыка нашего времени произвела на публику дѣйствіе, замѣтное во всемъ этомъ Искусствѣ: она сдѣлала холодными всѣ произведенія, гдѣ нѣтъ роскоши оркестра, къ которой привыкъ нашъ слухъ. Вотъ, мнѣ кажется, зло, и зло существенное, потому что надобно-же будетъ гдѣ нибудь остановиться? Есть предѣлъ нашимъ чувственнымъ способностямъ. Преувеличенные эффекты можетъ быть еще не совсѣмъ вышли изъ мѣры, но будутъ въ этомъ положеніи; что-жь дѣлать тогда? Ворочаться назадъ? Но вводить новое труднѣе въ простомъ, нежели въ сложномъ, и потому, вѣроятно, настанетъ эпоха, когда Искуство будетъ въ изнеможеніи, болѣе или менѣе продолжительномъ, пока опять явится геніяльный человѣкъ, предназначенный совершить необходимый переворотъ.

Опера важная (opera seria), у прежнихъ Итальянскихъ художниковъ, и даже у Чимарозы и Паизіелло, заключала въ себѣ слишкомъ много речитативовъ, арій, дуэтовъ, и не довольно отрывковъ многоголосныхъ. Это производило монотонію, уничтожавшую эффекты красоты, разсѣянныхъ въ твореніяхъ сихъ сочинителей. Россини, начиная съ *Танкреда*, пошелъ новымъ путемъ и произвелъ въ семъ отношеніи необходимое преобразованіе, докон-

Digitized by Google

чанное въ *Отелло*. Тамъ всѣ положенія облечены музыкою, такъ что речитативовъ осшается мало, да и тѣ, которые есть, аккомпанируются оркестромъ, что гораздо занимательнѣе; такимъ образомъ слушателю нѣкогда охолодѣть, въ промежутки между частями музыки. Этотъ способъ въ операѣ важной есть твореніе Россини, которое одно могло-бы составить его славу. Къ несчастію, въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ онъ вывелъ изъ границъ сію систему: желая безпрерывно занимать вниманіе слушателя длинными развитіями, онъ утомляетъ его и переходитъ за предѣлы способностей слуха. Выгравированная для оркестра партитура *Горацiевъ* Чимарозы, или какой нибудь другой оперы сего художника, занимаетъ страницъ 400; партитуры *Семирамиды* или *Зельмиры*, переложенныя для фортепiано, почти столь-же обширны. Говорятъ, что сочиненія сіи имѣли большой успѣхъ въ Италіи: сомнѣваюсь, чтобы въ Парижѣ успѣхъ ихъ былъ равенъ успѣху *Танкреда* или *Отелло*.

Болѣе всѣхъ умѣлъ Россини сдѣлать оркестръ блистательнымъ, и придать ему занимательность, даже для самаго посредственнаго любителя. Но, отъ того-ли, что онъ не надѣялся поддержать сію занимательность обыкновенными средствами, или самъ любилъ шумъ,

Digitized by Google

только въ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ онъ употребляетъ большой барабанъ, цимбалы и мѣдные инструменты съ такою неумѣренностью, что они производятъ одно чувство: усталость. Это не прежній, умный и живой способъ Россини двадцати или двадцати пяти-лѣтняго: тутъ Россини утомленный, и, скажу, почти надоѣвшій самому себѣ музыкою. Въ человѣкѣ обыкновенномъ такое злоупотребленіе было-бы не опасно для Искусства; но заблуждающійся Россини увлекаетъ за собой толпу подражателей, и зло становится еще болѣе отъ того, что если когда нибудь онъ сознается въ своемъ заблужденіи, то у него уже не будетъ пособій юности, чтобы проложить новый, лучшій путь.

Его упрекаютъ еще, и отчасти основательно, за то, что онъ поставилъ всѣхъ пѣвцовъ на одну дорогу, и уничтожилъ разнообразіе въ пѣніи, назначая подробно всѣ оттѣнки и *фіоритуры*, которые обыкновенно предоставлялись произволу виртуозовъ. Извѣстно, что, исключая двухъ или трехъ отличныхъ художниковъ, въ образѣ пѣнія нынѣшнихъ Итальянскихъ пѣвцовъ такое сходство, что, кажется, всѣ они поютъ одно и тоже. У всѣхъ одни и тѣ-же оттѣнки, одни и тѣ-же украшенія, и, къ сожалѣнію, одинакое незнаніе истинныхъ началъ

Digitized by Google

пѣнія. Россини извиняется, говоря, что именно плохія дарованія пѣвцовъ, бывшихъ у него въ распоряженіи, заставили его выписывать опшёнки и фіоритуры, которые могли они выполнить, но не въ состояніи были изобрѣсти. Это извиненіе прекрасно въ отношеніи къ нему, ибо показываетъ художника, искусно пользовавшагося всѣми средствами; но черезъ это онъ укрѣплялъ зло и дѣлалъ его неизлечимымъ.

Я говорилъ о подражателяхъ Россини; теперь ихъ очень много. Нѣкоторые обладаютъ истиннымъ дарованіемъ, и они заимствовали изъ его стиля только то, что сходствовало съ ихъ собственными идеями: таковы Гг. Карафа, Меркаданте и Мейербееръ. Причисляю сего послѣдняго къ Итальянскимъ композиторамъ, хотя онъ родомъ изъ Берлина и учился Музыкѣ въ Германіи: онъ писалъ всѣ свои сочиненія въ Италіи.

Михаилъ Карафа родился въ Неаполѣ, 28-го Ноября 1785, и началъ учиться Музыкѣ въ монастырѣ Monte-Oliveto, восьми лѣтъ отъ роду. Первымъ наставникомъ его былъ Манцуанскій музыкантъ Фацци, искусный органистъ. Воспитанникъ Фенароли, Франческо Руджи, училъ его послѣ сего гармоніи и аккомпаньеману, и потомъ онъ поступилъ подъ руководство и

Digitized by Google

самого Фенароли. Наконецъ, живши въ Парижѣ, Карафа пользовался уроками Керубини, изучая контрапункцію и фуги. Хотя въ молодости своей онъ написалъ для любишелей оперу, Il Fantasma, и сочинилъ, въ 1802 году, двѣ кантаты, il Natale di Giove и Achille e Deidamia, гдѣ замѣтны искры дарованія, однакожъ сначала Карафа занимался Музыкою какъ любишель, и вступилъ въ военную службу. Будучи принятъ офицеромъ въ гусарскій полкъ гвардіи Мюрата, онъ послѣ былъ назначенъ всадникомъ Короля въ экспедиціи прошивъ Сициліи, и пожалованъ кавалеромъ ордена обѣихъ Сицилій. Въ 1812 году, во время Россійской кампаніи, онъ исправлялъ при Іоахимѣ должность дежурнаго офицера и былъ одѣланъ кавалеромъ Почетнаго Легіона.

Уже весною 1814 года, Г. Карафа рѣшился употребить въ пользу свое дарованіе, и отдалъ на шеатръ del Fondo первую свою оперу: Il Vascello l'occidente. За этимъ сочиненіемъ, имѣвшимъ огромный успѣхъ, явились: Gelosia Corretta, въ шеатрѣ Флореншійскомъ, лѣтомъ 1815; Gabriele di Vergi, игранная въ шеатрѣ del Fondo, 3 Іюля 1816; Ifigenia in Tauride, въ Санъ-Карло, въ 1817; Adele di Lusignano, въ Миланѣ, осенью того-же года; Berenice in Siria, въ Неаполишанскомъ шеатрѣ

Digitized by Google

Санъ-Карло, лѣтомъ 1818, и Elisabeth in Derbishire, въ Венеціи, 26 Декабря того-же года. Въ этой-то пьесѣ явилась въ первый разъ въ Италіи Г-жа Менвьелль-Фодоръ. Во время карнавала 1819 года, Г. Карафа написалъ въ Венеціи Il Sacrifizio d'Epito, а въ слѣдующемъ году, въ Миланѣ, представлены были его *Двое Фигаро*. Въ 1821 году, въ Парижскомъ театрѣ Фэдо, играли *Жанну д'Аркъ*, въ которой его музыка, и въ ней есть много прекраснаго. Поставивъ на сцену это сочиненіе, Г. Карафа уѣхалъ въ Римъ, и тамъ написалъ la Capriciosa ed il Soldato, заслужившую отличный успѣхъ. Онъ также сочинилъ музыку *Пустынника*, игранаго въ Фэдо, и музыку *Тамерлана*, назначеннаго для театра Санъ-Карло, но оставшагося безъ представленія. Послѣ *Пустынника*, игранаго въ Парижѣ, въ Августѣ 1822, онъ возвратился въ Римъ и написалъ тамъ Eufemio di Messina, награжденную совершеннымъ успѣхомъ. Въ 1823 году былъ представленъ въ Вѣнѣ его *Абюфаръ*, котораго музыка была расхвалена Нѣмецкими Журналами. Снова пріѣхавши въ Парижъ, онъ написалъ въ томъ-же году *Камердинера*; въ 1824 году *Мнимую гостинницу*, а въ 1825 году большую оперу: *Красавица въ лѣсу*. Г. Карафа еще сочинилъ въ Миланѣ Il Sonnambulo, осенью 1824, и Paria, въ Венеціи, въ Февралѣ 1826.

Digitized by Google

Саверіо Меркаданте родился въ Пуиллѣ, въ 1798 году, и обучался въ Королевскомъ Музыкальномъ Коллегіумѣ, въ Неаполѣ. Цингарелли былъ его учителемъ въ сочиненіи музыки, и сначала полюбилъ юнаго Меркаданте; но, говорятъ, что заставши своего воспитанника за переложеніемъ въ партитуру квартетовъ Моцарта, онъ безжалостно выгналъ его изъ училища. Меркаданте занималъ сначала первую скрыпку и былъ Капельмейстеромъ въ Консерваторіи. Онъ написалъ много музыки инструментальной и потомъ предался сочиненіямъ драматическимъ. Главнѣйшія сочиненія его: Apoteosi d'Ercole, Violenza e Costanza, Didonne, Nitocri, Scipionne a Cartagio, игранныя въ Римѣ; Elisa e Claudio, въ Миланѣ; Marianne, и Donna Caritea, въ Венеціи, 1826; Maria Stuarda, Il Posto abandonato, Amleto, Le Danaïde, въ Неаполѣ; Erode, въ Генуѣ, и Ezio, въ Туринѣ, 1827. Этотъ юный композиторъ началъ очень хорошо: особенно въ его Elisa e Claudio много отрывковъ, правда, запечатлѣнныхъ Россинизмомъ, однакожь не скопированныхъ рабски. Въ нихъ есть движеніе, есть страсть; но, со времени явленія позднѣйшихъ сочиненій Меркаданте, кажется, что отъ него не льзя ожидать многаго.

Г. Мейербеeръ поставилъ себя въ рядъ съ хорошими композиторами нашей эпохи, написавъ

Digitized by Google

оперы: Emma de Resburgo, Romildo e Costanza, Il Crociato, и *Маргерита Анжуйская*; но онъ занимается музыкою какъ любитель, пишетъ мало, и о степени его дарованія не льзя дать такого отчета, какой даютъ о музыкантѣ, писавшемъ много.

Послѣ композиторовъ, о коихъ я упомянулъ, славнѣе всѣхъ въ Италіи Пачини и Ваккаи; но ихъ напѣвы, форма отрывковъ, инструментовка, все это сколокъ съ музыки Россиніевой. Пачини родился въ Сиракузахъ, въ 1798 году; въ самой ранней молодости прибылъ онъ въ Болонію, и бралъ уроки у Станислава Маттеи. Онъ написалъ свою первую оперу еще не достигши семнадцати лѣтъ, а потомъ представлялъ, одну за другою: Annetta e Lucindo, l'Ambizione Delusa, il Barone di Dolsheim, il Carnavale di Milano, la Poetessa, della Beffa il Disinganno, Adelaïde e Comingio, Piglia il mondo come viene, la Gioventù d'Enrico V, la Vestale, la Schiava in Bagdad, Isabella ed Enrico, Alessandro nell' India, Amazilia, l'Ultimo Giorno di Pompeia, Gli Arabi nelle Gallie, и 19 Ноября 1826, въ театрѣ Санъ-Карло, въ Неаполѣ, Niobe. Въ сей послѣдней Оперѣ торжество его было самое полное; не знаю только, заслуженное-ли.

Николай Ваккаи, драмашическій композиторъ,

Digitized by Google

родился въ 1791 году, въ Толентино, близъ Пезаро; учился контрапункціи подъ руководствомъ Іанакони, одного изъ экзаменаторовъ Капеллы Св. Петра, въ Римѣ, а идеальному стилю у Паизіелло. Первая опера его, *Мальвина*, была представлена въ Венеціи, въ 1815. Кромѣ музыки для многихъ балетовъ, онъ написалъ: il Lupo d'Ostende, Pietro il Grande, въ Пармѣ, 1824; la Pastorella Feudataria, въ томъ-же году въ Туринѣ; Zadig ed Astartea, представл. въ театрѣ Санъ-Карло, въ Неаполѣ, 1825; Giulietta e Romeo, въ Миланѣ; Bianca di Messina, въ Туринѣ, 1826, и Saule, въ Миланѣ.

Молодой Неаполитанецъ, Винценшій Беллини, началъ свое поприще блистательно, съ 1827 года, премя операми: Bianca e Fernando, Il Pirata, и la Straniera. Сочиненія сіи подаютъ много надеждъ, хотя изобрѣтеніе въ нихъ часть не самая блестящая.

Въ послѣднемъ ряду здравствующихъ композиторовъ находятся Доницетти и Сапіенца, ничтожные подражатели Россини. Считаю не нужнымъ исчислять ихъ произведенія, рѣдко выходящія изъ того города, гдѣ они пишутся.

Заключимъ: Италія, пресыщенная Россинизмомъ, не представляетъ ни единаго музыканта, который могъ-бы дать ей наслажденіе въ

Digitized by Google

другомъ родѣ. Юные композиторы, воображая что матеріяльныя средства, о коихъ я говорилъ, составляютъ музыку Россини, переходятъ всѣ границы сими механическими пособіями, такъ, что мало надежды слышать отъ нихъ что нибудь иное кромѣ crescendo, безпрерывныхъ фугъ, и всякаго драматическаго снадобья, утомившаго насъ. Необходимъ переворотъ совершенный; но его нѣтъ еще и въ виду.

Когда Бюрней, въ 1770 году, объѣзжалъ Италію, собирая матеріялы для своей Исторіи Музыки, онъ находилъ множество пѣвцовъ первоклассныхъ, въ числѣ коихъ замѣчали Каффарелли, Гваданьи, Казати, Априле, Эттори, Карибальди, Гвардуччи, Чипранди, знаменитую Габріелли, другую Габріелли, прозванную Феррарскою, Г-жу Ортолани, и многихъ другихъ; композиторовъ, каковы Іомелли, Пиччини, Саккини, Галуппи, прозванный *Буранелло*, творецъ истинной оперы-буффы, Сарти, и Паизіелло; капельмейстеровъ: Фіорони, въ Миланѣ; Салулини, въ Сіеннѣ; Меи, въ Ливорно; Санъ-Мартини, Сантарелли, Бертони, Валотти и Казали; Профессоровъ и теоретиковъ Дж. Б. Мартини, Джіовенале Сакки, Винценція Манфредини, Паолуччи, Котумаччи и Валотти; превосходныхъ органистовъ, каковы Колиста,

Digitized by Google

Гаспарини, Доминико Локателло, въ Падуѣ, Санъ-Мартини, и много знатоковъ Музыки изъ монаховъ. Наконецъ, онъ съ восхищеніемъ слышалъ скрыпачей: Пуньяни, Нардини, Мориджи, Капуцци и Челеспини. Отличныя училища пѣнія, основанныя Федіемъ въ Римѣ, Франциномъ Антоніемъ Пистокки въ Болоніи, Франциномъ Реди во Флоренціи, Іосифомъ Фердин. Бривіо въ Миланѣ, Франциномъ Пели въ Моденѣ, Іосифомъ Амадори въ Римѣ, Домин. Джицци, Никол. Порпора, Леонардомъ Лео и Франц. Фео въ Неаполѣ, еще существовали и утверждались болѣе и болѣе своими воспитанниками. Въ Венеціи было пять Консерваторій, подъ названіемъ della Pietà, de' Mendicanti, degl' Incurabili, и Ospedaletto Св. Іоанна и Св. Павла; въ Неаполѣ три: Santo Onofrio, la Pietà, и Santa-Maria di Loreto. Въ Миланѣ, Бюрней слушалъ въ одинъ день три музыкальныя обѣдни и двѣ вечерни, въ пяти разныхъ церквахъ. Концерты идутъ одинъ за другимъ съ такою-же быстротою. Въ Падуѣ, въ капеллѣ Св. Антонія, каждый день играли сорокъ музыкантовъ, въ числѣ коихъ были отличнѣйшіе ученики Тартини, и виртуозы Гваданьи и Казати; по Воскресеньямъ, это число удвоивалось, и сверхъ того, въ городѣ было четверо органистовъ, которые могли отлично хорошо играть на четырехъ превосходныхъ органахъ, украшавшихъ

Digitized by Google

хоры церкви. Церковь Св. Марка въ Венеціи постоянно имѣла искусныхъ капельмейстеровъ, начиная съ Царлино до Галуппи. Тогда въ семъ городѣ каждый день представляли при оперы важныя и четыре буффы. Сверхъ того, во всѣхъ церквахъ, во всѣхъ монастыряхъ, женскихъ и мужскихъ, были музыкальныя обѣдни, и въ каждой Консерваторіи, каждый вечеръ разыгрывали музыку оркестромъ. Но, такова была страсть Венеціянъ къ Музыкѣ, что вездѣ присутствовало множество народа. Всего удивительнѣе, что исполненіе было вездѣ хорошее. Въ Болоніи, Фаринелли, отецъ Мартини и воспитанники его: Цаноттн, Габріель Виньоли, Оттани и Орсони, всѣ превосходные сочинители Церковной Музыки, были искусные люди, умѣвшіе возбуждать вниманіе. Оркестръ и пѣвцы въ соборной церкви состояли болѣе нежели изо ста человѣкъ. Во Флоренціи, Сіеннѣ, Пизѣ, находилось множество отличныхъ артистовъ во всѣхъ родахъ. Папская Капелла въ Римѣ обладала тогда самыми прелестными голосами soprano, и музыка, которою управлялъ Санпарелли, была въ ней превосходна. Неаполь находился на верху своей музыкальной славы; однимъ словомъ: тогда можно было назвать Италію *Классическою страною Музыки*. Противопоставимъ этой картинѣ другую: картину Италіи нынѣшней.

Digitized by Google

Едва протекло двадцать четыре года со времени пушешествія Бюрнея, когда разразилась Французская Революція: Ишалію наводнили наши (Французскія) войска; она сдѣлалась театромъ нашихъ успѣховъ и пораженій. Попеременно занимаемая Французами, Австрійцами, Русскими, несчастная страна сія была семь лѣтъ мѣстомъ перехода, по всѣмъ направленіямъ, и опустошенія солдатъ, иногда побѣдишелей, иногда побѣжденныхъ. Устрашенные опасностями, лучшіе артисты, пѣвцы или композитёры, удалились изъ своей земли и перенесли свои дарованія ко Дворамъ Германіи, Россіи, Испаніи, Португаліи, и въ Англію. Уничтоженіе многихъ монастырей и поборы съ духовенства, разсѣяли церковныхъ музыкантовъ и уничтожили Церковную Музыку. Въ Венеціи, лишенной прежняго блеска, большая часть консерваторій и театровъ были заперты; несогласія Рима съ Франціею и увезеніе двухъ Папъ, Пія VI и Пія VII, были причиной такого-же разстройства для музыкальныхъ заведеній, и особенно для Папской Капеллы; различные перевороты въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, перенесеніе Двора въ Сицилію, водвореніе и паденіе новой династіи, нанесли училищамъ Неаполитанскимъ удары, отъ коихъ они не могли оправиться; наконецъ, политическая значишельность нынѣшней Ишаліи, привязанность

Digitized by Google

къ идеямъ инаго порядка, замѣнившая любовь къ Искуствамъ, и несчастныя событія послѣдняго времени, довершили гибель вкуса къ глубокимъ изученіямъ, разрушили преданія, и отняли всѣ средства снова создать храмъ Музыки, подобный прежнему.

Я изобразилъ нынѣшнее состояніе Драматической Музыки и нынѣшнихъ композиторовъ, въ сравненіи съ временами Бюрнея. Стиля церковнаго нѣтъ вовсе, по признанію самыхъ жаркихъ энтузіастовъ модныхъ новостей. Одинъ Маиръ поддерживаетъ нѣкоторое достоинство въ этомъ родѣ Музыки. Стиль органа испорченъ не менѣе, и органистовъ съ дарованіями почти нѣтъ. Единственныя пьесы, слышимыя нынѣ во всѣхъ церквахъ Италіи передъ дароприношеніями (aux offertoires) или при Magnificat, суть Россиніевы увертюры. Даже не вѣрятъ, не думаютъ, чтобы можно было играть что нибудь иное!

Училища также очень неудовлетворительны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Наполеонъ учредилъ Музыкальный Лицей въ Болоніи. Отецъ Станиславъ Маттеи, достойный воспитанникъ Отца Мартини, назначенъ былъ директоромъ для образованія молодыхъ композиторовъ. Прежнее, хорошее ученіе поддерживалось въ этомъ училищѣ, покуда онъ былъ живъ; но по смер-

Digitized by Google

ти его, мѣсто директора было занято людьми бездарными, и вскорѣ не останется слѣда знаменитой школы, основанной Отцомъ Мартини. Музыкальный Институтъ въ Бергамо, учредившійся не раньше 1805 года, находится подъ управленіемъ Маира. Этотъ ученый музыкантъ достоинъ своего мѣста; но Бергамо не такой городъ для Музыки, какъ Неаполь или Венеція, и потому училище не отличается успѣхами, какіе имѣло-бы оно въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ. Консерваторія Миланская основана въ 1807 году. Бонифацій Азіоли былъ назначенъ для образованія оной и много лѣтъ самъ преподавалъ тамъ ученіе: человѣкъ силы не огромной, однакожъ орелъ въ сравненіи съ занявшими его мѣсто. Миноіа, поступившій на мѣсто Азіоли, когда сей удалился на свою родину, въ Корреджіо, былъ довольно хорошій учитель пѣнія, но контрапункцію зналъ поверхностно, хотя и писалъ о ней. Послѣ смерти его, Федеричи сдѣлался и остается донынѣ директоромъ сего заведенія. Станется, что онъ былъ-бы хорошимъ учителемъ аккомпаньемана; но давать уроки въ строгомъ стилѣ контрапункціи, не его дѣло.

Всѣ Неаполитанскія Консерваторіи исчезли: ихъ замѣнилъ Королевскій Коллегіумъ Музыки, управляемый Николаемъ Цингарелли. Цингарелли

Digitized by Google

родился въ Неаполѣ, въ 1752 году, по словамъ нѣкоторыхъ біографовъ, или въ Миланѣ, въ 1760, если вѣрить Герберу (Neues Lexicon der Tonkünstler). Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ поступилъ въ Лорештскую Консерваторію и учился тамъ, подъ руководствомъ Фенароли. Оставивъ Консерваторію, онъ окончилъ ученіе вмѣстѣ съ Сперанца. Первымъ драматическимъ сочиненіемъ его былъ *Монтецума*, представленный въ Неаполѣ, въ 1781 году. Послѣ, онъ писалъ для большей части Итальянскихъ театровъ. Въ 1789 году, пріѣхавъ во Францію, онъ сочинилъ для Большой Оперы *Антигону*, но она имѣла не много успѣха. По возвращеніи въ Италію, онъ былъ назначенъ Капельмейстеромъ Миланской соборной церкви. Въ 1804 году, поступивъ на мѣсто Гульиельми дирижёромъ Папской Капеллы, онъ сохранилъ сіе званіе до самаго назначенія своего директоромъ Королевскаго Коллегіума Музыки, въ Неаполѣ. Главнѣйшія сочиненія его: Montezuma, Ines de Castro, Clitemnestra, il Bevitor Fortunato, Pirro, Romeo e Giulietta, la Distruzione di Gerusalemme, Mitridate, il Ratto delle Sabine, il Conte de Saldagna, il Trionfo di Davide, la Secchia Rapita, Meleagro, Telemacco, кантата, въ Миланѣ, 1785; Rucimero, въ Венеціи, 1785 года; Armida, въ Римѣ, 1786; la Morte di Cesare, въ Миланѣ, 1791; il Mercato di Monfre-

Digitized by Google

goso, въ Вѣнѣ, 1793; l'Oracolo de' Sanniti, въ Неаполѣ, 1805; Ifigenia, Artaserse, Apelle e Campaspe, il Ritratto; шакже много Музыки Церковной, особенно прелестный Miserere для четырехъ голосовъ, который поютъ въ Римской Капеллѣ Канониковъ. Цингарелли менѣе достоинъ хвалы какъ дирекшоръ Королевскаго Коллегіума, нежели какъ сочинишель Музыки. Онъ очень спаръ и не можетъ принимашь живаго участія во ввѣренномъ ему заведеніи; особенноже ошвлекаешъ его ошъ попеченій, коихъ шребуешъ подобное управленіе, необыкновенная набожность. Триппо, или Триппа, послѣдній ученикъ Дюранте и спарый Неаполишанскій учишель, сохранялъ еще преданія старой школы. Долго бывши учителемъ въ Консерваторіи Pietà de Turchini, онъ преподавалъ уроки въ Коллегіумѣ; но, въ Сенпябрѣ 1824, онъ умеръ въ Неаполѣ, на 91 году жизни. Съ нимъ угасла послѣдняя искра священнаго огня, поддерживавшагося полшора вѣка. Всего лучше показываешъ нынѣшній упадокъ Музыки въ Иналіи то, что послѣ смерши Триппо не нашлось ни одного человѣка, способнаго замѣнишь его, и мѣсто сіе осшавалось не занятымъ, покуда не поступилъ на оное — за неимѣніемъ лучшаго — Раймонди. Между пѣмъ, ученики разбрелись, и во дворахъ училища два года не было никого кромѣ Авсшрійскихъ солдашъ, коюрые произ-

Digitized by Google

водили тамъ ученье. Можетъ быть, что въ Италіи есть еще нѣсколько старыхъ музыкантовъ, посвященныхъ въ прежнее знаніе Музыки; но презрѣніе современниковъ къ основательному ученію пугаетъ ихъ, и они остаются въ безвѣстности.

Италія славилась непрерывнымъ рядомъ теоретиковъ и писателей-музыкантовъ, составлявшихъ славу ея, начиная отъ Гаффоріо до Отца Саббатини (отъ 1480 до 1801). Но въ послѣднія двадцать пять лѣтъ не издано ни одного, сколько нибудь замѣчательнаго сочиненія о гармоніи, контрапункціи, или какой нибудь части Исторіи или Литтературы Музыкальной; развѣ издано что нибудь писанное иностранцами.

Итальянскіе скрыпачи не пользуются прежнею славою; однакожъ многіе изъ нихъ еще поддерживаютъ достойнымъ образомъ свою извѣстность. Ролла, Полледро, Ровелли, конечно гораздо ниже Тартини, Пуньяни, Нардини, Віотти, ниже и Бальо, Лафона, Беріо; но все еще это люди съ большимъ дарованіемъ.

Николай Паганини человѣкъ особенный въ своемъ искуствѣ, такъ-же какъ Россини въ своемъ. Онъ родился въ 1783 году, въ Генуѣ, гдѣ отецъ его служилъ при портѣ. Съ шести лѣтъ онъ показалъ такія способности въ игрѣ на

Digitized by Google

скрыпкѣ, что къ нему пригласили учителемъ Джіованни Серветтo, посредственнаго скрыпача. Но Паганини оставался съ нимъ не долго. Джіакомо Коста, очень хорошій дирижёръ оркестра и первый скрыпачъ главныхъ церквей Генуэзскихъ, принялъ на себя музыкальное воспитаніе Паганини и способствовалъ его быстрымъ успѣхамъ. Въ это время Александръ Ролла справедливо почитался первымъ скрыпачемъ въ Италіи. Паганини, бывши еще дитятемъ, страстно желалъ вступить подъ руководство этого искуснаго человѣка; онъ тихонько оставилъ Генуу и отправился въ Миланъ, удовлетворить своему давнему желанію. Но его геній, рожденный произвести переворотъ въ Искуствѣ, не могъ склониться подъ обычныя формы предшествовавшей школы. Часто вспыхивали между воспитанникомъ и учителемъ споры за нововведенія, которыя уже предвозвѣщалъ первый, не могши еще выполнять ихъ удовлетворительно, но которыя осуждалъ строгій вкусъ втораго. Вскорѣ Паганини одинъ занялся разысканіями, занимавшими его, и съ тѣхъ поръ составилъ себѣ планъ ученія, извѣстнаго подъ его именемъ. Онъ предположилъ себѣ трудности, которыя самъ побѣждалъ только усиленнымъ трудомъ.

Одно замѣчательное событіе оставалось донынѣ безъизвѣстнымъ, именно то, что Пагани-

Digitized by Google

ни вдругъ прервалъ свои изысканія о возможности увеличить пособія скрыпки, и рѣшительно занялся изученіемъ твореній Корелли, Вивальди, Тартини, Пуньяни и Віотти, чтобы узнать практически пособія своего инструмента. Впослѣдствіи онъ ознакомился съ трудами Французскихъ виртуозовъ на скрыпкѣ.

Въ 1805 году Паганини, въ качествѣ дирижёра оркестра и концертиста, вступилъ въ службу къ сестрѣ Наполеона, Элизѣ, бывшей Принцессѣ Луккской и Піомбинской. Онъ побился объ закладъ, и, однимъ вечеромъ, управляя оперою игралъ сверхъ того соло на скрыпкѣ, только съ двумя струнами (третьею и четвертою). Это было началомъ тѣхъ странныхъ усилій, которыя онъ послѣ привыкъ дѣлать на своемъ инструментѣ, и въ молодости своей употреблялъ ихъ во зло, до такой степени, что сами Итальянцы почитали это шарлатанствомъ. Когда Принцесса Элиза сдѣлалась Великою Герцогинею Тосканскою, Паганини послѣдовалъ за нею во Флоренцію, гдѣ и былъ предметомъ фанатическаго удивленія. Дарованіе его развивалось болѣе и болѣе, но онъ еще не умѣлъ управлять онымъ. Въ 1810 году въ первый разъ, въ придворномъ концертѣ, игралъ онъ варіяціи на одной четвертой струнѣ, которую возвелъ, посредствомъ гармоническихъ звуковъ, до трехъ

Digitized by Google

окшавъ. Эша новосшь была награждена величайшимъ успѣхомъ, особенно когда онъ показалъ ее публикѣ, въ концершѣ, данномъ имъ въ Пармѣ, 16 Августа 1811 года.

Оркестры Итальянскіе аккомпанируютъ довольно хорошо, и на духовыхъ инструментахъ играютъ въ нихъ порядочно: но это почти все Нѣмцы. Надобно однакожь исключить оркестры Римскихъ театровъ, по признанію композиторовъ Итальянскихъ, весьма плохіе.

Поговоримъ о пѣвцахъ. Теперь уже не то время, когда двадцать теноровъ, столько-же контральто и сопрано первостепенныхъ, и сорокъ или пятьдесятъ второстепенныхъ, которые стали-бы гораздо выше нынѣшнихъ прославляемыхъ, въ одно время блистали не только на театрахъ Италіи, но и во всей Европѣ. Нѣкому замѣнить Паккіароши, Маркези, Крешентини. Вижу, что я долженъ заняться вопросомъ щекотливымъ, касающимся двухъ противоположныхъ выгодъ: человѣчества и музыкальнаго Искуства.

Обычай уродовать дѣтей, для пріобрѣтенія плѣнительныхъ голосовъ сопрано, столько изумлявшихъ въ Каффарелли, Сенезино, Паккіароши, и другихъ, существовалъ съ давняго времени въ Римской Области и въ одной части

Digitized by Google

Неаполитанскаго Королевства (*), хотя Папское Правительство, съ явнымъ противорѣчіемъ, запрещало сіе уродованіе, и въ тоже время употребляло пѣвцовъ, подвергшихся оному. Съ водворенія Французской власти въ Италіи, были приняты самыя строгія мѣры для прекращенія этого безчестія человѣчеству: оно и прекратилось; но вмѣстѣ съ нимъ исчезли пѣвцы: Велути, вѣроятно, будетъ послѣдній.

Самое замѣчательное свойство голосовъ *сопрано* есть *выдержаніе* естественнаго *звука*, не теряемое пѣвцами даже въ старости. Это *выдержаніе голоса* (mise de voix, messa di voce), или искуство производить звукъ, доводить его до fortissimo и уменьшать до самаго нѣжнаго пѣнія, есть могущественнѣйшее средство для возбужденія живыхъ ощущеній въ Музыкѣ.

(*) Одинъ изъ отцовъ Ораторіи, по имени Джироламо, урожденецъ Перузскій, былъ первый пѣвецъ сего рода, находившійся при церкви: онъ вступилъ въ Папскую капеллу въ 1601 (см. *Santarelli*, della musica del santarrio e della disciplina de suoi cantori.). Однакожь Бальзамоне, Итальянскій канонистъ, говоритъ, что обычай сей существовалъ еще въ XII-мъ столѣтіи. Вотъ его слова: Olim cantorum ordo, non ex eunuchis ut hodie fit, constituebatur, sed ex eis qui non erant hujus modi scholae, et concilio Trullano. (*Can.* IV.).

Digitized by Google

Это искусство совершенно потеряно въ наше время. Пѣвцы, о которыхъ я говорю, обыкновенно занимались преподаваніемъ пѣнія уже оставивъ театръ, и заставляли своихъ учениковъ посредствомъ труда пріобрѣтать то драгоцѣнное качество, которымъ сами обладали естественно, зная совершенно и механизмъ онаго. Отъ того, въ осмнадцатомъ столѣтіи было множество превосходныхъ пѣвцовъ во всѣхъ родахъ. Но, не стало причины, не будетъ и дѣйствія. Я не говорю, что̀ должно дѣлать: говорю только что̀ есть. Назначеніе Крешентини Профессоромъ пѣнія въ Неаполитанскій Музыкальный Коллегіумъ возбудило много надеждъ; но худое управленіе удалило изъ сего заведенія учениковъ, и Крешентини при своемъ мѣстѣ пользуется только названіемъ и жалованьемъ. Въ подтвержденіе мнѣнія своего о пользѣ кастратовъ, обучающихъ пѣнію, скажу только вотъ что: школа, которою блистаетъ дарованіе Г-жи Пизарони, превосходна; въ этомъ согласны всѣ; а этимъ превосходствомъ она обязана урокамъ двухъ *сопрано*.

Бенедетта Розамунда Пизарони родилась въ Піаченцѣ, въ 1793 году. Первымъ ея учителемъ музыки былъ Пино. Двѣнадцати лѣтъ вступила она подъ руководство *сопраниста* Москини, бывшаго въ службѣ Вице-Короля Ита-

Digitized by Google

лійскаго; въ Миланѣ, изучившись у него искусству пѣнія по правиламъ прежней школы, она пользовалась совѣтами Маркези, который взялся образовать ея вкусъ; выгоды, полученныя ею отъ уроковъ сихъ двухъ учителей, были таковы, что не смотря на самое противное шѣлосложеніе и недостатки голоса, неблагодарнаго и крикливаго въ высшихъ нотахъ, публика и знатоки повсюду принимали ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Послѣ перваго своего дебюта въ Бергамо, въ 1811 году, она съ тріумфомъ являлась на всѣхъ театрахъ Италіи.

Исключая сію виртуозку, и Г-жу Пасту (которая больше замѣчательна своею страстною игрою, нежели чистотой пѣнія), да Гг. Велути, Рубини, Галли и Лаблаша, все что нынѣ является на сценѣ — посредственно въ большей или меньшей степени, не исключая самого Давида, хотя у него бываютъ минуты увлекательныя, и хотя голосъ его прелестенъ. Онъ презираетъ всѣ правила, всѣ ограниченія, и почти всегда кидается въ такія излишнія фіоритуры, что онѣ похожи на дурачество. Будучи сыномъ искуснаго пѣвца (Джіакомо Давида), онъ могъ составить себѣ методу чистую, Классическую, но рукоплесканія на первыхъ дебютахъ погубили его. Эстерь Момбелли хорошая музыкантша; въ ней есть сила, и она производитъ эффектъ

Digitized by Google

въ многоголосныхъ отрывкахъ; но за то она не знаетъ никакой школы и не умѣетъ фразировать аріи. Есть еще нѣсколько пѣвцовъ старой школы; они поютъ; но преклонныя лѣта не даютъ имъ силъ противиться общему дурному вкусу. Однимъ словомъ, нынѣшнее состояніе пѣнія въ Италіи таково, что на всѣхъ первостепенныхъ театрахъ, первое мѣсто занимаютъ пѣвицы Французскія. Г-жа Менвьелль-Фодоръ затмила всѣхъ соперницъ своихъ въ Неаполѣ и Венеціи; Г-жа Мерикъ-Лаландъ, послѣ нея, получала не менѣе рукоплесканій; Г-жа Малибранъ, рожденная и воспитанная во Франціи, возлетѣла еще выше; Г-жи Шомель (нынѣ Г-жа Рубини) и Коломбель (Корельди) были превознесены во всѣхъ Итальянскихъ Журналахъ. Музыка, въ Италіи живущая пособіемъ чужестранцевъ, есть чудовищная аномалія!

Такое состояніе печально; однакожъ оно еще можетъ назваться цвѣтущимъ всравненіи съ тѣмъ, что будетъ впередъ, если обстоятельства не перемѣнятся, если не поспѣшатъ воспользоваться слабыми, остающимися пособіями, и если Правительства не постараются возстановить школъ. Что еще остается сноснаго, это плодъ прежнихъ воспоминаній; но когда угаснутъ сіи воспоминанія, тогда останется одна природная способность за-Альпійцевъ къ

Digitized by Google

Музыкѣ, и для одушевленія оной, надобно будетъ, какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, призывать чужеземцевъ.

Картина несчастнаго состоянія Музыки въ Италіи, мною начертанная, можетъ показаться слишкомъ рѣзкою. Въ подтвержденіе себѣ призываю свидѣтельство одного ученаго музыканта, много лѣтъ живущаго въ сей странѣ. Въ важномъ сочиненіи о Музыкѣ, изданномъ имъ въ послѣднее время, онъ помѣстилъ между прочимъ слѣдующія, замѣчательныя слова: Conviene però confessare che in oggi l'Italia non è più quella de'secoli passati, rispetto ai compositori, ai cantanti ed agli autori didattici, et la buona musica di Chiesa è ormai quasi del tutto scomparso. (Надобно однакожъ согласиться, что Италія уже не то, что̀ была въ прошедшемъ столѣтіи, относительно композиторовъ, пѣвцовъ и дидактическихъ сочинителей, и что Музыка Церковная тамъ почти вовсе не существуетъ).

Digitized by Google

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ КОТА МУРРА

и

ОТРЫВКИ БІОГРАФІИ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ІОГАННА КРЕЙСЛЕРА.

(Продолженіе.)

Котъ Мурръ.

. . . . . Разсказать о первоначальномъ воспитаніи и вообще первыхъ мѣсяцахъ юности моей еще многое.

И какъ это поучительно, какъ достопамятно, когда необыкновенный геній самъ разсказываетъ подробно все, что случилось съ нимъ въ юности, даже, по видимому, неважнаго. Впрочемъ, можетъ-ли быть *не важное*, когда оно относится къ генію? Все, что дѣлалъ онъ въ дѣтскія свои лѣта, и даже чего не дѣлалъ, все это отмѣнно важно, все проливаетъ ясный свѣтъ на внутренній смыслъ, на истинное направленіе его безсмертныхъ сочиненій. Пламенный юноша, еще не сознавшій своихъ душевныхъ силъ, оживляется, читая, что великій человѣкъ, бывши

Digitized by Google

ребенкомъ, также игралъ въ солдатики, объѣдался лакомствами, а иногда подвергалъ себя и побоямъ, за то что былъ лѣнивъ, непослушенъ, неловокъ. «Точно какъ я!» восклицаетъ одушевленный юноша и не сомнѣвается болѣе, что онъ также превеликій геній, подобный великимъ образцамъ.

Многіе сдѣлались героями читая Плутарха, или даже Корнелія Непота; многіе читали переводы Древнихъ Трагиковъ, да, мимоходомъ, Кальдерона, Шекспира, Гёте, Шиллера, и сдѣлались, если не великими поэтами, такъ очень миленькими стихотворцами, какихъ любятъ въ свѣтѣ. Я увѣренъ, что и мои сочиненія зажгутъ въ груди многихъ юныхъ, одаренныхъ умомъ и душой котовъ, искру поэзіи. Пусть какой нибудь благорожденный котенокъ возьметъ съ собою на крышу мои біографическіе разсказы, пусть вполнѣ пойметъ онъ высокія идеи этой книги, которую держу въ своихъ лапахъ, и онъ воскликнетъ одушевленный восторгомъ: Мурръ! божественный Мурръ! Величайшій изъ своего рода! Тебѣ, одному тебѣ я обязанъ всѣмъ! Твой примѣръ сдѣлаетъ меня великимъ.

Надобно похвалить Мейстера Абрагама за то, что при воспитаніи моемъ онъ не слѣдовалъ ни брошенной методѣ Базедова, ни ме-

Digitized by Google

тодѣ Песталоцци; онъ предоставилъ мнѣ безграничную свободу воспитывать себя, и хотѣлъ только, чтобы я соображался съ нѣсколькими основными правилами, которыя Мейстеръ Абрагамъ почиталъ необходимыми для поддержанія порядка. Онъ думалъ, что безъ нихъ все пришло-бы въ разстройство, началo-бы сталкиваться, сшибаться, драться, и однимъ словомъ — не могло-бы существовать. Понятіе объ этихъ правилахъ выражалъ онъ словомъ: вѣжливость *природная*, въ противоположность *искуственной*, которая велитъ говорить: покорнѣйше прошу извинить меня! если какой нибудь невѣжда столкнется съ вами, или ступитъ вамъ на ногу. Можетъ быть, такая вѣжливость нужна людямъ; но я не понимаю, для чего соображаться съ ней нашему роду? Вотъ почему я въ правѣ жаловаться на своего воспитателя, который внушалъ мнѣ эти основныя правила, но чѣмъ-бы вы думали? березовымъ прутомъ!.. Я убѣжалъ-бы отъ него, если-бы не былъ крѣпко привязанъ къ нему врожденною любовью къ истинной образованности..... Но Мейстеръ, своимъ несноснымъ березовымъ прутомъ, прежде всего отучилъ меня удовлетворять естественнымъ потребностямъ, тотчасъ какъ почувствуешь ихъ, не смотря на время и мѣсто.

Digitized by Google

Потомъ принялся онъ за мой аппетитъ, который, какъ я послѣ удостовѣрился, бываетъ слѣдствіемъ особеннаго душевнаго расположенія. Можетъ быть зависѣло и отъ психической организаціи странное расположеніе духа моего, только оно было причиной, что я отставлялъ не одно молоко, но даже и жаркое, мнѣ назначенныя, а вспрыгивалъ на столъ, и стаскивалъ себѣ то, что самъ хозяинъ мой хотѣлъ кушать. Розга была опять моею исправительницею. Теперь я самъ вижу, что Мейстеръ былъ правъ, истребляя эту наклонность. Я знаю, что многіе изъ добрыхъ моихъ собратовъ, хуже меня воспитанные и образованные, впали отъ нея въ самое несчастное положеніе и были удручены горемъ на всю свою жизнь. Напримѣръ, это не ложь, что одинъ молоденькій кошикъ не умѣлъ побѣдить своего желанія съѣсть кринку молока, и за то былъ принужденъ расплатиться потерею хвоста! Освистанный, осмѣянный, кончилъ онъ жизнь свою въ горькомъ одиночествѣ. Потому-то я благодарю Мейстера, что онъ отучалъ меня отъ такихъ склонностей; но не прощаю его, что онъ мѣшалъ и препятствовалъ моему стремленію къ Наукамъ и Искусствамъ.

Всего чаще приходилъ я въ комнату Мейсте-

Digitized by Google

ра для того, что въ ней былъ письменный столъ, заваленный книгами, рукописями и разными пречудными снарядами. Могу сказать, что этотъ столъ былъ для меня волшебнымъ кругомъ: я чувствовалъ себя въ немъ очарованнымъ, но еще не вовсе поддавался обаянію, по чувству какого-то страха. Наконецъ, однажды, хозяина моего не было дома: я превозмогъ страхъ и вспрыгнулъ на столъ. Какая роскошь, когда я очутился посреди рукописей, книгъ, и началъ въ нихъ рыться! Нѣтъ! не шалость и не любопытство: страшный, неутолимый голодъ учености заставилъ меня схватить одну рукопись, и я до шѣхъ поръ переворачивалъ ее, покуда передо мною остались одни лоскутки. Мейстеръ вошелъ, и увидѣвши что совершалось, вскричалъ оскорбленный: Ахъ, ты проклятая бестія! Онъ бросился ко мнѣ, и такъ немилосердо стегнулъ прутомъ, что я взвылъ отчаянно и ускочилъ подъ печку: цѣлый день не могли выманить меня оттуда никакимъ ласковымъ словомъ. Послѣ такого приключенія, кто не побоялся-бы слѣдовать и тѣмъ путемъ, на который увлекаетъ природа? Однакожь, когда я совершенно отдохнулъ отъ своей боли, то опять предался неодолимому влеченью и вскочилъ на письменный столъ. Правда, что одно восклицаніе Мейстера, одно слово, напримѣръ: «Прочь!» сгоняло меня со

Digitized by Google

стола, такъ что учиться было уже нѣкогда, но я все таки выжидалъ удобной минуты снова приняться за свое ученье, и эта минута скоро настала.

Приготовляясь идти со двора, Мейстеръ хотѣлъ выгнать меня изъ своей комнаты: видно, онъ еще помнилъ объ изорванной рукописи; но я такъ хорошо запрятался, что найдти меня ему не удалось. Только что вышелъ онъ, какъ я однимъ прыжкомъ вскочилъ на столъ, и разлегся на немъ, посреди бумагъ: это было мнѣ страхъ какъ пріятно. Ловко развернулъ я лапами книгу, довольно толстую, и попытался прочитать въ ней что нибудь. Сначала не удалось ни сколько; однакожь я не оставилъ своей попытки, выпаращилъ глаза, и, глядя въ книгу, ожидалъ, чтобы нисшелъ на меня особенный геній и научилъ чтенію. Углубленнаго въ это занятіе, нашелъ своего кота Мейстеръ. «О ты, проклятая бестія!» закричалъ онъ и кинулся на меня. Спасаться было поздно: я склонилъ уши къ головѣ, сжался, какъ можно смиреннѣе, и уже чувствовалъ, что надо мною занесенъ прутъ. Но Мейстеръ вдругъ остановился, прыснулъ смѣхомъ и громко сказалъ мнѣ: — Кошъ! Что это? Читаешь?... Я не запрещаю тебѣ читать. Да что въ тебѣ за страсть къ ученью? — Онъ взялъ у меня изъ-подъ лапъ кни-

Digitized by Google

гу, поглядѣлъ въ нее, и захохоталъ громче прежняго. — Ну, право, — сказалъ онъ потомъ — я готовъ вѣрить, что ты самъ вообразилъ себѣ ручную библіотеку, потому что могла-ли иначе эта книга очутиться на моемъ письменномъ столѣ? Читай, читай!.. учись прилежно, мой котикъ. Иногда можешь и замѣтку сдѣлать, въ важныхъ для тебя мѣстахъ: позволяю тебѣ.—Тутъ онъ положилъ снова передъ меня раскрытую книгу. Послѣ я узналъ, что это было сочиненіе Книгге *Объ обращеніи съ людьми*. Изъ сей превосходной книги почерпнулъ я много мудрости. Она совершенно согласна съ моими понятіями и вообще отлично пригодна для всѣхъ котовъ, желающихъ играть роль въ человѣческомъ обществѣ. Кажется, что направленія этой книги до сихъ поръ не замѣтили, и отъ того иногда говорили несправедливо, будто человѣкъ, который станетъ во всемъ соображаться съ ея правилами, непремѣнно будетъ вездѣ ничтожнымъ, пустымъ педантомъ.

Съ этого времени Мейстеръ Абрагамъ не только позволялъ мнѣ сидѣть на своемъ столѣ, но еще бывалъ радъ, если я вскочу туда, когда самъ онъ пишетъ, и разлягусь посреди бумагъ.

Онъ, по привычкѣ своей, не рѣдко читывалъ вслухъ. Я не упускалъ случая такъ подсѣсть

Digitized by Google

къ нему, чтобъ глядѣть въ книгу; а какъ природа наградила меня чрезвычайно быстрыми глазами, то это и не могло безпокоить моего хозяина. Сличая съ письменными знаками слова, которыя онъ выговаривалъ, я очень скоро выучился читать. Кому покажется это немножко невѣроятно, тотъ не знаетъ, какимъ геніемъ надѣленъ я отъ природы. Геніи, понимающіе меня и знающіе мои достоинства, не будутъ сомнѣваться въ моей образованности, которая можетъ быть равна ихъ собственной. Кстати могу замѣтить здѣсь весьма важную вещь, о способности понимать языкъ человѣческій. Я съ полнымъ самосознаніемъ удостовѣренъ, что совершенно самъ не знаю, какъ пришла ко мнѣ эта способность! Тоже должно происходить и съ людьми; впрочемъ, это и не удивляетъ меня, потому что ихъ родъ, въ дѣтскія лѣта гораздо глупѣе и безпомощнѣе нашего. По крайней мѣрѣ никогда не случалось мнѣ, бывши маленькимъ котенкомъ, выцарапать себѣ глаза, взяться за огонь, за свѣчку, или съѣсть ваксу вмѣсто вишеннаго варенья. А все это случается съ маленькими человѣчками.

Когда я сталъ читать бѣгло и каждый день набивалъ себя чужими мыслями, во мнѣ родилось непреодолимое желаніе вырвать изъ забвенія и свои собственныя мысли, порожденіе моего генія. Для этого надобно было обратиться къ

Digitized by Google

трудному искусству писать. Но сколько ни присматривался я къ рукѣ моего хозяина, когда онъ писалъ, никакъ не удавалось мнѣ подсмотрѣть, въ чемъ состоитъ этотъ механизмъ. Я изучалъ старика Гильмара Кураса, единственную книгу прописей, бывшую у Мейстера, и былъ едва, едва не готовъ думать, что неразгаданныя трудности искусства писать, можно преодолѣть только большими манжетами, которыми окутана пишущая рука, изображенная надъ прописями; если-же мой хозяинъ писалъ и безъ манжетъ, то это была уже особенная способность, похожая на ту, какою обладаетъ искусный плясунъ по канату, танцующій наконецъ и безъ шеста. Я съ зависстью смотрѣлъ на манжеты; уже я хотѣлъ разорвать ночной чепецъ нашей ключницы и употребить его въ дѣло, какъ вдругъ, въ минуту восторга, бывающую у геніевъ, мнѣ представилась великая мысль, которая разрѣшила все. Я предполагалъ, и не ошибся въ томъ, что намъ, котамъ, не льзя держать пера или карандаша такъ, какъ держитъ ихъ мой хозяинъ, и что это зависитъ отъ различнаго образованія нашихъ рукъ. Я долженъ былъ изобрѣсти особенный почеркъ, сообразный устроенію моей правой лапы, и, что можно угадать — изобрѣлъ его. Такъ отъ различной организаціи *индивидуумовъ* (отдѣльныхъ лицъ), возстаютъ новыя системы.

Digitized by Google

Другая несносная для меня трудность была — обмакивать перо въ чернила. Никакъ не могъ я при этомъ уберечь своей лапы: она всегда входила въ чернилицу, вмѣстѣ съ перомъ, и отъ того первыя черты, написанныя болѣе лапою чѣмъ перомъ, казались и широки и неуклюжи. Потому, непонятливые принимали мои первыя рукописи даже просто за бумагу, окапанную чернилами. Но геніи легко угадаютъ геніяльнаго кота и въ первыхъ его произведеніяхъ; они будутъ удивляться, будутъ выходить изъ себя, видя глубину и полноту ума, съ коими явился онъ въ міръ съ самаго начала. Не хочу, чтобы свѣтъ спорилъ нѣкогда о хронологическомъ послѣдованіи моихъ безсмертныхъ сочиненій, и потому скажу здѣсь, что прежде всего я написалъ философско-сантиментально-дидактическій романъ: *Мысль и предчувствіе, или котъ и собака.* Уже это сочиненіе могло-бы обратить на себя необыкновенное вниманіе. Потомъ, бывши способенъ ко всему, я написалъ политическое разсужденіе, подъ заглавіемъ: *О мышеловкѣ и вліяніи оной на чувствованія и дѣятельную силу кошачьяго рода.* За тѣмъ, чувствуя въ себѣ расположеніе къ трагедіи, я написалъ: *Мышій Король Кавдаллоръ.* И эта трагедія могла-бы выдержать безчисленное множество представленій на всѣхъ возможныхъ театрахъ, и всегда имѣла-бы самый громкій успѣхъ. Мои полныя со-

Digitized by Google

чиненія должны начинаться этимъ высокимъ произведеніемъ творческаго духа; а по какому случаю было оно написано, объ этомъ я скажу въ приличномъ мѣстѣ.

Когда я научился держать перо, такъ что лапа моя уже не пачкалась чернилами, тогда, разумѣется, и слогъ мой сталъ пріятнѣе, милѣе, чище; я преимущественно работалъ для Альманаха Музъ, и писалъ разныя премилыя сочиненія; но, впрочемъ, скоро сдѣлался я по характеру человѣкомъ прелюбезнымъ—каковъ и донынѣ. Почти въ тоже время сочинилъ я эпическую поэму въ двадцати четырехъ пѣсняхъ; но послѣ я обратилъ ее на другое: за это Аріостъ и Тассъ должны и въ гробѣ благодарить небо. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы я выпустилъ изъ своихъ когтей эпическую поэму, то ихъ никто-бы не сталъ читать.

Теперь приступаю къ. . . .

Макулатурные листы изъ Біографіи Крейслера.

2-й Отрывокъ.

. . . . Для лучшаго уразумѣнія необходимо изложить тебѣ, благосклонный читатель, все состояніе дѣлъ, яснымъ и понятнымъ образомъ.

Кто хоть однажды заѣзжалъ въ гостинницу прелестнаго городка Зиггаршсвейлеръ, тотъ вѣрно слыхалъ о Князѣ Иренеусѣ. Особенно

Digitized by Google

если путешественникъ заказывалъ хозяину блюдо форелей, которыя тамъ превосходны, то непремѣнно получалъ въ отвѣтъ: «Да, сударь! и нашъ Всемилостивѣйшій Князь кушаетъ ихъ съ удовольствіемъ; а я могу приготовить вамъ эту вкусную рыбу точно такъ, какъ готовятъ ее при Дворѣ.» Между тѣмъ, изъ новѣйшихъ Географій, ландкартъ, и Статистическихъ извѣстій, образованный человѣкъ зналъ только то, что городокъ Зиггартсвейлеръ, вмѣстѣ съ Гейертштейномъ и съ округою, давно включенъ въ то Гроссъ-Герцогство, черезъ которое нашъ путешественникъ проѣзжаетъ теперь; и такъ, не мало долженъ былъ онъ удивиться, нашедши тутъ Всемилостивѣйшаго Князя и Дворъ! Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Князь Иренеусъ, нѣкогда, точно владѣвалъ миловидною землицею, вблизи отъ Зиггартсвейлера. Посредствомъ хорошей Доллондовой трубы, онъ могъ осматривать всѣ свои владѣнія сидя въ бельведерѣ своего замка; слѣдственно, не льзя было ему не знать всего добраго и худаго о своемъ государствѣ и о счастіи вселюбезныхъ подданныхъ. Онъ могъ ежеминутно получать свѣдѣнія, какова пшеница у Петра, въ отдаленнѣйшей части владѣній, и хорошо-ли обрабатываютъ свои виноградники Кунцъ и Гансъ? Говорятъ, будто Князь Иренеусъ, прогуливаясь за границу, выронилъ свое государство изъ кармана;

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ извѣстно, что при новомъ, и во многомъ пополненномъ изданіи упомянутаго Гроссъ-Герцогства, земля Князя Иренеуса была приписана и причислена къ этому Герцогству. Его избавили отъ труда правительствовать, однакожь дали ему довольно богатый участокъ изъ доходовъ прежде бывшей его земли, и предоставили проживать этотъ доходъ въ томъ-же миловидномъ Зиггартсвейлерѣ.

Князь Иренеусъ обладалъ еще, кромѣ земли, значительною суммою денегъ, которыя и были у него оставлены неприкосновенно. Такимъ образомъ, изъ маленькаго земнаго владыки, онъ вдругъ превратился въ значительнаго частнаго человѣка, и могъ по собственной волѣ располагать своимъ житьемъ, какъ вздумается.

Князь Иренеусъ имѣлъ славу отлично образованнаго Государя, который любитъ Науки и Искусства. Прибавимъ къ тому, что онъ много разъ чувствовалъ всю тяжесть правительственнаго бремени, даже, какъ говорили нѣкогда, онъ изложилъ прелестными стихами романическое желаніе обитать въ маленькомъ домикѣ, при журчащемъ ручьѣ, посреди домашнихъ животныхъ, и вести уединенную, идиллическую жизнь procul negotiis. Послѣ сего могли думать, что онъ забудетъ свою владѣтельную особу и станетъ устроиваться смиреннымъ домашнимъ

Digitized by Google

хозяйствомъ, что очень возможно для богатаго, независимаго частнаго человѣка. Но вышло совсѣмъ иное!..

Право, любовь знатныхъ людей къ Искуству и Наукамъ можно почитать только непремѣнною частью придворной жизни. Приличіе требуетъ имѣть картины и слушать музыку; да и что подумали-бы, еслибъ придворный переплетчикъ былъ безъ дѣла и не одѣвалъ безпрерывно всю новѣйшую литературу золотомъ и кожею? Но если такая любовь есть непремѣнная часть придворной жизни, то съ сею послѣднею должна проходишь она, и не можетъ она доставлять самобытнаго утѣшенія тому, кто потерялъ тронъ.

Князь Иренеусъ не разстался ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: онъ не оставилъ ни придворной жизни, ни Наукъ, ни Искуствъ, потому что умѣлъ облечь всю свою жизнь сладостнымъ сновидѣніемъ, въ которомъ дѣйствовалъ онъ самъ и весь Зиггартсвейлеръ.

Какъ настоящій владѣтельный государь, онъ сохранилъ весь свой придворный штатъ, какъ то Государственнаго Канцлера, Контролера финансовъ, и проч. и проч.; раздавалъ ордена, давалъ аудіенціи и балы придворные, на которыхъ, по большой части, бывало отъ двѣнадца-

Digitized by Google

ти до пятнадцати человѣкъ, потому что у него допускались ко Двору гораздо спроже, нежели при большихъ Дворахъ. И городокъ его былъ такъ добръ, что ложный блескъ этого мечтательнаго Двора казался ему въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то важнымъ и почетнымъ. Добрые жители называли Князя Иренеуса своимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ, освѣщали городъ въ день его именинъ, и въ дни именинъ его семейства; были готовы охотно жертвовать собою для удовольствія его Двора, какъ Аѳинскіе граждане въ Шекспировой комедіи: *Сонъ въ лѣтнюю ночь.*

И правду сказать, что Князь Иренеусъ умѣлъ съ особеннымъ искуствомъ играть свою роль; умѣлъ и сообщить свою искуственную важность всѣмъ, окружавшимъ его. Напримѣръ, Княжескій Министръ финансовъ является въ Зиггартсвейлерскій клубъ. Что за глубокомысліе, что за таинственность! На челѣ его мрачныя облака; онъ поминутно погружается въ думу, и только по временамъ приходитъ въ себя. Едва смѣютъ громко говорить при немъ, и никто не смѣетъ шумно расхаживать. Бьетъ девятый часовъ; онъ вскакиваетъ, охватываетъ шляпу, и не смотря ни на какія увѣщанія, не хочетъ остаться. Съ гордою, многозначительною улыбкою увѣряетъ онъ, что его ждутъ дѣла, что

Digitized by Google

ему должно-бъ было сидѣть всю ночь за бумагами, чтобы приготовиться къ завтрашнему, весьма важному, послѣднему четырехъ-мѣсячному засѣданію Коллегіи. Онъ поспѣшно уходитъ и оставляетъ все общество въ благоговѣйномъ изумленіи отъ непостижимой великости и трудности его занятій. Но какое-жь это важное донесеніе, къ которому долженъ всю ночь приготовляться бѣдный, измученный человѣкъ? Это, записка о бѣльѣ изъ всѣхъ департаментовъ, кухни, столовой, гардероба, и проч. За протекшіе четыре мѣсяца, онъ, по своей обязанности, будетъ читать донесеніе о всѣхъ событіяхъ по дѣламъ бѣлья. — Опять, какъ сожалѣлъ весь городъ о бѣдномъ Княжескомъ Вагенмейстерѣ, хотя, пораженный высокою значительностью Княжеской Коллегіи, и приговаривалъ: Строго, но справедливо! Вагенмейстеръ, основываясь на полученныхъ имъ инструкціяхъ, продалъ негодную къ употребленію половину кареты. Финансовая Коллегія, подъ строжайшимъ взысканіемъ приказала ему, въ продолженіе трехъ дней извѣстить, гдѣ остается другая половина кареты, можетъ быть еще годная къ употребленію?

Но при Дворѣ Князя Иренеуса блистала одна необыкновенная звѣзда. То была Совѣтница Бенцонъ, вдова, лѣтъ за придцать, когда-то

Digitized by Google

красавица, и еще теперь не безъ прелестей, единственная особа, которой благородное происхожденіе было сомнительно, но которую Князь призналъ достойною находиться при его Дворѣ. Свѣтлый, проницательный разсудокъ, живой умъ, свѣтская опытность, и, всего болѣе, нѣкоторая холодность характера, необходимая для властвованія, давали ей обширную власть надъ всѣмъ окружавшимъ, такъ что собственно госпожа Совѣтница двигала всею кукольною игрою этого миніатюрнаго Двора. Ея дочь Юлія выросла вмѣстѣ съ Принцессою Гедвигою. Умственное образованіе Принцессы всегда зависѣло отъ Совѣтницы, до такой степени, что Княжеская дочь была какъ чужая въ семейномъ своемъ кругу, и особенно отличалась отъ своего брата. Въ самомъ дѣлѣ, Принцъ Игнатій былъ осужденъ вѣчно остаться ребенкомъ. . . .

Вмѣстѣ съ Совѣтницею, хотя совсѣмъ инымъ образомъ, былъ такъ-же какъ она всемогущъ, и такъ-же посвященъ во всѣ отношенія Княжескаго Дома, тотъ странный человѣкъ, котораго уже знаешь ты, благосклонный читатель: знаешь злаго чернокнижника и Maître de plaisir Иренеусова Двора.

Удивительнымъ образомъ замѣшался въ Княжескую фамилію этотъ Мейстеръ Абрагамъ!

Digitized by Google

Блаженной памяти родитель Князя Иренеуса былъ человѣкъ добрыхъ, простыхъ нравовъ. Онъ смекнулъ, что ему не надъ чѣмъ выказывать своего ума, и что трудно ему поправить, а легко испортить колеса своей маленькой государственной машины. И такъ онъ далъ дѣламъ идти, какъ они шли прежде него, и хотя послѣ этого ему не льзя было выказать отличнаго генія, или какого нибудь отличнаго дара небесъ, но онъ довольствовался тѣмъ, что въ его землицѣ каждому было хорошо, и что за границею съ его славой случилось тоже, что со славой женщинъ, которая тѣмъ неукоризненнѣе, чѣмъ менѣе говорятъ о ней. Дворъ Княжескій, правда, оставался церемоннымъ, тяжелымъ, готическимъ, и Князь не могъ понять многихъ славныхъ идей новаго времени, но это было уже слѣдствіемъ неподвижности подмостокъ, на которыя съ большими усиліями взгромоздили все Оберъ-Гофмейстеры, Гофмаршалы, Каммергеры, и прочіе придворные. Но и среди этихъ подмостокъ было движеніе, котораго никакъ не могли остановить ни Гофмейстеры, ни Гофмаршалы, а именно, врожденная Князю склонность къ чудесному, странному, таинственному. Онъ, по примѣру почтеннаго Халифа Гарунъ-Алъ-Рашида, переодѣтый, иногда хаживалъ по своему государству, чтобы удовольствовать, или по край-

Digitized by Google

ней мѣрѣ понапишешь свою склонность къ таинственному, рѣзко противорѣчившую всѣмъ остальнымъ его склонностямъ. Тогда онъ надѣвалъ круглую шляпу и сѣрый сюртукъ, знакомые всякому при первомъ взглядѣ, но въ которыхъ уже не надобно было узнавать Князя.

Однажды, переодѣвшись въ свой таинственный нарядъ, Князь пробирался по большой аллеѣ отъ замка, въ отдаленную сторону, къ одному маленькому домику, гдѣ жила вдова бывшаго Княжескаго повара. Передъ самымъ этимъ домикомъ увидѣлъ онъ двухъ человѣкъ: завернувшись въ плащи, они скрытно шли оттуда. Князь отошелъ къ сторонѣ. Здѣсь буду я говорить словами Княжескаго Исторіографа, который увѣряетъ, что если-бы Князь былъ и не въ сѣромъ сюртукѣ, а въ блестящемъ своемъ одѣяніи съ лучезарными звѣздами, то его и тогда-бы не замѣтили и не узнали, потому что уже наступила темная ночь. Оба одѣтые въ плащи прошли, тихими шагами, вплоть подлѣ Князя, который ясно разслушалъ слѣдующій разговоръ: — Ну, братъ, Ваше Превосходительство! Ради Бога ободрись, и не будь осломъ хоть на этотъ разъ. Надобно сжить съ рукъ этого человѣка, прежде нежели узналъ о немъ Князь: иначе, проклятый волшебникъ сядетъ намъ на шею, и своими сатанинскими

Digitized by Google

хитростями погубитъ насъ всѣхъ. — Другой отвѣчалъ: — Mon cher frère! Не горячись! Ты знаешь мою sagacité, мое savoir faire. Завтра я брошу этому опасному человѣку пару каролиновъ, и пусть его показываетъ свои штуки гдѣ хочетъ. Здѣсь его не будетъ. Сверхъ того, Князь...

Тутъ голоса потерялись въ отдаленіи, и Князь не могъ узнать, что думаетъ о немъ его Гофмаршалъ, потому что это были не иной кто, какъ Гофмаршалъ и его братъ, Оберъ-Егермейстеръ. Они вышли изъ домика и разговаривали такимъ образомъ. Князь узналъ ихъ обоихъ по голосу.

Разумѣется, что послѣ этого онъ поспѣшилъ открыть опаснаго человѣка, волшебника, котораго не хотѣли допустить до него. Онъ стучится въ дверь домика; вдова выходитъ со свѣчкою въ рукѣ, и, увидѣвши круглую шляпу и сѣрый сюртукъ Князя, спрашиваетъ съ холодною вѣжливостью: — Что вамъ угодно, сударь? — Князю всегда говорили: *сударь*, какъ скоро онъ былъ переодѣтъ и когда его не узнавали. Онъ освѣдомился у вдовы, не остановился-ли тутъ одинъ чужеземецъ, и узналъ, что этотъ чужеземецъ былъ какой-то фокусникъ, славный, извѣстный, со множествомъ аттестатовъ, одобреній, свидѣтельствъ, и что

Digitized by Google

онъ располагался показывать свои штуки. Вдова разсказала притомъ, что вотъ сей часъ были у нея двое придворныхъ господъ, которыхъ онъ до того изумилъ своими непостижимыми представленіями, что они ушли испуганные и растревоженные ужасно.

Не распрашивая болѣе, Князь вошелъ въ домъ. Мейстеръ Абрагамъ (ибо это былъ не иной кто) принялъ его, какъ давно жданнаго гостя, и заперся съ нимъ.

Неизвѣстно, что происходило между ими; но достовѣрно то, что Князь оставался съ нимъ всю ночь, и что на другой-же день была приготовлена въ замкѣ особенная комната, въ которой и поселился новый пришлецъ. Устроенъ былъ тайный переходъ изъ кабинета Князя, такъ, что черезъ оный можно было не замѣтнымъ образомъ приходить къ Мейстеру Абрагаму. И то достовѣрно, что Князь пересталъ называть Гофмаршала: mon cher ami, и никогда болѣе не заставлялъ Оберъ-Егермейстера разсказывать чудесную исторію о рогатомъ зайцѣ, котораго Оберъ-Егермейстеръ видѣлъ, но не могъ застрѣлить, во время перваго своего выѣзда на охоту. Это привело обоихъ братьевъ въ такое отчаяніе, въ такую тоску, что вскорѣ они оставили Дворъ. Наконецъ, достовѣрно еще и то, что Мейстеръ Абрагамъ удивлялъ Дворъ, городъ и все государство не

Digitized by Google

однѣми своими фантасмагоріями, но и уваженіемъ Князя, которое увеличивалось болѣе и болѣе.

О штукахъ Мейстера Абрагама разсказываетъ упомянутый Исторіографъ Иренеусова Дома такъ много невѣроятнаго, что повторять его слова боязно: не повѣрятъ. Однакожь знаете-ли, что̀ почиталъ Исторіографъ самою удивительною штукою, и даже вѣрилъ послѣ нея, что Мейстеръ Абрагамъ былъ въ связяхъ съ нечистыми силами? Ту акустическую игрушку, которая, подъ именемъ невидимой дѣвушки, такъ много занимала публику, но въ рукахъ Мейстера Абрагама была, съ самаго начала, гораздо остроумнѣе, непоняшнѣе, поразительнѣе, нежели послѣ, у другихъ.

Кромѣ того, многіе догадывались, что самъ Князь пустился съ Мейстеромъ Абрагамомъ въ кой-какія волшебства. Чего хотѣлъ онъ, объ этомъ было множество самыхъ смѣшныхъ, безразсудныхъ предположеній, пріятно занимавшихъ многихъ дамъ, Каммергеровъ и прочихъ дворскихъ людей. Впрочемъ, всѣ соглашались, что Мейстеръ Абрагамъ училъ Князя дѣлать золото, и ссылались при этомъ на дымокъ, иногда выходившій изъ трубы лабораторной комнаты; думали также, что онъ ввелъ его въ нѣкоторыя полезныя сношенія съ духами. Сверхъ того всѣ были увѣрены, что Князь не подписывалъ па-

Digitized by Google

шенна на званіе городоваго Старшины, и не рѣшался на прибавку жалованья своему истопнику, безъ того, чтобы не посовѣтоваться съ какимъ нибудь демономъ, или не посмотрѣть на звѣзды.

Когда старый Князь умеръ, и Князь Иренеусъ принялъ бразды правленія, Мейстеръ Абрагамъ удалился изъ его государства. Молодой Князь ни сколько ни наслѣдовалъ склонности своего отца къ чудесному и необычайному, и потому отпустилъ любимца его; но вскорѣ онъ увидѣлъ, что Мейстеръ Абрагамъ всего болѣе доказывалъ свою волшебную силу тѣмъ, что умѣлъ заклинать злаго духа, который слишкомъ охотно поселяется при маленькихъ Дворахъ, а именно, адскаго духа скуки. Кромѣ того, и уваженіе, какимъ пользовался Мейстеръ Абрагамъ отъ стараго Князя, оставило глубокое впечатлѣніе въ молодомъ Иренеусѣ. Бывали минуты, когда онъ почиталъ его существомъ не земнымъ, которое гораздо выше всего человѣческаго. Говорятъ, что это особенное чувство началось въ душѣ Князя со времени одного, незабвеннаго случая его юности. Бывши ребенкомъ, онъ съ дѣтскимъ, нахальнымъ любопытствомъ забрался однажды въ комнату Мейстера Абрагама, и, отъ шалости, разбилъ какую-то машинку, только что оконченную Мейстеромъ, съ большимъ прудомъ и иску-

Digitized by Google

ствомъ. Тотъ вышелъ изъ себя отъ такой истребительной неловкости: въ пылу гнѣва далъ бѣдному мальчику жестокую пощечину, и тотчасъ вышолкнулъ его въ корридоръ, по видимому не очень учтиво. Молодой Князь, обливаясь слезами, могъ выговорить только: — Abraham — soufflet — и послѣ этого испуганный Оберъ-Гофмейстеръ почелъ опаснымъ безумiемъ проникать глубже въ тайну, о которой онъ осмѣливался догадываться.

Князь вполнѣ чувствовалъ, что Мейстеръ Абрагамъ ему необходимъ, какъ оживляющiй геній для придворной машины; но долго были тщетны всѣ старанія возвратить его. Только послѣ несчастной прогулки Князя Иренеуса, когда Князь потерялъ свою землицу, и когда устроилъ свой карликашурный Дворъ въ Зиггаршсвейлерѣ, Мейстеръ Абрагамъ отыскался. Онъ не могъ придти болѣе кстати; ибо кромѣ того, что...

Конецъ втораго отрывка.

Digitized by Google

ОБЪ ИНДІЙСКОЙ ПОЭЗІИ,

и въ особенности объ одномъ эпизодѣ Магабхараты.

Поэзія Индійская богата эпическими поэмами: это произведенія превосходныхъ геніевъ, которые, какъ напримѣръ Калидасъ, современникъ Виргилія, жили въ эпоху высокой образованности. Но сіи благородныя созданія померкаютъ передъ двумя великими, народными эпопеями неизвѣстныхъ авторовъ, принадлежащими къ древности самой отдаленной. Вальмики, предполагаемый авторъ Рамайяны, древнѣйшей изъ сихъ поэмъ, и Віаза, сборщикъ Магабхараты, суть имена миѳологическія. Не льзя вообразить, чтобы сіи гигантскія эпопеи были изобрѣтеніемъ одного человѣка: тому противорѣчитъ ихъ объемъ, и еще болѣе ихъ природа. Въ Индіи видимъ тоже явленіе, какое представляютъ Греція и сочиненія Омира: это цѣлыя школы рапсодовъ или пѣвцовъ, составляющія истинныя училища, образованныя по примѣру училищъ древняго духовенства. Тамъ были соединены сила и геній умовъ, для прославленія въ эпическихъ поэмахъ геройской славы Королевскихъ поколѣній, воинскихъ фамилій и благородныхъ кастъ. Это были настоящія собранія Бардовъ, подчиненныхъ законамъ, особенному устройству, и читавшихъ свои поэмы передъ потомками воспѣваемыхъ ими геро-

Digitized by Google

евъ. По уничтоженіи древнихъ поколѣній, эпопеи, посвященныя ихъ славѣ, сдѣлались общею собственностью всѣхъ классовъ народа. Тогда исчезли и древніе рапсоды, и старинныя школы героическаго пѣнія, съ ихъ установленіями, обычаями, устройствомъ. Мѣсто ихъ заняли другіе рапсоды: странствующіе поэты, безъ искусства, но не безъ ремесла. Они ходили по городамъ и деревнямъ, читали древнія пѣснопѣнія, изобрѣтали и сами другія, новыя, не столь возвышенныя, и сею бродящею жизнію доставали себѣ пропитаніе. Таковъ былъ жребій Эпической Поэзіи и въ Греціи, доколѣ государственные люди не собрали намъ пѣсенъ Омировыхъ. Такова была судьба эпопей Героидскихъ, которымъ впослѣдствіи Фердуси далъ формы непогибающія. Нибелунги народовъ Германскихъ, собранныя Карломъ Великимъ, потерянныя и отысканныя много разъ, испытывали такія-же измѣненія. Въ Индіи было составлено особенное, правильное собраніе пѣсенъ Рамайяны и Магабхарашы. Ихъ читаютъ и нынѣ, въ опредѣленныя времена, передъ тѣми классами народа, коимъ запрещено изученіе Ведъ.

Запрещеніе изучать Веды всякому, кто не Браминъ, простирается даже на благородныхъ, или Кшатрійасовъ, которые могутъ заниматься симъ изученіемъ только подъ руководствомъ Браминовъ. Предлагаемый нами далѣе переводъ эпическаго отрывка, даетъ наблюдателю поводъ къ любопытному замѣчанію: что Судрасы, или четвертая каста Индійская, коей было позволено слушать торжествен-

Digitized by Google

ное чтеніе эпическихъ поэмъ, пламенно желала участвовать въ запрещенномъ изученіи, и старалась, всѣми средствами, достать себѣ книги священныя. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ древности того умственнаго движенія, которое окончательно придали образованности Индійской Буддисты. Оно произвело въ древней Имперіи Магады общественное преобразованіе, ибо прежде тамъ господствовала система образованности, противоположная уставу Браминовъ и не знавшая закона кастъ. Она погибла во время войны съ Буддистами, когда разрушилась Имперія Магады.

Древнія эпопеи Индійскія совершенно сходны съ Омировыми, и Греки, утверждавшіе, что Индійцы знаютъ и даже имѣютъ на своемъ языкѣ Омира, кажется, слыхали о сихъ поэмахъ. Но самый поразительный характеръ сихъ сочиненій состоитъ въ глубокомъ соединеніи духа военнаго и патріархальнаго, неизвѣстномъ другимъ древнимъ народамъ, если исключить Шанаме Фердуси, гдѣ онъ проявляется отрывками. Религія Зороастрова, подобно религіи Ведъ, долженствовала, до нѣкоторой степени, произвести сіе смѣшеніе.

Конечно, кровавые, ужасные образы Рамайяны и Магабхараты заключаютъ въ себѣ нѣчто еще болѣе величественное, нежели сцены убійства въ Иліадѣ: они являются даже подъ формами, столь же дикими, безумными и возвышенно-варварскими, какъ образы Шанаме и Нибелунговъ. Воины Сивы, князья и демоны, чудовища и гиганты одушевле-

Digitized by Google

ны бѣшенствомъ Скандинавскихъ Берсеркеровъ. Кшатрійасы, благородныя поколѣнія древней Индіи, были существенно каста героическая, которой ни мало не изнѣжила Азіятская роскошь. Въ подтвержденіе словъ своихъ, напомнимъ только то, что писали о семъ предметѣ Историки Александровы.

Въ сихъ поэмахъ, воители сшибаются, какъ стихіи въ часы судорогъ природы. Въ нихъ соединены быстрота тигра съ огромнымъ тѣломъ слона. Тысяча орудій убійства у нихъ въ рукахъ. Съ высоты своихъ колесницъ, или носимые слонами и конями, они бьются въ рукопашной схваткѣ, которая то сближаетъ ихъ, то разъединяетъ. Такъ громъ разражается между двухъ огромныхъ скалъ, какъ-бы касавшихся одна другой своими челами: вершина ихъ дымится и колеблется при семъ ужасномъ ударѣ. Но, за исключеніемъ великолѣпныхъ картинъ битвы, все въ поэмахъ сихъ дышитъ роскошью, столь усладительною, все являетъ природу, столь нѣжную, чистую, дѣвственную, столь глубоко и простодушно человѣческую, что напрасно искать въ какой нибудь другой Поэзіи что либо, напоминающее сей характеръ. И сему-то прелестному, простодушному смѣшенію гигантскаго величія и первобытной красы, соединяющихся и такъ сказать сопроницающихся въ созданіяхъ Индійской Эпопеи, обязана сія послѣдняя физіономіею оригинальною, единственною. Въ ней есть свои странности, свои недостатки, особенно происходящіе отъ испорченнаго символизма. Онъ становится иногда шутовскимъ и даже отвратительнымъ. Занимательность гибнетъ въ нелѣпости легендъ.

Digitized by Google

Смерть Бакаса есть одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ поэмы, называемой *Магабхарата*, то есть: великій Бхарата. Ученый Г. Боппъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ отрывокъ, представляемый нами здѣсь въ переводѣ. Его переводъ, писанный героическимъ мешромъ подлинника, изданъ въ Берлинѣ, въ 1824 году.

Дѣти Панду были въ войнѣ съ дѣтьми Куру, своими ближними родственниками. Дуріодана, глава Курувасовъ, дѣтей Куру, изгналъ Іуддишширу, главу Пандавасовъ, дѣтей Панду, такъ-же какъ и братьевъ Іуддишширы. Онъ лишаетъ ихъ царства и преслѣдуетъ даже въ самомъ изгнаніи. Дѣти Панду, числомъ пятеро, удаляются съ своею матерью, Кунти, въ ужасную пустыню, наполненную дикими звѣрями и обитаемую Ракшазасами. Остановимъ наше вниманіе на сихъ послѣднихъ.

Завоеватели, принесшіе въ Индію языкъ и литературу Браминовъ, сопутствуемые вооруженными Кшатрійасами, встрѣтили, простираясь отъ сѣвера къ югу, два класса народа, различные происхожденіемъ. Болѣе могущественный, болѣе образованный классъ составляли *Ракшазасы*, исполины-воители, преобразованные Индійскою баснею въ волшебниковъ и демоновъ. Имя Ракшасъ напоминаетъ Реккенъ, какъ въ древнихъ эпическихъ поэмахъ народовъ Германіи безразлично назывался каждый могучій воитель, гиганшскаго росша.

Въ Рамайянѣ видимъ Ракшазасовъ верховными повелителями юга Индіи. Они основали свою имперію въ *Жанастанѣ*, странѣ, кажется, заключав-

Digitized by Google

шей въ себѣ Деканъ и Южную Индію. Равана, Царь Ракшазасовъ, основалъ мѣсто своего правительства на островѣ Цейланѣ, названномъ Ланка, или *Мага-Ланка*, великая Ланка. Находясь въ этомъ отдѣльномъ мѣстѣ своей Имперіи, Равана держалъ въ покорности дикіе народы, извѣстные подъ грубымъ названіемъ обезьянъ, у которыхъ главою былъ Гануманъ. Сіи горцы, превращенные поэтами въ существа аллегорическія, принадлежали, такъ-же какъ и властители ихъ, Ракшазасы, къ сектѣ Сивы. Но когда Рама, воплощеніе Вишну, вмѣстѣ и Кшатрійа и Браминъ, государь и первосвященникъ, рѣшился завоевать Жанастану, покорить Ракшазасовъ и истребить Имперію Раваны, тогда народъ обезьянъ, ушѣсняемые горцы Декана, взбунтовались противъ своего властителя. Вмѣстѣ съ религіею Вишну, они приняли сторону Рамы, то есть перешли къ установленіямъ Браминовъ.

Въ то время, когда совершаются событія, разсказываемыя въ Магабхарашѣ, власть Ракшазасовъ кончилась во всей странѣ. Но еще остаются многочисленные роды Ракшаса. Разсѣянные въ лѣсахъ, они соединяются иногда, или съ народомъ медвѣдей, жившимъ въ Южной Индіи, подъ начальствомъ медвѣдя Ямбы, убитаго Кришною, или съ народомъ Пали, вообще именуемымъ *Быль*, котораго толпы существуютъ еще во многихъ южныхъ странахъ Индіи.

Эпическія поэмы упоминаютъ также о Нишадасахъ, и Чандаласахъ, другихъ обломкахъ древнихъ родовъ. Сначала, у сихъ народцевъ были свои не-

Digitized by Google

зависимые государи, коихъ допускали въ родство. Впослѣдствіи, ихъ имя служило къ означенію смѣшанныхъ кастъ, послѣдней степени гражданской іерархіи въ Индіи, сосставляющей самый презрѣнный, ужасный предметъ въ глазахъ туземнаго суевѣра.

Не должно смѣшивать всѣхъ сихъ народовъ, превращенныхъ воображеніемъ поэтовъ въ аллегорическія существа, въ страсти человѣческія, и въ символы вѣрованій и ужасныхъ поклоненій, съ Млехами, какъ называются въ книгахъ Индійскихъ варвары. Это касты воинскія, выгнанныя изъ Индіи за ихъ буйство, или, лучше сказать, за сопротивленіе Браминамъ. Въ тѣхъ-же книгахъ называютъ Млехами всѣхъ чужеземцевъ, вторгавшихся въ Индостанъ, начиная съ Персовъ и Грековъ, до Монголовъ и Англичанъ.

Возвратимся къ эпизоду Магабхарашы. Бѣдный Браминъ, въ своемъ смиренномъ и гостепріимномъ убѣжищѣ принимаетъ бѣгущихъ Пандавасовъ и ихъ несчастную мать. Онъ жилъ въ городѣ *Экачакрѣ*, который Ракшазасы или гиганты обложили ужасною данью. Бакасъ, начальникъ Ракшазасовъ, объявилъ страшный законъ городу: посылать къ нему каждый день пищу съ человѣкомъ; а сей новый Миношавръ жаждалъ крови человѣческой, и съѣдалъ посланнаго. Очередь дошла до бѣднаго Брамина, и онъ, по неимуществу своему, не могши купить въ замѣну себя невольника, долженъ былъ или явиться самъ, или отдать въ жертву чудовищу свою жену, дочь, или маленькое дитя. Онъ скорбитъ о своей

Digitized by Google

судьбѣ; жена и дочь попеременно предлагаютъ себя въ жертву. Дишя, видя что всѣ плачутъ и говорятъ о гиганшѣ, срываетъ вѣшку травы и хочетъ этимъ оружіемъ поразить чудовище. Одинъ изъ пяти изгнанниковъ, приняшыхъ Браминомъ, Бима, находится при этой сценѣ, и, растроганный отчаяніемъ всего семейства, несетъ къ гиганту пищу. Страшная бишва происходишъ между Бимою и Бакасомъ. Городъ освобожденъ.

Въ этомъ эпизодѣ есть характеръ эпопеи, и характеръ элегіи. Тутъ поэзія чистоты прозрачной: кристаллъ блещетъ не столь яснымъ блескомъ. Слогъ пестрѣетъ нравоученіями, но онъ плавенъ, умѣренъ, не надутъ: это слогъ лучшихъ трагическихъ хоровъ Софокла. Дивишься, видя какъ геній Индійскій облекаетъ самые счастливые оттѣнки генія Эллиновъ. Но въ Поэзіи Индійской, можетъ быть, еще болѣе роскоши: въ ней сквозитъ легкій проблескъ робости, свойственной кастѣ духовной, и онъ-же простодушно соединяется съ врожденнымъ геройствомъ. Образовъ мало, или нѣтъ вовсе. Высота, столь простая, основана въ сей Поэзіи единственно на умилительности положеній и рѣчей. Откровенность и прелесть стиля напоминаютъ бѣлизну мрамора, выглаженнаго рѣзцомъ, не холоднаго мрамора статуй, но того, въ который геній Пигмаліона вдохнулъ жизнь и любовь. Это простодушная красота, соединенная съ патріархальнымъ величіемъ!.. Такъ тихая и прозрачная волна отражаетъ лучъ свѣта, который скользитъ, дробится, играетъ на ея поверхности, но не возмущаетъ плѣнительнаго ея однообразія.

Digitized by Google

Въ этой Поэзіи, такъ-же какъ въ Поэзіи Омира, Пиндара, Софокла, есть обиліе, которое осмѣлюсь я лучше выразить Латинскимъ словомъ ubertas. Языкъ Санскритскій, какъ и Греческій, чрезвычайно звученъ и весьма богатъ эпитетами. Обиліе въ языкахъ новыхъ часто показываетъ безплодіе. Въ древнихъ языкахъ, оно, въ одно и тоже время, простота и богатство. Посему, просимъ не искать въ предлагаемомъ отрывкѣ ничего, похожаго на яркость нашей академической версификаціи. Въ сей послѣдней, чтобы показаться оживленнымъ, надобно показать себя увлекающимся; но искусственная живость не отголосокъ глубокихъ отзывовъ природы. Ни Индійцы, ни Эллины, никогда не думали производить того, что называютъ эффектомъ. У нихъ нѣтъ ничего театральнаго: все истинно. Изображеніе чувствованій и мѣстностей есть слѣдствіе счастливой и тихой постепенности выраженій, исполненныхъ прелести: такъ очаровательная долина роскошно углубляется между двухъ возвышенностей, покрытыхъ на склонѣ своемъ зеленѣющимъ дерномъ. Помыслы высокой нравственности, какъ-бы вылетая изъ души любящей, обличаютъ ея движенія, подобно роскошному волненію дѣвической груди, заставляющему угадывать ощущенія нѣжныя и сладостныя.

Любопытно изучать противоположный характеръ Поэзіи Индійцевъ и Арабовъ. Моаллаки, пѣсни природы у Арабовъ, исполнены образовъ. Тамъ все смѣло, дерзко, чрезмѣрно. Въ языкѣ отпечатывается воображеніе. Смыслъ находится въ самомъ

Digitized by Google

разсказѣ событій. Напрошивъ у Индійцевъ и Эллиновъ, поэтическій языкъ всегда проспъ, между шѣмъ какъ Миѳологія показываетъ воображеніе безумное. Это какъ будто уравновѣшиваетъ объ Поэзіи. Поэзія Персидская, по крайней мѣрѣ сколько можемъ мы видѣть сквозь завѣсу Магаммеданскихъ формъ, въ кои облекъ ее Фердуси, и въ отрывкахъ священныхъ книгъ, писанныхъ на Зендскомъ языкѣ, составляетъ какъ-бы средину между двухъ родовъ сравниваемой нами Поэзіи. Блестящими образами она гораздо богаче Поэзіи Индійцевъ и Грековъ, но гораздо бѣднѣе Поэзіи Евреевъ и Арабовъ. Поэзія Персидская есть, такъ сказать, посредствующее кольцо, которое съ одной стороны соединено съ религіею Евреевъ и вѣрованіемъ идолопоклонниковъ, потомковъ Измаила, а съ другой съ вѣрованіемъ Индійцевъ и Эллиновъ.

Часто обвиняли Индійскую Поэзію за то, что она охотно выказываетъ дурное, безобразное и даже отвратительное: и часто этотъ упрекъ справедливъ. Надобно искать причины сему въ безчисленномъ множествѣ символовъ, нераздѣльныхъ съ божествами Индійскими, которыя въ народной миѳологіи отягчены руками, ногами и головами. Надобно также подумать и объ развращеніи асцетизма, который обратился въ цинизмъ выраженія, не знающій благопристойности. Если пустынникъ, въ своей норѣ, не совершенно умертвитъ страсти человѣческія, то его будетъ окружать много докучныхъ помысловъ, смущающихъ и чувства и воображеніе. Стихотворенія Индійскія, сочиненныя

Digitized by Google

пустынниками, изобилуютъ не только образами отвратительными, но и сладострастіемъ, и безнравственностью. Прибавимъ однакожь, что никогда нѣтъ въ нихъ тѣхъ безчестныхъ срамностей, до которыхъ унижалась и къ которымъ пріучала своихъ читателей падающая Муза Грековъ и Римлянъ. Чистота Христіанская была невѣдома язычникамъ; однако, мы весьма ошиблись-бы, если-бы почли ихъ чуждыми всякой чистоты душевной.

Признавая всѣ недостатки Поэзіи Индійской, мы должны замѣтить, что древнѣйшіе памятники оной, такъ-же какъ памятники древней Поэзіи Греческой, почти свободны отъ сихъ недостатковъ. Въ нихъ часто видите наготу, даже грубость, но никогда не замѣтите развраша и систематической испорченности ума. Цѣломудріе языка, равное цѣломудрію мыслей, есть исключительная принадлежность Христіанства. Но никто не подумаетъ, чтобы древняя Поэзія Греческая, и особенно древняя Индійская Поэзія не обладала своими сокровищами чистоты дѣвственной. Ничто не можетъ быть чище поэмы, изъ коей мы предлагаемъ отрывокъ.

Не устрашимся сказать, что въ этой Поэзіи, идея нравственной красоты осуществлена почти болѣе нежели въ удивительной Поэзіи Эллиновъ. Умы самые возвышенные, люди, одаренные самыми нѣжными чувствованіями, поняли это въ полной мѣрѣ и рѣшительно предались очарованію прекрасной Поэзіи Индійской. Таковы: В. Джонесъ,

Digitized by Google

Гёте, Форстеръ, Гердеръ, Фридрихъ Шлегель. Гёте, изъявившій все отвращеніе свое къ идолопоклонству Индійцевъ, къ нелѣпому и ужасному символизму ихъ Миѳологіи, торжественно выразилъ свое удивленіе къ Поэзіи Индійской. А. В. Шлегель, братъ Фридриха Шлегеля, замѣтилъ справедливо, что даже безобразныя божества Индійскаго Пантеона принимали, подъ рѣзцомъ древнихъ ваятелей, формы самыя благородныя и прелестныя, какія только можетъ представить тѣло человѣческое. Правда, что ихъ члены, столь соразмѣрные, соединены въ чудовищномъ множествѣ. Но отдѣлите отъ статуй Сивы, Вишну, Индры, и ихъ женъ, миѳологическія принадлежности, обезображивающія оныя, отдѣлите это невѣроятное изобиліе рукъ, головъ, ногъ, и вы будете имѣть образцы статуй, въ родѣ прелестномъ или ужасномъ. Вкусъ Индійца столько-же изященъ, какъ вкусъ Эллина. Одна Миѳологія его, давая образцы чудовищные и запрещая удаляться отъ нихъ, помѣшала ему сравняться съ Греками.

Во Франціи, Г-нъ Шези съ необыкновенною тонкостью понялъ простодушную прелесть Индійской Поэзіи. Только переводы его отличаются такою красивою отдѣлкою, что она, можетъ быть, не вездѣ согласна съ простотою, красою, прелестью и патріархальнымъ величіемъ сей Поэзіи.

Переводимый нами отрывокъ основанъ на одномъ изъ тѣхъ простыхъ, высокихъ и отчаянныхъ положеній, которыя, какъ башня Уголино у Данте, представляютъ воображенію умилительное въ его

Digitized by Google

источникѣ, въ сущности. Тутъ нѣтъ усилія, риторикою увеличишь эффектъ сцены, и безъ того довольно разительной; нѣтъ никакого обольщенія въ языкѣ; нѣтъ ничего запутаннаго; вездѣ истина, голосъ души, вопль чувствительности самой простодушной.

Бѣдный Браминъ принимаетъ изгнанниковъ. Мать ихъ, незамѣчаемая никѣмъ, видитъ отчаяніе своихъ хозяевъ. Она благородно рѣшилась расплатиться признательностью за благодѣянія, оказанныя ей и дѣтямъ ея гостепріимствомъ. Таково введеніе въ сей эпизодъ.

Но что причиной горести священнослужителя? Онъ женился на добродѣтельной, чистой дѣвицѣ своей касты и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей, сына, еще маленькаго, и дочь, уже взрослую. Чудовище требуетъ его крови, или, въ замѣну оной, крови его жены, или сына, или дочери. Несчастный въ горести; но самая горесть его показываетъ человѣка, долго размышлявшаго о правилахъ долга, ученика мудрости, воспитаннаго въ одной изъ философскихъ школъ, основанныхъ древними мудрецами его отечества. Онъ кидаетъ проницательный и и глубокій взглядъ въ бездну существованія; онъ размышляетъ о бѣдствіяхъ жизни человѣческой. Умереть, почти наслажденіе: это значитъ соединиться съ тѣмъ, что любимъ, исчезнуть въ Богѣ.

Жена Брамина хотѣла обитать въ этой странѣ, гдѣ жили родители ея, гдѣ воспитали они ее. Теперь, ужасное чудовище опустошаетъ сію страну,

Digitized by Google

и бѣгство невозможно. Что дѣлать? Оставишь дѣтей сиротами? Ихъ лишишь отца, а жену мужа? Можетъ-ли онъ оставишь ихъ? Съ горестью разсматривая свое несчастіе, онъ со всѣхъ сторонъ видитъ отчаяніе и нигдѣ не открываетъ спасенія: тягость судьбы угнетаетъ его.

Жена говоритъ ему языкомъ, достойнымъ благородной дочери Индійскаго священнослужителя. Тутъ нѣтъ риторики, надушости; нѣтъ и слѣда новой сантиментальности. Вездѣ геройство, идущее прямо отъ души. Жена должна жить и умереть для своего мужа. Для нея не существуетъ второй бракъ. Человѣкъ, на которомъ лежитъ забота о семействѣ, можетъ позволить себѣ оный. Воспитывать дѣтей, любить того, съ кѣмъ соединилъ ее жребій, прилѣпиться къ нему, такъ-же неразлучно, какъ плющъ объемлетъ вязъ, какъ тропическія растенія обвиваютъ Индійскую смоковницу, увѣнчавая вершину ея поблекшими цвѣтами, благоухающимъ плодомъ и блестящею зеленью: вотъ судьба юной супруги и матери, рожденной въ странѣ, орошаемой Гангесомъ. Она радуется своему удѣлу. Жизнь ея въ жизни супруга. Все величіе ея въ домашнемъ счастіи.

Но мать семейства исполнила свою обязанность. Она любила, она любима. Она насладилась всѣми благами земли. Теперь надобно ей рѣшиться на дѣло высокое и благородное. Преданность судьбѣ! Обращаясь къ мужу своему, она такъ начинаетъ свой набожный упрекъ: Для чего сокрушаться? Для чего не показать твердости, приличной чело-

Digitized by Google

вѣку ихъ касты? Пусть умѣетъ онъ превозмочь бѣдствіе, и оставитъ жалобы людямъ, не столь благороднымъ родомъ и менѣе понимающимъ правила долга. Онъ отецъ, онъ долженъ сохранить себя для дѣтей: этого требуетъ природа, этого хочетъ правосудіе; да повинуется онъ соединенному ихъ голосу. Если благо его потомства требуетъ, пусть выберетъ себѣ другую супругу. Но она — она была счастлива на землѣ: отецъ ея дѣтей не забудетъ о ней.

Въ робкомъ и смиренномъ характерѣ женщины сильнѣе выказывается этотъ простодушный стоицизмъ, порожденіе души благородной и чистой. Какъ скоро дѣло идетъ о спасеніи родныхъ, она не колеблется ни минуты. Слабая женщина становится героинею; невинная лань львицею неукротимою. Она идетъ противъ всего; она смѣло встрѣчаетъ опасность. Надобно дивиться ея стремительному краснорѣчію и благородной діалектикѣ страсти чистой и высокой, коими старается она убѣдить своего мужа позволить ей летѣть на смерть. Не краснорѣчивѣе можно просить о жизни. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ не льзя достигнуть такого высокаго благородства языка.

Въ одной трагедіи Шиллера есть характеръ женщины, нѣсколько похожій на характеръ жены Брамина. Гертруда, въ Вильгельмѣ Теллѣ, сама добродѣтель, разсудительность, само благородство. Она разсуждаетъ часто, и всегда восхитительно. Но сравните выраженіе преданности въ обѣихъ женщинахъ: вы тотчасъ увидите, гдѣ поэзія

Digitized by Google

первобытная. Въ языкѣ Гертруды есть что-то принужденное, выученное, и хотя созданіе такого характера дѣлаетъ величайшую честь благородному и возвышенному дарованію Шиллера, но въ лицѣ, выведенномъ имъ, замѣненъ трудъ поэта, а не порожденіе природы.

Что касается рѣчей юной дочери Брамина, то понять ихъ трогательную откровенность можно не иначе, какъ перенесшись въ среду патріархальнаго семейства тѣхъ отдаленныхъ временъ. Тогда патріархъ, родоначальникъ семейства, былъ тоже что само семейство. Онъ былъ (и законъ Индійскій именно выражаетъ это) сынъ самого себя; а сынъ самъ отецъ. Жена была спутницею его жизни, украшеніемъ его дней, матерью дѣтей его; но существенное достоинство ея происходило отъ того, кто сдѣлалъ ее матерью. Въ немъ сосредоточивалось все существованіе супруги. Дочь была также весьма важнымъ лицомъ въ семействѣ патріархальномъ, но только за будущее потомство ея, за сына, долженствующаго произойдти отъ нея, молельщика за главу семейства. Патріархъ, или древній человѣкъ, именуемый *Движа*, (два раза рожденный), и сынъ, новый человѣкъ, который искупаетъ прегрѣшенія отца, живитъ и его и предковъ жертвами, чтитъ память прародителей обожаніемъ благочестивымъ и постояннымъ — вотъ все семейство. Женщины, супруга и дочь, существуютъ тамъ, одна только для отца, другая только для будущаго внука: и сей послѣдній всегда обязанъ чтить память дѣда съ ма-

Digitized by Google

терней стороны. Въ сынѣ, а не въ дочери существенно живетъ и продолжается семейство.

Можно было-бы видѣть въ этомъ законодательствѣ патріархальнаго семейства, такъ-же какъ и въ Еврейскомъ, жестокость къ слабѣйшему полу, если-бы тихость нравовъ Индійскихъ, и непремѣнное указаніе на множество обязанностей въ отношеніи къ женщинамъ, не смягчали сей жестокости. Въ Эпической Поэзіи Индійцевъ, такъ-же какъ въ древнемъ ихъ законѣ, есть множество доказательствъ нѣжнаго человѣколюбія къ женщинамъ. Впрочемъ, не льзя не согласиться, что жребій жены зависѣлъ у нихъ отъ прихоти мужа, и что состояніе женщины подъ законами Индійскими было самое ненадежное.

За то мать была у нихъ священнымъ предметомъ для дѣтей. Въ домашней жизни, пожилая женщина Индійская имѣла все достоинство благородныхъ женщинъ Римской Республики. На берегахъ Гангеса являлось много матерей Гракховъ, хотя сами Гракхи не нашли-бы тамъ поприща для своей народной дѣятельности.

Эпизодъ, изъ коего предлагаемъ отрывокъ, оканчивается прелестною чертою простодушія и красоты дѣтской, болѣе плѣнительною, какъ намъ кажется, нежели то мѣсто въ Иліадѣ, гдѣ маленькій Астіанаксъ играетъ перьями шлема Гектора, который держитъ малюшку на рукахъ своихъ. Индійскій Поэтъ освѣщаетъ свою мрачную сцену блестящимъ лучемъ солнца, и онъ на минуту ушѣ-

Digitized by Google

шаетъ дѣйствующія лица сей ужасной драмы. Маленькое дитя Брамина съ изумленіемъ глядитъ на плачущую мать и сестру, срываетъ вѣтку травы, и съ умилительнымъ комизмомъ самаго прелестнаго простодушія, подходитъ къ отцу, къ матери, къ сестрѣ, уговаривая ихъ ободриться, потому что онъ хочетъ, оружіемъ, которое держитъ въ рукахъ, убить гиганта, виновника ихъ страданій. Родители улыбаются, видя энтузіазмъ своего дитяти, и сердце ихъ на минуту исполнено радости невыразимой. Такихъ чертъ не порождаетъ образованность: только Данте могъ еще понимать подобные отзывы поэзіи, среди сложной образованности своего вѣка! Только въ Омирѣ и еще въ нѣкоторыхъ книгахъ находятся они. У Шекспира, этого великаго живописца природы, нѣтъ сихъ восхитительныхъ чертъ, которыхъ дивное простодушіе кажется послѣднимъ воспоминаніемъ объ Эдемѣ. Горесть, утишаемая улыбкою, и забавное вмѣстѣ съ простодушнымъ, въ искреннемъ энтузіазмѣ бѣднаго ребенка, не имѣющаго понятія о бѣдствіяхъ сего міра: это могъ постигать и возсоздавать одинъ Рафаэль.

Digitized by Google

Бѣдствующій Брамина.

Пѣснь первая.

Однимъ вечеромъ дѣти Панду вышли изъ своего убѣжища, просить милостыни. Только Бима остался тамъ, и сѣлъ подлѣ Кунти, своей матери. Вдругъ слышитъ мать, что въ жилищѣ Брамина раздались продолжительные, тяжкіе вопли. Кунти почувствовала, что она не въ силахъ переносить рыданій, столь плачевныхъ, и жалобъ, столь горестныхъ. Ея благородная, высокая душа была исполнена сострадания къ несчастнымъ. Мать Пандавасовъ, женщина, достойная уваженія, почувствовала горесть душевную. Она обратилась къ сыну своему, Бимѣ, и сказала слѣдующія слова, показывающія глубокую жалость ея къ несчастнымъ:

Кунти.

Мирно обитаемъ мы, сынъ мой, въ жилищѣ священнослужителя. Защищены отъ врага, свободны отъ всякаго страданія, мы вкушаемъ здѣсь плоды гостепріимства. Всегда, о сынъ мой! я спрашиваю у самой себя: какъ могла-бы я сдѣлать Брамину услугу, пріятную для него, и приличную тѣмъ, кого принялъ хозяинъ столь гостепріимно? Человѣкъ тогда только достоинъ самого себя, когда онъ не забываетъ благодѣяній, и платитъ вдвое за то, что другіе сдѣлали для него. Вотъ почему желала-бы я облегчить горесть, постигшую священнослужителя, желала-бы утѣшить его въ страданіи, и тѣмъ вознаградить его за дружбу къ намъ.

Digitized by Google

Бима.

Узнаемъ причину его горести. Если-бы надобно было рѣшиться на самое опасное предпріятіе, я готовъ услужить ему.

Такъ говорили они, когда услышали новый крикъ, исторгнутый горестію у священника, и смѣшанный съ рыданіями его супруги. Кунти бросилась на половину, занимаемую благороднымъ Браминомъ, какъ мать, послышавшая вопль своего дитяти. Она увидѣла священника, его жену, сына и дочь: голова Брамина склонялась къ землѣ.

Браминъ.

Стыдъ существованію! Оно исполнено горести, оно всегда здѣсь непостоянно! Оно корень нашихъ страданій, оно всегда рабъ, оно есть само страданіе. Могущественное горе связано съ жизнію: кто живетъ, тотъ окруженъ неизбѣжными мученіями. Душа у насъ одна, но служитъ тремъ властямъ: правосудію, благу и желаніямъ. Отказись отъ одной изъ трехъ, и смертельныя горести обременятъ тебя. Иные думаютъ, что свобода есть благо высшее: они обманываются! Жадность—основаніе ада. Желаніе земныхъ благъ есть горесть; пріобрѣтеніе этихъ благъ горесть еще большая. Чье сердце сильно привязано къ богатству, тотъ вздыхаетъ и сокрушается, когда надобно ему разстаться со своими сокровищами. Увы! Я не могу найдти никакого средства избавить себя отъ страданія, спасти свою жену, дочь, своего сына, или самого себя.

Digitized by Google

Я говорилъ тебѣ, о милая подруга, великодушная жена священника! говорилъ слова, для тебя памятныя: «Пойдемъ къ мѣстамъ, гдѣ обитаетъ счастіе.» Ты не хотѣла слушать меня. «Я здѣсь родилась, сказала ты; здѣсь выросла; здѣсь жилище моего отца.» Несчастная! ты упорно не хотѣла оставлять сихъ мѣстъ, и мольбы мои были тщетны. Твой дряхлый отецъ восшелъ на небеса; твоя мать вскорѣ послѣдовала за нимъ. Всѣ родные твои умерли. Скажи, какое блаженство еще находишь ты, обитая въ сихъ мѣстахъ? Ты любила своихъ родныхъ всею нѣжностью души твоей; ты не хотѣла оставлять ихъ. Смерть ихъ опечалила тебя, и меня вмѣстѣ съ тобою. Теперь настаетъ часъ моей смерти. Я умру. Я не могу, оставивши въ жертву кого либо изъ васъ, вмѣсто себя, сохранить преступную жизнь.

Жена благочестивая! Ты, которую чту наровнѣ съ родною матерью, супруга прямодушная и честная! Тебя ниспослали боги быть моею подругою; ты мое благо высшее! Тебя отдали мнѣ твои родители, быть сожительницею въ моемъ домѣ; я избралъ тебя по обычаю; женился на тебѣ слѣдуя словамъ святаго закона! Благородная и скромная жена, мать моихъ дѣтей! Я не могу спасти своей жизни, не могу предать тебя на смерть, тебя, столь добрую, никогда не сдѣлавшую мнѣ зла, столь преданную мнѣ и вѣрную.

Но, оставлю-ли я и дитя свое? Откажусь-ли я отъ надежды на свое дитя? Принесу-ли я его на жертву въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда еще и легчайшій пухъ не покрываетъ его подбородка?

Digitized by Google

А дочь моя, которую Брама, чистѣйшій духъ, образовалъ своими руками для ложа супруга; которая допускаетъ меня и моихъ предковъ участвовать въ небесной жизни дѣвъ; которая родилась отъ меня — какъ оставлю я эту чистую дѣву?

Иные думаютъ, что въ отцѣ бываетъ болѣе нѣжности къ сыну; другіе вѣрятъ, что дочь милѣе ему. Но я люблю обоихъ одинакою любовью. Нѣтъ, нѣтъ, дочь моя, ты, носящая въ себѣ дальнее потомство, будущіе міры и благополучіе вѣчное! Ты, чистая дѣва — я не оставлю тебя.

Но, если принесу въ жертву самого себя, я не могу безъ сокрушеннаго сердца приблизиться къ другому міру. Какъ будутъ жить они, если я оставлю ихъ? Поношеніемъ моимъ было-бы принести въ жертву одного изъ нихъ: такъ рѣшили мудрецы. Я погруженъ въ бездну золъ, я не могу избѣгнуть отъ своего несчастія. Какое отчаяніе!... Гдѣ найдти убѣжище для себя и для своихъ? Лучше умереть всѣмъ вмѣстѣ. Для меня жизнь есть бремя.

Пѣснь вторая.

Жена Брамина.

Ты не долженъ жаловаться какъ смертный, рожденный въ низшей кастѣ. Человѣкъ, знакомый съ дѣлами человѣческими, ты знаешь, что теперь не время жаловаться: всѣ люди идутъ къ смерти. Это неизбѣжный порядокъ судьбы. Жаловаться-ли на то,

Digitized by Google

отъ чего никто не можетъ избѣгнуть? Человѣкъ, для спасенія души своей, желаетъ имѣть супругу, сына, дочь: будь мудръ; умѣрь свою горесть. Я сама являюсь къ чудовищу.

Такова высшая, вѣчная обязанность супруги. Она должна пожертвовать своею жизнію для счастія своего супруга. Когда пожертвованіе совершится, ты будешь мирно жить на землѣ. Я буду вѣчно существовать въ небѣ, и пріобрѣту славу въ мірѣ. Слушай: я открою тебѣ самую высшую обязанность супружескую. Въ ней увидишь ты и свое право и свою пользу. Ты получилъ отъ меня все, что можетъ пріобрѣсти мужчина отъ женщины. Я произвела тебѣ сына и дочъ. Долгъ мой заплаченъ. Ты можешь питать этихъ дѣтей и быть ихъ покровителемъ. А я не могу сдѣлать ни того, ни другаго. Властитель моей жизни и моего счастія! если я лишусь твоей помощи, могу-ли поддерживать двухъ дѣтей, могу-ли поддерживать сама себя! Вдова, безъ твоего заступленія, безъ покровительства, одна съ своими сиротами, могу-ли питать сына и дочь и оставаться твердо на пути добродѣтели?

Если явятся гордый или себялюбивый; если они потребуютъ у меня твоей дочери, твой видъ не будетъ устрашать ихъ: какъ-же спасу я дитя свое? Подобно птицамъ, приближающимся къ зернамъ, разсыпаннымъ по землѣ, мужчины приближаются къ несчастной женщинѣ, лишенной супруга. Когда сіи низкія существа будутъ осаждать меня своими просьбами, останусь-ли я на той прямой линіи, которую обязана хранить всякая честная душа? Какъ

Digitized by Google

поведу я дочь, единую изъ твоего рода, чистую отъ всякихъ пятенъ дѣву, по пути, прославленному ея отцомъ и предками? Могу-ли внушить этому оставленному дитяти, когда на него будутъ нападать со всѣхъ сторонъ, могу-ли внушить тѣ вожделѣнныя добродѣтели, которымъ ты одинъ можешь научить его, потому что знаешь всѣ обязанности? Да, твоя бѣдная дочь будетъ добычею недостойныхъ людей, не уважающихъ ея матери; они отдалятъ меня; они пожелаютъ узнать ее, какъ Сударасы нистей касты желаютъ узнавать святыя писанія; и если я найду силу въ воспоминаніи о твоихъ добродѣтеляхъ, они отымутъ эту силу насиліемъ, какъ цапли похищаютъ съ алтаря жертвоприносимую пищу.

Но когда я увижу, что сынъ твой упалъ духомъ, и не похожъ на своего отца, а дочь, которую для тебя носила я во чревѣ своемъ, похищена преступникомъ, тогда, я какъ поношеніе для всѣхъ буду влачить стопы свои, едва узнаваема своими собственными глазами. Я умру, жестоко осмѣянная людьми, этими гордыми существами. Безъ меня погибнутъ мои дѣти, какъ рыбы, умирающія безъ воды. Это вѣрнѣе всего. Безъ тебя вдругъ падутъ три существа. Не оставляй насъ.

Да, высшее счастіе супругъ — умереть со славою прежде своихъ супруговъ. Дѣти должны жить: это извѣстно всѣмъ, знающимъ великій законъ обязанностей. Конечно, для тебя я могу отказаться отъ этого сына, отъ этой дочери; для тебя я отказалась даже отъ всѣхъ своихъ; для тебя, я

Digitized by Google

отказываюсь отъ жизни. Супруга должна заботиться о спасеніи своего супруга, болѣе нежели заботятся люди о жертвоприношеніяхъ, болѣе нежели обязаны они думать о самихъ себѣ, каяться и творить милостыню. Я хочу выполнить священнѣйшую изъ обязанностей: утвердить благо твое, спасти твоихъ дѣтей.

Сказано, что желаютъ дѣтей, богатства, милыхъ друзей, и вѣрную супругу, какъ пособій противъ несчастія. Мужчина, говорятъ мудрецы, драгоцѣннѣе своего семейства и своего потомства. Дай мнѣ уважить свою обязанность. Спаси себя моею помощью. Человѣкъ, достойный уваженія! Повели: спаси моихъ дѣтей!

Надобно сохранять женщинъ, говорятъ знающіе науку обязанностей. Но и гиганты знаютъ правило обязанностей. Чудовище пощадитъ меня. Несомнѣнно, что оно умертвитъ мужчину; но не такъ достовѣрно, что оно убьетъ меня. Человѣкъ ученый! твоя обязанность требуетъ, чтобы ты послалъ меня къ гиганту.

Я насладилась многимъ. Судьба моя свершена. Я произвела тебѣ потомство, и смерть не можетъ устрашать меня. У меня есть дѣти; лѣта мои преклонны. Служить тебѣ мое единственное желаніе. Я глубоко размыслила о нашемъ положеніи; я рѣшилась.

Человѣкъ уважаемый! Если я погибну, ты найдешь другую мать для своихъ дѣтей. Не преступ-

Digitized by Google

леніе для мужчины жениться не одинъ разъ. Это не значитъ оставлять линію обязанностей. Но женщины, вступающія во второй бракъ, преступницы великія... Размысли объ этомъ: ты виновенъ, желая своей собственной смерти. Спаси себя, спаси потомство свое, спаси своихъ дѣтей!

Она кончила, и супругъ прижимаетъ ее къ своему сердцу, и слезы ихъ смѣшиваются медленно

Пѣснь третія.

Юная дочь слышала сіи печальные разговоры: сердце ея наполнилось волнами горькой печали, и она сказала въ свою очередь.

Дочь Брамина.

Для чего столько сокрушаться вамъ? Для чего проливать столько слезъ? Развѣ одни вы, развѣ оставлены во вселенной? Выслушайте меня, и обычное спокойствіе тотчасъ возвратится къ вамъ. Вы должны отказаться отъ меня: это несомнѣнно. Одна спасу я васъ всѣхъ. Для чего желаютъ дѣтей? Для того, чтобы они спасали своихъ родителей. Настало время спастись вамъ мною. Здѣсь или тамъ, сынъ искупаетъ проступки своего родителя; для того и получилъ онъ отъ мудрецовъ названіе сы-

Digitized by Google

на (*). Предки желаютъ также и благополучія дочери. Исхитивъ отъ смерши моего отца, я осную зданіе вѣчнаго моего блаженства. Посмотриме на моего брата: это малое дитя. Если ты отойдешь къ небесному жилищу, этотъ невинный цвѣтокъ завянетъ на своемъ стеблѣ. Если онъ взойдетъ на небеса, наши предки лишатся искупительныхъ жертвоприношеній, коими онъ обязанъ имъ, и возстенаютъ. Если мать моя, мой отецъ, или братъ оставятъ меня, страданіе мое сдѣлается горестнѣе нежели сама горесть. Но если ты спасешь себя, ты спасешь моего брата и мою мать. Тогда непремѣнно воскурится искупительное жертвоприношеніе.

Твой сынъ есть ты самъ; супруга — твой другъ. Дочь причина твоей горести. Избавь себя отъ этого горя. Повели мнѣ слѣдовать путемъ дѣтской обязанности. Безъ тебя, о родитель мой! я буду одиноко блуждать въ обширномъ кругѣ міра. Я останусь сиротою безпомощною. Но когда я спасу этотъ драгоцѣнный стебель, когда жертвоприношеніе совершится, я буду славна и богата. О мой отецъ! Человѣкъ превосходный! Если ты отойдешь, я останусь погруженною въ горести. Не дай мнѣ быть въ отчаяніи.

(*) По закону Индійскому сынъ почитается спасителемъ души отца. Слово: *сынъ*, *путра* (puer), на священномъ языкѣ Браминовъ, этимологически происходитъ отъ искупительныхъ жертвоприношеній, которыя онъ обязанъ совершать.

Digitized by Google

Еще разъ: для меня, и для своего рода, во имя священной обязанности, ошкажись отъ меня, сохрани свои драгоцѣнные дни. Не теряй ни минуты. То неизбѣжно, что хочу я выполнить. Повели мнѣ это! Ахъ, помысли объ этомъ. Какъ ужасно будетъ наше состояніе, если послѣ смерти твоей мы должны будемъ вымаливать чужой хлѣбъ, и пожирать милостыню, какъ голодныя собаки!

Но ты счастливъ, ты наслаждаешься жизнью посреди своихъ, и я буду плавать въ блаженствѣ. Исполнены радости, боги и предки наши будутъ взирать на меня, и ты поднесешь имъ святой воды, которая увеличиваетъ ихъ блаженство.

Во время этихъ многочисленныхъ жалобъ, отецъ и мать плакали горько; юная дочь также проливала слезы. Но, видя всѣхъ плачущими, маленькій ребенокъ началъ говорить. Онъ поглядѣлъ пристально на всѣхъ, и, какъ дитя, пролепеталъ слѣдующія слова: «Не плачь, отецъ мой, не плачь, мать моя, не плачь и ты, моя сестра!» Съ улыбкою на устахъ онъ подошелъ къ одному, подошелъ къ другимъ, и держа вѣшку травы въ рукѣ, вскричалъ какъ герой: «Вотъ чѣмъ я убью этого гиганта, который пожираетъ людей!»

Хотя глубокая горесть оковывала сердца всего семейства, но, при этомъ лепетѣ маленькаго дитяти, они наполнились радостью невыразимою.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

— *Письмовникъ*, содержащій въ себѣ науку Россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія. *Десятое изданіе.* Вновь выправленное, приумноженное и раздѣленное на *двѣ части*, Профессоромъ и Кавалеромъ Николаемъ Кургановымъ. Съ присовокупленіемъ книги: *Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Рускихъ.* XV, 496, VI и 363 стр. in 8.

Кто изъ нашихъ читателей не заглядывалъ въ эту книгу? Кто не знаетъ ея? И кому, въ тоже время, не случалось слыхать о ней самыхъ презрительныхъ отзывовъ? «Мужицкая книга! бездна невѣжества!» говорятъ о ней недоученые франтики, и отставные Корнеты, наслаждающіеся разгульною жизнью. Никогда не могъ я слышать подобныхъ отзывовъ, и отъ подобныхъ людей, не досадуя и не желая сказать имъ: «Счастливые попуган! Знайте то, чему можетъ васъ научить *Письмовникъ*, и потомъ уже осмѣливайтесь судить о немъ!» Въ самомъ дѣлѣ, *Письмовникъ* заключаетъ въ себѣ мно-

Digitized by Google

го полезнаго для первоначальнаго познанія; онъ сдѣлалъ много добра, и одно невѣжество, всегда близорукое, и почти никогда не имѣющее никакого взгляда на предметы, можетъ осуждать его. Весь недостатокъ сей книги въ наше время состоитъ въ томъ, что она устарѣла. Это дряхлый воинъ, вѣрою и правдою послужившій отечеству, но теперь уже безсильный: руки его отказываются наученіе малолѣтныхъ правнучатъ. Чтобы оправдать наше мнѣніе, мы должны напомнить читателямъ время и причину составленія *Письмовника*, и дать понятіе о составителѣ его, бывшемъ Профессорѣ, Николаѣ Гавриловичѣ Кургановѣ.

Н. Г. Кургановъ родился въ 1725 году. Онъ былъ солдатскій сынъ, и въ малыхъ лѣтахъ поступилъ въ Морское училище, бывшее въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ. За отличные успѣхи въ наукахъ онъ былъ переведенъ, въ 1741 году, въ С. Петербургскую Морскую Академію. Тамъ усовершенствовался онъ въ знаніи Французскаго и Латинскаго языковъ; особенно-же отличился свѣдѣніями Математическими. Онъ былъ прикомандированъ къ Астроному Красильникову, отправленному въ Лифляндію, Эстляндію и на ближніе острова, для Астрономическихъ наблюденій. Послѣ сего онъ былъ еще при Астрономѣ Гришовѣ, тоже помощникомъ въ ученыхъ его занятіяхъ. По учрежденіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, Кургановъ поступилъ въ оный учителемъ, и продолжалъ тамъ службу свою до конца жизни. Онъ скончался (въ Январѣ 1796 года) уже Профессоромъ Математики и въ чинѣ Подпол-

Digitized by Google

ковника. Курганов былъ собственно Математикъ. Другими науками онъ занимался какъ всякій умный человѣкъ, не желающій оставаться въ невѣдѣніи о мірѣ видимомъ и невидимомъ. Онъ издалъ нѣсколько книгъ Математическихъ, нынѣ совершенно забытыхъ. Одинъ *Письмовникъ* вынесъ имя его изъ забвенія, далъ ему деньги при жизни, и даетъ читателей въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ. Такое продолжительное вниманіе, какого-бы то ни было класса читателей, можетъ служить доказательствомъ, что книга Курганова была пріятна и полезна великому числу нашихъ соотечественниковъ. Если сообразимъ притомъ время, въ которое она была сочинена, и вспомнимъ, что до сихъ поръ мы еще ничѣмъ не замѣнили ея, и не собрались издать ни одной порядочной книги для народнаго чтенія, какую Курганов издалъ за 60 слишкомъ лѣтъ, то поймемъ вполнѣ всю цѣну сего сочиненія.

Курганов составилъ *Письмовникъ* изъ замѣтокъ и выписокъ, которыя дѣлалъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ; но главнымъ основаніемъ своей книги положилъ онъ Граммашику Русскаго языка. Мы имѣемъ первое изданіе *Письмовника*, напечатанное въ 1769 году, *во градѣ Святаго Петра*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Россійская Универсальная Грамматика, или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія Рускому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей* (424 страницы, въ 8-ку, мѣлкой печати, такъ что послѣдня-

Digitized by Google

го изданія выходитъ полторы страницы изъ одной перваго). На послѣдней страницѣ Кургановъ напечаталъ: *Все тутъ. Нѣтъ больше. Только.* Конецъ. Жаль, что этого предупрежденія не послушались при послѣднихъ изданіяхъ, которыя ушолщены разными прибавленіями и обезображены нелѣпыми опечатками, а можетъ быть и поправками. Чтобы показать правду словъ нашихъ, а еще болѣе чтобы дать понятіе о слогѣ и мнѣніяхъ Автора, выписываемъ здѣсь Предисловіе его къ первому изданію Письмовника: «Книгу сію издать не мое-бы (въ 10-мъ изд. напечатано: *не его-бы*), да и скучное дѣло; но, по древней нашей пословицѣ: *не богъ горшки-та обжигаютъ, тѣже люди.* Нужда придаетъ охоту, а прилежность трудъ преодолѣваетъ. Нѣкогда я вздумалъ дѣтей моихъ (въ 10-мъ изданіи: *онъ вздумалъ дѣтей своихъ*) поучить свойству нашего языка (въ 10-мъ: *правиламъ нашего языка*) по преждеизданной Руской Граммашикѣ, но она показалась мнѣ для нихъ трудною (въ 10-мъ: *ему для нихъ многотрудною*); и такъ я принужденъ оную преобразить (въ 10-мъ: *то принужденъ онъ ее преобразить*), подражая Славянскимъ и чужестраннымъ Граммашикамъ (въ 10-мъ: *письменарямъ*), для наученія юношества, въ удобнѣйшее расположеніе и объясненіе со многимъ пополненіемъ. Сверхъ того обогатилъ ея (въ 10-мъ: *обогатилъ онъ ее*) присовокупленіями разныхъ благопристойныхъ вещей. Вѣдая, что перемѣнность (въ 10-мъ: *различность*) веселитъ, обогащаетъ мысли и проевѣщаетъ разумъ, ибо въ нихъ есть много дѣльнаго и нравоучительнаго (въ 10-мъ нѣтъ сло-

Digitized by Google

ва: *дѣльнаго*), и то что послужитъ полезновеселымъ (въ 10-мъ: *полезно-пріятнымъ*) упражненіемъ. Станешся, *въ семьѣ не безъ урода*: нѣкоторыя рѣчи въ пословицахъ и въ повѣсшцахъ найдутся просшоваты и ошибки въ словопюлкѣ, чему причиною новое сіе дѣло (въ 10-мъ: *причиною тому новое сіе дѣло*), могущее исправиться въ будущихъ изданіяхъ (въ 10-мъ: *исправиться еще*). Впрочемъ, должно взирать на хишрость пчелъ, и внимать ученію: будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе (въ 10-мъ прибавлено: *подобаетъ вамъ и ереси знати, да искуснѣйшіе явятся*). Критики избѣжать трудно и всѣмъ управить (въ 10-мъ: *управить*) невозможно: человѣкъ есть живошное, подверженное смѣху, и надъ другими смѣяться (въ 10-мъ: *издѣваться*) любящее. И легче судить и цѣнить, нежели сочинять и учить (въ 10-мъ: *нежели что-либо сочинять и издавать*). Въ книгу сію заняшая мѣсшами чуждинка, не порокъ; ибо и шворцы нынѣшніе походятъ больше на ісшориковъ или бышописцовъ (въ 10-мъ: *походятъ на спищиковъ или бытописцовъ*). Что касается до распорядка ея вещей, на што слѣдуешъ: » — и въ самомъ дѣлѣ за симъ слѣдуешъ Оглавленіе, тогда какъ въ 10-мъ изданіи за симъ напечашаны — эпиграфы!... Вообще первое изданіе гораздо исправнѣе и лучше десяшаго. Сіе послѣднее испещрено опечашками грубѣйшими; напримѣръ, Кургановъ пишешъ (въ 1-мъ изданіи, спр. 369-я): «Съ 1750 года былъ еще Профессоръ Асшрономіи Гришовъ, который со мною ошправлялъ важныя асшрономическія наблюденія больше года *въ Аренсбургѣ, что на островѣ Езелѣ.*» А въ

Digitized by Google

10-мъ напечатано: *въ Аренбургѣ, что на островѣ Эзелѣ*! !

Конечно, съ такимъ небреженіемъ печатаемая, и столь устарѣлая по содержанію книга, уже не можетъ въ наше время приносить пользы. Она способна во многихъ людяхъ даже породить заблужденія; многихъ можетъ сбить съ толку. Языкъ ея, правила, примѣры, и всѣ статьи не годятся для нашего времени. Но кому честь: Курганову-ли, который издалъ полезную для своего времени книгу, или намъ, которые умѣемъ только видѣть его недостатки, а сами не въ силахъ совершить его подвига? Мы должны смириться передъ нимъ, даже потому, что сознаемся въ своей неспособности самымъ дѣломъ, допуская сочиненіе его обращаться въ народѣ до сихъ поръ.

Почитаемъ не нужнымъ излагать содержанія сей книги, ибо оно извѣстно всѣмъ. Замѣтимъ, что *Письмовникъ* драгоцѣненъ еще по особенной причинѣ: онъ показываетъ намъ состояніе Наукъ въ Россіи за шестьдесятъ пять лѣтъ; показываетъ и литтературное образованіе наше въ то время, ибо Курановъ, и въ Наукахъ и въ Искусствахъ, можетъ служить представителемъ начала Екатерининa вѣка. Когда утихнетъ наша ребяческая шалливость въ Литтературѣ, когда мы будемъ твердою стопою идти къ цѣли Наукъ и образованія народнаго, тогда *Письмовникъ* исчезнетъ изъ рукъ народа; но онъ всегда останется памятникомъ своего времени, и запасомъ для справокъ, при изображеніи старины не давней, но тѣмъ не менѣе любопытной.

Digitized by Google

— *Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon* der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bearbeitet von *Joh. Fr. v. Recke* und *K. E. Napiersky*. (*Словарь Писателей и ученыхъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи*, составленный И. Ф. фонъ Реке и К. Э. Наперскимъ.) Ч. II. G—K. Митава 1829 г. 620 стр. въ б. 8; — Ч. III, L—R. тамъ-же, 1831 г. 598 стр. въ б. 8. (въ ш. Шеффенгагена).

Объ изданіи первой части сего Словаря уже было объявлено въ Московскомъ Телеграфѣ 1828 г. (N° 2, на стр. 228 — 234). Тамъ изложено вкратцѣ, съ какою точностію представлены, Г-мъ Статскимъ Совѣтникомъ *Реке* въ Митавѣ и К. *Наперскимъ* (нынѣшнимъ Директоромъ училищъ Лифляндской губерніи), собираемыя уже болѣе 30 лѣтъ сряду извѣстія о писателяхъ и ученыхъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Съ тою-же неутомимою рачительностію напечатаны еще двѣ части сего Словаря, который доведенъ до буквы *P* включительно, и изданіе полнаго, многотруднаго сочиненія Гг. Реке и Наперскаго теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Такимъ образомъ, представляется вполнѣ весь успѣхъ литтературной дѣятельности въ Балтійскихъ губерніяхъ, исчисляются всѣ матеріялы для Исторіи Словесности Эстской и Латышской, означены сочиненія, въ коихъ говорится о тамошнихъ училищахъ и другихъ полезныхъ заведеніяхъ, и сверхъ сего сообщены многочисленныя извѣстія о трудахъ такихъ ученыхъ, которые хотя и не рождены въ тѣхъ провинціяхъ, но писали о предме-

Digitized by Google

тахъ, до оныхъ относящихся (*), или тамъ проживали (**), или токмо скончались въ одной изъ поименованныхъ губерній (***).

Изъ иностранныхъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи, въ Словарь сей внесены: Баронъ Мейербергъ, Олеарій, Принцъ Фонъ Бухау (****).

Изъ лицъ, извѣстныхъ по отечественной нашей Исторіи, тутъ встрѣчаются:

Пробстъ *Гликъ*,

Крузе, любимецъ Грознаго,

Графъ *Минихъ*, и *Паткюль*, рожденный въ темницѣ и умершій отъ рукъ палача.

Въ числѣ достопримѣчательныхъ иностранцевъ:

Папа *Иннокентій* III, коего письма причисляются къ источникамъ Лифляндской Исторіи.

Людовикъ XVIII, сократившій сочиненіе: L'art de vérifier les dates.

(*) На пр. Миллеръ (Gerh. Fr. Müller), Нарушевичъ, и проч.

(**) Какъ то: Кайсаровъ, Ляликовъ, Окуневъ, Орлай, Перевощиковъ, и пр.

(***) Напр. Испанецъ Pardo de Figueroa (Benito).

(****) Въ отношеніи къ сочиненію сего послѣдняго (Moscoviæ ortus et progressus) должно замѣтить, что изданіе 1679 г. напечатано въ Губенѣ (Gubenæ), и что форматъ и число страницъ точно такіе-же, какъ и при изданіи 1681 г., о коемъ упоминается въ объявляемой книгѣ. — Не перепечатанъ-ли въ 1681 г. одинъ токмо заглавный листъ, съ присовокупленіемъ посвятительнаго листа?

Digitized by Google

Изъ писательницъ тутъ упоминаются:

Г-жа *Криденеръ*,

Анна Медунъ, обратившая къ Христіанству Еврея, за котораго она и вышла за-мужъ.

Графиня *Платеръ*, переведшая на Польскій языкъ Вейсова *Друга дѣтей*.

Элиза фонъ-деръ Реке, и нѣкоторыя другія.

Есть и такія статьи, на кои не льзя будетъ не обратишь вниманія при составленіи полной Россійской библіографіи, на пр. *Гунъ*, *Ламберти*, *Розенкампфъ*, и проч.

Пространнѣйшія статьи въ сихъ двухъ томахъ суть слѣдующія:

Гезеліусъ (Io. G. Gezelius), на 14 страницахъ.
Гротгусъ (Chr. Jo. D. v. Grothuss) на 10 стран.
Гердеръ (v. Herder), на 8 стран.
Гецель (Hezel) на 12 стран.
Коцебу (Aug. v. Kotzebue) на 33 стран.
Луденъ (Lor. Luden) на 13 стран.
Моргенштернъ (K.v. Morgenstern) на 19 стран.
Парротъ (G. Fr. v. Parrot) на 10 стран.

Не намъ благодарить Гг. фонъ Реке и Наперскаго за изданіе сихъ книгъ. Словарь этотъ конечно самъ собою послужитъ имъ лучшею наградою за многолѣтнее, полезное ихъ занятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и достойнымъ памятникомъ ихъ безкорыстнаго трудолюбія; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ и свыше удостоится милостиваго вниманія покровителей просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Образцовое сіе библіографическое сочиненіе вѣрно пріі-

Digitized by Google

обрѣтаемо будетъ для всѣхъ нѣсколько значительныхъ и дѣльныхъ библіотекъ, а многимъ трудолюбивымъ литтераторамъ оно доставитъ не малое облегченіе въ ихъ занятіяхъ.

— *Исторія Княжества Псковскаго*, съ присовокупленіемъ плана города Пскова. Части III-я и IV-я. Кіевъ. 1831. Въ тип. Кіево-Печерской Лавры, 171 и 192 стр. in-8.

О появленіи въ свѣтъ первыхъ двухъ частей сей книги, мы уже писали, въ 22-й книжкѣ Телеграфа 1831-го года. Съ особеннымъ вниманіемъ прочли мы и послѣднія двѣ части. Это богатое собраніе матеріяловъ для Исторіи Русской вообще, не только для Исторіи города Пскова. Намъ кажется даже, что названіе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію оной, ибо съ водвореніемъ единовластія въ Россіи, Княжество Псковское перестало существовать: остался городъ, и округи, къ нему причисляемыя, но не образующія прежняго Княжества.

Какъ часть Исторіи Россіи, Исторія Пскова любопытна, даже важна по многимъ отношеніямъ, и мы, съ чувствомъ истинной благодарности къ достопочтенному Сочинителю, признаемъ великость услуги, оказанной имъ изыскателямъ Русской Исторіи. Если-бы о всѣхъ губерніяхъ Россійскихъ были написаны подобныя Исторіи, то это безконечно облегчило-бы изысканія бытописателей и статистиковъ нашего отечества. Но, не совѣстно-ли намъ, что даже о Москвѣ, этомъ зернѣ всей, такъ сказать, *средней* и новой Исторіи на-

Digitized by Google

шей, нѣтъ порядочной, не только полной Исторіи! А время не ждетъ: оно, мало по малу, разрушаетъ, измѣняетъ древніе памятники, достопамятныя церкви, и даже мѣстоположенія! И между тѣмъ, любознательному путешественнику, или жителю Московскому, нечѣмъ руководствоваться, глядя и на то, что еще существуетъ!..

Просимъ извиненія въ этомъ отступленіи: оно было слѣдствіемъ взгляда на трудъ о Псковѣ, какого нѣтъ даже и о Москвѣ.

Въ III и IV-й части *Исторіи Княжества Псковскаго* заключаются слѣдующія статьи: — Общая Исторія Церковной Іерархіи Княжества Псковскаго — Историческій списокъ Преосвященныхъ Архіереевъ Псковскихъ — Хронологическій списокъ Псковскихъ Угодниковъ Божіихъ, издревле во Псковѣ почитаемыхъ — Историческій списокъ монастырей Псковской Епархіи, донынѣ существующихъ — Хронологическій списокъ упраздненныхъ Псковской Епархіи монастырей, по извѣстію въ Лѣтописяхъ и въ разныхъ старыхъ грамотахъ, о ихъ построеніи, или другихъ какихъ случаяхъ, до нихъ касающихся — Хронологическій списокъ древнихъ Псковскихъ церквей, упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ и старыхъ грамотахъ. — Списокъ нынѣ находящихся въ городѣ Псковѣ Соборовъ и церквей штатныхъ, приписныхъ и упраздненныхъ — Общая вѣдомость о церквахъ Псковской Епархіи въ нынѣшнемъ состояніи — Разныя надписи — Планъ гробницъ подъ Каѳедральнымъ Троицкимъ Соборомъ — Роспись, въ какіе именно дни, или числа, къ какимъ церквамъ во Псковѣ

Digitized by Google

установлены крестные ходы — Сокращенная Псковская лѣтопись, собранная изъ отечественныхъ и иностранныхъ лѣтописей — Краткая перечень важнѣйшихъ Псковскихъ бѣдствій — Подробная таблица о числѣ жителей, церквей, монастырей, заведеній, и проч. Псковской губерніи въ 1831 году.

Повторимъ сказанное нами о первыхъ двухъ частяхъ сей книги: «Имѣя цѣлью единственно приведеніе въ систематическій порядокъ собранныхъ имъ матеріяловъ, почтенный Авторъ не входилъ въ критическія изслѣдованія. Онъ означаетъ, *откуда что* почерпнуто имъ: *иже хощетъ да разумѣетъ.*»

— *Объ успѣхахъ винодѣлія на южномъ берегу Крыма.* Сочиненіе П. Кеппена. СПб. Въ т. Медиц. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ. 1831, 50 стр. in-8.

П. И. Кеппенъ, съ нѣкотораго времени занимающійся, между прочимъ, разсаживаніемъ винограда въ Крыму, обозрѣваетъ опытнымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ сію важную вѣтвь государственной промышленности. Онъ уже напечаталъ любопытную статью: *О винодѣліи на южномъ берегу Крыма* (въ 23 N° Сѣвернаго Муравья 1830), и статья сія обратила на себя вниманіе знатоковъ. Нынѣ онъ дополняетъ сію статью новыми свѣдѣніями. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о пользѣ разгрунтовки или борозженія, о цѣнѣ и способахъ сей работы, о сажаніи винограда, о кольяхъ для поддержанія лозъ, о сортахъ лозъ, произрастающихъ въ Крыму, о количествѣ выхода вина изъ даннаго количества винограду, и проч., Авторъ

Digitized by Google

излагаешъ замѣченное имъ при послѣднемъ (въ Сентябрѣ 1831 г.) объѣздѣ югозападнаго берега Крыма, ошъ Алушты до Ласпи. Тутъ подробно исчислены всѣ виноградные сады, существующіе нынѣ, и успѣхи каждаго изъ нихъ; подробно описаны дѣйствія казеннаго Никишскаго сада, и раздѣленіе на участки Магарачской дачи, исполнившееся столь успѣшно, что « Начальство нашло себя побужденнымъ двукратно отводить еще новыя дачи, каковыхъ понынѣ и роздано 36. » Наконецъ Г. Кеппенъ исчисляетъ, что на южномъ берегу, ошъ Алушты до Ласпи, на просшранствѣ, не превышающемъ 90 верстъ, посажено лозъ лучшаго разбора, и въ борозженой землѣ, около милльона; а это обѣщаетъ каждогодно около 50,000 ведръ вина, несравненно превосходнѣйшаго прошивъ того, какое понынѣ добывалось въ предѣлахъ Царства Русскаго. «Достопримѣчашельно то, чшо въ шеченіе одного послѣдняго года, ошъ Алушты до Фороса посажено на мѣста не менѣе 300,000 кустовъ отборнаго винограда. Касашельно выгодъ, ожидаемыхъ отъ винодѣлія на южномъ берегу Крыма, я вообще не нахожу еще причинъ (говоришъ Г. Кеппенъ), отказашься ошъ шого, чшо уже было сказано мною въ Сѣверномъ Муравьѣ. Выгоды сіи значишельны; но завидовашь намъ не сшанешъ шошъ, кому извѣсшны шѣ заштрудненія, съ коими, болѣе или менѣе, борошься долженъ каждый новый поселенецъ за горами Таврическими. Надобно имѣшь швердосшь духа Княгини Анны Сергѣевны Голицыной, для великодушнаго преодолѣнія всѣхъ препяшсшвій, предсшавляющихся Европейцу, коиорый рѣшился здѣсь

Digitized by Google

жить, и здѣсь-же положить свою голову. Примѣръ ея, и щедрыя пожертвованія Графа М. С. Воронцова, весьма много содѣйствовали къ успѣшному распространенію усовершенствованнаго винодѣлія. Несчетны затрудненія, предстоящія новымъ водворенцамъ, но они со дня на день уменьшаются, и мы видимъ, что даже лица, не ожидавшія за горами ничего кромѣ хлопотъ и убытковъ, нынѣ тамъ стараются пріобрѣтать садовые участки, для разведенія виноградниковъ.»

— *Историческій опытъ о древнихъ Русскихъ монетахъ и кожаныхъ деньгахъ*, начиная со введенія оныхъ въ Россію до нынѣшнихъ временъ. М. въ т. Рѣшетникова. 1831, 32 стр. in-16.

Заглавіе этой книжечки очень пышно, а содержаніе очень тощее. Авторъ говоритъ вкратцѣ о гривнѣ, рублѣ, полтинѣ, кунѣ, ногатѣ, и проч., то есть исчисляетъ только, что сіи названія денегъ существовали на Руси. Но что-же изъ этого? Къ чему это исчисленіе? Неужели для наученія публики? Русская Нумизматика есть одна изъ самыхъ мало объясненныхъ частей нашей Исторіи; извѣстія по сей части должны быть подкрѣпляемы достовѣрными свидѣтельствами, а сочинитель не приводитъ ни одной ссылки, ни одного указанія, откуда заимствовалъ онъ свои извѣстія. Да и можно-ли написать что-либо дѣльное о важномъ историческомъ предметѣ — на одномъ печатномъ листѣ?

— *Мечиславъ и Рослана*, Русская сказка. Спб. 1831. Въ т. Смирдина.

Digitized by Google

Эта Сказка написана стихами; и стихи въ ней такъ хороши, что мы не знаемъ, какой-бы изъ лучшихъ стихотворцевъ нашихъ не рѣшился признать ихъ своими? Утѣшительно видѣть подобное явленіе! Оно показываетъ, сколь великій шагъ сдѣлали мы въ стихосложеніи, если оглянуться, напримѣръ, лѣтъ за пятнадцать; оно даетъ понять и то, что въ наше время, уже мало однихъ стиховъ для полученія лавроваго вѣнка. Явись эта сказка за пятнадцать лѣтъ, и Авторъ ей сталъ-бы въ общемъ мнѣніи выше творца *Эды*, ибо стихи его рѣшительно лучше: Явись она лѣтъ за сорокъ — его поставили-бы на ряду съ творцемъ *Душеньки*, ибо по всему она подходитъ къ этой поэмѣ; только стихи въ ней лучше:

Чего-же недостаетъ *Мегисланѣ и Росланѣ* для полнаго успѣха? Чего требуютъ отъ Авторовъ подобныхъ, произведеній въ наше время? Для точнаго рѣшенія сихъ вопросовъ, надобно было-бы войдти намъ въ подробныя изслѣдованія, къ которымъ приступить теперь мы не можемъ, и откладаемъ ихъ до удобнѣйшаго случая, когда время и мѣсто дадутъ болѣе свободы нашему перу. Однакожь, надобно, хотя въ краткихъ словахъ, сказать мнѣніе наше о *Мегисланѣ и Росланѣ*. При необыкновенно хорошихъ стихахъ сей Сказки, въ ней нѣтъ той высокой сообразности, ни съ духомъ Русскихъ Сказокъ, ни съ предметомъ, изображаемымъ Авторомъ, которая даетъ характеръ народной Эпопеи произведеніямъ первокласснымъ въ семъ родѣ. Сверхъ сего, видны глубокіе слѣды, оста-

Digitized by Google

вленные въ Авторѣ *Русланомъ и Людмилой*: и это много вредитъ ему, ибо сказка Пушкина никакъ не можетъ быть образцомъ въ своемъ родѣ. Замѣтны сильныя воспоминанія и о той *дали таинственной*, которая была въ модѣ лѣтъ за десятокъ.

Авторъ сей Сказки не извѣстенъ намъ. Если *Мстиславъ и Рослава* есть первый опытъ юноши, то мы осмѣливаемся предречь Автору большіе успѣхи на поприщѣ Поэзіи; если-же это подвигъ обстрѣленнаго ветерана, то поздравляемъ опытнаго витязя съ совершенствомъ, до котораго могутъ достигнуть, какъ намъ кажется, только юныя силы. Вообще это сочиненіе достойно особеннаго вниманія, и мы постараемся еще напомнить о немъ нашимъ читателямъ.

— *Дочь привратника.* Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе *Етьена*, *Арago и Анисе* (!). Переводъ А. Б. М. 1831. Въ т. Степанова. 102 стр. in-8.

— *Проказы ревнивыхъ*, или урокъ передъ свадьбой. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. В. Ш. СП. 1831. Въ т. Корпуса внутренней стражи. 63 стр. in-8.

— *Тюрьма.* Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ Французскаго Н. М. СПб. Въ т. Россійской Академіи. 1831. 46 стр. in-8.

— *Приданое*, или посѣтители минеральныхъ водъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго Т. Аполлонскимъ. (*Изъ Комедіи Леклерка. Нѣкоторые куплеты взяты изъ Скриба*).

Digitized by Google

М. 1831. Въ т. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 65 стр. in-8.

Отъ чего въ такомъ упадкѣ наша Драматическая Словесность? Отъ чего въ цѣлый 1831-й годъ у насъ не явилось ни одного замѣчательнаго драматическаго произведенія (исключая *Бориса Годунова*, который не принадлежитъ къ сему году по времени сочиненія)? Мы исчисляли почти всѣ, выходившіе изъ печати водевили, драмы, комедіи, и проч., и вотъ еще извѣщаемъ о четырехъ сочиненіяхъ въ семъ родѣ. Но что это такое? Или передѣлки съ Французскаго, или и Русскими написанные, но по Французскимъ образцамъ созданные пустяки. Собственно-же *Русскихъ* сочиненій въ семъ году не явилось ни одного. Отъ чего это? Отвѣчать на сей вопросъ, по видимому, легко. Отвѣтъ готовъ: «Отъ того, что у насъ и ничего нѣтъ! Не одинъ этотъ годъ, но уже и много лѣтъ, то есть отъ начала Русской Словесности, мы все бѣдны литературными произведеніями. Подождите: все придетъ со временемъ.» Но это справедливо не вполнѣ: мы бѣдны, напримѣръ, романами, Журналами, однако по этимъ отраслямъ Литературы есть какое-то движеніе, правда, похожее на лихорадочное, но все таки движеніе. Скажутъ, что тамъ побудительною причиною служилъ успѣхъ нѣкоторыхъ немногихъ явленій. Слѣдовательно, причина неподвижности нашей Драмы та, что въ ней нѣтъ явленій, знаменующихся успѣхомъ? Прибавимъ, и не можетъ быть при настоящемъ состояніи нашихъ понятій, отношеній и образованія въ Драмѣ. Да сверхъ то-

Digitized by Google

го, ни публика, ни Авторы не готовы для Русской Драмы. Обыкновенный ходъ всѣхъ дѣлъ — постепенность. Пусть явится для насъ Валтеръ Скоттъ драматическій; пусть полюбитъ его наша публика; пусть драматическій Булгаринъ возбудитъ желаніе въ нашихъ соотечественникахъ сравняться съ нимъ, или превзойдши его: тогда и въ Драмѣ будетъ движеніе. Скрибъ уже сдѣлалъ нѣчто подобное у насъ: и водевилисты Русскіе находятся въ такомъ-же отношеніи къ Скрибу, въ какомъ романисты къ Валтеру Скотту.

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ

СВѢДѢНІЯХЪ ДРЕВНИХЪ РОССІЯНЪ.

Въ наше время образовалось особенное воззрѣніе на *Исторію наукъ и знаній*, состоящее въ томъ, что мы изыскиваемъ не однѣ только *положительныя истины* въ Исторіи ихъ, но вполнѣ разсматриваемъ *состояніе* каждой науки, каждаго знанія у разныхъ народовъ, и въ разные вѣка. Мы не отвергаемъ ошибокъ, почитавшихся нѣкогда истиною, не смѣемся надъ заблужденіями, въ самомъ дѣлѣ иногда забавными. Нѣтъ: мы, или разсматриваемъ причину оныхъ, и стараемся узнать изъ сего истину, или, убѣждаясь въ безполезности явнаго заблужденія, цѣнимъ не менѣе дорожимъ оными, ибо видимъ въ немъ *фактъ*, могущій по-

Digitized by Google

яснишь намъ *духъ, образованіе, степень знаній* каждаго народа.

Сими воззрѣніями Исторія извлекается изъ сухаго пересказыванья событій и хронологическихъ замѣшокъ о дѣлахъ и людяхъ. Она становится живою картиною, на которой изображается каждый народъ, съ его добродѣтелями и недостатками, достоинствами и заблужденіями, равно служащими къ общей жизни Человѣчества и проявленію Истины.

Чрезвычайно любопытенъ въ такомъ отношеніи взглядъ на *Исторію Географіи*, у разныхъ народовъ, и въ разныя времена. Географическія познанія Грековъ, Римлянъ, Нордманновъ, Византійцевъ, составляли уже по сему случаю предметы многихъ ученыхъ изслѣдованій. Знаменитые мужи — Риттеры, Геерены, Малтебрёны, Маннерты, полагали трудъ свой на обозрѣніе географическихъ познаній разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ.

Но до сихъ поръ не было обращено вниманія на *географическія познанія древнихъ Руссовъ*, и объ этомъ не льзя не пожалѣть. Здѣсь открылись-бы такъ-же какъ и вездѣ, двѣ важныя стороны изслѣдованій.

Соображая географическія познанія древнихъ Руссовъ, мы могли-бы открывать слѣды сношеній ихъ съ другими народами, и изыскивая источники оныхъ, узнавать мѣру сихъ сношеній. Можно-бъ было сіи изслѣдованія сдѣлать повѣркою источниковъ, подобно тому, какъ Арабскими переводами

Digitized by Google

повѣрялись тексты древнихъ Греческихъ Классиковъ.

Съ другой стороны, Географія Руссовъ дополнила-бы вообще Историческую Географію самобытными свѣдѣніями, и, можетъ быть, прибавила-бы къ ней нѣчто новое и неизвѣстное.

Надобно сказать, что вообще въ Русскихъ источникахъ мы находимъ весьма много Географическихъ матеріяловъ. Начиная съ Космографіи Нестора, взятой имъ у Византійцевъ, но дополненной самобытными *Русскими* свѣдѣніями, и важной для Этнографа и Историка Сѣверной Европы, Русскіе источники представляютъ намъ безпрерывный рядъ географическихъ замѣчаній. Полныя путешествія Руссовъ, какъ-то, напримѣръ: Даніила Паломника въ Палестину, Пимена Митрополита въ Царьградъ, Аѳанасія, Тверскаго гостя, въ Индію, и проч., находятся въ нашихъ памятникахъ. Множество чужеземныхъ извѣстій записано въ Русскихъ сборникахъ. Послѣ паденія Татарской власти, особенно многочисленны и любопытны сдѣлаются географическія извѣстія Руссовъ. Находимъ много путешествій Русскихъ по Европѣ и Азіи; цѣлыя описанія земель въ Азіи и Европѣ; наконецъ, въ концѣ XVI-го вѣка, являются полныя Географіи, или Космографіи, переведенныя нашими предками съ иностранныхъ языковъ. Первые и вторые изъ сихъ матеріяловъ разсыпаны въ сборникахъ, лѣтописяхъ и хронографахъ Русскихъ; послѣднихъ множество списковъ, разныхъ временъ, дошло до насъ отдѣльно.

Digitized by Google

Излишне было-бы прибавлять здѣсь, что строгая, ученая критика должна руководствовать насъ при разборѣ всѣхъ сихъ матеріяловъ. Но не льзя особенно не замѣтить, что при ней, богатый запасъ для познанія характеристики Русскаго народа, и отношеній его къ Европѣ и Азіи, открывается наблюдателю.

Не входя въ подробности, упомянемъ здѣсь о старинныхъ Космографіяхъ, этомъ началѣ новой Европейской Географіи, знанія, столь усовершенствованнаго въ наше время. Жаль, что донынѣ никто не обратилъ вниманія на Русскія Космографіи. Мы сказали, что ихъ много списковъ дошло до насъ. Въ Каталогѣ рукописей бывшей Библіотеки Графа Ѳ. А. Толстова, показаны *три* полные списка Космографій, писанныхъ въ концѣ XVII-го вѣка (Отд. I, N° 67, 262 л., N° 117, 246 л., N° 210, 72 л.), и кромѣ того нѣсколько отрывковъ въ разныхъ сборникахъ (Отд. I, N° 191, 354, Отд. II, N° 368, Отд. III, N° 68). Составители Каталога говорятъ, что сіи Космографіи *неизвѣстныхъ сочинителей*. Явно однакожь, что онѣ переведены съ иностраннаго. Въ томъ-же Каталогѣ показаны: *Космографія*, соч. Бѣльскимъ, и переведенная въ 1584 г. (Отд. I, N° 205, 1347 стр. in-f°.), *Эпитомія космографичная*, перев. съ Итальянскаго въ 1709 г. (Отд. I, N° 223), и *Географія Делинда*, пер. съ Латинскаго подлинника, напеч. въ Амстердамѣ, въ 1665 г. (Отд. IV, N° 5, 1097 стр. in-f°).

При Петрѣ Великомъ появились въ печати первыя настоящія и правильныя Географіи. Въ Библіо-

Digitized by Google

шекѣ Графа Толстова хранились экземпляры: Географіи, напеч. въ 1710 году, Географіи Варенія, напеч. въ Русскомъ переводѣ въ 1718 году, Географіи Гибнера, напеч. въ 1719 году, и книги о глобусахъ, напеч. въ 1724 году. Здѣсь Географія является уже наукою правильною, очищенною отъ сказокъ, примѣси чудеснаго и суевѣрій.

Не таковы наши старинныя Космографіи, изъ коихъ ни одна донынѣ не издана. Онѣ относятся къ тому времени, когда Клювериі, Риччіоли, Вареніи еще не преобразовывали науки, Коронелли и Меріаны не повѣряли описаній путешественниковъ, Сансоны и Буреусы не исправляли картъ Географическихъ. Географія представляла тогда странную смѣсь выдумокъ и истины, извѣстій ученыхъ и миѳологическихъ. Библейскія преданія, ложно понятыя, разсказы Марковъ-Павловъ, Одериковъ, Мандевилей, въ смѣси съ извѣстіями Иродота, Страбона, Птолемея, описывались въ книгахъ и представлялись на каршахъ. Таковы были Сенъ-Гальская *tarra subtilis opera*, серебряныя таблицы Карла Великаго, карша Біанко, сочиненная въ половинѣ XV вѣка (и описанная Формалеони), карша того-же времени, объясненная Гереномъ, и проч. — Тутъ находите названія изъ Страбона, Плинія, Тацита, и — *Гога и Магога* на сѣверѣ, *Рай* на востокѣ, *смоляную пучину* на югѣ, и *стеклянныя горы* на западѣ.

Отличительнымъ признакомъ всѣхъ старинныхъ каршъ и сочиненій географическихъ было то, что новое вносилось въ нихъ безъ всякаго соображенія

Digitized by Google

съ старымъ, какъ будто боялись наши старики разувѣриться въ сказанномъ прежде. Вѣра въ чудесное была также однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій правильной наукѣ. Путешественникъ не смѣлъ возвратиться изъ дальней стороны, безъ того, чтобы не разсказывать неслыханныхъ диковинокъ. Можно легко понять, что если здѣсь теряешь положительное знаніе Географіи, то, въ замѣну сего, сколь много любопытнаго являешся для Исторіи, Поэзіи, и другихъ наукъ и знаній!

Одинъ изъ Русскихъ списковъ Космографіи, начала XVII-го вѣка, находящійся у насъ, начинается такимъ образомъ:

«Искони Зиждитель Богъ, создавъ человѣка самовластна, и словесна, и разсудительна, потомъже покоривъ сему видимыя твари всяческія, и давъ ему животную, разумную силу, да творитъ на угожденіе Богу, потомъ-же и на промышленіе своему естеству, и да смотритъ послѣдняя день и нощь, и о томъ, да восхвалимъ благохитреца Бога. Дана суть изначала отъ него коемуждо языку хитрость: Еллиномъ словесное осмичастіе, риторское витійство; Персамъ-же и Вавилоняномъ звѣздословіе, или небесный бѣгъ; Египтяномъ-же землемѣріе, еже есть Космографія, по нѣкоему богослову премудрому. Состоится-же Философія седьмью мудростями, и первая мудрость многосложная *орфографія*; вторая-же *рѣчеточная*, еже сушь витійская, препирательная толкованія; третья, выше всѣхъ, *богословная*; четвертая *небоокруженная*; пятая *лекарская*, еже есть лекарство, лечьба;

шестая-же *геометрическая*, еже есть числительная и скоропамятная; седьмая-же, Святая Писанія толковати, и благоглаголати, и писати, еже спасти душу свою; еже первѣе отъ древнихъ Философовъ зовется *любомудріе*. . .»

За тѣмъ слѣдуетъ описаніе раздѣла трехъ частей свѣта между тремя сыновьями Ноя. «И тѣ убо три части всего свѣта на водѣ, яко-же на блюдѣ простерты, силою Преблаготворца, и въ тѣхъ-же вселенныя всея частехъ земли, страны великія и государства, и языцы различные, ова грамотные, ова безкнижные, иже напослѣди вся подробну скажемъ. Послѣ-же сего много лѣтъ спустя, въ недавныхъ временахъ, Латинскіе Философы обрѣли на Западѣ, въ морѣ Окіянѣ, въ долгой пучинѣ, многіе острови и различные, ови-же людны и богаты, ови-же *безчеловѣчны*, и нарекоша тѣ острови именемъ: *Америка*, и назваша ихъ *четвертую часть*, новую землю, и положиша ихъ къ тѣмъ-же тремъ частемъ въ Космографіи. Въ тѣхъ-же частехъ кійждо страну, и землю, и царство, и королевство, и различные ихъ богатства, и пространство, вѣры-же и нравы, многолюдство-же и храбрость, и ученія и мудрости, вся доподлинно, да скажемъ...»

Тутъ начинается Этнографія и Топографія. — Въ другомъ, позднѣйшемъ спискѣ Космографіи, гдѣ упоминается имя *Меркатора* (Григоріусъ Меркатеръ, паче Птоломея хвалы достойный), говорится уже, что «земля есть посредѣ округовъ небесныхъ, яко въ окружальномъ колесѣ, и въ равномъ разстояніи отъ небеси до земли со всѣхъ сторонъ,

Digitized by Google

Божіимъ повелѣніемъ сосшавлено... и ради своея круглосши земля нигдѣ къ низу не висишъ, шочію посреди небесъ содержишся»..— Упоминая о сосшавишеляхъ Космографіи, переводчикъ исчисляешъ имена ихъ: *Θольтенорусъ Домникусъ, Ниперъ, Григоріусъ Гораза, Имерисъ, Христоворусъ Анколамусцели, Еребикусъ, Стемаюганіусъ, Арбацыюсъ, Мейсерусъ, Вилимеусъ, Граторолусъ*, и проч. —

Надобно полагашь, что вмѣсшѣ съ Космографіями, были у предковъ нашихъ и каршы Географическія, гораздо прежде напечашанныхъ при Петрѣ Великомъ.

Намъ случайно попалась карша, шакъ называемой, *лубочной*, или *Суздальской* гравировки (хотя совсѣмъ *не Суздалы*, и *не на лубкѣ* вырѣзывали сего рода рисунки). Разсмошрѣвъ оную, мы полагаемъ, что она *скопирована съ карты древнѣйшей*, въ началѣ XVIII-го вѣка. Не измѣняя сущносши, копировщикъ прибавилъ къ ней нѣсколько новосшей ошъ себя (какъ-то: извѣсшіе о Петербургѣ, и проч.). — Не имѣя возможносши представишь чишашелямъ извлеченія изъ Русскихъ Космографій, ибо это далеко перешло-бы за предѣлы нашей сшашьи, мы рѣшились предложишь списокъ и описаніе карты, о которой говоримъ, ибо ее можно назвашь *сокращеніемъ старинныхъ Русскихъ Космографій*. Вѣрный списокъ карты приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа, въ сокращеніи. Подлинникъ состоишъ изъ четырехъ, небольшихъ, вмѣсшѣ склеенныхъ лисшовъ. Средину занимаешъ кругъ, 12-ши вершковъ въ діамешрѣ. Вверху, два, грубо награвированъ-

Digitized by Google

ные генія, съ трубами, держашъ надпись: «*Книга, глаголемая Космографія, переведена бысть съ Римскаго языка, а въ ней описаны государства, и земли, и знатные острова, и въ которой части живутъ какіе люди, и вѣры ихъ, и нравы, и что въ которой землѣ родится, и о томъ значитъ въ сочиненномъ окрузѣ семъ.*»

На четырехъ углахъ изображены: Азія (въ длинной одеждѣ, съ Китайскимъ домикомъ, и слономъ), Африка (въ видѣ Негра, съ верблюдомъ), Европа (въ видѣ щеголеватой барыни, въ шляпкѣ, въ фижмахъ, съ полуразрушенными колоннами Греческаго зданія, и съ воломъ), Америка (въ видѣ Американца, съ лукомъ и стрѣлами; подлѣ него цѣпи и обезьяна). При каждомъ изображеніи находятся надписи, а именно:

При Азіи. «Восшокъ Солнца, первая часшь, нарицаешся Азія, большаго Ноева сына, Сима, жребій; конецъ ея до восшочнаго острова Макарійскаго, иже есшь до блаженнаго Рая; другой-же конецъ ея до *Фасійскаго* моря (Азійскаго?) и Чернаго; шрешій конецъ раздѣляешся опъ Китайскаго царсшва до земли звѣрообразныхъ людей, до Сибири, и до Хвалынскаго моря.»

При Африкѣ. «Полдень, вшорая часшь, нарицаешся Африка, средняго Ноева сына, Хама, жребій; конецъ-же ея досшизаешъ *Осирскаго* (Ассирійскаго?) языка, и до Чернаго моря, и до Поншійскаго острова; въ другую сшрану опъ Чернаго моря и до Ефіопскія пучины, а въ шрешію сшрану

Digitized by Google

отъ Египта и до Бѣлаго моря, и до Окіянскія пучины.»

При Европѣ. «Третія часть, нарицаемся Европа, меньшаго Ноева сына, Афета, жребій; простираемся отъ Средняго моря и до великаго моря Окіяна; съ другую страну до Варяжскаго моря; съ третію страну до Мурманскаго моря и до Студенаго моря, еже есть Соловецкая пучина.»

При Америкѣ. «Западъ, четвертая часть, нарицается Новая, Америка, не въ давныхъ лѣтахъ изыскана, отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмецъ, съ людьми безграмотными, и со златою и серебряною рудою, и отъ сихъ острововъ тѣ Нѣмцы зѣло обогатились, и грады поставили, и назваша четвертую часть Новую Землю, и положися къ тѣмъ тремъ частямъ.»

Внизу расположена слѣдующая надпись: «Малыхъже острововъ, и безчеловѣчныхъ, описати невозможно, понеже многи острови, и земля наполнена ядовитыхъ звѣрей, и гадовъ, и человѣкомъ неприступны. Елицы-же обрѣтошася отъ человѣкъ, сія и написашася; мнози-же невѣдомы человѣкомъ, но токмо единому преблагому Богу: вся дѣла Ему вѣдомы суть; Той-бо единъ созда всяческая отъ небытія, и еще творитъ-же и претворяетъ, разрѣшаетъ-же и упространяетъ, благости ради, гнѣваже ради раззоряетъ и низлагаетъ, и ни во что премѣняетъ, и нѣсть возможно человѣчью естеству противитися праведнымъ Его судомъ и волѣ, въ Того-бо руцѣ всякое дыханіе живошно.»

Digitized by Google

Карта расположена такъ, что сверху оной находится Востокъ, снизу Западъ, съ лѣвой стороны Полночь, съ правой Полдень. Моря и воды раскрашены зеленою краскою; земли оставлены некрашеными, и на нихъ помѣщены описанія. Въ каждой землѣ изображенъ городъ, въ видѣ церквей и башенъ (раскрашенныхъ желтою, малиновою краскою и сурикомъ). Рѣки очеркомъ своимъ не различаются отъ морей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставлены горы и деревья. Земли всѣ представляются сплошь, безъ различенія на части свѣта.

Съ перваго взгляда, вся карта кажется нелѣпымъ, произвольнымъ очеркомъ; но положивъ ее передъ собою надлежащимъ образомъ, то есть, чтобы сѣверъ былъ вверху, видите грубое, уродливое, но правильное изображеніе Европы, Азіи и Африки. Можно отличить Скандинавскій, Иберійскій, Италійскій полуострова, Африку, Азію, моря: Балтійское, Средиземное, Черное, Каспійское, Чермное. Изложимъ топографическія подробности, какъ представляетъ ихъ карта.

Средоточіе земли приходится около Царяграда (странно: почему не въ Іерусалимѣ, ибо народное повѣрье и донынѣ полагаетъ Іерусалимъ средоточіемъ, называя его *пупомъ земли*?). — Около сего средоточія обставлены Европа, Азія и Африка. Восемь большихъ острововъ изображены далѣе съ запада, девять съ востока, и три съ сѣвера. Все это обведено Океаномъ, обтекающимъ всѣ земли, и составляющимъ предѣлы міра. Океанъ различенъ надписями, съ востока: «Море Окіанъ восточ-

Digitized by Google

ный; » съ сѣвера: «Море Окіанъ полуночный;» съ юга: «Море Окіанъ полуденный,» съ запада: Море Окіанъ западный. »

Въ юго-западномъ углу Скандинавскаго полуострова изображена *Швеція*, съ надписью: «Королевство Шведское, Нѣмцы купеческіе и воинскіе; грады имѣютъ каменные; вѣра у нихъ Люторская; много у нихъ мѣди и желѣза мѣняютъ на товары.»

Далѣе къ сѣверу поставлена Финляндія: «Земля Финская, за Шведскимъ Королемъ.» Лѣсъ отдѣляетъ изображеніе С. Петербурга и Невы. Въ углу отъ Финляндіи: «Королевство Норвенское, было за Датскимъ Королемъ.» Слѣдуютъ надписи: «Лопари Норвенскіе и Шведскіе; Лопари Россійскіе; ѣздятъ на оленяхъ, ѣдятъ мясо и рыбу.» Уголъ къ востоку занятъ надписью: «Соловецкій островъ, 500 верстъ около ходу корабельнаго, ко Архангелскому городу, моремъ.» На Океанѣ близъ Норвегіи написано: «Изъ Нѣмецкихъ земель корабли ходятъ ко Архангельскому городу, и въ Россію, и симъ мѣстомъ корабельный ходъ.» Противъ Лопарей, и далѣе къ сѣверу виденъ большой островъ: «Полнощь, земля темная; тамо зимою солнце не заходитъ; дѣлаютъ драгіе сукна и бархаты, а лѣтомъ у нихъ много обрѣтается солнечнаго сіянія.» Заливъ полночнаго Океана къ Соловкамъ названъ: «Море Океанъ, Бѣлое, Соловецкое.» Тутъ помѣщенъ островъ, съ надписью: «Островъ Соловецкій, а на немъ монастырь.»

Обширное пространство, на востокъ до Китая, на югъ до Днѣпра, занято надписью: «Россія, цар-

Digitized by Google

ство Россійское, Московской державы, стоитъ на востокѣ и на сѣверѣ, пространно и многолюдно; грады имѣетъ каменные и древянны; крещена отъ Великаго Князя Владиміра Кіевскаго, всея Россіи, въ лѣто 6496, отъ Р. Х. 988., и даже донынѣ благочестіе сіяетъ, по преданію Святыхъ Отецъ, и семи Соборовъ и Апостоловъ, и церкви святыя, со всякимъ пѣніемъ, и благочинностію, и благолѣпіемъ украшены; *родима* хлѣбомъ и скотомъ, и рыбою.»

Черезъ все пространство Россіи, отъ востока къ западу, протянуто теченіе водъ, съ разными излучинами: это *Волга*. На излучинахъ поставлены надписи: *езеро Ильмень, езеро Ладожское*; изъ сего послѣдняго показано теченіе Невы въ Балтійское море. По теченію Волги поставлены: Ярославль; Нижній Новгородъ, Василевъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Свіяжскъ, Симбирскъ, Тетюшинъ, и въ устьѣ, на острову Каспійскаго моря, Астрахань. Влѣво отъ устья Волги показана рѣка (Яикъ, Уралъ), и островъ, съ надписью: *Яицкіе Казаки*. Къ названію Каспійскаго моря, прибавлено: *или Хвалынское*; на срединѣ его поставленъ: *островъ Калавинской* (Кулалы?). — Москва изображена съ Иваномъ Великимъ и Спасскими воротами, отъ Волги до Днѣпра, съ надписью: *царствующій градъ Москва: Новгородъ великій* показанъ близъ Ильменя. Уголъ, образуемый Невой и Двиною, занятъ надписью: *Ливонія*, и изображеніемъ *Риги*. Заливы: Финскій и Рижскій названы: «рукавъ Балтійскій, рукавъ Рижскій,» а къ названію: «море Балтійское,» прибавлено: *древле Варяжское*: Днѣпръ показанъ широко

Digitized by Google

шекущимъ въ Черное море, съ множествомъ острововъ. На южной сторонѣ изображенъ: *градъ новый Кіевъ, земляной валъ*, а за нимъ надпись, между Литвы, Польши и Сербіи: «Земля Волынія, бывали Князи, а нынѣ въ Россіи, пусто.» На востокъ отъ устья Днѣпра сказано: «Малая Россія, а въ ней городы Черкасскіе и Запорожскихъ Казаковъ, подъ владѣніемъ Великія Россіи.» Далѣе къ востоку показано теченіе Дона, изъ средины Россіи, въ Азовское море. Съ запада поставленъ *Черкасскій Казачій городокъ*, съ востока *Азовъ, стѣнъ* 5000 *верстъ* (не отнесена-ли сюда ошибкою надпись Днѣпра: *Бористенъ* 5000 *верстъ*?). На югъ отъ Яика, надпись: *Степные Нагаи*, а сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря заняли двѣ надписи: «Земля кочевыя орды Калмыцкихъ Князей, переходятъ по степямъ, отъ мѣста на мѣсто, питаются скотомъ, хлѣба никакого не сѣютъ, скота имѣютъ у себя много,» и «Карапалпаки, кочуютъ въ горахъ» (изображены горы). — За тѣмъ къ сѣверу поставлены лѣса, а за ними, угломъ: «Страна Даурская, была за Китаемъ, а нынѣ въ Россіи.» Далѣе до Сѣвернаго Океана: «Страна великая Сибирь, было царство, а нынѣ за Россіею; родятся въ ней соболи, куницы, лисицы, бобры и бѣлки, и иныхъ звѣрей множество; страна студеная, лѣсу въ ней много.» — Противъ Сибири и Россіи, на Океанѣ показаны два острова: «Новая Земля, въ Сибири, горы великія, ѣздятъ на собакахъ,» и «Новый островъ, нарицается Камчатка, нашли Сибирцы, съ людьми.» — Между землею темною, полнощью и Новою Землею, сказано: «Море, Окіанъ Сибир-

Digitized by Google

ский, студеный: и лѣтомъ по немъ ходишъ ледъ *икры*» (?). —

Въ Азіи, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, и по восточному берегу Чернаго моря означены *Кизылбаши* (Персія), отдѣльно отъ Персидскаго Царства, которое поставлено рядомъ съ Мидіею, Ѳарсисомъ (Киликіею), Вавилономъ и Сиріею. Въ углу между ими, къ Черному морю, означены: Великая Арменія, земля Грузинская, и земля Миликійская (Имеретія), съ означеніемъ Шамахи, Дербента, Кубани, Алыхъ Нагаевъ, Кубанцевъ, и Горскихъ Черкесовъ (при нихъ надпись: «Имѣютъ надъ собою Князей большихъ, а покорны они Россійскому Государю).» На югъ, къ Чермному морю, показана Палестина. Юго-восточные берега Азіи опредѣлены моремъ Чермнымъ, Мертвымъ и Индійскимъ. На Чермномъ морѣ означены слѣды перехода Израильтянъ (съ надписью: «Удари Моисей жезломъ крестообразно, прежды въ море, и струи до днесь бѣлыя);» по всему берегу между сими морями расположены: Аравія, гора Синай, Филистимія, или Меломитія (Халдея, Іеменъ?), Ѳарсія, земля Амазическая (Амазонская), Малая Индія. Другая Индія находится на сѣверо-востокъ отъ Вавилона. Къ Сибири отъ оной является Китай, надпись котораго переходитъ на большой островъ (на этомъ островѣ означено: «Царство Иконское, за Кизылбаши, людіе толсты, ноги коротки.» Что это: Японія, или Иконія? — Тутъ-же другая надпись: «Горы великія, стеклянныя; человѣковъ нѣсть жилища, ни проходу, но

Digitized by Google

живутъ *Корваты*, и зміи великіе и страшные; доходилъ Александръ Македонскій, изгналъ пять царей поганыхъ. » — На осшашкѣ острова показано: « Земля Рахманская (Брамины, или Брахманы), а люди въ ней ходятъ нагіе, одѣваются листвіемъ садовымъ, и ошъ шѣхъ деревъ овощіемъ пишаются, а ризъ, ни скоша, ни хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны, а вѣруютъ на небо, къ Богу, а крещенія не имѣютъ. »

Замѣшимъ здѣсь, чшо *Рахмане* были у нашихъ предковъ шакимъ-же идеаломъ земнаго счасшія, какимъ сдѣлалась для пошомковъ ихъ Аркадія. Въ сказочномъ повѣсшвованіи объ Александрѣ Македонскомъ, коморое списано во многіе Русскіе Хронографы и Сборники, описаны подробно разговоры Александра съ *блаженнымн* Рахманами, пригласившими его поучишься у нихъ мудросши и счасшію.

Между Кишаемъ и Кизылбашами видимъ *Хиву* и « *градъ Бухарсъ*, гдѣ много обрѣшается ризъ и бумаги хлопчашой. » Къ востоку ошъ Индіи посшавлена : « *Съхія великая* (Скиѳія ?), земля просшранна, зѣло многолюдна; пишаются людіе овощіемъ всякимъ и звѣрьми; нравы имѣютъ разные, и облекаются всякими цвѣшными ризами. »

Восточный берегъ занятъ землями: *Арабскою* (« Востокъ, Арабское Царсшво, Арабы черные, вѣра и нравы Египешскіе, вѣруютъ солнцу и огню, и звѣздамъ; идутъ ошъ нихъ золошые (червонцы?) во многіе сшраны; много въ ней пшена сарачинскаго и гвоздики »), *Малаційскою* (« Востокъ, земля Малація,

Digitized by Google

стоитъ подлѣ моря Окіана, *на богатре* (?); въ сей землѣ много злата и каменія драгаго; покланяются идоламъ, а войны ни съ кѣмъ не имѣютъ; человѣцы страшливы зѣло вельми»), и наконецъ—*райскими рѣками*: «Есть мѣсто шушъ подъ Востокомъ, гдѣ исходятъ четыре рѣки райскія. Прежде того, отъ созданія міра, тѣ рѣки шли устьемъ изъ самаго Эдемскаго рая; глаголетъ въ міротворной книгѣ: кто сотворивъ четыре рѣки великія, напояти мя, первое, рѣку Геонъ, второе Феонъ, третіе Тигръ, четвертое Ефратъ? Но по рѣкамъ тѣмъ до Рая нынѣ идти невозможно.» Отъ Китая это мѣсто загорожено «Горами каменными, до моря Индійскаго, 2000 верстъ пути, вельми трудно.» Отъ острова Рахмановъ отдѣляетъ его на морѣ *пучина пещаная*.

Вотъ надписи и описанія исчисленныхъ нами Азіятскихъ странъ:

«Земля Кизылбашская, а нынѣ стало царство Перское, нарицается Шахъ, потому, что онъ обладалъ царствомъ Перскимъ и Вавилонскимъ, а нынѣ тѣ царства запустѣли. Вѣра у нихъ Махметова; много у нихъ шелку, бумаги, и часто біются съ Турками.»

«Земля Персидская, изначала было царство славное и богатое, и власть имѣло надъ вселенною; царствовали тамо Дарій царь и Александръ Македонскій. Человѣцы на рашѣхъ легки, и тщательны на Звѣздочетство, а нынѣ за Персидскимъ Шахомъ.»

Digitized by Google

« Царство Мидское, было славно и многолюдно при Царѣ Даріи Перскомъ, и при Александрѣ Македонскомъ, а нынѣ за Кизылбаши. »

« Земля Ѳарсиская, изначала были въ ней Цари благочестивые; въ немъ-же проповѣдалъ Пророкъ Исаія, Царю, о градѣ и людей погибели; изобильна златомъ, а хлѣба мало. »

« Царство Вавилонское, изначала было царство славное, и людно, и богато, а нынѣ пусто; живутъ въ немъ зміи. »

« Страна Ассирія Великая (Сирія), было царство сильное, и воинскаго оружія въ ней много; веси-же и грады благочестивые есть, и отъ различныхъ ересей. Въ сей части стоитъ славный градъ Антіохія, многолюденъ и украшенъ; живетъ въ немъ Патріархъ; данію за Турецкимъ Царемъ; благочестіе пустѣетъ отъ даней Турецкихъ; родима хлѣбомъ и виноградомъ. »

« Арменія Великая, была благочестивая, а нынѣ вѣра разная ересь. »

« Царство Иверское, а нынѣ слыветъ земля Грузинская; вѣра въ ней благочестивая, Митрополиты и Епископы есть, но раззорена отъ Шаха и отъ Турковъ. »

« Земля Миликійская, Грузинская-же слыветъ, и благочестивая. »

« Полдень, страна великая Палестина, въ ней и Святый градъ Іерусалимъ, Богомъ любимый, созда

Digitized by Google

его Царь Мельхиседекъ, царствовали потомъ Царь Саулъ и Царь Давыдъ, а Соломонъ въ немъ созда Святая Святыхъ. Земля плодовита хлѣбомъ, и виноградомъ, и скотомъ; человѣцы Жидове, злонравны, разсѣяны во всѣ страны, живутъ они разными языцы и разныя вѣры, подъ данію Турскою; но Патріархъ и монастыри честны, и до нынѣ во благочестіи.»

«Земля Аравія, а въ ней горы великія и пустыни непроходимыя; много монастырей, и въ нихъ иноковъ по 1000 обрѣтается; тамо и мощи Св. Екатерины, а питаются люди финиками и смоквы; ученія мудраго не имутъ, а данію за Турки. — «Гора Синайская во Аравіи: тутъ отъ Бога Моисей законъ пріялъ, и видѣлъ Неопалимую Купину, и въ томъ мѣстѣ служатъ священницы въ церквѣ босыми ногами.»

«Полдень, земля Филистимія, Меломитія тоже, вѣры варварскія, и нравы разные, подъ данію Турскою, и земля та *скотна* и *овощна*, и просторанна, а стоитъ подлѣ моря Чермнаго и Мертваго.»

«Полдень, земля Ефіопская, бывали Царіе благочестивые, по Давиду, глаголющу: Царіе Θарсійстіе; а нынѣ въ нихъ варварскіе законы: служатъ солнцу и огню; богата златомъ; за Индійскимъ Царемъ.»

«Амазическое Царство, дѣвичье, а совокупляются они съ Ефіопами съ году на годъ; мужескій полъ отдаютъ Ефіопамъ, въ ихъ землю, малый, а женскій полъ оставляютъ.»

Digitized by Google

«Царство Малая Индія, стоитъ подлѣ моря Восточнаго, владѣетъ островами многими, морскими, богата зѣло златомъ, подъ данію Царя Великія Индіи; покланяются солнцу, и огню, и звѣздамъ.»

«Востокъ, царство Индійское, пространное и многолюдное, градовъ и селъ многочисленно, до моря Восточнаго. Вѣру людіе имѣютъ солнцу, и огню, и звѣздамъ. Вѣра въ Индіи была благочестивая, немного времени, при Царѣ Авенирѣ и Іоасафѣ, Царевичѣ Индійскомъ, а нынѣ до конца заблудились. Богато златомъ, и жемчугомъ, каменіемъ драгоцѣннымъ и сладкимъ кореньемъ. Градъ у нихъ *Комбоя* на 5000 верстъ, каменный и крѣпокъ вельми» (здѣсь, кажется, рѣчь идетъ о *Камбалыкѣ*, т. е. *Пекинѣ*, и Китайской стѣнѣ).

«Царство Китайское, стоитъ на уголъ моря Окіана, пространно, и многолюдно, и богато зѣло; торговать къ нимъ ѣздятъ на корабляхъ гости, по товары; вѣра обрѣтается въ людяхъ Ташарская, а войны они ни съ кѣмъ не имѣютъ.»

По Океану, на краю міра, отъ Востока къ Полдню, начиная съ земли Рахмановъ, размѣщена Миѳологія Среднихъ временъ, на восьми островахъ.

«Востокъ, островъ Макарійскій первый, подъ самымъ восшокомъ солнца, близь блаженнаго Рая, а потому его тако *близь* нарицаютъ, что залетаютъ въ сей островъ птицы райскія. Люди имѣютъ языкъ Греческій, и Царя. До сего острова доходилъ Царь Александръ Македонскій, и возвратился, ибо далѣе вселенныя тамо нѣсть.

Digitized by Google

«Островъ Макарійскій женъ и дѣшей, живутъ особно; родимъ всякимъ овощемъ и виноградомъ, и древеса обрѣтаются зелены всегда.

«Островъ, а живутъ на немъ люди, главы у нихъ видомъ песьи, человѣцы велицы и страшливы зѣло. Много на семъ острову каменій драгоцѣнныхъ.

«Островъ, на немъ живутъ люди, а главы имѣютъ видомъ львовы, велицы и страшны, зѣло во удивленіе.

«Островъ пустъ; живутъ на немъ змѣи; лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, и крылаты, а зовомы василиски.

«Островъ, и живутъ на немъ люди человѣкоядцы. Былъ въ немъ Св. Апостолъ Андрей Первозванный, и вѣра у нихъ кумирская.

«Островъ богатый, Кумиринъ. При морѣ обрѣтается жемчугъ большой, въ раковинахъ, и емлютъ его, а людей нѣтъ, пустъ.

«Полдень, царство *Магданское*, и стоитъ едино на мѣстѣ полуденномъ. Въ немъ обрѣтаются люди купеческіе, а обычаи у нихъ Египетскіе, понеже они отъ рода Фараонскаго. Градовъ у себя не имѣютъ, а вѣруютъ солнцу и огню; войны ни съ кѣмъ нѣтъ.»

Въ дополненіе Азіи, отъ Палестины къ Черному морю показаны два длинные полуострова. На одномъ: «Земля Асійская и *Ельминская* (Эллинская) премудрая, грады, *Випнеладское* царство и Македонія, а нынѣ за Турки. Люди философы, учитель-

Digitized by Google

ны; родима вельми овощами и виноградомъ.» На другомъ: «Межь Чернаго и Бѣлаго моря земля и грады Салтана Турецкаго, до города Царяградскаго. «Моря: Понтійское и Бѣлое (Эгейское), омываютъ оные. Мраморное море названо: «Гирло, ходъ до Царяграда.»

Едва не все Черное море занято Крымомъ, съ надписью: «*Арбатъ*, страна Корсунская, а нынѣ слыветъ Крымская, Татарскія вѣры; благочестіе въ Корсунѣ раззорили, и градами обладали, а воюютъ коньми, набѣгомъ, луки имѣютъ и сабли.» Съ одной стороны Крыма поставлены: «*Перекопь* и *море Гнилое*, съ другой написано: «Море Черное обтекло кругомъ Крыма.»

По берегу Чернаго моря, къ Днѣпру, слѣдуютъ: Турція, Булгарія, Венгрія, Сербія. Къ западу Турцію ограничиваетъ *Рукавъ или заливъ Венеційскій*. Отъ него къ Балтійскому морю расположены: Италія, Цесарія, Бранденбургъ, Угрія (Венгрія), и Чехія (Богемія), Саксонія, Прусія, Польша съ Литвою и Курляндія. Подлѣ Прусіи надпись: «Ходъ корабельный изъ Нѣмецкихъ земель въ Санктпетербургъ.» Западный берегъ Европы занятъ Португаліею, Испаніею, Франціею и Голландіею.

Вотъ описаніе всѣхъ сихъ земель и государствъ:

«Царьградъ, было царство благочестивое Греческое; обладали Турки, и Царя Греческаго убили во врашѣхъ градскихъ, въ лѣто 1453, Мая въ 20 день. Царьградъ созданъ отъ Римскаго Царя Константина, во свое имя, и украсилъ онъ его церк-

Digitized by Google

вами и палаты, и вся вельможи свои изъ Рима привезъ въ Царьградъ. »

« Царство Болгарское, вкупѣ и Казары; людей купеческихъ больше *войскихъ* имѣютъ, и рѣку Дунай, а данію за Турки. »

« Царство *Венгерское* (?), было прежде сего царство, а нынѣ вкупѣ съ Волошскою землею соединилось; родима всякимъ овощіемъ, а данію за Турки. »

« Королевско Сербское, вкупѣ съ нимъ и Волошское государство; имѣетъ въ себѣ св. гору Аѳонскую, и монастыри; родима хлѣбомъ. »

« Ишалія Великая, въ ней грады велицы: Римъ и Флоренція, державы Римскія; въ первыхъ благочестіемъ озарены отъ Св. Апостолъ Петра и Павла, а отъ нихъ стали впервыхъ Папы выше Патріарховъ.

« Царство Цесарское, и Германія нарицается; пространство имать на 1500 верстъ, и многолюдно и богато. Много въ ней рудъ златыхъ и сребряныхъ. Войну имѣютъ съ Турки. Оная земля во всѣхъ Нѣмцахъ почтена. Людіе крещены Апостоломъ Павломъ, а нынѣ заблудились, воспріяли вѣру Нѣмецкую. Человѣцы веліи, но смирны. Много обрѣтается драгихъ пищей и кореній пряныхъ.

« Земля Бранденбургская, Нѣмцы, богатые, за Цесаремъ.

« Земля Угорская и Чесская, были въ ней Короли; словетъ: *Златые отоцы*; нынѣ обитаютъ отъ

Digitized by Google

Турскаго и ошъ Польскаго; вѣры разныя; родима хлѣбомъ.

« Земля Саксонская, Нѣмцы, за Цесарем̀ъ. »

« Земля Прусская, пространство не велико, но богашо, Нѣмцы, купеческіе и воинскіе; родима хлѣбомъ и овощемъ. »

« Королевство Польское, пространно и многолюдно; были крещены, и благочестіемъ сіяли, а нынѣ обрѣтаешся вѣра Папежская; родима хлѣбомъ и скотомъ, и овощемъ; люди величавы и обманчивы. » — Земля и городы Княжества Литовскаго, своими городами владѣютъ. »

« Земля Курляндія, Нѣмцы, а нынѣ за Россіею.

« Королевство Португальское, Нѣмцы воинскіе, богаты, злата и сребра много. »

« Королевско Шпанское, Нѣмцы, воинскіе, храбрые и богатые. Зѣло часто біются они съ Французы и съ Турки, а съ Цесаремъ союзъ имѣютъ. Изобильно сахару, ягодъ винныхъ, елея, изюму. Широта сей земли на 600 верстъ; хлѣба много. »

« Королевство Французское, прежде были крещены ошъ Св. Апостолъ, нынѣ-же заблудились. Люди воинскіе, храбры и богаты; много у нихъ питей драгихъ и краснаго ренскаго, церковнаго, идетъ во многія земли. »

« Земля Голанская, купечество богашое, ходятъ корабли во многія государства, съ товаромъ. »

Къ западу ошъ Швеціи, на островѣ, находимъ: « Королевство Дацкое, Нѣмцы, Римскихъ Цесарей роду; грады у нихъ каменные, и палаты по гу-

Digitized by Google

бамъ морскимъ; вѣра у нихъ Лютерская, Шведская.»

Противъ Голландіи три острова, съ общею надписью: «Островы *Китаіския* (?), а нынѣ Королевство Шкоцкое и Аглецкое.» На большомъ островѣ двѣ надписи: «Королевство Шкоцкое (Шотландія), Нѣмцы, купеческихъ людей мало, все воинскіе, за Агленскимъ Королемъ.» — «Королевство Англенское, Нѣмцы, купеческіе и богатые; ѣздятъ ошъ нихъ корабли во многія земли; много обрѣтаешся олова.» На двухъ другихъ, небольшихъ островахъ: «Королевство Ирляндское (Ирландія), Нѣмцы за Аглецкимъ Королемъ.» — «Земля *Граенская* (Гренландія?), владѣютъ Князи мнози, и вѣра въ нихъ Римская и Нѣмецкая; въ ней лежашъ въ монастырѣ мощи Св. Апостола Ѳомы.

Ошъ Малой Азіи до Италіи протягиваешся цѣлый рядъ острововъ:

«Островъ Кипрсъ (Кипръ), въ немъ обрѣтаешся 40 градовъ; данію были за Цесаремъ и за Папою Римскимъ, а нынѣ за Турки.»

«Островъ Кришскій (Критъ), въ немъ . . градовъ; вѣры въ немъ разныя: благочестіе, и прочая.»

«Островъ Сикимскій (Сицилія), многолюденъ и плодовишъ.»

«Островъ Малшискій (Мальша), въ немъ учители и философы живушъ; много на семъ острову овощія.»

«Островъ Минорка, живутъ философы.»

Digitized by Google

« Островъ Селевкія (?)

« Сардія (Сардинія).

« Минорка (Маіорка?)

И послѣ путешествій Лейона, Каллье, Клаппертона, Ландера, мы не смѣемъ еще назвать Африку извѣстною. Наши старики не были такъ разборчивы, и расчерчивали ее на 14 земель, подробно описывая нравы и обычаи каждой.

« Земля *Египецкая*, было царство славное и гордое, иже Фараоны нарицалися; поработали имъ сынове Израилевы; но праведнымъ судомъ Божіимъ въ Чермномъ морѣ потопишася. Есть въ ней градъ великій, Александрія; живутъ Патріархи, и иныхъ много людей; Египтяне-же издавна къ мудрости обыкли. »

« Земля *Ливиская* (Ливія), пространна и родима хлѣбомъ и виноградомъ, что иныя такія родимыя нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Во оной землѣ множество монастырей, чернецовъ и скитовъ. Въ ней-же много гадовъ и зміевъ ядовитыхъ. »

« Земля *Ефилипская* (?), живутъ самовластны, вѣры разныя, напредь сего были Цари, а нынѣ нѣтъ; хлѣба мало, а войны у нихъ нѣтъ, потому, что покланяются они Турской, и многимъ прочимъ землямъ. »

« Земля *Варварія Татарская*, вѣра обрѣтается бусурманская; воюютъ они безпрестанно на морѣ, кораблями и каторги, разбиваютъ и въ полонъ продаютъ по землямъ, и тѣмъ себѣ промышляютъ корысть отъ имѣющіяся войны. »

Digitized by Google

«Земля *Ундалская* (Вандалы?), человѣцы самовластны; Царя надъ собою не имѣютъ, а нравы и обычаи имѣютъ Нѣмецкихъ людей, и покорны они Цесарю и Папѣ Римскому; вѣру имутъ Евангельскую, и Каѳолическую ересь; родима хлѣбомъ и всякимъ овощіемъ.»

«Полдень, земля *Виѳлида* (Ѳиваида?), было царство благочестивое, а нынѣ раззорено отъ тяжкихъ даней Турскаго и Ефіопскаго Царей. Много во оной землѣ монастырей, и пустынь, и скитовъ, и черцовъ, а больше бѣльцовъ. Земля плодовита хлѣбомъ и овощіемъ, а монастыри Турскому и Ефіопскому, на двое положенную, большую, тяжкую дань платятъ.»

«Земля *Ѳиничѣская* (Карѳагенъ?) пространна и изобильна звѣрями и рыбою. Оная земля обрѣтается близъ моря и рѣкъ; вѣры разныя; владѣютъ ими Варвары и Ефіопы; идетъ отъ нихъ корица, гвоздика, инбирь, мушкатъ, кардамонъ, сахаръ.

«Царство *Ефіопское*, вторая Ефіопія, полуденная, пространна и многолюдна. Людіе въ ней вѣру имѣютъ благочестивую, и вешхаго закона обрѣтаются Патріархъ и Епископы. Множество монастырей въ ней и монаховъ; людіе въ ней веліи, черны отъ солнечнаго жара; хлѣба у нихъ мало; питаются всякими овощьми; богаты зѣло златомъ и каменіемъ драгимъ; біются со многими обрѣтающимися окрестъ землями, и съ Турки.»

«Земля *Тургинская*, изначала называется *Южская*, даже до Соломона Царя, внегда пріиде къ нему во Іерусалимъ Царица Савская, Южская, ис-

Digitized by Google

кусити его, и Святая Святымъ узрѣти, и пророчествоваши о распятіи Христовѣ, и древахъ Крестныхъ. Оная Тургинія данію за Ефіопіею. »

« Земля *Мурнія* (Нигриція ?), сирѣчь черная; много въ ней обрѣтается гвоздики и корицы. Данію за Ефіопіею. »

« Земля *вторая Арабія*, пространна и людна, стоитъ подлѣ моря Окіана; обрѣтаются люди, питаются всякимъ скотомъ и рыбою, а хлѣба у нихъ никакого нѣтъ. Людіе вельми черны, понеже имѣются жары великіе отъ солнца. »

« Королевство *Поноянское* (Японское ?), стоитъ подлѣ моря Окіяна, пространно и многолюдно, богато. Людіе вельми гордые; вѣру имутъ *Евангелицкую* и *Кальфинскую* ересь. Когда люди пріѣзжаютъ къ нимъ изъ другихъ земель торговать, то принуждаютъ ихъ въ свою вѣру, и торговать тѣмъ даютъ, а которые не пріимутъ, и они на главы ихъ накладываютъ шлыки бумажные, и зажигаютъ и отъ того сгараютъ. »

« Земля *Гермонская*, родима овощемъ и скотомъ. »

« Земля *Галлія* (Galla, Shangalla?), стоитъ подлѣ моря Окіана, родима всякими кореньями пряными; вѣра разная. »

Четырьмя большими островами, на юго-западной сторонѣ міра, представлена вся Америка.

Надпись перваго острова: « Западъ, земля новая, Америка, островъ на морѣ, зѣло великъ, чтo такова острова другаго на морѣ не обрѣтается;

Digitized by Google

человѣцы-же вѣры, ни грамоты ни которыя не разумѣютъ; живутъ долго, лѣтъ по сту и больше; ѣдятъ часто рыбу печеную; много орѣховъ мушкатныхъ; данію за Шпанскимъ Королемъ.

Втораго острова, на одной половинѣ: «Островъ *Ормазинскій*, человѣцы смирны, безграмотны; данію за Шпанскимъ Королемъ.» — На другой: «Новая Франкія и Новая Шпанія, дѣлаютъ злато и сребро; человѣцы безграмотны, за Шпанскимъ Королемъ.»

Третій островъ опять дѣлится на двѣ части: «Земля *Пербуланская* (Перуанская?), неисчерпаемое богатство, и злата и сребра множество; человѣцы вѣры и грамоты не имѣютъ, а данію за Португальскимъ Королемъ,» и «Земля Флоридская (Флорида), пространна и многолюдна. Людіе грубы, ходятъ наги, безграмотны, сребра и злата много; человѣцы сіи біются луки, и паки за Шпанскимъ Королемъ.»

Четвертаго острова двѣ надписи: «Страна *Евролипская*, а жиніе ихъ невѣдомо: ни кого въ свою землю не пущаютъ торговать, имѣютъ товары на пристанищѣ моря.» — «Конецъ Америки, и здѣсь человѣцы жиніе имѣютъ, и Князя надъ собою, а питаются звѣрьми и рыбою сухою; ѣздятъ къ нимъ торговать изо многихъ земель. Масла деревяннаго и гвоздики довольно.

На западномъ берегу Африки показана *Большая Ефіопская пучина морская*. Названіе *моря Понтійскаго* поставлено два раза, близъ Малой Азіи и близъ Португаліи.

Digitized by Google

Таковъ былъ *міръ*, *по мнѣнію нашихъ предковъ*. Мы сказали, что разсмотрѣніе карты, подробно нами описанной, доказываетъ, что она *не въ XVIII-мъ вѣкѣ*, но гораздо древнѣе составлена, и, можетъ быть, на эту карту смотря, говорилъ *въ XVI-мъ столѣтіи* престарѣлый отецъ сыну:

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья:
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Всѣ царства вкругъ, границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.

Уже и по этому одному, для поэта, романиста, философа, историка, важно изученіе подобныхъ предметовъ Русской старины: здѣсь краски для Поэзіи, здѣсь предметы размышленій для Философіи. Впрочемъ, не должно думать, чтобы все любопытнѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ Русскихъ Космографій было помѣщено на изъясненной нами картѣ. Напротивъ: это выборъ предметовъ весьма поверхностный и не полный, и потому желательно, чтобы кто нибудь обратилъ ученое вниманіе на Космографіи старинныя во всей ихъ подробности, а также сообразилъ-бы и всѣ отдѣльныя географическія замѣтки и свѣдѣнія нашихъ предковъ...

Digitized by Google

МЫСЪ БУРЬ.

(Отрывокъ).

Жизнь Камоэнса — еще поучительный урокъ непостижимыхъ судебъ Провидѣнія, которыя, за каждое великое отличіе генія, за каждое возвышеніе изъ среды людей обыкновенныхъ, заставляютъ насъ платить тяжкою цѣною, и — рѣдко, рѣдко измѣняютъ сему общему закону! Но здѣсь является также все величіе души человѣческой: Ecce spectaculum deo dignum; vir fortis cum malâ fortunâ compositus! Жизнь Камоэнса — доказательство сей истины.

Камоэнсъ почти неизвѣстенъ у насъ въ Россіи. Есть у насъ, правда, старинный переводъ его поэмы (*Лузіяда*, М. 1788 года, 2 ч.), въ прозѣ, съ жалкаго, стариннаго перевода Французскаго, Дюперрона-Кастера, передѣланнаго Лагарпомъ, *не знавшимъ по-Португальски ни одного слова.* Кромѣ того, вообще слыхали мы, что Камоэнсъ существовалъ, кромѣ поэмы писалъ еще что-то, и умеръ въ бѣдности. О поэмѣ его слыхали мы, что это какая-то странность, въ которой есть изрядныя мѣста, но общность самая нелѣпая. И какъ не повѣрить было въ этомъ Лагарпу, который увѣрялъ, что Камоэнсъ manque de l'imagination qui invente, и что il n'y a dans son poëme ni action, ni caractère, et

Digitized by Google

par conséquent point d'intérêt, или Вольтеру, который, хотя не умѣлъ назвать Поэта правильно, и называлъ его *Камуэнсъ* (Camëens), но сказывалъ, что un merveilleux absurde défigure tout l'ouvrage aux yeux des lecteurs sensés, и что *Камуэнсъ* n'a d'autre art que celui de bien conter les détails. Прибавьте мнѣніе Делиля, находившаго въ поэмѣ Камоэнса mélange monstrueux des divinités du paganisme avec la religion chrétienne, и увѣрявшаго, что ce serait outrager Virgile, que de lui comparer de pareilles productions. Чего-же болѣе говорить!

Въ наше время, пора смѣяться надъ подобными сужденіями, и не по Французскимъ только замѣткамъ XVIII-го вѣка судить о великихъ созданіяхъ другихъ народовъ. Послѣ того, что мы читывали о Данте, Шекспирѣ, Аріостѣ, Гёте, у Французовъ прошедшаго времени, конечно никто не удивится, что и мнѣніе ихъ о Камоэнсѣ было сущею несправедливостью, и нестерпимымъ Классическимъ хвастовствомъ.

Къ несчастію, если донынѣ нѣтъ намъ надежды на скорое ознакомленіе Русской публики съ Англичанами, Нѣмцами, Итальянцами, и даже Французами, то еще менѣе можно надѣяться скораго знакомства Русскихъ читателей съ Португальцемъ, въ хорошемъ переводѣ, или въ чтеніи подлинника. Избави, Аполлонъ! великаго Камоэнса отъ напасти, постигшей на Русскомъ языкѣ Тасса и Шиллера!

Digitized by Google

Людовикъ Камоэнсъ родился въ 1525 году. Происходя отъ благороднаго и древняго рода, Камоэнсъ получилъ отличное воспитаніе, былъ въ Коимбрскомъ Университетѣ, и потомъ опредѣленъ въ придворную службу. Здѣсь могъ онъ ожидать большихъ успѣховъ, будучи красавецъ, воспитанъ, ловокъ. Но еще въ Коимбрѣ страсть къ Поэзіи увлекала его. Едва успѣлъ онъ явиться при Дворѣ, какъ и увидѣлъ всю свою неспособность составить счастіе придворною службою. Къ несчастію —

Quem pode livrar-se por ventura
Dos laços que amor arma brandamente!

Камоэнсъ увидѣлъ, узналъ Катерину, дочь знатнаго и богатаго Графа Кастанеира, и участь его рѣшилась навсегда. Любовь юнаго Поэта награждена была нѣжною любовію красавицы; но онъ былъ бѣденъ, и любовь его казалась преступленіемъ въ глазахъ людей. Знатные родственники Катерины возненавидѣли Камоэнса, и по ихъ стараніямъ, Камоэнсъ былъ удаленъ въ Сантаремъ. Здѣсь, въ нѣжныхъ, трогательныхъ элегіяхъ, оплакивалъ онъ свою участь. Возвращенный въ Лиссабонъ, снова подвергся Камоэнсъ гоненію родственниковъ Катерины, хотѣлъ забыть ее въ битвахъ, и перешелъ въ военную службу. Въ морскомъ сраженіи близъ Цеуты, лишился онъ глаза, и новыя гоненія ждали его въ Лиссабонѣ. Поклявшись въ вѣчной любви, въ тоже время Камоэнсъ поклялся навсегда разстаться съ предметомъ своей несчастной страсти, и всѣмъ пожертвовать для ея спокойствія. Индія была

Digitized by Google

тогда во власти Поршугальцевъ; тамъ ошкрывалось поприще для славы, богатства, для несчастія, хотѣвшаго забыть себя въ подвигахъ и опасностяхъ. Въ 1553 году, Камоэнсъ оставилъ надолго Поршугалію. Геній его, испышанный любовью и несчастіями, пребовалъ чего-то великаго, дабы замѣнить имъ разорванныя связи души и сердца. Мысль: прославить эпическою поэмою славу отечества, занимала Камоэнса еще до похода въ Африку, въ Санпаремѣ. Надобно оцѣнить огромность самой мысли Поэпа, въ половинѣ XVI-го вѣка, когда только великій Данпе былъ единственнымъ примѣромъ новой эпической поэзіи, и не являлись еще ни Тассъ, ни Мильпонъ. Камоэнсъ избралъ предметомъ эпопеи открытіе морскаго пути въ Индію. Васко-де-Гама сдѣлался героемъ его. Великое твореніе занимало всѣ свободные часы Камоэнса, среди битвъ, опасностей, и безпрерывныхъ пупешествій. Но далеко не истощились еще для него злоба людей и немилосердіе судьбы!

Несправедливо обвиненный въ состовленіи пасквилей, Камоэнсъ былъ удаленъ на Молукскіе острова, и три года провелъ въ Малаккѣ, Макао, Тернатѣ. Наконецъ сжалились надъ его участью, и дали ему незначительную должность въ Макао. Здѣсь вполнѣ окончилъ онъ планъ своей поэмы, и нѣсколько лѣтъ дѣлилъ время между ею и должностію. Донынѣ показываютъ въ Макао гротъ, гдѣ писывалъ стихи Камоэнсъ. Наконецъ ему позволили возвратиться въ Гоу; но корабль, на которомъ плылъ онъ, разбился близъ береговъ Камбоджіи.

Digitized by Google

Спасаясь на доскѣ, Камоэнсъ хотѣлъ сохранить только одно — безсмертное твореніе свое: онъ плылъ, держа въ рукѣ рукопись поэмы своей, и лишился небольшаго состоянія, которымъ могъ обезпечить остатокъ дней своихъ. Враги возстали снова на Камоэнса: его обвинили въ злоупотребленіяхъ по должности, и заключили въ тюрьму. Едва оправдался онъ, какъ снова попалъ въ тюрьму за долги: онъ былъ долженъ 200 *крузадовъ*! Камоэнсъ принужденъ былъ тогда просить Вицероя о помощи. Вицерой заплатилъ долгъ. Камоэнсъ продолжалъ военную службу, отличался храбростью, оканчивалъ поэму, влачилъ дни свои въ нуждѣ, трудахъ, и неожиданно получилъ извѣстіе о смерти Катерины: она умерла съ неизмѣнною любовью къ Камоэнсу. Потерявъ ее, Камоэнсъ потерялъ все, что было для него драгоцѣнно въ мірѣ. Поэма его была уже кончена. Камоэнсъ думалъ, что по крайней мѣрѣ слава ушѣшитъ его, что, можетъ быть, оцѣнятъ великій трудъ его; ничто болѣе не удерживало его въ Индіи, и онъ рѣшился ѣхать въ Европу, но — ему не чѣмъ было заплатить за *проѣздъ*! Камоэнсъ принужденъ былъ наняться писцомъ къ Губернатору Софальскому. Здѣсь, на негостепріимныхъ берегахъ Африки, оскорбленный гордостью и презрѣніемъ своего начальника, Камоэнсъ оставилъ его, и въ крайней бѣдности жилъ пособіемъ соотечественниковъ. Діого-до-Куто, возвращаясь въ Европу, присталъ въ Мозамбикъ, и хотѣлъ взять Камоэнса съ собою. Губернаторъ объявилъ, что не отпуститъ его, ибо Камоэнсъ долженъ ему за провозъ 200 крузадовъ. Діого открылъ подписку, собралъ 200 кру-

Digitized by Google

задовъ, и за эту ничтожную сумму купилъ свободу Камоэнса и честь Баррешо (такъ назывался Губернаторъ).

Черезъ шестнадцать лѣтъ бѣдственнаго отсутствія, Камоэнсъ достигъ отчизны, и — униженіе, горесть, бѣдность встрѣтили его. Два года Камоэнсъ искалъ средствъ напечатать свою поэму. Въ 1572 году онъ издалъ ее. Всеобщій восторгъ встрѣтилъ твореніе, и совершенное безчувствіе оказано было творцу! Юный Король Себастіанъ, которому посвятилъ онъ трудъ свой, велѣлъ дать ему пенсію. Двадцать лѣтъ службы и твореніе вѣковое награждены были ежегодною пенсіею, состоявшею изъ 15,000 *рейсовъ* (менѣе 100 рублей)! Забытый людьми, въ бѣдномъ уголкѣ среди великолѣпной столицы жилъ Камоэнсъ. Вѣрный Антоніо, слуга, вывезенный имъ изъ Индіи, урожденецъ Яванскій, собиралъ милостыню и кормилъ Поэта, больнаго, убитаго трудами и горестью. Единственною отрадою его была бесѣда съ монахами Доминиканскаго монастыря, находившагося по сосѣдству. Нѣкто, Португальскій фидальго, заказалъ ему переложить въ стихи нѣсколько Псальмовъ, и жаловался, что Камоэнсъ не скоро готовитъ ихъ. «Такой славный поэтъ, и не можетъ написать нѣсколько стиховъ!» говорилъ фидальго. Quando eu fiz aquelles cantos — отвѣчалъ ему съ улыбкою Камоэнсъ — era mancebo, farto, namorado, e querido de muitos amigos, e damas, o que me dava calor poetico: agora nao tenho espirito, nem contentamento para nada: ahi está o meu jáo que me pede duas mœdas para carvao, e eu nao as tenho para lhas dar

Digitized by Google

(Когда я прежде писывалъ стихи, я былъ молодъ, здоровъ, влюбленъ, окруженъ друзьями, красавицами — это могло воспламенить мою душу; теперь нѣтъ у меня ни ума, ни сердца. И вотъ мой Яванецъ проситъ у меня двѣ *меды* — купить угольевъ, а у меня ихъ нѣтъ!)

Горячо любящій отечество, Камоэнсъ услышалъ о несчастной гибели Короля Себастіана въ Алькасерской битвѣ, и объ опасностяхъ, угрожавшихъ Португаліи. Это совершенно убило его. «Слава Богу! по крайней мѣрѣ я не переживу моего отечества!» вскричалъ онъ. Въ это время умеръ вѣрный его Антоніо. Камоэнса не кому было кормить: его перешащили въ ближнюю больницу — грязную, неопрятную, бѣдную, до такой степени, что у Камоэнса не было даже шеплаго одѣяла... «Далекій отъ жалобъ на жребій свой, я соединяюсь съ нимъ противъ самого себя; слишкомъ «горделиво было-бы противиться столькимъ бѣдствіямъ» — писалъ Камоэнсъ, за нѣсколько дней до своей кончины. Онъ умеръ 4-го Августа, 1578 года. Его похоронили, и забыли мѣсто могилы его, такъ, что съ трудомъ отыскали ее, когда потомъ одинъ изъ соотечественниковъ захотѣлъ положить на ней надгробный камень. Во время землетрясенія Лиссабонскаго, въ 1755 году, церковь, близъ которой былъ погребенъ Камоэнсъ, разрушилась. Возобновляя оную, не думали о Камоэнсѣ, сбросали всѣ надгробные камни въ одну кучу, и — мѣсто могилы Камоэнса теперь навсегда осталось неизвѣстно....

Digitized by Google

Полное собраніе сочиненій Камоэнса содержитъ въ себѣ болѣе 400 разныхъ стихотвореній (*Канцонъ, Одъ, шестистишій, Элегій, Эклогъ, Стансовъ, Редондиллъ*, и особенно *Сонетовъ*). — Любовь была первымъ вдохновеніемъ Камоэнса. И потомъ, на берегахъ Китая, Индіи, Африки, онъ пѣлъ незабвенную Катерину, изображалъ свои бѣдствія, страданія, и всегда Катерина вдохновляла его. Участь Камоэнса была сходна съ Петрарковою участью; но никогда, счастливый, богатый, чтимый знаменитыми современниками, Петрарка, не плѣнитъ васъ такими звуками, не поразитъ такими чувствами, какіе слышите, какіе находите у Камоэнса, несчастнаго, изгнаннаго, скитающагося далеко отъ отчизны, отъ всего, что было ему драгоцѣнно въ жизни....

Также смѣло можно поставить выше Тассова Іерусалима Камоэнсовыхъ *Лузитанъ* (*), эту эпопею, гдѣ отражается слава Португаліи, вѣкъ Поэта, и самъ Поэтъ, во всемъ величіи, и въ прелести неизобразимой. Къ сожалѣнію, языкъ Португальскій всего менѣе извѣстенъ въ Европѣ, а всѣ донынѣ изданные переводы *Лузитанъ* (Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе, Итальянскіе, Испанскіе — не гово-

(*) Или *Лузидовъ*, какъ говоримъ мы: *Ираклиды, Омириды* т. е. потомки Иракла, Омира. Португальское: Os Lusiadas, именно выразится подобнымъ словомъ. Названіе-же: *Лузіада* — вовсе неправильно.

Digitized by Google

римъ уже о Русскомъ) не могутъ дашь никакого понятія о прелести и величіи подлинника. Тассъ изучалъ, читалъ Камоэнса, и въ восторгѣ говорилъ, обращаясь къ тѣни Васко де-Гамы:

Ed or quella del colto e buon Luigi
Tant'oltre stende il glorioso volo,
Che i tuoi spalmati legni andar men lunge:
Ond'a quelli a cui s'alza il nostro polo
Ed a chi ferma incontra i suoi vestigi
Per lui del corso tuo la fama oggiunge.

Придетъ время и для Камоэнса, когда потомки и Европа вполнѣ оцѣнятъ его жизнь и твореніе, такъ-же, какъ оцѣнили теперь Сервантеса, Шекспира и Данте. Донынѣ только Португальцы (какъ прежде только Англичане своего великаго Шекспира) любятъ безотчетно, читаютъ, помнятъ наизустъ Камоэнсово твореніе, видятъ въ немъ Памятникъ всего, чѣмъ славна Португалія, несчастная, растерзанная междоусобіями, забывшая славу свою.

Одинъ изъ просвѣщенныхъ Португальцовъ, Графъ Суза-Ботельо, почтилъ память Камоэнса великолѣпнымъ изданіемъ его твореній. Напечатанное у Дидота, со всею типографическою роскошью, оно украшено было гравюрами лучшихъ художниковъ Парижскихъ. Подъ смотрѣніемъ Жерара, рабошали Фрагонардъ, Дезаннъ, Бовине, Ришомъ, и другіе.

Digitized by Google

Это изданіе, напечатанное въ числѣ немногихъ экземпляровъ, не поступало въ продажу, и потому считается большою библіографическою рѣдкостью.

При сей книжкѣ Телеграфа мы прилагаемъ очеркъ съ каршинки, приложенной къ V-й пѣснѣ *Лузитанъ*, въ изданіи Графа Суза.

Фрагонардъ изобразилъ на сей каршинкѣ явленіе Мыса бурь — эпизодъ Камоэнсовой поэмы, о которомъ и самъ Вольтеръ говорилъ, что онъ doit réussir dans tous les temps, et chez toutes les nations.

«Молчаливо катилась звѣздная колесница ночи; тихо разсѣкали волны корабли наши, и бодрственно наблюдала теченіе кораблей стража, когда черная туча вдругъ затмила передъ нами звѣзды небесныя, и исполнила ужасомъ сердца наши.

«Мрачное море издавало вдали звуки, подобные шуму волнъ, разбивающихся объ утесы. «Всемогущій Боже!» воскликнулъ я, «какое бѣдствіе намъ угрожаетъ? Какое ужасающее чудо представитъ намъ сія страна и сіе море? Это нѣчто болѣе нежели буря!»

«Едва сказалъ я — безмѣрное, страшное привидѣніе явилось предъ нами. Его положеніе было грозящее, его видъ свирѣпъ, лицо блѣдное, брада густая, покрытая тиною; на волосахъ его видны были земля и камни; губы его были черны, зубы влажны, и изъ подъ черныхъ бровей сверкали блестящіе глаза его.

Digitized by Google

«Ростъ его равнялся высотою чудному Колоссу, нѣкогда предмету гордости Родоса и изумленія всего міра. Онъ говорилъ — и ужасный гласъ его, казалось, исходилъ изъ безднъ Океана. При его появленіи, при его зловѣщихъ словахъ, власы поднялись дыбомъ на головахъ нашихъ, и страхъ оледенилъ насъ.»

Исполинъ вѣщаетъ страшныя угрозы дерзкимъ мореплавателямъ, дерзнувшимъ перейдти за предѣлы, коихъ не касался дотолѣ ни единый корабль, дерзнувшимъ вспѣнить дѣвственныя волны Океана незнаемаго.

«Еще продолжалъ онъ свои гибельныя предвѣщанія... «Кто ты, чудовище?» воскликнулъ я, рпнувшись къ нему. «Какой демонъ говоритъ намъ твоими устами?» Страшный исполинъ глядѣлъ на меня гибелью. Отвратительныя уста его раскрылись съ усиліемъ, и изъ нихъ излетѣлъ ужасный ревъ. Глухимъ, свирѣпымъ голосомъ отвѣчалъ онъ мнѣ:

«Я духъ бурь; я одушевляю этотъ обширный мысъ, ни Птоломеямъ, ни Страбонамъ, ни Плиніямъ, ни Помпоніямъ, и ни кому доселѣ неизвѣстный. Я оканчиваю здѣсь землю Африканскую, сею вершиною, которая смотритъ на южный полюсъ, и, донынѣ закрытая отъ глазъ смертныхъ, оскорбляется вашею дерзостью.»

Высокое, превосходное, истинно поэтическое изображеніе Мыса Доброй Надежды, конца Африки! И о Камоэнсѣ сказалъ Лагарпъ, что у него *не было изобрѣтательнаго воображенія*!

Digitized by Google

Намъ кажется, что Фрагонардъ не выразилъ вполнѣ величія мысли Поэта. Картина его недостаточна всравненіи съ высокими образами Камоэнса. Не такъ изобразилъ-бы Мысъ бурь великій художникъ, и — вотъ предметъ для человѣка, могущаго понять исполинскую мысль Поэта великаго!..

Ф. Т.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Англійская школа Живописи достойна особеннаго эстетическаго наблюденія. Богатая произведеніями великими, она представляетъ намъ свой, особенный характеръ, свои красоты и свои недостатки, разборъ коихъ поучителенъ, не менѣе изученія изящныхъ сторонъ Англійской школы.

Самобытность и *національность* — столь сильно выражаемыя Англійскою политикою, литературою, Англійскими нравами и мнѣніями — рѣзко выражаются и Англійскою Живописью. Вотъ главное отличіе оной отъ всѣхъ другихъ. Это необходимо заставляетъ Англичанъ впадать въ величайшую ошибку: все еще не отставая отъ Зевесовъ, Діанъ, Юнонъ, Палладъ, Ахиллесовъ, они обезображиваютъ Классическое изящество Древнихъ,

Digitized by Google

изображая подъ сими миѳологическими именами своихъ *Леди*, *Лордовъ* и *Джентельменовъ*. Но въ ихъ ошибочныхъ изображеніяхъ, открывается наблюдателю новый міръ красотъ. Едва-ли не заключено въ Англійской Живописи такой-же великой отрасли успѣховъ для будущей Живописи, какую Англійская Поэзія представила въ теченіе вѣковъ Романтической литтературѣ Европы. Не говоря здѣсь, ни о фантастическихъ очеркахъ, въ какіе облекаютъ Англійскіе живописцы созданія Шекспирова генія, ни о юморическихъ картинахъ Англичанъ, ни объ изображеніяхъ родныхъ нравовъ и обычаевъ, мы обратимся на сей разъ именно къ тѣмъ картинамъ, на которыхъ Англичане представляютъ образы Классической Древности.

Картина Барри: рожденіе Венеры, можетъ быть почтена лучшимъ представителемъ Англійскихъ картинъ сего рода. Очеркъ съ оной приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа.

Предметъ картины взятъ живописцемъ изъ извѣстнаго миѳа, помѣщеннаго Гезіодомъ въ *Ѳеогоніи* его. Мысль, что Любовь одолжена рожденіемъ пѣнѣ бурныхъ, безмѣрныхъ водъ Океана, есть одна изъ глубокихъ и прекрасныхъ мыслей, столь обильно заключающихся въ Миѳологіи Грековъ.

Барри выбралъ то мгновеніе, когда новорожденная *богиня любви*, изъ пѣны морской, ступаетъ на землю: цвѣты разцвѣтаютъ уже подъ ея ногами; но эѳирный, дѣвственный станъ богини еще окружаетъ пѣна морскихъ волнъ, слившихся съ облака-

Digitized by Google

ми, на которыхъ улыбается уже коварный божокъ любви. Радуга легла на небесахъ; море отхлынуло отъ берега; морскія чудовища съ изумленіемъ смотрятъ на высшее совершенство созданія Природы— Любовь и Красоту.

Не ищите здѣсь *Древней Классической* красоты. Но если смотрѣть на рожденіе *Любви* — не *Венеры*, не *Киприды* — прелесть твореніи Барри очаровательна! Общность картины, и самая идея оной, могли родиться только въ душѣ островитянина, окруженнаго бурями, Океаномъ, великими его явленіями, и согрѣваемаго идеями, скрытыми, но глубокими и пламенными. Въ этомъ отношеніи, изученіе подробностей въ твореніи Барри важно для каждаго эстетика и художника.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Благопріятный случай доставилъ намъ много собственно-ручныхъ писемъ, записокъ и бумагъ знаменитаго Князя Потемкина-Таврическаго. Въ свое время, Издатель Телеграфа не оставитъ сдѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе, то есть, довести ихъ до свѣдѣнія публики. Многія изъ сихъ бумагъ важны въ историческомъ отношеніи, другія просто любопытны; таково-же и собраніе, писанныхъ къ Потемкину, отъ разныхъ особъ отношеній и писемъ, въ которомъ находятся письма Румянцова-Задунайскаго, Суворова, Графа Эрнста Миниха, поэта Майкова, Сумарокова, Генерала Муромцова (это былъ особенный любимецъ Потемкина), и проч. — На сей разъ прилагаемъ мы къ Телеграфу снимокъ почерка Князя Потемкина-Таврическаго. Вѣроятно, это записка, сдѣланная имъ для памяти, о разныхъ распоряженіяхъ; время написанія оной неизвѣстно. Въ подлинникѣ, на верху записки, отмѣтка: «*Исполнено.* — Вотъ содержаніе записки:

«Львова отправить въ Херсонъ для употребленія.

«Ежели-бы Ахматовъ скорѣе отправился, я-бы сего желалъ.

Digitized by Google

« Что былъ Адъютантомъ у Чернышева принять, и отправить.

« О рекрутахъ для флота.

« Какія здѣсь есть суммы, слѣдующія ко мнѣ, и сколько, дать мнѣ знать.

« Свѣчнаго мастера, красильнаго для суконной, и Калмычка, отправить въ Дубровну. »

Одинъ почтенный негоціянтъ пишетъ къ Издателю Телеграфа объ ошибкѣ, вкравшейся въ замѣчаніе объ Англійской торговлѣ, въ *Смѣси* № XIII-го Телеграфа сего года (стр. 141). Издатель покорно благодаритъ за указаніе грубѣйшей этой ошибки, происшедшей отъ неизвинительнаго недосмотра его, и проситъ читать упомянутое замѣчаніе, начиная съ половины 8-й строки, 141-й стр. XIII-й книжки, слѣдующимъ образомъ: « Надобно сообразить только одно, для понятія ихъ огромности, что весь оборотъ привоза и вывоза товаровъ въ Россіи, въ 1830 году, составлялъ съ небольшимъ *двадцать одинъ милльонъ* фунтовъ стерлинговъ, то есть, не болѣе *двухъ третьихъ долей* той суммы, на какую Англія отпустила однихъ бумажныхъ своихъ издѣлій. »

Въ 1712 году напечатана была въ Москвѣ книжка: « *Приклады, како пишутся комплементы раз-*

Digitized by Google

ные на Нѣмецкомъ языкѣ, то есть, писанія отъ потешашовъ къ потешашамъ, поздравительные, и сожалѣтельные, и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей. Переведены съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ,» и проч. (237 стр. in-8). — Разумѣется, что тогда эти *приклады* считались свѣтскимъ, высокимъ выраженіемъ вѣжливости и приличій. Но не угодно-ли видѣть ихъ образчика? Вотъ образчикъ любовнаго письма къ дамѣ, или, какъ названъ сей образчикъ — *Просительное писаніе нѣкотораго человѣка къ женскому полу* (стр. 215):

«Моя госпожа.

«Я предъ долгимъ временемъ честь искалъ съ вами въ компанію придти, и потомъ соизволенія просити, дабы я себя могъ за вашего преданнаго слугу почесть. Но понеже вы такъ побожны, что васъ нигдѣ индѣ, кромѣ церкви, видѣть не получаю, однакожъ я и на семъ святомъ мѣстѣ, чрезъ частое разсужденіе и усмотрѣніе васъ, яко такого изряднаго Ангела, толико желанія къ вашей знаемости получилъ, что я того долѣе не могу скрыти, но принужденъ оное вамъ съ достойнымъ почитаніемъ представить. Вы, моя госпожа, не имѣете чрезъ высокосклонное позволеніе мнѣ приступа ничего опасатися, дабы то вашей славѣ вредительно быти могло, понеже я позволеніе вашея пріязни такo буду во осмотрѣніи имѣть, что я вашимъ добродѣтелямъ никогда ущерба не приключу, и ни-

Digitized by Google

чего не воспріиму, что моей госпожѣ противно быть можетъ, якоже я вашимъ повелѣніямъ себя всегда въ должное послушаніе предаю, и трудитися буду случая искать, дабы я не однимъ именемъ, но въ дѣлѣ самомъ себя явити могъ,

Вашъ, моей госпожи,
прилѣжный слуга,

N. N.

Не льзя не улыбнуться, читая, какъ сіи *экспликаціи*, такъ и другія *экскузаціи* и *консолаціи* прикладовъ. Но кто станешъ смѣяться надъ ними, тотъ долженъ вспомнить, что у всякаго вѣка есть своя смѣшная сторона, и что не должно думать, будто не льзя будетъ посмѣяться будущему поколѣнію надъ нашимъ....

Digitized by Google

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Московскаго Телеграфа.

«Издатель Телеграфа думалъ и думаетъ, что непремѣнная обязанность Журналиста: не только *выдать* полное число обѣщанныхъ книжекъ и листовъ, но и *наполнить* ихъ, по мѣрѣ возможности, лучшимъ образомъ.»

Сіи слова, сказанныя въ заключеніе Телеграфа 1830 года, Издатель повторяетъ передъ публикою и въ заключеніе 1831 года, ибо сею книжкою Телеграфа, *сто шестьдесять восьмою* онъ начала изданія, заключается *сорокъ второй томъ*, и — *седьмой* годъ сего Журнала.

Издатель осмѣливается полагать, что не смотря на разныя препятствія и затрудненія, и въ 1831 году, *хотя отчасти*, подтвердилъ онъ на дѣлѣ мысль свою о *непремѣнной обязанности* Журналиста.

Издатель *предполагалъ было* въ 1831 году дать болѣе систематическій, болѣе обширный объемъ Телеграфу. Ему желательно было сдѣлать Телеграфъ *полнымъ представителемъ Современной Исторіи Европы и Современной Литтературы Европейской*. Онъ предполагалъ и въ отношеніи крити-

Digitized by Google

ческаго взгляда на Литтературу Русскую *болѣе углубляться въ основные недостатки оной, и представлять читателямъ взгляды на современное состояніе просвѣщенія, воспитанія, образованія отечественнаго.* Все это — оказалось *неудобоисполнимымъ*.... Издатель принужденъ былъ приняться за прежній планъ, стараясь по возможности представлять читателямъ достойное ихъ вниманія.

Такимъ образомъ, по части *Исторіи вообще*, читатели видѣли статью о *XVIII-мъ вѣкѣ* — сочиненіе одного изъ первыхъ Европейскихъ мыслителей; статьи: О *Крестовыхъ походахъ* и *Исторіи Австраліи*; отрывокъ изъ новаго сочиненія Шатобріана; любопытное мнѣніе Наполеона объ Исторіографахъ и Исторіи; статью: О Великихъ, П. А. Словцова. По частнымъ отраслямъ Исторіи и вспомогательныхъ оной знаній, Издатель помѣстилъ статьи: о Гіероглифахъ Египетскихъ, о Финансовой системѣ Лау, соч. Тьера, о Музыкѣ въ Италіи, соч. Фетиса. Любопытный споръ О. Іакинѳа съ Г-мъ Клапротомъ, объ Исторіи и Литтературѣ Китайской, и не менѣе замѣчательный споръ Европейскихъ ученыхъ объ Омирѣ — дополнили сіе отдѣленіе.

Къ Современной Географіи, Статистикѣ и теоріи Статистики, принадлежало въ Телеграфѣ нѣсколько статей. Таковы были статьи: о путешествіи Коцебу и Бичея; о Патагонахъ, соч. Лессона; о производствѣ тонкой шерсти въ Европѣ; о земледѣліи Англіи и Франціи; объ уменьшеніи

Digitized by Google

золота и серебра; объ общественномъ воспитаніи во Франціи; разборъ Дюпеновой диссертаціи, о доходахъ Франціи и Англіи; разборъ сочиненія Дюшателя о благотворительности. — Къ сему отдѣленію можно еще причислить: Отрывокъ изъ Записокъ Русскаго въ Парижѣ, и статью о Греціи, Г-на Петрова.

Теоріи и Исторіи Изящныхъ Искусствъ вообще, и Словесности особенно, посвящено было нѣсколько статей, *Европейскихъ*, какъ-то: извлеченіе изъ лекцій Авг. Шлегеля; статьи Экштейна: объ Англійской Драмѣ, объ Арабской Поэзіи, и объ Индійской Поэмѣ. — Сюда принадлежатъ также статьи: о жизни и сочиненіяхъ Курье, о новой школѣ во Французской Поэзіи, и о романахъ В. Гюго.

Въ отдѣленіи Изящной Словесности, читатели видѣли превосходное произведеніе Марлинскаго, повѣсть: *Страшное гаданье*. Здѣсь упомянемъ о другомъ произведеніи Марлинскаго, которое можно назвать перломъ Русской Словесности: мы разумѣемъ — *Письмо къ Эрману*. По нашему мнѣнію, въ Русской Словесности нѣтъ ничего, чтобы можно было поставить рядомъ съ этимъ произведеніемъ, гдѣ поэтическими красками изображены двѣ дикія, живописныя страны Россіи — *Сибирь* и *Кавказъ*, и гдѣ не знаете, чему болѣе удивляться: Наукѣ или Поэзіи, жизни, или дару слова!

Издатель съ удовольствіемъ помѣстилъ повѣсть П. П. Сумарокова: *Кольцо и Записка*; съ удоволь-

Digitized by Google

ствіемъ спѣшилъ познакомишь публику съ романами К. П. Масальскаго и И. Т. Калашникова, напечатавъ *отрывки*, къ нему доставленные. Изъ иностранной Словесности, Издатель представилъ отрывки изъ новыхъ сочиненій В. Гюго, Ф. Купера, и Леди Морганъ; двѣ повѣсти, Бенжаменъ-Констана и Жанлисъ; два отрывка изъ двухъ неподражаемыхъ созданій Гоффмана.

Отдѣленіе *Стихотвореній* было обогащено: переводомъ изъ Мильтона, Г-на Вронченки, и превосходнымъ произведеніемъ А. Ѳ. Вельтмана — *Эскандеръ*. Это далеко могло выкупить недостатокъ сего отдѣленія.

Какъ и прежде, было въ Телеграфѣ нѣсколько статей, по предметамъ, не входящимъ собственно въ планъ Телеграфа, но такихъ, которыя, по достоинству содержанія, Издатель почитаетъ обязанностью представлять читателямъ: разборъ Химіи Н. П. Щеглова, написанный Г-мъ Гессомъ; отрывокъ изъ Физики Д. М. Велланскаго; двѣ статьи И. М. Ястребцева; статья о книгѣ Г-дъ Сеже и Распаля, и статья о системѣ Жакото (продолженіе оной обѣщано).

Особенное вниманіе Издателя обращалось на *Исторію, Географію и Статистику отечественную*. Здѣсь, Издатель съ благодарностію долженъ упомянуть о доставленныхъ къ нему отъ почтенныхъ соотечественниковъ статьяхъ: Жизнь К. Я. Булгакова; Объ источникахъ Уложенія Царя Алексѣя Ми-

Digitized by Google

хайловича; два отрывка изъ Записокъ Артиллериста (І. Т. Р.); Письма о войнѣ съ Закубанцами (Г-на С.); отрывокъ изъ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ (Г-на Устрялова); о Нарвской битвѣ (Я. И. Де-Санглена); Письмо о В. И. Баженовѣ (Кн. . . ва); Извѣстія о древнихъ грамотахъ; Грамота Царя Алексѣя Михайловича, и Тульская писцовая книга (И. П. Сахарова); Двѣ грамоты Царя Михаила Ѳедоровича (отъ Г-на Попова); Дѣло о бѣлой воронѣ (отъ Г-на Ляликова); Поправки грамотъ (Г-на А—ва); О лжепатріархѣ Игнатіи (О. Архимандрита Аполлоса); Письмо морскаго офицера (Г-на Тр. . .); Замѣчанія къ путешествію на Кавказъ (А. Ѳ. Р.); Извѣстія объ Уральскѣ (Г-на Племянникова); Письмо изъ Иркутска (О. І. Б.); наконецъ важныя статьи: О податномъ званіи въ Россіи; отрывокъ изъ Прогулокъ въ окрестностяхъ Тобольска, П. А. Словцова; отрывокъ изъ Описанія Суджи и ея уѣзда, Г-на Дмитрюкова. — Издатель полагаетъ, что статьи о Географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ, и *Отечественныя извѣстія*, постоянно помѣщавшіяся въ Телеграфѣ, не были *излишними* для читателей.

Соображая такимъ образомъ содержаніе Телеграфа, читатели найдутъ, что въ 1831 году, было помѣщено въ ономъ до *восьмидесяти* статей, большаго и меньшаго объема, касательно Исторіи, Географіи, Статистики, Эстетики, Изящной Словесности, Естествознанія, Педагогіи, и другихъ наукъ и знаній. Присовокупивъ къ тому постоянное помѣщеніе *Современной Русской Библіографіи*, и допол-

Digitized by Google

неніе книжекъ множествомъ мѣлкихъ статей, извлекаемыхъ изъ современныхъ Журналовъ, Издатель осмѣливается думать, что и *седьмой годъ существованія Телеграфа былъ не вовсе безполезенъ для Русской публики.*

Издатель всегда долгомъ поставляетъ изъявлять глубокую благодарность за участіе въ Телеграфѣ, и за вниманіе къ оному, какія видитъ со стороны просвѣщенныхъ соотечественниковъ. И теперь сердце его преисполнено симъ чувствомъ.

При Телеграфѣ слѣдовало помѣстить 36 картинокъ Парижскихъ модъ, 12 изображеній модныхъ мебелей, 12 очерковъ съ картинъ и статуй, и *шесть* разныхъ рисунковъ, по числу частей, составляющихъ годовое изданіе Телеграфа. Изображеній мебелей и экипажей было 12, картинокъ модъ 33; но за то было помѣщено 14 очерковъ картинъ и статуй (картинъ: Герена, А. Дюрера, Лебрюня, Пуссеня, С. Розы (двухъ), Фанъ-Остада, Манжо, Барри, Норшкота и Фрагонарда; статуй: Эперсьё и Давида, Куэйроло, Коррадина), и *семь* разныхъ картъ, рисунковъ, портретовъ и снимковъ (Древняя Русская Космографія, Мексиканскіе гіероглифы, изображеніе Эстляндскаго крестьянина, портреты: Веллингтона и Талейрана, снимки почерковъ: Петра Великаго и Князя Потемкина-Таврическаго).

Если *Живописецъ* надоѣлъ, *кому-бы то ни было*, своею говорливостію, то, можетъ быть, извинятъ его, и не станутъ бранить, по извѣстной, и тысячу разъ повторенной поговоркѣ Латинской: de

Digitized by Google

mortuis aut bene aut nihil. Онъ почилъ въ мірѣ съ окончаніемъ 1831 года...

Издатель хотѣлъ было помѣщать въ 1831 году постоянно извѣстія о Парижскихъ, и слышаи о Московскихъ театрахъ; но первыхъ *не откуда* было взять, а о Московскихъ театрахъ — право, не льзя было сказать ни одного добраго слова. Молчаніе казалось въ такомъ случаѣ Издателю *благою частію*, и — онъ *избралъ ее*...

Въ заключеніе, Издатель сердечно желаетъ, чтобы всѣ другіе Русскіе Журналисты также искренно представили публикѣ свои отчеты за прошедшій годъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLII-й ЧАСТИ.

Стран.

Отрывки изъ Записокъ Рускаго въ Парижѣ, въ 1829 году..... 3

О великихъ. Соч. П. А. Словцова..... 18

Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія о Геологіи (И. М. Ястребцова)..... 153

Нынѣшнее состояніе Музыки въ Италіи. Соч. Фениса.....231,355

Путешествіе по южному Австральному Океану и вокругъ свѣта, Капитана Коцебу и Капитана Бичея..... 116,259

Списокъ съ дѣла о бѣлой воронѣ, отправленной изъ Переяславля въ Москву, въ 1719 году..... 137

Отрывокъ письма изъ Иркутска..... 288

Изслѣдованіе вопроса: *точно-ли жители Патагоніи необыкновеннаго роста?* Соч. Лессона..... 329

Грамата Ц. Алексія Михайловича, данная Бѣлевскому монастырю въ 1656 г..... 341

О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ..... 456

Мысъ бурь. Картинка Фрагонарда къ Камоэнсовой поэмѣ: *Лузитане*..... 486

Отрывки изъ сказанія: *Мстиславъ, Князь Тмутараканскій.* Соч. А. Ѳ. Вельтмана... 35

Замокъ Коппетъ. Повѣсть Г-жи Жанлисъ.... 39,177

Черты изъ жизни кота Мурра. Соч. Гоффмана.....255,385

Отрывокъ изъ романа: *Дочь купца Жолобова.* Соч. И. Т. Калашникова..... —

Digitized by Google

Стран.

О древней Поэзіи Арабовъ до Магаммеда. Соч. Барона Экштейна (*окончаніе*)..... 81
О романахъ В. Гюго. Статья Гна Шове..... 218
Recherches, etc. (Сравнительныя изысканія о доходахъ Франціи и Великобританіи). Соч. Барона К. Дюпена..... 303
Объ Индійской Поэзіи , и въ особенности объ одномъ эпизодѣ Магабхараты..... 411

Современная Русская библіографія 103, 241, 314, 439
Отечественныя извѣстія..... 130, 278, 343,
Изъясненія картинокъ..... 274, 348, 497
Смѣсь..... 141, 282, 350, 500,
Опытъ Издателя Телеграфа.....504

Новый Живописецъ Общ. и лит. № 21, 22, 23, 24.
Бесѣда у молодаго литтератора..... 342
Комедія о женскомъ уборѣ, называемомъ: *тепчикъ*. 363
Бытъ Малороссіи въ первую половину XVIII-го столѣтія..... 379
Споръ о веселости..... 392
Больный ученикъ..... 399
Разговоръ послѣ бесѣдъ у литтераторовъ — Къ читателямъ Живописца..... 415

При семъ томѣ находятся: *карта, изображающая древнюю Русскую Космографію; два очерка съ картинъ Манжо и Барри; два изображенія новомодныхъ мебелей Парижскихъ; три картинки Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ*, и, въ замѣну *трехъ* остальныхъ картинокъ модъ: *снимокъ почерка Князя Потемкина-Таврическаго, очеркъ съ картины Норткота, и картинка Фрагонарда.*

Digitized by Google

Къ № 24 Моск. Телег. 1831.

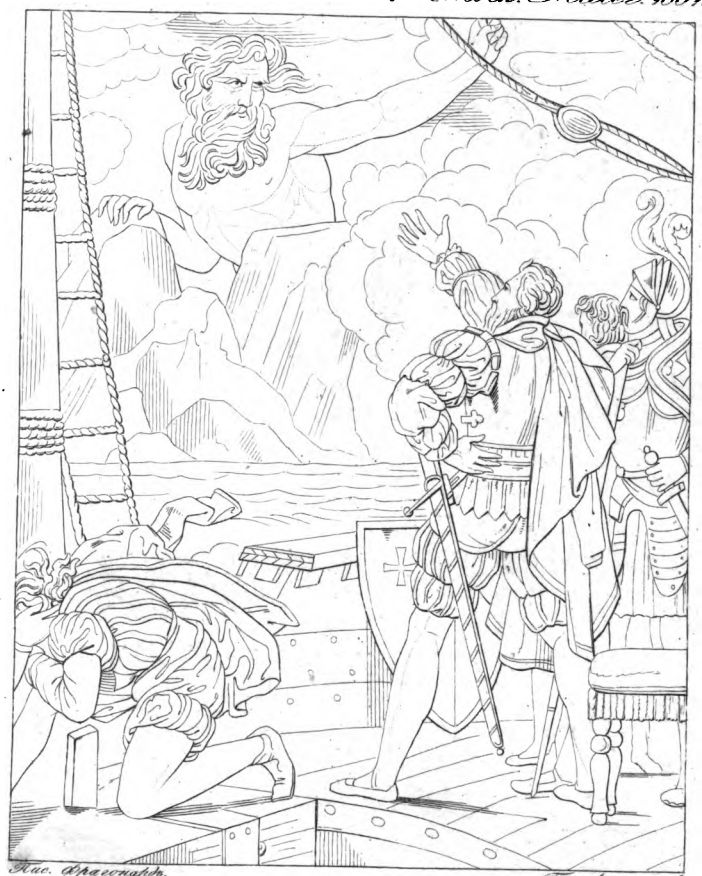


Рис. Фрагонардъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

№ N. 24. Моск. Телегр. 1831 г.

Рис. Барри. Гр. Агапиевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 24. Декабрь 1831.

РАЗГОВОРЪ

ПОСЛѢ БЕСѢДЪ СЪ ЛИТТЕРАТОРАМИ.

« Положимъ, что Русская Поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія; умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія... »

А. Пушкинъ. Статья его въ Телеграфѣ, 1825 года, томъ V-й, стр. 44).

Леонидъ и Филоѳей.

Леонидъ. Да! это грустно, это нестерпимо!

Филоѳей. Послушай, Леонидъ: не спросить-ли у тебя:

Скажи, что сдѣлалось съ тобою,
О чемъ печаль?
Не отъ любви-ль?..

Digitized by Google

Леон. Вотъ, какой вздоръ выдумалъ! Я и не думалъ о любви, не влюбленъ ни въ кого, и грущу совсѣмъ не о томъ.

Фил. Отъ чего-же ты такъ печаленъ?

Леон. Я удивляюсь, какъ ты можешь быть веселымъ, послѣ видѣннаго и слышаннаго нами. Признаюсь: обѣдъ у Родосова и вечеръ у Сплетнина *навѣяли на меня тяжелую думу*... Бѣдная, бѣдная Русская Литтература!

Фил. Такъ ты грустишь объ Русской Литтературѣ? Ха, ха, ха! — Позволь-же дочитать тебѣ стихи, мною начатые —

. . . . . Ахъ! всей душею
Тебя мнѣ жаль. . . .

Леон. Право, твои шутки совсѣмъ не кстати, и вотъ, позволь мнѣ сказать, одна изъ главныхъ причинъ жалкаго положенія Литтературы Русской: съ нею всѣ и всегда *шутятъ*.

Фил. Я готовъ доказывать противное. Мнѣ кажется, главная бѣда въ томъ, что на нее *слишкомъ важно смотрятъ*.

Леон. Но какъ-же иначе? Литтература — это важная часть общественной жизни, это голосъ общества — и ты хочешь, чтобы мы не уважали Литтературою?

Фил. Но пусть-же это уваженіе походитъ на сознаніе собственныхъ достоинствъ и благо-

Digitized by Google

родное честолюбіе, какое всегда должно таиться въ душѣ человѣка умнаго и образованнаго. Но что такое Литтература и литтераторы въ Русской землѣ? Наши литтераторы, какъ дѣти, ѣздятъ на палочкахъ верхомъ, и высоко задираютъ головы, думая, что они Рыцари и великіе Паладины.

Леон. Мнѣ досадно, милый другъ, слышать отъ тебя такую холодную насмѣшку на счетъ предмета собственныхъ нашихъ занятій. Можемъ-ли мы надѣяться создать что нибудь хорошее, если не будемъ уважать предмета трудовъ своихъ? И можно-ли съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ говорить о томъ поприщѣ, на которомъ являлись Державины, Ломоносовы, Фонъ-Визины, Крыловы, Грибоѣдовы...

Фил. Продолжай. Не забудь еще кого нибудь изъ этихъ залетныхъ лебедей, по которымъ ты думаешь, что лѣто Литтературы нашей уже настало? Вотъ это-то исчисленіе десятка, или двухъ десятковъ именъ, послѣ чего преважно восклицаютъ: *Русская Литтература* — всегда заставляетъ меня улыбаться, а иногда — извини откровенность — даже смѣяться...

Леон. Но почему-же?

Фил. Потому, что эти случайности, эти преждевременныя искры волкана, изрѣдка вылетавшія изъ могучей, огромной души Русскаго

Digitized by Google

народа, и предвѣщающія намъ, что *будетъ нѣкогда* Литтература Русская — починаемъ мы уже страшнымъ изверженіемъ.

Леон. Но почему-же называешь ты ихъ: *случайности, искры?*

Фил. Разсмотри самъ. Въ душу бѣднаго мальчика-рыбака, шому уже болѣе 100 лѣтъ, Богъ влагаетъ непреодолимое стремленіе учиться и знать. Онъ бѣжитъ изъ родительской хижины, кое-какъ, кое-гдѣ учится, хочетъ обхватить цѣлый міръ вѣдѣнія, и преждевременно сгараетъ отъ излишняго, неудовлетвореннаго порыва пылкой души. Чиновникъ, попавшись въ непріятныя обстоятельства, начинаетъ писать стихи, не имѣя понятія о поэзіи и стихотворствѣ, и не зная, что Провидѣніе одарило его геніальными способностями. Стихи его нравятся, хвалятся. Онъ поправляетъ свои обстоятельства, продолжаетъ служить, и иногда писать, не заботясь о вѣковой славѣ, думаетъ о своемъ стихотворствѣ, какъ досугѣ отъ Сенаторства, а о вѣнкѣ Пиндаровомъ, какъ о средствѣ, не послѣднемъ при службѣ. Далѣе: разсерженный острякъ, мимоходомъ, изображаетъ въ комедіи, что видѣлъ вокругъ себя, и не думаетъ о вдохновеніи, занимаясь службою и свѣтскою жизнью. Наконецъ, человѣкъ, съ необыкновеннымъ даромъ, живя въ глуши, на Кавказѣ,

Digitized by Google

отъ скуки и досады, изображаешь комическою кистью нѣсколько портретовъ, и пренебрегаешь даромъ своимъ, увлекаясь службою и другими важными дѣлами. Вотъ тебѣ — Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ. Какая тутъ Литтература? Всѣ эти люди были-ль слѣдствія общаго образованія и стремленія? Нѣтъ: это мимолетныя явленія людей — геніяльныхъ, если угодно, но они не образуютъ собою Литтературы, а потому —

Леон. Не хочешь-ли ты сказать, что Литтературы Русской *нѣтъ*?

Фил. Этого я не хочу сказать. По старинной поговоркѣ, природа не терпитъ пустоты, и, въ самомъ дѣлѣ, пустоты совершенной нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ природѣ, ни въ обществѣ. Литтература составляетъ такую важную часть общественной жизни, что на мѣстѣ ея пустота никогда не можетъ существовать. Въ самомъ младенчествѣ народовъ, даже когда они не знаютъ грамотѣ, начала Литтературъ у нихъ уже существуютъ.

Леон. Слѣдственно, и у насъ *есть Литтература*!

Фил. Нѣтъ — *есть начало Литтературы*, опыты, а не полныя явленія.

Леон. Чѣмъ ты докажешь это?

Фил. И обществомъ нашимъ, и самими лит-

Digitized by Google

шераторами, и, такъ называемою, *Русскою Литературою*. Начнемъ съ общества.

Тогда только назову я Литературу какого нибудь народа *голосомъ общества* и *выраженіемъ*, представителемъ *его*, если угодно, когда Литература будетъ необходимою потребностію общества, будетъ сильно занимать, двигать его, составитъ часть его бытія. Наше общество совсѣмъ не въ такомъ отношеніи къ Литературѣ, и — право, мало ему дѣла до Литературы! Не помню, гдѣ читалъ я, что донынѣ книга для Русскаго человѣка такая-же *вещь*, какъ часы, игрушки дѣтскія, или такое-же занятіе, какъ гулянье подъ Новинскимъ. Такъ-же хотятъ *почитать*, какъ смотрятъ на часы, покупаютъ дѣтямъ коньковъ и куколокъ, и ѣздятъ смотрѣть паяцовъ. Сообрази Русскую книжную торговлю, прислушайся къ разговорамъ нашимъ, вглядись на мѣста, занимаемыя въ обществѣ нашемъ литераторами, и ты удостовѣришься въ словахъ моихъ.

Леон. Ну, пусть такъ. Обратимся къ литераторамъ.

Фил. Да гдѣ они? Я не вижу, не знаю литераторовъ, hommes lettrés, какъ называютъ Французы. Я вижу: ученыхъ по званію, то есть, учителей, въ высшемъ или низшемъ значеніи этого слова; свѣтскихъ людей, которые ми-

Digitized by Google

мокодомъ пишутъ въ альбомы и альманахи, такъ, какъ играютъ они въ вистъ и ѣздятъ на охоту; людей, добывающихъ писаньемъ деньгу, и которые охотно примутся за карты, за ножницы, за палку, если только имъ будетъ это прибыльнѣе пера; чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, которые отъ скуки, для забавы, для денегъ, иногда и изъ видовъ по службѣ, кое-что *пописываютъ*...

Леон. Но вѣдь такъ бываетъ и у другихъ народовъ? Вальперъ-Скоттъ адвокатъ, Куперъ Посланникъ, Бенжаменъ-Констанъ былъ Депутатомъ, Шатобріанъ Перомъ, Гёте Министромъ.

Фил. Ты не замѣчаешь бездѣлицы: они были *литтераторы*, а все прочее было имъ приложено, потому именно, что они литтераторами были. Это доказывало и доказываетъ только то, какъ высоко цѣнили и цѣнятъ ихъ труды и дарованія соотечественники. Краснорѣчивое, пламенное перо сдѣлало Шатобріана Перомъ, а Б. Констана Депутатомъ, и съ однимъ адвокатствомъ никто и не зналъ-бы въ Англіи В. Скотта, а безъ *Фауста*, *Вертера* и *Гёца*, никогда Гёте не сдѣлался-бы другомъ Государя, и не былъ Министромъ его.

Леон. Неужели и ты думаешь, что для Литтературы надобно ободренія общества или дамъ,

Digitized by Google

и жалуешься, что у насъ въ Россіи этого нѣтъ?

Фил. Избави насъ Богъ! Думая такъ, я походилъ-бы на Родосова, который полагаетъ, что Литтературу можно завести у себя, какъ заводятъ бумаго-прядильню, или суконную фабрику. Ты меня спрашивалъ о Русской Литтературѣ, и я говорилъ тебѣ о томъ, какъ она *теперь есть*. Все идетъ своимъ чередомъ. Литтературѣ у насъ время еще не пришло, и его не подвинутъ никакія частныя усилія. Повѣрь, что если-бы даже Правительство захотѣло, не только что вельможа или дама какая вздумали, покровительствовать особенно и всячески Литтературѣ, и стараться создать ее, то все было-бы безуспѣшно, и кончилось-бы пустяками. То, что произведутъ всѣ ихъ усилія, будетъ похоже на оранжерейныя, или парниковыя растенія. Явись теперь у насъ подобныя покровительства — что-же? Къ Меценатству, къ нашей Севинье, станутъ сбираться смотрѣть на литтераторовъ, какъ смотрятъ на заморскихъ звѣрей у Лемана. Награды и поощренія произведутъ торгашей, наемниковъ, льстецовъ, которые, по выраженію Державина, *даже и хвалить не умѣютъ*, а не литтераторовъ и не Литтературу. Вспомни Итальянскую Оперу въ Москвѣ и въ Петербургѣ — вотъ тебѣ вѣрная исторія дѣла, не самобытно возникшаго,

Digitized by Google

но поставленнаго на искуственныя ходули. Это былъ Навуходоносоровъ болванъ, съ золотою головою, и съ глиняными ногами.

Послѣ этого, ты позволишь мнѣ смѣяться надъ литтературною нашею спѣсью, и надъ твоею литтературною Іереміадою.

Леон. Время, время! Да время и никогда не придетъ, если мы сами не будемъ стараться...

Фил. *Рады стараться!* — воскликну я тебѣ по-солдатски; да скажи, пожалуй: что можемъ мы сдѣлать? Ну, думай, шуми, плачь, хнычь, дуйся, какъ Езопова лягушка! *Время никогда само не придетъ*, говоришь ты. Какая нелѣпость! Придетъ оно, придетъ, милый другъ, и его ничто не остановитъ, такъ, какъ ничто и не подвинетъ его. И оно идетъ, движется, незамѣтно, безпрерывно, движетъ и насъ съ собою, такъ, что мы этого сами не замѣчаемъ. Посмотри на то, что сдѣлано въ Литтературѣ съ 1732 по 1832-й годъ. Собственно говоря, ничего отдѣльно представить мы не можемъ: но сколько пророческихъ искръ вылетѣло уже изъ души Русской въ эти сто лѣтъ, и какъ вся общность подвинулась! Все это мало, недостаточно, но частныя явленія были великія, начало сдѣлано, и *Димитрій Донской* стоитъ въ такомъ-же великомъ раз-

Digitized by Google

спояніи отъ *Семиры*, въ какомъ отъ него находился *Борисъ Годуновъ*; читатель *Мартиза Глаголя* такъ же описалъ отъ читателя *Амеліи Мансфильдъ*, какъ этотъ остался назади за читателемъ *Сенъ-Марса*; Грибоѣдовъ, съ своимъ *Горемъ отъ ума*, такъ-же выше Фонъ-Визина съ его *Недорослемъ*, какъ Фонъ-Визинъ былъ выше Сумарокова, съ его *Чудовищами* (*).

Мы уже не доживемъ, милый другъ, до того времени, когда и въ Россіи Литтература займетъ важную степень между общественными отношеніями; когда общество, просвѣщенное, образованное, умѣющее оцѣнять эстетическія наслажденія, поставитъ Литтературу и Изящныя Искусства въ числѣ необходимостей жизни; когда всѣ званія станутъ понимать достоинства и заслуги Литтератора; когда обильная ученіемъ, образованіемъ, сильными твореніями, Литтература будетъ цвѣтущимъ, самобытнымъ, великимъ созданіемъ великаго народа. Теперь намъ еще нѣкогда и думать объ этомъ. У насъ столько другихъ дѣлъ и занятій. Не смѣшно-ли требовать Литтературы, когда мы едва грамотѣ знаемъ? Или созданій великихъ,

---

(*) То есть, комедіею: *Чудовищи*, напеч. въ Москвѣ, *4-мъ изданіемъ*, въ 1786 году.

Digitized by Google

когда образованіе и просвѣщеніе не даютъ къ тому средствъ? Или ученыхъ твореній, когда у насъ нѣтъ еще порядочныхъ учебныхъ книжонокъ? — Я воображаю себѣ нынѣшнее общество Русское Русскимъ помѣщикомъ, который прожилъ зиму въ Москвѣ, и ѣдетъ на лѣто въ деревню, пахать, сѣять, жать, косить, рубить лѣсъ, переводить крестьянъ на пашню, сбирать съ другихъ оброкъ, курить вино. День отъѣзда — пиа хлопотъ! Тутъ готовятъ экипажи, приходятъ со счетами, шумятъ, прощаются, визитируютъ, ѣздятъ въ магазины, въ лавки, толкуютъ съ повѣреннымъ о процессѣ. Дѣти говорятъ отцу, что надобно-бы *книжекъ купить.* «Ахъ, да!» восклицаетъ отецъ, «экая досада; вѣдь подлѣ Ширяева лавки былъ, покупалъ вина и Прованское масло на Кузнецкомъ мосту — ну! теперь *нѣкогда*, да и *денегъ нѣтъ* — да и *когда* читать, да и *что* читать, и *на что* читать! Вамъ, сударь, должно учить уроки, да готовиться на зиму въ полкъ; а вамъ, сударыня, мало-ли занятій: вѣдь вы ужъ, слава Богу, дѣвушка на возрастѣ; пора и не о книгахъ думать, а о чемъ нибудь другомъ.». . Вѣренъ-ли этотъ портретъ?

Леон. Но онъ не будетъ вѣренъ въ приложеніи къ Литтературѣ...

Digitized by Google

Фил. Тутъ объ Литературѣ можно повторить слова де-Виньи: Elle devient ce qu'elle peut.

Леон. Я укажу тебѣ однакожъ на сотни примѣровъ, какіе успѣхи, какой восторгъ читателей сопровождали многія явленія Литературы Русской...

Фил. Не льзя-ли потише! Во-первыхъ, изъ сотенъ прошу спуститься на десяшки, ежели еще не на единицы. Далѣе скажу тебѣ, что каждое объявленіе о Русской книгѣ мнѣ кажется похожимъ на объявленіе Хемницерова хитреца,

Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ онъ, весь, каковъ онъ есть,
Съ руками,
И съ ногами,
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.

Теперь, любопытство, возбуждаемое въ нашей публикѣ, почь въ почь похоже на толки, какіе возбудило объявленіе объ этомъ хитрецѣ:

. . . Ба! что такое?
Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ! съ ума сошелъ — пустое!
Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ поймешъ,
Что способа тутъ нѣтъ,
Хоть какъ ни сталъ-бы онъ ломаться!
Однакожъ, чтобы посмѣяться,
Поѣдемъ, поглядимъ, что это за чудакъ!»

Digitized by Google

И это любопытство, эту прихоть, которая является въ публикѣ при всякой новости, ты почитаешь восторгомъ и успѣхомъ, когда они, просто за просто — желаніе видѣть: какъ въ узенькій кувшинъ залѣзешь Русскій писака? Кромѣ немногихъ исключеній, Русскіе литтераторы обѣщаютъ лѣзть въ кувшинъ, а публика смотритъ на ихъ усилія, и любуется.

Леон. Перестань, ради Бога! Если это и правда, то ее прискорбно слушать.

Фил. Но между тѣмъ *должно*, и ты напрасно съ досадою воспоминаешь бесѣду нашу у Родосова и у Сплетнина. Учись изъ подобныхъ бесѣдъ составлять истинныя понятія о предметахъ и вещахъ. Родосовъ, и друзья его, суть живое изображеніе того, какъ смотрѣли на Литтературу лѣтъ за тридцать, за сорокъ, наши литтераторы; Сплетнинъ, съ его компаніею, снимокъ, какъ смотритъ на нее новое поколѣніе литтераторовъ. Взгляни на общество, опредѣли степень нашего образованія и просвѣщенія, ожидай въ будущемъ, дѣлай самъ, что можешь, въ надеждѣ, что *не мнѣ, такъ внукамъ пригодится*, а между тѣмъ не требуй, чтобы дитя въ пеленкахъ плясало менуэтъ. Я ни мало не дивлюсь, замѣчая у насъ мѣлкость литтературную, не видя примѣровъ высокаго самоотверженія, и находя повсюду безцвѣтность, хо-

Digitized by Google

лодность, подражательность. Отъ этихъ-ли пестрыхъ куколъ; отъ этихъ-ли человѣчковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданій! У нихъ всѣ дѣтскіе пороки! Самохвальство, горделивость, невѣжество, мелочную зависть, сплетни, подражательность — все это найдешь ты въ Литтературѣ нашей, и — ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослаго человѣка... Да что я заговорилъ такимъ языкомъ?.. Съ Литтературою Русскою надобно шутить и смѣяться, потому, что на дѣтей сердиться грѣшно и смѣшно. Пусть Критика ставитъ иногда Русскихъ литтераторовъ въ уголъ, за шалости; пусть публика иногда даритъ вниманіемъ своимъ ихъ *стишки* и *твореньица*, какъ дарятъ дѣтей обновками къ празднику — и только! — Знаешь-ли, что теперь было-бы всего полезнѣе для Литтературы Русской?

Леон. Явленіе великихъ литтераторовъ?

Фил. Да гдѣ ихъ намъ взять? Вѣдь ихъ не льзя ни садить, ни сѣять.

Леон. Распространеніе истинныхъ понятій о Литтературѣ, о литтераторахъ, или здравыя понятія о теоріи, и ознакомленіе съ великими образцами?

Digitized by Google

Фил. Сперва надобно выучиться все это понимать. — Нѣтъ! я желалъ-бы видѣть *Исторію Русской Литтературы*, написанную въ родѣ Ришаролева *Словаря великихъ-малыхъ людей* (Petit Almanach des grands-hommes), и теорію того, какъ писать всякія литтературныя *штуки*, создавать литтературные пустяки, и изъ нихъ составлять Литтературу.

Леон. Но какая-же польза? Насмѣшка не теорія, и эпиграмма не доказательство.

Фил. Знаю, но часто онѣ полезнѣе вашихъ теорій и доказательствъ. Не всякій станетъ читать толстыя, Русско-Нѣмецкія Эстетики; еще менѣе понимать могутъ ваши силлогизмы; а посмѣяться всякій радъ, и шутку каждый пойметъ.

Леон. Вѣкъ апологическихъ нравоученій проходитъ...

Фил. Никогда онъ не пройдетъ, пока не наступитъ время, въ которое можно будетъ говорить людямъ все, или, какъ говорится, когда будетъ, *что на умѣ, то и на языкѣ*. Но если вы хоть немного знаете людей, то согласитесь, что такого времени долго еще не дождаться бѣлому свѣту.

Леон. Правда!

Фил. Чего-же тебѣ болѣе? Шути, когда не льзя важничать! Для добраго дѣла всякій спо-

Digitized by Google

собъ хорошъ, за всякое средство спасибо. Недавно сдѣлалъ я маленькій опытъ обозрѣнія современной нашей Литтературы, и составилъ дидактическое разсужденіе о цѣли, средствахъ, и слѣдствіяхъ Литтературъ вообще, и особенно Литтературы Русской. Хочешь-ли прочесть? Это опыты, въ родѣ тѣхъ книгъ, которыхъ я желаю появленія. Я принесу къ тебѣ то и другое.

Леонидъ. Очень радъ. Можетъ быть, не соглашусь съ тобой, такъ, какъ и теперь несогласенъ во многомъ; но въ томъ я согласенъ совершенно, что

Смѣяшься, право, негрѣшно,
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно...

Фил. Коли на эпиграфы пошло, то и я тебѣ могу сказать также —

Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
Лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ...

Это было напечатано на *Русалкѣ*, и подъ этимъ эпиграфомъ нелѣпая Русалка пережила болѣе 25 лѣтъ. Дай Богъ такого долголѣтія лучшей изъ современныхъ поэмъ нашихъ Романтиковъ!

Digitized by Google

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Симъ заключаются, Мм. Гг., бесѣды съ вами стараго вашего знакомца, *Новаго Живописца Общества и Литтературы*. Онъ — приказалъ вамъ долго жить!

Сдѣланный литтературнымъ его душеприкащикомъ, я собралъ и печатаю отдѣльно статейки *Живописца*. Къ тому, что уже извѣстно читателямъ Телеграфа, будетъ присовокуплено еще нѣсколько неизвѣстныхъ имъ статей, и окончанія начатыхъ при Телеграфѣ. Все это составитъ *шесть* небольшихъ книжекъ. *Четыре* уже вышли; *двѣ* остальныя не замедлятъ явиться. Въ началѣ первой приложено мною подробное, біо-некро-библіографическое извѣстіе о Живописцѣ.

Теперь, Мм. Гг., на прощаньи съ этимъ старикомъ, скажите по совѣсти: неужели вы его *лихомъ помянете*? — Право, Мм. Гг., это было-бы несправедливо. Старикъ этотъ былъ иногда бранчивъ, иногда слишкомъ брюзгливъ, но— какой-же изъ стариковъ не подверженъ этимъ слабостямъ? По крайней мѣрѣ, согласитесь, что Живописецъ желалъ добра, училъ не худу, и, хотъ отчасти, сдержалъ слово, данное имъ въ 13-й книжкѣ Телеграфа 1829 года, на стр. . . . . —

Digitized by Google

Если-же добрый старикъ этотъ надоѣлъ вамъ, то поступите, Мм. Гг., какъ поступаютъ наслѣдники скупаго, богатаго старика: пожалѣйте по наружности, и порадуйтесь тихонько, про себя. — Но какое-же наслѣдство оставляетъ Живописецъ? спросите вы, можетъ быть, у меня. А вотъ какое, Милостивые Государи: искреннее желаніе, чтобы другіе писали лучше его, и были притомъ здравы, долгоденственны, и благоденственны. Не отъ всякаго писателя дождетесь вы такого богатаго наслѣдства!

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, честь имѣю быть, вашъ,

Мм. Гг.

Господа Читателя Телеграфа,
покорнѣйшій слуга

Издатель Телеграфа.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва Апрѣля 30 дня 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи августа семена.

Digitized by Google